

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
241

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2015

УДК 902/904
ББК 63.4
К 78

**Краткие сообщения Института археологии
Вып. 241 2015**

Главный редактор:
Академик РАН Н. А. Макаров

Издание основано в 1939 г.
Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

д-р П. Бан, проф. А. Блюене, проф. М. Вагнер, проф. М. Волошин, д. и. н. М. С. Гаджиев,
проф. О. Далли, проф. К. фон Карнап Борнхайм, чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин, д. и. н. А. К. Левыкин,
чл.-корр. РАН Н. В. Полосьмак, д-р Т. Хайм, д-р Б. Хорд, д-р Чжан Со Хо

Редакционная коллегия:

д. и. н. Л. И. Авилова (зам. гл. ред.), к. и. н. К. Н. Гаврилов, д. и. н. М. В. Добровольская,
д. и. н. А. А. Завойкин, д. и. н. В. И. Завьялов, проф. М. Казанский, д. и. н. А. Р. Канторович,
к. и. н. В. Ю. Коваль, к. и. н. Н. В. Лопатин, к. и. н. Ю. В. Лунькова (отв. секретарь редакции),
чл.-корр. Болгарской АН В. Николов, Ю. Ю. Пиотровский, к. и. н. Н. М. Чаиркина,
д. и. н. В. Е. Щелинский

К 78 Краткие сообщения Института археологии. Вып. 241 / Ин-т археологии РАН; Гл. ред. Н. А. Макаров. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 480 с., ил., вкладка.

ISSN 0130-2620

ISBN 978-5-9908330-8-1

УДК 902/904
ББК 63.4

BRIEF COMMUNICATIONS OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
Editor-in-chief Academician N. A. MAKAROV

На задней стороне обложки изображено донце сосуда с антропоморфным клеймом с селища Новиково I (к статье К. И. Панченко)

Подписка на журнал оформляется по Объединенному каталогу
«Пресса России», т. 1, индекс 11907.
Электронный адрес редакции: ksia@iaran.ru.

Адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19;
Телефон +7 (499) 126-47-98, Факс +7 (499) 126-06-30
E-mail: ksia@iaran.ru

ISBN 978-5-9908330-8-1

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук, 2015
© Авторы, 2015
© Языки славянской культуры, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

КАМЕННЫЙ И БРОНЗОВЫЙ ВЕКА

<i>Ожерельев Д. В.</i> Культурно-хронологическое определение каменных находок из слоя 129 многослойной раннепалеолитической стоянки Мухкай II	7
<i>Пахунов А. С., Лев С. Ю.</i> Комплексная исследовательская фотосъемка скульптуры бизона с Зарайской стоянки: предварительные результаты	20
<i>Рыбин Е. П., Мецгерин М. Н.</i> Стоянка Колпаков Ручей: ранний верхний палеолит в среднем течении реки Ангары (Сибирь, Красноярский край)	28
<i>Сорокин А. Н., Хамакава М.</i> Жилища стоянки Шагара 4	42
<i>Мельник В. И.</i> Цветовая триада в погребальной обрядности бронзового века степей Восточной Европы	59
<i>Дэвлет Е. Г.</i> Новые материалы к проблеме тихоокеанских аналогий изображениям личин в наскальном искусстве Амура и Уссури	68
<i>Сотникова С. В.</i> Джетыгарское копы и синташтинско-петровская погребальная традиция: к реконструкции образа и представлений	78
<i>Кузьминых С. В., Луньков В. Ю., Орловская Л. Б.</i> О металле культового памятника эпохи бронзы на Шайтанском озере (Средний Урал)	89

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

<i>Маслов В. Е.</i> Черногоровское погребение в степном Предкавказье	95
<i>Завойкина Н. В.</i> Симпосий в археологическом контексте	103
<i>Ковальчук А. В.</i> Религиозная жизнь на поселении «Сиреневая бухта»	109
<i>Мальшев А. А., Грешников Э. А., Васильев А. Л.</i> Погребальные сооружения эпохи эллинизма Горгиппийской хоры	125
<i>Паромов Я. М.</i> Краеугольный камень Таманской палеогеографии	137
<i>Янишевский Б. Е.</i> Новые данные о памятниках раннего железного века и эпохи переселения народов в Верхнем Москворечье	153
<i>Сыроватко А. С., Потемкина О. Ю., Трошина А. А., Свирикина Н. Г.</i> Новые данные о хронологии могильников Щуровского типа: погребение в Соколовой Пустыни из раскопок 2014 года	165
<i>Кулаков В. И.</i> Внешние контакты эстиев по данным вооружения и конского снаряжения	173
<i>Румянцева О. С., Щербаков И. Б.-Х.</i> Краткие итоги изучения состава стекла-сырца с поселения Комаров на Среднем Днестре	184

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

<i>Седов Вл. В.</i> Каменные стены Боголюбова. Исследования 2015 года	191
<i>Стрикалов И. Ю., Чернецов А. В.</i> Новые находки ювелирных матриц из Старой Рязани	202
<i>Мастыкова А. В.</i> Зеркало из «княжеского» погребения гуннского времени с поселения Мухино 2 на Верхнем Дону	207
<i>Коробов Д. С., Малашев В. Ю.</i> Новые комплексы аланской культуры эпохи Великого переселения народов из окрестностей Кисловодска	214
<i>Флёрв В. С.</i> Семикаракоры: восточная стена крепости и донжон	230
<i>Королева М. С.</i> Способы декорирования платья и головного убора древней мордвы Вадского бассейна в VIII–IX вв.	245
<i>Зайцева И. Е.</i> Цветной металл украшений могильника Шекшово 9 X–XI вв. в Суздальском Ополе (химический состав)	252
<i>Жилина Н. В.</i> Реконструкция венца Владимира Святого (на основании изображений на монетах)	263

<i>Седов В. В., Кузина И. Н., Сапрыкина И. А., Пельгунова Л. А.</i> Перстень-печатка со стеклянной вставкой из новгородского Пантелеймонова монастыря	275
<i>Моргунов Ю. Ю.</i> Сложение посольского рубежа Переяславской земли	284
<i>Панченко К. И.</i> Клейма на донцах керамических сосудов с селища Новиково I конца XII – XIII в. в Липецкой области.	297
<i>Олейников О. М., Долгих А. В.</i> Результаты УМС радиоуглеродного датирования городни детинца Великого Новгорода из раскопок М. Х. Алешковского в 1959 г.	307

АРХЕОЛОГИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

<i>Беляев Л. А., Шуляев С. Г.</i> Надгробие подъячего из Приказа Новодевичьего монастыря	319
<i>Елкина И. И.</i> Оплечье XVII в. из слободы Новодевичьего монастыря	323
<i>Старков В. Ф.</i> Удаленные промыслы русских поморов в XV–XVIII вв.	328
<i>Державин В. Л.</i> О культурной атрибуции «лагеря Чичагова» на Шпицбергене.	333
<i>Буров В. А.</i> Черепичные кровли на Соловках в XVII–XIX вв. (по историко-археологическим данным).	344

УЧЕТ И ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ

<i>Комаров К. И.</i> Памятники археологии Переславского района Ярославской области по данным мониторинга	350
<i>Кашкин А. В., Самойлович Н. Г.</i> Об одном сооружении петровского времени в Ростове Великом	353
<i>Нефёдов В. С.</i> Первая программа археологического изучения Смоленской губернии	359
<i>Бегунова В. В.</i> Из истории археологических исследований Смядынского предместья в Смоленске	368

МЕТОДЫ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК В ИЗУЧЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ И ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

<i>Яворская Л. В., Антипина Е. Е., Энгватова А. В., Леонтьев А. Е.</i> Изотопный анализ и вопросы реконструкции палеодиеты домашних животных в средневековых городах Восточной Европы	380
<i>Энгватова А. В., Медникова М. Б., Тарасова А. А.</i> Опыт биоархеологической реконструкции состояния здоровья и профессиональной специализации жителя средневекового Ярославля (погребенный № 2 из сооружения 76)	387
<i>Антипина Е. Е., Яворская Л. В., Ситдиков А. Г.</i> Необычные изделия из бараньих лопаток из ремесленного квартала Болгарского городища (раскопки 2013–2015 гг.).	402

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

<i>Горская О. В., Медведева М. В.</i> Коллекция П. А. Маврогородато в Отделе античного мира Эрмитажа: история поступления и проблемы атрибуции.	409
<i>Платонова Н. И.</i> Архитектор-археолог П. П. Покрышкин: страницы биографии.	422
<i>Кызласов И. Л.</i> Притяжение археологии. Довоенная провинциальная история.	437

ХРОНИКА

<i>Гайдуков П. Г., Дэвлет Е. Г., Шорунова Ю. Н.</i> Новые материалы и интерпретации в археологических исследованиях.	445
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	450
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	452
УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 231–240 ВЫПУСКАХ КРАТКИХ СООБЩЕНИЙ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ	453
ЦВЕТНАЯ ВКЛЕЙКА	465

CONTENTS

STONE AND BRONZE AGES

<i>Ozherelyev D. V.</i> Cultural and chronological attribution of stone finds from layer 129 at the Mukhkai II multilayer Early Palaeolithic station	7
<i>Pakhunov A. S., Lev S. Yu.</i> Complex research photography of the bison figurine from the Zaraisk station: Preliminary results	20
<i>Rybin E. P., Meshcherin M. N.</i> Kolpakov Ruchey site: Early Upper Paleolithic on the Middle Angara River (Siberia, Krasnoyarsk region)	28
<i>Sorokin A. N., Khamakava M.</i> Dwellings at Shagara 4 station	42
<i>Melnik V. I.</i> The colour triad in the burial rite of the East European steppes in the Bronze Age	59
<i>Devlet E. G.</i> New materials for revising transpacific analogues to anthropomorphic mask-faces in rock art of the Amur and Ussuri regions	68
<i>Sotnikova S. V.</i> A Zhetikara spear and the Sintashta–Petrovka burial tradition: Reconstruction of the image and concepts	78
<i>Kuzminykh S. V., Lunkov V. Yu., Orlovskaya L. B.</i> Metal from a Bronze Age ritual site on Shaitanskoe Lake (Middle Urals)	89

IRON AGE

<i>Maslov V. E.</i> A Chernogorovsky burial in the North Caucasus steppe piedmonts	95
<i>Zavoikina N. V.</i> Symposium in the archaeological context	103
<i>Kovalchuk A. V.</i> Religious life at the Sirenevaya Bay settlement	109
<i>Malyshev A. A., Greshnikov E. A., Vasiliev A. L.</i> Burial constructions of the Hellenistic period at the Gorguippian chora	125
<i>Paromov Yu. M.</i> The cornerstone of the Taman paleogeography	137
<i>Yanishvsky B. E.</i> New data on the sites of the Early Iron Age and Migration period on the Upper Moskva River	153
<i>Syrovatko A. S., Potemkina O. Yu., Troshina A. A., Svirkina N. G.</i> New data on the chronology of Shchurovo-type cemeteries: a grave in Sokolova Pustyn' from the 2014 archaeological excavations	165
<i>Kulakov V. I.</i> External contacts of the Aestii based on weapon and horse trappings data	173
<i>Rumyantseva O. S., Scherbakov I. B.-Kh.</i> Composition of raw glass from the Komarov settlement on the Middle Dniester: Summary of study results	184

MIDDLE AGES

<i>Sedov Vl. V.</i> Stone walls of Bogolyubovo. Studies of 2015	191
<i>Strikalov I. Yu., Chernetsov A. V.</i> New finds of jewellery making dies in Staraya Ryazan	202
<i>Mastykova A. V.</i> A mirror from a princely grave of the Hun period from Mukhino 2 in the Upper Don region	207
<i>Korobov D. S., Malashev V. Yu.</i> New assemblages of the Alan culture from the Migration period near Kislovodsk	214
<i>Flyorov V. S.</i> Semikarakory: the eastern wall of the fortress and the donjon	230
<i>Koroleva M. S.</i> Methods of decorating garments and headwear of the medieval Mordvins from the Vad region in the 8 th – 9 th centuries	245
<i>Zaytseva I. E.</i> Non-ferrous metal of the jewelry pieces from the Shekshovo 9 cemetery of the 10 th – 11 th centuries in Suzdal Opolye (chemical composition)	252
<i>Zhilina N. V.</i> Reconstruction of the crown of the Grand Prince St. Vladimir (based on the images on coins)	263

<i>Sedov V. I., Kuzina I. N., Saprykina I. A., Pelgunova L. A.</i> A signet ring with a glass inset from the Novgorod Saint Panteleimon monastery	275
<i>Morgunov Yu. Yu.</i> Development of the Sula River frontier of the Pereyaslavl Land	284
<i>Panchenko K. I.</i> Stamps on the bottoms of ceramic pots from the unfortified settlement of Novikovo I dated to the late 12 th – 13 th centuries in the Lipetsk Region	297
<i>Oleynikov O. M., Dolgikh A. V.</i> Results of the AMS radiocarbon dating of the blockhouse from the Veliky Novgorod Kremlin from M. Kh. Aleshkovsky's excavations of 1959	307

ARCHAEOLOGY OF THE MODERN TIMES

<i>Belyaev L. A., Shulyaev S. G.</i> Tombstone of a scrivener of the Novodevichy Convent Prikaz	319
<i>Elkina I. I.</i> The oplechye of the 17 th century from the residential quarter of the Novodevichy Convent	323
<i>Starkov V. F.</i> Remote traditional livelihoods of the Russian Pomors in the 15 th –18 th centuries	328
<i>Derzhavin V. L.</i> Cultural attribution of the Chichagov camp on the Spitsbergen Archipelago	333
<i>Burov V. A.</i> Dating the grey-burnished roof tiles on the Solovki Isles (based on historical and archaeological data)	344

MONITORING AND PROTECTION OF ARCHAEOLOGICAL SITES

<i>Komarov K. I.</i> Archaeological sites in the Pereslavl District of the Yaroslavl Region based on monitoring results.	350
<i>Kashkin A. V., Samoylovich N. G.</i> One structure of the Peter I times in Rostov the Great.	353
<i>Nefedov V. S.</i> The first program of archaeological studies in the Smolensk Province	359
<i>Begunova V. V.</i> From the history of archaeological studies of the Smyadyn outskirts in Smolensk	368

METHODS OF NATURAL SCIENCES IN RESEARCH OF ARCHAEOLOGICAL OBJECTS AND PALAEOANTHROPOLOGICAL MATERIALS

<i>Yavorskaya L. V., Antipina E. E., Engovatova A. V., Leontyev A. E.</i> Stable isotope analysis and reconstruction of domesticated animals' palaeodiet in the medieval cities of Eastern Europe	380
<i>Engovatova A. V., Mednikova M. B., Tarasova A. A.</i> Experience of bioarchaeological reconstruction of health status and professional specialization of inhabitants in medieval Yaroslavl (buried individual No. 2 from grave 76)	387
<i>Antipina E. E., Yavorskaya L. V., Sitdikov A. G.</i> Unusual items made of ram shoulder bone from the craftsmen's quarter at the Bolgar Hillfort (2013–2015 excavations)	402

HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL SCIENCE

<i>Gorskaya O. V., Medvedeva M. V.</i> P. A. Mavrogordato's collection in the Hermitage Department of Classical antiquities: History of acquisition and attribution issues.	409
<i>Platonova N. I.</i> Biography of P. P. Pokryshkin, the architect and archaeologist	422
<i>Kyzlasov I. L.</i> Attraction of archaeology. Pre-war provincial history	437

CHRONICLE

<i>Gaydukov P. G., Devlet E. G., Shorunova Yu. N.</i> New materials and interpretations in archaeological investigations	445
--	-----

ABBREVIATIONS.	450
SUBMISSION GUIDE.	452
INDEX OF ARTICLES PUBLISHED IN ISSUES 231–240.	453
COLOUR PLATES.	465

КАМЕННЫЙ И БРОНЗОВЫЙ ВЕКА

Д. В. Ожерельев

КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАМЕННЫХ НАХОДОК ИЗ СЛОЯ 129 МНОГОСЛОЙНОЙ РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ МУХКАЙ II

Резюме. Статья посвящена изучению археологических находок каменных изделий из слоя 129 многослойной раннепалеолитической стоянки Мухкай II. Стоянка Мухкай II исследуется с 2008 г. За годы работ на ней разведочной траншеей была вскрыта раннеплейстоценовая толща мощностью 73 м. Древнейшие для данного памятника находки были сделаны в слое 129 на глубине 68,6–72,7 м от условного репера. В статье характеризуется стратиграфия раскопа, где были получены каменные изделия, описывается коллекция кремневого инвентаря, а также обосновывается наиболее вероятная датировка и культурная принадлежность находок.

Ключевые слова: ранний палеолит, олдован, стратиграфия, типология, фауна, палеомагнетизм.

Введение

Многослойный раннепалеолитический памятник Мухкай II находится в среднегорной зоне Внутреннего Дагестана. Стоянка была открыта в 2006 году Северокавказской палеолитической экспедицией Института археологии РАН под руководством Х. А. Амирханова (*Амирханов, 2007*). Систематические раскопочные работы велись здесь в период с 2008 по 2013 г. в двух основных направлениях. Во-первых, разведочной стратиграфической траншеей в виде врезки в склон систематически вскрывалась вся толща раннеплейстоценовых отложений памятника. Во-вторых, на уровне слоев 74–81 раскапывалась стоянка Мухкай II, слой 80, где за три года исследований (2010–2012 гг.) был получен богатый археологический и фаунистический материал (*Амирханов, Ожерельев, 2011. С. 16–18; Amirkhanov et al., 2014. Р. 718–724*). Разведочной траншеей за шесть лет работ исследована вся стратиграфическая толща стоянки Мухкай II. В результате общая мощность вскрытых отложений составила 73 м, в которых было выделено 129 литологических слоев, в 35 из них были обнаружены археологические находки.

Разрез Мухкай II представляет собой сложную толщу чередующихся крупнообломочных слоев и слоев мелкозёма (суглинков, супесей, алевроитов, песков). Стратиграфическая формация подразделяется на пять пачек. В первой (верхней) пачке (глубины – 0–14 м) преобладает галечно-обломочная составляющая. Вторая пачка (глубины – 14–28 м) сложена различными суглинками с небольшими прослоями мелкого галечника. Третья пачка сформирована переслаивающимися галечниками и суглинками (глубина залегания – 28–40 м). Четвертая пачка (глубина – 40–53 м) снова выражена суглинками, часто достаточно опесчаненными. И пятая пачка (53–73 м) связана с основанием разреза Мухкай II, здесь существенно преобладают известняковые галечники; слои и прослои мелкозёма состоят главным образом из супесей и песка. Комплекс данных геологии, палеонтологии, палеомагнетизма, археологии, палинологии указывает, что формирование отложений, представленных на памятнике Мухкай II, охватывает большую часть раннего плейстоцена (*Амирханов и др.*, 2012; *Амирханов*, 2012а; *Чепалыга и др.*, 2012. С. 90).

Стратиграфия отложений и типология каменного инвентаря

В 2013 г. на многослойной стоянке Мухкай II на уровне пятой (нижней) пачки проводились полевые исследования. Для стратиграфического изучения отложений нижней пачки была заложена траншея в виде врезки в склон, которая вскрывала толщу памятника на глубинах 59–68 м. С глубины 68 м траншея была расширена до раскопа (кв. М-Н-16–21). Раскопом вскрывались культурные слои на отметках 68–73 м, всего порядка 6 м мощности (рис. 1, А). Работы были остановлены на глубине 73,3 м от условного нулевого репера стоянки Мухкай II – до появления известняковой материковой скалы (рис. 1, Б, В). Общая площадь исследованной раскопом толщи составила 8 кв. м, из них только на 4 кв. м был обнаружен археологический материал раннеплейстоценового времени. Остальная площадь была занята гораздо более поздними осыпями и делювиальным шлейфом. Отложения эти несортированные, неслоистые; в однородно гумусированную толщу суглинков дисперсно включены валуны, гальки, гравий и известняковая крошка, происходящие, по всей видимости, с верхних участков склона останца. В переотложенных горизонтах гумусированного суглинка обнаруживается археологический материал более позднего возраста. Это главным образом отщепы, пластины и обломки, широко встречающиеся на поверхности и в современном почвенном горизонте стоянки Мухкай II. Датировка этого материала имеет достаточно широкие границы – от конечной поры мустье до энеолита. Сами же раннеплейстоценовые слои в разрезе раскопа имеют выраженную горизонтальную и субгоризонтальную слоистость с незначительным уклоном к северу – северо-востоку. Это общее направление уклона характерно для всей толщи Мухкай II.

В целом вскрытый раскопом разрез представляет собой чередующиеся галечно-обломочные слои, включающие галечно-гравийные, галечниковые и галечно-валунные фракции и прослои (127, 128) и линзы (127е, 128, 129–7) супесей (рис. 1, Б, В: с. 465). Следует отметить, что к низам разреза, ближе к материковым

Таблица 1. Мухкай II, раскоп (2013 г.). Количество находок по слоям 129–1–9 (в том числе и фаунистические находки)

Номер слоя	Количество находок
129-1	4
129-3	8
129-4	3
129-5	29
129-6	32
129-7	2
129-9	1

известнякам (начиная со слоя 123, глубина – 61,85 м) суглинки постепенно замещаются супесями, появляются многочисленные линзы и прослои песка, повсеместно обнаруживается переотложенная мезозойская морская фауна (обломки раковин, фрагменты белемнитов и т. д.).

Слой 129 (выявлен на глубинах 68,6–72,7 м) представляет собой мощную пачку галечнико-обломочных отложений, состоящую из нескольких прослоев (прослои 129–1–9). В литологическом отношении эти горизонты незначительно отличаются друг от друга размерностью галечника, составом рыхлого заполнителя и степенью цементации. В нижних горизонтах (129–7–9) отмечается увеличение количества сероватого супесчаного заполнителя и, вероятно, фрагментов мергеля и известняка, происходящих из разрушающейся материковой скалы. Генезис прослоев 129–1–9 связан с процессом аллювиально-пролювиального переноса крупнообломочных седиментов на небольшие расстояния. В эту же толщу оказались включены и археологические кремневые изделия.

Каменные находки встречаются практически во всех горизонтах слоя 129 в виде единичных предметов. Среди остальных выделяются прослои 129–5 и 129–6 как наиболее богатые на находки: в прослое 129–5 было обнаружено 29 изделий и в прослое 129–6 собрано 32 находки (см.: табл. 1). Характерно, что прослой 129–5 отличается повышенной цементацией галечного конгломерата.

Археологический материал из слоя неокатан, некоторые предметы содержат характерный блеск, говорящий, вероятнее всего, о незначительной пришлифовке их поверхности. Часть изделий несет следы беловатой патины, объясняемой пребыванием в течение определенного времени на поверхности. Некоторые предметы несут следы вторичной прокрашенности солями железа и марганца, образовавшейся непосредственно при нахождении в слое.

В сырьевом отношении археологический материал изготовлен из разновидностей местного кремня различных оттенков серого цвета – от полупрозрачного темно-серого до непрозрачного светло-серого с толстой желвачной коркой. В культурные слои кремний попадал при разрушении прилегающих известняковых хребтов и «разносился пролювиальными потоками по котловине вместе с другим обломочным материалом» (Амирханов, 2012а. С. 17; Ожерельев, 2014а. С. 62). Подавляющая часть кремня трещиновата, часто с выщербинами или внутренними кавернами. Это свойство местного кремня отражалось при его раскалывании.

Таблица 2. Мухкай II. Типологический состав инвентаря из слоя 129

№	Наименование	129-1	129-3	129-4	129-5	129-6	129-7	129-9	Кол-во
Первичное расщепление и отходы производства									
1	Желвак со сколами		1		3	1			5
2	Обломок желвака		1		1				2
3	Обломок желвака со сколами				4	1	1	1	7
4	Обломок	1			7	8			16
5	Обломок со сколами	1	1	1	2	4			9
6	Отщеп		1	1	6	4			12
7	Обломок отщепа	1	1			2			4
Орудийный набор									
8	Чоппер односторонний				1	4			5
9	Чоппер двусторонний		1			1			2
10	Чоппер двулезвийный				1		1		2
11	Пик					2			2
12	Пикообразное орудие			1	1				2
13	Долотовидное орудие					2			2
14	Скребло					1			1
15	Скребок	1				1			2
16	Скребок с боковой выемкой				1				1
17	Отщеп с ретушью				1				1
18	Отщеп с участком ретуши				1	1			2
19	Обломок с ретушью		1						1
Итого		4	7	3	29	32	2	1	78

Общая коллекция каменных изделий из слоя 129 составляет 78 экз. Каменный инвентарь подразделяется на две основные группы: группу первичного расщепления, отходов производства и орудийный набор (см.: табл. 2). Первая группа включает в себя желваки со сколами (5 экз.), обломки желваков как с выраженными сколами (7 экз.), так и без снятий (2 экз.), обломки со сколами (9 экз.), просто обломки (16 экз.), отщепы (12 экз.), обломки отщепов (4 экз.). Общее количество изделий этой группы составляет 55 экз. (или 70,5 %).

Подготовленных нуклеусов с признаками систематического направленного скалывания в коллекции слоя 129 нет. В качестве заготовок, с которых могли получаться требуемые сколы, выступают такие изделия, как желваки и обломки со сколами. Эти предметы несут на себе следы не менее трех снятий, скалывание проводилось чаще с разных участков кремневой заготовки, иногда с одной площадки снималось несколько отщепов. По всей видимости, данные изделия связаны с апробированием кремневых отдельностей. Особенностью данных категорий находок является крайне неустойчивый морфологический облик, что может объясняться в первую очередь наличием большого количества некачественного (трещиноватого) сырья, а также слабым развитием

высокопродуктивных технологических приемов расщепления (Ожерельев, 2014б. С. 106). Отщепы составляют 16 экз. (20 % коллекции). Среди отщепов и обломков отщепов преобладают полупервичные и вторичные (14 экз.) (рис. 4, 2, 7), имеются и первичные отщепы (рис. 4, 6). Интересно, что отщепы не просто снимались с заготовок и затем выбраковывались как отходы производства. Часть из них целенаправленно использовалась для изготовления специализированных орудий. С этой целью достаточно широко использовался прием ретуширования. Морфологически отщепы с желваков, обломков желваков и обломков не отличаются от отщепов, полученных при оббивке чопперов. Как заготовки и те и другие могли одинаково использоваться в орудийном производстве.

Обломки желваков и обломки относятся к отходам производства. Эти изделия не содержат четко диагностируемых негативов сколов, могли образовываться в результате усечения желваков и фрагментов желваков (усеченные фрагменты, выступы, «шишки» желвачных конкреций и т. д.), а также выбраковываться при расщеплении трещиноватых конкреций кремня, либо могли приноситься на стоянку в качестве потенциальных заготовок для расщепления.

Орудийный набор подразделяется на две подгруппы: крупные орудия с рубяще-режущими функциями (*heavy duty tools*) и небольшие орудия с вторичной обработкой, изготовленные на сколах и обломках (*light-duty tools*) и предназначенные для резания, скобления, прокалывания. Всего 23 экз. (29,5 % всего инвентаря).

Наиболее выразительной категорией орудий являются чопперы (9 экз., 11,5 % коллекции). Здесь представлены три основные разновидности, выделенные для чопперов раннепалеолитических стоянок Внутреннего Дагестана (Таймазов, 2010; Амирханов, 2012а. С. 21–24): чопперы односторонние (5 экз.), чопперы двусторонние (2 экз.) и чопперы двулезвийные (2 экз.) У односторонних чопперов имеются образцы как с узким, так и с широким лезвием. Лезвия имеют дугообразную форму, один чоппер стрельчатый.

Так, один из самых ярких предметов сделан на крупном уплощенном желваке подчетыреугольной формы (16,8 × 15,2 × 8,0 см; рис. 2, 4). Аккомодационные участки чоппера представляют желвачные поверхности желвака с двух сторон и обработанный участок одной из коротких сторон заготовки. Лезвие выполнялось на одной из длинных сторон желвака множественными снятиями. Длина лезвия – 14,5 см. Обивка лезвия выполнена таким образом, что в центральной его части образован небольшой выступ. По форме лезвия этот чоппер близок к стрельчатому типу.

Двусторонние чопперы представлены образцами с широким и узким лезвиями. У обоих чопперов более интенсивно оббита одна из сторон, на противоположной стороне имеется лишь подправка лезвия либо несколькими, либо единичными сколами (рис. 3, 1).

Из двулезвийных форм выделяется чоппер подовальной формы, изготовленный на агатовидном желвачном кремне беловато-серого цвета. Размер предмета – 13,8 × 11,4 × 5,4 см (рис. 2, 5; 4, 1). Оба лезвия выполнены на противоположных коротких сторонах желвака. Одно из них имеет интенсивную двустороннюю оббивку, формирующую стрельчатое лезвие. Противоположное лезвие сделано

одним крупным сколом и подправлено двумя мелкими. Это лезвие несколько скошено к длинной боковой грани заготовки. Длина его рабочего края – 3,4 см.

Другой двулезвийный чоппер также имеет одно двустороннее и одно одностороннее широкие лезвия дугообразной формы.

Пики из слоя 129 представлены двумя изделиями. Причем оба предмета не несут следы тщательной подготовки боковых граней и лезвия. Изделия близки к массивным формам пиков (*Leakey*, 1971; *Амирханов*, 2010; 2012б). Один из них имеет трехгранное сечение у заострения, другой – четырехгранное. У второго боковые сходящиеся грани оформлены в виде вертикальных крупных сколов (рис. 3, 2).

Пикообразные орудия (2 экз.) демонстрируют также типологическую вариабельность. Одно из них близко по форме к плоским пикам (рис. 3, 3), другое представлено атипичной формой и напоминает незавершенное орудие пик.

Подгруппа орудий с вторичной подработкой – ретушью (*light-duty tools*) – насчитывает 10 изделий. Мелкоразмерные орудия включают в себя два долотовидных орудия, одно скребло, два скребка, один скребок с боковой выемкой, отщепы с ретушью (3 экз.) и обломок с ретушью. Долотовидные орудия изготовлены на узких сильно вытянутых обломках. Лезвие, близкое к прямому, оформлялось на одном из узких концов обломка достаточно крупными уплощающими сколами. Скребло (7,2 × 6 × 3,8 см) выполнено на сегментовидном крупном обломке. С одной стороны на заготовке имеются негативы центростремительных снятий, с другой – неясные негативы без четкой упорядоченности. По всей вероятности, вторая сторона является фасетой излома при отделении скола от желвака, прошедшего по внутренней трещине. Ретушь крупная зубчатая, участками двусторонняя, нанесена на большей части выпуклой стороны обломка. С противоположной от лезвия стороны частично оформлен обушок. Не исключено, что орудие могло использоваться и как нож (рис. 2, 3).

Оба скребка близки по форме и оформлению лезвия (рис. 4, 4, 5). Оба выполнены на укороченных отщепах (первичном и вторичном соответственно), приближающихся к подчетыреугольной форме. Ретушь краевая полукрутая, преобладающе однорядная средних размеров, нанесена со спинки. На одном из скребков частично ретушированы и боковые грани (рис. 2, 1).

Выделяется в орудийном наборе скребок с боковой выемкой (размеры – 5,4 × 2 × 0,9 см). Предмет изготовлен на дистальном фрагменте отщепа. Скребокное концевое лезвие выполнено несколькими достаточно крупными снятиями и скошено по отношению к боковой стороне. Ближе к основанию на боковой стороне орудия имеется интенсивно подработанная вертикальной ступенчатой ретушью выемка (рис. 2, 2; 4, 3).

У отщепов и обломка с ретушью вторичная подправка (краевая, некрупная) нанесена на определенных участках орудий.

Несмотря на относительно немногочисленную коллекцию каменного инвентаря слоя 129, можно сделать ряд выводов об общем ее характере. Большую часть коллекции составляет группа первичного расщепления и отходы производства (55 экз.). В качестве заготовок, с которых могли скалываться отщепы, выступали желваки, обломки желваков и просто кремневые обломки. Предметов, которые бы имели выраженное системное расщепление с одной или нескольких площадок, не выявлено.

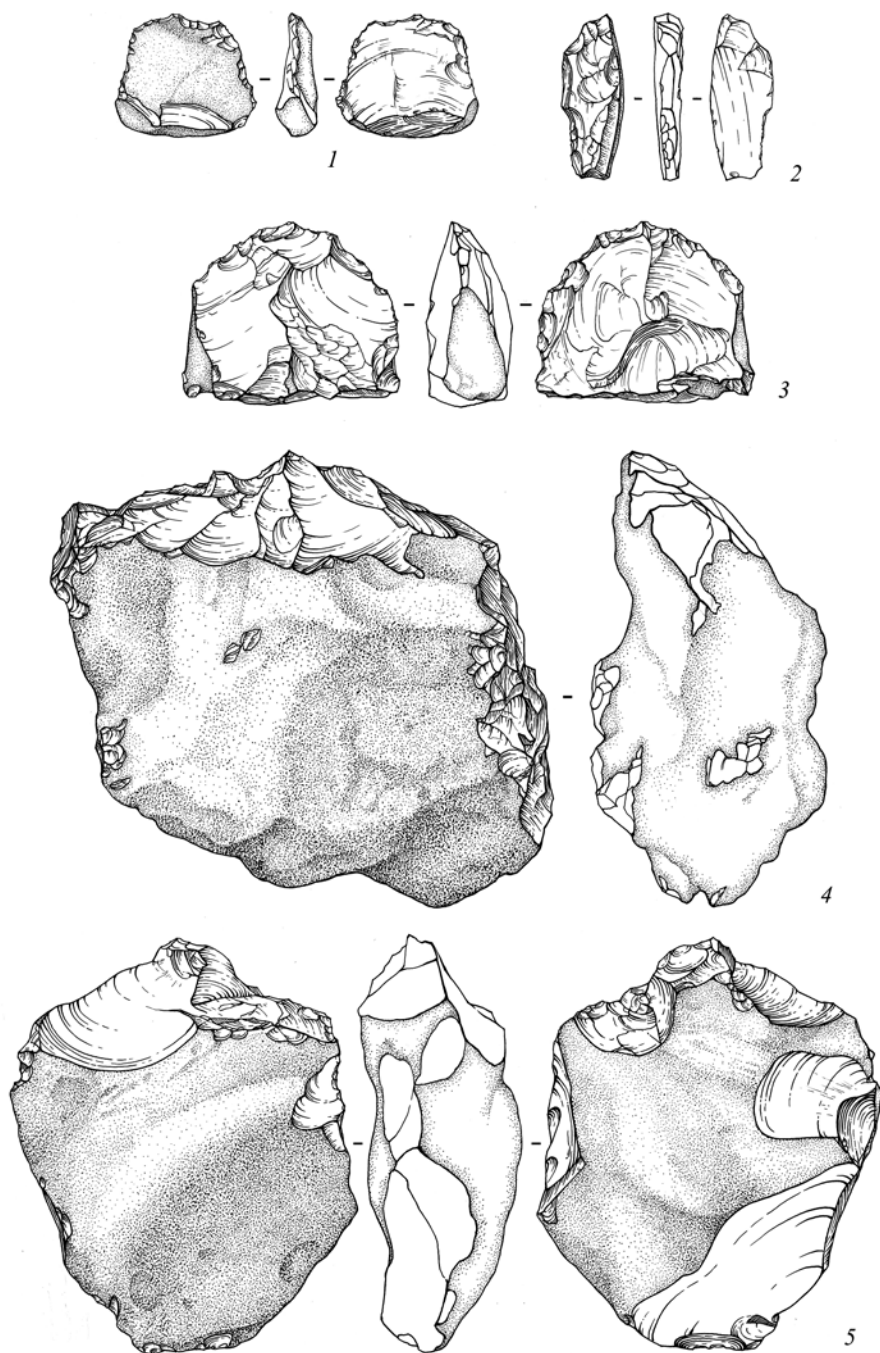
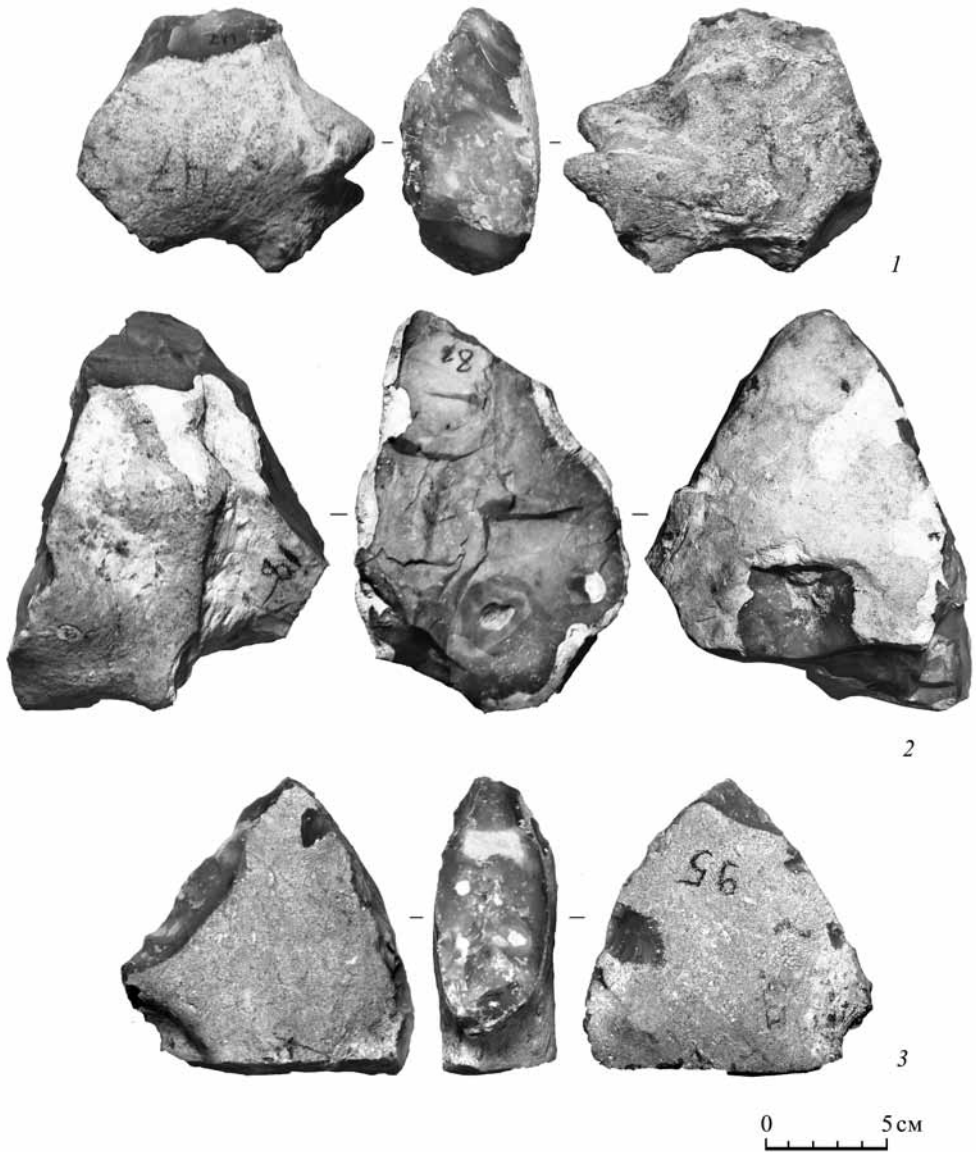

Рис. 2. Стоянка Мухкай II. Каменные находки из слоя 129

1 – скребок; 2 – скребок с выемкой; 3 – скребло; 4 – чоппер односторонний; 5 – чоппер дву-
лезвийный

Рис. 3. Стоянка Мухкай II. Каменные находки из слоя 129

1 – чоппер двусторонний; *2* – пик; *3* – пикообразное орудие

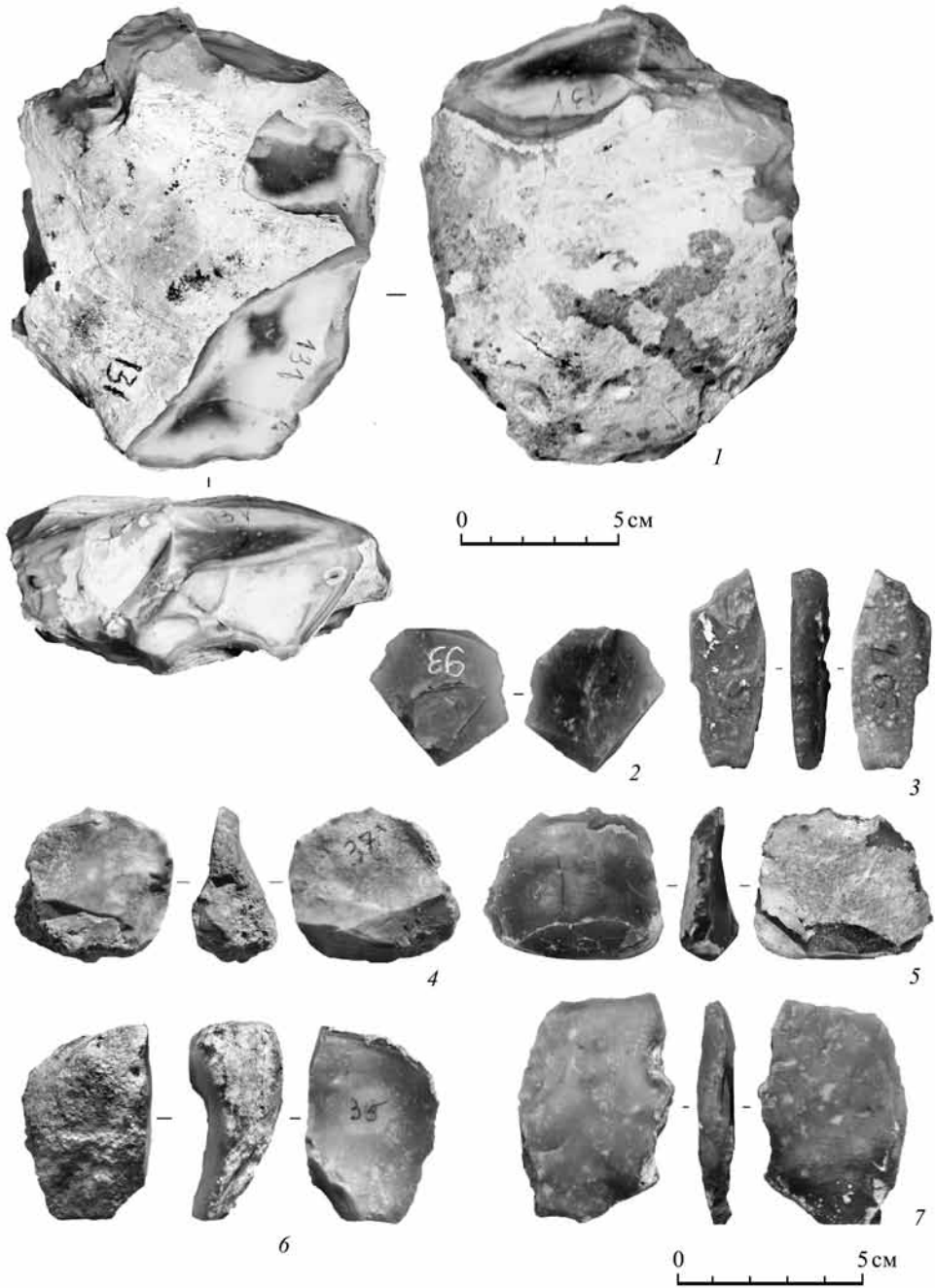
Расщепление, по всей вероятности, велось в виде краевой бессистемной обивки с пригодных естественных площадок, не более двух-трех сколов с каждой. Отщепы также получались и при обивке лезвий чопперов. Всего отщепов в коллекции 12 целых и 4 фрагментированных экземпляра. За исключением двух предметов, размеры

отщепов не превышают 5 см. Ведущими типами орудийного набора, формирующими облик индустрии слоя 129, являются чопперы (9 экз.), а также пики, пикообразные орудия. Здесь представлены три основные разновидности чопперов, отмечающиеся для стоянок раннего палеолита Внутреннего Дагестана, – одно-, двусторонние, двулезвийные. Преобладают односторонние формы. Пики и пикообразные орудия занимают подчиненное положение по отношению к чопперам. Следует отметить, что эти категории орудий в коллекции слоя 129 представлены достаточно грубыми невыразительными предметами. Оба пика являются массивными формами, выполненными на подтреугольных в плане заготовках, практически без целенаправленной подготовки боковых сторон и пятки. Важной особенностью каменной индустрии слоя 129 является наличие орудий на обломках и отщепах с ретушью (10 экз.). Ретушь как краевая однорядная, так и многорядная, формирующая лезвийные и аккомодационные (скребок с выемкой) участки орудий. По технико-типологическим показателям каменный инвентарь слоя 129 наиболее близок индустриям классического (типичного) олдована Восточной и Северной Африки, имеющим на данный момент возраст 1,85–1,7 млн л. н.: стоянки DK, FLK NN, FLK Север (FLK North) Олдувайского ущелья, Гомборе I (Gombore I), Айн-Ханеш (Ain-Hanech), Эль-Херба (El-Kherba). Разумеется, олдованская индустрия, происходящая из разных слоев стоянки Мухкай II, в том числе и из слоя 129, не повторяет полностью типологический ряд изделий вышеуказанных африканских памятников. Отличия могут наблюдаться в отсутствии или в меньшей статистической представительности некоторых категорий и типов, таких, например, как сфероиды, дискоиды. В то же время для стоянки Мухкай II (слои 74, 80, 82, 129 и др.) намечается присутствие пиков, которые, судя по публикациям, либо отсутствуют на олдованских стоянках (Кооби-Фора, Айн-Ханеш, Дманиси и т. д.), либо представлены в незначительном количестве: стоянка олдована FLK Север (FLK North) (Leakey, 1971. P. 79, 80; Амирханов, 2012б. С. 9); стоянки BK, TK развитого олдована В (Leakey, 1971. P. 197–222). Важнейшие критерии индустрии слоя 129 – наличие значительного числа различных типов чопперов, присутствие пиков, доминирование небольших отщепов, а также орудий, сделанных на таких отщепах (скребки, отщепы с ретушью). В инвентаре слоя 129 отсутствуют рубила и близкие им проторубила. Говоря об общих чертах этой коллекции, важно также отметить, что в ней не отмечаются технологические признаки раскалывания крупных желваков или нуклеусов для получения крупных отщепов. Собственно отсутствуют и сами отщепы размером свыше 5–6 см, которые могли быть использованы для изготовления рубил.

Возраст отложений из нижней (пятой) пачки памятника Мухкай II

Архаичный облик и устанавливаемый возраст древнейшей для многослойной стоянки Мухкай II каменной индустрии в какой-то мере могут подтвердить палеомагнитные данные, а также результаты палеонтологических исследований.

Каменная индустрия слоя 129 была обнаружена в основании раннеплейстоценовой толщи памятника Мухкай II на глубине 68,6–72,7 м от условного репера. Общая мощность отложений многослойной стоянки составляет 73 м. Согласно палеомагнитным исследованиям (отбор образцов производится в 2011–2013 гг. В. М. Трубихиным и В. В. Семеновым), верхняя граница изученного разреза

Рис. 4. Стоянка Мухкай II. Каменные находки из слоя 129

1 – чоппер двулезвийный; *2, 6, 7* – отщепы; *3* – скребок с выемкой; *4, 5* – скребки

(пачка 1) по возрасту является моложе эпизода Харамильо (1,1–0,99 млн л. н.), выявленном на глубине 7–12 м, но не позже границы Матуяма-Брюне (0,78 млн л. н.). Таким образом, мы можем установить относительный возраст формирования пачки 1 от приблизительно 1,1 до 0,78 млн л. н. Ниже по разрезу была обнаружена палеомагнитная аномалия (глубина – 21–22 м), а также еще один четко фиксируемый двукратными повторными исследованиями положительный эпизод (глубина – 26,5–27 м). Наиболее вероятно, что этот эпизод может быть связан либо с эпизодом Гилса (1,68 млн л. н.), либо с эпизодом Олдувей (1,95–1,77 млн л. н.) (Амирханов и др., 2012. С. 242, 243; Amirkhanov et al., 2014. P. 723, 724).

Нижняя половина разреза Мухкай II (глубины – 34–73 м), согласно палеомагнитным исследованиям, также имеет четкую обратную полярность, соответствующую эпохе Матуяма (данные находятся на стадии публикации). Обратная же полярность была получена и для нескольких образцов, отобранных из линз супесей в слое 129. Граница палеомагнитных эпох Матуяма-Гаусс (2,58 млн л. н.) на Мухкай II выявлена не была.

Результаты палеомагнитных исследований для памятника Мухкай II подтверждают и уточняют многочисленные данные по останкам крупной териофауны и мелких животных, главным образом грызунов (Саблин и др., 2013; Amirkhanov et al., 2016). Так, в культурном слое стоянки Мухкай II (слой 80) было обнаружено свыше 300 ед. костных останков крупных млекопитающих. Литологический слой 80 в едином разрезе расположен на глубине 33,5–34,20 м, т. е. немного ниже положительного палеомагнитного эпизода, соответствующего, вероятно, одному из эпизодов средней части раннего плейстоцена (по новой стратиграфической шкале). Согласно палеонтологическим исследованиям, возраст слоя 80 оценивается в пределах 2,1–1,77 млн л. н.

Датировку находок из слоя 80 существенно дополняет эволюционный уровень корнезубых полевок, полученных при промывке культурных отложений, а также факт полного отсутствия представителей триб *Microtini* и *Lagurini*, которые появляются в Северной Евразии во второй половине раннего плейстоцена. Исходя из этого, слой 80 стоянки Мухкай II должен быть датирован первой половиной раннего плейстоцена до границы вилланий/бихарий (1,8 млн л. н.) (Amirkhanov et al., 2016). Следовательно, все остальные отложения (низы пачки 2, а также полностью пачки 3–5) с глубин от 34 до 73 м должны быть древнее указанного времени.

В 2012–2013 гг. в разведочной траншее, вскрывавшей нижнюю часть культурных отложений памятника, были обнаружены фаунистические останки. Среди нескольких находок, происходящих из слоев 126 и 129–3 пачки 5, были и два определимых зуба – вторые премоляры верхней и нижней челюстей, принадлежащие разным особям лошади Стенона (*Equus (Allohippus) stenorius*, определения М. В. Саблина) (Ожерельев, 2014в. С. 96). Нижняя граница появления настоящих лошадей рода *Equus* в Европе (в том числе и на Северном Кавказе) из Америки по мнению специалистов-палеонтологов очерчивается около 3,2 млн л. н. (Саблин, 2011. С. 86; Lacombat et al., 2008). Верхний хронологический предел костных останков лошади Стенона из слоя 129 ограничивается возрастом обнаруженного выше по разрезу комплекса фауны из слоя 80. Таким образом, фаунистические останки из слоев 126, 129–3 стоянки Мухкай II допускают существование для исследуемого региона стеноновой лошади в конце плиоцена – первой половине раннего плейстоцена (гелазский ярус).

Кратко суммируя имеющиеся комплексные данные, можно говорить о том, что с глубины 34 м до отметки 73 м раннеплейстоценовая толща памятника Мухкай II может датироваться в достаточно широких хронологических границах – от приблизительно 2,5 до 1,9 млн л. н.

Выводы

Наиболее древняя каменная индустрия памятника Мухкай II была выявлена в слое 129. По своим основным технико-типологическим показателям этот инвентарь связан с культурой олдована. Ближайшие аналогии коллекции прослеживаются в кругу олдованских индустрий Восточной и Северной Африки, имеющих возраст 1,85–1,7 млн л. н. Геологическая датировка отложений, откуда происходят находки слоя 129, определяет возраст в рамках 2,5–1,9 млн л. н. Представленный материал вполне согласуется с последними открытиями, сделанными в Израиле (*Ronen*, 2006), на Таманском полуострове (*Щелинский*, 2013), в Грузии (*Ferring et al.*, 2011), Армении (*Беляева, Любин*, 2013). Однако не исключается в будущем и существенное уточнение времени бытования древнейшей археологической каменной культуры, происходящей из слоя 129 стоянки Мухкай II.

ЛИТЕРАТУРА

- Амирханов Х. А.*, 2007. Исследования памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе (Предварительные результаты). М.: Таус. 52 с.
- Амирханов Х. А.*, 2010. Пики трехгранного поперечного сечения в коллекциях памятников олдована Центрального Дагестана // Карабах в каменном веке: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 50-летию открытия палеолитической пещерной стоянки Азых в Азербайджане (3–7 октября 2010 г., Баку, Азербайджанская Республика) / Ред.: М. Н. Рагимова, А. Г. Джафаров, А. А. Зейналов. Баку: Текнур. С. 8–11, 20–25.
- Амирханов Х. А.*, 2012а. Памятники раннего плейстоцена Центрального Дагестана // Проблемы палеолита Дагестана / А. П. Деревянко и др.; отв. ред. М. В. Шуньков. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 6–67.
- Амирханов Х. А.*, 2012б. Категория пика в технокомплексах олдована и раннего ашеля // РА. № 2. С. 5–13.
- Амирханов Х. А., Грибченко Ю. Н., Ожерельев Д. В., Саблин М. В., Семенов В. М., Трубихин В. М.*, 2012. Комплексные исследования раннеплейстоценовой стоянки Мухкай II на Северо-Восточном Кавказе (по результатам раскопок 2008–2011 гг.) // 1150 лет российской государственности и культуры: Материалы к Общ. собр. РАН, посвящ. Году рос. истории / Ред.: А. П. Деревянко, В. А. Тишков. М.: Наука. С. 217–244.
- Амирханов Х. А., Ожерельев Д. В.*, 2011. Мухкай II, слой 80 – новая стоянка эпохи олдована в Центральном Дагестане // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда (Великий Новгород – Старая Русса, 2011) / Ред.: Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. Т. 1. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН. С. 16–18.
- Беляева Е. В., Любин В. П.*, 2013. Ашельские памятники Северной Армении // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: К 70-летию академика А. П. Деревянко / Отв. ред.: В. И. Молодин, М. В. Шуньков. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 37–52.
- Ожерельев Д. В.*, 2014а. Типология изделий со вторичной обработкой слоя 74 раннепалеолитической стоянки Мухкай II (Дагестан) // КСИА. Вып. 235. С. 60–81.
- Ожерельев Д. В.*, 2014б. Каменная индустрия многослойной раннепалеолитической стоянки Мухкай II (Дагестан) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани / Отв. ред. А. Г. Ситдинов. Т. 1. Казань: Отечество. С. 105–109.

- Ожерельев Д. В., 2014в. Отчет о работах Северокавказской палеолитической экспедиции в 2013 г. // Архив ИА РАН.
- Саблин М. В., 2011. Раннеантропогеновые фауны и расселение рода *Homo* // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда (Великий Новгород – Старая Русса, 2011) / Ред.: Н. А. Макаров, Е. Н. Носов. Т. 1. СПб.; М.; Великий Новгород: ИИМК РАН. С. 86–87.
- Саблин М. В., Амирханов Х. А., Ожерельев Д. В., 2013. Стоянка эпохи олдована Мухкай II: палеонтологические данные к датировке и реконструкции природного окружения // РА. № 4. С. 7–19.
- Таймазов А. И., 2010. Типология чопперов раннепалеолитической стоянки Айникаб I (по материалам исследования 2005–2009 гг.) // Исследования первобытной археологии Евразии: Сб. статей в честь 60-летия чл.-корр. РАН, профессора Х. А. Амирханова / Отв. ред. О. М. Давудов. Махачкала: Наука: ДНЦ РАН. С. 75–87.
- Чепалыга А. Л., Амирханов Х. А., Садчиков Т. А., Трубихин В. М., Пирогов А. Н., 2012. Геоархеология олдувайских стоянок Горного Дагестана // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. № 72. С. 73–94.
- Щелинский В. Е., 2013. Кермек – стоянка начальной поры раннего палеолита в Южном Приазовье // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: К 70-летию академика А. П. Деревянко / Ред.: В. И. Молодин, М. В. Шульков. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 153–171.
- Amirkhanov H. A., Ozherel'ev D. V., Gribchenko Y. N., Sablin M. V., Semenov V. V., Trubikhin V. M., 2014. Early Humans at the eastern gate of Europe: The discovery and investigation of Oldowan sites in northern Caucasus // *Comptes Rendus Palevol*. Vol. 13. Iss. 8. P. 717–725.
- Amirkhanov H. A., Ozherelyev D. V., Sablin M. V., Agadzhanyan A. K., 2016. Faunal remains from the Oldowan site of Mukhkai II in the North Caucasus: potential for dating and palaeolandscape reconstruction // *Quaternary International*. Vol. 395. P. 233–241.
- Ferring R., Oms O., Agustí J., Berna F., Nioradze M., Shelia T., Tappen M., Vekua A., Zhvania D., Lordkipanidze D., 2011. Earliest human occupations at Dmanisi (Georgian Caucasus) dated to 1.85–1.78 Ma // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States*. Vol. 108. No. 26. P. 10432–10436.
- Lacombat F., Abbazzi L., Ferretti M., Martinez-Navarro B., Moullier P.-E., Palombo M.-R., Rook L., Turner A., Valli A. M.-E., 2008. New data on the Early Villafranchian fauna from Viallette (Haute-Loire, France) based on the collection of the Crozatier Museum (Le Puy-en-Velay, Haute-Loire, France) // *Quaternary International*. Vol. 179, no. 1. P. 64–71.
- Leakey M. D., 1971. Olduvai Gorge: Excavations in Beds I & II, 1960–1963. Cambridge: Cambridge University Press. 301 p.
- Ronen A., 2006. The oldest human groups in the Levant // *Comptes Rendus Palevol*. Vol. 5. Iss. 1/2. P. 343–351.

Сведения об авторе.

Ожерельев Дмитрий Викторович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: dim_as_oj@mail.ru.

D. V. Ozherelyev

CULTURAL AND CHRONOLOGICAL ATTRIBUTION OF STONE FINDS
FROM LAYER 129 AT THE MUKHKAI II MULTILAYER EARLY
PALAEOOLITHIC STATION

Abstract. The article is devoted to the study of archaeological finds of stone artifacts from layer 129 at the Mukhkai II multilayer Early Paleolithic site. Explorations at Mukhkai II have been going on since 2008. During the years of the site study by exploratory trench revealed an Early Pleistocene stratum, which is 73 m thick. The most ancient stone tools were discovered in layer 129 at the depth of 68.6–72.7 m from the reference

point. The article characterizes the stratigraphy of the excavation trench that revealed stone artefacts, describes the collection of flint tools and defines the most probable dating and cultural attribution of the finds.

Keywords: Early Palaeolithic, Oldovan, typology, fauna, paleomagnetism.

About the author:

Ozherelyev Dmitriy V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: dim_as_oj@mail.ru.

А. С. Пахунов, С. Ю. Лев

КОМПЛЕКСНАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ФОТОСЪЕМКА СКУЛЬПТУРЫ БИЗОНА С ЗАРАЙСКОЙ СТОЯНКИ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Резюме. В работе представлены предварительные результаты исследования статуэтки бизона с Зарайской палеолитической стоянки с использованием различных методов, основанных на получении фотографических изображений. Фотосъемка в отраженных ультрафиолетовых лучах позволила выявить следы утрат тонкого слоя на поверхности кости и установить его связь с заполированными областями, обнаруженными ранее в процессе технологического исследования скульптуры (рис. 1, 5: с. 466). С применением многоугольной теневой фотосъемки и анализа цифровых изображений было подтверждено предположение о постдепозиционном характере формирования следов черного пигмента на поверхности кости (рис. 2, 2б). Также было показано различие в границах следов удара и естественных утрат (рис. 3, 2, 3; 4).

Ключевые слова: многоугольная теневая фотосъемка, мультиспектральная фотосъемка, верхний палеолит.

Введение

Скульптурное изображение бизона из бивня мамонта было обнаружено в ходе раскопок Зарайской верхнепалеолитической стоянки в 2001 г. находка относится к наиболее раннему периоду бытования поселения и имеет две косвенные AMS-датировки. Первая – 21150 ± 220 BP (GrA-22083) – получена по фрагменту костного угля, лежавшего в непосредственной близости от статуэтки на дне ямы 71. Вторая – 22850 ± 150 BP (OxA-26999¹) – по костным фрагментам

---

¹ Выражаем благодарность проф. Т. Хайму (T. Higham, Director of the Oxford Radiocarbon Accelerator Unit).

лапки песка, лежавшей в анатомическом порядке рядом со статуэткой. Анатомические группы пальцевых фаланг зачастую сохраняются при снятии шкурки у пушных зверей. Нередко они встречаются на дне «полуземлянок», которое, как можно предположить, выстилалось шкурами. Вероятно, и в яме со статуэткой на дне присутствовала шкурка песка.

Изучение и визуализация поверхности объектов культурного наследия позволяет получать информацию о технике изготовления и обработки предмета, составе материалов, а также о процессах, происходящих на границе контакта предмета с окружающей средой. Среди методов, успешно применяемых для изучения археологических объектов, можно назвать различные микроскопические техники (цифровая микроскопия, сканирующая электронная микроскопия, атомно-силовая микроскопия), колориметрию, фотографические методы: мультиспектральную фотосъемку, многоугловую теневую фотосъемку, а также методы создания трехмерных моделей предметов (Scientific Computing..., 2012; *Giumlia-Mair et al.*, 2010). Преимущественно все рассматриваемые методы предполагают проведение исследования без отбора образцов.

Различные аспекты изучения скульптуры бизона неоднократно освещались в печати (*Амирханов, Лев*, 2002; 2003; 2004; 2009; *Амирханов и др.*, 2009; *Amirkhanov, Lev*, 2002; 2009), в данной работе мы рассмотрим возможности, которые дают современные фотографические методы исследования. В работе делается попытка, используя методы изучения и визуализации поверхности, прояснить некоторые тафономические аспекты, нюансы изготовления, а возможно, и использования скульптурного изображения бизона.

Экспериментальная часть

Фотосъемка проводилась в экспозиции музея «Зарайский Кремль», в зале, посвященном раскопкам Зарайской стоянки. Скульптура бизона (КП 11040) экспонируется в закрытой стеклянной витрине. Контроль микроклиматических параметров осуществляется в помещении в целом, дополнительный контроль внутри витрины не проводится. Проведение фотосъемки непосредственно в экспозиции позволило избежать перемещения скульптуры из стабильных условий, в которых она находится все время. Вместе с использованием ненагреваемых источников освещения это снизило нагрузку на экспонат в связи с проведением работ. В помещении отсутствуют окна, что позволило провести фотосъемку видимой люминесценции.

Многоугольная теневая фотосъемка. В качестве источника освещения для многоугольной теневой фотосъемки использовалась выносная вспышка с ксеноновой лампой, имеющей приближенный к дневному свету спектр. Всего выполнялось 48 снимков.

Фотосъемка в *отраженных инфракрасных лучах* проводилась с использованием светодиодного источника с максимумом испускания при 920 нм. Для отсека света в видимом диапазоне применялся фильтр В+W 093.

Для возбуждения и фиксации люминесценции в видимом диапазоне использовался светодиодный источник с максимумом испускания при 365 нм и фильтр В+W 468, для фиксации изображений в отраженных ультрафиолетовых (УФ) лучах – фильтр В+W 403.

Высокодетализированная фотосъемка скульптуры проводилась посредством съемки ее фрагментов со смещением точки фокусировки и последующим объединением полученных изображений в одно с разрешением более 70 Мп. В качестве источника освещения использовались панели из четырех люминесцентных ламп с индексом цветопередачи более 98 единиц.

Использование модифицированной для мультиспектральной фотосъемки камеры Nikon D800 с матрицей 36 Мп позволило получать изображения с высоким разрешением, необходимым для фиксации микродеталей на поверхности скульптуры. В процессе съемки применялись два объектива: Nikkor 105/2.8 Micro и Nikkor 200/4 Micro. Разрешение составляло до 10 линий на мм.

Съемка проводилась в формате RAW с последующей конвертацией файлов в программе RPP. Цветокоррекция снимков не проводилась, баланс белого выставлялся по шкале X-Rite Color Checker Passport.

Результаты и обсуждение

Полученные в ходе проведения работ изображения возможно объединить в две группы. К первой относятся результаты мультиспектральной съемки, представляющие собой плоскостные изображения, и их анализ. Ко второй – результаты многоугольной теневой фотосъемки, содержащие информацию о фактическом микрорельефе поверхности.

Фигурка бизона выполнена из бивня мамонта. Визуальный анализ скульптуры позволяет выделить несколько типов веществ на поверхности: следы окрашивания красным пигментом правого бока, черные пятна различной интенсивности и реставрационная мастика на основе воска и канифоли. Также отмечены многочисленные трещины и утраты, форма и глубина которых различна. Цифровое усиление контраста позволило выявить слаборазличимые следы окрашивания красной краской в задней части фигуры, на челке и по низу живота (рис. 1, 2). Данные следы проявились и в канале насыщенности (Hue), причем они были получены без специальной цифровой обработки (рис. 1, 4) (Пахунов, 2014). Предположительно, окрашенная область была шире видимых в настоящее время интенсивных следов в области груди животного.

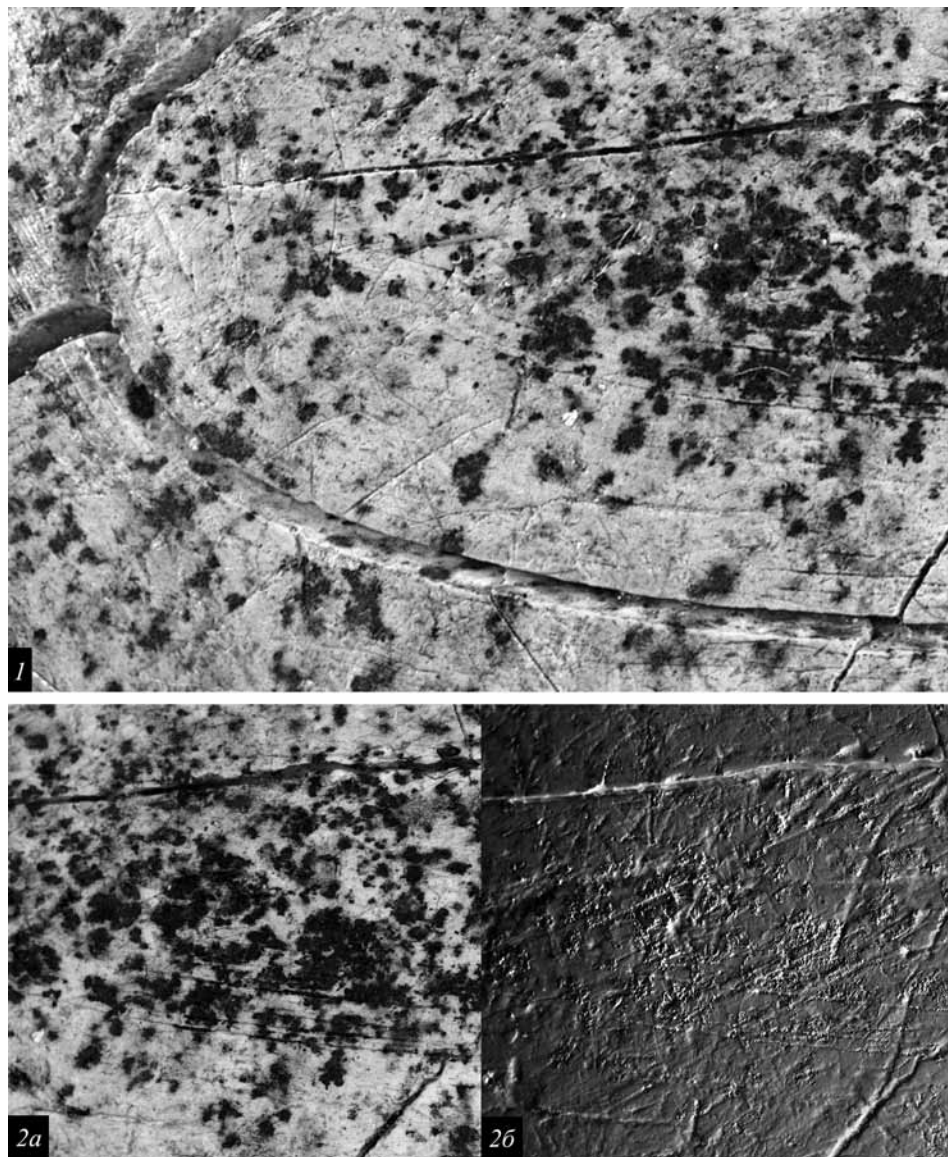
Различия в фактуре поверхности. На начальном этапе исследования нами были выделены области, отличающиеся гладкой поверхностью. На горбе, передней правой ноге, морде, а также на некоторых участках тела животного рассматриваемые области на картах нормалей фиксируются в виде поверхностей равномерного серого цвета (рис. 1, 7). На изображениях в отраженных УФ-лучах они отмечены как светлые области, имеющие больший коэффициент отражения (рис. 1, 5). Данные области появились в ходе консервационной обработки,

повлекшей локальные утраты тонкого верхнего слоя изделия. Области частично совпадают с выделенными технологом следами заполировки (Амирханов и др., 2009. С. 208. Рис. 6б), явившейся результатом того, что «поделку часто зажимали одной рукой» (Там же. С. 209). Наличие заполировки, по всей видимости, привело к изменению свойств приповерхностного слоя бивня, а впоследствии к более легкому его отслоению.

Черный пигмент. Следы черного пигмента видны на обеих сторонах скульптуры, а также встречаются на многих предметах из кости и бивня с Зарайской стоянки (Там же. Таб. 1–48). Он сохраняет свой цвет на снимках в отраженных ИК-лучах (рис. 1, 8) и на фотографии видимой люминесценции (рис. 1, 6), что в целом характерно для черных пигментов, содержащих как углерод, так и соединения марганца. Используемая в процессе реставрации мастика является единственным материалом на поверхности скульптуры, люминесцирующим под действием УФ-излучения (рис. 1, 6). На снимке видимой люминесценции при сопоставлении окрашенной и неокрашенной областей отмечены различия в их интенсивности – меньшая характерна для окрашенной поверхности, что, вероятно, определяется составом краски – соединения железа являются гасителями люминесценции. Красная охра фиксируется на стоянке повсеместно, и для эпохи верхнего палеолита красные пигменты на основе гематита являются единственным зафиксированным к настоящему времени красным красящим материалом.

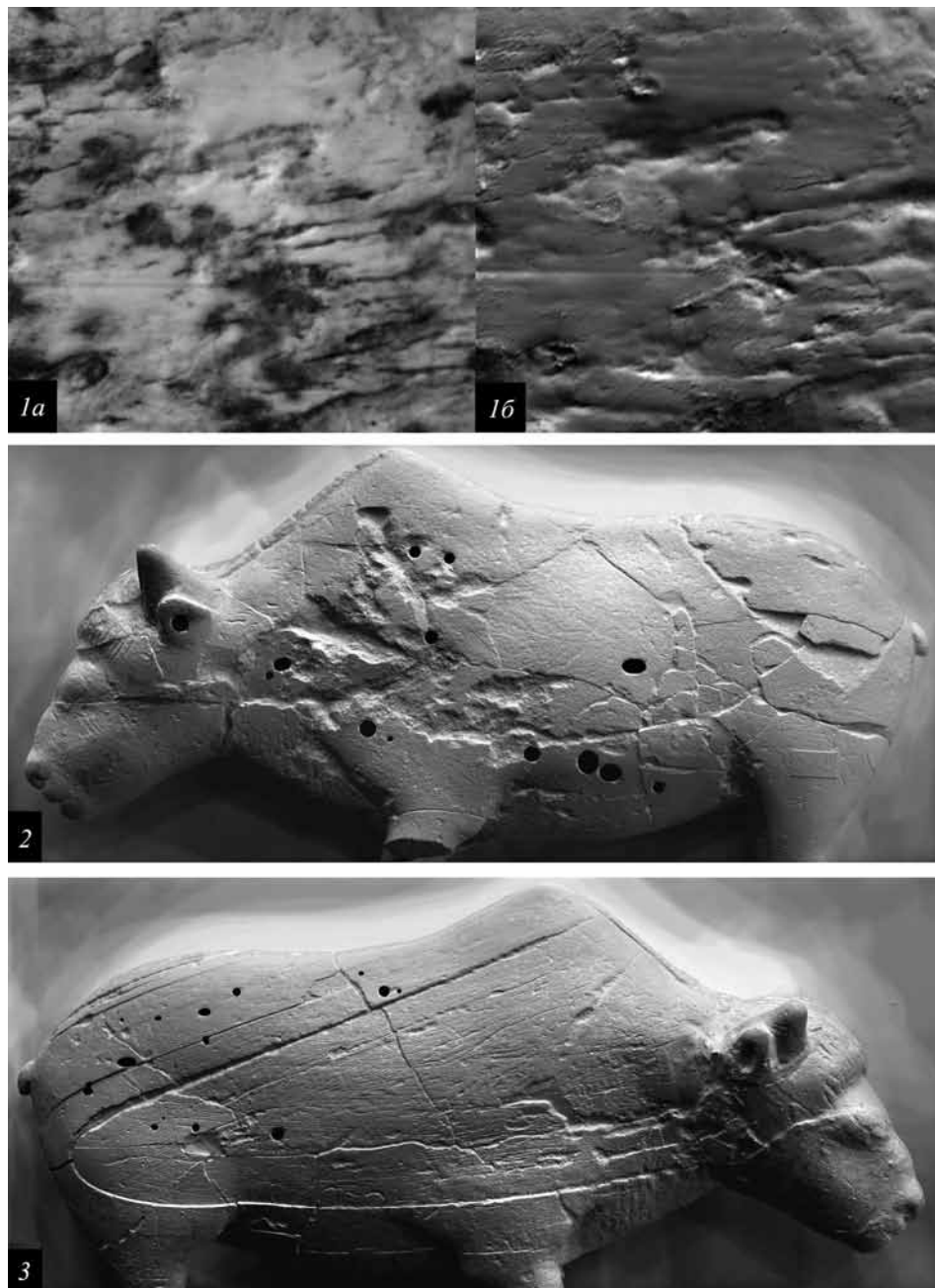
Постдепозиционные процессы или преднамеренное нанесение? Одной из задач данного исследования было установление момента появления черного вещества на поверхности. Природный характер черных пятен определяется их расположением не только на поверхности скульптуры, но также на стенках глубоких трещин (рис. 2, 1). Интенсивность следов черного цвета неоднородна – менее интенсивные приурочены к следам консервационных работ. Применение многоугольной теневой фотосъемки с последующим анализом карт нормалей позволило установить, что различие в тоне связано с тем, что наиболее интенсивные черные следы образуют плотный слой и рельефно выделяются на поверхности кости (рис. 2, а, б). В то же время менее интенсивные следы не удается зафиксировать на картах нормалей (рис. 3, 1) ввиду утраты основной массы пигмента вместе со слоем кости.

О преднамеренном повреждении скульптуры. Анализ локальных утрат на обеих сторонах скульптуры показывает, что они неоднородны. Исследователи выделяют несколько видов повреждений (Амирханов, Лев, 2009. С. 294–296), остановимся на двух из них. Первые – неглубокие, круглые в плане углубления цилиндрической формы или лунки с диаметром в несколько миллиметров (вероятно, следы остеофагов) (рис. 3, 2, 3; 4, 2). На левом боку отмечены многочисленные утраты иного рода – с границами сложной формы (рис. 4, 1, 2). Анализ глубины утрат, относительную оценку которой возможно провести по изображениям карт нормалей, а также их форма позволяют подтвердить вывод о преднамеренном нанесении ударов по боковой поверхности скульптуры. В одном из углублений нами были обнаружены неупорядоченные тонкие линии, – вероятно, следы работы инструмента, которым наносились удары.

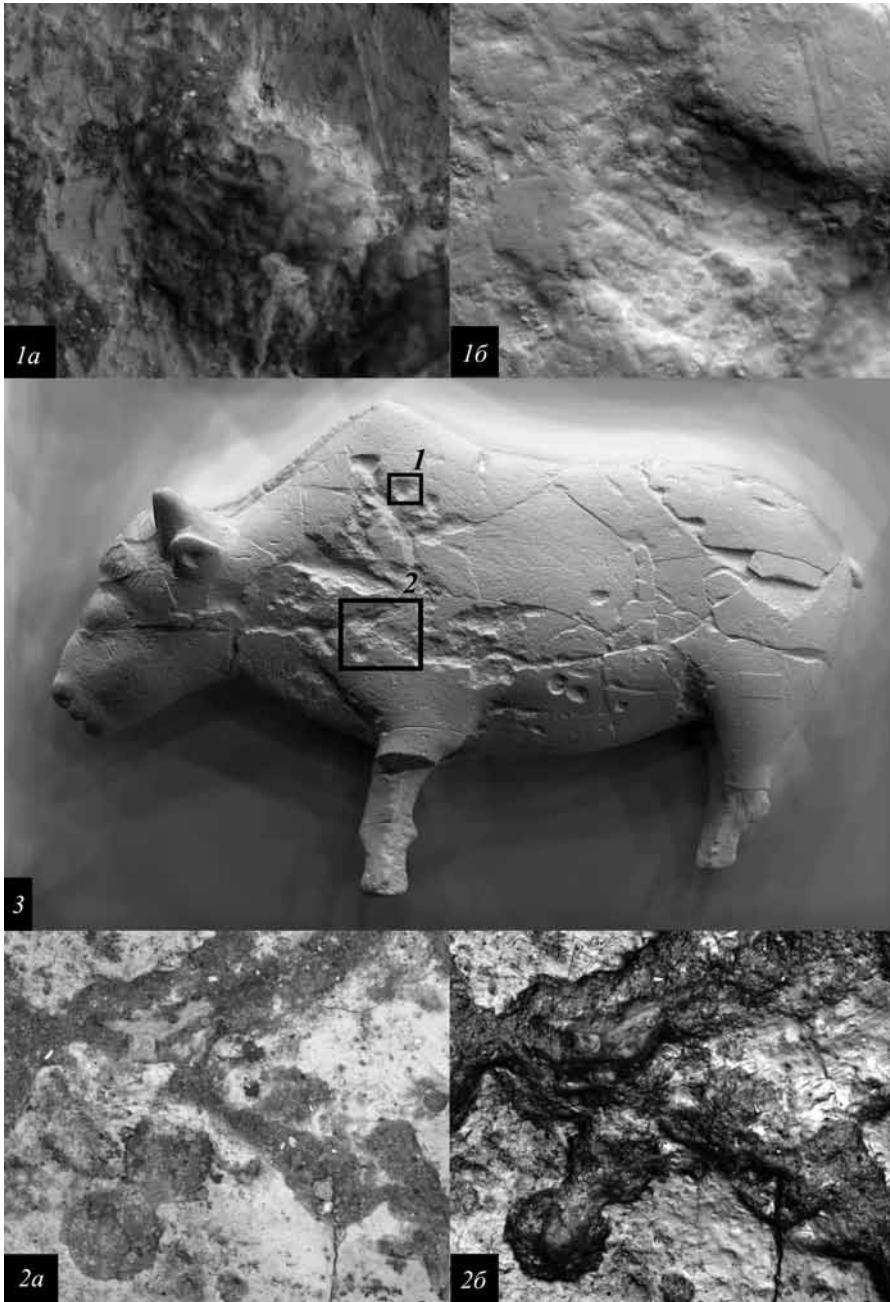
Рис. 2. Зарайская стоянка. Изображение бизона

1 – фрагмент правой боковой поверхности скульптуры, черный пигмент осел на стенках трещины; *2a* – фрагмент левой боковой поверхности скульптуры в видимом свете; *2б* – карта нормалей того же фрагмента, частицы пигмента образуют слой

Рис. 3. Зарайская стоянка. Изображение бизона

1a – фрагмент правой боковой поверхности скульптуры в видимом свете; *1b* – карта нормалей того же фрагмента, следы пигмента находятся на уровне чистой поверхности; 2, 3 – карты нормалей левой и правой боковых поверхностей скульптуры, соответственно, на изображениях выделены утраты круглой формы

Рис. 4. Зарайская стоянка. Изображение бизона

1 – лунка от удара со следами инструмента; *1a* – изображение в видимом свете; *1б* – карта нормалей того же фрагмента; *2* – лунки круглой формы и утраты с границами сложной формы; *2a* – изображение в рассеянном свете; *2б* – изображение того же фрагмента после цифрового усиления отражательной способности поверхности; *3* – местоположение фрагментов *1* и *2*

Выводы

Применение исследовательской фотосъемки позволило подтвердить на основе новой визуальной информации многие выводы, которые были сделаны относительно создания скульптуры и процессов, происходивших с ней после засыпки ямы. Основные результаты работы:

- выявлены новые области, на которых сохранились следы окрашивания;
- выявлена связь появившихся в процессе консервационной обработки фрагментов с тонким утраченным слоем кости с областями заполировки;
- показан постдепозиционный характер появления следов черного вещества на поверхности скульптуры;
- обнаружены микроследы работы инструмента, которым были нанесены преднамеренные повреждения на левой стороне фигурки.

ЛИТЕРАТУРА

- Амирханов Х. А., Ахметгалеева Н. Б., Бужилова А. П., Бурова Н. Д., Лев С. Ю., Машенко Е. Н., 2009* // Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005 / Ответ. ред. Х. А. Амирханов. М.: Палеограф. 466 с.
- Амирханов Х. А., Ахметгалеева Н. Б., Лев С. Ю., 2009.* Обработанная кость Зарайской стоянки (технологическо-трассологический аспект) // Амирханов Х. А., Ахметгалеева Н. Б., Бужилова А. П., Бурова Н. Д., Лев С. Ю., Машенко Е. Н. Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005. М.: Палеограф. С. 187–287.
- Амирханов Х. А., Лев С. Ю., 2002.* Сравнительная характеристика и стилистический анализ статуэтки бизона с Зарайской стоянки // АЭАЕ. № 3 (11). С. 22–31.
- Амирханов Х. А., Лев С. Ю., 2003.* Статуэтка бизона с Зарайской стоянки: археологический и знаково-символический аспекты изучения // РА. № 1. С. 14–28.
- Амирханов Х. А., Лев С. Ю., 2004.* Статуэтка бизона с Зарайской стоянки // Проблемы каменного века Русской равнины. Научный мир / Отв. ред. Х. А. Амирханов. С. 299–321.
- Амирханов Х. А., Лев С. Ю., 2009.* Произведения палеолитического искусства стоянки Зарайск А // Амирханов Х. А., Ахметгалеева Н. Б., Бужилова А. П., Бурова Н. Д., Лев С. Ю., Машенко Е. Н. Исследования палеолита в Зарайске. 1999–2005. М.: Палеограф. С. 289–339.
- Пахунов А. С., 2014.* Фотосъемка в инфракрасном диапазоне и цифровая обработка изображений палеолитической живописи Каповой пещеры: первые результаты и перспективы // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда / Отв. ред.: А. Г. Сидиков, Н. А. Макаров, А. П. Деревянко. Казань: Отечество. С. 87–91.
- Amirkhanov H., Lev S., 2002.* A unique Palaeolithic sculpture from the site of Zaraysk (Russia) // *Antiquity*. Vol. 76. No. 293. (September). P. 613–614.
- Amirkhanov Kh. A., Lev S. Y., 2009.* Une statuette de bison découverte dans le site de Zaraysk // *Bulletin de la Société Préhistorique Française*. No. 3. P. 457–475.
- Giumlia-Mair A., Albertson C., Boschian G., Giachi G., Iacomussi P., Pallecchi P., Rossi G., Shugar A. N., Stock S., 2010.* Surface characterization techniques in the study and conservation of art and archaeological artefacts: a review // *Materials Science and Technology*. Vol. 25. No. 5. P. 245–261.
- Scientific Computing and Cultural Heritage: Contributions in Computational Humanities / Eds.: H. G. Bock, W. Jäger, M. J. Winckler. Berlin; Heidelberg: Springer Verlag, 2012. 290 p. (Contributions in Mathematical and Computational Sciences; vol. 3).*

Сведения об авторах.

Пахунов Александр Сергеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: science@pakhunov.com;

Лев Сергей Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: zaraysk@yandex.ru.

A. S. Pakhunov, S. Yu. Lev

COMPLEX RESEARCH PHOTOGRAPHY OF THE BISON FIGURINE FROM ZARAYSK SITE: PRELIMINARY RESULTS

Abstract. The paper presents some preliminary study results of the bison figurine from Zaraysk Upper Paleolithic site using different photography-based digital imaging techniques. Reflected ultraviolet images revealed the traces loss of a thin layer on the surface of ivory and to establish its relationship with polished areas found during technological studies of sculpture (Fig. 1, 3: p. 466). With the help of reflection transformation imaging and digital image analysis the assumption about the nature of the postdeposition formation of black pigment traces on the surface of ivory was confirmed (Fig. 2, 2b). It was also possible to distinguish borders of percussion tracks and natural losses (Fig. 3, 2, 3; 4).

Keywords: reflection transformation imaging, multispectral photography, Upper Palaeolithic.

About the authors.

Pakhunov Alexander S., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: science@pakhunov.com;

Lev Sergey Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: zaraysk@yandex.ru.

Е. П. Рыбин, М. Н. Мещерин

СТОЯНКА КОЛПАКОВ РУЧЕЙ: РАННИЙ ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ РЕКИ АНГАРЫ (СИБИРЬ, КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ)*

Резюме. В ходе спасательных работ в зоне затопления Богучанской ГЭС в среднем течении р. Ангары в отложениях стоянки Колпаков Ручей был обнаружен палеолитический культурный слой. Комплекс характеризуется сочетанием отщепового ортогонального и радиального расщепления; параллельной однонаправленной и бипродольной редукции плоскостных и подобъемных нуклеусов, направленных на производство крупных пластин; параллельного плоскостного и подпризматического раскалывания, связанного с получением пластинок. В орудийном наборе представлены скребла, ретушированные пластины и отщепы, концевые скребки. Сочета-

---

* Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

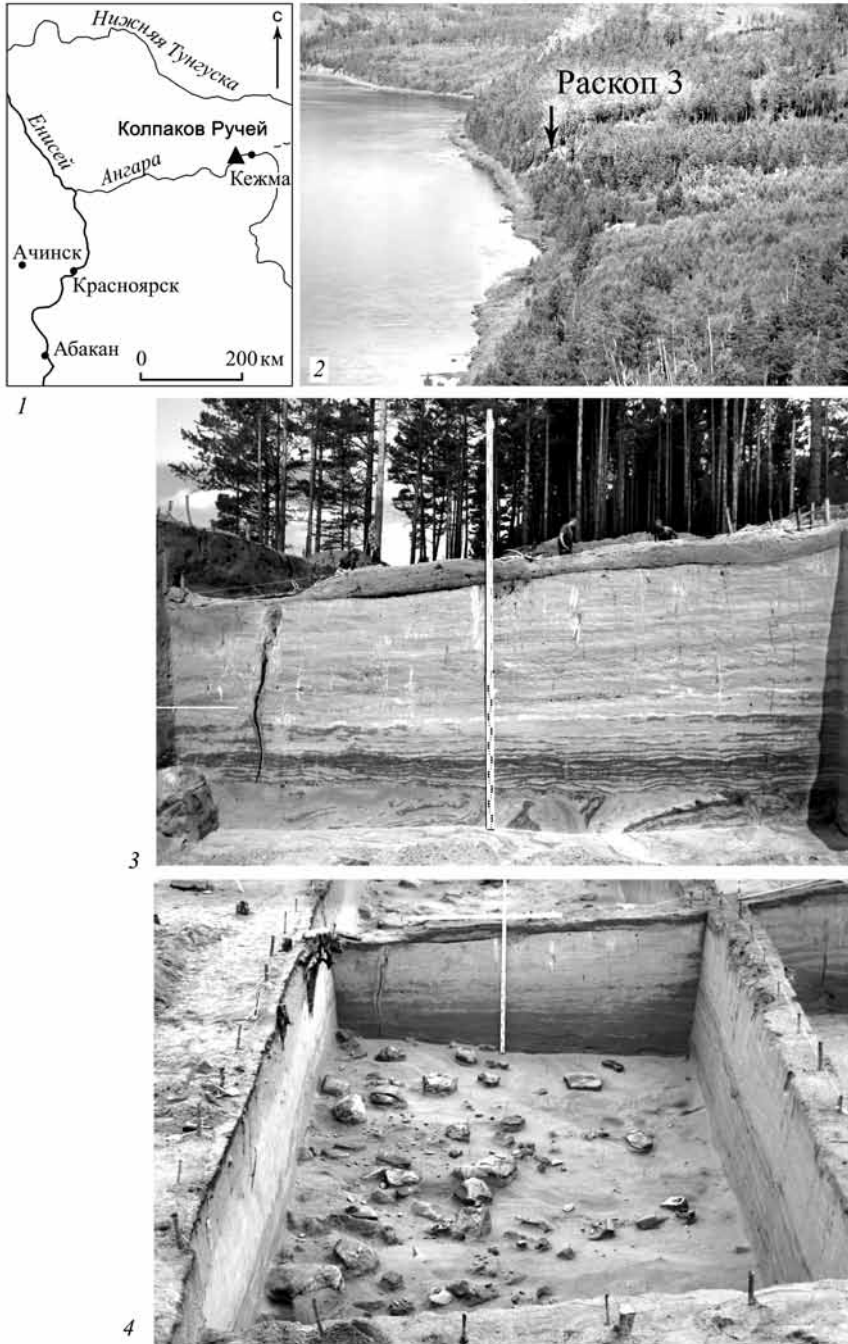

ние данных признаков характерно для наиболее ранних этапов верхнего палеолита Сибири и Центральной Азии. Поверхность изделий несет следы золотого воздействия. На основании комплекса стратиграфических, археологических и естественнонаучных данных этот слой может быть отнесен к первой половине каргинского интерстадиала (ок. 55–35 тыс. л. н.), что делает этот объект одним из древнейших на территории Среднего Приангарья.

Ключевые слова: Сибирь, Северное Приангарье, ранний этап верхнего палеолита, стратиграфия, каменная технология, ветровая коррозия.

Новостроечными археологическими изысканиями в зоне затопления Богучанской ГЭС, проводимыми экспедицией ИАЭТ СО РАН в 2007–2012 гг., была охвачена значительная площадь южной части Среднесибирского плоскогорья, связанная с долиной Ангары в среднем течении. Открытая еще в 1937 г. акад. А. П. Окладниковым Усть-Кова, которая относится к финалу последнего (каргинского) межледниковья, на протяжении многих лет исследований оставалась единственной палеолитической стоянкой в регионе (*Береговая*, 1960; *Васильевский и др.*, 1988). И вплоть до начала работ Богучанской археологической экспедиции в 2007 г. на всей территории Северного Приангарья не было известно ни одного стратифицированного объекта, за исключением упоминаний об отдельных артефактах «палеолитического облика» (*Медведев и др.*, 2009). Широкие площадные изыскания в зоне затопления позволили обнаружить и обследовать многочисленные памятники, относящиеся к разным этапам истории. Среди десятка палеолитических новооткрытых и опубликованных памятников значительный интерес представляет местонахождение Колпаков Ручей, расположенное в Кежемском районе Красноярского края (рис. 1, 1). Ландшафтная ситуация представлена типичными для Приангарья участками чередования светлохвойной и северной тайги, покрывающей территории пологоволнистых плато со средними высотами 300–400 м. Относительные превышения водоразделов над долинами рек здесь в среднем не превосходят 100–120 м. Географические координаты – 58° 47' 39,2" с. ш., 100° 57' 20,6" в. д.

Комплекс в устье р. Колпакова представляет собой концентрацию разновременных объектов (от палеолита до позднего средневековья), занимающих территорию, расположенную по обоим берегам ручья при впадении в Ангару. Он вытянут полосой шириной 80 м вдоль левого борта ангарской долины на протяжении 800 м. Культурные горизонты фиксируются в отложениях трех террасовидных морфоскульптур, имеющих относительные превышения 5–6, 9–10, 14–16 м. Две нижние – это относительно горизонтальные площадки с выраженными фронтальными и латеральными уступами. Третий уровень представлен в виде увала, обращенного эрозионным уступом в долину Ангары. К тальвегу долины Колпакова увал имеет плавный спуск со слабовыраженными перегибами. Описываемые террасовые уровни сложены преимущественно песчаными осадками различных генетических типов, подстилаемыми в основании валунными, галечными и щебнистыми отложениями. Абсолютная высота над урвнем

Рис. 1. Стоянка Колпаков Ручей

1 – географическое положение стоянки; 2 – общий вид стоянки с юга; 3 – стратиграфический разрез; 4 – вид на поверхность культурного слоя ПС-1

моря в максимальных точках составляет 176 и 181 м. В настоящее время данные отметки затоплены Богучанским водохранилищем.

Находки палеолита обнаружены на северной оконечности комплекса в раскопе № 3 (рис. 1, 2). Он размещен на субгоризонтальной площадке, в разрезе которой были обнаружены несколько культурных горизонтов. Горизонты с артефактами культур голоценового времени залегали на глубинах до 0,7–1,0 м от современной поверхности. Единственный горизонт палеолита (ПС-1), прослеженный на площади 200 кв. м, был зафиксирован на глубине до 2,5 м в литологическом слое VII. По простиранию ПС-1 локализуется пологим склоном с юга, эрозионным уступом с запада, крутым склоном местного водораздела с небольшими скальными выходами с севера, боковым распадком долины р. Колпакова с востока.

Вскрытием выявлена следующая стратиграфия (рис. 1, 3; табл. 1).

Глубже прокопать отложения в пределах раскопа на ограниченной площади не удалось из-за угрозы обрушения стенок. Основание разреза, сложенное слоистыми переувлажненными средне- и крупнозернистыми песками, оказалось чрезмерно сыпучим. Низы толщи были пройдены шурфом за пределами раскопа – у фронтального уступа террасы. Вскрытием выяснилось, что верхняя часть уступа (ЛС I–IV перекрыта покровным чехлом (голоценово-финальноплейстоценовым), залегающим согласно современному склону). Литологический слой VI у бровки выклинивается, а ЛС VII, напротив, обретает максимальную мощность. Включенный в него крупный обломочный материал залегает на горизонте разборной скалы юрского цоколя.

Геологический возраст

Совокупно описанный разрез представлен различными генетическими типами осадконакопления. Слои I–IV – это субазральная пачка эолового и делювиально-пролювиального происхождения. Слои III–I, сложенные элювиально-эоловыми песками и супесями, – голоценовые. По кровле ЛС IV, предположительно, проходит граница плейстоцена – голоцена. Заполнение клиньев верхней генерации породой, аналогичной основанию ЛС IV, предполагает, что уровень их заложения маркирует горизонты сартанского оледенения. В основании пачки слабо выражен горизонт почвообразования (IV б), деформированный солифлюксом и вертикальными трещинными текстурами криогенеза.

Слой V представляет собой смешанные субаквально-субазральные осадки, включающие серию горизонтальных прослоев палеопочвы. В зоне нижнего контакта наблюдается размыв. Формирование слоя можно связать с поздними термостадиалами каргинского межледникового или ранними интерстадиалами сартана.

Аллювиальная толща ЛС VI деформирована по всей мощности сингенетическими криотрещинами. Вероятнее всего, этот слой «перегляциального» аллювия (по: *Цейтлин*, 1979. С. 188) маркирует в разрезе шестнадцатиметровой террасы «холодное» время. Стратон уместно сопоставить с позднекаргинской (конощельской) криостадией. Двухъярусное строение вертикальных трещинных структур ЛС IV и VI указывает на былое существование в этой части разреза

Таблица 1. Стратиграфия раскопа 3

№	Описание литологического слоя (ЛС)	Мощность (м)
I	Современная почва серо-черного цвета, сложенная песками и супесями. Горизонт гумуса перекрыт тонкой дерниной и лесной подстилкой	0,18
II	Каштановая супесь. Горизонт современной почвы	0,10
III	Желто-серые тонкие супеси, неслоистые и пористые. Местами имеют слабовыраженные горизонтальные прослойки (до 1 см) и линзы погребенных горизонтов почвообразования бледно-серого цвета. Граница с подстилающим слоем постепенная	0,37
IV	Слой, сложенный мелко- и среднезернистыми песками и супесями. Цвет меняется от светло-желтоватого до темно-серого. Подразделяется на два горизонта: А-горизонт – среднезернистые пылеватые пески. Нечеткая верхняя граница является уровнем заложения мерзлотных трещин, заполненных супесью и палеопочвой. Длина трещин в среднем 0,3–0,7 м при ширине в устье 2–4 см; Б-горизонт – уровень почвообразования. В свежем состоянии представляется слабогумусированной толщей, при высыхании – белесый пылеватый, со сплошной карбонатной пропиткой. Отмечается смятие текстур в результате солифлюкции. От подошвы слоя фиксируется уровень заложения псевдоморфоз по мощным мерзлотным клиньям протяженностью до 1,5 м при ширине в устье 0,4–0,5 м. Подошва слоя близка к горизонтальной. Мощность горизонта – от 0,14 до 0,25 м	0,25–0,40
V	Крупные и разнозернистые пески с включением гравия, суглинки серовато-розоватого цвета. Местами встречаются от 3 до 5 уровней залегания слабогумусированных горизонтальных линз и слоев красно-коричневого цвета мощностью от 3 до 7 см. Имеются включения линз алевролита. Подошва неровная, преимущественно горизонтальная, вероятен «размыв» с нижележащими отложениями	0,12
VI	Мелкослоистые пески серовато-розового цвета. Слоистость волнистая, горизонтальная, местами линзовидная. Средняя мощность слоев – 2 см. Границы слоя отчетливые, субгоризонтальные. По всей мощности слоя прослеживается вертикальное сингенетическое мерзлотное растрескивание	1,36
VII	Песчано-алевритистый и гравийно-галечный слой с многочисленными грубообломочными включениями. Галечник мелкий, среднеокатанный, разнообразный по петрографическому составу. Обломочная фракция составлена выносом местной скалы – дресвой, щебнем, валунами и глыбами. Глыбы с хорошо заглаженными гранями представлены долеритами (размер меняется от 0,5 до 1 м и более), с внешней (экспонируемой) стороны покрыты карбонатной коркой. Размер валунов – от 0,2 м и до 0,5 м. Материал не сортирован. Слой содержит артефакты палеолитического облика (культурный слой ПС-1)	от 0,04 до 0,15
VIII	Красноцветные мелкозернистые глинистые пески с признаками косой диагональной слоистости. Слойки на латеральном профиле имеют уклон к тыловому шву ангарской террасы под углом 15–25°. На фронтальном фазе границы слоев ориентированы согласно падению склона. Серийные швы косой слоистости (мощностью 0,4–0,6 м) залегают субгоризонтально. Слой деформирован крупными псевдоморфозами по ледяным жилам клиновидной и котлообразной формы. Верхняя граница слоя резкая, очевидна, с перерывом. Уровень заложения криогенных структур в профиле не фиксируется	до 0,60 (видимая)

многолетне-промерзшей толщи – «вечной» мерзлоты, очевидно, на ранних (гыданских) стадиях сартанского криохрона. Вторая генерация – это эпигенетические морозобойные клинья, прослеженные с подошвы ЛС IV, имеют шаг между трещинами до 4–6 м. Они образуют полигоны, расчленяя поверхность слоя на блоки мелких тектонических сбросов по 0,4–0,2 м. Первая генерация, происходящая из ЛС VI, образует мелкую полигональную сетку из тонких трещин.

Наличие в ЛС VII значительного количества грубообломочного материала местной скалы, а также явно транзитные валуны и мелкая галька 2–3 класса окатанности находят аналогии в описаниях С. А. Лаухина, который выделил муруктинский горизонт в отложениях 4 и 3 террасы в долинах Енисея и Ангары (Лаухин, 1967. С. 12). Карбонатный осадок на поверхности обломков свидетельствует о выветривании в субэразьных условиях. В песчано-гравийном заполнении между обломками залегают многочисленные находки ПС-1. Местами слой разорван псевдоморфозами клиньев, внедренных сверху. Резкий контакт с нижележащим слоем свидетельствует о существенном перерыве в осадконакоплении и указывает на наличие в данной части разреза поверхности дефляции (коры выветривания?).

Определение генезиса ЛС VIII затруднительно. Теоретически красноцветная толща глинистых слоистых песков может относиться к русловым группам фаций «теплого» аллювия третьей или четвертой надпойменной ангарской террасы. С другой стороны, характер текстуры описываемого слоя – диагональные косые серии по латеральному профилю (вдоль боковой долины) и наклонные серийные швы (согласно склону) во фронтальной проекции – могут указывать на принадлежность толщи к отложениям конуса выноса в устье р. Колпакова. Мощные криогенные нарушения и солифлюкция, зафиксированные в ЛС VIII, не оказали заметного влияния на сохранность ПС-1. Интересно, что песчано-пылеватая порода, заполняющая упомянутые псевдоморфозы, выше по разрезу не встречается и выглядит гетерогенной. Данное обстоятельство объясняется длительным перерывом в осадконакоплении, связанным с существованием на контакте ЛС VIII и VII особого палеоклиматического события. Геологический возраст ЛС VIII может оказаться домуруктинским, но наложенный на него ЛС VII, вмещающий палеолитический материал, представляется значительно моложе.

Характеристика комплекса находок ПС-1

Находки в слое залежали относительно разреженным пятном (до 3 предметов на квадрат). Очевидной закономерностью их расположения следует признать связь с площадкой, хаотично усеянной крупными валунами и глыбами. Отмечено, что основания валунов покоятся на разных уровнях в интервале до 0,5 м, а слой с находками лежит субгоризонтально и не связан с основаниями камней. Обломочная порода своеобразно «бронировала» поверхность, частично предохраняя ее от плоскостной эрозии. В промежутках между камнями, особенно в незначительных естественных углублениях микрорельефа, в основном и сохранился маломощный песчано-гравийный прослой, содержащий артефакты. В местах, где этот мелкозём вынесен или минимален, археологический

материал отсутствует (рис. 1, 3). Несомненных свидетельств сохранившихся структур обитания в ПС-1 зафиксировать не удалось.

Всего в ПС-1 было обнаружено 584 предмета, из них 552 изделия из камня и 32 фрагмента костных остатков. Остеологический материал, относительно однородный по внешнему виду и степени фоссилизации, в большинстве представлен неопределимыми обломками (23 шт.). Несколько костей имели удовлетворительную сохранность и получили видовое определение: косуля *Capreolus*, северный олень *Rangifer tarandus*, сибирский горный козел *Capra sibirica*, лошадь *Equus sp.*, заяц-беляк *Lepus timidus*. В анатомическом ассортименте представлены кости расчлененных конечностей и обломки позвонков (определения С. К. Васильева). Фаунистический комплекс указывает на существование участков горно-таежной местности и открытых ландшафтов.

Индустрия характеризуется значительным разнообразием сырья для каменного производства (халцедон, кремь, траппы, кварцит). Поверхности всех артефактов слабо коррадированы. Они имеют следы легкого блеска, «люстража». Значительное влияние на сохранность находок оказало криогенное воздействие. Отмечается большое количество осколков и обломков (153 экз.), а также чешуек (41 экз.) без стандартных признаков искусственного скола. Их число составляет около 35 % от всего состава коллекции каменных артефактов. На поверхности некоторых артефактов прослеживаются мелкие каверны, появившиеся также в результате термического воздействия (рис. 2, 10).

Остальная часть коллекции насчитывает 358 изделий из камня. Количество нуклевидных форм велико (28 экз., 7,84 % от состава коллекции; здесь и далее процентные показатели приводятся без учета осколков, обломков и чешуек). Среди них преобладают нуклевидные обломки со следами бессистемных и ортогональных снятий (9 экз.), а также гальки – преформы нуклеусов с подготовленными ударными площадками (4 экз.). Морфологически определяемые формы нуклеусов маловыразительны, они несут следы субпараллельных и ортогональных снятий пластин и отщепов. Они представлены кубовидными ортогональными (3 экз.), одноплощадочными (6 экз.) (рис. 2, 8) и двуплощадочными монофронтальными (1 экз.) нуклеусами. Размеры этих изделий варьируют следующим образом: длина укладывается в пределах 56–90 мм (средний размер – 71 мм); ширина составляет от 36 до 104 мм (средние показатели – 64 мм). Наряду с этими достаточно примитивно выглядящими формами представлены плоскостные микронуклеусы с негативами снятиями пластинок, характерные для начальной стадии верхнего палеолита Южной Сибири (длина – 32–33 мм и ширина – 31–26 мм) (2 экз.) (рис. 3, 1). Единичными предметами представлены подпризматические одноплощадочные и радиальные нуклеусы. Кроме того, один радиальный нуклеус был переоформлен в выпуклое продольное скребло (рис. 2, 10).

Индустрия сколов представлена в основном отщепами (249 экз., 69,75 %). Большинство предметов имеют гладкие площадки, однако есть сколы и с фасетированными и двугранными площадками. Отщепы несут субпараллельные, ортогональные и центростремительные негативы снятий (рис. 2, 5, 6). Длина этих изделий имеет следующие показатели (приводятся данные только по целым предметам, 95 экз.): до 30 мм – 55 экз., 30–60 мм – 37 экз., от 60 мм (макс.

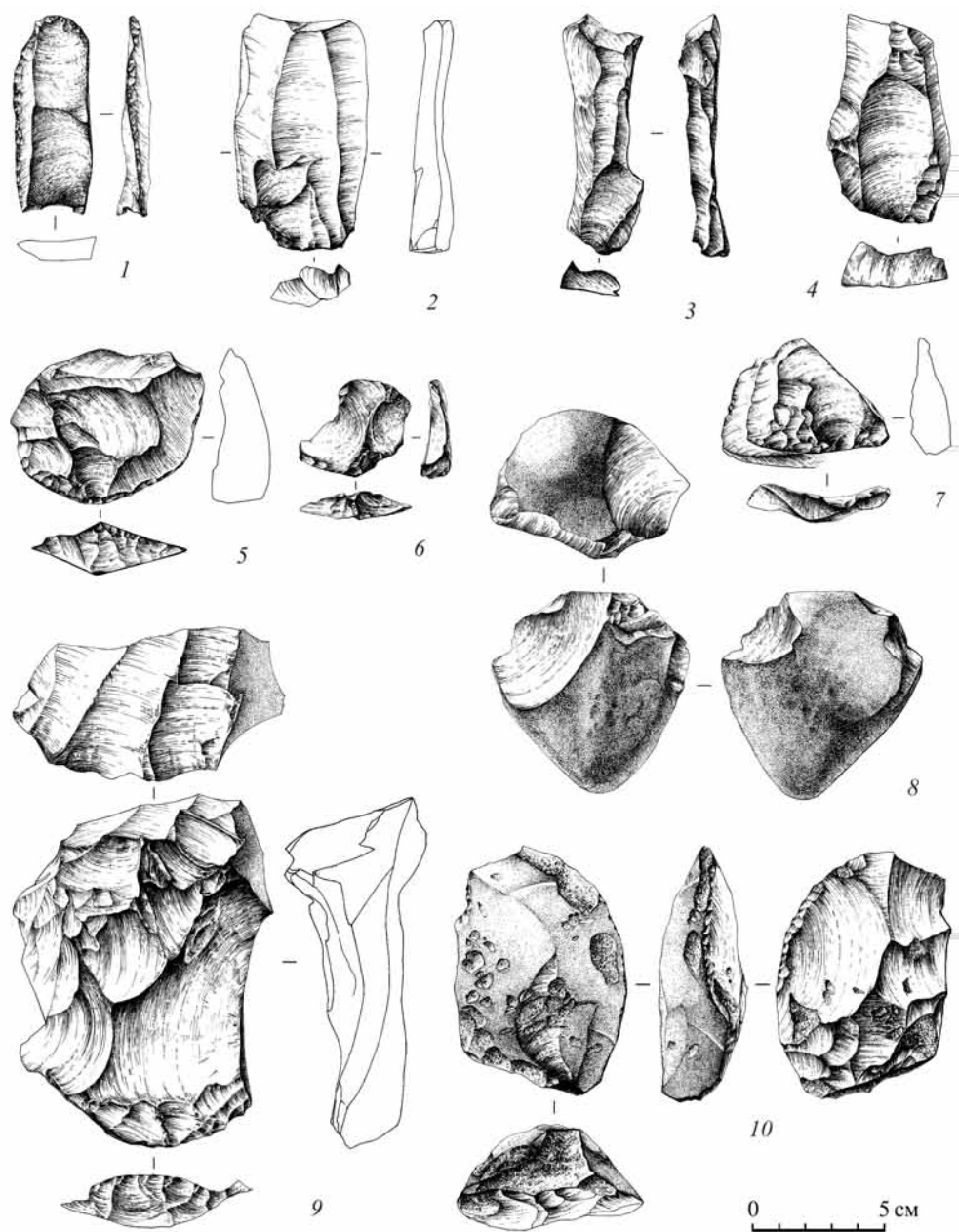
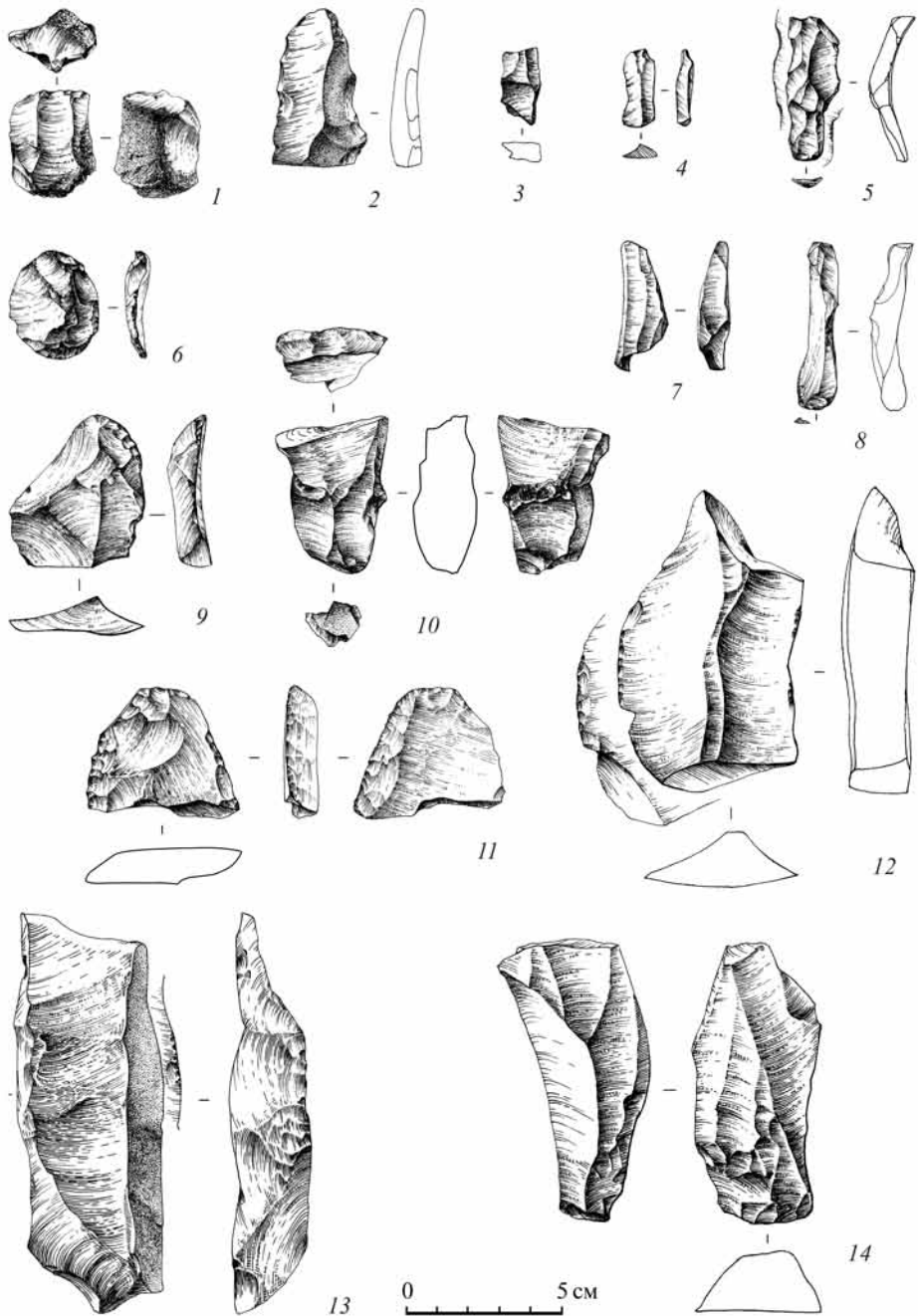

Рис. 2. Стоянка Колпаков Ручей. Каменные артефакты

1, 7, 10 – орудия, 2–4 – пластины; 5, 6 – отщепы; 8 – нуклеус; 9 – технический скол

Рис. 3. Стоянка Колпаков Ручей. Каменные артефакты

1 – нуклеус; 2 – пластина; 3–5, 7, 8, 13, 14 – технические сколы; 6, 9, 10–12 – орудия

размер – 88 мм) – 4 экз. Ширина до 30 мм – 66 экз., 30–60 мм – 18 экз. (максимальный размер – 44 мм). Технические сколы (14 экз., 3,92 %) свидетельствуют о существовании развитых приемов пластинчатого расщепления, в том числе и подпризматического. Среди них присутствуют: реберчатые пластины (4 экз.), краевые сколы, в том числе очень крупные, имеющие длину до 118 мм – 5 экз. (рис. 3, 3, 7, 13); ныряющие сколы с подпризматических нуклеусов – 4 экз. (рис. 3, 5, 8, 14); поперечное снятие ударной площадки нуклеуса (или латерали нуклеуса) – 1 экз. (рис. 2, 9). Последнее изделие имеет длину 122 мм и ширину 82 мм и несет на дистальном окончании негативы снятий правильных крупных пластин. Таким образом, коллекция технических снятий дает представление о размерности и способах редукции пластинчатых нуклеусов, не представленных в коллекции.

Наблюдение о наличии устойчивого и выраженного компонента пластинчатой технологии в репертуаре носителей данной традиции дополняют данные о пластинах в составе коллекции. Всего было выявлено 47 пластин, что составляет 13,1 % от комплекса нуклеусов, сколов и орудий. Так как подавляющее большинство артефактов данного типа фрагментировано (максимальная длина пластины составляет 87 мм), мы приводим метрические данные, относящиеся только к ширине сколов. Около трети пластинчатых форм могут быть определены как пластинки, имеющие ширину от 7 до 12 мм (17 предметов) (рис. 3, 4). К категории средних пластин, имеющих ширину от 13 до 20 мм включительно, отнесены 17 артефактов (рис. 3, 2). Ширину от 21 до 48 мм имеют 13 артефактов. Эта группа пластин выделена благодаря особенностям своей морфологии: это крупные массивные удлинённые пластины, имеющие правильные очертания, и в ряде случаев фасетированные и двугранные ударные площадки. Эти сколы были получены в рамках бипродольного расщепления, дорсальные поверхности артефактов несут негативы встречных пластинчатых снятий (рис. 2, 1–4; 3, 12).

Орудийный набор насчитывает 19 предметов (5,32 %); в него входят ретушированная пластина крупных размеров – 1 экз. (рис. 3, 12); боковой скребок – 1 экз.; концевые скребки – 2 экз. (рис. 3, 6, 9); двойное противоположащее скребло на отщепе – 1 экз. (рис. 3, 11); выпуклое продольное одинарное скребло, изготовленное на переоформленном нуклеусе – 1 экз. (рис. 2, 10); ретушированные отщепы – 10 экз. (рис. 2, 7); предмет с резцовым сколом – 1 экз. (рис. 3, 10); долотовидное орудие – 1 экз., а также комбинированное орудие, оформленное на удлинённой пластине с бипродольной огранкой, продольный край которой оформлен плоской чешуйчатой ретушью, в то время как дистальное окончание обработано полукрутой параллельной скребковой ретушью (рис. 2, 1).

Обсуждение

Исследованный нами археологический комплекс характеризуется сочетанием отщепового ортогонального и радиального расщепления; параллельной однонаправленной и бипродольной редукции плоскостных и подобъемных

нуклеусов, направленных на производство крупных пластин; параллельного плоскостного и подпризматического раскалывания, связанного с получением пластинок. В орудийном наборе представлены скребла, ретушированные пластины и отщепы и концевые скребки. Сочетание данных признаков характерно для наиболее ранних этапов верхнего палеолита Сибири и Центральной Азии. Поверхность артефактов несет следы морозного воздействия и слабой ветровой корразии – пескоструйной обработки, связанной с переносимыми регулярными и сильными ветрами твердыми частицами горных пород. По степени ветровой корразии поверхности артефактов и стратиграфической позиции данный комплекс может соответствовать так называемому «макаровскому палеолитическому пласту», выделенному на территории Верхней Лены и Южного Приангарья. Мы пользуемся этим таксоном, поскольку он относится к кругу ближайших региональных аналогий.

Изначально «макаровский пласт» определялся как литостратиграфическое подразделение с «уточняющим компонентом» – «диагностическими археологическими остатками» (Аксёнов, 2009. С. 66). Эти индустрии, по мнению Г. И. Медведева, относятся к хронологическому промежутку между финалом казанцевского межстадиала и начальным этапом муруктинского оледенения 110 000–70 000–60 000 л. н. Комплексы «макаровского культурного пласта», подвергшиеся воздействию палеопустынной обстановки, должны быть отнесены к переходу от среднего к верхнему палеолиту или началу верхнего палеолита (Медведев, 2001. С. 270).

Данная группа фиксируется по прибайкальским рекам Ангаре, Белой, Осе и Лене на относительной высоте 15–50 м. Она характеризуется объектами, находящимися в переотложенном состоянии, которые включены в солифлюкцию, синхронизированную с рубежом каргинского термохрона – началом сартана (35–25 тыс. л. н.). Процессы постдепозиционных изменений объектов «макаровского пласта» ознаменованы «большим диапазоном рассеивания и частичного смещения с более древними образцами» (Медведев, 1983. С. 39).

Непосредственно комплекс Макарово IV, опорный для данного культурно-стратиграфического подразделения, конвенционально признается переотложенным, заключённым в позднекаргинско-раннесартанские солифлюкцированные отложения (Аксёнов, 2009. С. 197). «Макаровские» материалы, включенные в раннемуруктинские отложения, найдены на Горе Игетей. Ранние каргинские находки пласта представлены на Георгиевской и на Горе Игетей. На поздние этапы подразделения приходятся Усть-Кова, Бражная, Мамоны, Военный Госпиталь. Следы эоловой корразии в коллекциях камня здесь отсутствуют (Медведев, Воробьёва, 1998. С. 154; Медведев, Новосельцева, 2011). Также отсутствуют следы корразии на нескольких артефактах из предположительно раннемуруктинских отложений стоянки Черемушник I. Среди этих находок имеется типичный клиновидный нуклеус для снятия микропластинок, изготовленный в позднепалеолитической технике юбецу (Есида и др., 2007). Стратиграфическое положение этого предмета не может не вызывать вопросов.

Помимо такого неперемного признака, как слабая или средняя степень корразии, морфолого-технологические характеристики «макаровского» пласта включают преимущественно плоскостное однонаправленное параллельное

расщепление, направленное на производство средних пластин и их преимущественное использование в качестве заготовки орудий. Базовыми морфологическими группами называются следующие формы: концевые скребки на пластинах, скребла, галечные орудия, острия с бифасиальным уплощением основания. (Медведев, Складьевский, 1982; Медведев, Воробьёва, 1998. С. 154; Волокитин, 1990. С. 94, 95).

Однозначно отдавая предпочтение ранним этапам муруктинского оледенения как времени появления эоловой корразии на артефактах, Г. И. Медведев и коллеги датируют изготовление этих артефактов пре-муруктинским возрастом. Вместе с тем – в муруктинском оледенении известно несколько циклов похолодания–потепления. Также во внимание не принимается возможность выветривания поверхности изделий в начале каргинского интерстадиала. Согласно результатам глубинного бурения, по данным анализа обилия створок диатомовых водорослей в Байкале, все каргинское межледниковье было холодным, но с двумя потеплениями около 54–51,5 и 39,1 тыс. л. н. (Swann *et al.*, 2005). Согласно изменениям индекса степной и лесной растительности по палинологическим данным, известно, что первая треть каргинского межледниковья была холодной и относительно сухой, середина – умеренно-холодной и влажнее, а финал – холодный и относительно влажный (A new Quaternary record..., 2005). Как показывает анализ донных отложений этого же озера, здесь прослеживаются следы холодных климатических эпизодов Хайнрих 3, 4 и 5 (29–31, 38 и 45 тыс. л. н.), связанных с активизацией эоловой деятельности и сдувом рыхлых отложений в Байкал (Prokopenko *et al.*, 2001).

Также весьма важным является и то, что индустрии, объединяемые ныне в рамках «макаровского пласта», обладают совершенно разными технологическими и типологическими характеристиками. Муруктинские комплексы из отложений Горы Игетей не имеют никаких общих черт, например, с индустриями собственно Макарово-4; в рамках «макаровского пласта» могут объединяться как отщеповые, так и пластинчатые индустрии, комплексы с весомым верхнепалеолитическим компонентом и индустрии, не имеющие таковых признаков. Традиция производства крупных пластин с бипродольных нуклеусов, фиксируемая нами в индустрии Колпакова Ручья, не представлена в комплексе Макарово-4. Прослеживается наличие одних и тех же специфических типов орудий, таких как, например, острия с бифасиальной подтеской основания, как в коррадированных, так и в некоррадированных комплексах (Рыбин, Глушенко, 2014). Целый ряд компонентов каменного производства Макарово-4 нашли развитие в индустриях Макарово 2 и Макарово-3 (Аксёнов, Шуньков, 1982. С. 116). Учитывая, что эти индустрии, как предполагается, разделены возрастом в 50 000 лет, ранний возраст «макаровского» пласта представляется весьма дискуссионным. На основании вышеизложенного можно утверждать, что классификационное значение «макаровского пласта», являющегося, по нашему мнению, искусственным механическим соединением разнородных индустрий и смешанных разновременных комплексов, представляет, скорее, историографический интерес.

Заключение

Литоморфология ЛС VII, вмещающего палеолитические находки, очевидно, свидетельствует о его преимущественно денудационной природе. Раскопками обнажена ситуация не определенных во времени палеоклиматических событий – сохранившиеся участки после интенсивного выветривания и выноса рыхлого материала с данной поверхности. Время сложения слоя должно укладываться в некие эпизоды муруктинского климатолита или же в ранние криостадиалы каргинского межледниковья. Говоря о геохронологии ЛС VII в связи с вмещенными в него артефактами, мы вынуждены констатировать, что находки ПС-1 не могут оказаться древнее приведенных геохронологических подразделений. Верхняя его граница не может быть моложе позднекаргинских криостадий или стадий раннего сартана, соотнесенных с ЛС VI.

Безусловно, открытие и изучение Колпакова Ручья в Приангарье имеет особое значение. В кратчайшие сроки спасательных полевых работ в ходе строительства ГЭС удалось зафиксировать наличие, очевидно, переотложенного горизонта находок ПС-1. Относительно невысокое (до 16 м) над днищем ангарской долины гипсометрическое положение памятника делает его редким в палеолите региона. Остается актуальным вопрос, насколько удаленное перемещение (переотложение) археологического материала предшествовало зафиксированной картине. Возможно, последующие процессы «морской» абразии в местных склонах позволяют дополнить наши представления об этом.

Закономерны вопросы по атрибуции каменных артефактов. Интерпретация допускается в двух основных вариантах. Первый вариант: ПС-1 – это комплекс, смешанный из компонентов среднего палеолита, раннего верхнего и вплоть до палеолита средней поры или «классического звена». Второй вариант – ансамбль относительно гомогенный и не в силу фиксируемой степени корразии, а на основании достаточно строгой стратиграфической позиции залегания в маломощном слое, маркирующем денудационную поверхность среднезырянского (муруктинского) ледниковья. Данный вариант представляется весьма вероятным и неспецифическим для предполагаемой ранневерхнепалеолитической атрибуции данного объекта. Другое дело, что подобные технокомплексы в Приангарье недостаточно изучены и их углубленное технолого-морфологическое определение еще ожидает своего часа.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксёнов М. П.*, 2009. Палеолит и мезолит Верхней Лены. Иркутск: ИрГТУ. 370 с., ил.
- Аксёнов М. П., Шуньков М. В.*, 1982. Возраст и место стоянки Макарово III в палеолите Верхней Лены // Палеолит и мезолит юга Сибири: Сб. науч. тр. Иркутск: Иркутский гос. ун-т. С. 108–126.
- Береговая Н. П.*, 1960. Палеолитические местонахождения СССР. М.; Л.: АН СССР. 216 с. (МИА; № 81).
- Васильевский Р. С., Бурилов В. В., Дроздов Н. И.*, 1988. Археологические памятники Северного Приангарья. Новосибирск: Наука. 244 с.

- Волокитин А. В., 1990. Хронологические группы палеолита Ангаро-Окинского района // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки: Докл. Междунар. симп. Новосибирск: Ин-т истории: Ин-т теплофизики. С. 94–96.
- Есида К., Като Х., Когай С. А., Липнина Е. А., Медведев Г. И., Новосельцева В. М., Орлова Л. А., Ощепкова Е. Б., Роговской Е. О., Слагода Е. А., Таракановский С. П., 2007. Черемушник I, II // Северная Азия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. Сибирская археологическая полевая школа: путеводитель экскурсий / Отв. ред. Г. И. Медведев. Иркутск: Отгиск. С. 55–62.
- Лаухин С. А., 1967. Верхнекайназойские отложения и палеогеография Северного Приангарья в позднем кайнозое: Автореф. дис. ... канд. геол.-мин. Наук. М.: МГУ. 20 с.
- Медведев Г. И., 1983. Палеолитические обитатели юга Сибирского плоскогорья и древние культуры Северной Америки // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки / Отв. ред. Р. С. Васильевский. Новосибирск: Наука. С. 36–41.
- Медведев Г. И., 2001. О геостратиграфии ансамблей эолово-коррадированных артефактов Байкальской Сибири // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения: Материалы докл. Междунар. симп., посвящ. 130-летию открытия палеолита в России (1–9 авг. 2001 г., Иркутск) / Отв. ред.: А. П. Деревянко, Г. И. Медведев. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 267–272.
- Медведев Г. И., Воробьёва Г. А., 1998. К проблеме группировки геoarхеологических объектов Байкало-Енисейской Сибири // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий: Материалы Междунар. симп.: В 2 т. / Отв. ред. А. П. Деревянко. Т. 2. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 148–159.
- Медведев Г. И., Новосельцева В. М., 2011. Хронология, стратиграфия и техноморфология комплекса артефактов геoarхеологического местонахождения Гора Игетей I // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. Т. 10. Вып. 7: Археология и этнография. С. 100–111.
- Медведев Г. И., Склярский М. Я., 1982. Проблемы изучения палеолитических изделий из камня с эоловой коррозией обработанных поверхностей (возраст – культура – география) // Проблемы археологии и этнографии Сибири: Тез. докл. регион. конф. (7–9 апр. 1982 г.) / Отв. ред. Г. И. Медведев. Иркутск: Иркутский гос. ун-т. С. 41–43.
- Медведев Г. И., Роговской Е. О., Липнина Е. А., Лохов Д. Н., Таракановский С. П., 2009. Северное Приангарье. Введение в плейстоценовую археологию // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг.: Всерос. семинар, посвящ. 125-летию Б. Э. Петри (Иркутск, 3–6 мая 2009 г.). Иркутск: Амтера. С. 298–309.
- Рыбин Е. П., Глушенко М. А., 2014. Специфический тип орудий начальной стадии верхнего палеолита в Южной Сибири // Верхний палеолит Евразии и Северной Америки: памятники, культуры, традиции: Сб. ст. памяти М. В. Аниковича / Отв. ред. С. А. Васильев. СПб.: Петербургское востоковедение. С. 238–255.
- Цейтлин С. М., 1979. Геология палеолита Северной Азии. М.: Наука. 284 с., ил.
- A new Quaternary record of regional tectonic, sedimentation and paleoclimate changes from drill core BDP-99 at Posolskaya Bank, Lake Baikal: BDP-99 Baikal Drilling Project Members // Quaternary International. 2005. Vol. 136. No. 1. P. 105–121.
- Prokopenko A. A., Karabanov E. B., Williams D. F., Kuzmin M. I., Khursevich G. K., Gvozdkov A. A., 2001. The detailed record of climatic events during the past 75,000 yrs BP from the Lake Baikal drill core BDP-93-2 // Quaternary International. Vol. 80–81. P. 59–68.
- Swann G. E. A., Mackay A. W., Leng M. J., Demory F., 2005. Climatic change in Central Asia during MIS 3/2: a case study using biological responses from Lake Baikal // Global and Planetary Change. Vol. 46. P. 235–253.

Сведения об авторах.

Рыбин Евгений Павладьевич, Институт археологии и этнографии СО РАН, пр-т Ак. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия; e-mail: ryber@yandex.ru;

Мещерин Михаил Николаевич, ООО «Красноярская Геоархеология», г. Красноярск, пр-т Мира, 25, стр. 1, 660049, Россия; e-mail: mnm16@yandex.ru.

E. P. Rybin, M. N. Meshcherin

KOLPAKOV RUCHEY SITE: EARLY UPPER PALEOLITHIC
ON THE MIDDLE ANGARA RIVER (SIBERIA, KRASNOYARSK REGION).

Abstract. During rescue excavations in the flood zone of Boguchan hydroelectric power station in the Middle Angara reaches in the cultural deposits of the Kolpakov Ruchey site Palaeolithic layer was discovered. The tool complex is characterized by combination of orthogonal and radial flake knapping; parallel uni- and bidirectional reduction of flat-faced and sub-volumetric cores designed for producing big blades; parallel flat and subprismatic reduction technology related to bladelets production. The tool set comprises side-scrapers, retouched blades and flakes, end-scrapers. Combination of such features is typical of the earliest stages of the Upper Palaeolithic in Siberia and Central Asia. On the surface of the artifacts traces of aeolian surface abrasion are visible. Proceeding from the complex of stratigraphic, archaeological and natural-scientific data the layer in question may date back to the first half of the Karginsky interstadial (ca. 55–35 thousand BP), which makes it possible to consider the complex one of the earliest ever known in the Middle Angara region.

Keywords: Siberia, Middle Angara region, early stage of the Upper Palaeolithic, stratigraphy, lithic technology, aeolian abrasion.

About the authors.

Rybin Evgeniy P., Institute of Archaeology and Ethnography Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Ac. Lavrentiev av., 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: rybep@yandex.ru;

Meshcherin Mikhail N., Ltd “Geoarchaeology of Krasnoyarsk”, Mira av., 25/1, Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation; e-mail: mnm16@yandex.ru.

А. Н. Сорокин, М. Хамакава

ЖИЛИЩА СТОЯНКИ ШАГАРА 4

Резюме. Жилые объекты эпохи мезолита – явление уникальное и достаточно сложное в источниковедческом отношении. В статье рассматриваются два сооружения, раскопанных в 1987 и 1994 гг. на стоянке Шагара 4 на территории Мещерской низменности, которые были интерпретированы в качестве жилищ. Они представляли собой крупные зольно-углистые пятна, заглубленные в материк до 0,5 м. Проведено сопоставление внешних признаков древних объектов с раннесредневековым жилищем, также изученным в Шагаре 4, и предложена их интерпретация с учетом постпозиционных изменений.

Ключевые слова: мезолит, Великие Мещерские озера, Шагара 4, жилища, пурга-совская культура, задне-пилевская культура.

Жилые объекты эпохи мезолита – явление уникальное и достаточно сложное в источниковедческом отношении (*Newell, 1981; Леонова, 2004*). Это неудивительно, потому что от времени их функционирования и до момента раскопок они успевали претерпеть значительные постпозиционные изменения, в результате которых до археологов доходят лишь «следы следов». Впрочем, много сложно ожидать в силу того, что они обычно сооружались с применением органических материалов, которые, как известно, относятся к категории бранных останков. Условия лесной зоны таковы, что в самом факте наличия жилищ сомневаться не приходится, однако на вопрос, что можно интерпретировать как их следы, однозначного ответа нет. Не вызывает сомнения, что в мезолите в северных широтах жилища не сооружали из камня и кирпича, и здесь не было глинобитного строительства. В то же время очевидно, что те материалы, которые могли использоваться при их возведении, на наиболее массовом виде археологических источников – дюнных стоянках – чаще всего с течением времени исчезали, причем за редчайшим исключением – практически бесследно. В лучшем случае мы фиксируем котлованы, негативы столбов, некие элементы обкладки стен, углистые полосы и кострища, а также аморфные пятна концентрации артефактов, по совокупности которых и делаем, собственно, выводы о присутствии на памятниках жилых построек. Очевидно и то, что зыбкость фиксируемых признаков определяет спорность любых реконструкций. Не лучше, к сожалению, обстоит дело и с торфяниковыми стоянками, где встречаются в изобилии колья и можно бывает различить элементы конструкции. Однако даже на таком классическом памятнике, как стоянка Веретье I, где сохранность древесины просто потрясающая, далеко не так много признаков, по которым можно реконструировать реальный облик древних построек (*Ошибкина, 1983. С. 80, 81; 1997. С. 19–40; 2006. С. 8–13, 133, 135–139; Сорокин и др., 2009. С. 282, 283*). Означает ли это, что реконструкции не надо пытаться делать вообще? Уверены, что надо, ведь только поиск и интерпретация следов и могут в конечном итоге привести нас к ответу на вопрос, а что же представляли собой жилища эпохи мезолита?

Были ли мезолитические жилища наземными или заглубленными, каркасной или столбовой конструкции, жили ли люди в шалашах, или обитатели лесной зоны уже умели строить срубы, как и могли ли они реально рыть глубокие котлованы – вот те вопросы, которые стояли и стоят перед исследователями и пока, увы, остаются в массе своей безответными. Однако не вызывает сомнения тот факт, что и единичные объекты, интерпретированные в качестве жилых, необходимо публиковать. Уже хотя бы для того, чтобы сведения о них становились общедоступными, наращивался информационный потенциал и медленно, но верно появлялся сравнительный материал. Такая задача и побудила к написанию данной статьи, целью которой служит введение в научный оборот данных, полученных при изучении жилищ стоянки Шагара 4.

Шагара 4 была открыта А. В. Трусовым в 1975 г., который заложил здесь шурф и собрал подъемный материал. Раскопки производились дважды: в 1987 г. Е. Д. Каверзневой и А. Н. Сорокиным было вскрыто 145 м² (*Каверзнева, 1987; Кравцов, Сорокин, 1991*) и еще 80 м² было вскрыто А. Н. Сорокиным в 1994 г. (*Сорокин, 1994*). На этой площади было зафиксировано три жилища, два из которых были отнесены к мезолиту, а третье – к раннему средневековью. В статье будут рассматриваться предметно лишь два первых из них.

Памятник располагается на южном берегу оз. Шагара, в 500 м к ССВ от д. Барское Спас-Клепиковского р-на Рязанской области. Он занимает слабо выраженный мыс первой озерной террасы высотой до 3 м над межленным уровнем воды (рис. 1). Учитывая, что Мещерская низменность испытывает неотектоническое прогибание, реальная высота стоянки в начале голоцена была значительно выше, и вся ее прибрежная часть в настоящее время затоплена водой. Протяженность памятника с В на З вдоль берега озера составляет около 250 м, с С на Ю – порядка 100 м. Дерновый покров слабый, поверхность во многих местах развеивается.

Стоянка Шагара 4 приурочена к центральной части Мещерской низменности, к ее наиболее пониженной части, служившей во время московского и окского оледенений ложбиной стока ледниковых вод, когда сама ее территория являлась огромным приледниковым озерным водоемом. Мещерская низменность – это аллювиально-зандровая равнина, основные черты которой сложились еще в эпоху ледниковья (Асеев, 1959; Абатуров, 1968). Цепочка современных Великих Мещерских (иначе: Спас-Клепиковских) озер, дренируемых р. Прой, является своеобразным реликтом этого, некогда существовавшего, обширного ледникового водоема. Окончательно озерная система сформировалась в валдайское время. Озеро Шагара располагается в ее южной части.

Местность в ближайших окрестностях стоянки Шагара 4 представляет собой низинный, местами заболоченный участок. Черты рельефа носят несомненные признаки воздействия талых ледниковых вод, оставивших ряд ныне заторфованных рукавов прорыва, разорвавших песчаные напластования и оставивших многочисленные гривы, останцы и береговые валы. В дополнение к ним часто встречаются дюны эолового происхождения, локализуемые преимущественно на бортовых террасах. К ним и бывают, как правило, приурочены памятники.

Судя по многочисленным объектам археологического наследия южного берега оз. Шагара, его заселение произошло не позднее начала мезолита и продолжалось, по-видимому, без существенных перерывов вплоть до современности. Однако поселения не существовали непрерывно, а возникали спорадически на тех или иных удобных местах. В каких-то случаях поздние слои не просто перекрывали более ранние, но и уничтожали их; реже древние находки наоборот консервировались. Последнее имело место в тех случаях, когда был значительный перерыв в заселении конкретного участка и за счет эоловых и почвенных процессов успевал сформировать перекрывающий слой. Наиболее интенсивно седиментационные процессы шли в ходе дюнообразования, особенно в финале плейстоцена. В таких случаях сформировавшийся стерильный горизонт с подстилающими его культурными напластованиями и перерабатывались почвенными процессами, а при повторном заселении – и более поздними обитателями. Если, однако, позднее население не вело активной хозяйственной деятельности на всей площади более раннего поселения, последствия были менее катастрофичными. Так случилось и с Шагарой 4, где мезолитические слои в пределах раскопов не были перемешаны целиком и дали сравнительно «чистые» материалы.

Раскоп № 1 1987 г. общей площадью 143 м² был заложен в 10 м от береговой кромки и ориентирован по сторонам света. Сначала была разбита площадь

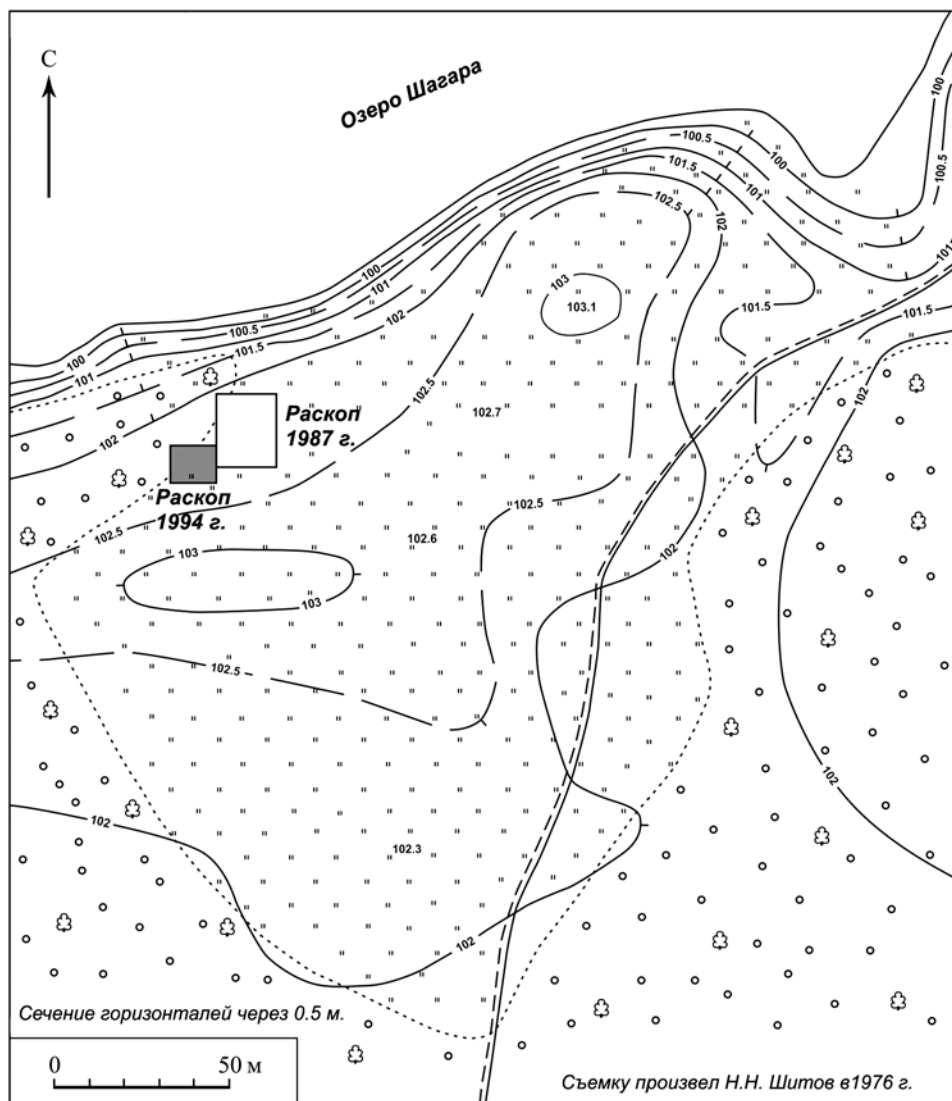

Рис. 1. Стоянка Шагара 4. Топографический план памятника

10 × 10 м, впоследствии с севера и запада к ней были сделаны две прирезки (3 × 11 и 1 × 10 м), позволившие четче оконтурить площадь жилища.

Поверхность раскопа имела слабый уклон с юга на север – в сторону озера, при этом перепад вдоль западной и восточной стенок составлял около 0,5 м. Учитывая общее направление склона и характер напластований, раскопки осуществлялись зачистками с небольшим отклонением от горизонтали. Находки фиксировались по квадратам 1 × 1 м с замером глубины залегания всех изделий

по нивелиру. Трехмерная фиксация позволяет избежать произвольной группировки материалов, которая возникает при раскопках по условным горизонтам.

Стратиграфия отложений вне сооружений довольно проста. На всех профилях имеются дерн и поддерновый слабо гумусированный горизонт серо-коричневого песка, слой светло-желтого или светло-оранжевого выщелоченного песка и белый материковый песок с ортзандами. Находки встречались из-под дерна до горизонта белесого оподзоленного песка. Мощность двух верхних культуросодержащих горизонтов колебалась от 10 до 50 см. Ямы были заглублены в материковый песок и имели соответственную окраску, выделявшую их на общем фоне. Основная масса ям и пятен прослежена в пределах светло-желтого песка и отделялась от гумусового горизонта линзами светло-оранжевого оподзоленного песка.

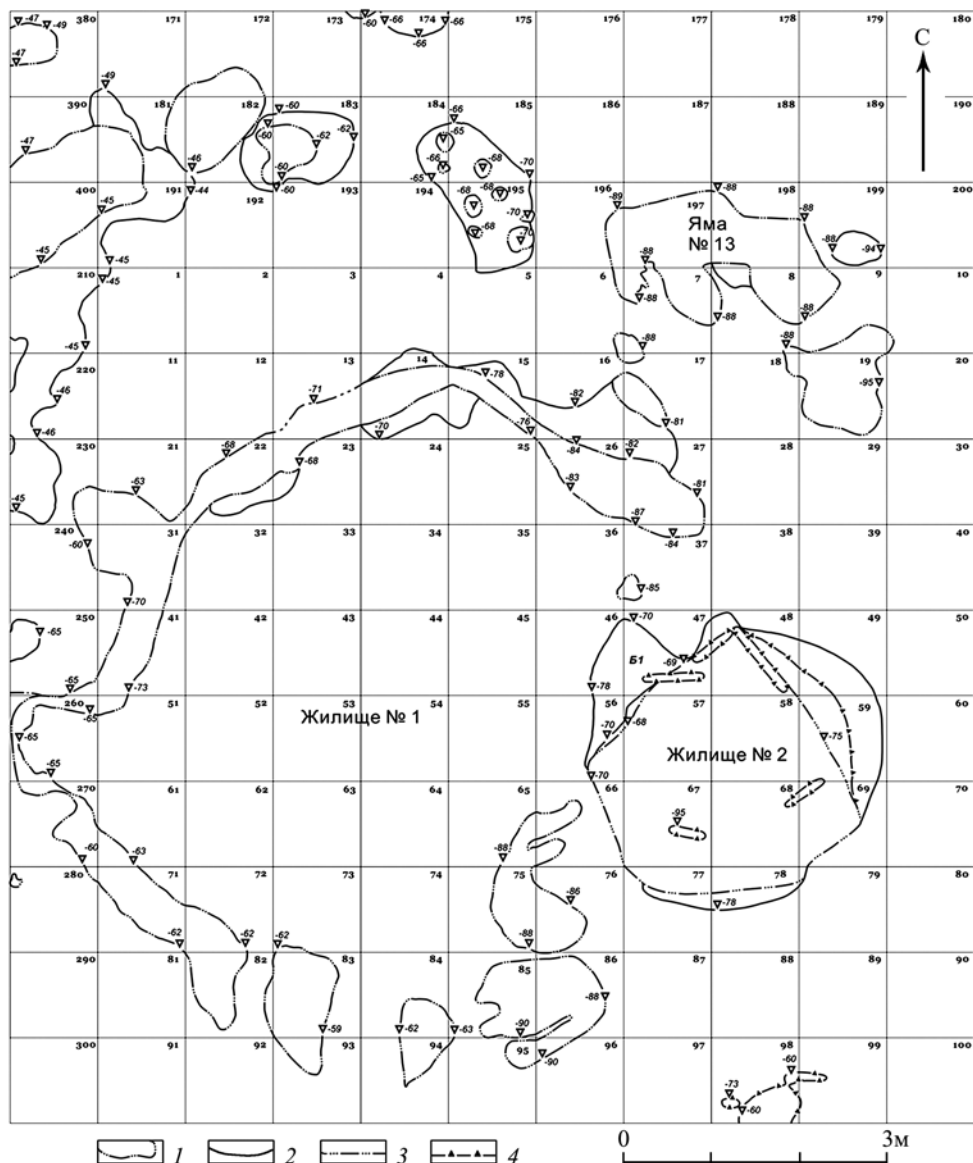
Планиграфически находки концентрировались в центральной и западной частях раскопа, где их количество достигало в среднем до 70 изделий на 1 м², в северной и восточной его частях насыщенность изделиями была значительно меньше – в среднем до 10 на 1 м². Сказанное объясняется присутствием в центральной и западной частях раскопа крупного жилища и ям хозяйственного назначения. В отличие от них прибрежный участок древних сооружений практически не содержал, что, вероятно, и определило разреженность находок. Среднее распределение каменных изделий в пределах раскопа № 1 1987 г. составило около 45 на 1 м² и является одним из наиболее высоких для мещерских мезолитических стоянок.

Помимо каменных предметов, было найдено и 90 мелких фрагментов керамики. Вне сооружений черепки скоплений не образовывали и были сопряжены с почвенным горизонтом А. Их наибольшее число (7 на 1 м²) было зафиксировано в заполнении средневекового жилища.

Для удобства весь материал фиксировался на миллиметровке по двум условным горизонтам. Верхний, мощностью до 40 см, включал находки из поддернового слабо гумусированного серо-коричневого песка и верхней части светло-желтого песка; на нижний – с глубины от 80 до 110 см – заносились артефакты из заполнения котлованов жилищ и ям. Керамика содержалась лишь в верхнем условном горизонте, ее отсутствие в пределах нижнего горизонта позволяет датировать все найденные в нем артефакты и сооружения докерамическим временем.

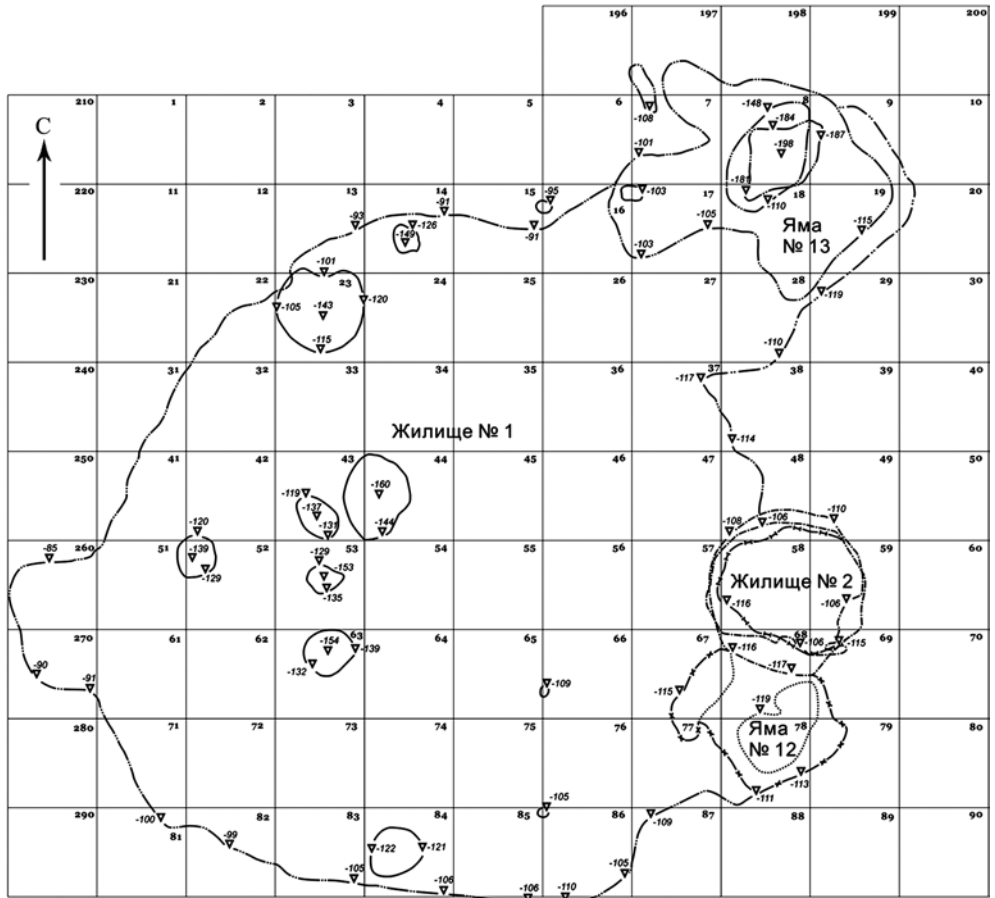
Наибольший интерес в раскопе № 1 1987 г. вызывают остатки котлована крупного заглубленного жилища, зафиксированного в центральной и юго-западной частях раскопа на квадратах 13–16, 230, 21–27, 240, 31–37, 41–48, 260, 51–56, 270, 61–66, 280, 71–76, 82–86, 93–96.

На уровне верхнего горизонта **жилище № 1** представляло собой пятно серого углистого песка, оконтуренного по периметру темно-серой углистой полосой. Наиболее четко пятно фиксировалось с юго-западной и северо-западной сторон. С юго-восточной стороны углистая полоса представала в виде отдельных неправильной формы пятен. С восточной стороны оно было полностью уничтожено сооруженной здесь подпольной ямой наземного средневекового жилища № 2. Общий уклон поверхности с юга на север, в сторону озера, очевидно, имелся и в древности, так как наиболее четкими были контуры стенок, удаленных от воды. Они же были и сильнее заглублены.

Рис. 2. Стоянка Шагара 4. Раскоп № 1 1987 г. План жилищ и пятав, верхний горизонт
 1 – темно-серый углистый песок; 2 – желтовато-серый песок; 3 – коричневатого-серый песок с включениями угля и обожженной глины; 4 – древесный тлен и серо-коричневый гумусированный песок

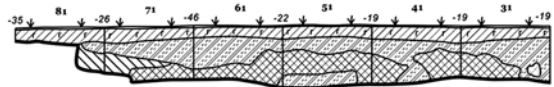
Форма жилища № 1 подквадратная, максимальные размеры составляли примерно 8 × 8 м. Сооружение было ориентировано по диагонали раскопа – с юго-запада на северо-восток (рис. 2). По мере выборки котлована его размеры немного

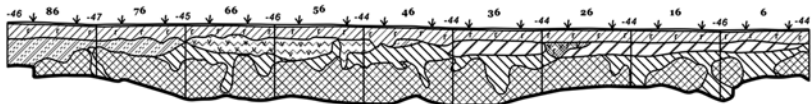
	1		4
	2		5
	3		6

0 3М

Разрез по бровке (западная сторона)

Разрез по бровке (восточная сторона)

	7		8		9		10		11		12		13		14		15

(на 20–50 см) сократились, но подквадратная форма и ориентировка сохранились (рис. 3). По-видимому, уменьшение габаритов было вызвано оплыванием стенок. Заполнение западины – серый углистый песок – имело неравномерную (пятнистую) окраску, что связано с выщелачиванием гумуса и замещением его солями железа. Наиболее ожелезненными были участки нижней части котлована, глубина которого составляла в среднем от 30 до 50 см. Дно жилища было слегка неровным, в разрезе – линзовидным. Максимальная заглубленность котлована наблюдалась в его центральной части, а к стенкам пол как бы повышался на 10–30 см. Не исключено, что некоторая приподнятость краев произошла всего лишь в результате жизнедеятельности – втаптывания артефактов и органических остатков в грунт. Подобная картина достаточно стандартна для жилищ с земляным полом.

Кроме того, не надо забывать, что средняя часть любой крупной западины в естественных условиях всегда заполняется грунтом медленнее, чем края, в силу того, что стенки котлована быстрее разрушаются и оплывают вовнутрь. Благодаря относительно быстрому поступлению балласта на периферийные участки в условиях хорошего промывного режима, присущего боровым террасам, микрочастицы углей и органики, скопившиеся на полу жилища в процессе обитания, легко вымываются в подстилающий грунт. Особенности седиментации таковы, что по периферии котлована, где осыпавшиеся стенки прикрывают по всему периметру пол, влага слабее проникает в грунт и почти не вымывает заполнения, из-за чего происходит его своеобразная консервация на уровне обитания. Иная картина наблюдается в центре котлована, где балласт практически отсутствует, в результате чего дождевые и внешние воды легко перемещают скопившиеся на полу угли, органику и даже часть артефактов в материковые отложения. В итоге относительно горизонтальная или слабо прогнутая поверхность пола становится более выпуклой, при этом наиболее «заглубленной» по отношению к краям оказывается менее всего заполненная грунтом центральная часть. Таким образом, довольно часто фиксируемый в заглубленных жилищах линзовидный профиль образуется вполне естественным путем. Промывной режим, разумеется, действует и на артефакты, легко перемещая чешуйки и другие мелкие изделия вниз, создавая ложные горизонты их распределения. При криогенезе, напротив, может происходить выдавливание (вспучивание) как мелких, так и достаточно крупных предметов (Wood, Johnson, 1978). Это может приводить к формированию нескольких ложных уровней распределения. Подобная картина может наблюдаться и в ямах, что хорошо известно на примере известной стоянки Каменная Балка II (Леонова, 1990; 2005; Леонова, Виноградова, 2004; 2014; Виноградова, Леонова, 2014).

**Рис. 3. Стоянка Шагара 4. Раскоп № 1 1987 г.
План и разрезы жилищ и пятен, нижний горизонт**

1 – темно-серый углистый песок; 2 – желтовато-серый песок; 3 – светлый оранжевый слабооподзоленный песок; 4 – оранжевый песок с включениями угля; 5 – ярко-рыжий песок с включениями белесого оподзоленного и серого песка; 6 – темно-рыжий буровато-серый интенсивно-углистый песок; 7 – дерн; 8 – сероватый гумусированный песок; 9 – светло-желтый песок; 10 – светло-оранжевый песок; 11 – оранжево-серый слабоуглистый песок; 12 – серовато-коричневый углистый песок; 13 – серо-коричневый гумусированный песок; 14 – коричневатого-серый песок с включениями угля и обожженной глины; 15 – белесоватый ожелезненный песок (материк)

На нижнем горизонте (рис. 3) общие подквадратные очертания жилища № 1 в плане сохранились, но стали менее четкими. Последнее связано с постепенным исчезновением черной углистой полосы по периметру заполнения и усилением ожелезненности. Кроме того, северо-восточная сторона котлована жилища № 1 слилась с заполнением ямы № 13 в квадратах 7–9, 17–19, которая на верхнем горизонте читалась как вполне самостоятельная.

Наличие выхода в процессе раскопок достоверно установить не удалось. Не исключено, впрочем, что он был именно с северо-восточной стороны, где на плане нижнего горизонта четко видна вышеупомянутая пандусообразная яма № 13, примкнувшая в процессе расчистки к котловану и обращенная заглубленной частью внутрь сооружения. В таком случае выход был направлен в сторону озера. Выход мог быть и с восточной стороны – в том месте, где позднее располагалось жилище № 2, подпольная яма которого вполне могла уничтожить его следы. Наконец, небольшая ниша имелась и в юго-западном углу постройки, которая также могла быть потенциальным выходом. Однако подобный контур мог образоваться и в результате обрушения стенки, если на этом месте был водоток или произошла просадка грунта. Разумеется, выходов могло быть и несколько, однако бесспорных доказательств присутствия хотя бы одного из них собрать, к сожалению, не удалось.

Из-за почвенных процессов и характера окраски заполнения не установлено и наличие кострищ, хотя микрочастицы углей в пределах всего котлована присутствовали в изобилии.

Стратиграфия напластований жилища № 1 зафиксирована по двум взаимно перпендикулярным бровкам, секущим котлован по длинной (с ЮЗ на СВ) и короткой (с СЗ на ЮВ) осям, и двум разрезам, первый из них – по линии квадратов 176, 186, 196, 6, 16, 26, 36, 46, 56, 66, 76, 86, 96 (восточный фас) и второй – по линии квадратов 33, 41, 51, 61, 71 и 81 (западный фас), которые направлены с севера на юг (рис. 4). Приведем описание лишь фрагмента первого из разрезов, как наиболее показательного.

Разрез по линии квадратов 176, 186, 196, 6, 16, 26, 36, 46, 56, 66, 76, 86 (восточный фас)

1) Сверху, как и на всем раскопе, идет слой дерна и поддернового слабо гумусированного серо-коричневого песка толщиной 14–23 см.

2) Его подстилает (над котлованом жилища) прослойка светло-оранжевого песка толщиной 8–22 см. На квадратах 66, 76, 86 в отдельных местах ее мощность резко возрастает, что связано, вероятнее всего, с переработкой грунта корневой системой деревьев. Кровля прослойки почти горизонтальная, основание слабо прогнуто вниз. В западной части в пределах квадратов 176, 186, 196 и частично в квадрате 6 светло-оранжевый песок отсутствует. По высотным отметкам ему соответствует светло-желтый оподзоленный песок.

3) Ниже светло-оранжевого песка в пределах квадратов 16, 26, 36, 46, 56 и частично 66 залегает линза оранжевого песка с углистым включением, мощность которой колеблется от 7–8 см до 43–45 см. Эта линза фиксируется над наиболее опущенной частью котлована жилища № 1 и вместе с перекрывающей ее

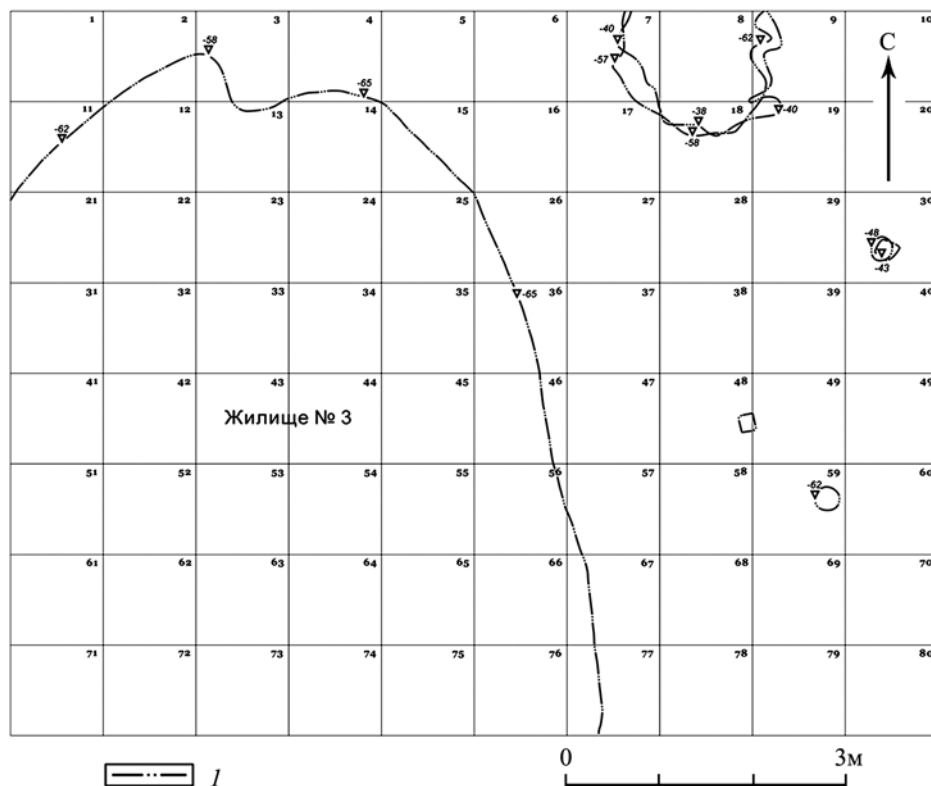

Рис. 4. Стоянка Шагара 4. Раскоп № 2 1994 г. План жилищ и пятен, верхний горизонт
1 – темно-серый углистый песок

прослойкой светло-оранжевого песка связана, по-видимому, с заполнением котлована в постпозиционное время.

4) Прослойки светло-оранжевого и оранжевого песка подстилаются в пределах котлована темно-серым углистым песком, толщина которого колеблется от 3 до 53 см, что вызвано условиями последующего почвообразования и выщелачивания почвенных горизонтов.

5) В основании отложений залегает белесый песок с ортзандами.

На дне жилища № 1, ниже уровня пола, было прослежено несколько ям, вероятно, хозяйственно-бытового назначения. Они концентрировались в его западной части и имели общую направленность по линии С–Ю. Заполнение всех – желтовато-серый песок.

Таким образом, жилище № 1 можно интерпретировать как подквадратную в плане постройку размером примерно 8×8 м, слабо заглубленную (до 0,5 м) в материк.

Жилище № 2, повредившее жилище № 1, было расположено в квадратах 47, 48, 56–59, 66–69, 77–78. На уровне верхнего горизонта оно представляло

собой интенсивно окрашенную линзу коричнево-серого песка с включением углей, кусочков слабообожженной глины и древесного тлена. Эта линза подквадратной в плане формы имела размер 270 × 240 см (рис. 2). Наиболее четко прослеживался северный угол сооружения, образованный двумя взаимно перпендикулярными углистыми полосами шириной 9–11 см и мощностью 2–5 см, которые можно интерпретировать как остатки сгоревшего сруба.

Кроме того, в квадратах 47, 69, 68 и 69 имелись еще три углистые полосы, представлявших собой, по-видимому, части сгоревших деревянных конструкций стен сооружения или его перекрытия. Максимальная толщина коричнево-серого песка с включениями глины составляла до 25 см. Под жилищем находилась крупная яма № 12 округлой формы, диаметром 175–185 см и глубиной 55–60 см от низа пола (рис. 3). В ее заполнении содержалась чернолощенная керамика эпохи средневековья и два каменных желвака. Всего с площади жилища № 2 и в подпольной яме было собрано 44 фрагмента керамики, включая четыре фрагмента с верхневолжской орнаментацией, один черепок с ямочным орнаментом, восемь фрагментов керамики эпохи бронзы с гребенчатыми оттисками и 31 фрагмент гончарной керамики XIII–XIV вв. К югу от ямы № 12 было встречено пятно оранжевого песка неправильной формы, вероятно – выброс из данной ямы. Помимо керамики, в заполнении жилища № 2 были найдены обломок бронзовой шумящей подвески, железная скоба, обломок железного ножа, два керамических пряслица и несколько кальцинированных косточек. Судя по внешнему виду и наиболее позднему керамическому материалу из заполнения, жилище № 2 может быть датировано XIII–XIV вв. н. э.

Основную массу изделий, собранных в раскопе № 1 1987 г., составляют предметы из камня. Их найдено около 6,5 тысяч. Сырьем для изготовления каменных орудий служил преимущественно валунный пестроцветный кремль невысокого качества, небольшие гальки которого найдены в пределах раскопа, и резе опока, которая использовалась главным образом для изготовления рубящих орудий. Помимо этого, встречено несколько кусков кварцита со следами бессистемного расщепления и сланцевых галек, служивших в качестве отжимников.

Анализ артефактов указывает на присутствие в Шагаре 4 черт пургасовской и задне-пилевской культур (Сорокин, 1990; 2008; Сорокин и др., 2009) при безусловной доминанте первых. Это позволяет высказать предположение о возможной принадлежности жилища № 1 пургасовскому населению. Это тем более вероятно, что в Пургасово 3 также было исследовано крупное заглубленное жилище (Сорокин, 2005. С. 367), близкое по размерам вышеописанному жилищу № 1 стоянки Шагара 4.

Раскоп № 2 1994 г. размером 8 × 10 м был заложен вплотную к западной стенке раскопа № 1 1987 г. и ориентирован длинной стороной по линии В–3 (рис. 1). Его дневная поверхность имела небольшой уклон в северном направлении – в сторону озера. В ходе раскопок при нивелировке использовался репер 1987 г.

Стратиграфия раскопа соответствовала естественному профилю почв дерново-подзолистого типа. Из-за рыхлости отложений и хорошей промываемости признаки искусственной цветности были малочисленны. Мощность рыхлых напластований невелика, колебание толщины прослоек было незначительным. Для сравнения опишем профили восточной стенки по линии квадратов 10, 20,

30, 40, 50, 60, 70, 80, где не было никаких видимых сооружений, и западной стенки по линии квадратов 71, 61, 51, 41, 31, 21, 11, 1, проходящий через предполагаемое жилище № 3 (рис. 5).

Профиль восточной стенки

Сверху на всем протяжении идет слой дерна и поддернового слабо гумусированного сероватого песка, толщина которого составляет от 9 до 22 см. Под ними, но не повсеместно, залегает коричневый однородный песок мощностью до 28 см. Еще ниже на всем протяжении профиля залегает белесоватый песок мощностью от 8 до 25 см, который на глубине в 30–60 см от поверхности носит следы значительного ожелезнения.

Профиль западной стенки

Под прослойкой дерна и сероватого слабо гумусированного песка мощностью от 8 до 30 см идет коричневый однородный песок мощностью от 17 до 33 см. Ниже на всем протяжении профиля следует белесоватый песок мощностью от 2 до 40 см, который с глубины от 50 до 90 см от поверхности значительно ожелезнен. На контакте коричневого и белесоватого песка в пределах квадратов 21, 31, 41, 51 встречена линза серовато-коричневого углистого песка мощностью до 20 см. В квадратах 61 и 71 этот серовато-коричневый углистый песок прослеживался в виде отдельных пятен неравномерной окраски. Предположительно, происхождение этих пятен связано с заполнением котлована жилища № 3.

Находки встречались от поверхности и до слоя ортзандов, при этом большая их часть была приурочена к горизонту коричневого и серовато-коричневого углистого песка. Белесый ожелезненный песок являлся при этом материком.

Характер остальных профилей раскопа аналогичен вышеописанным, варьирует лишь толщина слоев и прослоек. Небольшое отличие наблюдается, однако, на профиле квадратов 42–45, секущем предполагаемое жилище № 3, где поверх прослойки серовато-коричневого углистого песка прослежена линза светло-желтого однородного песка. Ее мощность достигает 22–35 см, а происхождение можно связывать с заполнением котлована покинутого и уже разрушенного жилища.

Почти всю западную половину раскопа 2 1994 г. в пределах квадратов 11–15, 21–26, 31–36, 41–46, 51–56, 61–66, 71–76 занимало серо-черное пятно с углистым заполнением, размер которого составлял 7,6 × 6,3 м (рис. 4; 5). Оно было вытянуто с С на Ю и частично уходило в западный и восточный борты раскопа 2. По мере заглупления оно постепенно сузилось, изменило свою первоначальную ориентировку и превратилось в яму неправильных очертаний, вытянутую с востока на запад. Часть этой западины уходила в западную стенку раскопа и осталась вообще не доследованной. Стенки западины были покатыми, едва заметными на уровне белесого материкового песка. Окраска заполнения весьма неравномерная, как из-за почвенных процессов, так и из-за

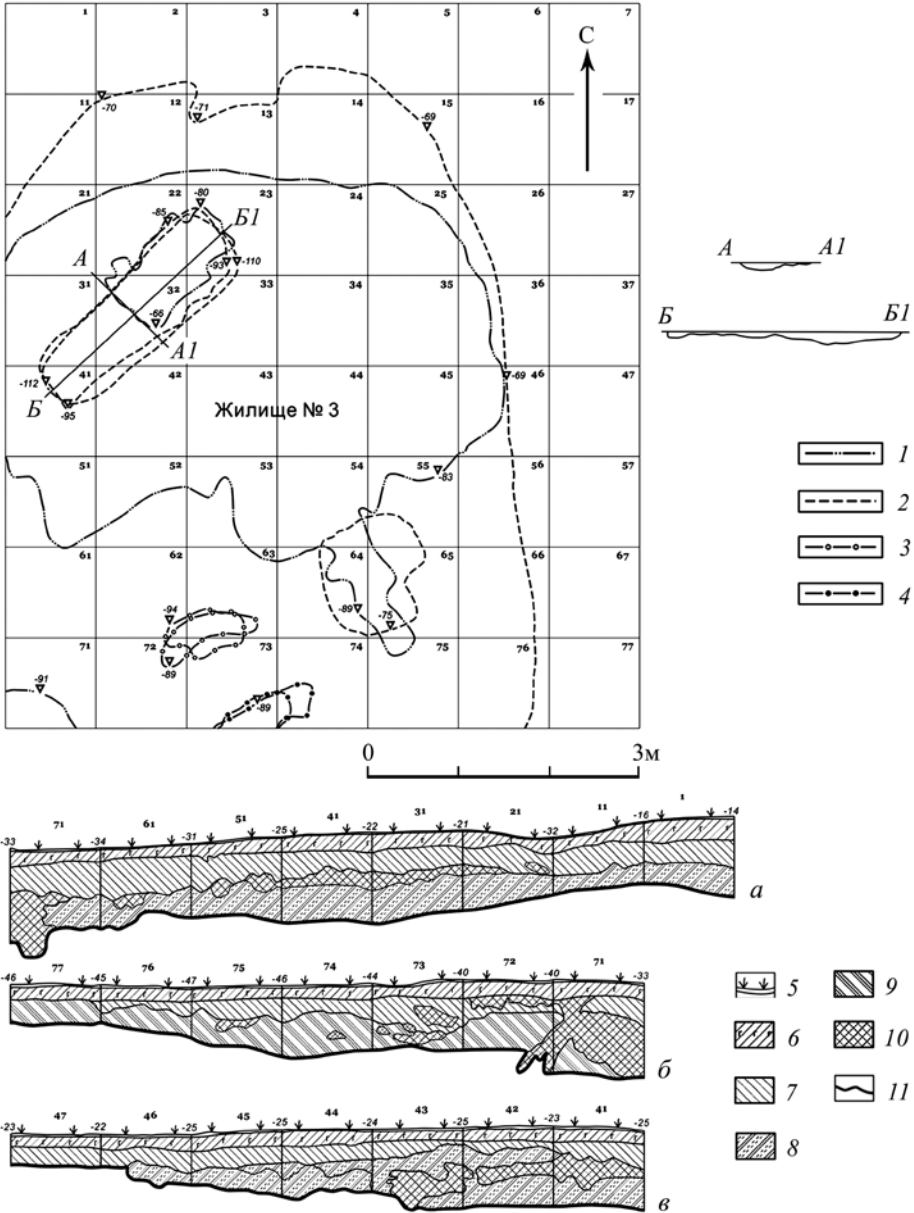

Рис. 5. Стоянка Шагара 4. Раскоп № 2 1994 г.

План и разрезы жилищ и пятав, нижний горизонт

1 – темно-серый углистый песок; 2 – серо-черный углистый песок; 3 – охристое углистое пятно; 4 – сероватое пятно с охрой и углем; 5 – дерн; 6 – сероватый гумусированный песок; 7 – коричневый однородный песок; 8 – светло-желтый однородный песок; 9 – белесоватый песок; 10 – серовато-коричневый углистый песок; 11 – белесоватый ожезненный песок (материк)

а – разрез по западному борту; б – разрез по южному борту; в – разрез по бровке (северная сторона)

многочисленных ходов землероющих животных. Дно прослеживалось также нечетко и в отдельных местах «отсекалось» лишь по находкам. Размер западины по основанию составил $5,4 \times 3,5 - 3,8$ м, при этом максимальная глубина была не менее 42–50 см.

Какие-либо конструктивные детали в пределах этого заглубления отсутствовали, однако размеры и отсутствие явных выворотней позволили предположить, что мы имеем дело с котлованом еще одного слабозаглубленного жилища или заглубленной частью крупного наземного жилища¹. Сильная переработка почвенными процессами археологических признаков этого объекта не позволяет, однако, прийти к однозначному решению о его конструкции. Поскольку все немногочисленные черепки керамики были обнаружены выше отметки -60 см от репера, а «пол» сооружения фиксировался на глубине 75/80 см, можно с уверенностью утверждать, что эта заглубленная постройка относится к мезолитическому времени.

Внутри котлована жилища № 3 было исследовано несколько пятен, наиболее выразительное из них было зафиксировано в квадратах 22, 23, 31–33, 41 и 42. Оно было ориентировано по линии СВ–ЮЗ и имело в плане размер $2,1 \times 0,8$ м и глубину до 20 см от основания перекрывавшего его котлована жилища № 3 (рис. 5). Дно ямы было уплощенным, стенки слабо наклонены вовне. В его заполнении содержался серо-черный белесоватый оподзоленный песок с редкими угольками, который отличался от вышележащего слоя жилища большей однородностью и меньшим количеством ходов землероек. Данное обстоятельство позволяет предположить, что яма была впущена в материк позднее времени функционирования постройки. Керамика, однако, в заполнении ямы отсутствовала. Учитывая правильные контуры ямы, можно предположить, что здесь могло быть совершенно захоронение.

В юго-западной части раскопа было исследовано еще три пятна, два из которых были с обильным охристым заполнением. Первое из них располагалось в квадратах 62, 63, 72, 73. Форма неправильная. Было вытянуто в направлении З–В. Максимальные размеры составляли 112×25 см при толщине до 6 см. Это охристое пятно сопровождалось несколькими очень мелкими кальцинированными косточками. Другое охристое пятно, менее интенсивно окрашенное и меньшее по мощности, было исследовано лишь частично в квадратах 73, 74. Оно сопровождалось кострищным пятном с более выразительными угольками. О характере обеих охристых пятен судить трудно. Весьма вероятно, что это могильные ямы, однако отсутствие костей человека не позволяет высказать это с достаточной определенностью.

В юго-западном углу раскопа на отметке -90 см было прослежено еще одно зольно-углистое пятно, однако о его характере судить трудно из-за того, что оно было вскрыто лишь частично. Других сооружений или пятен на площади, вскрытой в 1994 г., обнаружено не было.

Анализируя полевые наблюдения раскопок 1994 г., можно высказать предположение, что в случае с жилищем № 3 первоначально это мог быть обычный

¹ По общей нумерации данному объекту было присвоено обозначение жилище № 3.

для боровых террас выдув, а не специально выкопанный котлован. Если принять подобное предположение, можно вполне легко объяснить как размеры пятна в плане и общую заглубленность линзы, так и подовальность формы на верхнем горизонте. Вполне натурально вписываются сюда и разные по высоте стенки котлована. Разумеется, на песчаном озерном берегу, поблизости от воды, в процессе жизнеобитания в естественных западинах (выдувах) могли скапливаться артефакты и отходы жизнедеятельности. Сколько времени западина сохранялась в экспонированном виде, сказать невозможно. Нельзя уверенно судить и о том, была ли поверхность раздернована или в какие-то отрезки времени она покрывалась травянистой растительностью. Это тем более неосуществимо, что подобные вопросы не стояли на повестке дня в момент раскопок. Судя по всему, возможно несколько взаимодополняющих или взаимоисключающих вариантов. Первый, когда образование западины предшествовало времени обитания. Впоследствии в ней в процессе обитания могли накапливаться продукты жизнедеятельности и артефакты. В эту естественную западину могла быть вписана и постройка. Второй вариант, когда котлован под жилище № 3 был выкопан специально. И хотя мы не знаем, насколько обитатели Шагары 4 были способны производить значительные земляные работы, допустить, что они были в состоянии выкопать котлован размером 5×4 м, по-видимому, все же можно. Тем более, что котлован жилища № 1 производит впечатление вполне искусственного сооружения и превышает по размерам рассматриваемый. Впоследствии при обрушении стенок его габариты могли, разумеется, существенно прирасти. Несложно представить и естественный характер «заглубления пола жилища» в процессе жизнеобитания и позднее под воздействием влаги. Если мы имеем дело с жилищем, не вызывает особого сомнения и факт активного накопления отходов внутри замкнутого пространства с последующим перераспределением гумуса и углей по вертикали и их проникновением в подстилающие отложения. И, наконец, возможен третий вариант, когда выдув возник на сформировавшемся ранее многослойном памятнике, т. е. западина образовалась позднее времени накопления слоя (слоев). Несомненное залегание поздних вещей стратиграфически выше мезолитических артефактов и пола сооружения позволяет исключить подобную возможность и склониться к первым двум предположениям. В противном случае одновременные артефакты были бы экспонированы на одну поверхность, однако этого в процессе раскопок не наблюдалось. Необходимо отметить, что отсутствие явных неолитических каменных орудий и черепков посуды в основании котлована позволяет достоверно относить его к докерамическому времени.

Таким образом, нельзя категорически исключить использования естественной западины (выдува) под жилой объект. Это в значительной мере сэкономило бы время на его сооружение. В условиях медленной седиментации возможно также использование одной и той же западины в разное время, что, по-видимому, и наблюдается в Шагаре 4, где неолитическое население освоило котлован мезолитического времени. Однако из-за малочисленности неолитического инвентаря и невыразительности керамики невозможно определенно сказать, сооружали ли они в нем жилище или нет.

Всего в пределах раскопа 1994 г. было собрано около 3000 каменных артефактов, их дополняют немногочисленные фрагменты неолитической (49 экз.) и позднесредневековой (15) керамики. По планиграфии находок в северо-восточной

части раскопа выделяется одно четкое скопление, приуроченное к котловану жилища № 3. На восточной половине раскопа 1994 г. находки были малочисленней и, кроме пятна в квадратах 7–9 и 18, довольно быстро выклинились.

Сырьевой и орудийный состав каменной коллекции 1994 г. аналогичен материалам 1987 г., хотя отличается от него в количественном отношении. Большая его часть, включая заполнение котлована жилища № 3, может быть отнесена к мезолиту, причем имеются материалы не менее двух археологических культур – задне-пилевской и пургасовской.

Неолитическая примесь чувствуется, главным образом, по присутствию в раскопе черепков верхневолжской (44 фрагмента) и льяловской (5 экз.) керамики. Четких каменных форм этих культур практически нет. Имеются и раннесредневековые черепки (15 фрагментов).

Несмотря на малочисленность неолитических изделий, предположение о возможности использования западины от котлована слабо заглубленного мезолитического жилища в качестве места для наземного верхневолжского жилища вполне оправдано. Однако раннеолитические материалы вскрытого участка столь невелики, что только новые раскопки могут подтвердить или опровергнуть данное предположение. Несомненен и факт эпизодического использования раскопанного участка на протяжении каменного века и присутствия человека в этом месте после длительного перерыва уже во времена средневековой Руси.

Отсутствие конструктивных деталей в обеих западинах, раскопанных в 1987 и 1994 гг., не позволяет предложить какую-либо реконструкцию изученных построек. Несмотря на доминирование в них пургасовского инвентаря и явную аналогию с жилищем на стоянке Пургасово 3, весомых оснований для четкой культурной атрибуции обеих конструкций все же недостаточно. Вопрос о соотношении котлованов № 1 и 3 между собой, так же как и их одновременности, требует отдельного предметного изучения, хотя вероятность его положительного решения из-за отсутствия радиоуглеродных дат и в силу источниковедческих особенностей дюнных памятников крайне невелика. Если о чем и можно говорить определенно, так это об их мезолитическом возрасте. На это без сомнения указывает отсутствие керамики и каких-либо четких неолитических форм в нижней трети обоих котлованов.

В заключение необходимо отметить, что оба крупных зольно-углистых пятна в Шагаре 4, если судить по планиграфии находок, связаны, несомненно, с наиболее активными местами жизнедеятельности древнего населения и структурно вполне осязаемы. Хотя бесспорных конструктивных элементов жилищ в процессе раскопок выявлено не было, вероятность функционирования в этих местах жилых объектов выше, чем чего-либо еще. Анализ негатива раннесредневекового жилища № 2 и характер распределения артефактов в нем показывают, что и от него сохранилось не так много, причем речь идет далеко не о конструктивных деталях, а о признаках сооружения в целом. Даже вероятное наличие сруба и то достоверно не фиксируется. Не было найдено и остатков печи. Неудивительно, что признаки более древних построек из-за почвенных процессов были на этом фоне еще менее осязаемы. Все это, тем не менее, позволяет считать оба крупных котлована, исследованных в 1987 и 1994 гг., остатками жилых сооружений.

ЛИТЕРАТУРА

- Абатуров А. М.*, 1968. Полесья Русской равнины в связи с проблемой их освоения. М.: Мысль. 246 с.
- Асеев А. А.*, 1959. Палеогеография долины средней и нижней Оки в четвертичный период. М.: АН СССР. 200 с.
- Виноградова Е. А., Леонова Н. Б.*, 2014. Северо-западный участок основного слоя верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка // КСИА. Вып. 235. С. 226–243.
- Каверзнева Е. Д.*, 1987. Отчет о раскопках стоянки Шагара 4 в Спас-Клепиковском р-не Рязанской области в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13902.
- Кравцов А. Е., Сорокин А. Н.*, 1991. Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита. М.: ИА АН СССР. 66 с.
- Леонова Е. В.*, 2004. Мезолитические жилища Волго-Окского междуречья (к проблеме интерпретации источника) // Проблемы каменного века Русской равнины / Отв. ред. Х. А. Амирханов. М.: Научный мир. М.: С. 49–68.
- Леонова Н. Б.*, 1990. Возможности планиграфии и микростратиграфии при современных полевых исследованиях // КСИА. Вып. 202. С. 13–17.
- Леонова Н. Б.*, 2005. Каменная Балка 2 – системный анализ при исследовании структуры культурного слоя // КСИА. Вып. 219. С. 5–20.
- Леонова Н. Б., Виноградова Е. А.*, 2004. Микростратиграфия культурного слоя. Возможности интерпретации // Проблемы каменного века Русской равнины / Отв. ред. Х. А. Амирханов. М.: Научный мир. С. 157–174.
- Леонова Н. Б., Виноградова Е. А.*, 2014. Специфические скопления культурных остатков на верхнепалеолитической стоянке Каменная Балка II // Проблемы археологии эпохи камня: К 70-летию В. И. Беляевой. СПб.: СПбГУ. С. 88–98. (Труды исторического факультета СПбГУ; т. 18).
- Ошибкина С. В.*, 1983. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.: Наука. 295 с.
- Ошибкина С. В.*, 1997. Веретье 1. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М.: Наука. 205 с.
- Ошибкина С. В.*, 2006. Мезолит Восточного Прионежья: культура Веретье. М.: Гриф и К. 322 с.
- Сорокин А. Н.*, 1990. Бутовская мезолитическая культура (по материалам Деснинской экспедиции). М.: ИА АН СССР. 220 с.
- Сорокин А. Н.*, 1994. Отчет о раскопках стоянки Шагара 4 в Рязанской области в 1994 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18970.
- Сорокин А. Н.*, 2005. Мезолитические стоянки низовьев р. Мокши // *Stratum plus*. 2003/2004. № 1: В эпоху мамонтов. С. 359–443.
- Сорокин А. Н.*, 2008. Мезолитоведение Поочья. М.: Гриф и К. 328 с.
- Сорокин А. Н., Ошибкина С. В., Трусов А. В.*, 2009. На переломе эпох. М.: Гриф и К. 388 с.
- Newell R. R.*, 1981. Mesolithic dwelling Structures: Fact and Fantasy // *Mesolithikum in Europa*. 2 Internationales Symposium. Potsdam April, 1978 / Ed. by B. Gramsh. Berlin: VEB. Deutscher Verlag der Wissenschaften. P. 235–284.
- Wood W. R., Johnson D. L.*, 1978. A survey of disturbance processes in archaeological site formation // *Advances in Archaeological Method and Theory*. Vol. 1 / Ed. by M. B. Schiffer. New York: Academic Press. P. 315–381.

Сведения об авторах.

Сорокин Алексей Николаевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: ansorokin52@gmail.com, ansorokin@rambler.ru;

Хамакава Макото, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: lekfnov@gmail.com.

A. N. Sorokin, M. Khamakava
DWELLINGS AT SHAGARA 4 SITE

Abstract. Mesolithic dwellings are an unique and rather complex phenomenon in the source studies. The paper examines two structures excavated in 1987 and 1994 at Shagara 4 site located in the Meshchera Lowlands, which were taken to be dwellings. They represented large ash and carbonaceous spots sunk into subsoil down to 0,5 meters. External characteristics of the ancient structures were compared with the early medieval house also studied at Shagara 4 and its interpretation was provided taking into account postpositional changes.

Keywords: Mesolithic, Great Meshchera Lakes, Shagara 4, dwellings, Purgasovo culture, Zadne-Pilevo culture.

About the authors.

Sorokin Aleksei N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: ansorokin52@gmail.com, ansorokin@rambler.ru;

Khamakava Makoto, Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: lekfnov@gmail.com.

ЦВЕТОВАЯ ТРИАДА В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ
БРОНЗОВОГО ВЕКА СТЕПЕЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Резюме. Статья посвящена проблеме использования трех цветовых компонентов (белого, черного, красного) в погребальной практике бронзового века степей Восточной Европы. Приведены свидетельства применения этих цветов в предшествующий период. Наиболее представительна количественная характеристика присутствия охры (красная краска) в погребениях, в значительно меньшей мере это относится к мелу (белая краска). Фактически ставится вопрос о том, что подстилки и покров (обрамление) могли представлять черный цвет. Основной вывод заключается в том, что в погребальном процессе белый цвет ассоциируется с очищением, черный – с упокоением, красный – с возрождением.

Ключевые слова: степи Восточной Европы, бронзовый век, погребение, символы, цветовая триада, белый, черный, красный, охра, мел, подстилки, покров (погребальный).

В символике многих культурных явлений цвет играет значительную роль. Цветовые предпочтения, сопровождения, окрашенность неизменно присутствуют в обычаях и обрядах.

В. Тэрнер, изучая культуру африканских племен ндему и проведя сравнительный анализ, пришел к выводу о том, что такие цвета, как красный, черный и белый, являются основополагающими и древнейшими в мировой культуре (Тэрнер, 1983. С. 100–103). Замечание об использовании этих цветов в археологическом плане оставил А. В. Гаврилов (1990). Цветовая триада была отмечена нами для погребений эпохи бронзы Прикубанья (Мельник, 2009).

С позднего палеолита и до эпохи бронзы включительно в погребениях довольно широко фиксируется использование краски, посыпки белым порошком. В погребениях позднего палеолита Восточной Европы красная краска (охра) использовалась весьма обильно. Дно могил Костенок 14 и 15 было сплошь засыпано красной охрой (Палеолит..., 1984. С. 232). В погребениях Сунгирия на дне могилы зафиксированы угольки и сажистые прослойки, на которых местами заметно белое вещество вроде извести, и уже по белому слою по всему дну могилы густо проведена посыпка ярко-красной охрой, достигавшей местами нескольких сантиметров. После этого в могилу укладывались умершие и помещался погребальный инвентарь, а затем снова производилась засыпка всей могилы красной охрой. В засыпи могилы еще отмечено несколько прослоек чистой охры (Там же. С. 233).

В погребениях мезолита Карелии (Сязозерский II, Черная губа I) отмечается наличие красной охры. Оленеостровский могильник демонстрирует прямую связь количества вещей со степенью засыпки охрой (Мезолит..., 1989. С. 30, 31). На юге Восточной Европы в мезолитических могильниках Васильевка I и III обнаружены следы красной охры. Замечено, что чаще и особенно густо порошком охры засыпались детские погребения. Наличие краски при погребениях в Волошинском и Чаплинском могильниках, как и в могилах Фатьма-Кобы и Мурзак-Кобы, не отмечалось (Там же. С. 123).

Неолитические могильники мариупольского типа представляют вытянутых на спине погребенных, обильно засыпанных красной охрой. Общее их количество достигает 800 (Неолит..., 1996. С. 52).

Покойников часто посыпали охрой в погребениях энеолитической среднестоговской культуры степей Приазовья – между Днепром и Доном (Телегин, 1973. С. 161). В могилах новоданиловского типа очень много красной краски. Иногда даже встречаются сформированные из охры лепешки. На плоской поверхности одной из таких лепешек был нанесен крест-накрест ногтевой орнамент, а в одном секторе круга вычерчены две фигуры, состоящие каждая из двух равнобедренных смыкающихся вершинами треугольников (Археология..., 1985. С. 313, 314).

В усатовских курганах на дно погребальных ям иногда посыпали песок, белый порошок, золу. В тех случаях, когда использовалась охра, скелет мог быть либо окрашен полностью, либо краска фиксировалась на черепе, костях рук или ног. В центральном погребении П-2 Усатова обнаружена расписная чаша с охрой (Збенович, 1974. С. 42).

Следы охры прослеживаются в гробницах культуры шаровидных амфор. Дно нижнемихайловских могил, как и скелет, часто посыпалось охрой розового, реже красного цвета. Следы охры зафиксированы на костях погребенных и на дне могил кеми-обинской культуры. Особое место в этой культуре занимает

полихромная роспись на стенках каменных ящиков, которая нанесена черной, красной и белой красками. В Крыму отмечается сочетание всех трех цветов, в других районах использовалась только охра. Роспись представлена линейно-геометрическими фигурами в виде треугольников, елочек, полос, кругов и тому подобных изображений (Археология..., 1985. С. 285, 328, 332, 334).

В эпоху бронзы использование охры в погребальной обрядности имело широкое распространение, но с началом железного века эта традиция практически полностью исчезает. Что касается цветовой триады, то она продолжала жить в бронзовом веке, но не всегда могла быть зафиксирована.

В обряде захоронений ямной культуры юго-востока Европы, отмечал В. А. Фисенко, нельзя не указать на такую особенность, как обычай посыпать покойников красной краской. «Подобные примеры в пределах изучаемого края исчисляются десятками, если не сотнями. Иногда краски так много, что она толстым слоем покрывает как костяк, так и дно могилы. Однако наиболее интенсивно окрашивался череп и ступни ног. Иногда вместо краски в могилах встречается мел, известь, уголь, но подобные примеры не столь многочисленны» (Фисенко, 1970. С. 27).

В первой обрядовой группе, выделяемой Н. Я. Мерпертом для ямных погребений Волго-Уралья, к нижнему стратиграфическому горизонту были отнесены 13 основных и 5 впускных погребений, составляющих первую подгруппу. Эти погребения совершены в прямоугольных или квадратных ямах, перекрытых бревенчатым накатником. Костяки лежат на спине, головой на восток. Все они обильно посыпаны охрой, а иногда и мелом. Краска равномерно распределяется по телу погребенного и дну могилы. Это наиболее архаичные захоронения. Второй стратиграфический горизонт и вторую подгруппу составляли 39 погребений со скорченными на спине, головой на восток костяками. Среди них было 16 основных и 23 впускных погребения. Они совершены в прямоугольных или овальных ямах, часто перекрытых накатниками, иногда в насыпи кургана. Окраска и меловая подсыпка сохраняются, но они не так обильны, а краска концентрируется у черепа и конечностей. В третий стратиграфический горизонт были включены 5 погребений второй подгруппы. Они были впускными, и 4 из них совершены в насыпи. Окраска здесь слабая, зафиксирована лишь у черепа и ступней (Мерперт, 1974. С. 46, 47).

По данным В. А. Трифонова, в ямных погребениях Прикубанья «присутствие алой охры в погребениях обязательно, однако ее количество и расположение относительно костяка заметно варьирует. Сплошная подсыпка характерна только для детских погребений. У взрослых реже всего окрашен череп, причем всегда в сочетании с окраской других частей костяка. Чаше и интенсивнее других мест окрашены стопы. Подсыпка охры у стоп зачастую единственная в погребении. Такое же самостоятельное значение имеет подсыпка (или комок) алой охры у правого, реже левого плеча погребенного. Судя по привлеченным материалам, вслед за перечисленными по частоте идут следующие сочетания окрашенности: стопы – череп, стопы – у правого (левого) плеча, стопы – кисти – таз, стопы – кисти – таз – череп, череп – таз.

Приблизительно только у шестой части погребений встречен мел в виде сплошной подсыпки по дну ямы. Еще реже встречаются древесные угли.

В отличие от мела и охры уголь и мел в одном погребении не встречаются» (Трифонов, 1991. С. 111).

В Северо-Западном Причерноморье, по подсчетам Е. В. Ярового, в курганных погребениях энеолита – бронзового века использование красной охры отмечено во всех выделенных им четырех группах. В группе I было окрашено охрой 497, или 82 % скелетов, II – 225 (74 %), III – 40 (56 %), IV – 8 (73 %). Процент использования охры в каждой группе показывает, что наибольшая ее встречаемость связана с погребенными в позе скорченно на спине, а наименьшая – скорченно на боку. Такая же тенденция просматривается и при окраске различных частей тела погребенного. В процентах по группам это выглядит так: окрашенность черепа – 33, 26, 18, 27; ног – 9, 8, 4, 9; рук – 6, 4, 3, 9 (Яровой, 1985. С. 66, 67).

В Орельско-Самарском междуречье (левобережье Днепра), по данным И. Ф. Ковалевой, среди катакомбных погребений ведущей формой являлась круглая или овальная в плане входная шахта с примыкающей к ней овальной камерой. В большинстве катакомб этой группы дно посыпалось мелом, охрой или имело подстилку из луба, тростника, иногда кожи. В группе, где катакомбы имели прямоугольную входную шахту и такую же или овальную камеру, подстилка на дне представлена ограниченно, посыпка охрой представлена пятнами перед входом в камеру, у черепа и стоп погребенного (Ковалева, 1983. С. 10, 11).

Е. Л. Фещенко на материалах этого же региона (основываясь на периодизации, разработанной И. Ф. Ковалевой для катакомбных погребений) представил процентный состав использования охры по обрядово-хронологическим группам. Для самых ранних погребений – 49,3 %, а для завершающего этапа I обрядово-хронологической группы отмечено резкое увеличение количества захоронений с охрой (62,7 %), что связывается с распространением памятников ингульского типа (74,3 %). В массиве поздних ингульских могил фиксируется увеличение количества погребений с охрой (76,7 %). III обрядово-хронологическая группа характеризуется постепенным угасанием использования охры, а в погребениях культуры многоваликовой керамики (КМК) оно и вовсе минимально (около 7 %). Отмечены и территориальные различия в применении охры (Фещенко, 1990. С. 98, 99).

Для различных катакомбных групп Северного Приазовья (193 погребения) С. Г. Небрат представил следующую статистику использования охры: раннекатакомбные погребения (52) – 64 %; ингульские (119) – 78 %; донецкие – 8 погребений, из них 5 с охрой; бахмутские – 14 погребений, из них 12 с охрой. Для ингульских погребений отмечено распределение охры: на дне камеры – 34 %, на дне и костях – 29 %, только на костях – 15 % (Небрат, 2011. С. 122, 123).

В катакомбных обрядовых группах Среднего Подонья, выделенных Т. Ю. Березуцкой, использование охры определено связано с позицией погребенных и формой могильного сооружения. Посыпка охрой фиксируется **во всех** погребениях групп I (умершие лежат в позе скорченно на спине в катакомбах типа 4), IV (в позе скорченно на правом боку, с руками, протянутыми к коленям, в Т-образных катакомбах), V (в позе скорченно на правом боку, с руками, вытянутыми вдоль тела, в катакомбах типа 4), VII (в таких же катакомбах, с близкой позицией погребенного, но с согнутой в локте левой рукой). В группах II, III, X охра встречалась в половине случаев, а в группах VI, VIII, IX только в некоторых погребениях. Мел и уголь в общей массе погребений встречались редко (Березуцкая, 2003. С. 37–42).

По данным М. Ю. Федосова, следы охры фиксируются в 72,14 % катакомбных погребений Волго-Донского междуречья и в 69,23 % погребений Доно-Донецкого междуречья, в 78,18 % раннедонецких памятников этих регионов (Федосов, 2012. С. 11).

Наличие охры в катакомбных погребениях Нижнего Подонья зафиксировано С. Н. Братченко в 116 погребениях из 256, т. е. охватывает около половины рассматриваемого общего числа (Братченко, 1976. Приложения № 1 и 2).

Специальное исследование, посвященное использованию охры в катакомбных погребениях некоторых могильников Нижнего Дона, предпринималось В. И. Балабиной. Вот некоторые наблюдения над расположением в курганах погребений с охрой и без нее. В Балабинском I могильнике, где катакомбных погребений без охры мало (13), все они оказались относительно поздними. Основных погребений без охры не было. Большинство погребений без охры впущено в полы курганов (8), причем, когда удалось проследить стратиграфию, эти погребения были или самыми последними, или принадлежали к группе последних впусков. Дважды погребения без охры впущены в центр, но уже в качестве вторых впусков. В одном случае (Балабинский I могильник, курган 14) последовательность четырех впусков в центральную часть насыпи ямного кургана установить не удалось. Одно из этих погребений было без охры. В могильнике Арпачин II единственное погребение без охры находилось в поле кургана. В группе II (Шахаевские I и II могильники) погребения с охрой располагались преимущественно в центре, а погребения без охры – преимущественно в полах курганов. Так, в центре курганов было 15 погребений с охрой и 4 без охры, а в полах – 3 погребения с охрой и 14 без охры. Для трех групп могильников погребения с охрой составляли: I – 79 %, II – 41 %, III – 42 % (Балабина, 1983. С. 190, 191), то есть 54 %. В последующем был проведен химический анализ обнаруженной здесь охры (Балабина и др., 1990).

Данные об использовании красок в индивидуальных погребениях восточно-маньчжской катакомбной культуры, распространенной в средней части южного Волго-Донья и Среднего Предкавказья, были представлены М. В. Андреевой. Следы красной краски (охры) отмечались в 74 погребениях из 486 комплексов (15,2 %). Останки погребенного были окрашены в 43 комплексах (8,8 %), дно могилы отдельно от останков, иногда под вещами – в 28 (5,8 %). Просто кусочки минерала находились в 14 комплексах (2,9 %). Что до использования мела, то замечено, что он мог находиться на дне могилы под подстилкой и на его пятнах мог находиться инвентарь (Андреева, 2014. С. 43–46).

По нашим сведениям, нахождение красного и белого красящих порошков в катакомбных погребениях степного Прикубанья является заметным обрядовым элементом. Сразу следует отметить, что красная краска, используемая здесь, представлена такими минералами, как реальгар, сферосидерит, гётит, и природным пигментом охрой. В подавляющем большинстве случаев присутствовала охра (правда, квалифицированные определения проводились редко). Цвет краски варьирует от бурого до ярко-малинового. Минералы представлены небольшими кусочками – 1–2 см в диаметре. Охра также встречается в кусочках, но в основном это либо порошок, либо уже растворившийся краситель, который вьелся в соприкасающийся материал. Интерес вызывают места, которые покрывались

данным составом. Весьма редки случаи, когда погребенный и все дно могилы посыпалось краской. Чаще мы имеем дело с локальным ее применением. Статистика здесь такова (770 погребений): стопы – 25 %, голова – 20 %, предплечье и кисть – 15 %, колени – 5 %, таз – 2 %, туловище – 1 %. Общее количество погребений с охрой составляет около 57 %. Случаи помещения в погребение других красящих веществ редки (реальгар – Приазовский I 6–9; гётит – Кавказский Северная группа 10–7). Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что посыпка была направлена преимущественно на умершего, а не на отдельные участки камеры.

Белое вещество представлено известняковыми порошками и мелом (чаще всего). Такие погребения составляют около 10 % от общего числа.

В больше чем половине из них белое вещество встречается в сочетании с охрой. Мелом, как правило, была посыпана большая часть могильного дна. Посыпался ли при этом умерший, сказать трудно. Характер посыпки все же склоняет к тому, что посыпалось только дно могилы.

В восточноприазовских погребениях рассматриваемой эпохи чаще всего встречались подстилки коричневого цвета, иногда темного, доходящего до черного. Соответствующих анализов, к сожалению, не проводилось. Но с определенной долей вероятности можно утверждать, что это все-таки остатки кожи (шкуры). В общем массиве погребений подстилки не прослеживались лишь в четверти случаев. Вместе с тем нередки и случаи, когда тлен, преимущественно черного цвета, покрывал кости погребенных сверху, что в общем контексте не всегда можно трактовать как остатки одежды. Скорее всего, умерший укрывался и сверху, т. е. имел «одеяло» (покров).

В период поздней бронзы цветовая триада, видимо, еще существует, но явно в ограниченных пределах. Уже отмечалось резкое уменьшение использования охры для культуры многоваликовой керамики. В срубной культуре южного Средневожья охра была обнаружена в 108 погребениях 45 могильников. Общее количество анализируемых могильников срубной культуры в этом регионе – 155, погребений – 2230. Охра находилась, как правило, в одном или двух погребениях кургана независимо от общего количества в одной насыпи. Степень окраски погребенного и дна могилы обычно оценивалась как «слабая». Следы мела зафиксированы в 47 погребениях 27 могильников. Почти во всех случаях было посыпано все дно могилы и скелет. Подстилки выявлены в 310 погребениях из 93 могильников, но цветовые оттенки для них указываются лишь иногда (Крамарев, 2003. С. 290, 291).

Для погребений сабастиновской культуры, занимающей в бронзовом веке сравнительно позднюю позицию, отмечается уже очень редкое использование охры (Березанская и др., 1986. С. 93).

Из приведенных фактов следует, что применение в погребальной практике трех названных цветов, безусловно, имело место в бронзовом веке и в предшествующее время. В связи с этим следует заметить, что цветовое восприятие в древние времена имело расширенный характер. При использовании того или иного цвета близкий к нему цвет мог восприниматься как один, не говоря уже об оттенках. В археологическом отношении, однако, хорошо сохраняются минералы и горные породы, но не органика. Кожа при археологической фиксации обычно

имеет коричневый цвет. Очевидно, что в погребениях подстилки и, возможно, покровы были нередко черного цвета. Использование черного цвета не обязательно предполагает применение специальных красителей. Например, естественный цвет имеет черная шерсть овечьей шкуры. Безусловно, овечьи шкуры использовались в качестве подстилки при совершении погребения, и то, что выбор мог падать на шкуру черного цвета, не являлось случайностью. Нередко сверху кости погребенных были покрыты черным тленом, что может свидетельствовать о цвете костюма и/или покрова. Иногда встречающиеся в погребениях угольки воспринимают как специальную посыпку (черный цвет). Не отрицая такого действия в принципе, следует сказать, что уголь в погребениях (по нашим наблюдениям) – это, скорее, результат горения на месте. В Прикубанье зафиксирован случай, когда была прокалена часть дна погребального сооружения (Кавказский, Северная группа 6/10).

В отношении охры статистические выкладки свидетельствуют о том, что в течение бронзового века наблюдается тенденция к уменьшению ее использования в погребальной практике. Это же можно сказать и в отношении мела.

Чрезвычайно важной представляется последовательность применения носителей тех или иных цветов в погребальном процессе. Первоначально использовался белый цвет – осуществлялась посыпка дна могилы мелом. Затем – черный цвет: выстилалось ложе, иногда многослойное (как нам представляется, с темным верхним слоем), на которое укладывался покойный. После этого, а может быть, и после наложения покрова осуществлялась посыпка охрой – красный цвет. Констатация указанной последовательности позволяет выносить более определенные суждения о символике упомянутых цветов в погребальном процессе.

Распределение охры в погребении показывает, что в большинстве случаев она сосредотачивается на ступнях ног и черепе. Выяснение семантики выделения охрой отдельных частей тела человека и мест погребального сооружения требует специального рассмотрения.

Вопрос о смысле цветовой триады в погребальной обрядности не является простым, и были высказаны самые разные предположения по поводу привнесения в обряд цветových компонентов. В основном они сводились к трактовке использования охры, иногда мела. Уже В. А. Городцов высказывался по поводу воссоздания погребальной обрядности на основе археологических свидетельств. Он писал: «Покойнику большей частью тщательно изготавливается подземное жилище, которое украшается и, может быть, символически очищается от вредных начал красною краскою» (*Городцов*, 1915. С. 174). В. И. Марковин предположительно замечал, что покойника в целях очищения покрывали красной краской (охрой, мумием), символизирующей огонь, при этом в могилу клали угольки. Также допускалось, что краска могла олицетворять кровь, которой не хватало умершему (*Марковин*, 1960. С. 144). В отношении того, что красный цвет в погребении символизирует огонь, сомневался В. П. Шилов. Опираясь на этнографические параллели, он утверждал, что кровь – это жизнь. Человек рождается с телом, покрытым кровью, и поэтому должен уйти в потусторонний мир с телом, окрашенным красной краской (*Шилов*, 1975. С. 59). И. Ф. Ковалева, в свою очередь, соединила эти трактовки, считая, что охра и мел символизируют жизненную и животворную силу крови – огня (солнца), а также очищение места

погребения и трупа (Ковалева, 1983. С. 91). Примерно в этом же духе высказался С. Г. Небрат, обративший внимание на присутствие в катакомбных погребениях цветовой триады: белый – красный – черный (Небрат, 2011. С. 123, 124).

Не вдаваясь в семантику отдельных цветов, можно привести пример триединого смысла их восприятия. Так, в культуре хантов трехчленную мировоззренческую вертикаль, которая является всеобщей универсалией, выражает береза как мировое дерево в целом и ее сферы – Верхний мир, населенный богами и ассоциирующийся с белым цветом, мир людей, или Средний мир, который связывается с красным цветом, и мир мертвых, или Нижний мир, где преобладает черный цвет (Черемисина, 2009. С. 113). Это важно в том отношении, что такого рода символика отражает определенный тип символической структуры. Б. А. Базыма выделяет три основных типа цветовой символики: цвет сам по себе; цветовое сочетание, составляющее символическое целое; соединение цвета и формы (Базыма, 2005. С. 13, 14).

Важна также сфера использования символики, и в разных сферах как отдельные цвета, так и их комбинации могут иметь другие значения.

Рассматриваемая здесь проблема связана с погребальной символикой, и поэтому не все варианты значений цвета могут в этом случае быть используемы. Приведенные факты совершения погребений в бронзовом веке создают картину цветового сочетания, объединяемого, как представляется, смыслом «отправки покойного на тот свет» и подтверждаемого последовательностью действий.

В обрядах «перехода», к которым относится похоронный обряд, А. ван Геннеп выделял предварительные, промежуточные и окончательные стадии, когда умерший достигает своего последнего пристанища. Этот цикл выражается в различных обрядах, среди которых отмечаются обряды отделения от прежнего мира (и в частности – обряд «очищения»), всевозможные промежуточные обряды, обряды приобщения к иному миру, в том числе обряд возрождения (ван Геннеп, 1999. С. 24, 134–138). С нашей точки зрения, в погребальном процессе рассматриваемого времени есть центральное звено, пиковый момент этого перехода. Это происходит в период совершения погребения, когда осуществляется посыпка дна могилы мелом, положение и укрытие покойного, посыпка охрой. Таким образом, посыпка дна могилы белым порошком (белый цвет) – очищение; обрамление умершего подстилками и покровом (черный цвет) – упокоение; посыпка охрой (красный цвет) – возрождение.

Угасание трех перечисленных цветов погребальной обрядности к финалу бронзового века в известной нам форме не означало их полного исчезновения в обрядности последующих эпох. Эти цвета известны и как символы траура, т. е. связаны с погребением, вплоть до наших дней в разных регионах: черный (Европа), белый (ряд стран Азии), красный (некоторые страны Африки).

ЛИТЕРАТУРА

- Андреева М. В., 2014. Восточноманычская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. М.: Таус. 272 с.
- Археология..., 1985. Археология Украинской ССР. Т. 1: Первобытная археология / Отв. ред. Д. Я. Телегин. Киев: Наукова думка. 567 с.
- Базыма Б. А., 2007. Психология цвета: теория и практика. СПб.: Речь. 205 с.

- Балабина В. И.*, 1983. К вопросу об использовании охры в катакомбных погребениях // Древности Дона: Материалы работ Донской экспедиции / Отв. ред. Ю. А. Краснов. М.: Наука. С. 188–197.
- Балабина В. И., Борисенко Л. А., Яхонтова Л. К.*, 1990. Исследование охры из погребений эпохи бронзы в низовьях Дона // СА. № 1. С. 154–166.
- Березанская С. С., Отрощенко В. В., Чередииченко Н. Н., Шарафутдинова И. Н.*, 1986. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наукова думка. 166 с.
- Березуцкая Т. Ю.*, 2003. Среднедонская катакомбная культура и ее локальные варианты. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т. 216 с.
- Братченко С. Н.*, 1976. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев: Наукова думка. 252 с.
- Гаврилов А. В.*, 1990. О значении охры в погребальном обряде археологических культур эпох палеолита – бронзы // Тезисы докладов всесоюзного семинара «Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической области» / Ред. О. Г. Шапошникова. Запорожье: ИА АН УССР. С. 12–14.
- Геннеп А. ван*, 1999. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Восточная литература. 198 с.
- Городцов В. А.*, 1915. Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет Императорского Российского Исторического музея за 1914 г. М.: Императорский Российский Исторический музей. С. 121–224.
- Збенович В. Г.*, 1974. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка. 176 с.
- Ковалева И. Ф.*, 1983. Погребальный обряд и идеология ранних скотоводов (по материалам культур бронзового века Левобережной Украины). Днепропетровск: ДГУ. 108 с.
- Крамарев А. И.*, 2003. Характеристика погребальных сооружений срубной культуры южного Средневожья // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3 / Отв. ред. И. Б. Васильев. Самара: СНЦ РАН. С. 277–305.
- Марковин В. И.*, 1960. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.). М.: АН СССР. 151 с.
- Мезолит СССР / Отв. ред. Л. В. Кольцов. М.: Наука, 1989. 351 с. (Археология СССР).
- Мельник В. И.*, 2009. Цветовая триада в погребальной обрядности Кубано-Донья // Пятая Кубанская археологическая конференция: материалы конференции. Краснодар: Кубанский государственный университет, НИИ археологии КубГУ. С. 246–247.
- Мерперт Н. Я.*, 1974. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. М.: Наука. 173 с.
- Небрат С. Г.*, 2011. Охра в погребальном обряде катакомбных культур Северного Приазовья // Вісник Маріупольського державного університету. Серія: Історія, політологія. Вип. 2. С. 121–125.
- Неолит Северной Евразии / Отв. ред. С. В. Ошибкина. М.: Наука, 1996. 379 с. (Археология СССР).
- Палеолит СССР / Отв. ред. П. И. Борисковский. М.: Наука, 1984. 383 с. (Археология СССР).
- Телегін Д. Я.*, 1973. Середньостогівська культура епохи міді. Київ: Наукова думка. 172 с.
- Трифонов В. А.*, 1991. Степное Прикубанье в эпоху энеолита – средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья / Ред. В. М. Массон. Л.: Наука. С. 92–166.
- Тэрнер В.*, 1983. Символ и ритуал. М.: Наука. 278 с.
- Федосов М. Ю.*, 2012. Катакомбные культуры Донецко-Донно-Волжского региона (по материалам погребальных памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. СПб. 22 с.
- Фещенко Е. Л.*, 1990. К вопросу об использовании охры в катакомбных погребениях // Тезисы докладов всесоюзного семинара «Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической области» / Ред. О. Г. Шапошникова. Запорожье: ИА АН УССР. С. 97–99.
- Фисенко В. А.*, 1970. Племена ямной культуры Юго-Востока. Саратов: Саратовский ун-т. 48 с.
- Черемисина К. П.*, 2009. Символика основной цветовой триады в соответствии с трехчленным делением Вселенной в хантыйской культуре // ВААЭ. № 10. С. 113–116.
- Шилов В. П.*, 1975. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука. 208 с.
- Яровой Е. В.*, 1985. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР (классификация погребального обряда). Кишинев: Штиинца. 128 с.

Сведения об авторе.

Мельник Валерий Иосифович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: melvaler@yandex.ru.

V. I. Melnik

THE COLOUR TRIAD IN THE BURIAL RITE
OF THE EAST EUROPEAN STEPPES IN THE BRONZE AGE

Abstract. The paper explores the use of three colours (white, black and red) in the burial practice of the East European steppes in the Bronze Age. Evidence of the use of these colours in the preceding period is provided. Ochre (red pigment) is present in the burials in great quantities, while chalk (white pigment) was present to a lesser extent. Essentially, it is suggested that the matting and the covering of the dead were, probably, of black colour. The paper concludes that in the burial rite the white colour is associated with purification; the black colour is associated with eternal rest while the red colour is a symbol of rebirth.

Keywords: East European steppes, Bronze Age, burial, symbols, color triad, white, black, red, ochre, chalk, mats, burial covering.

About the author:

Melnik Valeriy I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: melvaler@yandex.ru.

Е. Г. Дэвлет

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ПРОБЛЕМЕ ТИХООКЕАНСКИХ
АНАЛОГИЙ ИЗОБРАЖЕНИЯМ ЛИЧИН
В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ АМУРА И УССУРИ*

Резюме. В работе рассматриваются трансокеанские аналогии наскальным изображениям Дальнего Востока, поднимается вопрос, можно ли иконографическое и стилистическое сходство в наскальном искусстве считать результатом контактов, заимствований или следует интерпретировать как конвергентное.

Ключевые слова: личины-маски, наскальное искусство, петроглифы Амурской и Уссурийской областей, Дальний Восток.

---

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-01-00453а).

В результате полевых исследований последних лет в петроглифах Амуру-Уссурийской провинции наскального искусства обнаружены новые варианты личин-масок – одного из ключевых мотивов региональной традиции петроглифов (Дэвлет, Ласкин, 2014; 2015; Ласкин, 2014). В настоящее время хронологические рамки существования традиции наскального искусства в регионе на основании сопоставления особенностей изображения мотивов с материалами археологических культур Нижнего Амура соотносятся с огромным временным интервалом от неолита (XIII–X тыс. до н. э.) до раннего средневековья (IV–XIII вв. н. э.). При этом варианты изображений личин относятся к разным этапам от начального неолита до раннего железного века. Выявленные изображения (рис. 1: с. 467; 2; 3, 1: с. 468) заставили вновь с интересом обратиться к высказанным ранее суждениям о потенциале сопоставлений с удаленными тихоокеанскими традициями наскального искусства. Личинам-маскам уделяется огромное внимание в российской литературе, с ними связан важный, не раз поднимавшийся методологический вопрос, может ли материал петроглифов быть использован для анализа проблемы трансокеанских контактов, миграций, заимствований и понимания возможных механизмов трансляции идей. Основа этой темы была заложена А. П. Окладниковым, обратившим внимание на сходство изображений личин-масок на широкой территории Пасифики и обозначившим трансокеанские параллели петроглифам Нижнего Амура (Окладников, 1971; 1977). Тема плодотворно разрабатывалась и в дальнейшем, в частности, были предложены примеры, иллюстрирующие сходство вариантов изображения личин-масок в наскальных традициях Евразии, Северной и Центральной Америки, а также Океании и Антильских островов (Окладникова, 1979а; 1979б; 1981; 1995; Дэвлет М., 1980; 1997; Дэвлет Е., 2014; Дэвлет М., Дэвлет Е., 2006; Lee, 1992; Watson, 2011). Ключевой проблемой широких сопоставлений является разновременность и весьма ограниченная выборка привлекаемых данных, что привело к тому, что было высказано немало не подкрепленных материалом соображений в оценке генезиса изображения личин в наскальном искусстве Евразии, когда более поздние изобразительные традиции рассматривались в качестве прототипа древним личинам Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. Примером легковесных выводов по ограниченной выборке может служить соображение о происхождении осевой симметрии, билатерального сечения и манеры размещения развертки в изобразительной традиции тлинкитов из характерного для петроглифов Амура и Уссури мотива личин с сердцевидным абрисом.

В последние годы накоплен новый массив информации по изображениям личин в наскальной традиции Аляски, канадской северо-западной провинции Британской Колумбии, Австралии – регионов, материалы которых ранее привлекались в исследованиях аналогий петроглифам Евразии (рис. 3, 2; 4–7). Поскольку иконографическое сходство налицо, хотелось бы вернуться к проблеме правомерности подобных сопоставлений, обратив особое внимание на огромные временные лакуны в материале.

Как ни парадоксально, при обилии петроглифов и росписей на американском северо-западе их профессиональные исследования единичны. Результаты изучения петроглифов северо-запада Америки представлены в работах Д. Лунди (Lundy, 1983), которая выделила три хронологических периода.

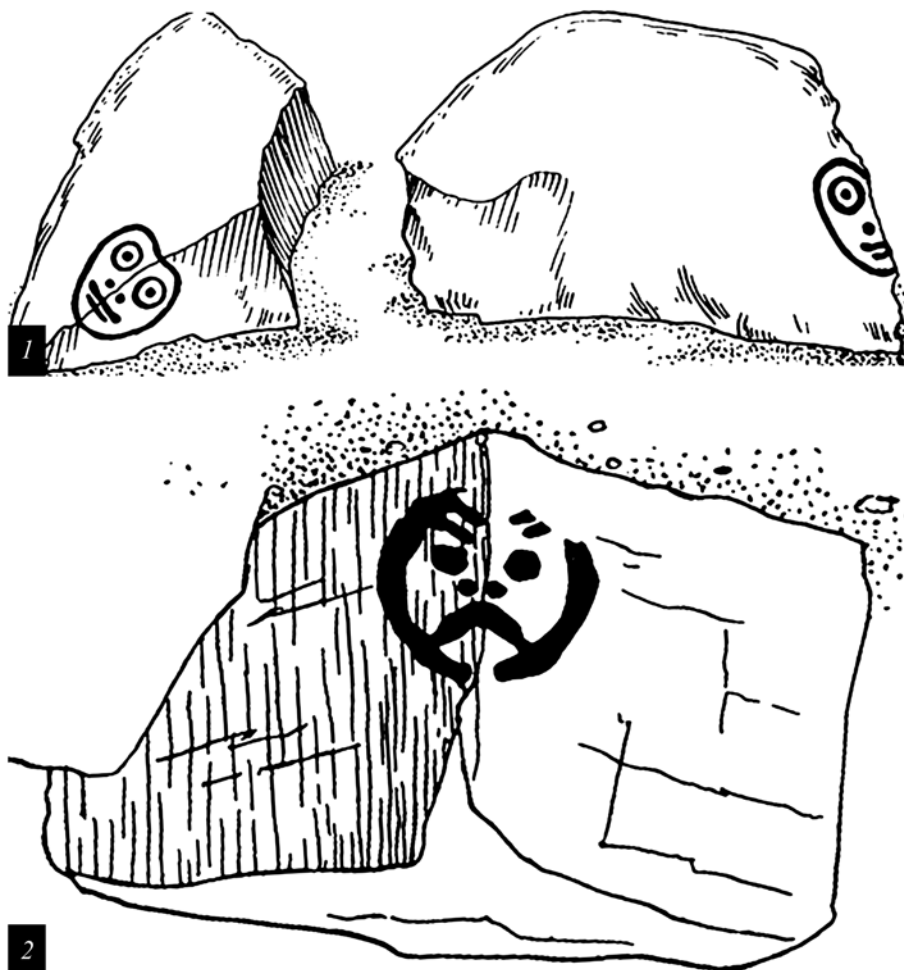

Рис. 2. Личины, выполненные на схождении граней и плоскостей валунов на берегу р. Амур (по: *Окладников, 1971. Табл. 57.2; 5.2*)

Аргументированное уточнение хронологии сделано в публикации Дж. Кейзера и Дж. Потшата (*Keyser, Poetschat, 2012*), из которой следует, что большинство изображений личин-масок на скалах Аляски относится к несопоставимо более позднему времени, чем сибирские, центрально-азиатские и дальневосточные. Предположительно, личины с неполным абрисом появляются на рубеже нашей эры и существуют в разных вариантах до середины II тыс., далее сменяясь вариантами с контуром, контуром с лучами, перьями и пр. Сердцевидное оформление «надбровной» части характерно как для личин с незавершенным, так и с замкнутым контуром, их бытование приписывается широкому временному диапазону в пределах I тыс. н. э. (рис. 4). Исследование росписей Британской Колумбии

Рис. 4. Варианты изображений личин в петроглифах Аляски (по: Keyser, Poetschag, 2012)

предпринято А. Скала, которая использовала усиление цветового контраста для выявления потускневших пигментов (Scala, 2015). В ее работе не только систематизируются значительные данные по изображениям краской, но также привлекаются отдельные варианты выбитых изображений, которые демонстрируют сходный с амуро-уссурийскими личинами прием их размещения на схождении плоскостей и граней камня (см. рис. 3, 2). А. Скала подтверждает, что этот прием

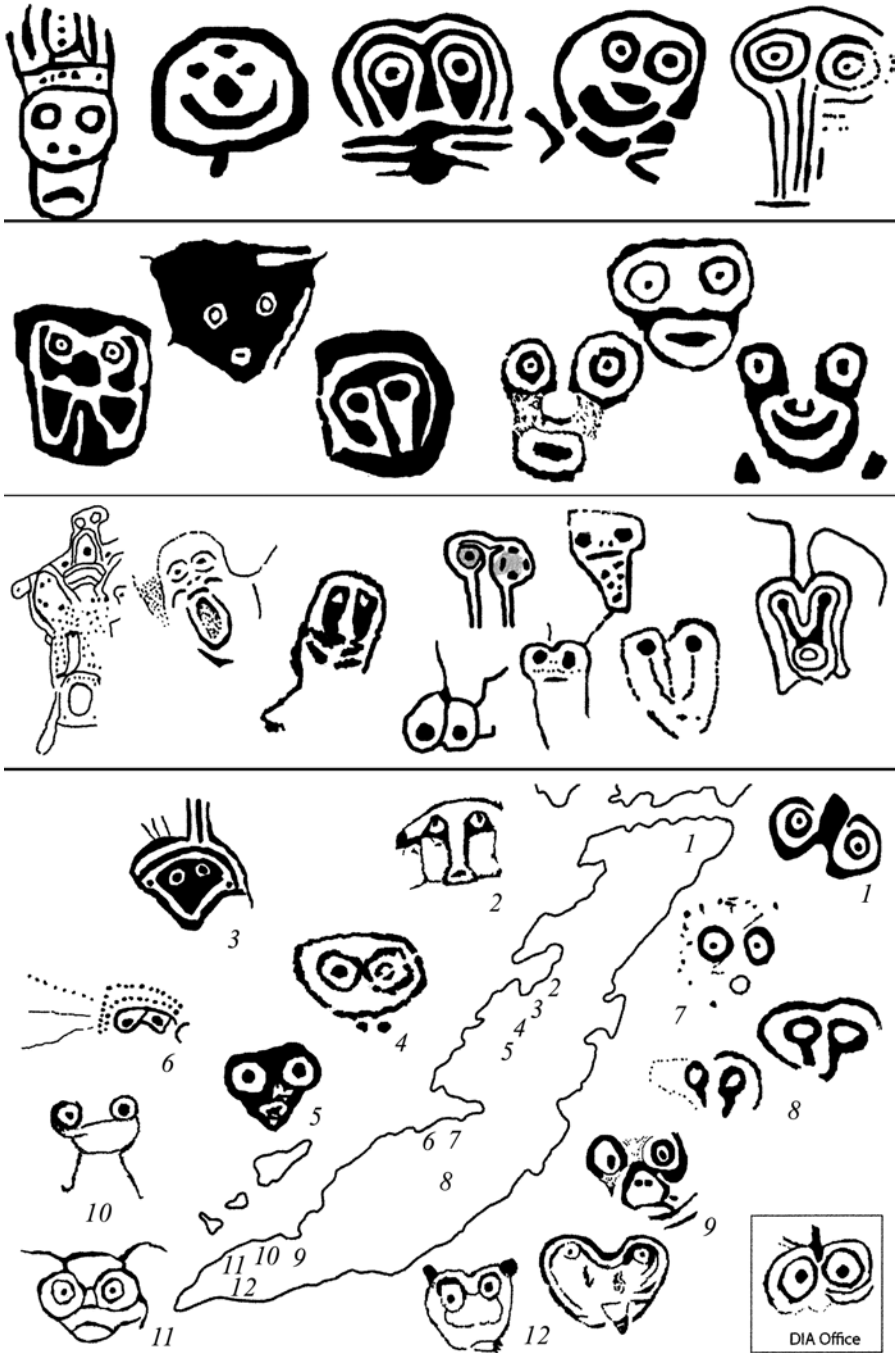

Рис. 5. Варианты архаических личин в наскальном искусстве Австралии и архипелага Дампьер (по: *Mulvaney*, 2015. Fig. 7.2; 7.17; 7.16; 7.6)

Рис. 6. Распространение архаических личин и их варианты, Австралия
(по: Mulvaney, 2015. Fig. 7.8; 7.20)

Рис. 7. Распространение архаических личин и их варианты, Австралия
(по: *Mulvaney*, 2015. Fig. 7.18; 7.19)

часто встречается в изображениях на скалах острова Виктория и других близлежащих островов Британской Колумбии¹, однако хронологические рамки существования подобного стилистического приема пока не определены. Некоторые специфические мотивы наскального искусства Аляски и канадской провинции Британская Колумбия действительно демонстрируют существенное сходство с петроглифами Амура и Усури. Оно проявляется в типах личин, наличии вариантов, выполненных рельефным широким желобком. Сходство между амуро-усурийскими изображениями и петроглифами Британской Колумбии наиболее очевидно в специфической манере размещения личин на схождениях плоскостей и граней природных валунов, что придавало им рельефность. Это сходство делает соблазнительными сопоставления дальневосточных личин с изображениями в наскальной традиции американского северо-запада, но существенным препятствием является то, что хронология личин северо-запада весьма неопределенна (Hill B., Hill R., 1974; Hill, 1975; Keyser, Poetschat, 2012).

Не менее противоречиво сопоставление амурских личин с так называемыми архаическими личинами из Австралии (рис. 5–7). Они распространены по всему континенту и на прилегающих островах, в частности, печальную известность получили личины архипелага Дампьер, расположенного у северо-западного побережья Австралии, поскольку строительство ставит под угрозу сохранность замечательных произведений изобразительной традиции охотников и собирателей морских ресурсов (Mulvaney, 2015).

Очевидное иконографическое сходство подмечено еще А. П. Окладниковым, хотя во время его исследований об австралийских материалах в России, да и в Австралии, было известно немного. Впервые архаические личины в австралийском наскальном искусстве были выделены и описаны Р. Эдвардсом (Edwards, 1968a; 1968b). Это выветренные экземпляры, стиль которых весьма отличается от распространенного в центре континента геометризированного стиля Панарамити тем, что личины-маски индивидуальны, а их выражение эмоционально окрашено. Сходство архаических личин проявляется и в формах абриса (среди них немало сердцевидных), и в наличии парциальных личин без контура. Важно отметить, что А. П. Окладников уже в начале 1970-х гг. использовал материалы Р. Эдвардса при анализе аналогий антропоморфным амурским личинам (Окладников, 1971. Рис. 39; 40; 42). Последние десятилетия отмечены динамичным развитием на зеленом континенте науки о наскальном искусстве, в том числе стремительно разрабатываемого направления по датированию патины петроглифов. Архаические личины в последние годы получили очень ранние даты – от 60 до 24 тыс. л. н. (Mulvaney, 2015. Р. 246–289). Неожиданную интерпретацию архаическим личинам предложил Г. Ворд, который идентифицировал сердцевидные варианты как изображения головы страуса эму (Ward, 1993). Мнение о зооморфной природе архаических личин небесспорно: аналогичным образом выполнены головы и у некоторых антропоморфных фигур.

Нельзя не заметить, что при сопоставлении упрощенных графических прорисовок амурских ликов можно увидеть значительно больше сходства

---

¹ Личное сообщение автору.

с черно-белыми прорисовками австралийских архаических личин и фигур, чем при сравнении фотографий и оригиналов. Для австралийской традиции характерно иное отношение к плоскости, многие архаические антропоморфные личины и фигуры являются лишь элементом многокомпонентных насыщенных повествовательных полотен, в которых использованы разные мотивы. Не позволяет перебросить трансокеанский мост и временной разрыв.

В целом следует отметить значительную перспективность и хронологическую однородность сопоставлений амуро-уссурийских петроглифов с наскальным искусством Кореи и северных провинций Китая не только в изображениях личин, но и зооморфных фигур с декорированным туловищем (*Дэвлет*, 1997; *Ларичев*, 1985; *Чжан*, 2015; *Gai Shanlin* 1986; 1989; *Fu*, 1995; *Jeon*, 2013; *World petroglyphs...*, 2013; *Sun Xin Zhou*, 1995; *Xu Cheng, Wei Zhong*, 1993).

ЛИТЕРАТУРА

- Дэвлет Е. Г.*, 1997. Две личины из Внутренней Монголии и лунно-солнечный календарь // Наскальное искусство Азии. Вып. 2. Кемерово: Кузбассвузиздат. С. 25–28.
- Дэвлет Е. Г.*, 2014. Трансокеанские аналогии антропоморфным изображениям Сибири и Дальнего Востока, архаическое и традиционное искусство: Проблемы научной и художественной интерпретации // Материалы Всероссийской (с междунар. участием) науч. конф. (г. Новосибирск, 12–14 ноября 2014 г.). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 26–33.
- Дэвлет Е. Г., Ласкин А. Р.*, 2014. К изучению петроглифов Амура и Усури // КСИА. Вып. 232. С. 8–31.
- Дэвлет Е. Г., Ласкин А. Р.*, 2015. Петроглифы Хабаровского края: результаты мониторинга последствий паводка в 2013 году на Амуре и Усури // АЭАЕ. № 4 (43). С. 94–105.
- Дэвлет М. А.*, 1980. Петроглифы Мугур-Саргола. М.: Наука. 271 с.
- Дэвлет М. А.*, 1997. Окуневские антропоморфные личины в ряду наскальных изображений Северной и Центральной Азии // Окуневский Сборник: Культура. Искусство. Антропология / Сост. и ред.: Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ. С. 240–250.
- Дэвлет М. А., Дэвлет Е. Г.*, 2006. Антропоморфные личины как маркеры путей древних миграций // Окуневский Сборник 2: Культура и ее окружение / Сост. и ред.: Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб.: СПбГУ. С. 325–229.
- Ларичев В. Е.*, 1985. Открытие наскальных изображений на территории Внутренней Монголии в Синьцзяне и Цинхае // Рериховские чтения. 1984 год: К 110-летию Н. К. Рериха и 80-летию С. Н. Рериха / Отв. ред.: В. Е. Ларичев, Ю. А. Воробьев. Новосибирск. С. 149–167.
- Ласкин А. Р.*, 2014. О результатах обследования петроглифов Сикачи-Аляна и Шереметьево // КСИА. Вып. 236. С. 82–86.
- Окладников А. П.*, 1971. Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука. 336 с.
- Окладников А. П.*, 1977. Взаимодействие древних культур Тихого океана (на материалах петроглифов) // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки / Отв. ред. Н. Л. Членова. М.: Наука. С. 41–49.
- Окладникова Е. А.*, 1979а. Загадочные личины Азии и Америки. Новосибирск: Наука. 168 с.
- Окладникова Е. А.*, 1979б. Петроглифы Антильских островов (череповидная личина как сюжет наскального искусства тихоокеанского мира) // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна / Отв. ред. Р. С. Василевский. Новосибирск: Наука. С. 87–103.
- Окладникова Е. А.*, 1981. Писаницы Тихоокеанского побережья Северной Америки и Сибири // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки: Тр. сов.-амер. группы по сотрудничеству в области изучения взаимодействия аборигенных народов и культур Северной Сибири и Северной Америки / Отв. ред. И. С. Гурвич. М.: Наука. С. 82–97.
- Окладникова Е. А.*, 1995. Модель Вселенной в системе образов наскального искусства Тихоокеанского побережья Северной Америки. СПб.: МАЭ РАН. 317 с.

- Чжан С. Х., 2015. Петроглифы Дэгокри (Бангудэ) в Ульсане // IV Северный археологический конгресс (19–23 октября 2015, г. Ханты-Мансийск): доклады / Отв. ред. Н. М. Чаиркина. Екатеринбург: Альфа Принт. С. 194–195.
- Edwards R., 1968a. Prehistoric rock engravings at Thomas Reservoir, Cleland Hills, Western Central Australia // Record of South Australian Museum. Vol. 15. No. 4. P. 647–670.
- Edwards R., 1968b. Unique rock art in Central Australia // Hemisphere. Vol. 12. No. 5. Sydney. P. 2–7.
- Fu C. Z., 1995. Rock art in northern China // Perceiving Rock-Art: Social and Political Perspectives / Eds: K. Helskog, B. Olsen. Oslo: Novus Forlag. P. 367–377.
- Gai Shanlin, 1986. Petroglyphs in the Yinshan mountains. Beijing 460, 140 ill. (In Chinese).
- Gai Shanlin, 1989. Petroglyphs in the Wulanchabu Grassland. Beijing: Wen wuchu ban she. 355 p., 48 pl. (In Chinese).
- Hill B., 1975. Guide to Indian Rock Carvings of the Pacific Northwest Coast. Saanichton: Hancock House Publisher. 49 p.
- Hill B., Hill R., 1974. Indian Petroglyphs of the Pacific Northwest. Saanichton: Hancock House Publisher. 320 p.: ill.
- Jeon Ho-tae, 2013. Arts of Prehistoric and Ancient Korea and the Bangudae Petroglyphs // Bangudae: Petroglyph Panels in Ulsan, Korea, in the Context of World Rock Art. Seoul: Hollym. P. 37–66.
- Keyser J. D., Poetschat G., 2012. Clan Crests and Shamans' Masks: Petroglyphs in Southeast Alaska. Portland: Indigenous Cultures Preservation. 96 p.
- Lee G., 1992. The Rock Art of Easter Island: Symbols of Power, Prayers to the God. Los Angeles: The Institute of Archaeology, University of California. 225 p.: 28 col. pl., 226 fig. (Monumenta Archeologica; vol. 17).
- Lundy D., 1983. Styles of Coastal Rock Art // Indian Art Tradition of the Northwest Coast / Ed. R. L. Carlson. Burnaby: Archaeology Press, Simon Fraser Univ. P. 89–97.
- Mulvaney K., 2015. Murujuga Marni: the rock art of the macropod hunters and the mollusc harvesters. Crawley (Western Australia): UWA Publishing. 404 p.
- Skala A. A., 2015. Heiltsuk and Wuikinuxv Rock Art: Applying DStretch to Reveal a Layered Landscape, a Case Study on the Central Coast, British Columbia, Canada: A Thesis Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of MASTER OF ARTS in the Department of Anthropology. Victoria, BC: University of Victoria. 263 p.
- Sun Xin Zhou, 1995. Exploring the Secret of Masks in Inner Mongolia // Rock Art. Beijing.
- Ward G. K., 1993. Australian rock pictures in China and the Helan Shan petroglyphs // Rock Art Research. Vol. 10. No. 1. P. 41–47.
- Watson B., 2011. The eyes have it: human perception and anthropomorphic faces in world rock art // Antiquity. Vol. 85. P. 87–98.
- World petroglyphs research I. Bangudae: Petroglyph panels in Ulsan, Korea, in the context of World rock art / Ed. J. Kim. Elizabeth; Seoul: Hollym, 2013. 231 p.: il.
- Xu Cheng, Wei Zhong, 1993. Petroglyphs in the Helan Mountains. Beijing: Wen wuchu ban she. 398 p.: 96 p. pl. (In Chinese).

Сведения об авторе.

Дэвлет Екатерина Георгиевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: eketek@yandex.ru.

E. G. Devlet

NEW MATERIALS FOR REVISING TRANSPACIFIC ANALOGUES TO
ANTHROPOMORPHIC MASK-FACES IN ROCK ART OF THE AMUR
AND USSURI REGIONS

Abstract. The paper reviews Transpacific analogues of rock art images in the Russian Far East, and brings up an issue of whether it is possible to consider iconographic and

stylistic analogues in rock art a result of contacts, cultural interaction, or such similarity should be of a convergent origin.

Keywords: anthropomorphic mask-faces, rock art, Amur and Ussuri petroglyphs, Russian Far East.

About the author:

Devlet Ekaterina G., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: eketek@yandex.ru.

С. В. Сотникова

ДЖЕТЫГАРСКОЕ КОПЬЕ
И СИНТАШТИНСКО-ПЕТРОВСКАЯ
ПОГРЕБАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ:
К РЕКОНСТРУКЦИИ ОБРАЗА И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Резюме. Автор статьи обращается к ранее опубликованной находке бронзового наконечника копья сейминского типа, случайно обнаруженного близ г. Джетыгар в Северном Казахстане (рис. 1). На втулке копья представлены парные симметричные скульптурные изображения водоплавающих птиц и протом лошадей. В статье дается реконструкция образов и представлений, связанных с этим предметом, в свете синташтинско-петровской погребальной традиции и индо-иранских параллелей.

Ключевые слова: бронзовый век, памятники синташтинского и петровского типов, погребальный обряд, наконечник копья.

Бронзовый наконечник копья сейминского типа с зооморфными скульптурными изображениями на втулке (рис. 1) был случайно обнаружен близ г. Джетыгар в Северном Казахстане и опубликован А. П. Мазниченко (1985. Рис. 1). Исследователь отмечает, что наконечник имеет ромбический стержень, сравнительно узкое перо, ушко подтреугольной формы и небольшое утолщение по краю втулки. Длина – 38,9 см. На втулке расположено три сквозных отверстия для крепления копья к древку: два округлых на одной стороне и третье (треугольное) – на противоположной. Наконечник был отлит в двусторонней форме без последующего удаления облома, местами на втулке прослеживаются следыковки. В средней части втулки симметрично расположены парные скульптурные изображения птиц. Голова одной из птиц отломана (возможно, это литейный брак). По мнению А. П. Мазниченко, птицы по длинной изогнутой шее и обтекаемой форме туловища без выделенных крыльев могут быть определены как водоплавающие.

Ниже расположены парные головки лошадей, которые «угадываются по форме шеи, подобию гривы и каплевидному окончанию морды животного» (Мазниченко, 1985. С. 152).

Е. Н. Черных и С. В. Кузьминых условно относят наконечник копья из Джетыгара к разряду КД–30 (с ромбическим или округло-ромбическим стержнем, боковым ушком и манжетой на устье втулки). Всего к этому разряду ими отнесено 15 предметов, которые отсутствуют на территории Сибири и сосредоточены в основном в Восточной Европе. Часть этих изделий не связана ни с памятниками сейминско-турбинского типа, ни с территорией их распространения. «Наконечник из Джетыгара, возможно, связывается с позднепетровскими или раннеалакульскими памятниками Северного Казахстана» (Черных, Кузьминых, 1989. С. 79). Таким образом, рассматриваемый наконечник копья вполне мог быть изготовлен в петровской или синташтинской среде. Синташтинское, петровское, андроновское население большинство исследователей связывает с индоиранской традицией. Следовательно, для интерпретации образов на джетыгарском копье возможно привлечение древнеиндийских и древнеиранских источников.

Прежде чем перейти к интерпретации композиции на втулке копья, следует еще раз обратиться к вопросу об идентификации представленных на нем литых фигурок. Определение видовой принадлежности птиц неоднозначно. И. В. Ковтун отмечает, что «профиль вытянутой шеи и миндалевидный абрис корпуса действительно напоминают представителей гусеобразных... Но почти те же признаки приложимы и к дрофе» (Ковтун, 2013. С. 193).

Чтобы уточнить идентификацию птиц на втулке копья, обратимся к погребальной обрядности синташтинско-петровского населения. Достаточно убедительным доказательством представляются находки костей крыла водоплавающих птиц совместно с парными захоронениями лошадей в синташтинских и петровских погребениях. В могиле 5 кургана 2 могильника Каменный Амбар 5 на уровне перекрытия размещались: в восточном углу – два лошадиных черепа, у середины ЮЗ стенки – скелет

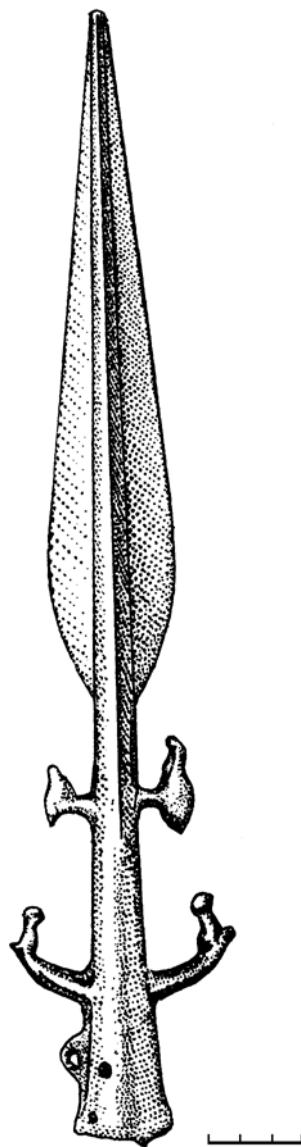

Рис. 1. Бронзовый наконечник копья, найденный близ г. Джетыгар (по: Мазниченко, 1985)

жеребенка, череп и хвост взрослой лошади (т. е. захоронены две пары лошадей), а в грабительском вкопе, помимо костей конечностей от трех особей лошадей, встречена кость крыла гуся. В ЮВ половине дна, наряду с другими находками, обнаружены четыре псаля из рога лося и бронзовый наконечник копыя. Данная могила представляла коллективное захоронение восьми человек, среди них двое взрослых – мужчины 17–18 и 25–27 лет (*Костюков и др.*, 1995. С. 160, 161). В погребении 35 синташтинско-петровского могильника Бестамак на перекрытии обнаружены две лошади, уложенные ногами друг к другу, головой на СЗ. В могиле была захоронена женщина, ориентированная головой в том же направлении. В районе ее черепа находились развалы четырех сосудов, бронзовые орудия, два каменных наконечника стрелы, астрагал крупного рогатого скота, а также кости крыла утки в анатомическом порядке (*Калиева, Логвин*, 2009. С. 38–43). В синташтинском могильнике Солнце II (могила 1, курган 11) кости крыла гуся входили в состав жертвенника из черепов крупного и мелкого рогатого скота (*Епимахов*, 1996. С. 32, 33). Находки костей крыла в погребениях позволяют подтвердить идентификацию литых фигурок птиц на копые как водоплавающих, что, как будет показано ниже, является весьма значимым.

И. В. Ковтун считает, что стилистические параллели джетыгарских лошадок указывают на постсейминско-турбинский хронологический горизонт (*Ковтун*, 2013. С. 193). Безоговорочно согласиться с этим утверждением сложно, так как только в синташтинско-петровской традиции погребальной обрядности мы находим полное соответствие джетыгарскому копыю по набору составляющих его элементов: копые – водоплавающая птица – кони. Более того, имеется такой вариант, где все эти составляющие представлены в одном погребении (Каменный Амбар 5).

И. В. Ковтун предложил также интерпретацию данного копыя как субститута мировой оси и жертвенного столба (*Ковтун*, 2013). Однако синташтинско-петровская традиция, где нашла отражение связь пароконной упряжки с водоплавающей птицей, позволяет выявить своеобразие этого универсального символа. Для интерпретации композиции на копые представляются значимыми следующие особенности расположения скульптурных изображений на втулке. Во-первых, движение фигурок направлено вверх по оси втулки копыя. Во-вторых, последовательность их расположения, а именно: в первом (верхнем) ярусе представлены птицы, во втором (нижнем) ярусе – кони. В-третьих, парность и симметричность изображений.

Присутствие парных фигурок птиц в верхнем ярусе достаточно убедительно отсылает к универсальному образу мирового дерева. Именно птицы помещаются на вершину мирового дерева и маркируют верхний уровень мироздания во многих традициях. О парности птиц на мировом дереве есть упоминания в ведийской «Ригведе»: «Две птицы, соединенные вместе друзья, / Льнут к одному и тому же дереву. / Одна из них ест сладкие плоды, / Другая смотрит, не прикасаясь к плодам» (РВ I, 164. 20). Однако связь с мировым деревом и верхним миром именно водоплавающих птиц является достаточно специфичной и характеризует прежде всего индоиранскую традицию. Е. Е. Кузьмина, со ссылкой на Э. Бенвениста, отмечает, что в языке индоиранцев различались птицы хищные и водоплавающие. Словом *saena* они называли хищных птиц (орла, сокола, ястреба), словом *hansa* – водоплавающих (гуся, разных уток) (*Кузьмина*, 1984. С. 93). Образ водоплавающей птицы связан с жертвенным столбом (юпа, скамбха) уже в древнеиндийской (ведийской)

традиции. В гимне «Ригведы», посвященном жертвенному столбу, установленные в ряд столбы уподобляются стае гусей (РВ III. 8. 9).

В «Атхарваведе» образ водоплавающей птицы «ханса» (лебедя или гуся) также присутствует в гимне, посвященном жертвенному столбу – «скамбхе». В переводе Т. Я. Елизаренковой эта водоплавающая птица названа лебедем: «Это солнце все они на самом деле обсуждают, / Агни, во-вторых, троякого лебеда, (в-третьих). / На тысячи дней пути простерты его крылья, / Этого золотистого лебеда, летящего в небо. / Взяв всех богов к себе на грудь, / Он движется, озирая все существа» (АВ X. 8. 18). Ю. А. Рапопорт считает, что здесь идет речь о «тройном» или «утроенном» гусе (*Рапопорт*, 1977. С. 61, 62). Д. С. Раевский отмечает, что представление о «тройственности», скорее всего, связано с толкованием водоплавающей птицы как символа трех зон мироздания, так как «это единственный представитель земной фауны, обладающий способностью передвигаться *во всех трех стихиях* – по суше, по воде и под водой, и, наконец, по воздуху» (*Раевский*, 2006. С. 85). По-мнению Т. Я. Елизаренковой, этот гимн можно лишь формально считать посвященным «скамбхе». Гимн относится к архаичному жанру брахмодья, являющемуся серией загадок на космогонические темы и состоящему из вопросов и ответов. В рассматриваемом стихе речь идет о трех формах брахмана (солнца, Агни, лебеда). Бра́хман – это существительное среднего рода с ударением на первом слоге и с абстрактным значением. Оно противопоставлено существительному мужского рода с ударением на втором слоге и конкретным значением: брахма́н – главный жрец, руководящий жертвоприношением. Слово «бра́хман» кодирует ряд важнейших понятий – молитва, священная речь, абсолютный принцип (в поздне- и послеведийское время) и т. п. (*Елизаренкова*, 2007. С. 241–243, 251, 252). В. Н. Топоров предполагает, что брахмодья, или «говорение о бра́хмане, вокруг бра́хмана», по своему происхождению связаны именно с ритуалом, воспроизводящим сотворение мира и соотношенным с бра́хманом как образом мирового дерева (*Топоров*, 1997в. С. 96, 97).

Образ водоплавающей птицы «ханса» представлен и в поздних литературных произведениях ведийского периода – Упанишадах. Они относятся к трактатам религиозно-философского характера, где реальные образы нередко выражают отвлеченные понятия. Тем не менее представляет интерес тот факт, что в Чхандогья упанишаде (IV. 7. 1), одной из самых ранних среди них (ее создание относится к VIII в. до н. э.), присутствует образ водоплавающей птицы «ханса» – гуся, который связан с небом и с образами небесных светил – солнца, луны, молнии, огня (небесного?). Согласно поздним комментариям Свами Свахананда, гусь символизирует здесь солнце, так как оба отличаются белизной и передвигаются в небе (*Сыркин*, 2003. С. 426).

Таким образом, водоплавающая птица в рассматриваемых древнеиндийских текстах представляется космическим символом. Ее «троичность», по-видимому, является указанием не только на связь с тремя основными сферами мироздания, но и с мировой вертикалью, выступающей в виде жертвенного столба как эквивалента мирового дерева. В то же время достаточно очевидна связь водоплавающей птицы с небом и миром богов (верхним миром).

Помимо птиц, на копые представлена также пара протом лошадей. Связь коней с мировым деревом является отличительной чертой ритуально-мифологической

традиции индоиранских (индоевропейских) народов. Мировое дерево ведийских ариев, создателей «Ригведы», носит название «ашваттха», что буквально переводится как «конская стоянка» (Топоров, 1997а. С. 143). Мировое дерево скандинавской мифологии Иггдрасиль буквально означает – «конь Игга», т.е. конь Одина (Игг – другое имя Одина) (Мелетинский, 1997. С. 479). Однако для нас важна не просто связь коней с мировым деревом, но и их парность. Парность лошадей при мировом дереве в ведийской традиции выражена наиболее определенно в образе божественных братьев-близнецов Ашвинов, имя которых означает «обладающие конями» или «рожденные от коня» (Топоров, 1997б). Именно парность является их главной особенностью. Парности Ашвинов посвящен специальный гимн «Ригведы» (РВ II, 39), который изобилует сравнением Ашвинов с различными парными предметами или органами человеческого тела, например: «Словно два давилых камня вы бодрствуете с одной и той же целью, / (Собираясь) к приготовившему жертвенную пищу, как два коршуна на (одно) дерево» (РВ II. 39. 1); «Как два рога (животного), первыми двигайтесь в нашу сторону / Быстро мелькая, словно копыта!..» (РВ II, 39. 3); «...Как два глаза с (их) взглядом, приезжайте в нашу сторону! / Как две руки, самые деятельные для тела, / Как две ноги приведите нас к благу! / Как две губы, предвещающие мед для рта, / Как две груди, набухните, чтобы мы жили! / Как две ноздри (будьте) защитниками нашего тела, / Как уши, хорошо нас услышьте!» (РВ II, 39. 5, 6).

Однако Ашвинам свойственна также троичность, что служит косвенным указанием на их связь с мировой вертикалью (мировым деревом). Они ездят на трехколесной колеснице с тремя сидениями, которая названа «трехчастной»: «Приезжайте, о Ашвины, / На трехместной трехчастной колеснице, / Чтобы пить сладкого сому!» (РВ VIII. 85. 8); «Пусть приедет сюда прекрасно восхваленная трехколесная / Везущая мед быстроконная колесница Ашвинов!» (РВ I. 157. 3); «Запрягите ту, что быстрее мысли, / С тремя сидениями, о два быка, с тремя колесами, / На которой вы приезжаете в дом благочестивого! / Вы летите на трехчастной, словно птица на крыльях» (РВ I. 183. 1); «Ваша колесница, о Ашвины, влекомая летящими орлами, / Столь милосердная, богатая помощью, пусть приедет сюда, / (Та,) что стремительнее, чем мысль смертного, / Трехместная, быстрая как ветер, о два быка!» (РВ I. 118. 1).

Таким образом, водоплавающих птиц и коней объединяют такие важные характеристики, как «парность» и симметричность относительно мировой оси и «троичность» как отражение их способности перемещаться вдоль мировой оси через все три мира. «Парность» и симметричность образов выступают как отражение связи с горизонтальной структурой мироздания, тогда как троичность – с вертикальной.

Но этим не исчерпывается взаимосвязь образов коней и водоплавающих птиц. В «Ригведе» движение воинственных богов-колесничих (таких как Индра, Ашвины, Маруты) на колеснице, запряженной конями, семиотически эквивалентно их полету, что неоднократно отмечалось различными исследователями (Кузьмина, 1977. С. 101). Кони нередко уподобляются птицам. В гимне, посвященном Ашвинам, говорится: «К нам летите, о два прозорливца, / На птицах (-конях), как два сокола!» (РВ V. 74. 9); «Ваши, о два мужа, запрягаемые мыслью / Кони, окропленные (сладким) подкреплением, / Птицы пусть привезут

(вас) на питье (сомы)...» (РВ V. 75. 6). Движение Марутов – божественных воинов-колесничих – также уподобляется полету птиц: «(Те,) что, словно птицы, мощно летают рядами к границам / Неба с высокой (его) вершины, – / Кони их, как будто знают оба (рода)...» (РВ V. 59. 7); «Они сказали мне, (те,) что приехали / День за днем вместе с птицами для опьянения, / Мужичи, беспорочные юноши...» (РВ V. 53. 3). Т. Я. Елизаренкова в примечании к этому гимну отмечает, что можно понимать выражение «вместе с птицами» и в инструментальном смысле, т. е. «на птицах» (подобно Ашвинам) (Елизаренкова, 1999б. С. 557). Взаимосвязь образов птиц и коней нашла отражение не только в гимнах, но и в ритуале ведийских ариев. В обряде *ашвамедха* (жертвоприношения коня) украшенный конь лежит на алтаре с очагом в виде птицы: у восточной границы большого алтаря (*mahāvedi*) находится 21 жертвенный столб (*yūpa*) (Топоров, 1997в. С. 95).

По-видимому, представление о быстролетящих конях-птицах начинает складываться в эпоху бронзы, в синташтинско-петровский период, когда колесница, запряженная парой лошадей, становится наиболее быстрым и престижным способом передвижения, достойным божеств. Езда на колеснице по скорости уподоблялась полету птиц. Поэтому именно полет рассматривался как основной способ перемещения по мировой оси.

Нередко колесницу Ашвинов влекут водоплавающие птицы – лебеди или гуси: «Ваши лебеди, что несут мед, не сбивающиеся (с пути), / Златокрылые, кричащие: «Уху! (?)», пробуждающиеся на заре, / Плывающие по воде, приносящие радость, вкушающие веселого (сому), – / Приезжайте с ними на выжимания (сомы), как пчелы – на (питье) меда» (РВ IV. 45. 4). В примечании к этому гимну Т. Я. Елизаренкова отмечает, что здесь говорится о водоплавающих птицах «ханса», поэтому, возможно, что это все же гуси (Елизаренкова, 1999а. С. 751). Иногда сами Ашвины уподобляются водоплавающим птицам «ханса» – гусям или лебедям: «О Ашвины, приезжайте сюда! / О Насатьи, не отворачивайтесь! / Прилетайте, как два лебедя, к выжатым (сокам сомы)!» (РВ V. 78. 1); «О Ашвины, богатые наградой, / Наслаждайтесь нашей жертвой, чтоб охотно приходите (и дальше)! / Прилетайте, как два лебедя, к выжатым (сокам сомы)!» (РВ V. 78. 3). Следует добавить, что в греческой мифологии, имеющей индоевропейские корни, лебеди влекут колесницу Аполлона. Е. Е. Кузьмина считает, что это специфически северный евразийский образ, так как здесь с прилетом лебедей начиналась весна (Кузьмина, 1977. С. 101). В другом гимне Ашвины уподоблены птицам *чакравака*: «Как две (птицы) чакравака на рассвете, о два утренних (бога), / Приезжайте в нашу сторону, как два могучих колесничих!» (РВ II. 39. 3). В примечании к гимну Т. Я. Елизаренкова отмечает, что *чакравака* буквально переводится как «кричащий «ча-кра!»» – звукоподражательное название птицы *Anas Casarka* (Елизаренкова, 1999а. С. 687). В санскритской литературе слово *chakravaka* означает красную утку (*Casarka ferringinea*), иначе именуемую «утка брахманов». Это распространенный мифологический и поэтический образ (Ранонорт, 1977. С. 60). В «Ригведе» также имеется гимн, где с водоплавающими птицами сравниваются воны-колесничие Маруты: «О вы, со сверкающими копьями, беспыльными (путями) / Отправляйтесь, словно гуси – на пастбища, / Для опьянения медом, о Маруты единоподушные!» (РВ II, 34. 5).

Помещение крыла гуся или утки в синташтинско-петровские погребения вместе с парой лошадей, по-видимому, отражало стремление совершавших ритуал ускорить движение колесницы, везущей умершего. Выбор именно водоплавающей птицы может быть обусловлен тем, что это единственный представитель земной фауны, обладающий способностью (как уже было отмечено Д. С. Раевским) свободно передвигаться во всех трех сферах мироздания. Особо следует выделить то, что мифоритуальная традиция, связанная с водоплавающей птицей и нашедшая отражение в обрядах степного населения эпохи бронзы, в дальнейшем не исчезает. Этот образ получает развитие в скифской (иранской) традиции. Д. С. Раевский отмечает, что мотив утки, гуся и других водоплавающих птиц широко распространен в скифском искусстве, преимущественно на предметах, безусловно имевших культовое назначение (*Раевский, 2006. С. 80*).

Вероятно, копье выполняло в обряде ту же роль, что и крыло птицы. В иранской традиции сохранились следы представлений о связи образа копья с крылом птицы и с идеей полета. В «Шах-намэ» описывается летающий трон царя Кей-Кавуса. Царь, желая подняться выше богов, утвердил по углам трона четыре золотых копья, к которым привязал четырех орлов, взлетевших вверх (*Акишев А., 1978. С. 45*). Следует согласиться с А. К. Акишевым, что Фирдоуси смутно понимал пересказанную ему вторичную легенду о космических тронах азиатских владык (Там же). Однако связь копья с полетом в верхний мир в данном сюжете проступает вполне отчетливо. Ближайшую аналогию этому сюжету представляет головной убор вождя из кургана Иссык (рис. 2). Он имел коническую форму, его лицевая сторона выполнена в виде пары рогатых лошадиных голов, соединенных единым туловищем. Кони крылатые, от лопаток отходят большие птичьи крылья. Свободное пространство за протомами лошадей заполняют две пластины, имитирующие передние половины корпуса лошадей. Они повернуты друг к другу и их передние ноги подняты вверх в угрожающем положении. Таким образом, всего представлено четыре фигурки лошадей – два синкретических образа и два реальных. Главная часть убранства лицевой стороны колпака располагалась выше фигурок коней. Ее составляли попарно расположенные украшения в виде четырех длинных птичьих крыльев и четырех копий или стрел, длина которых почти вдвое больше длины крыльев. Копья (или стрелы) состояли из тонкого деревянного древка, спирально обвитого узкими золотыми лентами. На верхних концах древков расположены плоские наконечники листовидной формы, вырезанные из листового золота. Как отмечает К. А. Акишев, «наконечники явно имитируют форму архаических наконечников стрел лавролистной формы». Причем каждая пара, состоящая из двух перьев и двух стрел, составляет единое целое (*Акишев К., 1978. С. 24, 27, 45*). По мнению А. К. Акишева, четыре золотые стрелы, размещенные попарно между золотыми крыльями, «связаны с идеей полета вверх (левитация) и мотивом связующего миры дерева» (*Акишев А., 1978. С. 45*). Однако колпак (кулах) составлял лишь часть, пусть и самую важную, всего костюма. Верхняя одежда вождя была представлена кожаным красноватого цвета коротким кафтаном, сплошь обшитым мелкими треугольными бронзовыми или медными бляшками, плакированными золотой фольгой. Бляшки такой же формы были нашиты на голенища сапог. Всего обнаружено 2411 экз. таких бляшек. Как отмечает К. А. Акишев, по форме

они напоминали плоский двулопастной наконечник стрелы с коротким черенком (Акишев К., 1978. С. 28, 50, 53). По мнению А. К. Акишева, эта кожаная куртка с нашитыми бляшками вызывает ассоциации с конструкцией защитной катафракты (имеется в виду сам принцип армирования одежды). Но реальной оборонительной функцией иссыкская катафракта не обладала, а имела ритуальный характер. Он считает, что треугольные бляшки чрезвычайно напоминают птичье оперенье и, возможно, соотносились с полетом птицы (Акишев, 1981. С. 59, 62, 63; 1984. С. 71, 72, 125). Таким образом, весь костюм иссыкского вождя был связан с идеей полета – крылатые кони, крылья и копья на кулахе, нашивные бляшки в виде стрел-перьев на куртке и сапогах. Связь иссыкской птероморфной ритуальной одежды с погребальным обрядом А. К. Акишев видит в том, что «в хтонических представлениях многих народов смерть расценивается так же, как переход или перелет в верхний мир, т.е. как медитация» (Акишев, 1981. С. 63). Он считает, что «вождь, носивший иссыкский кулах-космограмму... был образом солнечного бога-медиатора», и поэтому «его сакральный кулах означал локализацию царя в сакральном центре мира – страны – племени..., который охраняли солнечные боги» (Акишев А., 1978. С. 45). Безусловно, изображения на кулахе означали локализацию царя в сакральном центре мира, но, как представляется, это служило той же цели – ускоренному перемещению вождя после смерти в верхний мир, область богов или предков. Коническая форма шапки, вероятно, передавала образ не мирового дерева, а мировой горы,

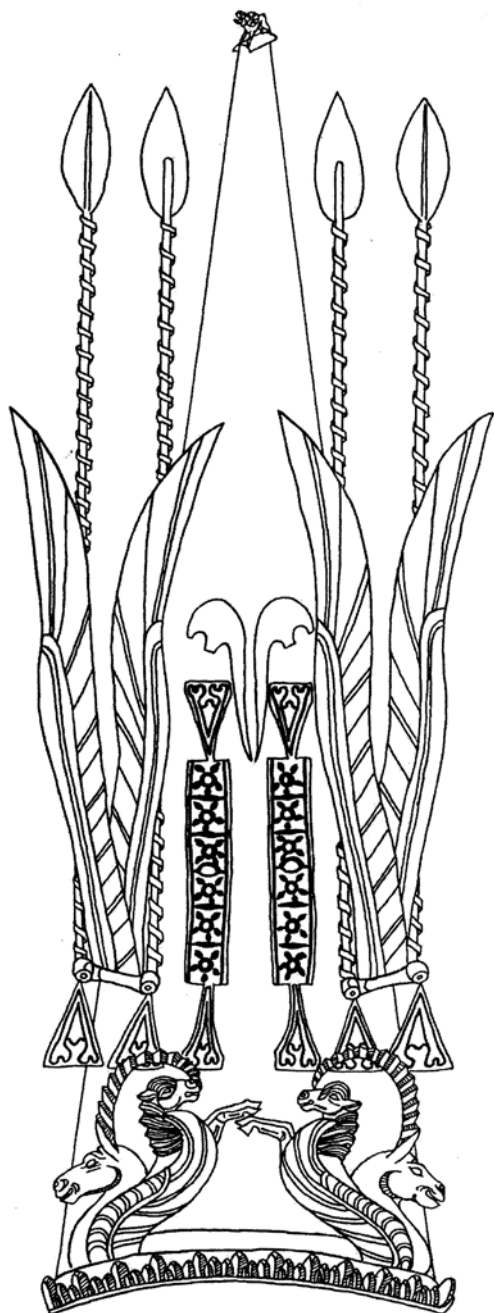

Рис. 2. Курган Иссык. Головной убор.
Реконструкция (без масштаба)
(по: Акишев К., 1978)

что подтверждается размещением небольшой золотой фигурки горного архара на самой его вершине. В свою очередь, мировая ось (гора или дерево) – кратчайший путь, связывающий землю с небом.

По-видимому, представления о копые как средстве ускоренного перемещения между мирами (в направлении верхнего мира?) начинают складываться еще в эпоху бронзы. Об этом свидетельствуют следующие тенденции размещения копья в синташтинско-петровских комплексах. Во-первых, копые, как правило, располагалось в верхней части погребальной камеры: на перекрытии могильной ямы (Бектениз, курган 4; Синташтинский большой грунтовой могильник, могила 18) (Зданович, 1983. С. 55, 56; Генинг и др., 1992. С. 173, 177, 178); в верхнем заполнении могилы (Жаман-Каргала I, курган 1, могила 4) (Ткачев, 2007. С. 50, 51); на специальной глинистой площадке рядом с могилой (Ащису, курган 3) (Кукушкин, 2010. С. 72). Во-вторых, копые находилось рядом с черепами коней (иногда парными) в направлении предполагаемого движения животных (Ащису, курган 3; Синташтинский большой грунтовой могильник, могилы 18, 30) (Кукушкин, 2010. С. 72; Генинг и др., 1992. С. 174, 210. Рис. 86; 111). Вероятно, подобное размещение данного предмета рассматривалось как средство придать колесничным лошадям скорость полета копья.

Вновь обращаясь к интерпретации композиции на джетыгарском копые, можно высказать предположение, что мастер, создавая этот предмет и соединяя в единый образ копые, птицу и коня, старался передать, всеми доступными ему средствами, представление о стремительном движении, сопоставимом с полетом (вверх по мировой вертикали?).

Джетыгарское копые, помимо фигурок животных, было снабжено еще и ушком. Как убедительно показал В. С. Бочкарев, ушки наконечников копий не имели утилитарного значения, а предназначались для крепления различного рода подвесок. Он приходит к следующему выводу: «Конечно, сами по себе они (копья. – С. С.) принадлежали к числу очень дорогого и престижного оружия. Но дело не только в этом. Благодаря подвесным регалиям они приобретали особый статус и важное символическое значение. Вероятно, этим обусловлен ряд их признаков, которые кажутся необычными для рядовых наконечников копий. Так, некоторые из них были отлиты из серебра, украшены золотой инкрустацией и орнаментом..., снабжены фигурками животных... Наконечник из Северного Казахстана с двумя парами скульптурок птиц и протомами лошадей (?) выглядит как настоящий штандарт» (Бочкарев, 2010. С. 140–142).

Сложно сказать, как выглядели подвески к штандартам в эпоху бронзы. В. С. Бочкарев предполагает, что они по преимуществу изготовлялись из мягких органических материалов (кожи, войлока, ткани), способных развеиваться на ветру, но которые не сохранились до наших дней (Там же). В. Л. Егоров, рассматривая зооморфные навершия раннего железного века из Хакасско-Минусинской котловины, через ушки которых были продеты цепочки из двух-трех бронзовых колец, высказывает предположение, что к ним привязывались кисти из конских хвостов, и отмечает, что подобные «хвосты» известны на древнеперсидских штандартах (Егоров, 1967. С. 252). Возвращаясь к джетыгарскому копыю, можно предположить, что к ушку копья также мог прикрепляться хвост лошади. В таком случае композиция, представленная на этом предмете, приобретает законченный облик.

Верхний ярус образуют заостренное и устремленное вверх перо наконечника копыя и пара птиц, средний ярус – парные головы коней, нижний ярус – ушко копыя, к которому прикреплен развевающийся на ветру хвост лошади. Таким образом, перед нами штандарт, воплощающий синкретический образ «копье – птица – конь» и передающий стремительное движение вверх по мировой оси. Возможно, в качестве подвесной регалии выступали крылья или перья птицы, тогда средний ярус с парными головами лошадей и нижний ярус с подвесками – крыльями птицы – может быть прочитан как синкретический образ крылатых коней. В таком случае крылатые кони на иссыкском кулахе имеют достаточно древние прототипы, уходящие своими корнями в эпоху бронзы. Предположение о подобном использовании крыла птицы подтверждается находками в могильнике Каменный Амбар 5 в синташтинском погребении с колесничными лошадьми крыла водоплавающей птицы и бронзового копыя. Тогда вполне объяснимым становится гимн «Ригведы», где жертвенные столбы, установленные в ряд, уподобляются стае гусей: «Словно гуси, выстроившиеся рядами, прибыли к нам столбы, одетые в светлое» (РВ III. 8. 9). Более того, в этом же гимне жертвенный столб назван «знаменем обряда»: «Боги единокорные да помогут (нашей) жертве! / Да водрузят они знамя обряда!» (РВ III. 8. 8).

Таким образом, рассматривая джетыгарский наконечник копыя как штандарт, можно предположить, что скульптурные фигурки на его втулке и реконструируемые варианты подвесных регалий к нему являлись не просто украшениями. По-видимому, установленное острием вверх копье, несущее такие символы, рассматривалось как действенное средство, способное ускорить движение души умершего или жертвенных даров в верхний мир.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев А. К., 1978. Идеология саков Семиречья (по материалам кургана Иссык) // КСИА. Вып. 154. С. 39–48.
- Акишев А. К., 1981. Костюм «золотого человека» и проблема катафрактария // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии / Отв. ред. Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука. С. 54–64.
- Акишев А. К., 1984. Искусство и мифология саков. Алма-Ата: Наука. 176 с.
- Акишев К. А., 1978. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство. 132 с.
- Бочкарев В. С., 2010. О функциональном назначении петель-ушек у наконечников копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Сибири // Бочкарев В. С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы: Сб. статей. СПб.: Инфо Ол. С. 123–143.
- Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В., 1992. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во. 408 с.
- Егоров В. Л., 1967. Древний штандарт из Хакасско-Минусинской котловины // СА. № 1. С. 250–253.
- Елизаренкова Т. Я., 1999а. Примечания // Ригведа. Мандалы I–IV. М.: Наука. С. 544–757. (Литературные памятники).
- Елизаренкова Т. Я., 1999б. Примечания // Ригведа. Мандалы V–VIII. М.: Наука. С. 526–731. (Литературные памятники).
- Елизаренкова Т. Я., 2007. Комментарии // Атхарваведа (Шаунака). Т. 2: Кн. VIII–XII. М.: Восточная литература. С. 205–280. (Памятники письменности Востока; 135).
- Етимахов А. В., 1996. Курганный могильник Солнце II – некрополь укрепленного поселения Устье эпохи средней бронзы // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала / Ред. Г. Б. Зданович. Челябинск: Челябинский дом печати. С. 22–42.

- Зданович Г. Б.*, 1983. Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей (к вопросу о выделении петровской культуры) // *Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья* / Отв. ред. Г. Б. Зданович. Челябинск; Уфа: Башкирский ун-т. С. 48–68.
- Калиева С. С., Логвин В. Н.*, 2009. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // *ВИАЭ. № 9*. С. 32–58.
- Ковтун И. В.*, 2013. Образы и символы джетыгарского копья // *Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения* / Ред. Ю. И. Ожередов. Томск: Томский гос. ун-т. С. 193–205.
- Костюков В. П., Епимахов А. В., Нелин Д. В.*, 1995. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // *Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.)* / Отв. ред. И. Б. Васильев. Самара: Самарский пед. ун-т. С. 156–207.
- Кузьмина Е. Е.*, 1977. Конь в религии и искусстве саков и скифов // *Скифы и сарматы* / Ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова Думка. С. 96–119.
- Кузьмина Е. Е.*, 1984. Опыт интерпретации некоторых памятников скифского искусства // *ВДИ. № 1*. С. 93–108.
- Кукушкин И. А.*, 2010. Новые исследования на могильнике Ащису // *ВИАЭ. № 1 (12)*. С. 71–75.
- Мазниченко А. П.*, 1985. Бронзовый наконечник копья из Кустанайского музея // *Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья* / Ред. С. Я. Зданович. Челябинск; Уфа: Башкирский ун-т. С. 152–154.
- Мелетинский Е. М.*, 1997. Игддрасиль // *Мифы народов мира* / Ред. С. А. Токарев. М.: Российская энциклопедия. С. 478–479.
- Раевский Д. С.*, 2006. Мир скифской культуры. М.: Языки славянских культур. 2006. 600 с.
- Рапопорт Ю. А.*, 1977. Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах // *Средняя Азия в древности и средневековье* / Ред.: Б. Г. Гафуров, Б. А. Литвинский. М.: Наука. С. 58–71.
- Сыркин А. Я.*, 2003. Чхандогья Упанишада. Комментарии // *Упанишады. М.: Восточная литература*. С. 373–463.
- Ткачев В. В.*, 2007. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Актюбинский обл. центр истории, этнографии, археологии. 384 с.
- Топоров В. Н.*, 1997а. Ашваттха // *Мифы народов мира* / Ред. С. А. Токарев. М.: Российская энциклопедия. С. 143–144.
- Топоров В. Н.*, 1997б. Ашвины // *Мифы народов мира* / Ред. С. А. Токарев. М.: Российская энциклопедия. С. 144–145.
- Топоров В. Н.*, 1997в. О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового дерева» // *Из работ московского семиотического круга* / Сост. Т. М. Николаева. М.: Языки русской культуры. С. 74–127.
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В.*, 1989. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука. 320 с.

Сведения об авторе.

Сотникова Светлана Владимировна, Тюменский государственный университет, ул. Семакова, 10, Тюмень, 625003, Россия; e-mail: svetlanasotnik@mail.ru.

S. V. Sotnikova

A ZHETIKARA SPEAR AND THE SINTASHTA–PETROVKA BURIAL TRADITION: RECONSTRUCTION OF THE IMAGE AND CONCEPTS

Abstract. The author of the paper goes back to the earlier published Seima-type bronze spearhead, which is a chance find discovered near the city of Zhetikara in Northern Kazakhstan (Fig. 1). The socket of the spear features paired symmetrical figures of waterfowl and horse protomae in relief. The paper provides reconstruction of images and concepts

associated with this item in the light of the Sintashta–Petrovka burial tradition and the Indo-Iranian parallels.

Keywords: Bronze Age, Sintashta–Petrovka sites, spearhead.

About the authors.

Sotnikova Svetlana V., Tyumen university, ul. Semakova, 10, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: svetlanasotnik@mail.ru.

С. В. Кузьминых, В. Ю. Луньков, Л. Б. Орловская

О МЕТАЛЛЕ КУЛЬТОВОГО ПАМЯТНИКА ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ШАЙТАНСКОМ ОЗЕРЕ (СРЕДНИЙ УРАЛ)

Резюме. Раскопки уникального святилища Шайтанское озеро II дали богатейшую коллекцию медных, бронзовых и каменных предметов, а также керамики коптяковского типа. Бронзы Шайтанки относятся к трем типолого-морфологическим сериям: сейминско-турбинской, самусьско-кижировской и так называемой евразийской. Аналитическое исследование выявило два основных рецепта сплавов – оловянные бронзы и «чистую» медь. Рудные источники металла Шайтанки связаны, скорее всего, с производящими центрами Рудного Алтая, Казахстана и Южного Зауралья.

Ключевые слова: Шайтанское озеро II, святилище, сейминско-турбинская и самусьско-кижировская металлообработка, рентгено-флуоресцентный анализ, медь и бронзы.

В 2006–2007 гг. Ю. Б. Сериков и в 2008–2011, 2013–2014 гг. О. Н. Корочкова и В. И. Стефанов провели раскопки памятника Шайтанское озеро II (далее – Шайтанка), расположенного на одноименном водоеме к востоку от пос. Нейво-Рудянка Кировоградского района Свердловской области. Раскопками выявлено уникальное культовое место (святилище) позднего бронзового века. Оно непосредственно связано с историей загадочного сейминско-турбинского (СТ) транскультурного феномена, его взаимодействием с аборигенными уральскими культурами и трансформацией СТ-металлообработки в т. н. самусьско-кижировскую, определившую пути развития постсейминской металлообработки в лесной зоне Урала и Западной Сибири в конце бронзового и в раннем железном веке.

Материалы раскопок оперативно опубликованы (*Сериков и др.*, 2008; 2009; *Корочкова, Стефанов*, 2010; 2013; *Сериков*, 2013. С. 60–100; *Korochkova et al.*, 2009; 2010a; 2010b); проведен их предварительный анализ; в лабораториях

Оксфорда и Познани¹ получены первые радиоуглеродные даты (в интервале 1940–1770 гг. до н. э. – калиброванные значения при 68,2 % уровне вероятности); обоснован культовый характер памятника (*Сериков*, 2013. С. 198–203). Шайтанка уже включена в контекст широких историко-металлургических исследований (*Кузьминых*, 2011. С. 253–255, 257–259; *Черных*, 2013. С. 271–273; *Корочкова*, 2014). Но это только первые шаги в изучении и осмыслении богатырских материалов святилища. С его территории происходит более 200 медных и бронзовых предметов, значительная серия каменных наконечников стрел, скребков и ножей, обломки более 70 сосудов коптяковского типа. Среди металлических изделий – орудия, оружие и их обломки (кельты, пластинчатые и двулезвийные ножи и кинжалы, ножи-скобели, наконечники копий и их модели, втульчатые чеканы, ажурные рукояти, долота, шилья, проколки), украшения (желобчатые браслеты и височные кольца), многочисленные отходы плавки, литья иковки.

Бронзы Шайтанки относятся к трем типолого-морфологическим сериям: сейминско-турбинской (миниатюрные безушковые кельты и пластинчатые ножи), самусьско-кижировской (кельты с «ложными» ушками, ножи-кинжалы с орнаментированной рукоятью) и так называемой евразийской (группа кинжалов с налитыми рукоятями, ножи с перекрестьем и перехватом, кованые долотца, желобчатые браслеты и кольца и др.). Нет оснований рассматривать базовый позднебронзовый металлокомплекс святилища (наряду с керамикой и каменными изделиями) как разновременный и разнокультурный². Напротив, появление Шайтанки дало ключ к пониманию исторических судеб СТ-феномена в обширном Уральском регионе и позволило выявить первоначальный очаг формирования металлообработки самусьско-кижировского типа.

В этой связи аналитическое изучение металла этого памятника представляет особый интерес. В лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН проведен рентгено-флуоресцентный анализ³ 128 образцов, или большей части коллекции. Практически полностью исследованы орудия и оружие (за исключением мелкого лома ножей). Достаточно представительна выборка заготовок, а также отходов плавки и литья. Вне аналитического изучения осталась серия тонких пластинчатых украшений, которая, надеемся, будет исследована в будущем. Сами результаты анализов, за исключением материалов из раскопок 2013–2014 гг., опубликованы (*Луньков и др.*, 2009; 2011; 2013). В настоящей статье характеризуются выделенные рецепты сплавов, проведено сравнение металлокомплекса Шайтанки с хронологически и территориально близкими памятниками и культурами Урала, Западной Сибири и Казахстана.

В исследованной коллекции намечается несколько металлургических (химико-металлургических) групп, или же рецептов сплавов (табл. 1). Основу ее составляют оловянные бронзы – 96 экз., или 75 % всей выборки. Концентрации олова в сплаве составляют от 0,8–1 до 11 %; большую часть предметов следует отнести к среднелегированным с содержанием олова от 3 до 8 %. При

¹ Выражаем благодарность д-ру Эльке Кайзер (Топой, Свободный университет, Берлин) за содействие в получении этих дат.

² В пределах раскопок выявлена также культовая площадка раннего железного века; основные артефакты здесь связаны с иткульской культурой (*Сериков*, 2013. С. 80).

³ О применяемой методике РФА см.: (*Черных, Луньков*, 2009).

Табл. 1. Металлургические группы (сплавы) в коллекциях Шайтанки и других памятников и культур

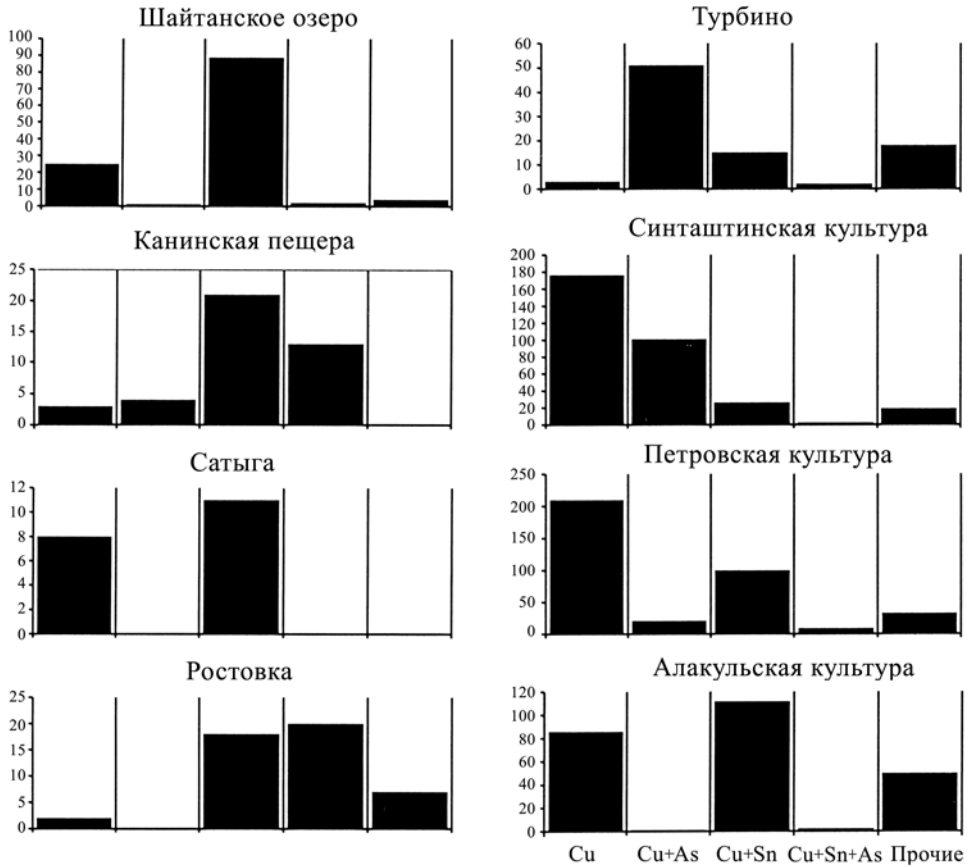
Памятники и культуры	Сплавы					Всего
	Cu	Cu+As	Cu+Sn	Cu+Sn+As	Прочие	
Шайтанское озеро	26	1	95	2	4	128
Канинская пещера	3	4	21	13		41
Сатыга	8		11			19
Ростовка	2		18	20	7	47
Турбино	3	51	15	2	18	89
Синташтинская культура	176	101	26	2	19	324
Петровская культура	210	21	100	9	33	373
Алакульская культура	86	1	112	2	50	251
Всего	514	179	398	50	131	1272

этом необходимо отметить, что примерно у половины изделий отмечается повышенное содержание (в десятых долях процента) цинка, свинца, мышьяка, сурьмы. За подобной насыщенностью примесями кроется или подмешивание лома чужеродного по составу металла, или геохимические особенности меди и лигатуры, определившей рецептуру этого сплава. К группе оловянных бронз условно отнесена также рукоять кинжала (ан. 49232), отлитая из медно-оловянно-свинцового сплава (Sn = 7,4 %, Pb = 2,56 %).

В коллекции из Шайтанки сравнительно невелика доля изделий из металлургически «чистой» меди – 26 экз., или чуть более 20 % всей выборки. Причем совершенно «чистых» образцов (с содержанием микропримесей от сотых долей процента и меньше) единицы. Остальные «загрязнены» примесями (в десятых долях процента) цинка и олова (иногда в сочетании этих элементов), а также свинца и никеля. Среди изделий из «чистой» меди не только отходы плавки и литья, но и разные категории орудий и оружия. Единичны в этой выборке предметы, изготовленные из медно-оловянно-мышьяковых (2 экз.), медно-мышьяковых (1 экз.) и прочих сплавов (4 экз.).

Характер распределения сплавов в металле Шайтанки с хронологически и территориально близкими памятниками и культурами (рис. 1) выявляет наибольшую близость с СТ-памятниками таежного Приуралья и Зауралья – могильником Сатыга XVI (Дегтярева, Кузьминых, 2011. С. 37–40) и святилищем в Канинской пещере (Черных, Кузьминых, 1989. Табл. 10) и в меньшей мере с могильником Ростовка в лесостепном Прииртышье, в котором на равных представлены оловянные и оловянно-мышьяковые бронзы (Там же). В этой связи не случайна химико-металлургическая и типолого-морфологическая (ростовкинская) направленность металлокомплекса Шайтанки на саяно-алтайские и среднеиртышские СТ-центры.

Заметная доля оловянных бронз характерна также для сводных исследованных серий металла алакульской и петровской культур, но здесь, особенно среди орудий и оружия (Дегтярева и др., 2001. Табл. 2; Дегтярева, Кузьминых, 2013. Табл. 6.3), высока доля «чистой» меди. Тем не менее, с учетом типолого-морфологических параллелей некоторым категориям металлических изделий

Рис. 1. Распределение образцов металлургических групп (сплавов) в коллекциях Шайтанки и других памятников и культур

Шайтанки в петровско-алакульской среде вектор связей с производящими центрами Южного Зауралья и Казахстана необходимо учитывать.

Обращение к распределению сплавов в восточноевропейских СТ-центрах, особенно в Турбине (Черных, Кузьминых, 1989. Табл. 10), абашевской и синташтинской культурах (Черных, 2007. Рис. 5.6; Дегтярева, Кузьминых, 2013. Рис. 6.5) свидетельствует о доминировании здесь мышьяковой меди естественного происхождения, а также сурьмяно-мышьяковых бронз (в Сейме и Решном). Эти сплавы совершенно не характерны для металлокомплекса Шайтанки⁴. Следует признать,

⁴ Примечательно, что и ключевая категория орудий святилища – втульчатые ложноушковые кельты с богатой геометрической орнаментацией т.н. кижировского типа – морфологически не связана с кельтами Турбина, украшенными пояском из горизонтальных линий под венчиком (Черных, Кузьминых, 1989. Рис. 4, 9–11; 6; 7; 8, 1–7).

что в его формировании связи с Турбино и абашево-синташтинскими центрами не сыграли заметной роли.

Пока остается проблематичным ответ на вопрос: связаны ли рудные источники меди шайтанских бронз с рудными месторождениями Среднего Зауралья? Исследование изотопов свинца металлических изделий святилища и образцов руды из окрестных поселений бронзового века и рудников, разрабатывавшихся в ту эпоху, еще только планируется. Преобладание в коллекции Шайтанки, в том числе среди заготовок и сырья (слитки, потеки, сплески и др.), оловянных бронз указывает на получение лигатуры, металла и части изделий из производящих центров Рудного Алтая, Казахстана и Южного Зауралья.

ЛИТЕРАТУРА

- Дегтярева А. Д., Кузьминых С. В.*, 2011. Результаты аналитического изучения металлических изделий // Саягга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири / Отв. ред. А. Я. Труфанов. Екатеринбург: Уральский рабочий. С. 37–44.
- Дегтярева А. Д., Кузьминых С. В.*, 2013. Глава 6. Цветной металл поселения Устье // Древнее Устье: Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье / Отв. ред. Н. Б. Виноградов. Челябинск: Абрис. С. 216–253.
- Дегтярева А. Д., Кузьминых С. В., Орловская Л. Б.*, 2001. Металлопроизводство петровских племен (по материалам поселения Кулевчи 3) // ВИАЭ. № 3. С. 23–54.
- Корочкова О. Н.*, 2014. О производящем центре эпохи бронзы в Среднем Зауралье // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани / Отв. ред.: А. Г. Ситдииков, Н. А. Макаров, А. П. Деревянко. Казань: Отечество. Т. I. С. 572–574.
- Корочкова О. Н., Стефанов В. И.*, 2010. Культурный памятник эпохи бронзы на Шайтанском озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2008 г.) // РА. № 4. С. 120–129.
- Корочкова О. Н., Стефанов В. И.*, 2013. Культурный памятник эпохи бронзы на Шайтанском озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2009–2010 гг.) // РА. № 1. С. 87–96.
- Кузьминых С. В.*, 2011. Сейминско-турбинская проблема: новые материалы // КСИА. Вып. 225. С. 240–263. Рис. V–VIII (вклейки).
- Луньков В. Ю., Кузьминых С. В., Орловская Л. Б.*, 2011. Рентгено-флуоресцентный анализ меди и бронз: серия 2009–2010 гг. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2 / Отв. ред.: Е. Н. Черных, В. И. Завьялов. М.: Таус. С. 116–136.
- Луньков В. Ю., Кузьминых С. В., Орловская Л. Б.*, 2013. Результаты рентгено-флуоресцентного анализа: серия 2010–2013 гг. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 3 / Отв. ред.: Е. Н. Черных, В. И. Завьялов. М.: ИА РАН. С. 56–88.
- Луньков В. Ю., Орловская Л. Б., Кузьминых С. В.*, 2009. Рентгено-флуоресцентный анализ: начало исследований химического состава древнего металла // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 1 / Отв. ред. Е. Н. Черных. М.: ИА РАН. С. 84–110.
- Сериков Ю. Б.*, 2013. Шайтанское озеро – священное озеро древности. Нижний Тагил: Нижнетагил. гос. социал.-педагог. академия. 408 с.
- Сериков Ю. Б., Корочкова О. Н., Кузьминых С. В., Стефанов В. И.*, 2008. Бронзовый век Урала: новые перспективы // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале / Отв. ред.: А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. Т. I. С. 341–346.
- Сериков Ю. Б., Корочкова О. Н., Кузьминых С. В., Стефанов В. И.*, 2009. Шайтанское озеро II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // АЭАЕ. № 2 (38). С. 67–78.
- Черных Е. Н.*, 2007. Каргалы: феномен и парадоксы развития. Каргалы в системе металлургических провинций. Потаенная (сакральная жизнь) архаических горячяков и металлургов. М.: Языки славянской культуры. 200 с. (Каргалы; т. 5)
- Черных Е. Н.*, 2013. Культуры кочевников в мегаструктуре Евразийского мира. Т. 1. М.: Языки славянской культуры. 368 с.

- Черных Е. Н., Кузьминых С. В., 1989. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука. 320 с.
- Черных Е. Н., Луньков В. Ю., 2009. Методика рентгено-флюоресцентного анализа меди и бронзы в лаборатории Института археологии // Аналитические исследования лаборатории естественных научных методов. Вып. 1 / Отв. ред. Е. Н. Черных. М.: ИА РАН. С. 78–83.
- Korochkova O. N., Kuzminykh S. V., Serikov Y. B., Stefanov V. I., 2009. El lugar de culto (santuario) del lago Shaitanskoe 2: nuevos temas en el estudio de la Edad del Bronce de los Urales // Archaeometallurgy: technological, economic and social perspectives in late Prehistoric Europe. Tesme (Madrid, 25–27 November 2009). Meeting in honour of Salvador Rovira: Book of Abstracts. Madrid. P. 58.
- Korochkova O. N., Kuzminykh S. V., Serikov Y. B., Stefanov V. I., 2010a. Shaitanskoe ozero II: The Ritual Sites of the First Metallurgist of Middle Urals // Archaeology in China and the World: Past, Present and Prospects (Institute of Archaeology, Chinese Academy of Social Sciences, 2010, 7.28–30). Beijing. P. 87–89. (На англ. и кит. яз.)
- Korochkova O. N., Kuzminykh S. V., Serikov Y. B., Stefanov V. I., 2010b. Metals from the ritual site Shaitanskoye Ozero II (Sverdlovsk Oblast, Russia) // Trabajos de prehistoria. Vol. 67. No. 2. P. 489–499.

Сведения об авторах.

Кузьминых Сергей Владимирович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: kuzminykhsv@yandex.ru;

Луньков Владимир Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: vlunkov@rambler.ru;

Орловская Любовь Болеславовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: lborl47@rambler.ru.

S. V. Kuzminykh, V. Yu. Lunkov, L. B. Orlovskaya

METAL FROM A BRONZE AGE RITUAL SITE ON SHAITANSKOE LAKE
(MIDDLE URALS)

Abstract. Excavations of a unique sanctuary known as Shaitanskoe Lake II revealed a rich collection of copper, bronze and stone items as well as ceramics of the Koptyaki type. Bronze items from Shaitanskoe Lake are attributed to three typological and morphological groups such as the Seima-Turbino group, the Samus-Kizhirovo group and the so-called Eurasian group. The analytical research identified two formulas for making alloys, i.e. tin bronze and pure copper. Ore sources of the Shaitanskoe metal are, most likely, associated with the production centers located in the Rudny Altai Region, Kazakhstan and the Southern Trans-Urals.

Keywords: Shaitanskoe Lake II, sanctuary, Seima-Turbino and Samus-Kizhirovo metalworking, X-ray fluorescence analysis, copper and bronze.

About the authors.

Kuzminykh Sergey V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: kuzminykhsv@yandex.ru;

Lunkov Vladimir Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: vlunkov@rambler.ru;

Orlovskaya Lubov B., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: lborl47@rambler.ru.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

В. Е. Маслов

ЧЕРНОГОРОВСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ В СТЕПНОМ ПРЕДКАВКАЗЬЕ

Резюме. На примере одного погребения в заметке рассматривается проблема культурных взаимоотношений племен западнокобанской культуры и соседствовавших с ней степных скотоводов в начальный период раннего железного века. Публикуемое погребение можно отнести к черногоровской культуре (от хут. Черногоровский), которую ряд исследователей связывают с историческими киммерийцами.

Ключевые слова: Кобанская культура, черногоровская культура, новочеркасская культура, керамика, декорированная ногтевыми насечками.

В июле 2007 г. археологическая экспедиция ГУП «Наследие» под руководством К. Б. Колесниченко исследовала курган № 1 могильника Курсавский-3 в Андроповском районе Ставропольского края, который состоял из двух насыпей (Колесниченко, 2015)¹.

Курган находился в 2,5 км к юго-западу от окраины с. Курсавка, южнее проходившей в непосредственной близости от автомагистрали М-29 «Кавказ». Географически эта территория представляет собой водораздел верховьев р. Калаус и левобережного притока р. Кумы – р. Суркуль. Примерно в 40 км к западу находится русло р. Кубань. Курган был создан еще в эпоху энеолита (Корневский и др., 2009). В ходе его исследования было открыто 15 погребений, большая часть которых относится к эпохе ранней – средней бронзы. Данная публикация посвящена материалам погребения 8 (самого позднего в кургане), которое можно уверенно отнести к начальному периоду РЖВ².

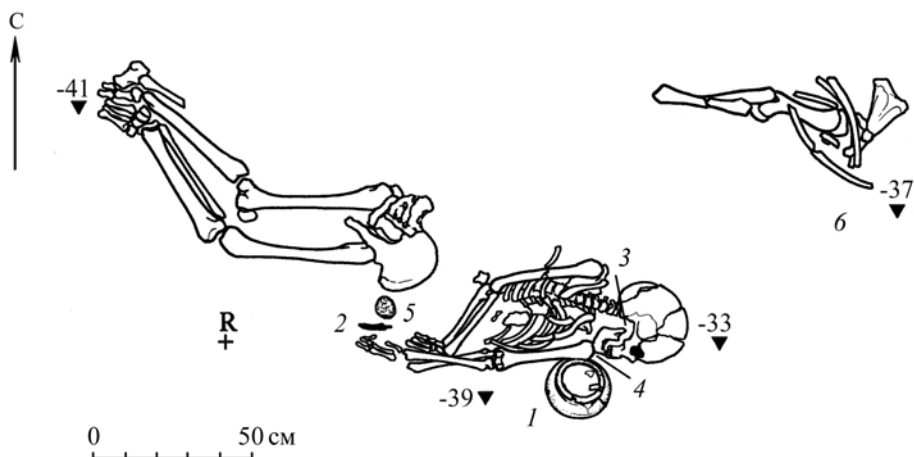
Впускное погребение было обнаружено в центральной части кургана, в непосредственной близости от R (0) на глубине 23... 41 см. Могильное сооружение не прослежено. Близость захоронения к современной дневной поверхности отчасти объяснялась многолетней распашкой насыпи.

Погребенный – взрослый человек – лежал в слабо скорченном положении, на левом боку, головой на восток-юго-восток (рис. 1). Череп находился на левой

---

¹ Выражаю искреннюю благодарность К. Б. Колесниченко за разрешение опубликовать материалы комплекса.

² РЖВ – здесь и далее ранний железный век.

Рис. 1. Могильник Курсавский-3. Курган № 1, погр. 8. План

1 – сосуд керамический; 2 – нож железный; 3 – подвеска бронзовая (в черепе); 4 – наконечник стрелы железный; 5 – комок серы (?); 6 – скопление костей животного

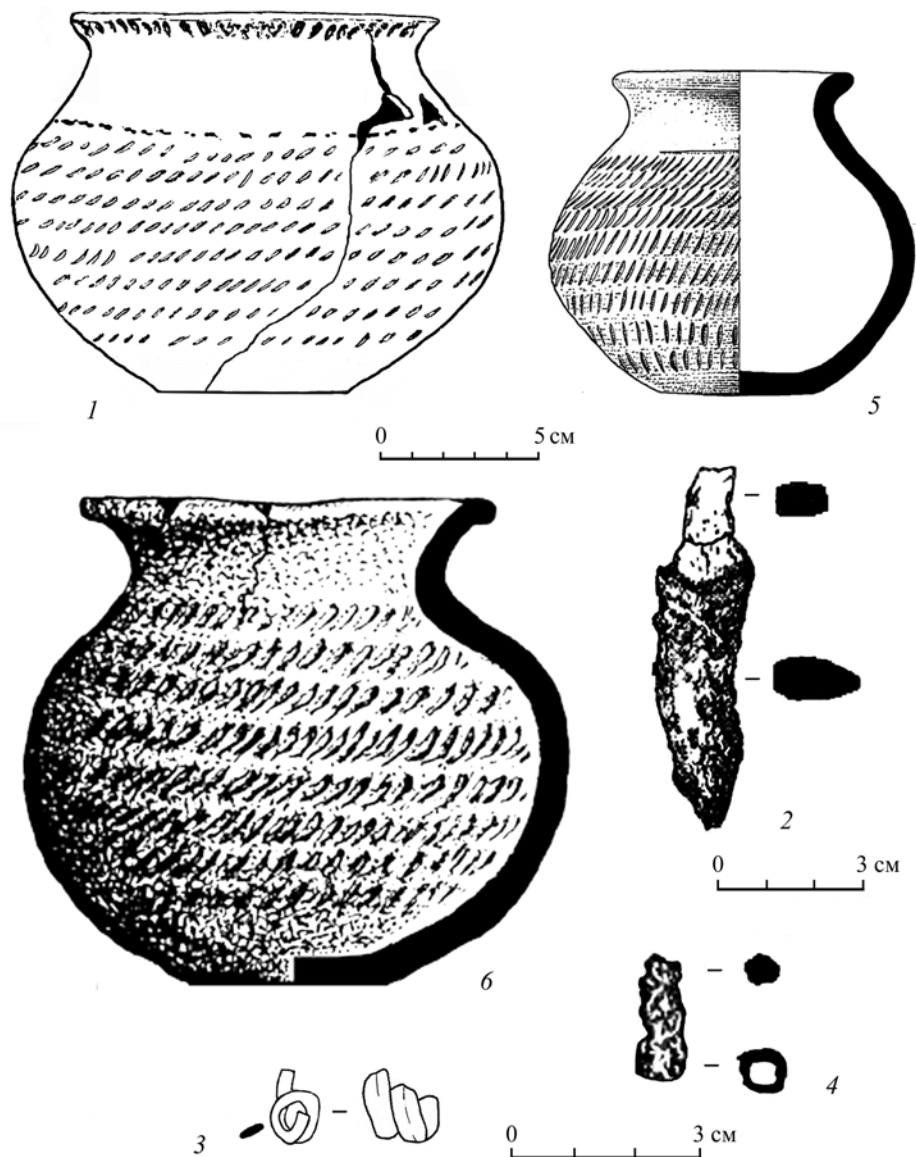
стороне, лицевыми костями на юг. Кости тела частично завалились на спину. Левое крыло таза и крестец лежали плашмя. Руки были уложены перед телом: левая – прямая, правая согнута в локте под тупым углом. Правая кисть упиралась в левое запястье. Обе кисти были вытянуты вниз. Ноги слабо согнуты в тазобедренных и коленных суставах. Стопы были сведены вместе и лежали на боку.

В 0,55 м к северо-востоку от черепа на глубине 0,35... 0,41 м были расчищены лежавшие компактно в сочленении скопление костей животного (лошади?): передняя нога с лопаткой и ребра (рис. 1, 6). Данное скопление находилось в непосредственной близости от разрушенных погребений 7 и 13, но сходная глубина залегания свидетельствует, что, весьма вероятно, эти остатки заупокойной пищи связаны с погребением 8.

В погребении был обнаружен сопровождающий инвентарь:

1. Сосуд – лепной керамический горшок (рис. 1, 1; 2, 1; 3). Стоял на донце перед лицевой частью черепа. Внутри, на дне, обнаружена тазовая кость мелкого рогатого скота. Цвет поверхности черно-серый, пятнистый из-за неравномерного обжига, поверхность небрежно заглажена. Отогнутый наружу венчик снаружи под губою орнаментирован частыми косыми насечками. Горло усеченно-конической формы, через низкое аморфное, намеченное прогибами плечико переходит в округлое тулово с узким, уплощенным дном. Тулово декорировано восемью горизонтальными рядами наклонных ногтевых насечек, над которыми сверху, по плечу, нанесен бордюр из горизонтальных насечек. Размеры: общая высота – 12,0 см, диаметр венчика – 11,9 см, диаметр горла – 10 см, наибольший диаметр тулова – 15,7 см, диаметр дна – 7 см.

2. Железный однолезвийный серповидный нож с выделенным черешком (рис. 2, 2). Лежал плашмя, острием на запад близ левой кисти погребенного

Рис. 2. Могильник Курсавский-3. Курган № 1, погр. 8. Находки

1 – сосуд керамический; 2 – нож железный; 3 – подвеска бронзовая; 4 – наконечник стрелы железный

Аналогии для сосуда: 5 – могильник Чограй IX, к. 14, погр. 1; 6 – могильник Глиное, к. 1, погр. 8 (по: Вальчак, 2014. Рис. 14)

(рис. 1, 2). На черешке и основании лезвия заметны следы дерева от рукояти. Окончание черешка обломано. Общие размеры: $7,5 \times 1,8 \times 0,5$ см.

3. Подвеска бронзовая (вероятно, серьга) была найдена в черепе погребенного (рис. 1, 3; 2, 3). Изготовлена из пластинки, свернутой в овал со смещением в 1,5 оборота. Высота – 1,2 см, ширина – 1 см.

4. Фрагмент железного наконечника стрелы с распавшейся головкой (?) (рис. 2, 4). Был найден около шейных позвонков (рис. 1, 4). Очевидно, данная стрела могла являться причиной смерти погребенного. Представляет собой коническую втулку. Размеры: длина – 2,0 см, наибольший диаметр – 0,7 см.

5. Комок серы (?) светло-желтого цвета размерами 6×5 см. Был обнаружен между ножом и крылом таза (рис. 1, 5).

Поза и ориентировка погребенного позволяют соотносить его с большой группой степных захоронений IX – начала VII в. до н.э., встречающихся на огромной территории от Нижней Волги до Нижнего Дуная. Несмотря на отсутствие единства в понимании состава и характера этого горизонта древностей, ряд исследователей традиционно рассматривают восточную ориентировку погребенных, уложенных скорченно на левом боку, как один из маркеров принадлежности к черногоровской культуре, которую так или иначе связывают с историческими киммерийцами (*Тереножкин*, 1976. С. 92–94; *Дубовская*, 1994. С. 25, 26. Рис. 6; *Махортых*, 2005. С. 59–62. Табл. 7).

Наиболее близкими к Центральному Предкавказью степными регионами, где встречены черногоровские захоронения, являются Нижний Дон и Волго-Донское междуречье, а также Нижнее Поволжье. Локальные сводки погребений начального этапа РЖВ для этих регионов были составлены В. В. Дворниченко и С. И. Лукьяшко, которые отметили, что развитие погребальной обрядности на этих территориях происходило в том же направлении, что и в степях Причерноморья (*Дворниченко*, 1982. С. 63, 64). Так, согласно данным С. И. Лукьяшко, и здесь отклонения от восточной ориентировки редки, преобладает скорченное положение на левом боку; достаточно часто встречается вытянутое положение левой руки при согнутой в локте правой (13 случаев из 88) (*Лукьяшко*, 1999. С. 138–144).

Необходимо подчеркнуть, что в комплексе из кургана близ Курсавки скорченность фактически была только намечена слабым изгибом коленей. С. И. Лукьяшко, придерживающийся эволюционных взглядов на развитие погребальной обрядности, рассматривает такую позу как промежуточную между скорченной и вытянутой на боку (Там же. С. 140). Значительно ранее подобную идею уже выдвигал А. И. Тереножкин (1976. С. 201). Однако наличие в степной зоне слабоскорченных погребений уже в посткатакомбный период позволяет в этом усомниться (*Полидович*, 1993. С. 51. Рис. 25).

Наиболее важной находкой в данном комплексе является горшок, покрытый ногтевыми насечками. Подобный декор широко представлен на горшках различных модификаций западнокобанской культуры и встречается во всем ее ареале (*Козенкова*, 1989. С. 66. Рис. 8). Долины степных рек Егорлык и Калаус и очаги лесостепных ландшафтов на Ставропольских высотах были освоены западнокобанскими племенами уже к VIII в. до н.э., и сосуды с таким декором известны и здесь (*Охонько*, 1988. С. 249, 250. Рис. 2, 2–6).

Рис. 3. Могильник Курсавский-3. Курган 1, погр. 8. Горшок. Фото

Данную находку можно включить в небольшую серию западнокобанских декорированных ногтевыми насечками сосудов, обнаруженных в степных погребениях. Три из них были найдены в Центральном Предкавказье и один в далеком Приднестровье (Вальчак, 2014. С. 28, 29. Рис. 3, 2; 14) (рис. 2, 5, 6). С. Б. Вальчак, составивший сводку этих находок, отметил отличие формы этих сосудов от посуды с ногтевой орнаментацией из могильников западнокобанской культуры предгорной полосы. Однако это отличие, вероятно, обусловлено тем, что в степь попадали изделия, наиболее удобные при транспортировке.

Ближайшие параллели для экземпляра, найденного близ Курсавки, происходят из Каменномоетского могильника в Кабардино-Балкарии, где были найдены крупные горшки с морфологическими чертами корчаг (тип 2, по: Там же. С. 19) – погр. 1 1949 г. (Гриневич, 1951. Рис. 1), каменный ящик 1978 г. (Батчаев, 1985. Табл. 1, 20), погр. 1 1987 г. (Батчаев, 1987. Рис. 7, 1; 9, 1). Их объединяет хорошо выделенный венчик, нависающий над низким горлом. Декор из оттисков, нанесенных ногтями или орнаментирами, покрывает шарообразное тулово рядами от плечиков до придонной части. Особенности морфологии этой группы сосудов, возможно, являются результатом подражания новой группе керамической посуды – корчагам с прочерченной геометрической орнаментацией, которые обнаружены в ряде синхронных комплексов того же Каменномоетского могильника: погр. 1 и 2, исследованные в 1948 г. Е. И. Крупновым (1950. Рис. 43; 44; 52; 53), погр. 1 и 2 1921 г. (Иессен, 1941. Табл. III, 1, 4), погр. 3 1987 г. (Батчаев, 1987. Рис. 19, 1). Следует подчеркнуть, что сосуды этих двух орнаментальных групп пока не встречены ни в одном комплексе вместе, хотя они бытовали синхронно.

Время появления сосудов с геометрическим декором по совместным находкам с предметами вооружения и конского снаряжения соответствует «предклассической» ступени распространения древностей новочеркасского горизонта в середине – второй половине VIII в. до н. э. (*Вальчак*, 2009. С. 83, 93).

Уже в этот период на Северном Кавказе достаточно широко бытовали разнообразными железные предметы. В публикуемом комплексе это железный нож и наконечник стрелы.

Нижняя дата бытования железных разновидностей серповидных ножей из памятников западнокобанской культуры, в ареале которой формально находится могильник у с. Курсавка, распространена В. И. Козенковой на весь VIII в. до н. э., преимущественно на середину – вторую половину этого столетия (*Козенкова*, 1998. С. 7–9). Хорошо выделенный с двух сторон черешок как будто свидетельствует в пользу относительно поздней датировки этого изделия.

Втульчатые железные наконечники стрел известны пока лишь в двух воинских захоронениях финальной новочеркасской группы, датировка которых ограничена концом VIII – началом VII в. до н. э.: погребении у с. Зольное в Крыму (*Тереножкин*, 1976. С. 45. Рис. 17, 20–22) и Барановском I могильнике в Поволжье (*Сергацков*, 1991. С. 240, 241. Рис. 2, 19). Возможно, что к этому периоду также можно отнести стрелковый набор железных втульчатых наконечников из кургана 1 у ст. Усть-Лабинской в Прикубанье (*Эрлих*, 2007. С. 100, 103, 104. Рис. 14, 1–17).

В предскифских степных захоронениях встречены захоронения с наборами железных конических втулок, которые иногда рассматривают как аксессуары культового костюма, однако эти предметы значительно крупнее и представлены наборами, что позволяет отказаться от данного предположения (*Махортых*, 2005. С. 106; *Вальчак*, 2013).

Серьга, свернутая из металлической ленты с намеченным ребром по центру, относится к кругу вещей, имеющих прототипы, относящиеся к эпохе поздней – средней бронзы. Вопреки мнению О. Р. Дубовской, круг поисков этих прототипов отнюдь не должен сводиться исключительно к Белоозерским древностям (*Дубовская*, 1993. С. 142).

Таким образом, по железному наконечнику стрелы данное погребение хронологически можно соотнести с финальным – «классическим» новочеркасским горизонтом древностей, в то время как его культурная атрибуция тяготеет к черноговорской культуре. К черноговорской культуре принадлежит и впускное погребение у с. Садовое близ Моздока, где также был найден сосуд с ногтевой орнаментацией, которое в публикации было интерпретировано как западнокобанское (*Козенкова и др.*, 1997. С. 15, 17. Рис. 1, 1). Однако этому противоречит как поза погребенного, так и восточная, с небольшим отклонением, ориентировка (в публикации приведена ориентировка по положению теменных костей, а не по положению тела), а также наличие остатков бронзового налобного венчика-очелья, которые не известны в мужских кобанских погребениях, но широко представлены в черноговорских захоронениях (*Козенкова и др.*, 1997. Рис. 1, 3; *Дубовская*, 1993. С. 144; *Дударев*, 1999. С. 39–41).

Многочисленные погребения воинов-всадников со сравнительно богатым инвентарем сосредоточены в западнокобанских могильниках в предгорной полосе. Именно из этих комплексов происходят предметы, которые указывают на связи

с Закавказьем и Передней Азией (Белинский, Дударев, 2013). И хотя значительный пласт разнообразных находок, включая оленные камни, указывает на тесные и продолжительные контакты населения предгорий и пришлое степного населения, уверенно выделить захоронения пришельцев из массива кобанских погребений до начала раннескифского периода, примерно в середине VII в. до н. э., когда появляются курганы скифской дружинной знати, пока не удастся.

На этом фоне инокультурные погребения скотоводов сопредельной степной зоны, за редким исключением, выглядят невыразительными и бедными. Керамические западнокобанские импорты в степи, как мы видели выше, очень редки, а основные для погребальной обрядности этой культуры типы керамической посуды – миски и кубки – до сих пор не найдены ни в одном степном погребении. Корчажки с геоотрической орнаментацией, которые, вероятно, появляются в западнокобанских памятниках под воздействием центральнокобанской культуры, также известны мне лишь в двух степных комплексах (Тереножкин, 1976. Рис. 27, 7; Лукьяшко, 1999. Рис. 55, 2). Характерно, что за пределами Центрального Предкавказья, в степных погребениях значительно чаще встречаются керамические импорты центральнокобанского происхождения (Тереножкин, 1976. Рис. 6, 9; 25, 9; 26, 7; Лукьяшко, 1999. Рис. 32, 1; 34, 3; 58, 2; Махортых, 2005. Рис. 52, 2; 123, 6).

Таким образом, около рубежа VIII–VII вв. до н. э. в Центральном Предкавказье сосуществовали новочеркасская и черноговорская культурные группы, характер взаимодействия которых остается не ясен. Безусловно, доминировала новочеркасская культурная группа, тесно связанная с западнокобанскими племенами, частично продвинувшимися из предгорий в степь (Вальчак, 2009. С. 92–94). Синхронные черноговорские степные комплексы пока выглядят лишь разряженным архаичным фоном, на котором в предгорьях проходили главные культурно-исторические процессы.

ЛИТЕРАТУРА

- Батчаев В. М., 1985. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические открытия на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 2. / Отв. ред.: М. П. Абрамова, В. И. Козенкова. Нальчик: Эльбрус. С. 7–115.
- Батчаев В. М., 1987. Отчет об археологической экспедиции КБНИИ в 1987 г. (разведки в Терекском, Советском и Зольском районах КБ АССР) // Архив ИА РАН. Р-1. № 14160.
- Белинский А. Б., Дударев С. Л., 2013. Богатое погребение со шлемом ассирийского типа из могильника Нарзанский-2 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. IX / Отв. ред. А. Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли. С. 181–216.
- Вальчак С. Б., 2009. Конское снаряжение в первой трети I тыс. до н. э. на юге Восточной Европы. Москва: Таус. 292 с.
- Вальчак С. Б., 2013. Предскифские погребения служителей культа // Историко-археологический альманах. Вып. 12 / Отв. ред. Р. М. Мунчаев. Армавир; Краснодар; М.: ИП Дедкова С. А. С. 40–46.
- Вальчак С. Б., 2014. Развитие одного из мотивов орнаментации керамики кобанской культуры в начале I тыс. до н. э. // *Stratum plus*. № 3: «Война и мир» на берегах Понта Эвксинского. С. 17–37.
- Гриневич К. Э., 1951. Новые данные по археологии Кабарды // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР. С. 125–139. (МИА; № 23).
- Дворниченко В. В., 1982. Погребения предскифского времени на Нижней Волге // КСИА. Вып. 170. С. 59–64.
- Дубовская О. Р., 1993. Вопросы сложения инвентарного комплекса черноговорской культуры // Археологический альманах № 2 / Глав. ред. А. В. Колесник. Донецк: Донеччина. С. 137–160.

- Дубовская О. Р., 1994. Локальные зоны Черногоровской культуры (по материалам скорченных погребений) // РА. № 2. С. 15–29.
- Дударев С. Л., 1999. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н.э.). Армавир: Армавирское полиграфпредприятие. 406 с.
- Иессен А. А., 1941. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии. М.: АН СССР. С. 7–50. (МИА; № 3).
- Козенкова В. И., 1989. Кобанская культура. Западный вариант М.: Наука. 196 с. (САИ; В2–6).
- Козенкова В. И., 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант М.: Наука. 200 с. (САИ; В2–5).
- Козенкова В. И., Сосранов Р. С., Черджишев Э. Л., 1997. К вопросу о межлокальных контактах в кобанской культуре (курган у с. Садового в Северной Осетии) // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы / Отв. ред.: Р. М. Мунчаев, В. С. Ольховский. М.: ИА РАН. С. 14–18. (Материалы и исследования по археологии России; 1).
- Колесниченко К. Б., 2015. Отчет о раскопках курганных могильников в Кочубеевском (Ивановский-5, Тоннельный-8) и Андроповском (Курсавский-3, Кунаковский-3, Кунаковский-4, Николаевский-3) районах Ставропольского края в 2007 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
- Корневский С. Н., Калмыков А. А., Ляхов С. В., 2009. Погребения энеолита – ранней бронзы в Курсавском кургане на Ставрополье // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы / Отв. ред. Н. Л. Моргунова. Оренбург: ОГПУ. С. 133–142.
- Крупнов Е. И., 1950. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. // Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института при Совете министров Кабардинской АССР. Т. V. Нальчик: Кабгосиздат. С. 195–275.
- Лукьяшко С. И., 1999. Предскифский период на Нижнем Дону. Азов: Азовский краеведческий музей. 240 с. (Донские древности; вып. 7).
- Махортых С. В., 2005. Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев: Шлях. 380 с.
- Охонько Н. А., 1988. Археологические памятники Ставропольской возвышенности и вопросы заселения Центрального Предкавказья в древности и средневековье // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 15–16 / Отв. ред. В. В. Госданкер. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство. С. 243–291.
- Полидович Ю. Б., 1993. Новые погребальные памятники эпохи бронзы с территории Донецкой области // Археологический альманах № 2 / Глав. ред. А. В. Колесник. Донецк: Донеччина. С. 35–98.
- Сергацков И. В., 1991. Погребение предскифского времени на Иловле // РА. № 2. С. 240–243.
- Тереножкин А. И., 1976. Киммерийцы. Киев: Наукова думка. 224 с.
- Эрлих В. Р., 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. М.: Наука. 430 с.

Сведения об авторе.

Маслов Владимир Евгеньевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: maslovlad@mail.ru.

V. E. Maslov

A CHERNOGOROVSKY BURIAL IN THE NORTH CAUCASUS STEPPE PIEDMONT

Abstract. Taking one burial as an example, the paper reviews cultural contacts between the West Koban population groups and the steppe herders from the adjacent areas at the start up of the Early Iron Age. The burial described in the paper can be attributed to the Chernogorovsky culture that some researchers associate with the Cimmerians.

Keywords: Koban culture, Chernogorovsky culture, Novocherkassk culture, ceramics ornamented with nail impressions.

About the author:

Maslov Vladimir E., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: maslovlad@mail.ru.

Н. В. Завойкина

СИМПОСИЙ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Резюме. Статья посвящена публикации нового граффито из раскопок поселения «Полянка» в Восточном Крыму. Двухстрочная надпись вырезана на тулове чернолакового аттического канфара второй половины IV – начала III в. до н.э. По всей видимости, надпись является тостом, который владелец чаши посвящает Дионису и просит у него сохранения здоровья и силы во время симпозиа.

Ключевые слова: Античная цивилизация, Северное Причерноморье, Боспорское царство, эллинизм, хора, граффити.

В полевой сезон 2013 г. при исследовании античного поселения «Полянка» в Восточном Крыму был найден фрагмент тулова аттического чернолакового канфара с канелированной поверхностью (рис. 1)¹. Подобный тип канфаров датируется второй половиной IV – началом III в. до н.э. (Rotroff, 1997. P. 84, 85). На черепке сохранилась правая часть двухстрочного граффито. Длина строк не известна. Высота букв – 0,5–0,9 см.

Граффито:

1. – ΣΟΥΔΕΥΓΕΙΑΣ

2. – ΗΣΙCΧΥΝ

В строках надписи черный лак местами облупился по контурам букв. Уверенно вычитываются в 1-й стк. частица δὲ и слово ὑγεῖας, во 2-й стк. – слово ἰσχύν. В слове ὑγεῖας видны преимущественно процарапанные по бежевой глине линии букв. В этом слове же пропущена *йота* после *гаммы* (из ὑγεία), что, вероятно, не является ошибкой автора граффито, а отражает результат стяжения, в ходе

---

¹ Выражаю признательность А. А. Масленникову за возможность опубликовать столь интересную находку. Исследования показали, что на поселении «Полянка» выделяется две разновременные части: первая, расположенная на холме и практически не сохранившаяся, датируется III–II вв. до н.э.; вторая часть – в долине у подножья холма – это поселение позднеэллинистического времени (I в. до н.э.) (Масленников, 2013. С. 233–252). По мнению А. А. Масленникова, публикуемое граффито по своему местонахождению относится к первому, раннему поселению.

Рис. 1. Поселение «Полянка».
Фрагмент чернолакового канфара с граффито и его прорисовка

которого диграф $\iota\epsilon$ перешел в ϵ^2 . У левого скола черепка в 1-й стк. напротив *омикрон* виден верхний край изогнутой линии от предшествующей буквы, которая сопоставима с формой верхней части *сигмы* во 2-й стк.³ Предположительно вычитываем – σου, флексию слова в gent. sg. masc. Перед $\iota\sigma\chi\upsilon\nu$ сохранилось также окончание какого-то слова, оканчивающегося на -ης. Перед *этой* пустое поле, но от предшествующей буквы виден в сколе нижний край правой косой черты, который может принадлежать *альфе*, *лямбде*, *мю*, *ню*. Расположение букв в строках граффити неравномерное. В частности, в слове $\iota\sigma\chi\upsilon\nu$ первая буква, *йота*, вырезана в стороне от остальной части слова на 0,4 мм, тогда как расстояние между остальными буквами не более 0,1 мм. Отметим, что в слове $\iota\sigma\chi\upsilon\nu$ *сигма* и *хи* вырезаны в лигатуре. Похожий прием, *сигма* и *омикрон* в лигатуре, использован еще раз в начале 1-й стк.

² Примерно со II в. до н.э. в надписях встречается написание $\upsilon\eta\epsilon\iota\alpha\varsigma$ вместо $\upsilon\eta\epsilon\iota\alpha\varsigma$ (IG 2.2, № 4457, 2 до н.э., № 3181, 1 до н.э.; IG 12.5, № 168).

³ Ср., например, форму *сигмы* в слове $\iota\sigma\chi\upsilon\nu$.

Слово *ὑγίεια* может обозначать как имя дочери бога Асклепия, богини здоровья, так и просто физическое здоровье. В нашем случае придерживаемся последнего значения, которое обусловлено предлагаемой ниже реконструкцией. Сохранившиеся слова в надписи, *ὑγίεια* (здоровье) и *ἰσχύς* (телесная крепость, сила), а также тип сосуда, на котором они вырезаны – канфар, вводит нас в тематический круг античных застолий, дружеских попок и традиций, связанных с ними. Покровителем вина в античной Греции был бог Дионис. Сохранение здоровья и телесной крепости пирующих являлось неотъемлемой частью винного агона и молодецкого удалства на самых различных симпозиях, крупных пирах и дружеских застольях. Многочисленные примеры буйного поведения, вызванного опьянением, а также рассуждения древних на тему, что истина открывается Аполлоном посредством гадания, а Дионисом через опьянение, можно найти в «Пире мудрецов» Афиней (*Афиней*, 2004. С. 16–21, 37–50, 51–63, 175–200, 237–252). Уже Гомер подметил, что вино может обессилить, отнимая силу и храбрость (*Ath.* 10b: *λέγων τὸν οἶνον ἐκλβεῖν τὴν ἰσχύν καὶ ἀλογοῦσθν*⁴). Поэтому сохранение телесной крепости, *ἰσχύς*, во время симпосиев рассматривалось греками как одно из достоинств⁵.

По версии поэта Эмбула, автора IV в. до н. э., три чаши даровал Дионис благомыслящим в своем застолье, первой чашей нужно чествовать гигию, здоровье (*Ath.* 36b: *τρεις γὰρ μόνος κρατῆρας ἐγκεραννύν | τοῖς εὖ φρονοῦσι τὸν μὲν ὑγείας ἔνα, | ὃν πρῶτον ἐκλίνουσι τὸν δὲ δεῦτερον*). Имеется и другое свидетельство: Антифан, живший также в IV в. до н. э., писал, что последний кубок во время пира выпивался за гигию, здоровье (*Antiph.* I. 49: *μεταπιτρίδα τῆς ὑγείας λίνειν*)⁶. Интересное свидетельство сохранилось в «Лексиконе» Суды: первый кратер⁷ посвящался во время застолий Гермесу, второй – Харитам, а третий – Зевсу Спасителю⁸ (*Suda*, *κρατήρ*).

Очевидно, что во время пиршеств не было единого для всех греков правила, какой кубок по счету поднимать за здоровье, но свидетельства поэтов позднеклассической эпохи показывают, что тосты за гигию были распространенным явлением во время симпосиев. Надпись на вазе эллинистической эпохи из раскопок южной стои Коринфа служит прекрасным подтверждением той особой связи, которую усматривали древние греки между вином, Дионисом, и здоровьем: «*Διονίστου, Διονίστου ὑγείας*, – за Диониса, гигию Диониса» (*Broneer*, 1954. Pl. 14).

⁴ Греческий текст Афиней цитируется по изданию: *Athenaeus. The Deipnosophists* / Ed. Ch. B. Gulick. Cambridge, 1927, хранящемся в электронном ресурсе: www.Perseus/tufts.edu.

⁵ К этой мысли подводят, например, описания пиров у Афиней (2004. С. 37–50, 51–63, 175–200, 237–252).

⁶ *Antiph* – Antiphanes Comicus / Ed. T. Kock. CAF II.

⁷ Сосуд для смешивания вина на пиру; греки считали, что питье неразбавленного вина вредит здоровью.

⁸ У Афиней находим объяснение, почему третий кратер посвящается Зевсу Спасителю. Со времен царя Амфикиона вошло в обычай у греков пить разбавленное водой вино и его пили много, приговаривая имя Зевса Спасителя, которое напоминало им, что этот способ питья безопасен (*Ath.* 38d).

Вернемся к граффито с поселения «Полянка». В начале 1-й стк. граффито сохранилось окончание gent.sg.masc. -σου. Надпись из Коринфа позволяет предположить, что окончание -σου может принадлежать имени бога Диониса, поэтому предлагаем чтение 1-й стк. дополнить как: [Διονί]σου δὲ ὑγείας. Частица δὲ показывает, что перед [Διονί]σου могло располагаться еще какое-то слово или фраза, поэтому нельзя исключить вариант: « [Διονίσου, Διονί]σου δὲ ὑγείας»⁹. В начале 2-й стк. от предшествующего ἰσχύς слова сохранилось окончание -ης, которое согласуется в падеже с фразой в первой строке. Прямых аналогий для реконструкции 2-й стк. обнаружить не удалось¹⁰, поэтому предполагаем, что окончание -ης может принадлежать сказуемому, которое было выражено, например, гл. δίδωμι, δωρέω, ποιέω в повелительном наклонении, требующим дополнения в accusative: [δοδοί]ης ἰσχύς, [δῶρ]ης ἰσχύς или [πο]ής¹¹ ἰσχύς. Предлагаем *exempl. grac.* дополнять 2 стк.: [διδοί?]ης ἰσχύς. Отмечу, что повелительное наклонение сказуемых в застольных надписях явление обычное (см. примеры ниже). Утрата левой части надписи не позволяет предложить однозначную реконструкцию, поэтому предлагаем два возможных варианта.

1-й вариант: 1. [Διονίσου?, Διονί]σου δὲ ὑγείας, | [διδοί?]ης ἰσχύς.

Перевод: «За Диониса, гигиену же Диониса. Ты (т. е. Дионис) дай силу».

2-й вариант: 1. [Διονί]σου δὲ ὑγείας, | [διδοί?]ης ἰσχύς.

Перевод: «За гигиену Диониса. Дай силу».

В Северном Причерноморье известны надписи с упоминанием гигиены. Концом IV – началом III в. до н. э. датируется канфар с Маяцкого городища с надписью: «ΥΓΙΕΙΑΣ», ὑγείας, (Яценко, 1986. С. 226–231). И. В. Яценко предлагает перевод этого граффито как: « (Я – канфар) Гигиен» на основании вывода Э. И. Соломоник, что имена богов в родительном падеже, вырезанные на видной части сосуда, обычно под венчиком, указывают на принадлежность этого сосуда этому божеству (Там же. С. 228). И. И. Толстой предлагал дополнять граффито с упоминанием гигиены из Пантикапея предлогом ὑτέρ и переводить словосочетанием «за здоровье», т. е. рассматривал его как тост за здоровье (Толстой, 1953. С. 30. Граффито № 38). М. Парович-Пешикян интерпретировала граффито «ΥΓΙΕΙΑΣ», вырезанное на чернолаковых киликах из некрополя Ольвии, как «за здоровье» (Парович-Пешикян, 1974. С. 76). Рассмотренные надписи не нуждаются в дополнениях в виде предлога ὑτέρ, поскольку это грамматически не оправдано, и должны переводиться как пожелание здоровья. Цитируемое выше коринфское граффито, сохранившееся полностью, подтверждает этот вывод и опровергает отчасти вывод Соломоник. Надпись на канфаре из раскопок

⁹ Предполагать, что после ὑγείας стояло еще одно слово на основании вертикальной линии, которая отходит от верхнего края *сигмы*, нет оснований, поскольку это отслоение лака в результате эрозии.

¹⁰ Случаи употребления слова ἰσχύς у античных авторов собраны в: LSJ, s. v.

¹¹ Глагольная основа ποι- в некоторых случаях после слияния с соединительной гласной или флексией переходит в *эту* (i+ε, εi = η), как, например, в эол. ποιήμι, ποιής (LSJ, ποιέω). О колебаниях в графической передаче сочетания *йот* с соединительными гласными в глагольных формах ποιέω свидетельствует также ποιέντω (=ποιούντων) в надписи из Тигеи IV в. до н. э. (IG 5.2. № 6, стк. 9).

пос. Маяцкое следует понимать как тост-здравицу «гигиени», но в русском переводе это должно выглядеть как традиционный тост «за здоровье».

Безусловно, традиция философских бесед во время симпосиев, описания которых встречаются в сочинениях Ксенофонта, Плутарха, Афинея, существовала в среде аристократов и богачей-интеллектуаллов, живших в крупных античных центрах. Предполагать нечто подобное исходя из предлагаемой реконструкции граффито с поселения «Полянка» вряд ли возможно, учитывая его удаленность от крупных городских центров. Однако отказывать в традиции пиров боспорским грекам нет необходимости. Известны разнообразные надписи на чашах и кубках из раскопок боспорских городов и поселений, оставленные участниками симпосиев и передающие состояние веселого агона во время пиров. На внешней стороне дна чернолакового килика конца VI в. до н. э. из Нимфея частично сохранилась надпись: [ὁ θεῖνα πέπ]ωκεν τῆν κύλικα – «такой-то выпил килик» (*Толстой*, 1953. № 106. Табл. XVI, 1). Из Пантикапея происходит надпись, процарапанная по верхнему краю стенки чернолакового килика V–IV вв. до н. э.: [... πέλωκεν τῆν] κύλικα – «... выпить килик» (*Яйленко*, 1980б. № 5). Другой образец представлен на стенке открытого чернолакового сосуда III в. до н. э. также из Пантикапея, которую В. П. Яйленко восстанавливает как [ἐκλιῆ ἄμωσ]τίv Αὔγηωv ὡς [- - -] – «выпьет залпом Агенор, чтобы...» (Там же. № 6). На внешней стороне дна чернолакового килика первой половины IV в. до н. э. из ракопок Кития прочерчено «Σάκας ἀρουῆ» – «Сакас, черпай» или «Сакас (сегодня) разливает» (*Молев*, 2003. Граффито № 59). С Восточного теменоса Ольвии происходит фрагмент верхней части чернолакового килика последней четверти VI в. до н. э., на котором сохранился фрагмент надписи: «... ἄμωσσίv ἐκλιῆ – ... выпьет залпом» (*Яйленко*, 1980а. С. 90, 91. № 92. Табл. VII, 3). Упомянем также надпись с внешней стороны стенки чернолакового килика V в. до н. э.: «ἠδύτοσ κύλιξ εἰμί φίλῃ πιvόντι τὸν οἶνον – приятный для питья я (есть) килик, возлюбленный тем, кто пьет вино» (*Яйленко*, 1979. Граффито № 12. Рис. 3). В другом случае на внешней стороне дна чернолакового килика конца V – начала IV в. до н. э., найденного в Ольвийском некрополе, по окружности прочерчено: Ἀκτίγαι(ο) ψύχη ἢ κύλιξ (εἰμί) σῶς, ἠδεῖα, ἠδύτοσ – «килик – душа Актигая, целый, сладкий приятный, для питья» (*Виноградов*, 1969. С. 147). Фрагмент застольной надписи на венчике чернолакового аттического скифоса середины V в. до н. э. происходит из Никония: [- - -] ἐκλίvωσ τάχο [ς - - -] – «... о, если бы (ты) выпил быстро...»... или «... чтобы (ты) выпил быстро...» (*Секерский*, 1976. С. 216). Возгласы ликования «εὔα, εὔαι – радуйся, радуйтесь» неоднократно повторялись на празднествах в честь Диониса и были заимствованы участниками симпосиев. Граффито «εὔαι» из Феодосии, по мнению издателей, является возгласом ликования (*Емец, Петерс*, 1993. Граффито № 11. Табл. XVI, 2; *Емец*, 2012. С. 16. Рис. 184)¹².

¹² Следует, однако, отметить, что в отличие от всех упомянутых надписей-тостов, вырезанных на тулове чаш или кубков, феодосийское граффито вырезано на поддоне чернолаковой чаши. Судя по рисунку № 184, под «εὔαι» были процарапаны еще буквы εαι. Местоположение этих надписей, скрытых от всеобщего обозрения, заставляет серьезно сомневаться в правильности предлагаемой интерпретации.

Таким образом, новое граффито из раскопок поселения «Полянка» в Восточном Крыму дополняет наши представления о традиции греческих симпозиев в Боспорском царстве и указывает на сохранение на поселении боспорской хоры образа жизни, свойственного эллинам классической и эллинистической эпох.

ЛИТЕРАТУРА

- Афиней*, 2004. Пир мудрецов: В 15 кн. Кн. I–VIII. М.: Наука, 655 с.
- Виноградов Ю. Г.*, 1969. Киклические поэмы в Ольвии // ВДИ. № 3. С. 142–150.
- Емец И. А.*, 2012. Граффити и дипинти из античных городов и поселений Северного Причерноморья. М.: Спутник+. 478 с.
- Емец И. А., Петерс Б. Г.*, 1993. Граффити и дипинти античной Феодосии // КСИА. № 207. С. 77–83.
- Масленников А. А.*, 2013. О локальной геоморфологии, палеосейсмизме и археологии Крымского Приазовья или по следам древних землетрясений // ДБ. Т. 17. С. 232–253.
- Молев Е. А.*, 2003. Граффити на чернолаковых сосудах из раскопок Китея (1970–1995 гг.) // ДБ. Т. 6. С. 217–238.
- Парович-Пешикян М.*, 1974. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев: Наукова думка, 219 с.
- Секерский П. М.*, 1976. Застольная надпись из Никония // МАСП. Вып. 8. С. 215–218.
- Толстой И. И.*, 1953. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л.: Наука. 155 с.
- Яйленко В. П.*, 1979. Несколько ольвийских и березанских граффити // КСИА. Вып. 159. С. 53–60.
- Яйленко В. П.*, 1980а. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. № 3. С. 75–116.
- Яйленко В. П.*, 1980б. Несколько пантикапейских граффити из собрания Одесского археологического музея // Проблемы античной истории и классической филологии: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф. / Отв. ред. В. И. Кадеев. Харьков. С. 74–75.
- Яценко И. В.*, 1986. Кубок Гигиены // Проблемы античной культуры / Отв. ред. Г. А. Кошеленко. М.: Наука. С. 226–230.
- Broneer O.*, 1954. The South Stoa and its Roman Successors (Corinth. Vol. I. Part IV). 234 p.
- L.S.J – A Greek-English Lexicon / Eds.: H. G. Liddell, R. Scott, H. S. Jones. Oxf., 1940, 1996 (Supplementum).
- Rotoff S. I.*, 1997. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material. Part 1: Text. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens. 575 p. (The Athenian Agora; vol. 29).

Сведения об авторе.

Завойкина Наталья Владимировна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: zavoykina@mail.ru.

N. V. Zavoikina

SYMPOSIUM IN THE ARCHAEOLOGICAL CONTEXT

Abstract. The paper publishes a new graffito from excavations of the Polyanka settlement in Eastern Crimea. Two lines of the inscription are scratched on the body of a black-glazed Attic kantharos dating to the second half of the 4th – early 3rd centuries BC. Apparently, the inscription is a toast, which the owner of the cup dedicates to Dionysius asking him for health and strength during the symposium.

Keywords: Classical Antiquity, North Pontic Region, Bosporan Kingdom, Hellenism, chora, graffiti.

About the author:

Zavoikina Nataliya V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: zavoykina@mail.ru.

А. В. Ковальчук

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ НА ПОСЕЛЕНИИ «СИРЕНЕВАЯ БУХТА»*

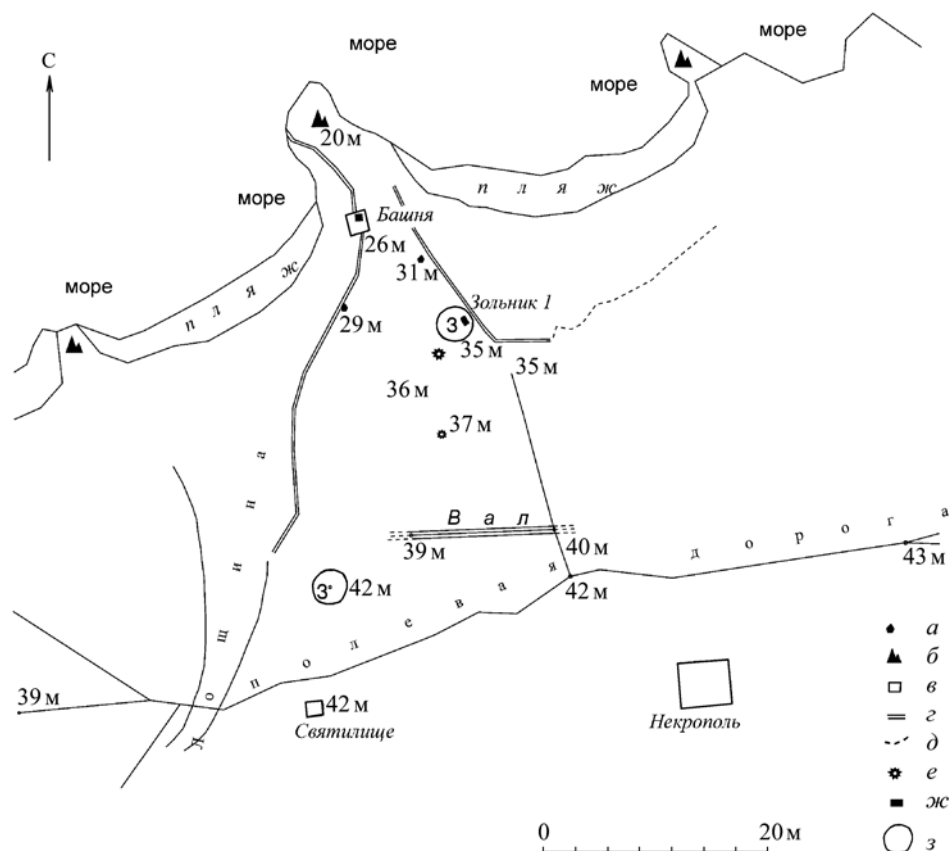
Резюме. Вблизи от поселения «Сиреневая бухта» были открыты разнообразные объекты и сооружения, составные части и материал которых позволяет проследить развитие религиозных представлений жителей в период с III в. до н. э. по VI в. н. э. В 250 м к юго-западу от городища находится небольшой холм, на котором были обнаружены остатки святилища, представляющего собой огороженное со всех сторон стеной небольшое пространство, внутри которого были зафиксированы два каменных алтаря, небольшое здание, предположительно являющееся храмом, и расщелина в северо-восточной части возвышенности. Эти сооружения, наряду с обширной коллекцией терракотовых статуэток, позволяют предполагать широту осуществлявшихся тут религиозных действий и почитание нескольких божеств (Деметры, Коры-Персефоны, Аттиса?, Диоскуров?). В III в. н. э., когда святилище прекратило свое существование, центр религиозной жизни переместился на расположенный в юго-восточной части поселения зольный холм, функционировавший вплоть до VI в. н. э. Коллекция votivных предметов, происходящая из насыпи, свидетельствует о том, что население городища «Сиреневая бухта» в III–VI вв. н. э. продолжало традицию почитания разнообразных богов эллинского пантеона (Аполлона-Врача, Асклепия, Персефоны).

Ключевые слова: религиозная жизнь, святилище, зольник, votivные предметы, ритуал, Северное Причерноморье, Боспорское царство, античность.

Поселение «Сиреневая бухта» находится в Ленинском районе Республики Крым, в 23 км от г. Керчи, почти в центральной части Караларского побережья, на небольшом узком мысу, разделяющем две соседние бухты – Сиреневую и Коммунаров (рис. 1). Городище сильно пострадало во время Великой Отечественной войны, на всей его площади можно видеть следы воронок и окопов, в связи с чем

---

* Статья написана в рамках работы по гранту РГНФ № 13-31-01287 «Зольные холмы. Методика раскопок и проблемы интерпретации».

Рис. 1 Расположение объектов на поселении «Сиреневая бухта»

Условные обозначения: а – камни-ориентиры; б – скалы; в – раскопы; г – крутые склоны; д – обрывы; е – отдельные кусты; ж – грабительский раскоп; з – зольники

археологические работы проводились лишь в наименее затронутой военными действиями северо-западной части мыса, где была открыта сторожевая башня и остатки оборонительной стены. В 330 м к юго-востоку от поселения располагается грунтовый некрополь, масштабные исследования которого подтвердили датировку городища временем с I в. до н.э. до VI в. н.э. (Масленников, 1998. С. 33).

В 250 м к юго-западу от городища находится небольшой холм высотой около 2,5 и диаметром 30 м, на котором были открыты остатки святилища, представляющего собой огороженное со всех сторон стеной небольшое пространство – «теменос» (11,0 × 17–18,0 м), внутри которого были зафиксированы два сложных из камней алтаря (Масленников, 2007. С. 242), здание размером 3,0 × 2,2 м, предположительно являющееся храмом, и расщелина в скале в северо-восточной части возвышенности (Там же. С. 258, 259).

Внутри ограды в слоях заполнения было найдено около 1620 фрагментов керамики. Материал распределяется следующим образом: 60 % составляют

амфоры; 17 % – лепная керамика; 12 % приходится на красноглиняную посуду; 3,8 % – буролаковая посуда; 3,5 % – краснолаковая керамика; 2 % – сероглиняная посуда; 1 % – чернолаковая; 0,2 % – толстостенная керамика. Нижний слой датируется с середины III до н.э. до второй половины I в. до н.э., в верхнем слое встречаются также отдельные немногочисленные находки более позднего периода вплоть до VI в.н.э. Находки I–III в.н.э. были обнаружены также в районе алтаря № 2, это фрагменты лепных курильниц, светильник, обломки 32 терракотовых статуэток, а также столовая, краснолаковая и лепная посуда (Масленников, 2007. С. 245–253). Наибольший интерес представляет материал из заполнения скальной расщелины, откуда происходит около 1500 фрагментов керамики, из них 62 % составляет простая красноглиняная посуда, 12 % – лепная керамика, 7 % – буролаковая, 6 % – краснолаковая посуда, 5 % – сероглиняная, 3 % – чернолаковая, 2 % – расписная керамика, 1 % – амфоры (Там же. С. 259). Кроме того, в этом углублении были обнаружены около 200 фрагментов терракотовых статуэток (Там же. С. 260–275).

История святилища выглядит следующим образом. Судя по датировке керамического материала, его расцвет приходится на период с III по рубеж II–I в. до н.э., вплоть до момента, когда в теменосе происходит пожар, остатки которого зафиксированы на полу храма. После ликвидации последствий этой катастрофы функционирование святилища было восстановлено, и оно периодически использовалось вплоть до середины III в.н.э.

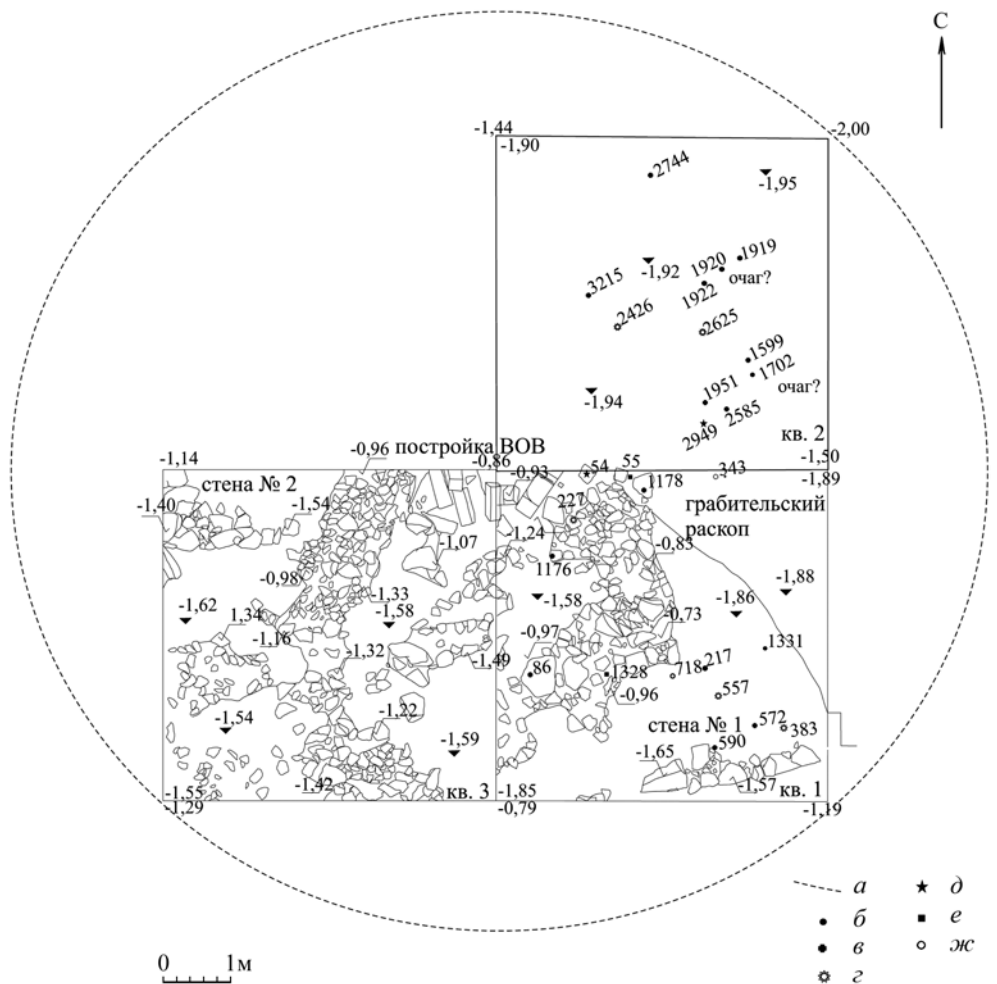
Вопрос о принадлежности святилища и совершаемых в нем религиозных обрядах остается во многом спорным. Его решение затрудняется отсутствием каких-либо посвятительных надписей, граффити, малочисленностью костного материала (всего было найдено около 20 фрагментов костей птиц и крупного рогатого скота), а также нарушением целостности слоев памятника грабительскими раскопками. В связи с указанными особенностями нашими основными данными являются открытые сооружения и коллекция терракотовых статуэток. А. А. Масленников, отмечая преобладание среди последних женских персонажей, часть из которых была им идентифицирована как изображения Деметры и Коры, отмечает вероятную связь этого религиозного комплекса с аграрными культами и возможность отправления здесь элевсинских таинств (Там же. С. 308). Следует отметить, что большинство статуэток сохранилось в плохом состоянии, в небольших осколках, сильно побитых и заизвесткованных, в связи с чем определение большей части изображений затруднено. Из опубликованных в каталоге (Там же. С. 227, 228, 245, 257–275) более или менее точной идентификации подлежат около 90 фрагментов, из них 35 являются женскими фигурами, 21 – мужскими (13 изображений всадника и 8 стоящих фигур (Аттис?), 10 – детскими статуэтками (возможно, Эрот), четыре можно отождествить с изображением Афродиты, две фигурки (статуэтки дельфина и голубя) относятся к атрибутам этой богини, четыре – предположительно являются «Деметрой скорбящей», четыре – изображениями Деметры/Коры? (Геры?), отметим также еще две статуэтки Деметры (?), две конечности марионетки, одно изображение богини на троне, одно – Кибелы и одну маску сатира. Несмотря на то, что среди статуэток, определенных как изображения богов, с небольшим отрывом преобладают фигуры Деметры, общий набор находок не позволяет с уверенностью

говорить о принадлежности святилища к культу данной богини и отправлении в нем элевсинских таинств. Из раскопок святилищ в Греции хорошо известны вотивные приношения элевсинским богиням, которые представлены терракотовыми статуэтками женщин, несущих поросят и держащих в руке факелы, а также гидриями для возлияний, миниатюрными подносами для приношения зерна и пшеницы или изображениями корзин, наполненных фруктами, калафов и вотивными хлебцами (*Bookidis, Stroud, 1987. P. 13–16, 24–29; Brumfield, 1997*). Важной частью этих таинств было жертвоприношение свиней, кости которых преобладают в святилищах Деметры и Персефоны (*Baumbach, 2004. P. 186*). О близости содержания и обрядовой практики упомянутых культов в Греции и на Боспоре свидетельствуют находки из святилища у пос. Береговое 4 (*Завойкин, 2003; Завойкин, Добровольская, 2007*).

Отметим также значительное количество мужских статуэток в святилище у Сиреновой бухты, что, вероятно, свидетельствует о двойственном характере культа, т. е. о почитании наряду с женским божеством также некоего мужского. Изображение мужской фигуры исполнено в большинстве случаев в виде всадника со щитом и фигурок в остроконечных шапках (Аттис?, Диоскуры?). Отсутствие у большинства найденных женских изображений каких-либо атрибутов, позволяющих их идентифицировать в качестве изображения божеств, возможно, свидетельствует о том, что значительная часть статуэток представляет собой донаторов. Много вопросов вызывает и характер культа. С одной стороны, наличие на территории святилища скальных расщелин подтверждает совершение ритуалов в честь хтонических богов. С другой стороны, постройка возвышающихся каменных алтарей характерна скорее для поклонения олимпийским богам. Удивительной является и исключительная бедность костного материала.

В целом разнообразие найденных в святилище у Сиреновой бухты терракотовых статуэток, а также наличие на территории религиозного комплекса разнотипных культовых сооружений позволяет предполагать широту осуществляемых тут религиозных действий и почитание нескольких божеств.

После того как в III в. н. э. святилище прекратило свое существование, центр религиозной жизни переместился на само городище. Здесь, в юго-восточной части поселения, на краю берегового обрыва находится зольный холм высотой 1,3 м и диаметром около 20 м, состоящий из слоев темно- и светло-серой золы с включениями раковин мидий (рис. 1). За время существования насыпи ее целостность была неоднократно нарушена, в центральной части сохранились остатки постройки из пиленого известняка, относящейся ко времени Великой Отечественной войны, в восточном секторе грунт был частично выбран грабителями. Основанием холма служит площадка, выровненная и промазанная слоем желтой глины, в юго-восточной и северо-западной части насыпи были открыты остатки каменных стен (стены № 1, 2), заглубленных в этот материковый слой. Юго-восточная стена (№ 2), повторяющая курватуру холма, могла являться некоей оградой, которая препятствовала расползанию зольных остатков (рис. 2). Северо-западная стена (№ 1), ориентированная по линии запад – восток, могла служить оградой теменоса или частью каких-то более ранних сооружений, предшествовавших возникновению зольника. Данные профилей бортов и датировки керамического материала свидетельствуют о том, что возникновение насыпи происходило не путем ссыпания золы в центральной части

Рис. 2 Распределение находок в насыпи Зольника 1

Условные обозначения: *a* – современные границы насыпи; *б* – скопления печины; *в* – курильница; *г* – пряслице; *д* – светильник; *е* – статуэтка; *ж* – миниатюрный сосуд

и постепенного нарастания холма из одной точки, а, по-видимому, в результате слияния нескольких небольших насыпей. На заключительном этапе функционирования зольного холма в центре южного сектора часть насыпи была обложена по кругу камнями (рис. 2). Внутри холма фиксируются отдельные скопления печины: вероятно, остатки временных очагов (рис. 2). Эти временные сооружения в совокупности со следами горения на фрагментах керамики и состоянием костей, среди которых преобладают измельченные сине-черные и фиолетовые перегоревшие фрагменты, говорят о том, что зольник был не только местом, куда ссыпалась зола из очагов и где депонировался пришедший в негодность религиозный инвентарь, но также некой площадкой, где могли совершаться религиозные действия.

В результате археологических исследований 2013–2014 гг. в насыпи было найдено около 12000 фрагментов керамики, относящихся ко времени с III по VI в. н. э. Процентное соотношение различных категорий материала выглядит следующим образом: доля лепной керамики составляет 44,4 %, амфоры – 39,1 % (из них только 0,1 % – профильные части), 6 % приходится на костный материал, 2,3 % – краснолаковая керамика, 1,7 % – столовая керамика, 0,7 % – толстенная керамика, 0,2 % – стекло и 0,2 % составляют votивные предметы. В последнюю категорию нами были отнесены лепные курильницы, светильники (кат. № 19–39), хлебцы (кат. № 1–9), примитивные глиняные статуэтки (кат. № 14–16) и изображения частей тела (кат. № 10–12), миниатюрные сосудики (кат. № 17–18), дипинто на амфорной стенке (кат. № 13) и пряслица.

С точки зрения их отношения к ритуальным действиям находки можно поделить на несколько категорий. Во-первых, это вещи, которые были принесены богу в дар после совершения возлияний и жертвоприношений в благодарность за оказанную помощь, в ожидании будущей помощи или как символ и напоминание о совершенных религиозных действиях. Как правило, это модели вещей (кат. № 1–9) и животных, которые приносились в жертву, или рельефы и фигуры, представляющие людей, готовящихся к жертвоприношению или совершающих ритуальные действия. Во-вторых, это статуэтки божеств, в честь которых проводились религиозные действия. Наконец, это предметы, непосредственно использовавшиеся при совершении ритуала. К последней группе могут быть отнесены светильники и курильницы (кат. № 19–39), а также сосуды, в которых приносилась еда и приношения, или те, которые использовались при возлияниях и после совершения ритуала оставались в святилище (Rouse, 1976. P. 283). Таким образом, мы видим, что находки из Зольника 1 не отражают все возможное разнообразие сакральной практики. Характерной чертой является отсутствие сцен приношений и статуэток божеств.

С точки зрения функционального назначения, votивные предметы представлены двумя категориями материала: вещами, которые были специально изготовлены для приношения богу (например, изображения частей тела, хлебцы, миниатюрные сосуды, дипинто на стенке сосуда), и предметы, которые имели бытовое назначение и могли использоваться в повседневной жизни до того, как они были принесены богу, так как, по сути, любой предмет мог быть подарен богу в благодарность или с просьбой (например, пряслица).

Vотивные предметы могут отражать личность дарителя, его социальный статус, пол, происхождение. Так, нам известны приношения в виде глиняных имитаций дорогих бронзовых котлов (Baumbach, 2004. С. 5). По-видимому, в большинстве случаев оружие является мужским пожертвованием, а украшения и пряслица – женским. Кроме того, они демонстрируют также особенности культа и различные функции божества. Подавляющая часть даров в виде изображений частей тела (глаза, ноги, руки и т. д.) происходит из святилищ божеств, имеющих целительные функции, таких как Аполлон-Врач, Асклепий и Амфиарай. Довольно типичными являются votивные предметы, которые использовались в качестве даров Деметре и Коре и отражали их функцию как богинь плодородия и сельского хозяйства. В то же время один и тот же предмет, принесенный в качестве votива разным божествам, может отражать их различные функции. Так, стригиль,

пожертвованный в святилище Посейдона в Истмии, имеет непосредственное отношение к проводившимся тут атлетическим соревнованиям и является благодарностью богу за одержанную победу. Стригли же, встречающиеся в святилищах Геры, отражают ее функцию богини рождения и взросления (*Baumbach*, 2004. P. 184). Наконец, определенная функция божества может отражаться в принесении ей различных предметов. Например, Гере, как богине – покровительнице деторождения могли быть пожертвованы статуэтки беременных женщин, миниатюрные кровати, ключи, изображения половых органов (*Ibid.* P. 176).

В связи со всем сказанным возникает вопрос, возможно ли только на основании найденных votивных предметов определить принадлежность святилища определенному божеству. Апулей рассказывает, что Психея, скитаясь в поисках Купидона, попадает в храм Геры, где видит «драгоценные приношения и полотнища с золотыми надписями, развешанные по веткам деревьев и дверным косякам; вместе с изъявлением благодарности значилось в них и имя богини, которой дары посвящались» (*Apul. Met.* VI, 3). Однако, согласно Платону, характер культа можно было определить, не только основываясь на надписях на votивных предметах, но и из общего набора самих посвященных вещей. Так, Сократ, видя изваяния и жертвенные приношения, идентифицирует принадлежность святилища неким нимфам и Ахелюю (*Plato. Phd.* 230b).

Рассмотрим каждую из категорий votивных находок из Зольника 1 в отдельности и попытаемся определить их связь с определенным культом.

Одной из самых многочисленных категорий votивных предметов, обнаруженных в насыпи, являются глиняные хлебцы, имитирующие те, которые применялись во время ритуальных действий. Из зольника происходит восемь экземпляров хлебцев, все они сделаны вручную без использования гончарного круга, обожжены (рис. 3, 1–4). Их глина сильно отличается друг от друга: часть изготовлена из хорошо отмученной светло-бежевой с различными отощителями, другие – из глины худшего качества, коричневого и серого цвета, близкой по составу тесту местной лепной посуды. Из литературных и эпиграфических источников известно около 40 различных наименований, использовавшихся для обозначения votивных хлебцев, которые различались формой, составом и использовались во время разнообразных религиозных действий (*Brumfield*, 1997. P. 169–171).

Основываясь на форме хлебцев и ряде характерных деталей (наличие шишечки, надсечек), можно подразделить весь происходящий из зольника материал на пять типов. Первый тип представлен круглым хлебцем, имеющим по краю окружности небольшие насечки (кат. № 1), иногда дополняемые небольшой «шишечкой» по центру (кат. № 2). Этот вид votивного хлебца соответствует *πλακοῦς* – хлебцу, который готовили из меда и козьего молочного сыра, чередующегося с тонкими прослойками теста. Эти хлебцы несли ликофоры в специальных корзинах (*λίκρον*) во время торжественных процессий, они использовались во время жертвоприношений Аполлону и другим богам (*Ibid.* P. 151, 152). Второй тип включает в свой состав простые круглые выпуклые хлебцы (кат. № 3–7). Они имеют небольшой размер и, возможно, могут быть определены как *κόλλαβος* – небольшой пшеничный хлебец, получивший свое название от маленькой монеты. Этот вид хлебца обычно использовался в качестве

Рис. 3. Поселение «Сиреневая бухта». Зольник 1. Вотивные предметы

приветственного угощения в ритуальных действиях в честь Зевса, а также богов Дамии и Ауксесии, которые обычно отождествляются с Деметрой и Корой-Персефоной (*Brumfield*, 1997. Р. 149, 150). В третью группу был включен один экземпляр, имеющий в центре небольшой возвышающийся выступ (кат. № 8). Повидимому, такой тип хлебца имел название *πότανον* и использовался в обрядах предварительных жертвоприношений в честь Артемиды, Лето, Геракла, Гермеса (*πότανον μόνομφαλον*), а также Зевса – сеятеля и повелителя ветров (*πότανον ὀρθόνφαλον*) (*Ibid.* Р. 150). Четвертый тип также представлен одним хлебцем, имеющим сверху небольшое углубление (кат. № 4). Пятая группа состоит из одного удлиненного хлеба, который, судя по форме, является *παλάθιον* – хлебцем, который готовили из фруктов и орехов, смешанных с медом, и несли во время торжественных процессий в керносе (*Ibid.* Р. 155).

Два из вышеупомянутых votивных хлебцев имеют в центре граффити в виде монограмм, прочерченных до обжига. Одно из них имеет изображение буквы *альфы*, нанесенное небольшими насечками (рис. 3, 1; кат. № 1), второе – буквы *тхэты*, исполненную точками (рис. 3, 2; кат. № 3). Дипинто в виде буквы *тхэты* встречается также на амфорной стенке (рис. 3, 13; кат. № 13). Хлебцы были важным компонентом большинства жертвоприношений и должны были быть напоминанием или свидетельством уже совершившихся религиозных действий. Доказательством этого служат находки большого количества глиняных или металлических хлебцев в виде жертвенных животных, быков, овец (*Rouse*, 1976. Р. 296, 297), в связи с чем логичным выглядит предположение, что монограммы могут быть начальными буквами имен богов, которым были принесены дары (например, Аполлона и Персефоны). Появление *тхэты* на некоторых из votивных приношений можно также объяснить избеганием упоминания собственных имен божеств в поздний период (*Нильссон*, 1998. Р. 66, 67) или же распространением христианства.

Из Зольника происходят также глиняные изображения частей человеческого тела, которые представлены тремя пальцами рук, выполненных в виде сужающихся конусов, без прорисовки ногтевой пластины (рис. 3, 5–7; кат. № 10–12). Один из них имеет у основания изображение буквы *тхэты*, исполненной точечным орнаментом, ближайшим аналогом которой является *тхэта* на вышеупомянутом глиняном хлебце (кат. № 3). Подобные предметы являются характерным приношением богам, имеющим целительные функции, таким как Аполлон-Врач и Асклепий (*Hart*, 2000. Р. 91–104). С почитанием Аполлона, вероятно, связана и глиняная статуэтка в виде лиры (рис. 3, 9; кат. № 15).

Значительное число пряслиц (18 шт.), происходящих из зольника, так же как и отдельные находки ткацких грузил (4 шт.) и бусин (3 шт.), позволяют предполагать почитание какого-то женского божества – покровительницы домашнего очага и семьи (Геры?).

В целом votивные предметы из Зольника 1 свидетельствуют о том, что население городища «Сиреневая бухта» в III–VI вв. н. э. продолжало традицию почитания разнообразных богов эллинского пантеона (Аполлона-Врача, Асклепия, Персефоны).

Каталог

Вотивные хлебцы представлены девятью экземплярами.

1. Точка № 590 (рис. 1), кол. оп. № 264, 2013 г. (рис. 3, 1).

Размер: диаметр 3,0–3,4 см, толщина – 1,3 см.

Форма: в плане круглая, края приподняты, а центральная часть углублена на 0,3 мм.

Глина: светло-бежевая с добавлением слюды, белых включений и толченой ракушки.

Сохранность: хорошая.

Дополнительные характеристики: по краю окружности при помощи острого предмета до обжига были сделаны насечки (средняя длина – 0,5 см, расстояние – 0,2–0,4 мм). В центре также насечками до обжига обозначена буква *альфа*. *Альфа* имеет ломаную поперечную гасту, выполнена в виде коротких штрихов (левая гаста состоит из четырех и правая из трех штрихов, каждая из частей поперечной гасты – из трех).

2. Кол. оп. № 267, 2013 г.

Размер: диаметр – 2,1–3,6 см, толщина – 1,7 см.

Форма: круглая, на 0,2 см выступает центральная часть.

Глина: светло-бежевая.

Сохранность: хорошая.

Дополнительные характеристики: по краю до обжига прочерчены надсечки (средняя длина – 0,4 см, расстояние – 0,5 см). В центре находится небольшая шишечка, вокруг которой до обжига нанесены небольшие углубления.

3. Кол. оп. 265, 2013 г., рис. 3, 2.

Размер: диаметр – 3,5 см, толщина – 1,0 см.

Форма: имеет в плане овальную форму, в разрезе края приподняты, а центральная часть углублена на 0,2 мм.

Глина: светло-бежевая с добавлением толченой ракушки.

Сохранность: сохранился частично, половина обломана.

Дополнительные характеристики: без насечек. В центре точками, до обжига, изображена буква *тхэта*. *Тхэта* имеет овальную форму, горизонтальная гаста выполнена точками.

4. Кол. оп. № 271, 2013 г., рис. 3, 3.

Размер: диаметр – 2,0–2,2 см, толщина – 2,3–1,4 см.

Форма: в плане круглая, в разрезе – овальная, края приподняты, а центральная часть углублена снизу и сверху на 0,2 мм.

Глина: коричневая.

Сохранность: хорошая.

Дополнительные характеристики: в центре находится небольшое овальное углубление размером 0,8 × 0,3 мм.

5. Кол. оп. № 275, 2013 г.

Размер: диаметр – 1,9–2,1 см, толщина – 0,6 см.

Форма: в плане овальная, в разрезе – выпуклая.

Глина: коричневая.

Сохранность: хорошая.

6. Кол. оп. № 180, 2014 г., рис. 3, 4.

Размер: диаметр верха – 1,8 см, диаметр низа – 2,8 см, толщина – 1,2 см.

Форма: в плане овальная, в разрезе расширяется к основанию.

Глина: серая.

Сохранность: сильно потрескался, составлен из нескольких частей.

7. 2014 г.

Размер: диаметр основания – 4,0 см, толщина – 1,8 см.

Форма: в плане овальная, в разрезе расширяется к основанию.

Глина: розово-оранжевая с белыми включениями.

Сохранность: хорошая.

8. 2014 г.

Размер: диаметр основания – 3,3 см, высота – 2,6 см.

Форма: в плане и разрезе – овальная.

Глина: желто-бежевая с черными включениями.

Сохранность: хорошая.

Дополнительные характеристики: в центре небольшая шишечка.

9. Точка № 1328, кол. оп. № 150, 2014 г.

Размер: длина – 6,5 см, ширина – 2,0 см.

Форма: удлиненная.

Глина: светло-бежевая.

Сохранность: хорошая.

Глиняные изображения пальцев рук представлены тремя экземплярами.

10. Кол. оп. № 266, 2013 г., рис. 3, 5.

Размер: длина – 2,9 см, ширина – 1,0–2,0 см, толщина – 1,7 см.

Форма: сужающийся в одну сторону глиняный конус.

Глина: светло-коричневая.

Сохранность: верхняя часть утрачена, нижняя – частично сбита.

Дополнительные характеристики: у основания точками изображена буква *тхэта* (размер: 1,0 × 0,6 см), палеография которой повторяет начертание *тхэты* на вышеупомянутом votивном хлебе.

11. Кол. оп. № 270, 2013 г., рис. 3, 6.

Размер: длина – 4,6 см, ширина – 1,9 см, толщина – 0,01–1,2 см.

Форма: сужающийся в одну сторону глиняный конус.

Глина: светло-бежевая.

Сохранность: нижняя часть утрачена, глина потрескалась.

12. 2013 г., рис. 3, 7.

Размер: длина – 3,9 см, ширина – 1,7–2,5 см, толщина – 1,5–2,0 см.

Форма: сужающийся в одну сторону глиняный конус.

Глина: светло-бежевая.

Сохранность: верхняя часть утрачена, глина потрескалась.

Амфорная стенка с дипинто.

13. Точка № 2715, кол. оп. № 144, 2014 г., рис. 3, 13.

Размер: 7,5 × 6,1 × 0,8 см.

Глина: светло-желтая с включением пироксена.

Сохранность: часть буквы отбита.

На стенке сохранилось частично дипинти красной краской в виде буквы *тхэты* со сплошной горизонтальной гастой.

Статуэтки представлены тремя экземплярами.

14. Кол. оп. № 149, 2014 г., рис. 3, 8.

Размер: высота – 5,1 см, ширина – 2,6 см, толщина – 1,9 см.

Глина: коричневая.

Сохранность: имеет следы неравномерного обжига, трещины.

Статуэтка (в виде примитивной фигуры человека (?), детали фигуры изображены схематично.

15. Кол. оп. № 269, 2013 г., рис. 3, 9.

Размер: высота – 6,2 см, ширина макс. 3,4, толщина 0,6–2,5 см.

Глина: темно-коричневая.

Сохранность: имеет следы горения и трещины, одна из боковых дуг корпуса утрачена.

Статуэтка в виде лиры (?).

16. Кол. оп. № 276, 2013 г.

Размер: высота – 4,2 см, ширина – 2,4 см, толщина – 1,8 см.

Глина: темно-оранжевая с включением слюды и толченых раковин мидий.

Сохранность: хорошая, имеет следы горения.

Фрагмент статуэтки (рука?)

К категории вотивных предметов можно также отнести миниатюрные сосуды, которые представлены двумя экземплярами.

17. Точка № 718, кол. оп. № 260, 2013 г., рис. 3, 10.

Размер: макс. диаметр – 5,0 см, диаметр основания – 4,7 см, высота – 2,0 см.

Глина: серо-коричневая.

Сохранность: половина утрачена.

Миниатюрная миска на кольцевом поддоне.

18. Кол. оп. № 274, 2013 г., рис. 3, 11.

Размер: макс. диаметр – 4,6 см, диаметр основания – 3,4 см, высота – 1,5 см.

Глина: желтая с черными включениями.

Сохранность: большая часть тарелки утрачена.

Миниатюрная вотивная тарелка на кольцевом поддоне. На верхней части в центре и по краю тростинкой до обжига нанесен орнамент в виде кругов.

Самую многочисленную группу составляют светильники. Все лепные светильники, найденные в зольнике, принадлежат к группе светильников с открытым резервуаром и представлены двумя типами – в виде чашечки на высокой ножке (курильницы?) и ладьевидной формы. Кроме того, в заполнении зольника были найдены фрагменты трех краснолаковых светильников.

19. Кол. оп. № 257, 2013 г.

Размер: 8,4 × 4,3 см.

Глина: серая с примесью толченых раковин мидий.

Сохранность: частично (фрагмент стенки и дна).

Лепной светильник ладьевидной формы, суженый с двух сторон, без перемишки (тип 1, по: *Арсеньева*, 1988). На внутренней поверхности имеет толстый слой нагара.

20. 2013 г.

Размер: макс. длина – 4,7 см, макс. ширина – 4,3 см, толщина – 0,6 см.

Глина: серая с примесью толченых раковин мидий.

Сохранность: сохранилась часть носика и дна.

Лепной светильник ладьевидной формы, с удлиненным суженным носиком, выделенным защипом (тип 1), имеет на внутренней стороне следы нагара.

21. Точка № 2949, 2014 г.

Размер: макс. длина – 6,0 см, макс. ширина – 4,0 см, толщина – 0,6 см, высота – 2,6, с выступом – 3,3 см.

Глина: серая с примесью толченых раковин мидий.

Сохранность: частично, стенка с задним краем.

Наибольшим числом представлены сосуды открытой формы на ножке.

22. Кв. 2, горизонт 5, просевка, 2014 г.

Размер: высота – 3,2 см, макс. длина – 5,4 см, макс. ширина – 3,5 см.

Глина: серо-коричневая с включениями раковин мидий.

Сохранность: частично, уцелела половина передней части с носиком.

Лепной светильник с чашечкой овальной формы и слабо выделенным широким носиком. Судя по основанию чаши, она располагалась на цилиндрической ножке.

23. Точка № 343, кол. оп. № 261, 2013 г.

Размер: диаметр дна – 4,7 см, высота – 4,7 см.

Глина: серо-коричневая с примесью толченых раковин мидий и шамота.

Сохранность: частично, ножка.

Лепной светильник, сохранилась расширяющаяся книзу ножка, имеющая плоское круглое в плане основание.

24. Точка № 86, кол. оп. № 263, 2013 г.

Размер: макс. диаметр ножки – 3,5 см, высота – 4,5 см.

Глина: серая с примесью толченых раковин мидий.

Сохранность: частично, ножка.

Лепной светильник, сохранилась только центральная часть цилиндрической ножки, чаша и основание утрачены. Судя по сколам, основание было трехчастным.

25. Кол. оп. № 277, 2013 г.

Размер: макс. диаметр ножки – 1,8 см, высота – 6,0 см.

Глина: серая с примесью толченых раковин мидий.

Сохранность: частично, средняя часть цилиндрической ножки, чаша и основание утрачены.

Лепной светильник.

26. Точка № 1176, кол. оп. № 143, 2014 г., рис. 3, 12.

Размер: диаметр – 2,0 см, высота – 2,1 см.

Глина: серая с примесью толченых раковин мидий.

Сохранность: хорошая.

Лепной светильник – мини курильница. Курильница имеет круглую в сечении ножку с основанием, в центре которого находится небольшое углубление, и расширяющуюся сверху почти плоскую чашу, которая вылеплена условно.

27. Кол. оп. № 174, 2014 г.

Размер: диаметр – 2,0 см, высота – 3,6 см.

Глина: серая с примесью толченых раковин мидий.

Сохранность: часть ножки.

Лепной светильник, сохранилась центральная часть цилиндрической ножки на плоском основании, которая расширяется сверху и орнаментирована в верхней части рельефным ребром и двумя круглыми налепами (по: *Арсеньева*, 1988. С. 103. № 2. табл. XXX, 1).

28. Точка № 2585, кол. оп. № 175, 2014 г.

Размер: диаметр основания – 6,4–6,8 см, высота – 2,5 см.

Глина: серо-коричневая с примесью толченых раковин мидий.

Сохранность: частично, трехчастное основание.

Лепной светильник.

29. Точка № 3215, кол. оп. № 176, 2014 г.

Размер: диаметр основания – 3,5–6,7 см, высота – 2,4 см.

Глина: серо-коричневая с примесью толченых раковин мидий.

Сохранность: частично, ножка.

Лепной светильник, сохранилось трехчастное основание, одна из ножек частично обломана.

30. Точка № 1178, 2014 г.

Размер: диаметр – 2,5 см, высота – 4,3 см.

Глина: коричневая с примесью толченых раковин мидий.

Сохранность: верхняя часть цилиндрической ножки, чаша и основание утрачены.

Лепной светильник.

31. 2014 г.

Размер: диаметр – 1,5–1,7 см, высота – 1,8 см.

Глина: коричневая с примесью толченых раковин мидий.

Сохранность: нижняя часть цилиндрической ножки, расширяющейся книзу. Ножка асимметрична, чаша утрачена.

Лепной светильник.

32. Точка № 1951, 2014 г.

Размер: диаметр – 2,9 см, высота – 5,7 см.

Глина: коричневая с примесью толченых раковин мидий.

Сохранность: центральная часть цилиндрической ножки, расширяющейся книзу. Чаша и основание обломаны.

Лепной светильник.

33. Точка № 2744, 2014 г., рис. 3,14

Размер: диаметр основания – 2,4 см, высота – 2,8 см.

Глина: серая с примесью толченых раковин мидий.

Сохранность: частично, сохранилась цилиндрическая ножка.

Лепной светильник, ножка расширяется книзу, имеет плоское основание, асимметрична.

34. Кв. 1, горизонт 6, просевка, 2014 г.

Размер: диаметр – 1,4 см, высота – 4,4 см.

Глина: серая с примесью толченых раковин мидий.

Сохранность: частично, сохранилась центральная часть цилиндрической ножки, чаша и основание утрачены.

Лепной светильник, ножка расширяется книзу.

35. Кв. 1, горизонт 6, просевка, 2014 г.

Размер: диаметр дна – 2,7 см, диаметр ножки – 2,0, высота – 3,3 см.

Глина: серая с примесью толченых раковин мидий.

Сохранность: частично, сохранилась цилиндрическая ножка, чаша утрачена.

Лепной светильник, ножка расширяется книзу, имеет плоское основание.

36. Бровка, 2014 г.

Размер: диаметр – 1,7 см, высота – 2,9 см.

Глина: коричнево-серая с примесью толченых раковин мидий.

Сохранность: частично, сохранилась цилиндрическая ножка.

Лепной светильник, ножка на расширяющемся книзу плоском основании.

37. Точка № 54, 2013 г.

Размер: макс. длина – 2,7 см, макс. ширина – 1,7 см, толщина стенки – 0,4 см.

Глина: тонкозернистая бежевая, без заметных включений.

Сохранность: частично, верхняя часть.

Краснолаковый светильник с закрытым резервуаром, изготовлен в форме, плечи светильника украшены рельефным орнаментом в виде ромбов.

38. Кол. оп. № 147, 2014 г.

Размер: макс. длина – 6,5 см, макс. ширина – 5,2 см.

Глина: тонкозернистая оранжево-бежевая, без заметных включений.

Сохранность: частично, сохранилась фигурная ручка в виде листа аканфа.

Краснолаковый светильник с закрытым резервуаром, изготовлен в форме.

39. 2014 г.

Размер: 3,0 × 3,5 см.

Глина: тонкозернистая светло-бежевая, без заметных включений.

Сохранность: частично, верхняя часть.

Краснолаковый светильник с закрытым резервуаром, изготовлен в форме, плечи светильника украшены рельефным орнаментом в виде чередующихся виноградных гроздей и тирсов.

Пряслица представлены 18 экземплярами (см.: Ковальчук, Кузина, 2015).

ЛИТЕРАТУРА

- Арсеньева Т. М.*, 1988. Светильники Танаиса. М.: Наука. 141 с.
- Завойкин А. А.*, 2003. ΘΘε: двойственность и троичность на святилище элевсинских богинь («Беговой 4») // ДБ. Т. 6. С. 104–113.
- Завойкин А. А., Добровольская Е. В.*, 2007. Боги, люди, животные и птицы в святилище Деметры и Коры на Фонталовском полуострове // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты: материалы VIII Боспорских чтений. Керчь: Деметра. С. 117–125.
- Ковальчук А. В., Кузина Н. В.*, 2015. Вотивные предметы из Зольника 1 у Сиреневой бухты. Пряслица // Вестник ННГУ. № 4. (В печати)
- Масленников А. А.*, 1998. Элинская хора на краю Ойкумены. М.: Индрик. 301 с.
- Масленников А. А.*, 2007. Сельские святилища Европейского Боспора. М.: Гриф и К. 564 с.
- Нильссон М. П.*, 1998. Греческая народная религия. СПб: Алетейя. 256 с.
- Baumbach J. D.*, 2004. The significance of votive offerings in selected Hera sanctuaries in the Peloponnese, Ionia, and Western Greece. Oxford: Archaeopress. 212 p. (BAR international series; 1249).
- Bookidis N., Stroud R. S.*, 1987. Demeter und Persephone in Ancient Corinth. Princeton, N. J.: American School of Classical Studies at Athens. 32 p.
- Brumfield A.*, 1997. Cakes in the liknon. Votives from the sanctuary of Demeter and Kore on Acrocorinth // *Hesperia*. Vol. 66. P. 147–172.
- Hart G. D.*, 2000. Asclepius: the God of medicine. London: Royal Society of Medicine Press. 262 p.
- Rouse W. H. D.*, 1976. Greek Votive Offerings. An Essay in the History of Greek Religion. Hildesheim; New York: Georg Olms Verlag. 481 p.

Сведения об авторе.

Ковальчук Анна Витальевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: nako@mail.ru.

A. V. Kovalchuk

RELIGIOUS LIFE AT THE SIRENEVAYA BAY SETTLEMENT

Abstract. Several structures were uncovered near the Sirenevaya Bay settlement; their constituent parts and material they were made of provide an opportunity to trace development of religious concepts of its inhabitants in the period between the 3rd century BC and the 6th century AD. A small hill where remains of a sanctuary, which is a small area enclosed by a wall, were uncovered is located 250 km south-west of the settlement. Two stone altars, a small building (presumably, a temple) and a crevice in the north-eastern part of the hill were documented within the sacred enclosure. These structures along with a large collection of terracotta statuettes suggest a broad range of religious rituals per-

formed here to revere several deities (Demeter, Kore-Persephone, Attis, the Dioscuri?). The sanctuary ceased to exist in the 3rd century AD and the center of religious life moved to a site located in the south-eastern part of the settlement, which was operational up to the 6th century AD and where now there is a cinder heap. The collection of votive items retrieved from the mound suggests that the inhabitants of the Sirenevaya Bay settlement maintained the tradition of worshipping the gods from the Hellenistic pantheon (Apollo Medicus, Asclepius, and Persephone).

Keywords: religious life, cinder heap, votive items, North Pontic Region, Bosporan Kingdom, Classical Period.

About the author:

Kovalchuk Anna V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: nako@mail.ru.

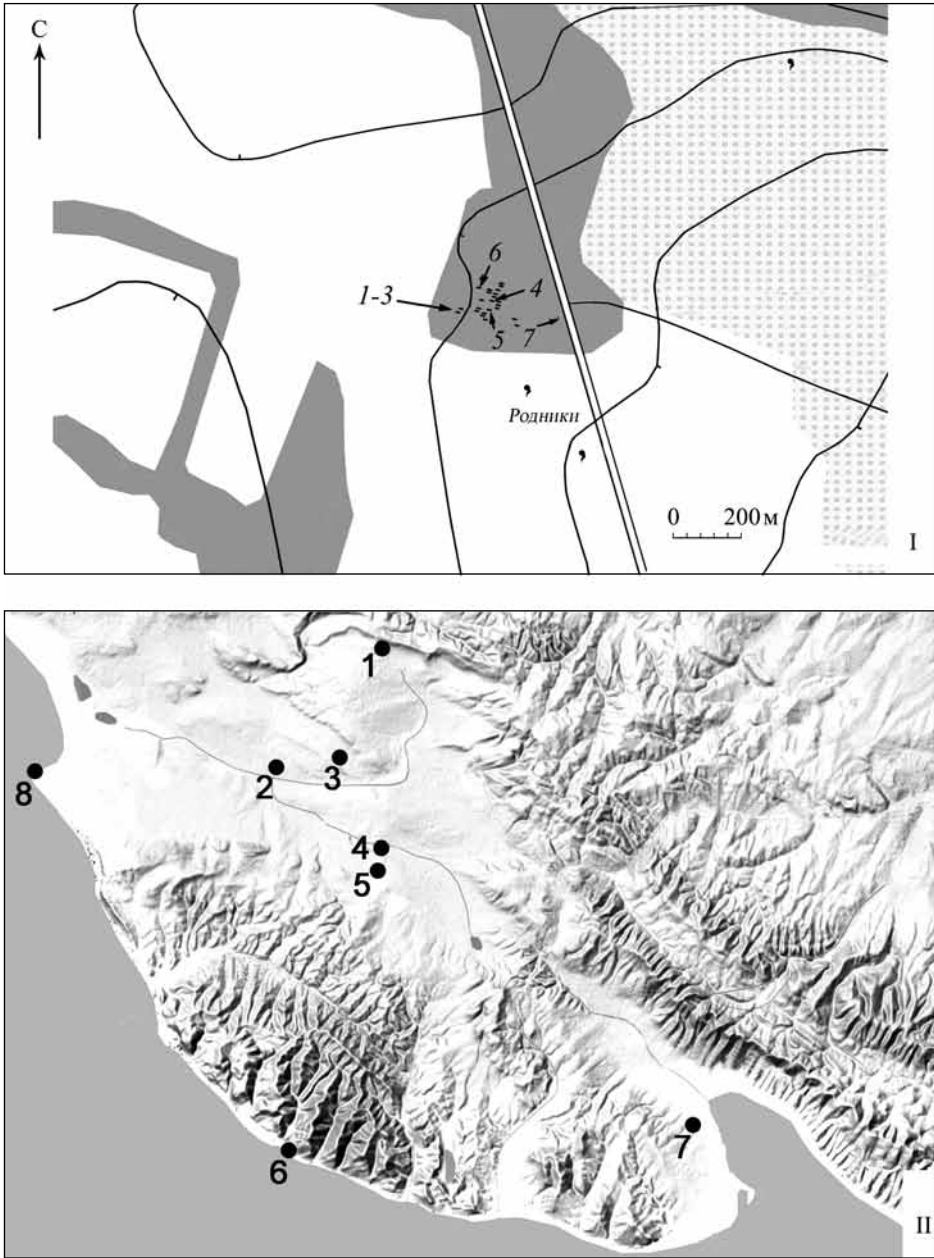
А. А. Малышев, Э. А. Грешников, А. Л. Васильев

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ЭПОХИ ЭЛЛИНИЗМА ГОРГИППИЙСКОЙ ХОРЫ

Резюме. Исследования материалов, полученных при исследовании шести погребальных сооружений некрополя Родники, расположенного в западных предгорьях Северного Кавказа, а также анализ круга аналогий этим склепам выявили интенсивную эллинизацию местной аборигенной элиты и проиллюстрировали процесс постепенного расширения круга подчиненных Боспорскому государству племен.

Ключевые слова: Хора Горгииппии, склеп, погребальный обряд, античность, ранний железный век.

Местоположение некрополя с монументальными погребальными сооружениями примечательно: на небольшом мысообразном возвышении, в верхней части естественного амфитеатра предгорий западных отрогов Главного Кавказского хребта, простирающихся до черноморского побережья (рис. 1, II, I). Название «Родники» могильник получил благодаря расположенным в непосредственной близости источникам, питающим верховья реки Котламы. Памятник известен более четверти века, в 1987 г. в отчете А. В. Дмитриева сообщается о подвергающемся интенсивному разграблению могильнике по дороге на Гостагаевскую (Дмитриев, 1987. С. 17, 18. Рис. 128–137). Собранные в тот момент материалы – античная керамика IV в. до н.э., в том числе амфоры с рюмкообразными ножками, и остатки трупосожжений XIII в. – свидетельствуют о наличии здесь погребальных сооружений двух эпох.

Рис. 1. I – Некрополь Родники. План. II – Карта хоры Горгиппии, местонахождения с монументальными погребальными сооружениями античного типа V–II вв. до н. э.

I – план некрополя Родники; *II* – монументальные погребальные сооружения античного типа V–II вв. до н. э. хоры Горгиппии (8): 1 – некрополь Родники; 2 – хутор Рассвет (погр. 127) 3 – могильник Барашник; 4 – Раевское г-ще; 5 – ст. Раевская; 6 – Лобанова щель (погр. 8, 13); 7 – некрополь по ул. Астраханская

Остатки разграбленных погребальных сооружений довольно распространенной в этом регионе конструкции – в виде каменных ящиков – заметны по всей площади памятника. Обращает внимание обычная, скорее, для дольменных сооружений, массивность использованных плит песчаника, толщиной 0,2–0,3 м.

Исследования могильника (рис. 1, Л), начатые в 2013 г. экспедицией ИА РАН, выявили 24 каменные конструкции. Сооружения ориентированы по склону, в широтном направлении¹. Склепы, как правило, группируются по два-три, одиночные каменные ящики редки. Часть расположена по краю естественных террас рельефа, часть – в центре небольших возвышений-насыпей. По восточной границе некрополя зафиксировано несколько средневековых курганных насыпей метровой высоты с грабительскими воронками в центральной части. Выявлена определенная регулярность в их взаиморасположении: они образуют своеобразные ряды, имеющие меридиональное направление, поперек склона. Наиболее многочисленная группа зафиксирована в нижней части, где девять сооружений образовали цепочку длиной более 70 м.

За два полевых сезона доследовано пять каменных ящиков: два в верхней части некрополя (погр. 1, 2), один в центральной (погр. 6), два – в самой многочисленной, нижней (погр. 4, 5)². Сооружения возводились на материковой скале, тем не менее, практически везде выявлены последствия склоновой деформации, которая усилилась после разграбления, так как сопровождалось разрушением необходимого для устойчивости конструкции перекрытия.

В самой высокой, западной части исследовано два расположенных рядом сооружения³. Лучшей сохранностью отличается южная гробница (погребение 1) с размером камеры 0,86 × 2,2 м при высоте 0,6–0,7 м (рис. 2).

Ящик сложен из плит серого песчаника толщиной более 0,2 м. Лицевые, обращенные внутрь камеры, поверхности имеют своеобразную ребристую фактуру, которую можно рассматривать как результат грубой отески поверхности плит топором-молотом. Диагональная ориентировка ребер типична для античной камнетесной техники (*Wright, 2005. Fig. 89, 90*). Каждая из длинных продольных стен (северная и южная) состоит из двух плит: длиной около 0,7–0,9 м и 1,4 м.

С восточной стороны камеру запирает практически четырехугольная в плане (0,96 × 1,2 м) плита. На наличие с противоположной, западной стороны входа указывает массивный пороговый камень и два обломка запирающей плиты, что позволяет определить это сооружение как погребальное сооружение для многократного захоронения – склеп.

Северная гробница (погребение 2) сохранилась частично (рис. 2). Помимо расчищенной сверху массивной, размером 0,2 × 1,14 × 2,5 м, плиты, выявлены два горизонтально лежащих блока: часть продольной стены (0,16 × 0,88 × 1,06 м)

¹ Перепад высот на площади некрополя по оси З–В составляет около 10 м.

² Раскопки велись в 2013 и 2014 гг. В. С. Батченко, К. А. Демичевым, А. С. Клемешовым и А. А. Малышевым.

³ Погребение 3 оказалось коллективным безынвентарным захоронением в грунтовой яме (рис. 2).

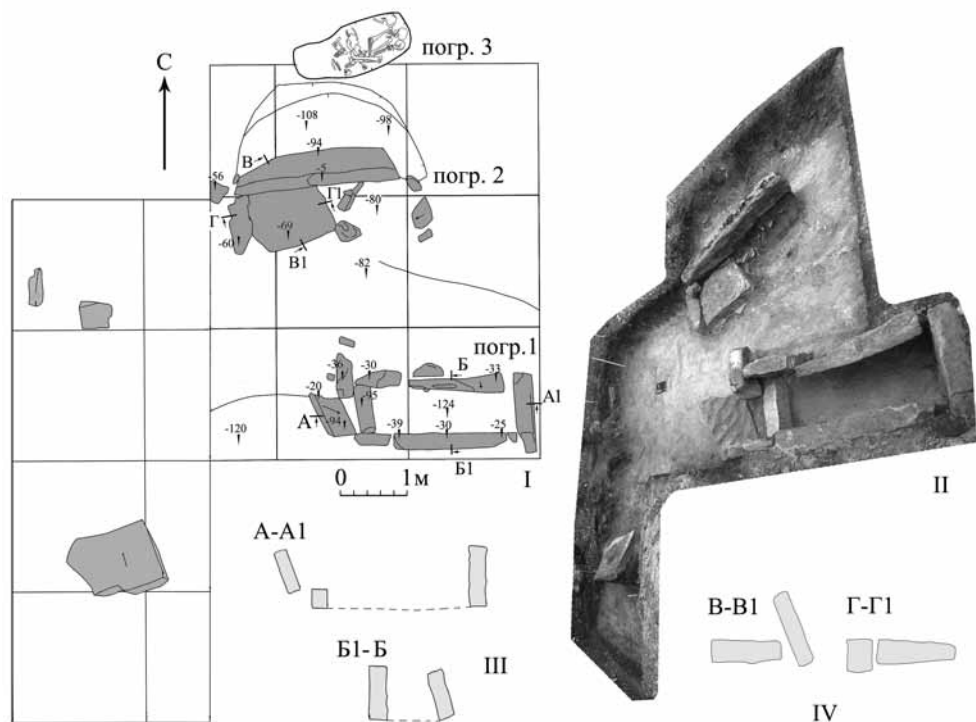

Рис. 2. Некрополь Родники. Погребения 1–3. План

и «пороговый» камень ($0,2 \times 0,26 \times 0,6$ м). Контуры верхней плиты не строго геометрические. Судя по окатанным ребрам, она длительное время находилась на поверхности и была связана с перекрытием сооружения.

В центральной части некрополя, ниже по склону, в 46 м к ВСВ, исследован склеп (погребение б) из плит нетипичного для этого микрорегиона ракушечника⁴ (рис. 3). Размеры погребальной камеры $0,9 \times 2,1$ м при высоте около 1 м. Продольные северная ($0,14 \times 1,1 \times 2,92$ м) и южная ($0,24 \times 1,0 \times 2,1$ м) плиты изготовлены из единых массивов. Поперечные трещины появились в результате склоновых деформаций, тем не менее, уровень их оснований до сих пор одинаков.

С восточной стороны в специальные пазы в торцах продольных плит пристыкована поперечная плита, размерами $0,16 \times 0,92 \times 1,08$ м. Пазы для западной плиты вырезаны на внутренних поверхностях продольных плит, на расстоянии в 0,4 м от боковых торцов. В результате была обеспечена подвижность западной плиты в вертикальном направлении как своеобразной заслонки, и с внешней стороны образовалось небольшое пространство – «дворик».

⁴ Выходы этой породы, которые могли эксплуатироваться в древности, обнаружены на западном склоне реки Куматырь.

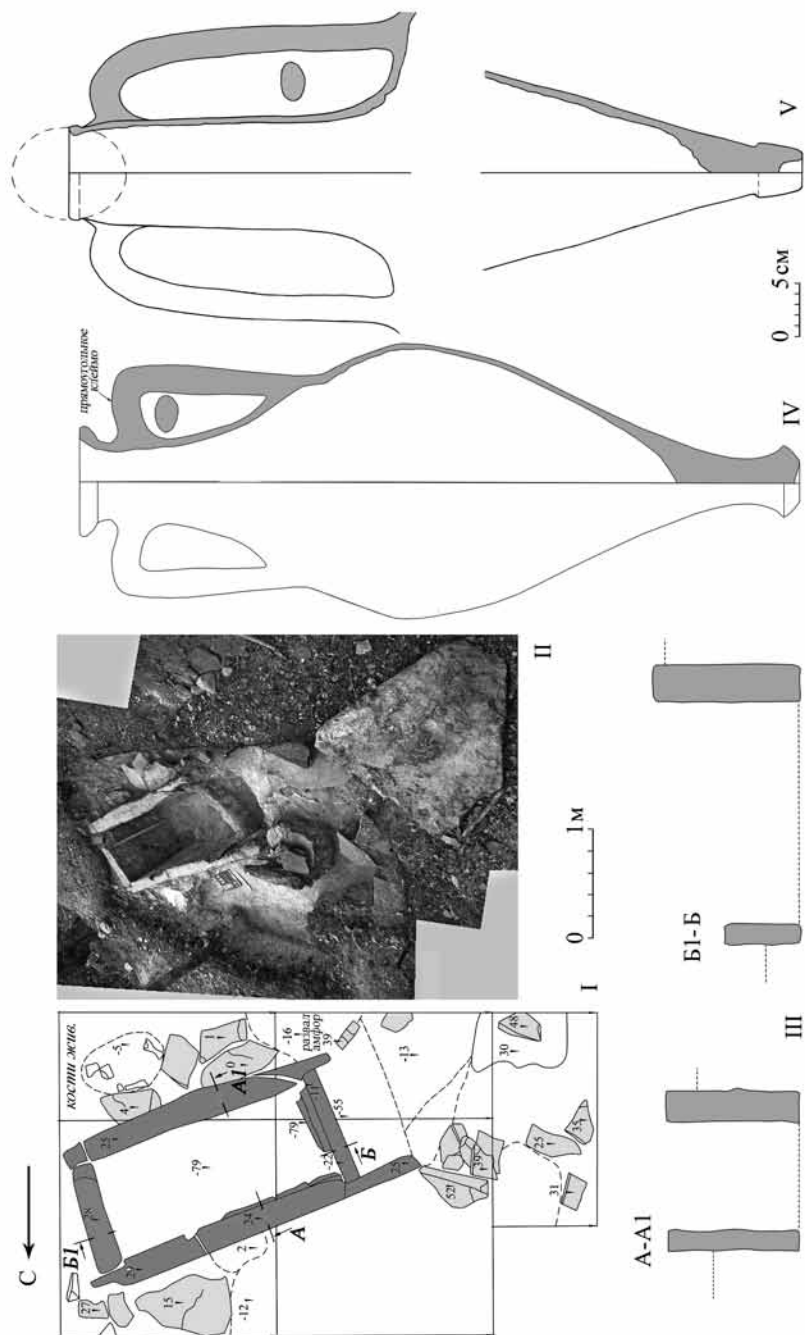

Рис. 3. Некрополь Родники. Погребение 6. План. Инвентарь

Выше по склону расчищен массивный обломок плиты из ракушечника, размером $0,2 \times 1,2 \times 1,2$ м. Боковые поверхности и две торцевые стороны, образующие почти прямой угол, хорошо отесаны, причем по краю одной из сторон выбрана «четверть», которая была необходима для ее плотной пристыковки к боковым стенам склепа сверху.

Наиболее насыщенной погребальными конструкциями оказалась восточная часть некрополя, расположенная на 20 м ниже по склону от погребения 6. Одно из двух доследованных сооружений – каменный ящик погребения 5 – наиболее монументальное из всех исследованных, однако не по своим габаритам, а по массивности стен, которые сопоставимы с теми, что использовались для сооружения дольменов. Габариты погребальной камеры из-за многократных грабительских раскопок и воздействия склоновой деформации устанавливаются приблизительно: $0,8 \times 2,2$ м при высоте 1–1,2 м.

В отличие от других склепов, где антропологический материал *in situ отсутствовал*, в западной части сооружения прослежено скопление берцовых костей, что позволяет предположить здесь вход при порядке укладывания тел головой на восток.

Склеп погребения 4 отличается пропорциями погребальной камеры, он уже и короче (размеры – $1,2 \times 1,9$ м при высоте около 1 м), а также общей грубостью исполнения. Три (северная, восточная и южная) стены сооружены из практически необработанных монолитов серого песчаника. Форма плит далека от геометрической, варьирует также толщина. За исключением продольной восточной стены, имеющей типичную для местного высококачественного песчаника бугристую поверхность⁵, внутренняя, «лицевая» поверхность стен ровная. Трещины в продольных плитах образовались в результате склоновой деформации. Ее не смогла погасить забутовка из крупных обломков известняка неправильной формы с внешней стороны южной и восточной стен.

В западной части каменного ящика уложен «порог» размером $1,2 \times 0,38 \times 0,46$ м. По бокам доступ к входу оформлен в виде небольшого «дворика», но не выступающими краями продольных стен, как в погр. 6, а дополнительными плитами.

Погребальный инвентарь обнаружен в крайне разрозненном состоянии, в большей мере он связан с погребением 6. Весь поддающийся датировке материал, обнаруженный в гробницах или в непосредственной близости от них, является предметом античного импорта. Датировка комплекса – конец V–II вв. до н. э.

Наиболее узкую дату дают изделия из керамики. Среди них тарная керамика конца V – первая половина IV в. до н. э.: амфора (Фасос) раннебиконической серии (конец V – первая четверть IV в. до н. э.: *Монахов*, 2003. С. 66. Табл. 41, 5–7), хиосская с небольшой колпачковой ножкой (первая – третья четверть IV в. до н. э.: Там же. С. 21–22. Табл. 12, 1–3) (рис. 3, IV, V). Близок по дате кольцевой поддон чернолаковой чаши (скифос) (середина IV в. до н. э.: *Sparkes, Talkott*, 1970. № 561). Наиболее поздней (последняя четверть II в. до н. э.: *Rotroff*, 2006. Chart 30. No. 3) является находка ножки керамического косметического флакона из гробницы 5.

Среди украшений относительно узкую дату имеет крупная бусина поперечно-сжатой формы из глухого желтого стекла. Поверхность бусины украшена

⁵ Следы древней волно-прибойной деятельности в период формирования осадочных пород, в нашем случае песчаников.

тремя продольными поясами расположенных в шахматном порядке восемнадцати плоских слоистых сине-белых глазков (тип 74, III–II вв. до н.э.: *Алексеева*, 1975. С. 67. Табл. 16, 51).

Особый интерес вызывают остатки украшений из золота гробницы погребения 6. В синхронных комплексах аборигенного (керкето-торетского) населения юго-восточной периферии Боспора изделия из золота (украшения) до сих пор ни разу не засвидетельствованы, поэтому они нуждаются в особо углубленном рассмотрении⁶. Комплекс состоит из фрагментов нашивных пластин тонкой золотой фольги (2 экз.) (рис. 4, *Ia*) и амфоровидных подвесок – деталей нагрудного украшения (6 экз.) (рис. 4, *Ia*).

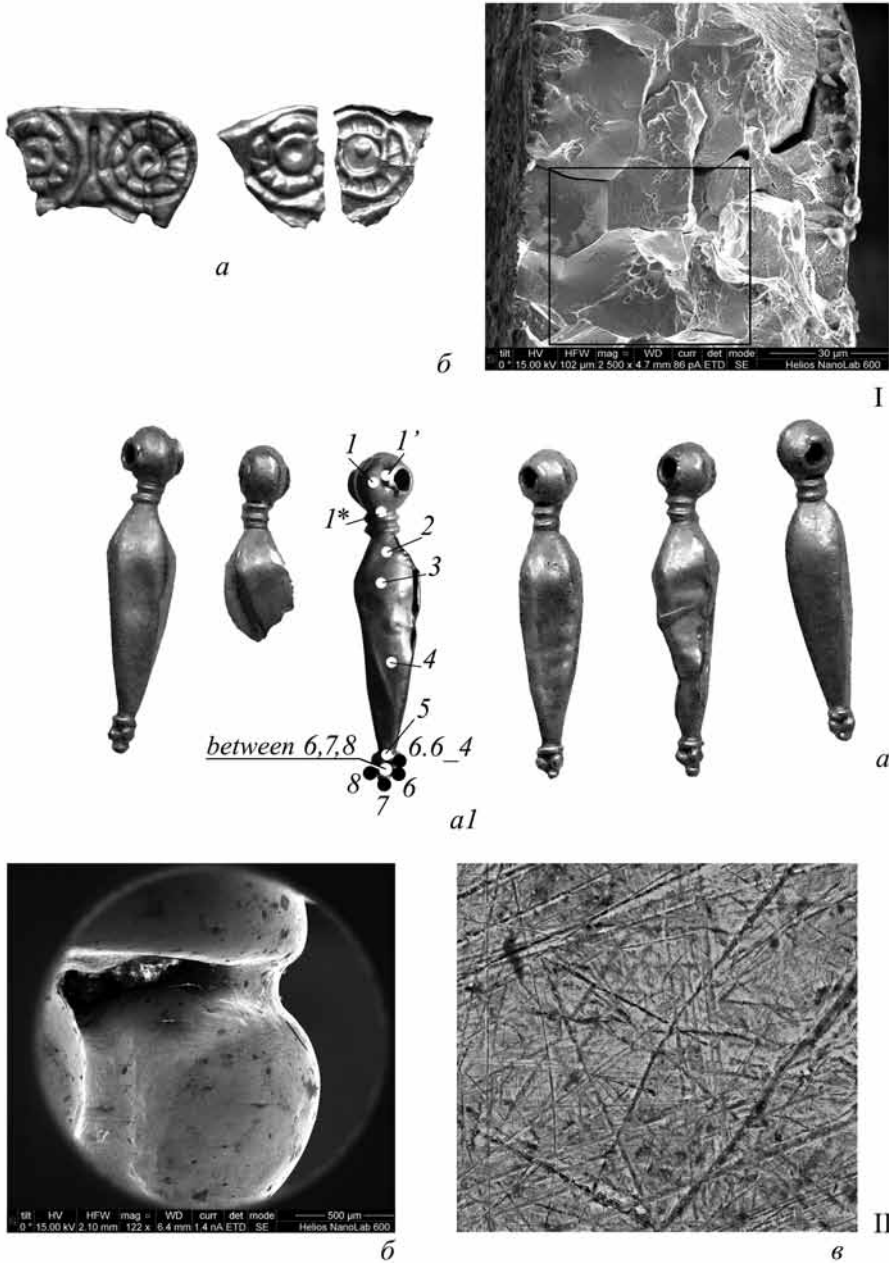
Лицевая сторона нашивных бляшек золотистая, обратная серебристая. Украшение изготовлено из тройного сплава золота с серебром с добавлением меди, причем содержание серебра составляет почти половину состава (табл. 1). Пластина украшена оттиснутым орнаментом, который выполнен с помощью операций пластической деформации – на тонкой золотой пластине на смоляной или иного состава пластичной подушке с изнанки изделия. Работа выполнена довольно небрежно, вместе с тем орнамент – розетки, вписанные в волнитообразные завитки (стилизованный растительный побег?) – явно имеют античные параллели и выглядят довольно пластично.

Края обеих бляшек загнуты внутрь по одной схеме, что может свидетельствовать о существовании целой серии аналогичных изделий, которые могли украшать края одежды или головной убор. Бляшки крепились с помощью пробитых с лицевой стороны круглых отверстий.

Для изготовления подвесок амфоровидной формы длиной 3 см также была использована золотая фольга. Материал подвески представляет собой сплав золота и серебра с небольшой примесью меди (табл. 1)⁷, но в ином соотношении, чем в металле бляшки.

⁶ Аналитические исследования выполнялись в 2015 г. на оборудовании Ресурсного центра зондовой и электронной микроскопии НИЦ «Курчатовский Институт» сотрудником Пресняковым М. Для проведения анализа был использован сканирующий электронно-ионный микроскоп Helios 600 i, NanoLab (FEI, США) с энергодисперсионным рентгеновским микроанализатором (ЭДРМА) (EDAX, США). Получение изображений объектов проводилось в режиме высокого вакуума (10^{-5} – 10^{-7} мбар) при ускоряющем напряжении 15 кВ и токе пучка 2,7 нА. При такой энергии первичного пучка рассеивания электронов, как показало моделирование методом Монте-Карло для золота, происходит в объеме диаметром 0,6 мкм на глубину 0,4 мкм. Регистрация ЭДРМА-спектров осуществлялась как в режиме получения информации от точки (Point), так и от выделенной области, время накопления составляло 1 мин. Оценка состава основана на бесстандартном методе с ZAF коррекцией. Ошибка измерений составляла не менее 1 %. Результаты ЭДРМА-анализа представлены в табл. 1. Для более детального анализа были отобраны пробы материала нашивной бляшки, и к моменту выхода статьи результаты еще не были получены.

⁷ ЭДРМА-микроанализ проводился по точкам, представленным на рис. 4, Па1. Расположение точек: 1 и 1' – на головке, 2–4 – вдоль корпуса, 5 – нижнее соединительное колечко, 6, 7, 8 – шарики зерни. В точке 7 анализ не проводился. Был проведен анализ мест пайки соединений в нижней части подвески в точках between_678 и 6-6_4 и в верхней – в 3-х частях точки Point-1*, (измерения в трех частях точки Point-1* не приводятся в сводной таблице из-за сильного загрязнения в этом месте грунтом).

Рис. 4. Некрополь Родники. Погребение 6. Украшения из золота

I: a – нашивные пластины тонкой золотой фольги; *б* – изображение торцевого сечения бляшки, полученное во вторичных электронах;

II: a – амфоровидные подвески (*a1* – подвеска ожерелья с точками измерений); *б* – место пайки зерна (Point-Between 6–7–8); *в* – поверхность шарика зерна (увеличенное изображение)

Табл. 1 Результаты измерений элементного состава металла подвески и нашивной бляшки в указанных точках (даны в весовых % – Wt %)

Точки микроанализа \ Элементы	Au	Ag	Cu	Al
Подвеска				
Point_1 (головка)	80	18	2	-
Point_1' (около сквозного отверстия головки)	76	22	2	-
Point_1* (трещина)	-	-	-	-
Point_1* (ниже трещины)	-	-	-	-
Point_1* (выше трещины)	-	-	-	-
Point_2 (корпус)	95	4	1	-
Point_3 (корпус)	84	14	2	-
Point_4 (корпус)	89	10	1	-
Point_5 (колечко)	67	30	3	-
Point_6 (зернь)	69	29	2	<1
Point_7 (зернь)	-	-	-	-
Point_8 (зернь)	71	24	5	<1
Point between_678	78	20	2	-
Point 6.6_4 (припой)	78	18	3	1
Нашивная бляшка (торцевая часть)	49	46	5	-

Технология изготовления потребовала применения целой серии операций. Корпус и шарообразная головка состоят из двух скрепленных между собой выпуклых продольных половинок, выдавленных из листового золота. Головка соединена с корпусом цилиндрической шейкой-трубочкой, декорированной двумя валиками. Корпус внизу стянут поперечным колечком из проволоки, к которому снизу напаяна «виноградная гроздь» из четырех шариков зерни: три скомпонованы в поперечном направлении и один прикреплен снизу.

Судя по одинаковому размеру шариков зерни с чуть уплощенным основанием, они были изготовлены путем оплавления равных заготовок из проволоки в угольной пыли с последующей доработкой (Минжулин, 1990. С. 236). На слегка уплощенных гранулах зерни прослеживаются микроследы от инструмент-абразива (рис. 4, *Ив*), которым они подшлифовывались уже после припаивания. Все соединения элементов подвески пропаяны, паячные швы выполнены довольно аккуратно (рис. 4, *Иб*) и без видимых невооруженным глазом затеков, припой идентичен цвету основных элементов изделия и неотличим от них по структуре и элементному составу (табл. 1). Возможно, необходимые условия и температура в месте пайки достигались не за счет лигатуры припоя, а дополнительным точечным нагревом (февкой) и флюсом (Там же. С. 236, 238).

«Амфоровидная» форма подвески воспроизводилась в античную эпоху в различных материалах (Алексеева, 1975. Табл. 4, 3601; 1982. Тип 23. Табл. 40, 56–71) и бытовала наряду с «зерновидной». В Прикубанье подобные изделия

из золота известны с V в. до н. э. (Семибратние курганы, курган 2: Античное наследие..., 2010. С. 205. Рис. 14; *Мордвинцева*, 2010. С. 246. № 30), однако широкое распространение они получают в эллинистическую эпоху, в III–II вв. до н. э. (*Анфимов*, 1987. С. 175; *Мордвинцева*, 2010. С. 285. № 237). Близкие аналогии подвескам из погребения 6 некрополя Родники обнаружены именно среди эллинистических образцов.

Как уже отмечалось, все изделия выполнены из низкопробного (бляшки) золотого тройного сплава и золота средней пробы с примесью меди (подвески). Вполне возможно, что подвеска изготовлена из сплава естественного происхождения – электрума⁸.

Изделия из низкопробного золота и «электрума» не характерны для продукции греческих ювелиров эпохи классики и эллинизма (*Минасян*, 2014. С. 325; *Фанагория...* С. 279, 280). Гораздо большее распространение ювелирные украшения из подданных золотых сплавов получили на памятниках варварской периферии: в погребениях Абхазии (могильник Джантух, погребения V–IV вв. до н. э.: *Saprykina, Skakov*, 2013. Р. 216, 217); в комплексах степной Скифии VI–IV вв. до н. э. (*Булах*, 2010. С. 94, 95); на удаленных погребальных комплексах Урала VI–III вв. до н. э. (*Zaykov et al.*, 2008. Р. 240. Tabl. 1). К сожалению, насколько нам известно, материалы из расположенного по соседству Прикубанья подобному исследованию не подвергались.

Подводя итоги, отметим, что в разных частях некрополя Родники изучено шесть погребальных сооружений, которые имеют общие конструктивные особенности: близкие размеры погребальной камеры, вход с западной стороны с пороховым камнем (погр. 1, 2, 4, 5) и небольшим внешним «двориком» (погр. 4, 5, 6). Это позволяет рассматривать изученные материалы как комплекс родовых или семейных усыпальниц. В сооружении склепов, в особенности погр. 6, явно принимали участие античные мастера в области камнетесного дела. Отметим значительное сходство выявленных сооружений с боспорскими склепами с уступчатыми сводами типа III, по классификации Е. А. Савостиной (1986. С. 92. Рис. 9). Их ареал непосредственно связан с юго-восточной периферией азиатского Боспора (*Савостина*, 1986. Рис. 10, 23, 26; 11, 23, 26). В эту сводку не включены склеп с уступчатым сводом в месте впадения реки Шумринки в Маскагу (*Дмитриев*, 1987. С. 1–4. Рис. 1–21) и склеп (перекрытие не сохранилось), открытый на некрополе Раевского городища (*Александровский и др.*, 1999. Рис. 8) (рис. 1, II, 4).

Судя по материалам исследований погребений 2 и 6, сооружения на некрополе Родники были перекрыты уложенными горизонтально плитами. Полученный в ходе исследований погребальный инвентарь в большей мере является предметом античного импорта (украшения, керамическая посуда) и позволяет определять период бытования этого комплекса в пределах конца V–II в. до н. э.

Таким образом, монументальные постройки, сооруженные по образу и подобию античных склепов, остатки золотых украшений и многочисленные обломки

⁸ Как полагают, самородное золото может содержать от 5 до 50 % серебра и до 3 % меди. Оно встречается в аллювиальном песке золотоносных рек или в кварцевых жилах рудных месторождений (*Craddock*, 1995. Р. 111). Ближайшие регионы добычи промышленного аллювиального золота, согласно письменным источникам, располагались на территории Грузии (реки Риони, Ингури и Цхенис-Цхали) и Малой Азии (река Пактол) (*Марфуни*, 1987. С. 19).

амфор, а также особенности планиграфии сооружений, расположенных ступеннеобразно по склону, свидетельствуют о значительной стратификации общества, оставившего этот памятник в самых верховьях реки Котламы. Бассейны рек Котлама и Маскага, как известно, образуют Анапскую равнину – некогда экономическое пространство, хору античной Горгииппии (Алексеева, 1997. С. 151).

В 2014 г. экспедицией ИА РАН ниже по склону в каменном завале открыт комплекс сосудов (амфора на сложнопрофилированной ножке (конец VI – первая половина V в. до н. э.: Монахов, 2003. С. 40, 41. Табл. 24, 1–8) и лепной кувшинообразный сосуд), который явно связан с могильником аборигенного населения эпохи раннего железа (погр. 7).

Судя по имеющимся археологическим материалам, в конце VII – IV в. до н. э. в этом регионе господствуют аборигенные некрополи керкетто-торетского населения предгорий, на которых распространены погребальные конструкции в виде каменных ящиков, окруженных невысокими кольцевыми кладками. Толщина стен конструкций (ок. 0,1 м) значительно уступает плитам сооружений в Родниках. Как правило, гробницы использовались не раз, являясь своеобразными семейными усыпальницами. Захоронения производились сверху, для этого приходилось разбирать кладку и поднимать перекрытие.

Факт появления на аборигенных могильниках раннего железного века каменных склепов с входом с западной стороны уже отмечался в литературе (Дмитриев, Малышев, 2009. С. 56. Рис. 5). Массивные гробницы с входом с узкой, западной стороны появляются на этих некрополях, по-видимому, на заключительном, «боспорском» этапе и свидетельствуют о проникновении античных традиций в аборигенную среду. В отличие от публикуемого некрополя, на аборигенных могильниках черноморского побережья⁹, а также в долине рек Маскага и Котлама¹⁰ склепы с боковым входом коротким дромосом единичны. Тем не менее ареал этих некрополей явно связан с территорией, которая в эллинистическую эпоху становится экономической периферией – хорошей античной Горгииппии. Поэтому распространение этих сооружений в регионе свидетельствует не только об интенсивной эллинизации местной элиты, но и иллюстрирует процесс постепенного расширения круга подданных Боспорскому государству племен.

ЛИТЕРАТУРА

- Александровский А. Л., Гольева А. А., Вязкова О. Е., Малышев А. А., Смекалова Т. Н., 1999. Раевское городище и его окрестности (некоторые итоги и перспективы исследований) // Древности Боспора: международный ежегодник по истории, археологии, эпиграфике, нумизматике и филологии Боспора Киммерийского. Т. 2. М.: ИА РАН. С. 7–29.
- Алексеева Е. М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья. Т. 1. М.: Наука. 96 с. (САИ; Вып. Г1–12).
- Алексеева Е. М., 1982. Античные бусы Северного Причерноморья. Т. 3. М.: Наука. 104 с. (САИ; Вып. Г1–12).

⁹ Лобанова щель: погр. 8, 13 (1990) (рис. 1, II, б), некрополь по ул. Астраханская (1978) (рис. 1, II, 7).

¹⁰ ст. Раевская (2010) (рис. 1, II, 5); хутор Рассвет (погр. 127) (рис. 1, II, 2), могильник Барашник (2012) (рис. 1, II, 3).

- Алексеева Е. М.*, 1997. Античный город Горгиппия. М.: Эдиториал УРСС. 558 с.
 Античное наследие Кубани. Т. 3 / Под ред. Г. М. Бонгард-Левина, В. Д. Кузнецова. М.: Наука, 2010. 572 с.
- Анфимов Н. В.*, 1987. Древнее Золото Кубани. Из коллекции Гос. Эрмитажа. Краснодар: Кн. изд-во. 232 с.
- Булах Ю. Д.*, 2010. Проблеми оцінки автентичності культурних цінностей із золота скіфського періоду // Товари і ринки. № 1. С. 90–97.
- Дмитриев А. В.*, 1987. Отчет об археологических раскопках в зоне сооружения оросительных систем с/х «Раевский» и о разведках на территории Натухаевского и Раевского сельсоветов и Новороссийского мехлесхоза в 1987 г. // Архив ИА РАН. № 12836, 12837.
- Дмитриев А. В., Малышев А. А.*, 2009. Население предгорий Северо-Западного Кавказа в VIII–IV вв. до н.э. // ABRAU ANTIQUA. Результаты комплексных исследований древностей полуострова Абрау. М.: Гриф и К. С. 53–73.
- Марфуни А. С.*, 1987. История золота. М.: Наука. 248 с.
- Минасян Р. С.*, 2014. Металлообработка в древности и средневековье. СПб.: Гос. Эрмитаж. 472 с.
- Минжулин А. И.*, 1990. Технология зерна // СА. № 4. С. 231–240.
- Монахов С. Ю.*, 2003. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: каталог-определитель. М.; Саратов: Киммеридика: Саратовский ун-т. 352 с.
- Мордвинцева В. И., Хачатурова В. И., Юрченко Т. В.*, 2010. Предметы торевтики и ювелирные украшения Прикубанья // Сокровища Древней Кубани. Симферополь: Универсум. С. 9–50. (Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе; Вып. 4).
- Савостина Е. А.*, 1986. Типология и периодизация уступчатых склепов Боспора // СА. № 2. С. 84–99.
- Фанагория. Результаты археологических исследований / Под общ. ред. В. Д. Кузнецова. Т. 2: Золото Фанагории / Под ред. М. Ю. Трейстера. М.: ИА РАН, 2015. 604 с.
- Craddock P. T.*, 1995. Early Metal Mining and Production. Washington, D. C.: Smithsonian Institution Press. 363 p.
- Rotroff S. I.*, 2006. Hellenistic Pottery: The Plain Wares. New Jersey: Princeton. 444 p. (The Athenian Agora; vol. XXXIII).
- Saprykina I., Skakov A.*, 2013. Investigation of the Chemical Composition of the Colchian Gold Articles of 5th – 2nd cc. BC from Dzantuch Durial Mound // 19^e Colloque d'Archeometrie du GMPCA: Abstracts. Caen: Universite de Caen Basse-Normandie. P. 216–217.
- Sparkes B. A., Talkott L.*, 1970. Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B. C. Princeton, New Jersey: American School of Classical Studies at Athens. 382 p. (The Athenian Agora; vol. XII).
- Wright G. R. H.*, 2005. Ancient Building Technology. Vol. 2: Materials. Part 2: Illustrations. Leiden; Boston: Brill. 174 p. ill, plans, cartes. (Technology and Change in History; vol. 7/2).
- Zaykov V. V., Yuminov A. M., Tairov A. D., Zdanovich D. G., Churin E., Kotlyarov V. A., Zaykova E. V.*, 2008. Composition of gold and silver objects from the South Urals Burial Mounds (XV–II cc. B. C.) // Geoarchaeology and Archaeomineralogy: Proceedings of the International Conference, 29–30 October 2008, Sofia / Eds: R. I. Kostov, B. Gaydarska, M. Gurova. Sofia: Publishing House «St. Ivan Rilski». P. 239–243.

Сведения об авторах.

Мальшев Алексей Александрович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: maa64@mail.ru;

Грешников Эдуард Аркадьевич, НИЦ Курчатовский институт, площадь академика Курчатова, 1, Москва, 123182, Россия; e-mail: levkon1963@yandex.ru;

Васильев Александр Леонидович, НИЦ Курчатовский институт, площадь академика Курчатова, 1, Москва, 123182, Россия; e-mail: a.vasiliev56@gmail.com.

A. A. Malyshev, E. A. Greshnikov, A. L. Vasiliev

BURIAL CONSTRUCTIONS OF THE HELLENISTIC PERIOD AT THE GORGUIPPAN CHORA

Abstract. The study of the artifacts unearthed during additional exploration of six burial structures at the Rodniki necropolis located in the Western foothills of the North Caucasus as well as the analysis of structures similar to these crypts revealed intensive Hellenization of the local indigenous elite. The artifacts demonstrate the process of gradual increase in the number of population groups submitted to the Bosporan Kingdom.

Keywords: Gorguippian Chora, crypt, burial rite, Classical Period, Early Iron Age.

About the authors.

Malyshev Aleksey A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: maa64@mail.ru;

Greshnikov Eduard A., National Research Center «Kurchatov Institute», Akademika Kurchatova sq., Moscow, 123182, Russian Federation; e-mail: levkon1963@yandex.ru;

Vasiliev Alexander L., National Research Center «Kurchatov Institute», Akademika Kurchatova sq., Moscow, 123182, Russian Federation; e-mail: a.vasiliev56@gmail.com.

Я. М. Паромов

КРАЕУГОЛЬНЫЙ КАМЕНЬ ТАМАНСКОЙ ПАЛЕОГЕОГРАФИИ

Резюме. За два с половиной тысячелетия ландшафт Таманского полуострова претерпел значительные изменения, связанные с эволюцией дельты Кубани, влиянием моря и тектоническими процессами. Из этих факторов на первое место следует поставить влияние уровня моря. Главная задача данной статьи – представить обзор и анализ подводных исследований, документально освещающих реальное состояние берегов Таманского полуострова в античное и средневековое время. Среди множества выявленных под водой объектов особое значение имеют колодцы. Они позволяют точнее всего определить реальный уровень моря в соответствующий период. Новый подход к проблеме открывают древние якорные стоянки. Мостовая, обнаруженная на глубине 3–3,2 м, позволила В. Д. Блаватскому определенно утверждать, что за истекшие двадцать два с половиной столетия уровень моря в Таманском заливе поднялся не менее чем на 4 м. Реконструкция древнего уровня моря по найденным на дне якорям свидетельствует о том, что за прошедшие двадцать пять столетий уровень моря у берегов Таманского полуострова поднялся не более чем на 5,5 м.

Ключевые слова: античное время, средневековье, уровень моря, подводная археология, колодец, амфорный склад, якорная стоянка.

За два с половиной тысячелетия, прошедшие со времени греческой колонизации, ландшафт Таманского полуострова претерпел значительные изменения, связанные с эволюцией дельты Кубани, влиянием моря и тектоническими процессами, выраженными здесь прежде всего деятельностью грязевых вулканов. Из этих факторов на первое место следует, вероятно, поставить влияние моря. Постепенное, длившееся в течение долгого времени повышение его уровня является в настоящее время общеизвестным и общепринятым фактом. И если 150 лет назад первый исследователь археологической топографии Таманского полуострова К. К. Гёргц осторожно задавался вопросом: «не был ли во времена классической древности уровень морской воды ниже настоящего?» (*Гёргц*, 1870. С. 7), то наш современник, специализирующийся в области античной географии Северного Причерноморья, М. В. Агбунов уверенно утверждает, что уровень Черного моря во второй половине I тыс. до н. э. был ниже сегодняшнего не менее чем на 4–5 м (*Агбунов*, 1992. С. 21). По его мнению, минус 5-метровая отметка является общепризнанной и наиболее достоверной при построении палеогеографических реконструкций. Значение ее очень велико. Высота этой отметки влияла не только на очертания берегов, абразивные процессы, перемещение кос и донных отложений, но и на всю дельту Кубани. Главная задача данной статьи – представить обзор и анализ подводных исследований, документально освещающих реальное состояние берегов Таманского полуострова в античное и средневековое время.

В научной литературе мало работ, где уровень Черного моря рассматривался бы в исторической перспективе. Наиболее ранней из них является, вероятно, статья хранителя Феодосийского музея древностей Л. П. Колли, связанная с находкой греческих амфор и остатков ранних портовых сооружений в Феодосийской бухте (*Колли*, 1909). Однако она посвящена не столько интересующей нас теме, сколько следам античной культуры, найденным на дне Средиземного моря. Сведения о них, собранные и опубликованные греческим горным инженером Ф. Негрисом, вполне закономерно привели его к выводу о медленной постоянной трансгрессии моря, повышение уровня которого с VIII в. до н. э. составило, по его мнению, не менее 3,5 м (Там же. С. 132). Эти новые для того времени взгляды подверглись критике французского геолога Л. Кайе, подменившего живую дискуссию виртуальным вопросом – является ли затопление античных древностей следствием опускания суши или произошло вследствие трансгрессии моря. По справедливому замечанию Л. П. Колли, и то, и другое, приводило к одному результату. Оставляя этот вопрос в стороне, следует все же отметить, что русский геолог, член-корреспондент Петербургской академии наук Н. А. Соколов в своей работе о происхождении лиманов Южной России высказался в пользу того, что причиной береговых изменений Черного и Азовского морей было скорее повышение их уровня, чем опускание суши (Там же. С. 128, 133–135).

Подлинным введением в новую область науки – подводную археологию – явилась статья В. Д. Блаватского, основные положения которой были позднее развиты и расширены в совместной с его учеником и помощником научно-популярной книге (*Блаватский*, 1958; *Блаватский, Кошеленко*, 1963). В этих работах говорится в первую очередь о замечательных средиземноморских

находках и тех возможностях, которые подводная археология открывает в отношении не только античных, но и более ранних памятников. Определенное место в них отведено и первым шагам подводной археологии в нашей стране, сделанным под руководством В. Д. Блаватского у берегов Боспора Киммерийского и Корокондамского озера (Таманского залива). Уровень моря в этих работах почти не рассматривался, однако если в первой статье о нем предположительно сказано, что подошва культурного слоя затопленной Фанагории могла оказаться на глубине 3–4 м (*Блаватский*, 1958. С. 87), то уже через год в заметке о подводных исследованиях этого города совершенно определенно говорится, что за двадцать два с половиной столетия уровень моря в Таманском заливе поднялся не менее чем на 4 м (*Блаватский*, 1961. С. 279). Это утверждение повторялось им во всех публикациях, где затрагивался данный вопрос.

Непосредственное отношение к теме данной статьи имеет попытка реконструкции географии Керченско-Таманского региона применительно к эпохе Страбона, предпринятая крымским исследователем Д. Я. Беренбеймом (1959). Автор был уверен, что искал решение проблемы «в свете новейших данных об изменении уровня Черного моря», с чем трудно согласиться, поскольку этими данными в его статье являются давно известные сведения из работ П. Дюбрюкса, К. К. Гёрца, Л. П. Колли, а также весьма неточные и дающие широкий разброс гипотетические построения океанологов и геологов Е. Н. Невесского, В. С. Самойленко и др. Сам же он, по собственным словам, не сомневается в факте значительного подъема уровня Черного моря, считая возможным, что его повышение за последние две тысячи лет достигло 3 м (*Беренбейм*, 1959. С. 42–44).

Следует отметить, что в 1980–1990-е гг. в научной среде сложилось определенное представление об общем повышении уровня моря в историческое время. Обобщенно оно выражено во введении к данной статье, где приведено мнение историка-антиковеда М. В. Агбунова, согласно которому за последние две с половиной тысячи лет уровень Черного моря повысился как минимум на 5 м (*Агбунов*, 1992. С. 22, 23). Необходимо иметь в виду, что эта цифра имеет, если можно так выразиться, литературный характер, поскольку она основана не на конкретных данных подводных исследований, а опирается на опубликованные работы отечественных и зарубежных ученых, в первую очередь А. Н. Щеглова, П. В. Фёдорова, Н.-А. Мёрнера и др., т. е. является производной величиной пусть и от очень авторитетных, но все же литературных данных.

Из редких высказываний археолога-подводника А. В. Кондрашева можно понять, что относительно уровня моря в эпоху греческой колонизации он придерживается того же мнения, которое изложено выше, однако опирается не столько на литературные данные (прежде всего М. В. Агбунова), сколько на собственные исследования морского дна и рифов, в течение долгого времени проводившиеся им во многих местах Таманского побережья (*Кондрашев*, 1993. С. 86; 2010. С. 122, 123). В работе 2010 г. для раннего этапа греческой колонизации, синхронного периода так называемой фанагорийской регрессии, уровень моря определен им как минимум на 3,5–4 м ниже современного.

Как следствие увлечения археологией, в печати появился краткий обзор затопленных остатков античных сооружений у берегов Боспора Киммерийского, составленный геологом профессором А. А. Никоновым по литературным

данным, личным впечатлениям и консультациям археологов-профессионалов А. А. Масленникова и Э. Я. Николаевой (*Никонов*, 1998). В этом обзоре учтены 14 памятников, десять из которых находятся у Керченского полуострова и четыре – у Таманского. Необходимо отметить, что ко времени написания статьи круг памятников, найденных и обследованных у берегов Таманского полуострова, был значительно шире. Следует отметить также некоторый недостаток внимания, уделенного автором трем важнейшим пунктам этого региона – Патрею, Фанагории и так называемой Корокондаме (мыс Тузла), а также северному побережью Таманского полуострова. В связи с этим выводы автора имеют несколько расплывчатый и неопределенный характер. Подъем уровня моря с античного времени до наших дней оценивается им в 2–3,5 м с оговоркой, что его величина могла составить и 4–5 м (Там же. С. 61–65).

В 1999 г. на чтениях памяти профессора В. Д. Блаватского автором этой статьи был сделан доклад об уровне моря у берегов Таманского полуострова в середине I тыс. до н.э. Основная идея его заключалась в определении предполагаемых значений минимального и максимального повышения уровня моря по данным подводных исследований. Данный подход представляется продуктивным, так как именно в этом интервале должно находиться истинное значение подъема воды. По материалам доклада, оно заключалось между 4 м (минимальное повышение уровня моря) и 5 м (максимальный подъем) (*Паромов*, 1999).

За последнее десятилетие уникальные открытия были сделаны в затопленной Фанагории, где в 160 м от берега была расчищена конструкция из камней и бревен, представлявшая собой так называемый рязь – фундамент портового сооружения, существовавшего в последние века античности (*Кузнецов и др.*, 2006; 2008; *Кузнецов*, 2007. С. 10–14). Сам рязь как сооружение представляет собой большую редкость, однако исследование его пока не внесло какой-либо ясности относительно уровня моря во время его строительства и существования.

К сожалению, не всегда можно понять, какой точки зрения придерживается автор. Вот, например, в своей обобщающей работе об античной подводной археологии Северного Причерноморья опытный исследователь с многолетним стажем В. Н. Таскаев в одном месте пишет, что уровень моря в античное время был ниже современного на 4–5 м, а в другом, что он был ниже на 10–11 м (*Таскаев*, 2007. С. 56, 67). К счастью, и более ранние, и его собственные исследования принесли много ценного для прояснения рассматриваемого вопроса.

Существуют иные подходы к проблеме роста уровня моря за последние две с половиной тысячи лет, проявляемые специалистами в области геологии. Одной из последних публикаций этого направления является коллективная статья шести авторов (зарубежных и отечественных), рассматривающая эволюцию Черного моря в позднем голоцене (*Fouache et al.*, 2012). При всем уважении к авторам, нельзя не признать, что им приходится оперировать почти не поддающимися учету и измерению «тектоническими процессами и явлениями», лишь выборочно используя не всегда верно истолкованные археологические факты, что приводит к расплывчатости и неопределенности заключений. Статья содержит обширный список литературы (115 названий), однако в нем нет одной из основных работ, где освещается вопрос об уровне Черного моря в I тыс. до н.э. с точки зрения ученого-археолога (*Щеглов*, 1978. С. 15–20). Подобное

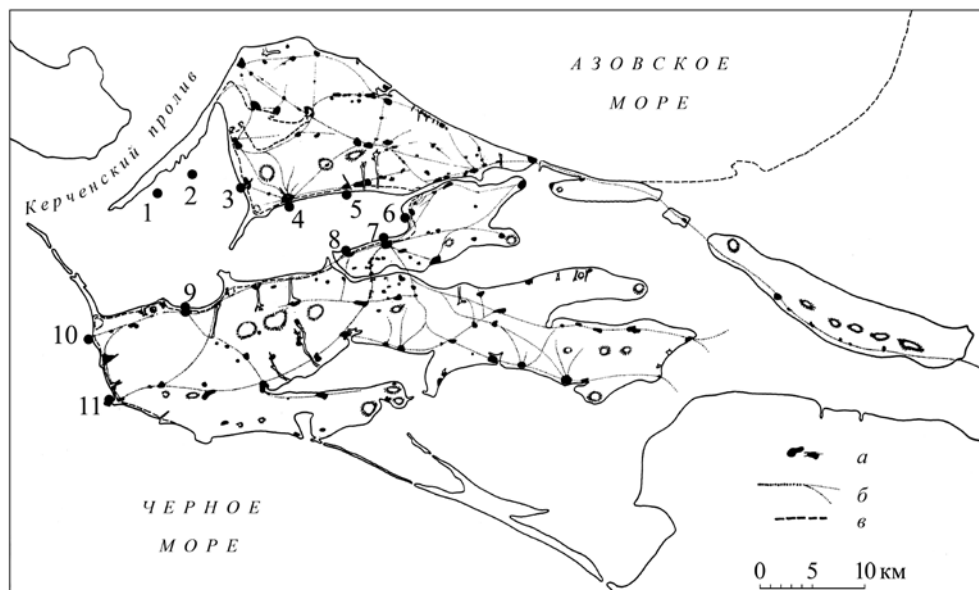
положение укрепляет уверенность, что только археологические реалии, их внимательное рассмотрение могут приблизить нас к выявлению истинной картины.

Обратимся к конкретным материалам по нашей теме. В районе косы Чушка еще в начале XIX в. были замечены под водой шесть мраморных колонн, находившихся с внутренней стороны косы, к востоку от ее южной части (*Гёри*, 1898. С. 144; *Гайдукевич*, 1949. С. 205). По мнению А. А. Никонова, их местонахождение было зафиксировано подводной археологической разведкой, проводившейся в 1939 г. под руководством Р. А. Орбели (*Никонов*, 1998. С. 61. Рис. 4). Судя по приводимому плану, колонны находились в районе острова Крупинина (рис. 1, 1), в широкой полосе, протянувшейся на 1,7–1,8 км к востоку от изрезанного песчаного берега, на глубинах от минимальной (у берега) до 3 м – на восточном конце. По некоторым предположениям, эти колонны принадлежали храмовой постройке. Из сказанного можно заключить, что в античное время уровень моря здесь мог быть не менее чем на 3,5 м ниже современного. Не стоит расценивать это сообщение как безусловное свидетельство, следует, вероятно, рассматривать его лишь в ряду других, более надежных данных.

Примерно там же, в северо-западной части акватории Таманского залива, восточнее острова Голенский (рис. 1, 2) в 2003 г. на дне было выявлено скопление керамики (*Васильев*, 2003. С. 9). Материал, представленный фрагментами амфор и поливной посуды XII–XIV вв., был найден на глубине 0,5–0,6 м в неширокой полосе длиной около 60 м, что позволяет предположить существование на этом месте небольшого средневекового поселения.

В нескольких километрах к востоку от косы Чушка, на берегу Таманского залива находится большое античное поселение Береговой 4 (Саратовское) (рис. 1, 3). Его очертания в плане имеют форму неправильного овала, вытянутого с севера на юг. Западная и юго-западная части поселения размыты и затоплены морем (*Паромов*, 1992. С. 188–192). В юго-западном секторе при подводных исследованиях были выделены две зоны с находками античного времени. Первая представляла собой полосу морского дна шириной до 200 м – древний материковый склон, где найдена керамика V в. до н. э. – IV в. н. э., а также обломки ступ, поилок, зернотерок, тарapanов, якорные камни для лодок и легких судов. Вторая зона, с глубинами от 1,8 до 3 м, характерна останцами рифовых известняков, на вершинах которых в завалах валунов были найдены фрагменты амфор V–IV вв. до н. э. Исследование одной из так называемых строительных площадок показало, что слой подсыпки на глубине 2,7–2,8 м содержал преимущественно неокатанную керамику конца VI–V в. до н. э. Следует особо отметить находку на склоне одного из останцов кремневого орудия эпохи мезолита или более позднего времени (*Сударев, Шамрай*, 2003; 2005. С. 287). По наблюдениям и палеорекострукциям одного из авторов, после отступления моря в период так называемой фанагорийской регрессии и некоторой стабилизации его уровня на отметке минус 4,5–5 м относительно современного в VIII–VI вв. до н. э. вдоль древней линии берега обнажилась терраса шириной до 100 м и высотой до 1 м, площадь которой в конце VI – начале V в. до н. э. была освоена жителями поселения и являлась его частью (*Шамрай*, 2007. С. 340).

В 4 км восточнее Берегового 4 находится одно из самых крупных поселений – Гаркуша 1 (Патрей), относящееся к эпохе бронзы, античному

Рис. 1. Таманский полуостров. Места подводных археологических исследований

1 – о. Крупинина; 2 – о. Голенький; 3 – поселение Береговой 4 (Саратовское); 4 – поселение Гаркуша 1 (Патрей); 5 – поселение Волна Революции 2; 6 – городище Кепы; 7 – городище Фанагория; 8 – поселение Приморский 23; 9 – Таманское городище; 10 – м. Тузла; 11 – м. Панагия

и средневековому времени (рис. 1, 4; 2, 1). Большая часть его расположена на пространстве до 1 км к западу от окраины поселка Гаркуша, меньшая – на территории поселка, на низком берегу Таманского залива, где до нашего времени сохранились остатки батарейки – крепости римского времени. Южный сектор поселения – так называемый Нижний город – и южная сторона батарейки размыты и затоплены морем (Паромов, 1992. С. 165–173). Эта часть памятника находится на довольно обширной отмели, равномерно понижающейся к югу, к середине Таманского залива. Глубины с удалением от берега постепенно возрастают от 0,5 до 4 м. Дно сравнительно ровное. Четко выраженных террас на расстоянии до 400 м не выявлено. Самостоятельные исследования затопленной части Патрейского городища в 1980-е гг. проводилось краеведом Ю. С. Сазоновым, а с 1991 г. около двух десятилетий здесь работала подводная археологическая экспедиция под руководством В. Н. Таскаева. За это время было найдено и обследовано 6 каменных колодцев; водосборник; около 20 каменно-сырцовых строений; более 10 каменных развалов, судя по обломкам разновременной керамики, также являвшихся остатками строительных сооружений; 44 земляные ямы, содержавшие керамические комплексы или склады амфор. Главной особенностью затопленной части Патрея является практически полное отсутствие культурного слоя, размытого морем. Его остатки сохранились только в объектах, заглубленных в светло-коричневую материковую глину, таких как ямы с керамическими комплексами или складами амфор. Найденные

под водой остатки поселения, относящиеся преимущественно к концу VI – II в. до н. э., позволили установить, что протяженность Нижнего города вдоль береговой линии составляла не менее 1000 м, а ширина полосы древней застройки доходила до 130–150 и более метров. Территория затопленной части Патрея, по мнению исследователей, приближается к 14,5–15 га (Паромов, 1993. Рис. 1; Таскаев, 1999; Таскаев, Османова, 2001; Абрамов, 2005. С. 35–43; Османова, Таскаев, 2009. С. 18, 24–45, 52–73).

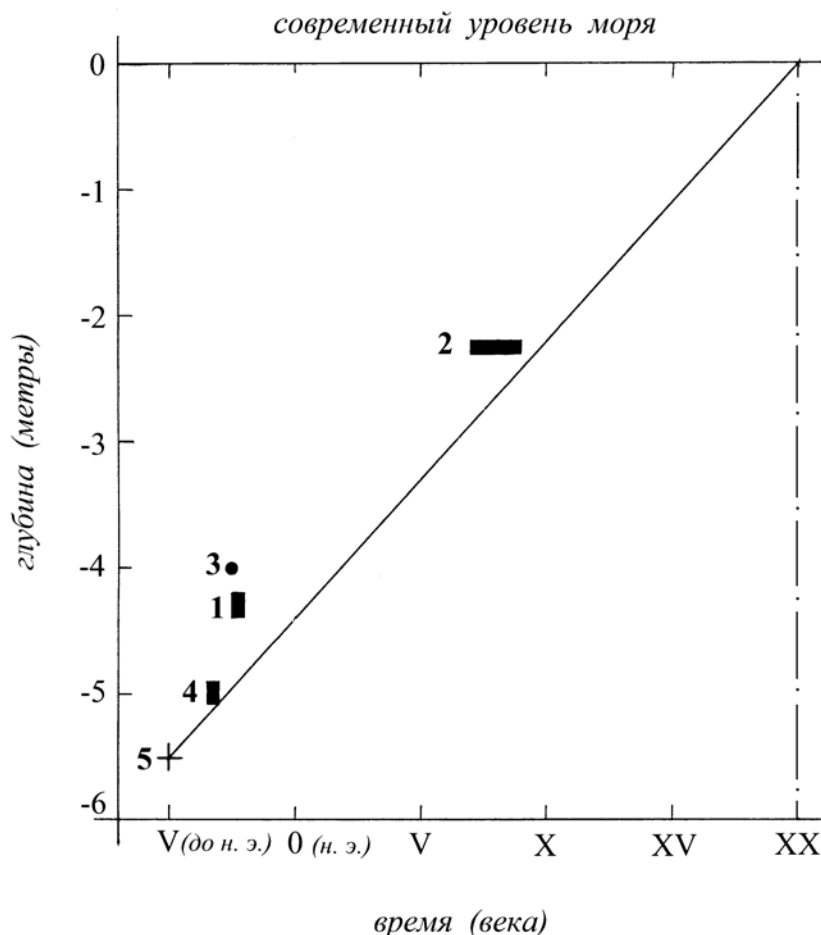
Среди множества выявленных под водой объектов особое значение имеют колодцы, позволяющие точнее определить реальный уровень моря в соответствующий период. Постепенный подъем моря до водоносного горизонта, питавшего колодцы пресной водой, приводил к их затоплению, прекращению водоразбора и превращению их в мусорные свалки. Первый колодец, найденный подводными археологами в 1991 г., был расположен в 98 м от берега, на глубине 1,6 м (рис. 2, 1). Высота его стенок от верхнего края каменной кладки до выложенных из дубовых брусьев основания равнялась 1,8 м. В сумме это составляет 3,4 м. К этой глубине, следуя методике К. К. Шилика, В. Н. Таскаев прибавляет 1–1,5 м, «учитывающие гидрологическую характеристику прибрежной зоны и уровень залегания грунтовых вод», устанавливая таким образом пределы повышения уровня моря с античного времени до наших дней в интервале от 4,4 до 4,9 м (Таскаев, 1999. С. 56, 57). Введение этой «гидрологической» поправки совершенно необходимо, однако некоторое сомнение вызывает ее величина. По нашему мнению, при ее определении следует учитывать две составляющие: нагонное повышение уровня моря при ветре (в Таманском заливе не более 0,3–0,5 м), а также превышение воды в колодце над морем не менее чем на 0,5 м – для уверенного наполнения кувшина или ситутлы пресной, а не соленой водой. В итоге наша поправка составляет 0,8–1 м, а общее предполагаемое повышение уровня моря от 4,2 до 4,4 м. Этот подъем произошел со времени запустения колодца, которое по керамике из его верхней части было определено второй половиной III в. до н. э. (Абрамов, Сазонов, 1992. С. 156). Колодец 1991 г. на затопленной части Патрея представляет собой один из редких опорных объектов в палеогеографических расчетах. К сожалению, другие подводные колодцы на этом памятнике по разным причинам не обладают подобной информативностью.

В 3–3,5 км восточнее Патрея находится поселение античного времени Волна Революции 2 (рис. 1, 5). Оно расположено на том же низком берегу Таманского залива и вытянуто в широтном направлении. Южная часть поселения размыта и затоплена морем. Вблизи берега на илистом дне присутствует большое количество керамики и обработанного камня: встречаются блоки из песчаника и известняка, фрагменты мраморных архитектурных деталей. Особого внимания заслуживает коньковый калиптер-акротерий из керченского известняка (Паромов, 1992. С. 272–274). В 2007 г. на примыкающей к берегу отмели в районе поселения были проведены промеры глубин, установившие наличие затопленной прибрежной террасы, южная граница которой пролегает в 96–105 м от современного уреза воды и характерна резким перепадом глубин от 1,18 до 1,82 м. В пределах этой террасы были собраны многочисленные образцы керамики, преимущественно фрагменты амфор от последней четверти VI в. до н. э. (хиосских, лесбосских, протофасосских) до III–II вв. до н. э., синопских (Белов, 2008. С. 9, 10).

В дальнем конце Таманского залива, на его восточном берегу, в 6–7 км от Волны Революции 2 находится городище Кепы, в 1950-е и 1960-е гг. исследованное Н. И. Сокольским (рис. 1, б; 2, 2). Укрепленная часть городища расположена на верхнем плато. К западу от нее в залив на 500–600 м пологой дугой вдается обширная отмель. Далее, вслед за мелководьем, дно резко понижается. Граница этой отмели, по мнению исследователя, является границей древнего города (Сокольский, 1963. С. 98, 99). В 2006 г. небольшие по объему исследования в этом районе проводились под руководством В. Н. Таскаева. В ходе подводной разведки удалось выявить несколько объектов, среди которых особую ценность для нашей темы представляет комплекс средневековых амфор, датированных VIII – первой половины IX в. (рис. 2, 2). Он был найден к юго-западу от укрепленной части городища, в 340 м от берега. Комплекс, представленный фрагментами трех типов керамической тары, являлся, вероятно, амфорным складом. Он был зафиксирован на глубине 2,2–2,3 м в замытой супесью округлой яме неправильной формы размерами 1,2 × 2 м. Этот склад имеет особое значение не только как первый подводный комплекс средневековых амфор на Таманском полуострове, но и как свидетельство того, что земля, в которой он сохранился *in situ*, в VIII–IX вв. еще не была затоплена водами Черного моря (Таскаев, Чхайдзе, 2007. С. 403–406).

В 3,5–4 км к юго-западу от Кеп, на южном берегу Таманского залива находятся остатки Фанагории – одного из самых значительных городов Боспорского царства, по свидетельству древних авторов – его второй столицы (рис. 1, 7; 2, 3). Несмотря на давнюю известность и полуторавековую историю исследования этого памятника, вопрос о размерах самого городища до конца 1950-х гг. не мог быть решен, так как значительная часть городской территории оказалась затопленной морем и была практически недоступна для исследования. Установление границ занятой морем части городища и опытные подводные исследования его культурного слоя были проведены в 1958–1959 гг. под руководством В. Д. Блаватского. Подводными разведками 1958 г. был выявлен ряд близких по характеру объектов: в 220–230 м от берега была обнаружена каменная гряда длиной около 60 м и шириной 4–14 м, а к востоку от нее зафиксированы остатки такой же каменной гряды, тянущейся с северо-запада на юго-восток к берегу и установленной ранее наземной границе античного города. В противоположной северо-западной части городища, в 230–240 м от берега замечена мощная каменная гряда длиной 50–60 м, идущая почти параллельно берегу, а затем поворачивающая к нему. С внешней (морской) стороны от этих гряд не было найдено ни камней, ни керамики, в значительном количестве присутствовавших с прибрежной (внутренней) стороны. Было установлено, что за каменными грядами резко понижается дно – на 1–1,5 м (местами до 1,65 м). Это привело к убеждению, что каменные гряды – остатки оборонительных сооружений Фанагории, окружавших город мощным кольцом стен. В результате этих исследований впервые были представлены действительные размеры древнего города, затопленная часть которого имела площадь 15–17 га, а общая превышала 50 (Блаватский, 1961. С. 277. Рис. 1; Блаватский, Кошеленко, 1963. С. 77–80).

В 1959 г. впервые были произведены подводные раскопки Фанагории. Выбранный для исследования участок был расположен в северо-восточной части

Рис. 2. Реконструируемый уровень моря у берегов Таманского полуострова

1 – Патрей, колодезь 1991 г.; 2 – Кепы, склад средневековых амфор; 3 – подводная Фанагория, 1959; 4 – Акра, колодезь 1983 г.; 5 – мысы Панагия и Тузла, якорные стоянки

городища, на расстоянии 185 м от берега, на глубине около 2 м (рис. 2, 3). Самым верхним являлся слой желтоватого намывного песка толщиной 0,65 м, в котором присутствовали находки различного времени – от V в. до н.э. до средневековья. Под ним были обнаружены остатки каменной мостовой и слой сероватого суглинка с керамикой VI–II вв. до н.э., а также большим количеством мелкого и среднего камня. Его мощность также составляла 0,65 м. Он состоял из двух примерно равных прослоек, выделенных по найденному в них материалу. Верхняя, датированная II в. до н.э., содержала фрагменты тонкостенной (в том числе чернолаковой) посуды и амфор IV–II вв. до н.э. В ее основании лежали камни – предположительно, остатки еще одной мостовой. Нижняя прослойка отнесена к IV–III вв. до н.э., по фрагментам амфор и боспорской граненой

черепицы. В ее нижнем горизонте был выявлен развал третьей мостовой, состоявшей из крупного булыжника. Под ней залегал материк – стерильный глинистый ил темно-серого цвета с включением ракушки и мелкого камня. Последняя мостовая, обнаруженная на глубине 3–3,2 м, позволила В. Д. Блаватскому определенно утверждать, что за истекшие двадцать два с половиной столетия уровень моря в Таманском заливе поднялся не менее чем на 4 м (*Блаватский*, 1961. С. 279. Рис. 3). Следует с особым вниманием отнестись к этому тщательно взвешенному и продуманному выводу.

В 3–4 км западнее Фанагории, на том же берегу находится большое античное поселение Приморский 23 (рис. 1, 8). Оно расположено на территории современного поселка, вытянутым овалом примыкая к берегу моря. Значительная по размерам северная часть поселения размыта и затоплена водами Таманского залива. Она хорошо просматривается на аэрофотоснимках в виде отмели 200–350 м шириной и ее продолжения в виде мыса, уходящего в западном направлении на 600–700 м от берега (*Паромов*, 1992. С. 418–421). В 1992 г. охранные раскопки на поселении производились под руководством А. Б. Колесникова. Среди исследованных им объектов особенно значимым был каменный колодец, находившийся в 13 м от берега, на мелководье. Он примечателен и своей конструкцией, и найденным материалом. Его основанием являлся один венец бревен; далее на высоту около 0,5 м шла кладка из крупных необработанных камней известняка. На нее был уложен еще один ряд бревен, на котором находилась глиняная прослойка толщиной 5–13 см со вставленными в нее местами мелкими камнями. На эту прослойку были поставлены большие обработанные известняковые плиты высотой 0,5–0,6 м, толщиной 0,23–0,3 м, по две на каждой стороне колодца. Высота всей конструкции составляла 1,5–1,6 м. Заполнение колодца представляло собой забутовку из обломков амфор, камней и глинистого грунта. Чтобы забить его большую горловину (примерно 2×2 м), было использовано огромное количество амфорного материала. Для общей характеристики последнего наиболее показательны ножки (найдено 320 экз.), среди которых присутствовали ножки мендийских, фасосских (и круга Фасоса), гераклеийских, хиосских пухлогорлых и колпачковых, лесбосских и протофасосских амфор, а также амфор Пепарета, с раздутым горлом и со стаканообразными ножками. Время забутовки колодца наиболее точно определилось по 22 амфорным клеймам (гераклеийским, мендийским и фасосским), которые датируются 390–380-ми гг. до н. э. (*Колесников*, 2010. С. 101, 104–106).

Размеры и конструкция колодца свидетельствуют в пользу его общественно-го назначения. Вне всякого сомнения, он снабжал питьевой водой какой-то определенный район в нижней части античного поселения. «Чистая» глубина колодца, с учетом 0,15 м от поверхности моря до плит и 0,8–1 м «гидрологической поправки», составляет 2,45–2,75 м, что значительно меньше «чистой» глубины патрейского колодца (4,4–4,9 м). Это значит, что его засыпка была произведена ранее возможного засоления. Мы не знаем, что послужило ее причиной, однако все говорит о том, что она являлась организованной единовременной акцией. Возможно, море подтопило подвалы и погреба расположенного ниже поселка раньше, чем могло приблизиться к колодцу, и вынудило жителей переселиться, засыпав ставший ненужным, но опасным в открытом виде колодец. (Отвлекаясь

от темы, нельзя не сказать о найденном в нем женском гребне из груши, состоявшем из четырех пластин с сюжетной резьбой.)

Иная картина разрушений зафиксирована на Таманском городище, расположенном на южном берегу Таманского залива, на территории современной станицы (рис. 1, 9). Культурные слои этого памятника включают остатки античного города Гермонассы и средневековых городов Таматархи и Тмутаракани. Отметка поверхности городища в самой высокой его точке составляет 20,4 м. Мощность культурных слоев в центральной части памятника около 10 м. Поверхность материка в этом месте находится на 10–11 м выше уровня моря. Размеры центральной части городища составляют около 500 м по береговому обрыву и 250 м с севера на юг. Вероятно, не менее 100 м прибрежной части памятника разрушены морем. Процесс разрушения коренного берега и находящихся на нем культурных слоев Гермонассы – Тмутаракани протекал примерно следующим образом. С постепенным подъемом уровня моря шаг за шагом наступали размыв и обрушение берега. Более легкие фракции – лессовидные и органические остатки – выработывались и уносились морем, а тяжелые – камень в виде обломков скалы, строительных блоков и архитектурных деталей, изделия из керамики и металла – оседали на морском дне, попеременно покрывались иловыми отложениями и вновь размывались, оставаясь на месте и практически не перемещаясь от своего первоначального положения. По мнению В. Д. Блаватского, сколько-нибудь серьезные работы здесь вести нельзя, поскольку мы имеем дело не с процессом затопления города морем, а с его механическим разрушением и отложением на дне в виде беспорядочных обломков, ставших результатом волнового размыва коренных пород. Совершенно очевидно, что делать какие-либо заключения об изменении уровня моря на основании подобной картины не представляется возможным. Однако проведенные в 1957 г. напротив Гермонассы небольшие работы нельзя оценивать как бесплодные. В результате двухдневных исследований удалось дать предварительную оценку расположения размытых частей древнего города и наметить пунктиром возможную их границу, проходящую в 80–100 м от современного берега, благодаря зафиксированным при подводной разведке развалам камней (*Блаватский, 1958. С. 83, 84; Блаватский, Кошеленко, 1963. С. 70*).

В 1982 г. на западном берегу Керченского пролива, на узкой песчаной пересыпи у южной окраины с. Заветное подводно-археологическим отрядом под руководством К. К. Шилика было начато исследование почти полностью затопленного античного поселения, идентифицированного с городком Акрой, упоминаемым древними авторами между Нимфеем и Китеем. При обследовании дна пролива было установлено, что остатки поселения простираются на 180 м от берега до глубины 3,5 м. На этом пространстве встречалась не только керамика, но и обработанные известняковые блоки – остатки построек. На аэрофотоснимках пятна культурного слоя просматривались по обе стороны пересыпи – и на дне пролива, и на дне озера. Максимальная площадь поселения, по расчетам, могла составлять примерно 15 га. Размеры памятника и прямоугольная его планировка дали автору исследований все основания предполагать, что он нашел город. В 1983 г. среди развала камней, на глубине 3 м, в 135 м от берега был обнаружен квадратный каменный колодец (внутренние размеры горловины – 0,75 × 0,75 м) с рамой

из деревянных плах, встроенных в каменную кладку (рис. 2, 4). В 1984 г. колодец был доисследован. Полная его глубина составила 1,1 м. В общей сложности из него было извлечено шесть гераклейских амфор с клеймами и чернолаковая посуда аттического производства (два килика, две чаши и лекиф) второй половины IV в. до н. э., а также простой кухонный горшочек. Кроме того, в колодце были найдены кости млекопитающих и рыб, створки мидий и устриц, панцири крабов, много древесных остатков, среди которых присутствовали деревянные детали, изготовленные на токарном станке (*Шилик*, 1985; 1988. С. 191; 1991. С. 431, 432). Трудно переоценить значение этого колодца для нашей темы. Удаленность от берега и глубина, на которой он был найден, позволяют предположить, что единственной причиной прекращения его использования стало повышение уровня моря и засоление горизонта, питавшего колодец пресной водой. Судя по находкам, вторая половина IV в. до н. э. была последним периодом его эксплуатации. «Чистая» глубина колодца с учетом принятой нами «гидрологической» поправки (0,8–1 м) составляет 4,9–5,1 м. Колодец в Акре, как и рассмотренный ранее колодец в Патрее, представляет собой один из надежнейших реперов в определении уровня моря в античное время.

Во всех рассмотренных ранее случаях определение уровня моря в древности исходило из условий, при которых не нарушалась бы жизнедеятельность античных поселений, нормальное функционирование колодцев, погребов, подвалов со складами амфор и других объектов. Иными словами, мы стремились определить тот уровень моря, выше которого он быть бы не мог, и хотя это не оговаривалось, но молчаливо допускалось, что он мог быть и ниже определенного. Совершенно иной подход к проблеме открывают найденные и исследованные в последнее время древние якорные стоянки по обе стороны Керченского пролива. Якорные стоянки, в силу своей специфики, подводят нас к определению того древнего уровня моря, ниже которого он быть не мог, ибо будь он ниже – якоря оказались бы на суше.

Две якорные стоянки у берегов Таманского полуострова были найдены и исследованы подводной экспедицией Краснодарского музея под руководством А. В. Кондрашева. Они связаны с рифовыми грядами и имеют много общего. С конца 1990-х гг. экспедиция возобновила раскопки Тузлинского некрополя. Одновременно с ними были организованы подводные разведки прилегающей к мысу Тузла акватории (рис. 1, 10). Благодаря этим исследованиям удалось открыть два специфических археологических комплекса – древнюю корабельную стоянку, находившуюся в рифовой зоне западнее мыса, и остатки каменных сооружений, обнаруженных в прибрежной полосе к северу от него. Каменная рифовая гряда, с которой связана корабельная стоянка, уходит от мыса в западном направлении в Керченский пролив на расстояние около 2 км. Глубины у ее подошвы колеблются около 9 м, над рифами они уменьшаются до 7–2 м. Морское дно состоит из песка, мелкой ракушки, ила. За несколько лет исследований была собрана большая коллекция каменных, свинцовых и железных якорей различных исторических периодов – от времени средней бронзы до раннего средневековья. Вероятно, акватория у мыса Тузла была одной из наиболее удобных корабельных стоянок на протяжении долгого времени. Размеры и вес найденных здесь каменных штоков от якорей V–IV вв. до н. э. свидетельствуют об использовании ее даже средними по размерам судами (*Кондрашев*, 1997. С. 207, 208; 2010. С. 118).

Работы экспедиции начинались в 1990 г. на рифах у мыса Панагия, где южные подходы к Керченскому проливу известны своими опасностями (рис. 1, 11; 2, 5). В западном направлении от этого мыса уходит в море каменная гряда протяженностью более 3,5 км. Далее она круто поворачивает к суше, принимая северо-восточное направление, в котором продолжается еще 2 км. Вместе с береговой чертой гряда образует почти правильный треугольник с разрывом в северной части, доходящим до 1,5 км. В древности многие скалы рифа могли выступать над водой, образуя защищенную от волн акваторию. Современная пятиметровая изобата проходит в этом районе примерно в 300–600 м от берега. Глубины у подошвы рифа колеблются от 6 до 11 м, наиболее характерны – 8–9 м. Эти относительно небольшие значения позволили обследовать практически всю южную часть гряды, а также осмотреть внутреннюю часть рифа. Морское дно состоит здесь из песка и мелкой ракушки. В районе обследования было обнаружено значительное количество якорей различных исторических эпох – от самых древних якорных камней с желобком, использовавшихся, вероятно, на небольших лодках еще в эпоху бронзы, до железных византийских якорей VII–XI вв. и турецких якорей-«кошек» XVIII–XIX вв. Удобные естественные условия определили долгое непрерывное существование здесь якорной стоянки или гавани. Из найденных якорей особый интерес для нашей темы представляют три каменных штока, подобных изображенному на монете V в. до н.э. из Аполлонии. Штоки этого типа, известные и в Средиземноморье, и в Причерноморье, датируются серединой I тыс. до н.э. Эти и более простые, тоже каменные штоки, использовавшиеся на греческих судах в V–IV вв. до н.э., позволяют предположить, что стоянку у мыса Панагия использовали не только маломерные, но и средние по размерам суда (*Кондрашев*, 1994; *Kondrashov*, 1995).

Для реконструкции древнего уровня моря по найденным на дне якорям нам необходимо определить минимальную глубину, при которой судно могло бросить якорь в данном месте. Очевидно, она сложится из осадки судна (для среднего древнегреческого корабля – около 1 м) и минимальной глубины под килем, необходимой для маневра и позволяющей избежать ударов корпуса о грунт при волнении на море (для судна того же класса – не менее 5 футов или 1,5 м). В сумме это составляет 2,5 м. В целях сохранения корректности расчета из современных средних глубин, на которых были найдены якоря середины I тыс. до н.э., мы должны принять меньшую – 8 м. Опираясь на эти данные, можно определенно утверждать, что за истекшие двадцать пять столетий уровень моря у берегов Таманского полуострова поднялся не более чем на 5,5 м (рис. 2, 5). Доказательством этому служат древние якоря, найденные на глубине около 8 м.

Из множества объектов, найденных и исследованных под водой, к определению уровня моря в древности можно привлечь лишь очень немногие. Это связано с большими трудностями при установлении истинных причин и времени прекращения их жизнедеятельности или использования. На рис. 2 представлен уровень моря у берегов Таманского полуострова, реконструируемый по тем данным, которые можно признать наиболее надежными реперами. Четыре позиции на графике: колодцы в Патрее и Акре (1; 4), склад амфор в Кепях (2) и данные подводной Фанагории (3) демонстрируют максимальный уровень моря, выше которого их существование было бы невозможным. Данные якорных стоянок (5)

показывают минимальный уровень, ниже которого эти стоянки просто исчезают. Наклонная линия отображает изменение уровня моря во времени. Следует отметить, что этот график несколько условен. Действительное изменение уровня моря происходило сложнее. Однако позиции на графике колодца в Акре (4) и склада средневековых амфор из Кеп (2) свидетельствуют о близости наших выводов к реальной картине.

Вопрос об уровне Черного моря в I тыс. до н.э. подробнее рассмотрен в свое время А. Н. Щегловым в его фундаментальной работе по Северо-Западному Крыму (*Щеглов, 1978. С. 15–17. Рис. 3*). К сожалению, тогда еще не были открыты и исследованы древние якорные стоянки, существенным образом корректирующие всю картину. А. Н. Щегловым был составлен график, отражающий колебания уровня Черного моря за последние 4000 лет по предположениям нескольких авторов (восьми – кроме одного – геологов). Четыре автора представляли уровень моря в середине I тыс. до н.э. слишком заниженным (от 10,1 до 6,6 м). Авторы этих реконструкций не отдавали себе отчета в том, что их взгляды целиком уничтожают хорошо известное, по свидетельствам древних писателей, Корокондамское озеро (Таманский залив) и ставят под вопрос существование Меотиды и Боспора Киммерийского. Теперь их идеи воспринимаются как курьез. Однако и в наше время появляются палеорекострукции Таманского полуострова, которые не только противоречат историческим источникам, но и отрицают археологические реалии (*Журавлев и др., 2009. С. 122, 123; 2010. С. 69–71; 2011; 2015*). В указанных работах рукава Кубани превращены в древний морской пролив, акватория которого обширнее современных лиманов, т.е. для создания ее необходим уровень моря выше современного (компьютерная графика Д. Кельтербаума 2009 г.). Вместе с тем, по данным Д. Кельтербаума, две с половиной тысячи лет назад он был ниже современного на 1,3–4,7 м, а по данным другого исследователя – Э. Фуаша – на 2,1–8,7 м (*Fouache et al., 2012. Fig. 6*), что, вероятно, снимает вопрос о «втором проливе». Следует отметить, что еще в одной коллективной работе уровень моря в указанное время, по данным Д. Кельтербаума, был ниже современного на 1,1–1,7 м (*Bruckner et al., 2010. Fig. 12*). Эти данные не совместимы ни с реальной картиной подводной археологии у берегов Таманского полуострова, ни с виртуальным проливом. Очевидно, уровень моря в древности – это краеугольный камень всей палеогеографии Таманского полуострова. Отбрасывающие его превращают этот камень в камень преткновения.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамов А. П., 2005. Патрейское городище // Патрей. Материалы и исследования. Вып. 2 / Отв. ред.: А. П. Абрамов, Г. В. Китаева. М.: МГД(Ю)Т. С. 7–53.*
- Абрамов А. П., Сазонов Ю. С., 1992. Керамика трех подводных комплексов Патрея // Боспорский сборник. Вып. 1 / Ред. Я. М. Паромов. М.: Архэ. С. 147–172.*
- Агбунов М. В., 1992. Античная география Северного Причерноморья. М.: Наука. 240 с.*
- Белов С. А., 2008. Подводные археологические исследования на античных поселениях Волна Революции-1 (Татарский) и Волна Революции-2 // Памятники подводной археологии Азиатского Боспора. Вып. 1 / Отв. ред. Ф. А. Михайловский. М.: Спутник+. С. 8–11.*
- Беренбейм Д. Я., 1959. Керченский пролив во времена Страбона в свете новейших данных об изменении уровня Черного моря // СА. № 4. С. 42–52.*

- Блаватский В. Д.*, 1958. О подводной археологии // СА. № 3. С. 73–89.
- Блаватский В. Д.*, 1961. Подводные раскопки Фанагории в 1959 г. // СА. № 1. С. 277–279.
- Блаватский В. Д., Кошеленко Г. А.*, 1963. Открытие затонувшего мира. М.: Академия наук СССР. 108 с.
- Васильев А. Г.*, 2003. Отчет об археологических работах в северо-западной части Таманского залива в 2003 г. Краснодарский край // Архив ИА РАН. Р-1. № 24307.
- Гайдукевич В. Ф.*, 1949. Боспорское царство. М.; Л.: Академия наук СССР. 624 с.
- Герц К. К.*, 1870. Археологическая топография Таманского полуострова. М.: Московское Археологическое общество. 128 с.
- Герц К. К.*, 1898. Собрание сочинений. Вып. 1: Археологическая топография Таманского полуострова. СПб.: Императорская Академия наук. 163 с.
- Журавлев Д. В., Дан А., Герке Х. Й., Кельтербаум Д., Шлотцауер У.*, 2015. Новые данные о географии Таманского полуострова в античное время // XVI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум / Ред.-сост.: В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Керчь: Деметра. С. 107–115.
- Журавлев Д. В., Кельтербаум Д., Поротов А. В., Шлотцауер У.*, 2011. Боспор Кубанский // XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь: Деметра. С. 106–114.
- Журавлев Д. В., Шлотцауер У., Кельтербаум Д.*, 2010. Новые данные о Таманском полуострове в VI в. до н.э. // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып. 1. М.; Киев: Триумф принт. С. 69–73.
- Журавлев Д. В., Шлотцауер У., Кельтербаум Д., Поротов А. В.*, 2009. Новые данные о греческой колонизации Таманского полуострова // Пятая Кубанская археологическая конференция: материалы конф. / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: ГУЗ МИАЦ. С. 122–128.
- Колесников А. Б.*, 2010. Раскопки поселения Приморский 23 в 1992 г. // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып. 1. М.; Киев: Триумф принт. С. 101–107.
- Колли Л. П.*, 1909. Следы древнейшей культуры на дне морском // Известия Таврической Ученой Архивной Комиссии. № 43. Симферополь: Таврическая губ. тип. С. 125–137.
- Кондрашев А. В.*, 1993. Подводные исследования у мыса Панагия // Древности Кубани и Черноморья / Ред. Б. А. Раев. Краснодар: Скифская галерея. С. 84–90.
- Кондрашев А. В.*, 1994. Подводные исследования у берегов Таманского полуострова // АО 1993 года / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Мерея. С. 114.
- Кондрашев А. В.*, 1997. Исследования у мыса Тузла // АО 1996 года / Отв. ред.: В. В. Седов, Н. В. Лопатин. М.: Фонд археологии. С. 206–208.
- Кондрашев А. В.*, 2010. Новые исследования у мыса Тузла на Таманском полуострове // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып. 1. М.; Киев: Триумф принт. С. 118–124.
- Кузнецов В. Д.*, 2007. Фанагория: история исследований и новые находки // РА. № 2. С. 5–15.
- Кузнецов В. Д., Колесников А. Б., Ольховский С. В.*, 2008. Подводные исследования в Фанагории в 2006–2007 гг. // ДБ. Т. 12. Ч. II / Гл. ред. А. А. Масленников. М.: Триумф принт. С. 370–412.
- Кузнецов В. Д., Латарцев В. Н., Колесников А. Б.*, 2006. Предварительные замечания о портовых сооружениях Фанагории // ДБ. Т. 9 / Гл. ред. А. А. Масленников. М.: Гриф и К. С. 260–280.
- Никонов А. А.*, 1998. Затопленные остатки античных сооружений по берегам Боспора Киммерийского (в связи с проблемой изменения уровня моря) // РА. № 3. С. 57–66.
- Османова С. Р., Таскаев В. Н.*, 2009. Античный город Патрей – памятник подводной археологии Азиатского Боспора. М.: Спутник+. 129 с.
- Паромов Я. М.*, 1992. Археологическая карта Таманского полуострова. М. 1018 с. Деп.: Ин-т научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН 1.10.1992 г. № 47103.
- Паромов Я. М.*, 1993. Археолого-топографический план Патрея // Боспорский сборник. Вып. 3 / Ред. Я. М. Паромов. М.: Архэ. С. 136–162.
- Паромов Я. М.*, 1999. К вопросу об уровне моря у берегов Таманского полуострова в античное время // VI чтения памяти профессора В. Д. Блаватского: К 100-летию со дня рождения. Тез. докл. / Ред. Н. И. Бахчиева. Магнитогорск: Магнитогорский гос. пед. ин-т. С. 89–90.

- Сокольский Н. И.*, 1963. Кепы // Античный город / Отв. ред. А. И. Болтунова. М.: Академия наук СССР. С. 97–114.
- Сударев Н. И., Шамрай А. Н.*, 2003. Подводные археологические разведки у поселения «Береговой 4» на Таманском полуострове // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Рез. докл. XI Междунар. науч. конф. / Отв. ред. В. П. Копылов. Ростов-на-Дону: Ростовский пед. ун-т. С. 31–32.
- Сударев Н. И., Шамрай А. Н.*, 2005. Результаты археологических разведок под водой у поселения «Береговой 4» на Таманском полуострове (2002–2004 гг.) // VI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации, катастроф / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь: Деметра. С. 284–294.
- Таскаев В. Н.*, 1999. Подводная археология и палеогеографическая реконструкция древнего Патрея // Патрей. Материалы и исследования. Вып. 1 / Ред.: А. А. Завойкин, Я. М. Паромов. М.: Коминтекс. С. 53–66.
- Таскаев В. Н.*, 2007. Античная подводная археология Северного Причерноморья / Отв. ред. Т. В. Блаватская. М.: Спутник+. 121 с.
- Таскаев В. Н., Османова С. Р.*, 2001. Античный Патрей. Итоги подводных исследований. М.: Фарсал. 82 с. (Материалы по археологии Патрея; вып. 3).
- Таскаев В. Н., Чхаидзе В. Н.*, 2007. Подводный комплекс раннесредневековых амфор из Кеп // ДБ. Т. 11 / Гл. ред. А. А. Масленников. М.: Гриф и К. С. 403–411.
- Шамрай А. Н.*, 2007. Подводные геоморфологические наблюдения у античного поселения «Береговой-4» в 2005 г. // VII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святые места и сакральные объекты / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь: Деметра. С. 336–345.
- Шилик К. К.*, 1985. Работа Боспорского подводно-археологического отряда // АО 1983 года. М.: Наука. С. 132–133.
- Шилик К. К.*, 1988. Еще один город на дне Керченского пролива // Человек, море, техника / Сост. А. В. Кузьменко. Л.: Судостроение. С. 191–193.
- Шилик К. К.*, 1991. Обнаружение двух античных городов на дне Керченского пролива // Четвѣрти международен симпозиум Тракия Понтика IV. София: Галактика. С. 427–434.
- Щеглов А. Н.*, 1978. Северо-Западный Крым в античную эпоху / Отв. ред. И. Б. Брашинский. Л.: Наука. 158 с.
- Bruckner H., Kelterbaum D., Marunchak O., Porotov A., Vott A.*, 2010. The Holocene Sea level story since 7500 BP – Lessons from the Eastern Mediterranean, the Black and Azov Seas // Quaternary International. Vol. 225. Iss. 2. P. 160–179.
- Fouache E., Kelterbaum D., Bruckner H., Lericolais G., Porotov A., Dikarev V.*, 2012. The Late Holocene evolution of the Black Sea – a critical view on the so-called Phanagorian regression // Quaternary International. Vol. 266. Iss. 17. P. 162–174.
- Kondrashov A.*, 1995. Underwater investigations at Cape Panagia on the Taman Peninsula, Straits of Kerch // The International Journal of Nautical Archaeology. Vol. 24. Iss. 2. P. 109–119.

Сведения об авторе.

Паромов Яков Максимович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: kukuoba@yandex.ru.

Ya. M. Paromov

THE CORNERSTONE OF THE TAMAN PALEOGEOGRAPHY

Abstract. In the period of 2,500 millennia the landscape of the Taman Peninsula has undergone substantial changes associated with the evolution of the Kuban River estuary, impact of the sea and tectonic processes. The impact from the sea level is the most significant. This paper is aimed to provide an overview and carry out the analysis of underwater

explorations documenting the actual conditions of the Taman Peninsula coastline during the Classical Period and the Middle Ages. Wells identified under the water along with other numerous structures are of paramount importance as they allow the researchers to determine the actual sea level in a relevant period. The new approach to tackle the issue builds on anchoring berths. The pavement discovered at the depth of 3–3,2 m enabled V. D. Blavatsky to argue that over the past 2,250 years the sea level in the Taman Bay had increased by not less than four meters. The reconstruction of the sea level based on the anchors found on the seabed demonstrates that over the past 2,500 years the sea level near the Taman Peninsula coastline increased by 5,5 m at the most.

Keywords: Classical Period, Middle Ages, sea level, underwater archaeology, well, amphora storage, anchoring berth.

About the author:

Paromov Yakov M., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: kukuoba@yandex.ru.

Б. Е. Янишевский

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПАМЯТНИКАХ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА И ЭПОХИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ В ВЕРХНЕМ МОСКВОРЕЧЬЕ

Резюме. На всех пяти обследованных памятниках верхнего Москворечья и верховья Протвы выявлены слои конца I в. до н. э. – III в. н. э., на двух памятниках Верхней Москвы-реки найдена сетчатая керамика середины – конца I тыс. до н. э., а на трех – материалы IV–VI вв. н. э. Это расширяет ареалы позднедьяковской и мощинской культур. Кроме того, расширен в западном направлении (со Среднего Москворечья до Можайска) ареал памятников с керамикой, украшенной гребенчатым штампом.

Ключевые слова: Ранний железный век, I тыс. до н. э., I тыс. н. э., центр Европейской части России, Москва-река, Верхнее Москворечье, Среднее Москворечье, Протва, Ока, дьяковская культура, позднедьяковская культура, мощинская культура, Можайск.

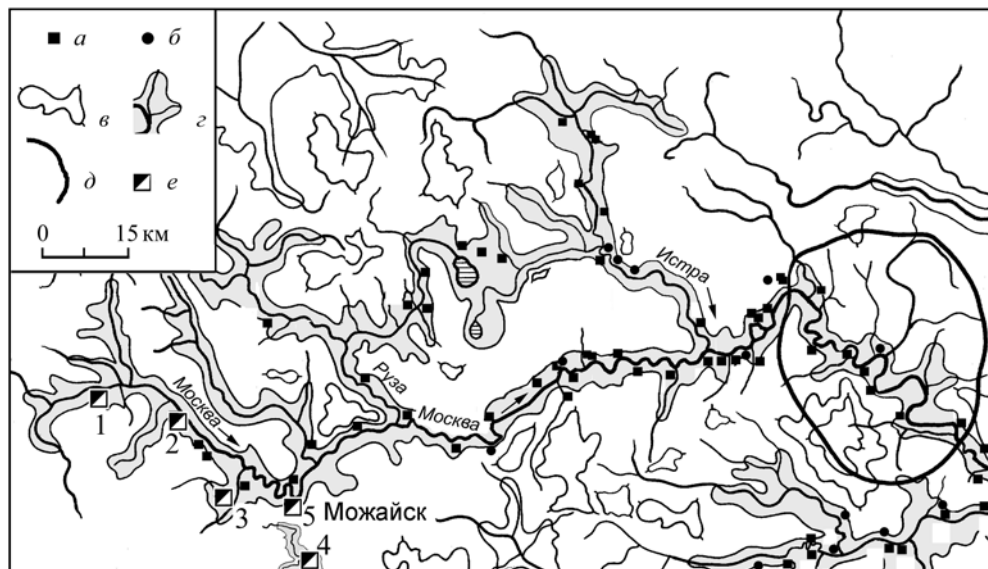
В период с 2005 по 2012 г. Можайской экспедицией ИА РАН под руководством автора проводились охранные раскопки и разведки в Можайском районе Московской области, в верховьях рек Москвы и Протвы. При этих исследованиях обнаружены новые памятники, хронологически относящиеся к раннему железному веку, а также исследованы слои того же времени на ранее известных памятниках археологии. Верховья рек Москвы и Протвы, стекающих с одного и того же заболоченного склона Смоленской возвышенности, до сих пор мало подвергались

археологическому обследованию, не говоря уже об археологических раскопках. В результате работ Можайской экспедиции исследованы три неукрепленных объекта археологического наследия, в культурном слое которых найдены слои раннего железного века: селище Господский двор «Городок», селище Маловка (оба – на правом берегу р. Москвы) и участок селища Бородино, расположенный на р. Воинка – малом притоке р. Колочь, в свою очередь являющейся правым притоком р. Москвы. Эти три памятника расположены в сходной топографической ситуации – на мысах коренного берега, однако валы и рвы на их территориях не прослеживаются, поэтому все три памятника отнесены к категории неукрепленных. Еще два исследованных объекта археологического наследия относятся к типу укрепленных памятников – городищ. Это городище Борисово, расположенное на левом берегу р. Протвы, в месте, отстоящем на 8 км к югу от р. Москвы, и городище Можайское – крепость древнего Можайска.

1.¹ *Господский двор «Городок»*. Расположен в 0,5 км к западу от д. Новопокров на правом берегу р. Москвы. На этом месте на карте Московской губернии 1860 г. (т. н. «карта Шуберта») обозначена дворянская усадьба «Господский двор “Городок”». Памятник выявлен краеведом А. Лебедевым в 2006 г., обследован автором в 2009 г. Топографическая ситуация: покрытая лесом мысовая часть речной террасы, ограниченной с двух сторон оврагами. Валов или других укреплений ныне не прослеживается. На площадке и обрыве к реке найдены погребения по обряду ингумации без вещей. Часть погребений найдена в осыпи. Датировать погребения можно по керамике и вещевому материалу (медные нательные кресты) XVIII–XIX вв. Культурный слой на площадке в нетронутой части толщиной до 0,7 м. В оползне с западной стороны площадки найдена «обратная стратиграфия»: керамика и предметы XIX в. залегают в нижней части культурного слоя, а в верхней – керамика раннего железного века. Толщина культурного слоя в оползне – до 0,6 м, цвет черный. При зачистках оползня найдены фрагменты керамики как с сетчатыми отпечатками на внешней поверхности, так и гладкостенные (рис. 2). Последние орнаментированы овальными ямками, зацепами, отпечатками «веревочки на палочке», вдавлениями на венчике. Верхние части сосудов принадлежат только к гладкостенной посуде. Судя по ним, гладкостенные сосуды имели «баночную» форму и венчики с легким отгибом. Таким образом, селище относится к двум периодам раннего железного века: второй – третьей четв. I тыс. до н. э. (V–II вв.) – в это время использовались горшки с сетчатыми отпечатками – и «позднелазаревскому» (I в. до н. э. – III в. н. э.), когда были распространены гладкостенные «баночные» горшки.

Такая керамика была распространена в Москворечье, ближайший памятник – Троицкое городище на Можайском водохранилище, расположенное в 22 км ниже по реке от описываемого памятника. Вполне возможно, что валы и рвы на мысу были сnivelированы при устройстве кладбища в XIX в. В 1820-е гг. З. Я. Доленго-Ходаковский описывал в этом районе «городок у Остриц», с которым до сих пор ни один из известных объектов археологического наследия не ассоциировался (№ 2, по каталогу Н. А. Кренке: *Кренке*, 2011. С. 241).

¹ Номера соответствуют номерам памятников на карте (рис. 1). Выражаю благодарность Н. А. Кренке за помощь в подготовке карты.

Рис. 1. Карта селищ (1–3) и городищ (4, 5) Верхнего Москворечья (отмечены квадратами с незалитым углом)

Условные обозначения: *a* – городище; *б* – важнейшие селища; *в* – возвышенности; *г* – долины; *д* – кольцевая дорога г. Москвы; *е* – исследованные памятники;

1 – Господский двор «Городок»; 2 – Маловка; 3 – Бородино-1; 4 – Борисовское; 5 – Можайский кремль

2. *Селище Маловка (по соврем. нас. п. – селище Антоново-1)*. Археологические разведки на этом памятнике проведены автором совместно с Н. А. Кренке. На территории уничтоженной в конце 1950-х гг. при строительстве водохранилища деревни Маловка, расположенной на мысу правого коренного берега р. Москвы (ныне – Можайское водохранилище) и руч. Маловский, найден темно-серый культурный слой толщиной до 0,5 м. Культурный слой был перемешан при жизни деревни, однако в осыпях его, происходящих из-за подмыва водохранилищем, найдены фрагменты лепной керамики с отпечатками сетки на внешней поверхности (Кренке, 2011. С. 241. № 5). Подобная керамика найдена в культурном слое и вышеописанного памятника и может быть датирована V–II вв. до н. э. Площадь распространения культурного слоя не определена, слой раннего железного века в культурном слое не выделяется. Вероятно, поселение РЖВ занимало самый конец мыса, ныне смытый водохранилищем. Распространение культурного слоя вдоль обрыва – ок. 150 м. Кроме фрагментов керамики раннего железного века, также найдена гончарная керамика: «серая», «красноглиняная грубая»² и позднесредневековая XIV–XIX вв.

² Термины, принятые в московской археологической литературе (см., напр.: Московская керамика..., 1991).

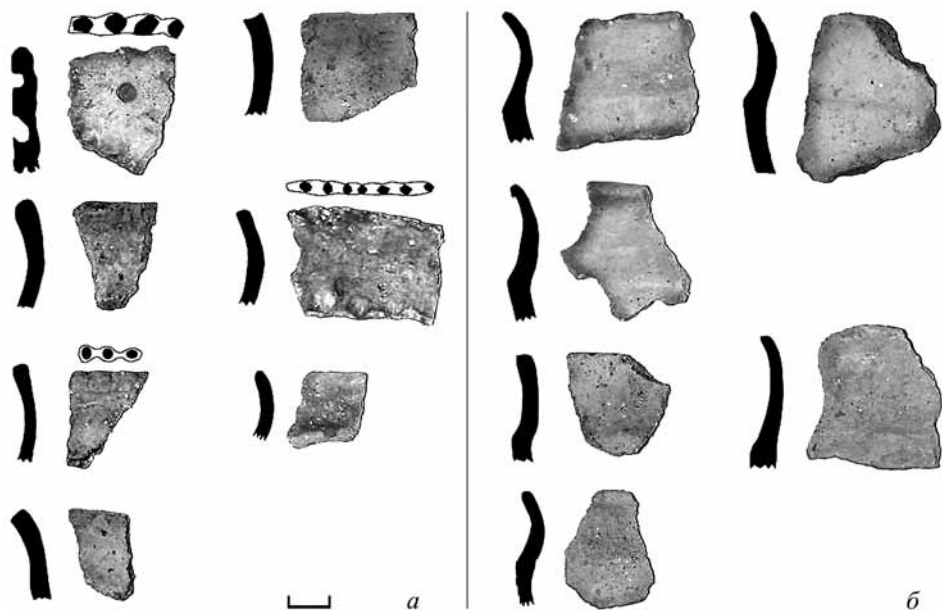
Рис. 2. Селище Господский двор «Городок». Лепная керамика

3. *Селище Бородино-1*. При исследованиях на средневековом и позднесредневековом селище Бородино-1, расположенном на территории с. Бородино, известного по событиям 1812 г., впервые найдены остатки культурного слоя

темно-серого цвета, содержавшего лепную керамику. Топографическая ситуация: мыс коренного левого берега реки Колочь (правый приток р. Москвы) и ее левого притока речки Воинки возвышается над левобережной поймой последней на 10 м. По топографической ситуации памятник похож на городище, хотя укрепления не видны. На этом мысу с первой четверти XVIII в. и до 1812 г. располагалась дворянская усадьба, затем – в XIX в. – парк Императорской резиденции. Произведенные за время существования усадьбы планировочные работы уничтожили культурный слой раннего железного века почти на всей площади мыса. Еще в раннем железном веке краевая часть склона была искусственно досыпана (материал подсыпки – культурный слой), за счет этого, а также возможной подрезки склон стал круче. Культурный слой сохранился только на самом краю мыса, его толщина от 40 см до 1,2 м (толщина увеличивается к краю склона). Кроме культурного слоя на краю мыса материалы РЖВ содержались еще в четырех ямах (участок 6, яма 38 и участок 11, ямы 84, 100 и 104). Яма 38 располагалась в средней части площадки мыса, размеры ямы – $1,9 \times 1,32$ м, глубина – 32 см от уровня материка, ориентирована по длине С – Ю. В центре ямы – круглое углубление диаметром 0,8 м. Вокруг большой ямы имелись круглые ямки диаметром от 12 до 28 см (две внутри ямы по углам, одна внутри в середине длинной стороны, одна – снаружи), вероятно, от столбов. Яма интерпретируется как хозяйственная, укрытая навесом с центральным столбом. Материал из ямы представлен только лепной гладкостенной керамикой (97 фр.). Яма 84 имела размеры $1,2 \times 1,6$ м, глубина до 40 см, заполнение – темно-серый суглинок. Эта яма сохранилась наполовину, форма дна корытообразная. В яме 84 найдены 8 фр. лепной керамики. Яма 100 была диаметром 30 см, яма 106–62 см. Обе последние ямы интерпретируются как столбовые, в них найдено по 6 фр. лепной керамики. Керамические фрагменты, найденные в культурном слое и ямах, делятся на две категории (рис. 3): а) уже описанные выше гладкостенные горшки баночной формы, орнаментированные ямками и защипами на стенках и насечками (а также вдавлениями палочкой) по венчику, которые традиционно датируются II в. до н. э. – III в. н. э. (рис. 3, а); и б) гладкостенные горшки с уступом на стенке в верхней части сосуда. Причем уступ не имеет ответной части изнутри сосуда, т. е. это – декоративный элемент (рис. 3, б). Такая керамика датируется IV–VI вв. н. э. и найдена также на памятнике «Можайский кремль» и городище Борисовское. Датировка таких фрагментов керамики определена по аналогии с керамикой памятников Мошинской культуры правобережья р. Оки (Воронцов, 2014). Подлощенная керамика имеется и в культурном слое городищ Москворечья, в частности, среднего и верхнего горизонтов верхнего слоя Дьякова городища. Однако декоративное ребро на подлощенной посуде появляется не ранее IV в. н. э. (Кренке, Сулержницкий, 2011. С. 143).

На селище Бородино-1 также найдены фрагмент железного серпа, керамическое пряслице и бронзовое украшение из спаянных бляшек-скорлупок – 2 ряда по 6 скорлупок (диам. 0,4 см каждая), на котором сверху и снизу припаяны еще по две пары скорлупок. Каждая скорлупка имеет ободок из как бы скрученной нити – традиционный элемент для украшений Дьяковской культуры, появляющийся еще на умбонovidных подвесках, характерных как раз для москворецкого

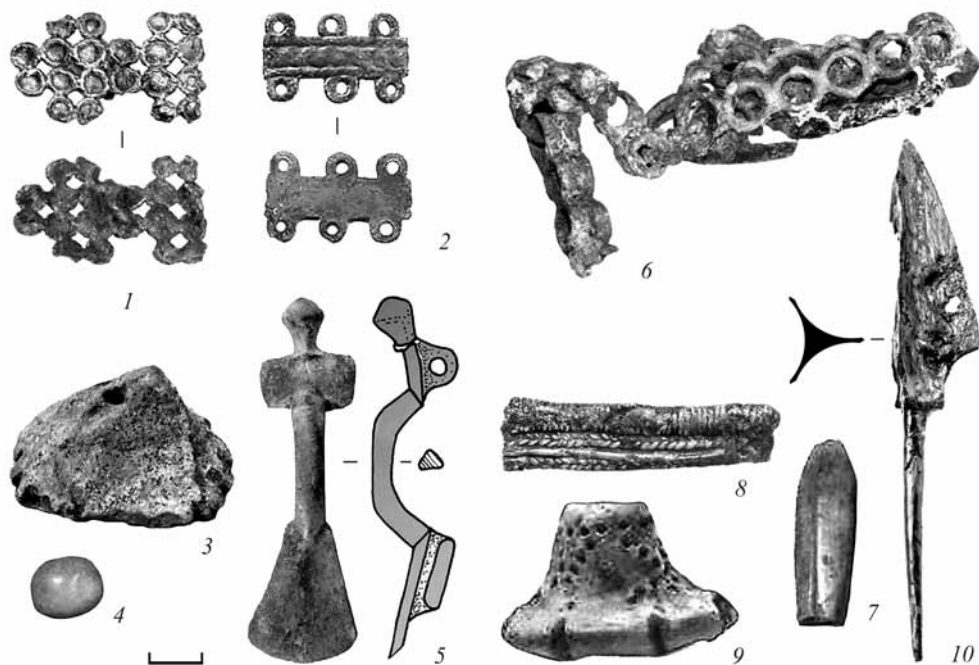
Рис. 3. Селище Бородино-1. Лепная керамика

a – горшки баночных форм; *б* – горшки с ребром

региона. На обороте украшения имеются две петли для продергивания тонкого ремешка или пришивания к основе (рис. 4, 1).

Еще одно украшение найдено в 2012 г. на краю террасы ближе к основанию мыса (за пределами распространения культурного слоя РЖВ). Это украшение имеет вид прямой полоски шириной 1,3 см и длиной 4,2 см. На полоске слабо прослеживается орнамент – «косичка». По бокам полоски вдоль «косички» имеется такой же элемент, как на вышеописанном украшении – имитация перекрученной нити. Также по обоим бокам полоска имеет по три «ушка», расставленных равномерно по ее длине (рис. 4, 2).

Такие украшения ввиду их схожести (как стилистической, так и с т. н. бантиковидными нашивками) датированы I–V вв. н. э. Украшение из скорлупок, как более похожее на бантиковидные нашивки, может быть датировано III–V вв. н. э. (Кренке, Тавлицева, 2011б. С. 96). Такая же датировка и у клада украшений из расположенного всего в 5 км к северу Троицкого городища (Древнее поселение..., 1970. С. 181–183). В этом кладе имеются также спаянные в группы бляшки-скорлупки, правда, элемент в виде скрученной нити у них идет вокруг всей группы бляшек, а не вокруг каждой бляшки. Очень похожее по стилю украшение найдено на городище «Круглица» в Раменском районе на Москве-реке: ободок на скорлупках такой же, как и на бородинском украшении, только количество бляшек не совпадает (Кренке, Чаукин, 2013. С. 113. Илл. 6, 15). Коллекция с Бородинского селища хранится в фондах Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника.

Рис. 4. Индивидуальные находки с селища Бордино-1 (1, 2), городищ Можайск с посадом (3–5) и Борисовское (6–10)

1 – украшение из бляшек-скорлупок (лицевая и об. ст.); 2 – бронзовая полоска с «ушками-колечками» (лицевая и об. ст.); 3, 9 – керамические грузики «дьякова типа»; 4 – янтарная бусина; 5 – бронзовая фибула «с кнопкой» (посад); 6 – бронзовая цепочка; 7 – костяная стрела; 8 – фрагмент железной булавки с бронзовой обкладкой; 10 – железная трехлопастная стрела

4. *Городище Борисовское*. Городище также известно как «Борисов городок». Датировка культурного слоя городища до работ автора 2009 г. не была точно определена. После внешнего обследования П. А. Раппопорта конца 1940-х гг. (*Раппорт*, 1955) стало ясно, что именно на этом холме в конце XVI – начале XVII в. царем Борисом Годуновым был построен замок, разобранный в 30-е гг. XIX в. В конце 1950-х гг. К. А. Смирнов провел разведку на городище. Им был найден фрагмент лепной керамики (причем, как выяснилось при исследованиях 2009 г., в принесенном из рва песке), после этой находки начало жизни на городище было отнесено к раннему железному веку. Других археологических исследований до 2009 г. на городище не производилось.

Топографическая ситуация: городище представляет собой холм округлой формы, приданной ему искусственно, отделенный от коренного левого берега р. Протвы (левого притока р. Оки) рвом, соединившим два древних оврага. Расположен этот археологический памятник на восточной окраине села Борисово. С напольной (западной) стороны площадки невооруженным глазом заметно возвышение, которое может быть остатками вала. Пока на этом месте раскопок

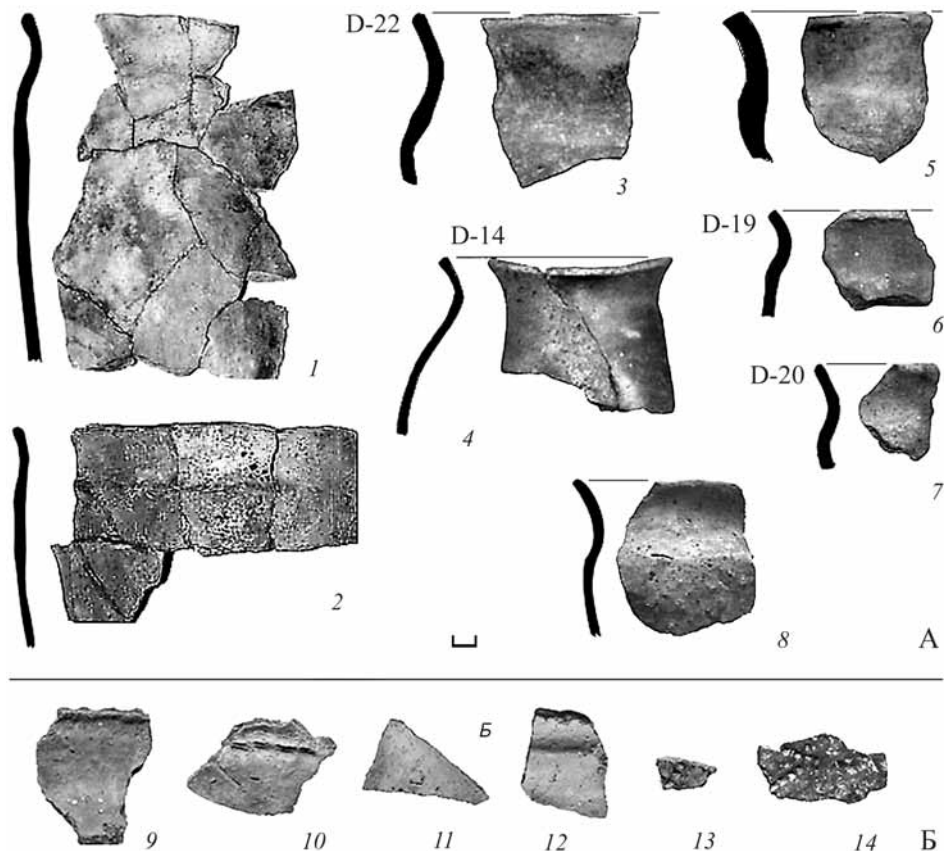
не производилось, кроме того, на этом, самом возвышенном, месте городища располагается братская могила времен Великой Отечественной войны.

В 2009 г. на северном краю городища был заложен раскоп размером 25×4 м (Янишевский, 2011; 2012), доведенный до материка почти на всей площади, кроме краевой части, о чем будет сказано ниже. Под слоем толщиной 0,5 м, отложившимся после Смутного времени и датированным XVII в., находится массив желтого песка толщиной 2–3 м с включениями редких полос культурного слоя раннего железного века. Этот песок, вероятнее всего, был принесен из углубленного в начале строительства замка в конце XVI в. рва, соединяющего овраги, между которыми заключено городище. Песок был использован для выравнивания площадки после возведения стен замка. Под слоем песка прослежена тонкая прослойка древесного тлена коричневого цвета, возникшая, по-видимому, после гниения щепы, оставшейся после обработки большого количества дерева. Под прослойкой щепы культурный слой представляет собой пласт черного цвета толщиной 0,2–0,4 м, сохранившийся *in situ* и датированный нами XII–XIV вв. На самой площадке городища под слоем древнерусского времени слоев более раннего времени не найдено. Однако в краевой части площадки под слоем древнерусского времени появился слой темно-серого цвета, увеличивающийся по толщине с ростом угла падения склона городища. Этот слой содержит преимущественно лепную керамику и находки раннего железного века. Данный массив культурного слоя был в древнерусское время перемещен на край площадки, в процессе перемещения он был перемешан. На перемещенном культурном слое раннего железного века в XII–XIV вв. были построены укрепления, в основе которых были деревянные клетки, заполненные песком и камнями, укрепленные снаружи и изнутри невысокими насыпями. Клетки сгорели в пожаре, а песок прокалился. Одна такая клетка исследована при раскопках.

Максимальная толщина перемещенного на склон городища культурного слоя равняется высоте площадки над уровнем оврага и составляет в исследованном месте 12 м. При раскопках было выяснено, что грунт насыпался на специально вырезанные в склоне холма ступеньки, в плане повторяющие изгиб склона. В раскопе исследованы две ступеньки, вторая сверху находилась на глубине около 5,5 м от верха культурного слоя. Поэтому раскоп, начиная со средней части, не был доведен до материка. Во время строительства крепости в конце XVI в. площадка была увеличена в сторону оврагов еще больше – стены каменной крепости были поставлены на 3,5–4 м дальше от центра городища, чем древнерусские укрепления.

Керамика раннего железного века из слоев на краях площадки относится к двум периодам, описанным выше в разделе «селище Бородино»: гладкостенная керамика баночных форм I в. до н. э. – II в. н. э. и подлощенные сосуды с декоративным ребром в верхней части, датируемые IV–VI вв. н. э. (рис. 5, А).

Индивидуальные находки, которые можно отнести к периоду РЖВ, немногочисленны. Это традиционный для памятников раннего железного века полированный наконечник стрелы из кости, грузик «дьякова типа», двойная медная цепочка, часть железной булавки с медной обкладкой, трехлопастный железный наконечник стрелы (рис. 4, 6–10).

Рис. 5. Лепная керамика с городищ Борисовское (А) и Можайский кремль (Б)

1, 2 – горшки баночных форм; 3, 4, 11 – подлощенная керамика; 5–8, 12 – фрагменты сосудов с ребром; 9, 10 – гладкостенная керамика баночных форм, орнаментированная защипами; 13, 14 – фрагменты горшков, орнаментированных гребенчатым штампом

Цепочка (рис. 4, б) до расчистки представляла собой бесформенный комок окисленной меди, на поверхности прослеживались отдельные колечки. После расчистки выяснилось, что колечки спаяны в звенья из плоской проволоки по шесть штук в ряд, эти звенья попарно соединены большими по диаметру кольцами и образуют цепь. Диаметр каждого колечка – около 5 мм. Количество звеньев цепи установить не удалось, но число их не менее пяти. С одного конца цепи прослеживаются выполненные из такой же проволоки, что и колечки, остатки крючка (?). С другого конца – незначительные фрагменты какого-то украшения. Эта цепочка очень похожа на украшение из клада на Троицком городище, в котором две цепи состояли из парных звеньев по шесть спаянных колечек в ряд, соединенных кольцами. По стилю украшений, прикрепленных к концам цепей, украшение из клада на Троицком городище датировано III–IV вв. н. э. (Древнее поселение..., 1970. С. 181–183).

Булавка (рис. 4, 8) представляет собой железный стержень, диаметр которого 3–4 мм, обернутый медной полосой, покрытой частыми поперечными вдавленными линиями. Полоса с орнаментом спускается по ширине вниз на 1 см. На полосе отлит орнамент (традиционный для украшений дьяковской культуры) в виде «косички», повторенной два раза. Один конец полосы украшен поперечной полоской с таким же орнаментом, развернутым соответственно на 90°. Только тут между косичками отлит зигзаг, который также часто встречается на украшениях дьяковской культуры. Подобные булавки известны в настоящее время в четырех экземплярах, три найдены в бассейне Москвы-реки (*Кренке, Чаукин, 2013. С. 113*), а одна – на берегу р. Оки. По аналогии с известными, булавка, найденная на городище Борисовское, является частью сложного украшения: к одному ее концу должна была быть прикреплена умбоновидная бляха, а сама медная полоска представляет собой часть ажурной полосы и должна быть в несколько раз шире. Например, на Селецком (Раменский р-н Московской обл.) и Щербинском (Подольский р-н) городищах ажурный орнамент выполнен из мелких шариков зерна (Там же. С. 113. Рис. 6, 6; Дьяковская культура, 1974. Табл. VI, 43). Очень похожая булавка найдена на городище Подмоклово (Серпуховский р-н), только отлита она более качественно, а элементы орнамента выполнены в прорезном стиле (АКР..., 1997. Ч. 4. С. 165–167). На основании датировки умбоновидных подвесок, стратиграфически располагающихся ниже горизонта вещей с эмальями (средний горизонт верхнего слоя Дьякова городища), данное украшение следует датировать I–II вв. н. э. (*Кренке, Тавлицева, 2011а. С. 80*).

Трехлопастный железный наконечник стрелы (рис. 4, 10) сохранил только две лопасти, но вполне пригоден для реконструкции и определения. Наконечник черешковый, черешок сохранился полностью, имеет упор. Лопасты при переходе к черешку имеют полуциркульный вырез в $\frac{1}{4}$ круга. Похожий наконечник найден на городище Ростиславль в среднем течении р. Оки (*Воронцов, 2014. С. 317. Рис. 4, 16*). Стратиграфически наконечник соотнесен со слоем пожара, наиболее вероятно датированным концом IV – первой половиной V в. Коллекция находок с городища Борисовское передана в Калужский областной краеведческий музей.

5. *Можайский кремль*. Оползневой останец расположен на территории г. Можайска, на правом берегу речки Можайки, в двух километрах от ее впадения в р. Москву. Топографическая ситуация: останец имеет сильный наклон к северу, перепад высот составляет 13 м. Ложиной, устье которой было запружено в XIV в., холм делится на две площадки. В 2005–2006 гг. на территории кремля были заложены четыре раскопа. В нижней части восточной площадки (раскоп 1) были найдены в переотложенном виде лепная керамика и грузик «дьякова типа» (рис. 4, 3). В раскопе 4 на западной площадке найден закрытый комплекс (яма 5), содержащий только лепную керамику и половинку округлой янтарной бусины (*Янишевский, 2010. Илл. 4*) (рис. 4, 4).

К сожалению, яма 5 была частично разрушена позднесредневековой постройкой, однако оставшаяся ее часть хорошо видна за счет заполнения черного цвета. Размер оставшейся части ямы 5–80 × 100 см, глубина – 0,6 м. Лепная керамика, которая была найдена в яме 5, трех типов: гладкостенная,

подлощенная и имеющая опечатки гребенчатого штампа (рис 5, Б). Гладкостенные горшки имели баночную форму, иногда украшались защипами и датируются I–III вв. н. э., к этому же времени относится и грузик «дьякова типа», найденный на раскопе 1. Керамика с подлощенной поверхностью датируется IV–VI вв. и встречается как на памятниках Москворечья (Позднедьяковская культура), так и на памятниках Верхнего Поочья (Мощинская культура). Скорее к древностям последней культуры относится также найденная в этой яме керамика с ребром-уступом, о чем уже говорилось выше. V в. н. э. датируется бронзовая фибула типа окских «фибул с кнопкой» (рис. 4, 5), обнаруженная на посадке (напротив кремля, на левом берегу р. Можайки) в погребке дома, спрятанная, видимо, в эпоху средневековья местным жителем вместе с другим медным ломом. Ближайшая в географическом плане находка подобной фибулы сделана на берегу Москвы-реки чуть выше Звенигорода, в 50 км ниже по течению от Можайска (Ахмедов, 2008. С. 13, 22). Находки таких фибул свидетельствуют о развитых торговых связях в Поочье в середине I тыс. н. э.

Неожиданностью стала находка в Можайском кремле керамики с отпечатками гребенчатого штампа (VII–VI вв. до н. э.) – в Верхнем Москворечье памятники с такой керамикой до сих пор были неизвестны. Можайский кремль стал самым западным из них. Ближайшие памятники, где найдена керамика с гребенчатым штампом – городища «Связист» и Луцино-2³ под Звенигородом, которые отстоят от Можайска на восток (вниз по реке) на 55–60 км.

Таким образом, на двух описанных в данной статье археологических памятниках найдена сетчатая керамика середины – конца I тыс. до н. э., на всех памятниках выявлены слои середины – конца I в. до н. э. – III в. н. э., а на трех – материалы IV–VI вв. н. э. Это расширяет ареалы не только Позднедьяковской и Мощинской культур, но и памятников с керамикой, украшенной гребенчатым штампом: со Среднего Москворечья до Можайска.

ЛИТЕРАТУРА

- Археологическая карта России. Московская область / Ред. Ю. А. Краснов. М.: ИА РАН, 1997. 350 с.
- Ахмедов И. Р., 2008. Окские фибулы // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпоху римских влияний и великого переселения народов. Вып. 1 / Ред.: И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». 397 с.
- Воронцов А. М., 2014. Поздний период существования мощинской культуры // КСИА. Вып. 235. С. 310–326.
- Древнее поселение в Подмосковье. Ч. 1 / Ред. К. Ф. Смирнов. М.: Наука, 1970. 208 с.
- Дьяковская культура / Ред. Ю. А. Краснов. М.: Наука, 1974. 274 с.
- Кренке Н. А., 2011. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. / Ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. 548 с.
- Кренке Н. А., Сулержицкий Л. Д., 2011. Глава 5. Хронология городища по археологическим и радиоуглеродным данным // Кренке Н. А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. / Ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 135–147.

---

³ Сообщение Н. А. Кренке.

- Кренке Н. А., Тавлицева Е. Ю.*, 2011а. Экскурс 1. Типология и хронология умбоновидных подвесок // Кренке Н. А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. / Ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 79–81.
- Кренке Н. А., Тавлицева Е. Ю.*, 2011б. Экскурс 4. Бантиковидные нашивки // Кренке Н. А. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. / Ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 94–100.
- Кренке Н. А., Чаукин С. Н.*, 2013. Городище дьякова типа Круглица на Москве-реке // РА. № 1. С. 106–118.
- Московская керамика. Новые данные по хронологии / Ред.: С. З. Чернов, М. Д. Полубояринова. М.: ИА РАН, 1991. 198 с. (Материалы и исследования по археологии Москвы; т. 5).
- Раппопорт П. А.*, 1955. Борисов городок. Материалы к истории строительства Бориса Годунова // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 3 / Ред. Н. Н. Воронин. М.: Наука. 356 с. С. 59–76. (МИА; № 44).
- Янишевский Б. Е.*, 2010. Можайск и его округа в XI–XV вв. М.: Таус. 144 с.
- Янишевский Б. Е.*, 2011. Раскопки на Борисовом городке в 2009 г. // Макариевские чтения. Вып. 18: «Воинство земное – воинство небесное»: Материалы XVIII Всероссийской науч. конф. памяти Святителя Макария. Можайск / Сост.: Л. С. Кертанова, А. К. Крылов. Можайск. С. 534–569.
- Янишевский Б. Е.*, 2012. Раскопки на Борисовом городке в 2009 г. // АП. Вып. 8. С. 229–245.

Сведения об авторе.

Янишевский Борис Евгеньевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: bobbyu@yandex.ru.

B. E. Yanishevsky

NEW DATA ON THE SITES OF THE EARLY IRON AGE AND MIGRATION PERIOD ON THE UPPER MOSKVA RIVER

Abstract. All five explored sites of the Upper Moskva Region and the Protva river head revealed layers dating to the end of the 1st century BC – 3rd century AD; net-impressed pottery dated to the middle-end of the 1st mill. BC was found at the sites of the Upper Moskva River, while artefacts of the 4th – 6th centuries AD were retrieved from three sites. The new finds expand the boundaries of the Late Dyakovo and the Moshchino cultures. The area of the sites containing comb-stamped pottery was also expanded to include the area reaching Mozhaik in addition to the Middle Moskva River region.

Keywords: Early Iron Age, 1st millennium BC, 1st millennium AD, Central European part of Russia, Moskva River, Upper Moskva River, Middle Moskva River, Protva, Oka, Dyakovo culture, Late Dyakovo culture, Moshchino culture, Mozhaik.

About the author:

Yanishevsky Boris E., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: bobbyu@yandex.ru.

А. С. Сыроватко, О. Ю. Потемкина,
А. А. Трошина, Н. Г. Свиркина

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ХРОНОЛОГИИ МОГИЛЬНИКОВ ЩУРОВСКОГО ТИПА: ПОГРЕБЕНИЕ В СОКОЛОВОЙ ПУСТЫНИ ИЗ РАСКОПОК 2014 ГОДА*

Резюме. В статье приводятся результаты исследования нового могильника у д. Соколова Пустынь у г. Ступино на р. Оке. Погребальный обряд представляет собой помещение остатков кремации на древней поверхности, вместе с человеком происходило сжигание животных (крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, птицы, собаки или кошки). Сравнение погребального инвентаря с уже известными могильниками позволило датировать погребение 2014 г. раскопок временем не ранее второй половины X в. и прийти к выводу, что открыт один из самых поздних могильников щуровского типа.

Ключевые слова: раннее средневековье, Эпоха викингов, могильники с кремациями, Средняя Ока.

Соколова Пустынь – сложное сочетание селищ позднедьяковского времени с могильниками по обряду кремации (*Потёмкина и др.*, 2013). Памятник расположен в Ступинском районе Московской области на левом берегу р. Оки, на первой и второй надпойменной террасах. Территория памятника поросла кустарниками и лесом, нарушена противопожарными траншеями и окопами времен Великой Отечественной войны.

Таким сочетанием разновременных памятников I тыс. н. э., расположенных на разновысотных, по отношению к реке, площадках, этот памятник весьма сходен с Щуровским могильником (*Сыроватко и др.*, 2015). В настоящее время один могильник открыт на «верхней» площадке Соколовой Пустыни, он датирован нами V–VII вв. н. э. (*Потёмкина и др.*, 2013); второй обнаружен на «нижней» площадке (*Потёмкина и др.*, 2014) (рис. 1). Однако о втором могильнике сведений было совсем мало – единственное известное погребение было почти без вещей (Там же), и потому обнаружение второго погребения с ярким инвентарем расширяет представление о новом могильнике. О результатах этого исследования и пойдет речь¹.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14-06-00423 «Реконструкция природного окружения поселений Раннего железного века – раннего Средневековья в бассейне Средней р. Оки».

¹ О. Ю. Потемкина – держатель Открытого листа, начальник раскопа, А. С. Сыроватко – начальник участка, А. А. Трошина – стекловедческие определения, Н. Г. Свиркина – антропологические определения.

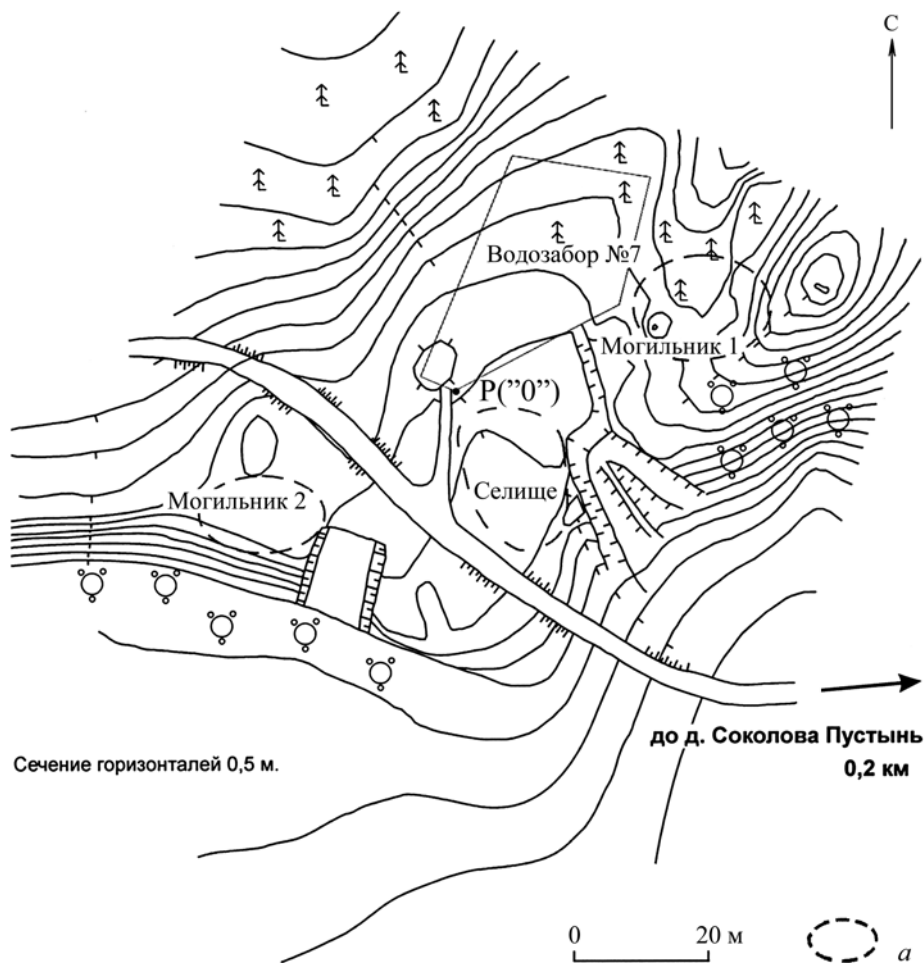

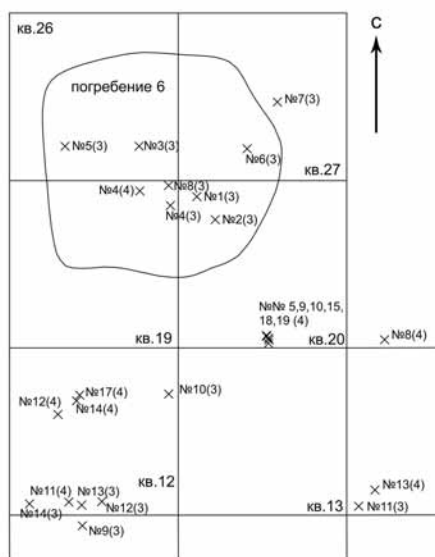
Рис. 1. Соколова Пустынь. План памятника

Могильник 2 расположен на прибровочном краю 1-й террасы р. Оки, при впадении в нее небольшого ручья. Окопом времен войны, вырытым вдоль края террасы, было задето первое погребение; второе располагалось в 5 м севернее от него, в глубине террасы.

Это плотная линза костей (20 см), залегавшая на минимальной глубине под современной почвой (ок. 10–15 см) (рис. 2, б). Скопление костей не имело заглубленного в землю «ядра», которое сочеталось бы с неплотным широким верхом. Напротив, оно само, хотя и не было компактным, представляло собой плотное, но уплощенное скопление, почти без шлейфа. Считать ли его ссыпанным на поверхность или все же заглубленным, хотя и минимально, в ямку или лунку, непонятно (хотя последнее вероятнее). Общий вес костей, собранных с 1,5 кв. м,

0 1 м

Рис. 2. Соколова Пустынь. Погр. 2014 г.

а – раскоп 2014 г. с нанесенными погребениями 2012, 2014 гг. и скоплением находок; б – погребение 2014 г.; в – план-схема погребения и скопление находок вблизи него

составил 7366,27 г. Средний размер костных фрагментов составляет примерно 1,5–2 см (однако встречались и фрагменты размером до 5 см). Кости из погребения преимущественно светло-серого цвета, что соответствует температуре

горения около 650–750° С. Более 90 % фрагментов костей можно отнести к категории неопределимых. Среди остальных удалось идентифицировать фрагменты костей взрослого человека (корней зубов, фаланг верхних и нижних конечностей, теменной кости с заросшим швом и др. фрагменты черепа) и животных. Отметим, что видовое разнообразие животных в данном погребении довольно значительное: фрагменты позвонков (в частности, хвостового отдела скелета), метаподий свиньи, МРС и КРС (а также рога), фаланг собаки и кошки (?) и один фрагмент кости птицы. Кроме того, некоторые кости животных попали в погребальный костер либо частично скелетированными, либо предварительно прошедшими термическую обработку.

К индивидуальным находкам из погребения относятся: три бронзовые пуговицы (№ 22, 186, 187) (рис. 3, 2–4); два бронзовых бубенчика (№ 50, 56) (рис. 3, 6–7); неатрибутированный фрагмент биметаллического изделия в виде пуговицы-шпешка, вставленного в железную пластину (№ 55) (рис. 3, 5); скульгама с т. н. «гвоздевидными», или «воронкообразными», наверхиями (№ 163) (рис. 3, 1), в действительности больше напоминающие уланский кивер; стеклянные пронизи (№ 40, 42, 199) (рис. 4: с. 469); стеклянный бисер (№ 20); фрагменты биконического пряслица (возможно, попавшие в скопление из слоя позднедьяковского времени) (№ 41); слиток цветного металла. К нашему удивлению, самые яркие находки из скопления костей не повреждены огнем, что, конечно, отличается от увиденного нами в Лужках Е (*Сыроватко*, 2013; *Сыроватко и др.*, 2013) и в Щурово (*Сыроватко и др.*, 2015).

К югу от скопления костей была обнаружена повышенная концентрация находок «погребального» облика (рис. 2, а, в). В непосредственной близости от погребения (0,5–0,15 м к югу) располагались железный язычок от пряжки (№ 63) (рис. 3, 11); бубенчики (№ 88, 89) (рис. 3, 12–14); миниатюрный железный гвоздик (№ 84); сильно сточенный железный нож (рис. 3, 9) с плавными скосами-уступами по спинке и лезвию; обломок острия еще одного ножа (рис. 3, 10), весьма характерные для кремаций бесформенные слитки цветного металла; оплавленные стеклянные двухчастные пронизи (двухслойные серебряно-стеклянные и ложнозолоченые); пронизи двухчастные синего, сине-зеленого и желтого непрозрачного стекла (№ 82, 86, 94–99, 102, 103, 104, 105) (рис. 4, 5–19). Этот факт сразу вызвал ассоциации со «скоплениями кремированных находок», известных в Щурово (*Сыроватко и др.*, 2014). Кроме того, наложение могильника на позднедьяковский слой всегда оставляет вероятным смешение разновременных предметов.

Рассмотрим наиболее яркие находки из линзы костей и из скопления находок. В первую очередь отметим два литых крестопорезных бубенчика (рис. 3, 6–7). Оба изготовлены в одном стиле и практически идентичны. Это массивные и крупные (24,3 × 37 мм) экземпляры, отлитые вместе с петлей. Оба слегка расширяются к низу тулова («грушевидные»). Щели выполнены по-разному на каждом: одна из них имеет на концах круговые расширения, вторая – без них. Это довольно странная деталь, поскольку круглые отверстия на концах щели являются результатом технологии изготовления бубенчиков, соединенных пайкой из двух штампованных половинок. Отверстия предназначались либо для пропильвания щели (*Комар, Стрельник*, 2011. С. 158), либо для выхода воздуха при

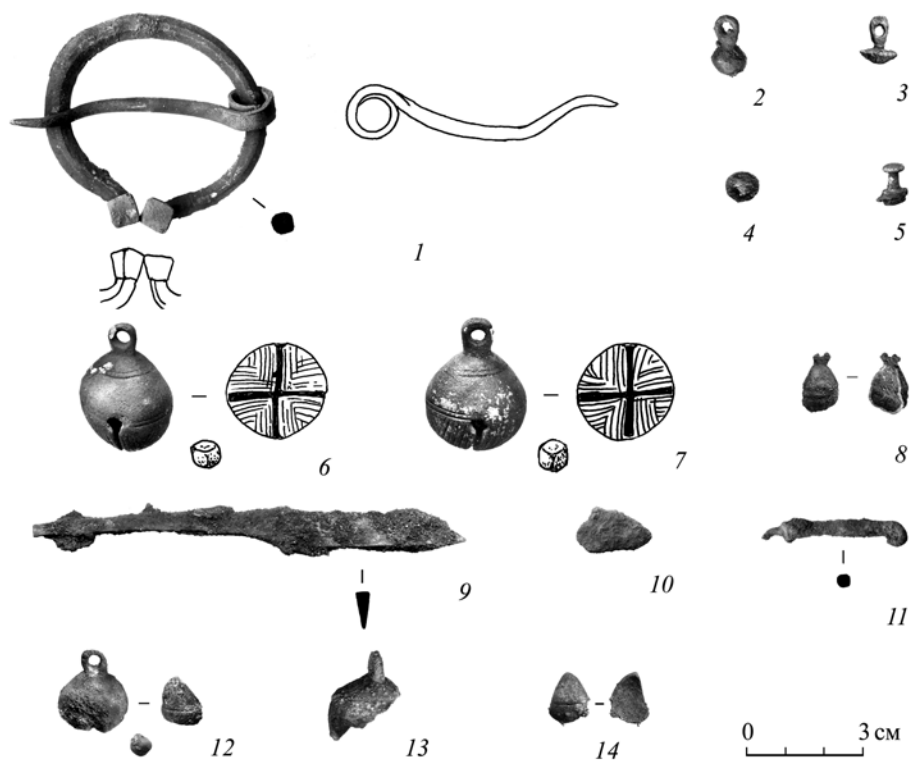

Рис. 3. Соколова Пустынь. Предметы из погребения (1–8) и из скопления находок (9–14)

1 – сьюлгана; 2–4 – пуговицы; 5 – фрагмент биметаллического изделия, 6–8 – бубенчики с четырнадцатигранным кубиком (№ 6, 7); 9 – нож; 10 – фрагмент ножа; 11 – язычок пряжки; 12–14 – фрагменты бубенчиков с шариком (№ 12)

1–4, 6–8, 12–14 – медный сплав; 5 – медный сплав и железо; 9–11 – железо

пайке (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 206)². Воспроизведение отверстий на литых бубенчиках, тем более только на одной из двух щелей, выглядит странным подражанием «штампованным» прототипам. Бубенчики орнаментированы так же, как и большинство древнерусских экземпляров: двойной прочерченный пояс на уровне конца прорезей, второй двойной – в верхней части тулова, под петлей, а лепестки украшены «елочкой» из черт, параллельных краям³. Самой удивительной является форма «источника звука» внутри них – это не шарики, а сложной формы кубы со сглаженными углами. Еще один бубенчик (погребение, рис. 3, 8), от которого сохранилась только половинка, изготовлен по иной технологии: из двух литых, вертикально ориентированных половинок. Именно такую технологию изготовления бубенчиков А. В. Комар назвал «классической салтовской» (Комар, Стрельник, 2011. С. 158).

² Правда, в этом случае непонятно, почему недостаточно самой щели.

³ Вероятно, это специфика именно крупных экземпляров: небольшие, как правило, орнаментированы на лепестках линиями, параллельными только одному из краев.

Отдельно выделим два оплавленных крестопорезных бубенчика из скопления находок (рис. 3, 12–13), небольших (по сравнению с бубенцами из самого погребения) и без парных отверстий на щелях, а также мелкие фрагменты сферического предмета из тонкого медного листа – также, вероятно, бубенчика или пуговицы, но иного типа, изготовленного штамповкой.

Стеклянные бусины (рис. 4, 5–19) из скопления находок по типам сходны со всей коллекцией бус, происходящей из раскопа (*Потёмкина*, 2015) (за исключением трех бусин, которые относятся к более раннему периоду и не совпадают в плане со скоплением находок и погребением). Визуальный анализ стекла показал, что большая часть находок (40 %, 10 шт.) изготовлена из синего прозрачного стекла. 28 % бус (7 шт.) сделаны из желтого непрозрачного стекла. Еще 28 % находок являются сложносоставными – это пронизи и бусы с металлической прокладкой, имеющие основу из грязно-белого стекла и кантарель из стекла прозрачного желтого либо бесцветного. Все бусы изготовлены из тянутой трубочки (VIII группа, по З. А. Львовой). 44 % ее составляют однослойные пронизи (синего и желтого стекла), все они двухчастные, как правило, с глубокими перемычками. В равных долях (по 12 %) представлены бусины-«лимонки» и синий бисер.

Таким образом, данная коллекция достаточно однородна и состоит из массовых типов бус. Если обратиться к аналогиям, то ближайшая коллекция для сопоставления – Щурово (*Сыроватко и др.*, 2013; 2014). Отметим, что, несмотря на явную схожесть погребального обряда, совпадение в типах бус не абсолютное. Однослойные пронизи, подобные публикуемым, в Щурово не встречаются, хотя многочастных пронизей там много. Отличие заключается в количестве частей пронизи (в Соколовой Пустыни – только двухчастные, в Щурово – почти всегда многочастные) и в характере перехватов (в коллекции из Соколовой Пустыни они глубже и шире). В Щурово не встречено бус-«лимонок». Бусы с металлической прокладкой и бисер встречаются на обоих памятниках.

Погребение 2 могильника 2 Соколовой Пустыни оказалось весьма сходным и с первым погребением (*Потёмкина и др.*, 2014), и с погребениями могильника 1 (*Потёмкина и др.*, 2013), и, наконец, с щуровскими кремациями (*Сыроватко*, 2014). Первый вывод, напрашивающийся из анализа вещей: публикуемое погребение моложе Щуровских, которые мы датируем не позднее первой половиной X в. (Там же. С. 50–52): в Щуровских кремациях литые бубенчики неизвестны, зато многочисленны «шплинты» – ушки от полых пуговиц и бубенчиков, сделанных путем штамповки двух отдельных половинок, типа 3 – по С. А. Плетневой (1989. С. 107). Единственный уцелевший в огне бубенчик из Щурово содержал внутри костяную бусину, по форме и технологии он полностью соответствует т. н. «византийским» бубенчикам (*Комар, Стрельник*, 2011. С. 158). Этот факт согласуется с мнением консультировавшего нас А. В. Комара о том, что литые бубенчики в древнерусских комплексах появляются не ранее середины X в. Больше сходства литые бубенчики из Соколовой Пустыни обнаруживают с бубенчиками из могильника Лужки Е. В кремациях в Лужках, помимо «шплинтов» и единичной половинки штампованного экземпляра, встречены и массивные, и некрупные (как в скоплении находок к югу от погребения) цельнолитые экземпляры. Помимо бус, указывающих на вторую половину X в., в Лужках Е (*Сыроватко*, 2013; *Сыроватко и др.*, 2013) есть еще

одна яркая находка, однозначно связанная с миром викингов, – покрытая окалинной корабельная заклепка (Сыроватко, 2014).

На Щуровском могильнике не найдено сьюльгам прибалтийских типов. Есть, правда, два обломка, которые могут быть и навершием сьюльгамы, и весовой гирькой, и деталями гривны или браслета (Сыроватко и др., 2015. Рис. 4, 15). Известны в Щурово и некоторые вещи, указывающие на связи с кругом викингов, – фрагменты янтаря, булавка с подвижным кольцом. Фибула с 14-гранными навершиями известна в низовьях Москвы-реки, в черте г. Коломны (Кулаков, Сыроватко, 2003; Kulakov, Syrovatko, 2006), но, повторим, в самом Щуровском могильнике их нет, хотя исследовано более 60 погребений на площади более 2,5 тыс. м². Сьюльгама из публикуемого погребения могильника Соколова Пустынь, по нашему мнению, датируется второй половиной X в. М. В. Седова, указывая на прибалтийское происхождение таких сьюльгам, отмечала, что в Новгороде они встречаются не ранее конца X в., а время их максимального распространения относится к XI в. (Седова, 1997. С. 72). Ранняя дата в прибалтийском ареале – IX в. – не должна исключаться, но тогда мы вправе ожидать близости набора бус Щурово и Лужков, а ее как раз и нет. Именно бусы дают нам основания предполагать, что Щурово, с одной стороны, а Лужки Е (а вместе с ними, вероятно, и Соколова Пустынь 2), с другой, близки по времени, но не синхронны. Безусловно, все три могильника исследованы с разной степенью детальности, и если Щурово раскопано на площади свыше 2,5 тыс. м², то в Лужках это только 360 м², а на могильнике 2 Соколовки только 30! Следовательно, последний из перечисленных могильников может преподнести в перспективе любые сюрпризы. Однако полученный в результате последних раскопок в Соколовой Пустыни погребальный инвентарь позволяет сделать вывод, что Щурово прекращает свое существование раньше Лужков Е и Соколовой Пустыни (вероятно, в первой половине – середине X в.), хотя сама традиция совершения таких кремаций в регионе не прерывается (или возобновляется после Щурово в новом месте).

Совершенно не исключено даже более позднее, чем X в., время совершения публикуемого погребения Соколовой Пустыни, поскольку точной даты по перечисленному инвентарю мы узнать не можем. Но из этого следует, что своеобразные по погребальному обряду могильники с кремациями Щуровского типа могут сменяться «вятичской» курганной культурой без хронологического разрыва или даже некоторое время сосуществовать с ней.

Авторы благодарят А. В. Комара (ИА НАН), В. И. Кулакова (ИА РАН) и Е. В. Добровольскую (Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН) за консультации.

ЛИТЕРАТУРА

- Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г., 2011. Ювелирное дело «Земли Вятчей» во второй половине XI–XIII вв. М.: Индрик. 402 с.
- Комар А. В., Стрельник М. А., 2011. «Репрессированный клад»: комплекс ювелирных изделий VIII в. из находки у с. Фотовиж // *Stratum plus*. № 5: Древности Антов. С. 143–164.
- Кулаков В. И., Сыроватко А. С., 2003. Подковообразная фибула из Коломны // *КСИА*. Вып. 215. С. 51–58.
- Плетнева С. А., 1989. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.: Наука. 285 с.

- Потемкина О. Ю., 2015. Отчет о раскопках на памятнике Соколова Пустынь в Ступинском районе Московской области // Архив ИА РАН.
- Потемкина О. Ю., Сыроватко А. С., Клеценко Е. А., 2013. Соколова Пустынь – новый погребальный памятник позднеязыковского времени // КСИА. Вып. 230. С. 260–266, цв. вкл.
- Потемкина О. Ю., Сыроватко А. С., Добровольская М. В., Свиркина Н. Г., 2014. Раскопки 2012 г. в Соколовой Пустыни: новое погребение или новый могильник? // АП. Вып. 10. С. 57–63.
- Седова М. В., 1997. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура / Отв. ред.: Б. А. Колчин, Т. И. Макарова. М.: Наука. С. 63–78.
- Сыроватко А. С., 2013. Новые материалы могильника Лужки Е // АП. Вып. 9. С. 56–67.
- Сыроватко А. С., 2014. Могильники с кремациями на Средней Оке второй половины I тыс. н. э. // РА. № 4. С. 48–61.
- Сыроватко А. С., Клеценко Е. А., Свиркина Н. Г., Трошина А. А., 2015. Грунтовые кремации Щурово: к вопросу о первоначальной форме погребений // АП. Вып. 11. С. 147–154, цв. вкл.
- Сыроватко А. С., Сидоров В. В., Клеценко Е. А., Трошина А. А., 2013. Могильник Лужки Е – некоторые наблюдения над старыми коллекциями // АП. Вып. 9. С. 52–56.
- Сыроватко А. С., Трошина А. А., Гольева А. А., Шишков В. А., 2014. Скопление «кремированных» находок на Щуровском могильнике: деталь обряда или случайность? // АП. Вып. 10. С. 42–56.
- Kulakov V., Syrovatkov A., 2006. Horseshoe-shaped fibulas with cubicterminals in Scandinavia, the Baltic and the Moscow region // *Archaeologisches Korrespondenzblatt*. Jg. 36. H. 4. S. 591–596.

Сведения об авторах.

Сыроватко Александр Сергеевич, Коломенский археологический центр, ул. Кремлёвская, 5, Коломна, 140400, Московская обл., Россия; e-mail: arxeolog-net@rambler.ru;

Потемкина Ольга Юрьевна, Коломенский археологический центр, ул. Кремлёвская, 5, Коломна, 140400, Московская обл., Россия; e-mail: potema07@mail.ru;

Трошина Алла Андреевна, Коломенский археологический центр, ул. Кремлёвская, 5, Коломна, 140400, Московская обл., Россия; e-mail: alla-troshina89@rambler.ru;

Свиркина Наталья Геннадьевна, Коломенский археологический центр, ул. Кремлёвская, 5, Коломна, 140400, Московская обл., Россия; e-mail: natasha260793@mail.ru.

A. S. Syrovatko, O. Yu. Potemkina, A. A. Troshina, N. G. Svirkina

NEW DATA ON THE CHRONOLOGY OF SHCHUROVO-TYPE CEMETERIES:
A GRAVE IN SOKOLOVA PUSTYN' FROM THE 2014 ARCHAEOLOGICAL
EXCAVATIONS

Abstract. The paper provides results of explorations of a recently discovered cemetery near the village Sokolova Pustyn' located in the vicinity of the town of Stupino on the Oka River. The burial rite consisted in placement of cremated remains on the ancient ground surface; the cremation of the dead person was accompanied by cremation of animals (such as cattle, sheep and goats, pigs, birds, dogs or cats). The comparison of the funeral offerings with those from the already known cemeteries enabled the archaeologists to date the new grave discovered in 2014 to the period not earlier than the second half of the 10th century and come to the conclusion that this is the latest cemetery of Shchurovo-type discovered.

Keywords: early medieval period, the Viking Age, cremated cemeteries, Middle Oka.

About the authors.

Syrovatko Alexander S., Kolomensky archaeological centre, ul. Kremlevskaya, 5, Kolomna, 140400, Moscow region, Russian Federation; e-mail: arxeolog-net@rambler.ru;

Potemkina Ol'ga Yu., Kolomensky archaeological centre, ul. Kremlevskaya, 5, Kolomna, 140400, Moscow region, Russian Federation; e-mail: potema07@mail.ru;

Troshina Alla A., Kolomensky archaeological centre, ul. Kremlevskaya, 5, Kolomna, 140400, Moscow region, Russian Federation; e-mail: alla-troshina89@rambler.ru;

Svirkina Natal'ya G., Kolomensky archaeological centre, ul. Kremlevskaya, 5, Kolomna, 140400, Moscow region, Russian Federation; e-mail: natasha260793@mail.ru.

В. И. Кулаков

ВНЕШНИЕ КОНТАКТЫ ЭСТИЕВ ПО ДАННЫМ ВООРУЖЕНИЯ И КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ

Резюме. Статья посвящена проблеме поисков импортных предметов среди комплекса наступательного и оборонительного вооружения эстиев, а также снаряжения их боевых коней, известных по данным могильников римского времени.

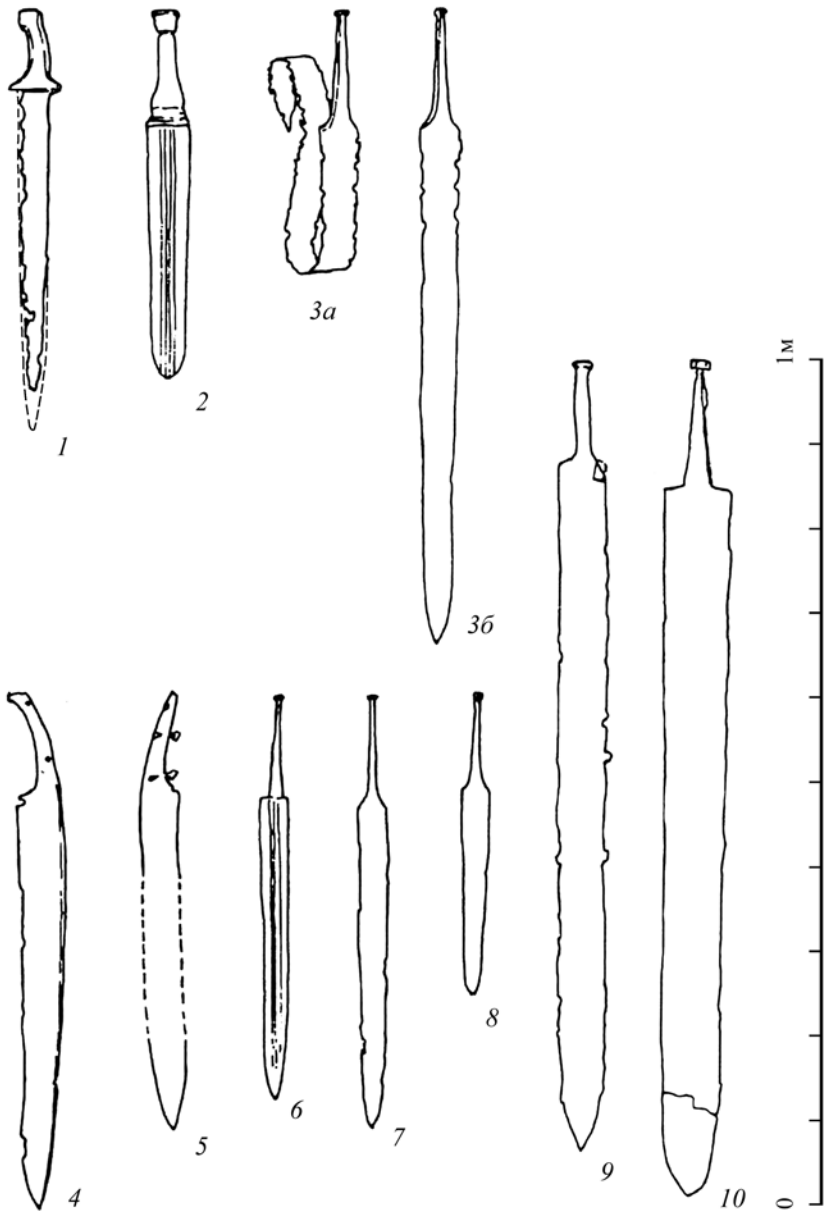
Ключевые слова: эстии, Янтарный берег, оружие, конское снаряжение.

Интерес археологов к изучению оружия эстиев, обитавших на Янтарном берегу в римское время, проявился еще в начале XX в. Опираясь на многочисленные материалы, добытые на протяжении первого столетия активной раскопчной деятельности на Самбии членов Общества «Пруссия», тогдашний директор Музея «Пруссия» В. Герте немалое место в своей научно-популярной книге о прусской археологии, изданной в 1929 г. (*Gaerte*, 1929. S. 210–212), уделил наступательному и оборонительному вооружению жителей Янтарного берега начала нашей эры. О специфике вооружения эстиев писал Тацит: «Меч у них (эстиев – К. В.) – редкость; употребляют же они чаще всего дреколье» (*Тацит*, 1969. С. 372). Термин «*fustius*», который в русском переводе звучит как «дреколье» (дословно – «молотильный цеп»), В. Новаковски посчитал обозначением проушного топора, традиционного оружия (и орудия труда) западнобалтских общинников (*Nowakowski*, 1994. S. 390).

В археологическом материале Янтарного берега римского времени наступательное вооружение в виде клинкового оружия представлено действительно в незначительном количестве. При этом В. Новаковски указывает на влияние пшеворского вооружения на западнобалтскую *militaria* в раннем железном веке, отразившуюся в находках на Мазурах листовидных наконечников копий с декорированным лезвием, характерных для пшеворских традиций (*Nowakowski*, 2002.

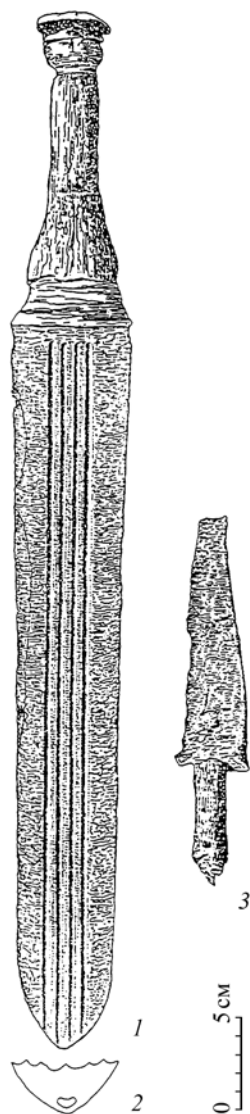
S. 137–139). Однако пшеворские меченосцы раннего железного века, оставившие в древностях Повисления богатый клинковый материал, традиции использования холодного оружия своим западнобалтским соседям до начала нашей эры так и не передали. Напротив, находки последних десятилетий XX в. показали распространение в пшеворском ареале в I–II вв. н. э. мечей типа Майнц (Mainz) и Кэнтерберри (Canterbury), характерных для римских пехотинцев (*Biborski*, 2000. S. 59). Рост числа находок римского клинкового оружия на финальном отрезке Янтарного пути, шедшего по р. Висле, является отражением роста римского военного присутствия в южной части названной торговой трассы. Там, у города Карнунтум в поселенческих слоях I в. н. э. фиксируется большое количество разнообразных находок, свидетельствующих о резком возрастании в эпоху Флавиев мощи Империи для контроля над Янтарным путем (*Mráv*, 2013. P. 87). Территориальная близость мазурских древностей к трассе Янтарного пути, видимо, стала причиной распространения клинкового оружия в ареале «богачевской» культуры (рис. 1, нижний ряд). На Самбии такой формы оружия встречено меньше (рис. 1, верхний ряд). Более того, как показывают данные водных жертвоприношений в Мазурском Поозерье, здесь в римское время проявился германский обычай жертвоприношения путем затопления в водах клинкового оружия. Причем в озере Вулка (Wolka-See/Wólka), самом восточном пункте германских жертвоприношений мечей, были обнаружены обломки позднеримских кавалерийских клинков-спат (*Кулаков*, 2014. С. 135) типов Аугст (Augst) и Эйсбёл (Ejsbøl?) (*Nowakowski*, 2001. S. 115, 116). В недавно открытом месте жертвоприношений на оз. Нидайно (Nidajno) около Чашково (Czaszkowo) Мазурско-Варминьского воеводства (woj. Mazursko-Warmińskie Polski) польскими коллегами были найдены детали римских поясных наборов и золотые накладки на перекрестие и ножны кавалерийского (?) меча IV в. н. э. и янтарная подвеска к его рукояти (темляку) (*Nowakiewicz, Rzeszotarska-Nowakiewicz*, 2012. S. 92, 93, 117). У восточной границы Самбии в XIX в. в погр. б/№ могильника Илишкен (Ilschken) в Гвардейском р-не был найден римский кинжал типа *pugio* 30–70 гг. I в. н. э. (*Nowakowski*, 1985. S. 80) в инкрустированных серебром железных ножнах. В состав инвентаря этого труположения (?), сопровождавшегося головой коня, входила бронзовая фибула типа AIV,72, наконечник копья, фрагмент умбона щита, удила с двумя конскими зубами (*Eggers*, 1951. S. 102; *Nowakowski*, 1985. Rys. 7). Примечательно укорачивание, которому подвергся клинок спаты в погр. XXXIV могильника Хрустальное (Wiekau), свидетельствующее о привычке эстиев I и II вв. н. э. сражаться в исключительно пешем строю, используя короткие клинки (*Nowakowski*, 2007. P. 91). Правда, одно время В. Новаковски именовал этот клинок гладиусом (*Nowakowski*, 1996. S. 30). На самом деле длина клинка из Хрустального – 37 см (рис. 2) – не соответствует имперским стандартам (*Колобов*, 1999. С. 79). «Один из возможных вариантов интерпретации вещевого комплекса из Wiekau – дар представителей соседствовавших с эстиями с запада германских племен, заинтересованных в стабильности янтарной торговли, одному из местных родовых аристократов» (*Кулаков*, 2008. С. 91). Долгое время считалось, что лишь находка клинка в Глауше (Glausche) в Силезии представляет собой единственный пример переделанного «варварами» римского меча (*Raddatz*, 1967. S. 15).

Теперь к этому примеру добавляется и меч из Хрустального. Схематично изображенный наконечник его ножен (рис. 2, а-34) позволяет отнести его

Рис. 1. Мечи западных балтов римского времени.

1 – Сибирское (Moritten), Правдинский р-н; 2 – Хрустальное, погр. XXXIV; 3а, 3б – Парусное (Gaffken), Зеленоградский р-н; 4 – Мойтыны (Moütinen); 5 – Кочек; 6 – Скомацко, погр. 23; 7 – Грунайки; 8 – Хаазен; 9 – Швейцария, кург. 25; 10 – Швейцария, кург. 2 (по: Nowakowski, 1994. Abb. 2)

**Рис. 2. Могильник
Хрустальное, погр.
XXXIV. Инвентарь
(по: Кулаков, 2008. Рис. 4)**

к провинциально-римским наконечникам типа Севингшильд (Sewingshield/Strageath) второй четверти II в. н. э. (Matešič, 2008. S. 96). Меч в этом комплексе сопровождается боевым (?) ножом с лезвием треугольной формы (рис. 2, d).

Аналогии таким клинкам «прежде всего, стоит искать в древностях близлежащей пшеворской культуры, оставленной в Повисленье германскими и кельтскими племенами. Еще в раннем железном веке носители оксывской культуры активно использовали треугольные клинки длиной 50 см и более, именуемые археологами «однолезвийные мечи» (нем. “einscheidige Schwert”). Находки этих клинков известны в Восточном Поморье и по левому берегу р. Вислы в ее нижнем течении, по западной границе будущей пшеворской культуры. Данные клинки были предназначены как для колющего (длинное острое клинка), так и для режущего удара. На последнюю функцию указывает рукоять длиной ок. 10 см, рассчитанная на приложение к ней вектора силового напряжения под прямым углом» (Кулаков, 2013. S. 37). На основе данного однолезвийного боевого клинка, попавшего к эстиям от их германских соседей, местные мастера к IV в. н. э. разработали боевой нож с горбатой спинкой (нем. krumme Messer) на основе вельбарских и более ранних традиций (Шукин, 2002. Рис. 3, 2).

Как уже отмечалось выше, проушной топор в римское время активно использовался западными балтами, правда, – преимущественно жителями Мазурского Поозерья и правобережья р. Неман. Эстии, обитавшие на Самбии, в погребения I–V вв. н. э. помещали втульчатые топоры (Кулаков, 2003. С. 280). Характерные преимущественно для жителей Балтии и Восточной Скандинавии, эти топоры в среде археологов еще не получили однозначной интерпретации (Raddatz, 1992/93. S. 143, 144; Christensen, 2005. P. 61).

Копья в середине I тыс. н. э. (и, очевидно, в целом в раннем железном веке) являлись основным видом вооружения балтов (Казакевичюс, 1988. С. 61). Плохая сохранность железных находок в могилах эстиев и более чем схематические рисунки этих находок не позволяют пока провести подробный анализ наконечников копий и дротиков на предмет выявления в их массиве «импортов».

Решение ряда технологических вопросов, связанных с данными находками, желательно проводить после металлографических анализов. Тем не менее уже сейчас можно предполагать наличие в массиве наступательного холодного оружия эстиев, кроме

мечей, дротиков отдела *angon*, характерных для германских племен. Эти формы дротиков отличаются от аналогичного по функциям оружия отдела *pilum* (Банников, 2011. С. 69) сердцевидной формой наконечника и меньшей длиной стержня, на котором крепится наконечник. Возможно, эту форму дротиков позднеантичные авторы именовали термином «*speculum*» (Там же. С. 80). В Казакиявичюс считал дротики отдела *angon* наконечниками копий и относил к типу Казакиявичюс VII («втульчатые наконечники с шипами») (Казакиявичюс, 1988. С. 62). В литовском материале подобные находки определенной даты не обрели. Такой наконечник дротика, с броска которого обычно начиналась рукопашная схватка, выявлен в погр. 28 могильника Дубровка (Regehnen) в Зеленоградском р-не, датируемого по фибуле с тремя «кнопками» фазой C_1 (ок. 200–275 гг. н. э.) и относимого к скандинавскому типу *Ørsnes 4* (Bemmann, 2007. P. 80; *Ørsnes*, 1988. S. 48) позднееримского времени. Возможно, в погр. Do-46а могильника Коврово (Dollkeim) был найден, судя по описанию инвентаря, наконечник дротика отдела *pilum* (Кулаков, 2004. С. 19). Гнутый в соответствии с германскими ритуальными традициями, наконечник дротика был найден в погр. Do-260А могильника Коврово в комплексе с фибулой гробе АВФ («большая арбалетовидная фибула»), датирующей комплекс временем ок. 350 г. (Кулаков, 2007. С. 12). Правда, К. Л. Юганов склонен скандинавские аналоги этого дротика датировать фазой C_1 (Юганов, 2007. С. 77). Сходные по функциям наконечники дротиков известны в пшеворских древностях уже на фазе B_{2b} (ок. 130–150 гг. н. э.) (Konny, 2004. S. 145). Вместе с упомянутым наконечником в погр. Do-260А был обнаружен наконечник копья типа Казакиявичюс II (в Литве – III–IV вв. н. э. – Казакиявичюс, 1988. С. 31) с крестообразным сечением пера. Указанный признак данного копья необычен для копий балтов. К. Л. Югановым были определены как тип Илькээр Симрис (Ilkjaer Simris) наконечник дротика из погребения б/№ могильника Геройское (Gøjthenen) в Зеленоградском р-не (Скандинавия, фаза C_{1b} – ок. 250–275 гг. н. э.) и как тип Илькээр Мёллештедт (Ilkjaer Møllestedt) наконечник копья из погр. L-130 могильника Б. Исаково (Lauth) (Юганов, 2007. С. 77–79). Последний наконечник, имеющий перо ланцетовидной формы, на Неманском правобережье известен в Центральной Жемайтии и датируется V–VI вв. (Казакиявичюс, 1988. С. 52, 53).

Редкой находкой в погребениях эстиев на Самбии являются наконечники копий с гравировкой на лезвии, играющей роль апотропейона. Такой наконечник был встречен в погр. L-1 могильника Б. Исаково, относящемся к фазе B_2/C_1 (ок. 150–200 гг. н. э.) (Skvorzov, 2007. S. 115, 116, Taf. I, 10). Такие артефакты характерны для древностей Центральной Германии и Скандинавии позднееримского времени (Bemmann, 2007. P. 79. Fig. 10, 1).

У северо-восточных соседей обитателей Самбии щиты появились в III в. в районе совр. г. Клайпеда. В Казакиявичюс считал, что древнейшие в Балтии умбоны сфероидной формы имелись у жителей Самбии уже в латенское время (Казакиявичюс, 1988. С. 120). Наиболее ранние находки умбонов римского времени отмечены в погр. VIII могильника Дубки (Kunterstrauch) и в погр. 14 могильника Хрустальное (Зеленоградский р-н). Эти находки отличаются увенчанным шайбой длинным стержнем, которым завершается конусообразный выступ в центре умбона. Данные умбоны типа Ян 7а имеют пшеворское происхождение и относятся к фазе B_2 (ок. 80–150 гг. н. э.) (Rakowski, 2006. S. 337, 342). Особый

интерес вызывает содержащее умбон с бронзовой кнопкой на конце стержня погр. 14 могильника Хрустальное. Представленные в данном комплексе, впу-щенном во второй половине II в. н. э. в насыпь кургана эпохи раннего железа, детали инвентаря (кроме умбона – проушной топор и сосуды-приставки с узкой ножкой) имели прочные пшеворские аналогии (Кулаков, 2005. С. 334).

Новейшая, хотя и далеко не полная (Кулаков, 2009. С. 186) сводка деталей щитов эстиев, находимых в их погребениях, издана в начале нового тысячелетия в Калининграде (Радюш, Скворцов, 2009). Опираясь на типологии умбонов, предложенные Н. Цилингом и Й. Илькьером, авторы статьи собрали детали щитов I–V вв. н. э. из более чем 375 погребальных комплексов Самбии и соседних территорий. Еще В. Ла Бом выдвинул тезис о связи древнейших овальных щитов эстиев (местами сохранилась соответствующая оковка щитов) с аналогичными по форме щитами германцев (*La Baume*, 1941. S. 8–11). По мнению О. Радюша и К. Скворцова, в раннем железном веке щиты в *Barbaricum* имели вытянутую овальную форму, в начале I тыс. н. э. сменившуюся прямоугольной (Радюш, Скворцов, 2009. С. 129). Согласно многочисленным находкам обсергов в виде миниатюрных щитов в женских погребениях пшеворской культуры, прямоугольные и ромбические щиты распространены на фазах C_{1b}–C₂ (Kontny, 2003. S. 134). О. А. Радюш и К. Н. Скворцов, учитывая информацию, констатированную в названиях типов умбонов (по Н. Цилингу), происходящих из различных областей расселения древних германцев (*Zieling*, 1989. Abb. 24. Karte 1), пришли к выводу о том, что не только щиты, но и «весь комплекс вооружения населения Самбии весьма схож с родственной группировкой, занимавшей Мазурское поозерье (богачевская культура), и оба явно заимствовали его у пшеворских племен» (Радюш, Скворцов, 2009. С. 130). Иными словами, все умбоны щитов, находимые на Самбии в могильниках римского времени, являются или «импортами» или подражаниями им. Учитывая в ряде случаев весьма слабую сохранность умбонов в погребениях, не все они способны подвергнуться типологизации, и потому данную проблему до конца решенной считать нельзя. Одна из возможных функций умбона щита в погребениях эстиев позднеримского времени – крышка для урны (Кулаков, 2007. Рис. 103).

Два умбона щитов (Куликово (Elchdorf), Зеленоградский р-н, и Шакумелен, Озерский р-н) на исследуемой территории имели непосредственно римское происхождение. Эти умбоны – военные трофеи или дружеские дары эстиям – изготовлены из бронзы, имели полусферическую форму и были украшены концентрическими окружностями. Согласно системе П. Качановского, такие умбоны датируются фазой С (III в. н. э.) (Радюш, Скворцов, 2009. С. 127).

К комплексу защитного вооружения относятся, кроме щитов, шлемы. Только в одном случае можно полагать наличие в археологии эстиев существование шлема римского времени. Имеется в виду случайная находка в восточной (северо-восточной?) части могильника Коврово, сделанная О. Тишлером в 1879 г., среди мощных остатков погребального костра (нем. *Aschenplatz*) фрагментов двух шлемов. На основе рисунка художника Блелль-Тюнген в Центральном Римско-Германском музее была сделана реконструкция одного из этих шлемов, предназначавшаяся для выставки Антропологического общества в Берлине 1880 г. (Кулаков, 2004. С. 9]. Этот сфероконической формы шлем был

смонтирован из широких железных полос, соединенных заклепками (эта черта позволяет отнести его к типу Шпангенхельм) и украшенных декоративными бронзовыми накладками. Сзади к шлему крепился небольшой серповидный назащитник. По своим отдельным элементам шлем из Коврово находит аналогии в погр. 1784 Тарасовского могильника (Удмуртия). Здесь, на восточной окраине Европы, в IV в. оказалась небольшая группа пришельцев с запада, принеших с собой традицию изготовления шлемов сферо-конической формы с элементами конструкции типа Шпангенхельм (Голдина, Волков, 2000. С. 99, 100). Сферо-конические шлемы указанного типа широкое распространение в позднеримское и в гуннское время получили на юго-восточной окраине Империи (Vagalinski, 1998. S. 104), т. е. на южном краю Великого янтарного пути. Недавно обломки типологически сходного шлема были обнаружена на могильнике Кляйн Хайде в Гурьевском р-не (Скворцов, 2014). Второй шлем из Коврово, скорее всего, был цельнометаллический и мог относиться к эпохе викингов.

К комплексу вооружения имеют отношения и шпоры, неременная деталь инвентаря воина-всадника. В предвоенное время актуальной для шпор Пруссии являлась типологическая схема М. Яна. Автор считал основным источником распространения традиции изготовления и ношения шпор на восточном краю Barbaricum творчество германских мастеров и выделил «восточнопрусскую группу германских шпор» (Jahn, 1921. S. 120). Для польской археологии первую типологическую схему шпор римского времени, состоявшую из девяти групп, предложил К. Годловски (Godłowski, 1970. Fig. 2). Современная археология западных балтов римского времени пользуется типологией Е. Гинальского (Ginalski, 1991). Как и многие другие элементы материальной культуры эстиев (прежде всего – их *militaria*), шпоры, находимые в их погребениях, имеют прочные аналогии в пшеворских древностях. В частности, среди них прежде всего отмечаются шпоры раннеримского времени с коническим острием типов Гинальски В-Г (Ibid. S. 53–55). В вельбарской культуре, в погребениях носителей которой оружие и снаряжение всадника крайне редки, тем не менее для фазы В₂/С₁ (ок. 150–200 гг. н. э.) характерна шпора с коническим острием типа Ginalski E (Oleđzki, 2004. P. 286). Редкой для Самбии начала нашей эры является находка шпоры типа Ян Штульшпоре (Jahn, 1921. S. 20–23), происходящая из погр. До-31. Находя себе аналогию в «вождеском» захоронении в Мушове (Чехия), данная шпора связана с германскими традициями фазы В₂/С₁ (Кулаков, 2004. С. 18. Рис. 28).

Пластинчатые шпоры с кнопками на концах дуги, крепившиеся к ноге при помощи ремней, сведены в группу Гинальски G и являются у эстиев (в частности – в погребениях могильников Коврово и Первомайское) импортом из Скандинавии и из пшеворского ареала на фазах С и D (III–V вв. н. э.) (Konny, Natuniewicz-Sekula, 2009. P. 153, 156). В пшеворском ареале шпоры группы G обнаружены практически точно вдоль Великого янтарного пути по р. Висле (Ginalski, 1991. Рис. 16), являясь атрибутом воинов, входивших в состав конвоев торговых караванов. На исходе IV в. н. э. римские бронзовые шпоры группы Гинальски H распространяются в пшеворском ареале (Konny, 2009. P. 98) и уже оттуда проникают (в результате торговли или же в качестве военных трофеев) на Самбию. На могильнике Коврово в 1996 г. была случайно обнаружена римская шпора группы Гинальски H, изготовленная из железа и плакированная серебром (Кулаков, 2004. Рис. 98, 3).

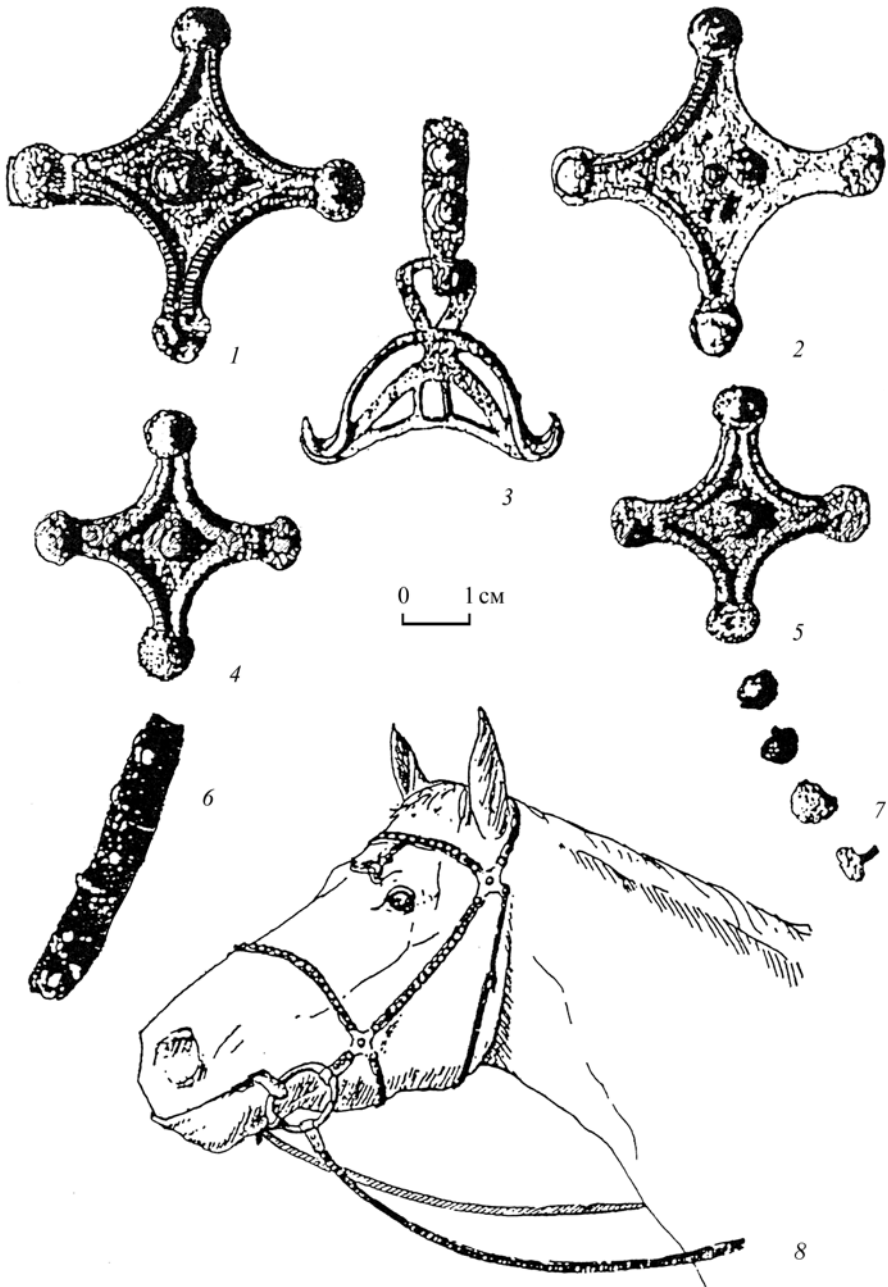

Рис. 3. Могильник Черняховск (Althof-Insterburg), погр. 135. Комплекс конского оголовья с четвериками, снабженными умбонами (по: *Grunert*, 1939. Taf. VII. Abb. 13)

Для древностей Самбии фазы С₁ уже не характерны оголовья «кельтоидного» вида, эстии начинают использовать снаряжение коня, включающее стандартные для римских провинций бронзовые и серебряные детали (Скворцов, 2012. С. 42). Особый интерес вызывает разделитель ремней оголовья в виде криновидного креста, обнаруженный в погр. А-415 (Там же. Рис. 4, 3) могильника Алейка-3 (Skardelies Wald) в Зеленоградском р-не. Примерно его же дате соответствуют и находки четвериков с умбоном в центре (рис. 3), распространенных не только на Самбии, но и на территории совр. Западной Литвы. На юго-восток Балтии и на островные святилища Датских островов (Reich, 2009. Р. 209) такие четверики попали, очевидно, из единого источника – из круга римско-германских древностей окрестностей лимеса (Wilbers-Rost, 1994. S. 148, 149).

Итак, выяснилось, что основной комплекс вооружений и конского снаряжения эстиев Янтарного берега начала нашей эры во многом состоял из предметов провинциально-римского и германского происхождения. Эта особенность вооружения части западных балтов является не только показателем их расположения у рубежа Барбарикум, но и наличия на протяжении I–IV вв. н. э. устойчивых торговых и военных контактов с римскими провинциями и с германскими племенами – западными соседями балтского мира.

ЛИТЕРАТУРА

- Банников А. В., 2011. Римская армия в IV столетии от Константина до Феодосия. СПб.: Нестор-История. 262 с.
- Голдина Р. Д., Волков С. Р., 2000. Шлемы Тарасовского могильника // Уфимский археологический вестник. Вып. 2. С. 98–122.
- Казакявичюс В., 1988. Оружие балтских племен II–VIII вв. на территории Литвы. Вильнюс: Мокслас. 160 с.
- Колобов А. В., 1999. Римские легионы вне полей сражений (эпоха ранней Империи). Пермь: Пермский гос. ун-т. 127 с.
- Кулаков В. И., 2003. История Пруссии до 1283 г. М.: Индрик. 264 с.
- Кулаков В. И., 2004. Доллькайм-Коврово. Исследования 1879 г. Минск: Ин-т истории НАН Беларуси. 135 с. (Prussua Antiqua; т. 2).
- Кулаков В. И., 2005. Археологические критерии социальной истории Янтарного берега в I–XI вв. н. э. // STRATUM plus. № 4/2003–2004: Между певкинами и фенами. С. 278–382.
- Кулаков В. И., 2007. Доллькайм-Коврово. Исследования 1992–2002 гг. Минск: Ин-т истории НАН Беларуси. 335 с.
- Кулаков В. И., 2008. Следы контактов с Римом в материальной культуре Янтарного берега (I–V вв. н. э.) // РА. № 1. С. 88–100.
- Кулаков В. И., 2009. Новое издание по археологии Центральной и Восточной Европы // Archaeologia Lituana. Vilnius. Т. 10. С. 183–189.
- Кулаков В. И., 2014. Водные жертвоприношения в исторической Пруссии // Штрихи к портретам минувших эпох. Археология, история, этнография, кн. I (MMXIV) / Отв. ред.: Е. П. Токарева, В. Г. Лушин. Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей. С. 128–153.
- Радюш О. А., Скворцов К. Н., 2009. Находки деталей щитов в ареале самбийско-натангийской культуры // Germania-Sarmatia. Древности Центральной и Восточной Европы эпохи римского влияния и переселения народов. Калининград: Янтарный сказ. С. 122–138. (Germania – Sarmatia).
- Скворцов К. Н., 2012. Погребения с конями I тыс. н. э. на Самбийском полуострове (могильник Алейка 3) // РА. № 3. С. 36–49.
- Скворцов К. Н., 2014. Средневековый шлем из могильника Кляйнхайле // КСИА. Вып. 232. С. 203–212.

- Тацит Корнелий*, 1969. Сочинения: В 2 т. Т. 1: Анналы. Малые произведения. Л.: Наука. 442 с.
- Щукин М. Б.*, 2002. О первом появлении готов в Дунайско-Причерноморском регионе в начале черняховской культуры // Европа – Азия: проблема этнокультурных контактов. К 200-летию Санкт-Петербурга. СПб.: Петроскандика. С. 194–214.
- Юганов К. Л.*, 2007. Редкие типы наконечников копий из ареала самбийско-натангийской культуры римского времени // РА. № 3. С. 76–80.
- Bemmann J.*, 2007. Weaponry and Weapon burial Practice in Central Germany in the Late Roman Iron Age and the Migration Period // *Archaeologia Baltica*. Vol. 8: Weapons, Weaponry and Man: In Memoriam Vytautas Kazakevičius. P. 69–83.
- Biborski M.*, 2000. Nowe znaleziska rzymskich mieczy z Barbaricum w świetle problemów konserwatorskich // *Superiores Barbari*. Księga pamiątkowawczy Profesora Kazimierza Godłowskiego, Kraków: Uniwersytet Jagielloński, Instytut Archeologii. S. 49–79.
- Christensen A. E.*, 2005. The Roman Iron Age tools from Vimose, Denmark // *Acta Archaeologica*. Copenhagen. Vol. 76. Iss. 2. P. 1–117.
- Eggers H.-J.*, 1951. Der römische Import im freien Germanien. Hamburg: Museum für Völkerkunde und Vorgeschichte. 2 Bd.
- Gaerte W.*, 1929. Urgeschichte Ostpreußens. Königsberg: Gräfe und Unzer. 406 S.
- Giesler U.*, 1978. Jüngkaiserzeitliche Nietknopfsporen mit dreipunthalterung von Typ Leuna // *Saalburg Jahrbuch*. Bericht des Saalburg Museums. Bd. XXX. Berlin; New York: Walter de Gruyter. S. 5–56.
- Ginalski J.*, 1991. Ostrogi kabłakowe kultury przeworskiej. Klasyfikacja typologiczna // *Przegląd Archeologiczny*. T. 38. S. 53–84.
- Godłowski K.*, 1970. The Chronology of the Late Roman and Early Migration Periods in Central Europe. Kraków: Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego. 126 p.
- Grunert W.*, 1939. Nadrauer Grabungen // *Zeitschrift der Altertumsgesellschaft Insterburg*. H. 20. Insterburg. S. 28–41.
- Jahn M.*, 1921. Der Reitersporn Der Reitersporn, seine Entstehung und früheste Entwicklung. Leipzig: C. Kabitzsch. 128 p. (Mannus Bibliothek; no. 21).
- Kontny B.*, 2003. Przekaz z zaświatów. Analiza zestawów uzbrojenia z grobów w kulturze przeworskiej z okresu wszenorzymskiego i początków młodszego okresu rzymskiego // *Światowit*. T. V (XLVI). Fasc. B. Warszawa. S. 111–178.
- Kontny B.*, 2004. Uzbrojenie kultury przeworskiej w okresie wpływów rzymskich i początkach okresu wędrówek ludów // *Wandalowie*. Strażnicy Bursztynowego szlaku. Lublin; Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie. S. 143–160.
- Kontny B.*, 2009. Horse and its use in the Przeworsk culture in the light of archaeological evidence // *Archaeologia Baltica*. Klaipeda. Vol. 11: The Horse and Man in European antiquity. P. 92–114.
- Kontny B., Natuniewicz-Sekula M.*, 2009. A spur from Myślęcín (?) as an odd piece in a puzzle // *Barbaricum*. T. 8. Warszawa. P. 153–160.
- Kulakov W.*, 2013. Die Entstehung der Dolchmessern // *Archaeologia Lituana*. Vilnius. Vol. 14. S. 36–50.
- La Baume W.*, 1941. Der altpreußische Schild // *Alt-Preußen*. Jg. 6. H. 1. S. 5–21.
- Matešič S.*, 2008. Militaria in Thorsberger Moorfund – Zeugnisse römisch-germanischer Kontakte // *Aktuelle Forschungen zu Kriegsbeuteopfern und Fürstengräber im Barbaricum*, Neumünster: Wachholtz Verlag. S. 85–104. (Schriften des Archäologischen Landesmuseums. Ergänzungsreihe; Bd. 4).
- Mráv Zs.*, 2013. The Roman Army along the Amber Road between Poetovio and Carnuntum in the 1st century A. D. – archaeological Evidence. A preliminary research report // *Communicationes Archaeologicae Hungariae*. Budapest. 2010–2013. P. 49–100.
- Müller-Wille M.*, 1970/1971. Pferdegrab und Pferdopfer im frühen Mittelalter // *Berichten van de Rijksdienst voor het Oudheidkundig Bodemonderzoek*. 20–21. S. 119–188. (Forschungen zur deutschen Landes- und Volkskunde; Bd. XXII, H. 4).
- Nowakiewicz T., Rzeszotarska-Nowakiewicz A.*, 2012. Jezioro Nidajno koło Czaszkowa na Mazurach: niezwykle miejsce kultu z okresu późnej starożytności, Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego. 142 s.
- Nowakowski W.*, 1985. Rzymskie importy przemysłowe na terytorium zachodniobałtyjskiego kręgu kulturowego // *Archeologia*. T. XXXIV. S. 63–101.

- Nowakowski W.*, 1994. Krieger ohne Schwerter – Die Bewaffnung der Aestii in der Römischen Kaiserzeit // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten: Akten des 2. internationalen Kolloquiums. Lublin; Marburg: Philips-Universität. S. 379–391.
- Nowakowski W.*, 1996. Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Marburg; Warszawa: Vorgeschichtlichen Seminars der Philipps-Universität. 170 S. (Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband; 10).
- Nowakowski W.*, 2001. Corpus der römischen Funde im europäischen Barbaricum. Polen. Bd. 1: Masuren. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego. 135 S.
- Nowakowski W.*, 2002. Vorrömische Militaria der Przeworsk-Kultur im westbaltischen Gebiet // Bewaffnung der Germanen und ihrer Nachbarn in den letzten Jahrhunderten vor Christi Geburt: Akten der Internationalen Tagung in Nałęczów, 23. bis 25. September 1999. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej. S. 137–146.
- Nowakowski W.*, 2007. Aestiorum gladii. Sword in the west balt circle in the roman period // *Archaeologia Baltica*. Klaipėda. T. 8: Weapons, weaponry and man. P. 85–93.
- Olędzki M.*, 2004. The Wielbark und Przeworsk Cultures at the Turn of the Early and Late Roman Periods. The dynamics of settlement and cultural changes in the light of chronology // Zentrum und Peripherie – Gesellschaftliche Phänomene in der Frühgeschichte: Materialien des 13. internationalen Symposiums «Grundprobleme der frühgeschichtlichen Entwicklung im mittleren Donaauraum», Zwettl, 4–8. Dezember 2000 / Hrsg.: H. Friesinger, A. Stuppner. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften. S. 279–290. (Mitteilungen der Prähistorischen Kommission; Bd. 57).
- Ørnsnes M.*, 1988. Ejsbøl I. Waffenopferfunde des 4–5. Jahrh. nach. Chr., København: Det Kongelige nordiske Oldskriftselskab. 158 S.
- Quast D.*, 2012. Einige alte und neue Waffenfunde aus dem Frühbyzantinischen Reich // *Thesaurus Avarorum*. Archaeological Studies in Honour of Eva Garam / Red. V. Tivadar. Budapest: ELTE. S. 351–370.
- Raddatz C.*, 1967. Die Bewaffnung der Germanen in der jüngeren römischen Kaiserzeit // *Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen*. H. 1. S. 3–17.
- Raddatz K.*, 1992/93. Der Wolka-See, ein Opferplatz der Römischen Kaiserzeit in Ostpreußen // *Offa*. Bd. 49/50. S. 127–187.
- Rakowski T.*, 2006. Zespól uzbrojenia z Magnuszewa Małego, pow. makowski // *Pogranicze trzech światów. Kontakty kultur przeworskiej, wielbarskiej i bogaczewskiej w świetle materiałów z badań i poszukiwań archeologicznych*, Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego. S. 335–347.
- Reich Chr.*, 2009. The Cemetery of Oberhof (Aukštakiemiai) horse graves and equestrian equipment // *Archaeologia Baltica*. Klaipėda. Vol. 11: The Horse and Man in European antiquity. P. 206–215.
- Skvorzov K.*, 2007. Das Gräberfeld der römischen Kaiserzeit von Bol'soe Isakovo (ehemals Lauth, Kreis Königsberg). Katalog der Funde aus den Grabungen 1998 und 1999 // *Offa*. Bd. 61/62. S. 11–219.
- Vagalinski L.*, 1998. Ein neuer spätantiker Segmenthelm aus Voivoda, Schumen Gebiet (Nordostbulgarien) // *Archaeologia Bulgarica*. Vol. II. Sofia. S. 96–106.
- Wilbers-Rost S.*, 1994. Pferdegeschirr der römischen Kaiserzeit in der Germania libera. Zur Entstehung, Entwicklung und Ausbreitung des «Zaumzeugs mit Zügelketten». Oldenburg: Isensee. 229 S. (Veröffentlichungen der Urgeschichtlichen Sammlungen des Landesmuseums Hannover; 44).
- Zieling N.*, 1989. Studien zu germanischen Schilden der Spätlatène- und der römischen Kaiserzeit in freien Germanien. Oxford: B. A. R. Teile 1, 3. (BAR International Series; 505).

Сведения об авторе.

Кулаков Владимир Иванович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: drkulakov@mail.ru.

V. I. Kulakov

EXTERNAL CONTACTS OF THE AESTII BASED
ON WEAPON AND HORSE TRAPPINGS DATA

Abstract. The paper discusses the issue of searching imported goods among assemblages of the Aestii offensive and defensive weapons as well as trappings of their horses used in combat based on the data from the Roman period cemeteries.

Keywords: Aestii, Amber coast, weapon, horse trappings.

About the author.

Kulakov Vladimir I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: drkulakov@mail.ru.

О. С. Румянцева, И. Б.-Х. Щербаков

КРАТКИЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ СОСТАВА СТЕКЛА-СЫРЦА
С ПОСЕЛЕНИЯ КОМАРОВ НА СРЕДНЕМ ДНЕСТРЕ

Резюме. В статье представлены краткие итоги изучения химического состава стекла-сырца с поселения Комаров, где была раскопана стекольная мастерская позднеримского времени. Здесь выявлены широко известные серии содового стекла: «римского»; близкого ему по составу, но обесцвеченного сурьмой; НИМТ. Итоги анализов подтвердили вывод о том, что данная мастерская работала на привозных полуфабрикатах стекла. Представляет интерес сочетание на территории поселения разновременных серий стекла, получивших распространение в первые века н. э. и начиная с IV в. н. э.

Ключевые слова: Черняховская культура, позднеримское время, стеклоделательное производство, химический состав стекла.

Мастерская по производству стеклянной посуды на поселении черняховской культуры Комаров на Среднем Днестре (единственная в Европе, расположенная за границей Римской империи) была изучена экспедицией М. Ю. Смишко более полувека назад. Тем не менее многие связанные с ней вопросы остаются дискуссионными. Среди них – характер мастерской и ее «сырьевая база». Проведенный анализ производственного комплекса (Румянцева, 2014) позволил предположить, что она, как и большинство известных нам мастерских европейской части Империи, являлась стеклообрабатывающей, работавшей на привозных полуфабрикатах. Материалы мастерской дали уникальную возможность изучить состав необработанного стекла-сырца (англ. *raw glass*), очевидно, поступившего на поселение в качестве полуфабрикатов из стекловаренного

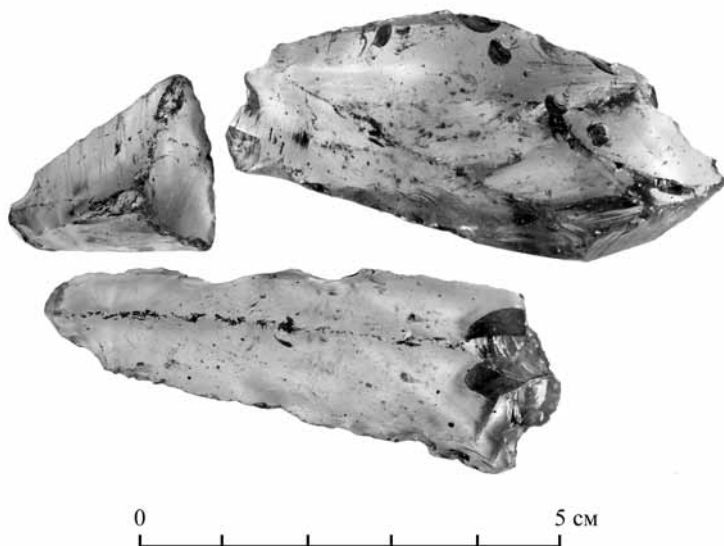

Рис. 1. Поселение Комаров. Стекло-сырец

центра. Они представляют собой куски неправильной формы, достигающие 6–7 см в максимальном измерении (рис. 1). Главное преимущество данной категории находок заключается в том, что стекло-сырец, в отличие от фрагментов готовых сосудов, происходящих с памятника, однозначно связано с существовавшим здесь стекольным производством.

Анализ состава стекла проводился в НТК «Институт монокристаллов» Национальной академии наук Украины. Стекло изучалось методом энергодисперсионного рентгено-флуоресцентного анализа; в ряде случаев полученные результаты проверялись при помощи зонального микроэлектронного анализа (SEM-EDS). В ходе исследования был изучен состав 35 образцов стекла-сырца.

Основная задача, которая ставилась в рамках данного исследования, – сопоставить химический состав исследуемых образцов с составом стекла групп, имевших широкое хождение на территории Римской империи в первой половине – середине I тыс. н. э., в том числе в виде полуфабрикатов, и определить возможное место производства сырца из Комарова (Румянцева, 2015, там же см. ссылки на литературу).

Все стекло-сырец из Комарова изготовлено на основе природной соды – содержание калия в нем не превышает 0,66 %, а магния – 1,39 %. Различия в изученных образцах фиксируются, во-первых, на уровне типа использованного обесцвечивателя (марганец и сурьма), во-вторых – геохимических характеристик песка, использованного стеклоделами в качестве сырца.

Стекло, обесцвеченное сурьмой, представлено в выборке из Комарова 5 образцами (табл. 1). В средиземноморском регионе известна группа стекла, обесцвеченного сурьмой, время распространения которой определяется I–III/первой

половиной IV в. н. э. (группа 4, по Д. Фуа и др.) (*Foy et al.*, 2003. Р. 80; *Foster, Jackson*, 2010. Р. 3071). Стекло данной группы характеризуют низкие концентрации кальция, алюминия, магния, титана и железа.

Стекло из Комарова близко средиземноморскому по среднему содержанию титана, натрия и калия; концентрации кальция, алюминия, железа и магния в нем, однако, немногим выше (*Румянцева*, 2015; там же см. ссылки на литературу). Вероятно, данные различия обусловлены использованием в качестве сырья песка из другого источника. При этом (учитывая близость комаровского стекла средиземноморскому группы 4 одновременно по ряду признаков), возможно, речь может идти о локальных различиях в составе песка, происходящего из одного географического региона.

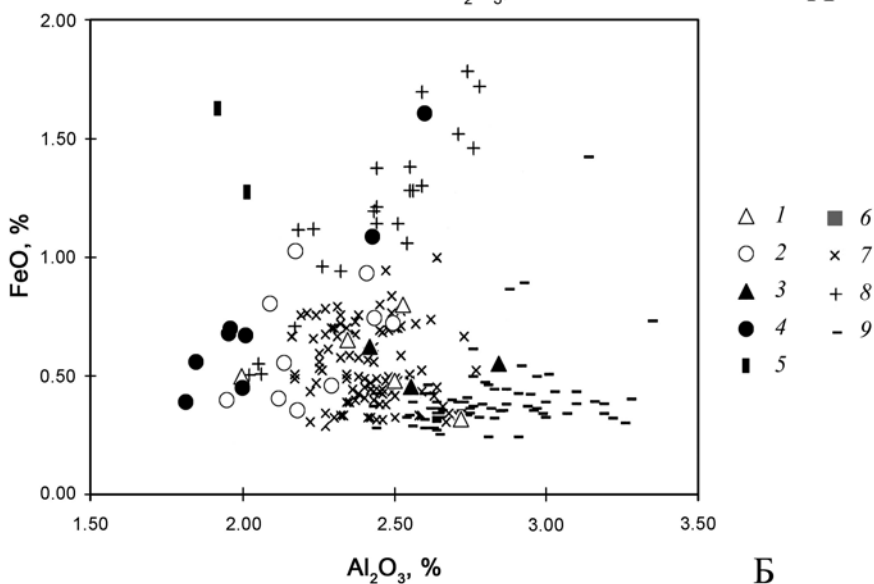
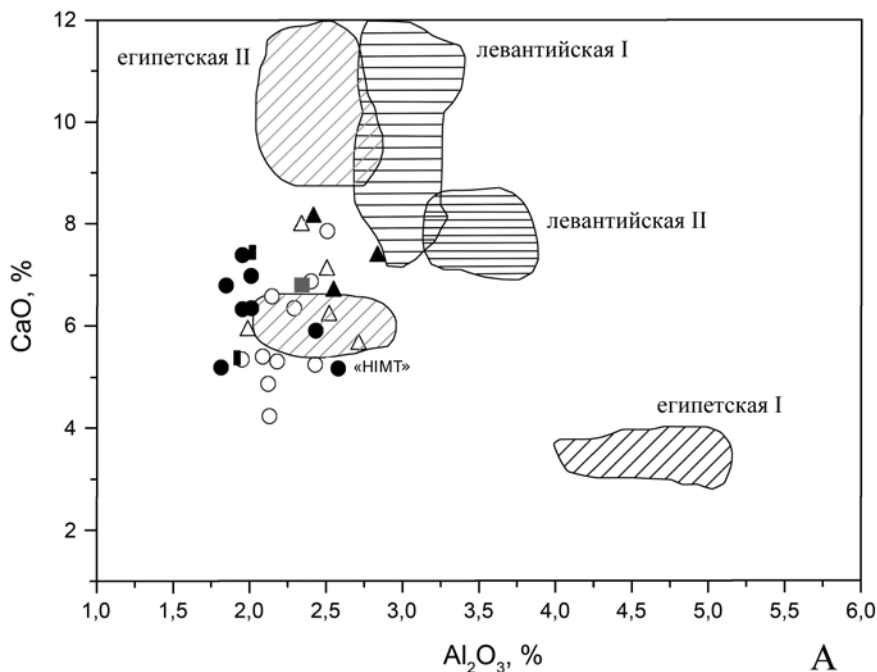
Стекло, обесцвеченное марганцем. Среди стекла, обесцвеченного марганцем, 5 образцов близки т. н. «римскому стеклу», получившему распространение в различных регионах Средиземноморья в I–III, возможно, начале IV в. (*Freestone*, 2005; *Foster, Jackson*, 2009). Наиболее близки содержания таких элементов как кальций, алюминий, железо, титан, магний, являющихся геохимическими характеристиками песка (табл. 2; рис. 2, а, б).

Наиболее многочисленна серия стекла, близкая распространенной в Средиземноморье группе «НИМТ» («*high iron, manganese, titanium*»), представленная 10 образцами (табл. 2; рис. 2, а, б). Достаточно разнородная по концентрации элементов, характеризующих использованный в производстве песок, данная серия отличается наличием прямой зависимости между содержаниями железа, магния, марганца и титана, а также между концентрациями перечисленных элементов и алюминия (*Freestone et al.*, 2005; *Foster, Jackson*, 2009. Р. 189, 192). Данная особенность характерна и для стекла из Комарова.

В 13 образцах стекла-сырца содержатся одновременно марганец и сурьма; 3 из них близки по основному составу стеклу «римскому» и левантской I группы, 8 – стеклу группы «НИМТ» (рис. 2, а, б). Данное стекло заслуживает специального анализа и не рассматривается подробно в данной публикации.

Наличие среди стекла-сырца из Комарова различных групп, как по типу использованного обесцвечивателя, так и по геохимическим характеристикам сырья (песка), говорит о его происхождении из разных стекловаренных центров. Это подтверждает гипотезу о том, что мастерская в Комарове являлась стеклообрабатывающей: стекло здесь не варилось, а для изготовления посуды, являвшейся продукцией мастерской, использовались привозные полуфабрикаты в виде стекла-сырца. В случае использования в производстве местного сырья состав стекла был бы более однороден.

Результаты изучения химического состава стекла из Комарова хорошо соотносятся с данными об особенностях позднеантичного – раннесредневекового стеклоделательного производства, полученными на средиземноморских и провинциально-римских материалах. Стекло-сырец из Комарова имеет средиземноморское происхождение, как и известные нам находки из большинства вторичных мастерских римской Европы, производивших посуду в стеклодувной технике. Наиболее вероятным регионом производства стекла серии «НИМТ» является Юго-Восточное Средиземноморье, между дельтой Нила и заливом Хайфы, возможно, в Северном Египте или на севере Синая (*Freestone et al.*, 2005).

Рис. 2. Стекло из Комарова, обесцвеченное марганцем, и группы содового стекла I тыс. н. э.

1, 2 – стекло, обесцвеченное марганцем (1 – близкое «римскому»; 2 – близкое группе «НИМТ»); 3–5 – стекло, содержащее марганец и сурьму (3 – близкое группам «римского» и левантийской I; 4 – близкое группе «НИМТ», 5 – неопределенного состава); 6 – средние значения для «римского» стекла; 7 – «римское» зелено-голубое стекло; 8 – группа «НИМТ»; 9 – группа левантийская I

Основа А, № 6 – по: *Drauschke, Greiff, 2010*; основа Б, № 7–9 – по: *Freestone et al., 2002*

Таблица 1. Стекло-сырец, обесцвеченное сурьмой. Среднее содержание основных элементов (в %)

Кол-во обр.	Цвет, прозрачность	Na ₂ O	MgO	Al ₂ O ₃	SiO ₂	P ₂ O ₅	K ₂ O	CaO	TiO ₂	MnO	Fe ₂ O ₃ / FeO	CoO	NiO	CuO	ZnO	SnO ₂	Sb ₂ O ₃	PbO
5	б/ц, светло-зеленый	19,23	0,74	2,14	65,83	0,03	0,47	6,78	0,05	0,01	0,54 / 0,49	< 0,01	< 0,01	< 0,01	0,01	< 0,01	0,85	0,01
	прозр.	0,81	0,16	0,24	1,43	0,01	0,05	0,63	0,01	0,002	0,09 / 0,08	-	-	-	-	-	0,15	0,002

Таблица 2. Стекло-сырец, обесцвеченное марганцем. Среднее содержание основных элементов (в %)

Группа	Кол-во образцов	Цвет, прозрачность	Значение	Na ₂ O	MgO	Al ₂ O ₃	SiO ₂	P ₂ O ₅	K ₂ O	CaO	TiO ₂	MnO	Fe ₂ O ₃ / FeO	CoO	NiO	CuO	ZnO	Sb ₂ O ₃	SnO ₂	PbO
«римское»	5	светло-зеленое,	М	17,66	0,86	2,42	66,7	0,12	0,43	6,62	0,09	1,62	0,61 / 0,55	< 0,01	< 0,01	0,01	0,01	< 0,01	< 0,01	0,01
		зелено-голубое прозрачное	δ	0,7	0,13	0,2	1,89	0,03	0,08	0,79	0,03	0,23	0,16 / 0,14	-	-	-	0,009	0,002	-	-
НИМТ	10	светло-зеленое,	М	19,73	1	2,23	66,52	0,07	0,36	5,81	0,13	1,38	0,71 / 0,64	< 0,01	< 0,01	0,01	0,01	< 0,01	< 0,01	0,01
		оливковое прозрачное	δ	1,14	0,18	0,14	1,27	0,03	0,11	0,9	0,06	0,3	0,23 / 0,21	-	-	0,003	0,002	-	-	-

Условные обозначения:
 М – среднее значение; δ – среднеквадратическое отклонение

Происхождение «римского» стекла и стекла, обесцвеченного сурьмой, остается дискуссионным (ссылки на литературу: *Румянцева*, 2015).

Полученные данные представляют интерес и в контексте изучения хронологии мастерской. На обширной выборке материалов с территории европейской части Римской империи и из Восточного Средиземноморья в IV в. фиксируются изменения в составе стекла, поступающего сюда из стекловаренных центров. Они объясняются сменой производственных центров, снабжавших полуфабрикатами стеклообрабатывающие мастерские (*Foster, Jackson*, 2009, там же см. ссылки на литературу). Если для стекла группы 4 (обесцвеченного сурьмой) и «римского» наибольшее распространение приходится на период не позднее III – начала/первой половины IV в., то стекло группы «НИМТ» появляется в Европе не ранее второй трети/середины IV в. н. э. (*Foy et al.*, 2003. P. 80; *Freestone*, 2005; *Foster, Jackson*, 2009; 2010).

В изученной нами выборке преобладает стекло поздней группы «НИМТ», однако при этом здесь представлено также стекло, близкое по составу более раннему «римскому». Мы не обсуждаем хронологию находок, обесцвеченных сурьмой, так как они отличаются от стекла «средиземноморской» группы 4 и могут иметь, следовательно, свои ритмы распространения. В целом же сочетание в Комарове стекла-сырца перечисленных групп позволяет предложить два объяснения:

1. Время существования мастерской приходится как раз на период смены поставщиков стекла-сырца в Римской империи в IV в., однако в этом случае речь может идти о времени не ранее второй трети/середины IV в. Подобная дата мастерской не вполне согласуется с прочими свидетельствами производства, происходящими с памятника (о них речь пойдет в отдельной публикации).

2. Наиболее вероятной представляется версия о том, что стеклоделательное производство функционировало на поселении и в более ранний, и в более поздний период его существования. В этом случае речь, скорее, может идти не о долговременном бытовании одной и той же мастерской (считается, что подобные производственные комплексы были недолговременными), а о возобновлении (возможно – неоднократном) производства на памятнике. Причины этого явления стоит искать, вероятно, в характере поселения, возможно, выполнявшего функции производственного, торгового и административного межплеменного центра (*Петраускас*, 2014). Выраженные признаки присутствия здесь представителей античного населения позволяют говорить о том, что поселение являлось местом наиболее активных контактов между ними и носителями черняховской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Петраускас О. В.*, 2014. Деякі підсумки досліджень комплексу пам'яток пізньоримського часу біля с. Комарів // Черняхівська культура: до 120-річчя від дня народження В. П. Петрова / Відп. ред.: О. В. Петраускас, С. А. Горбаненко. Київ: ІА НАН України. С. 165–183. (ОІУМ; no. 4).
- Румянцева О. С.*, 2014. Стекольная мастерская в Комарове: характер и особенности производственного комплекса // Черняхівська культура: до 120-річчя від дня народження В. П. Петрова / Відп. ред.: О. В. Петраускас, С. А. Горбаненко. Київ: ІА НАН України. С. 184–196. (ОІУМ; no. 4).
- Румянцева О. С.*, 2015. Стекло I тыс. н. э.: происхождение и распространение по данным химического состава и изотопного анализа // КСИА. Вып. 237. С. 20–49.

- Drauschke J., Greiff S.*, 2010. Chemical aspects of Byzantine glass from Caričin Grad / Iustiniana Prima (Serbia) // *Glass in Byzantium – Production, Usage, Analyses* / Eds: J. Drauschke, D. Keller. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. P. 25–46.
- Foster H. E., Jackson C. M.*, 2009. The composition of «naturally coloured» late Roman vessel glass from Britain and the implications for models of glass production and supply // *JAS*. Vol. 36. P. 189–204.
- Foster H. E., Jackson C. M.*, 2010. The composition of late Romano-British colourless vessel glass: glass production and consumption // *JAS*. Vol. 37. P. 3068–3080.
- Foy D., Picon M., Vichy M., Thirion-Merle V.*, 2003. Caractérisation des verres de la fin de l'Antiquité en Méditerranée occidentale: l'émergence de nouveaux courants commerciaux // *Échanges et commerce du verre dans le monde antique: Actes du colloque de l'AFAV (Aix-en-Provence et Marseille 7–9 juin 2001)* / Eds: D. Foy, M.-D. Nenna. Montagnac: Éditions Monique Mergoil. P. 41–85.
- Freestone I. C.*, 2005. The Provenance of Ancient Glass through Compositional Analysis // *Materials Research Society Symposium Proceedings. 852: Materials Issues in Art and Archaeology VII*. P. 008.1.1–008.1.13.
- Freestone I. C., Ponting M., Hughes M. J.*, 2002. Origins of Byzantine glass from Maroni Petrera, Cyprus. *Archaeometry*, 44. P. 257–272.
- Freestone I. C., Wolf S., Thirlwall M.*, 2005. The production of HIMT glass: Elemental and Isotopic evidence // *Annales du 16e Congrès de Association Internationale pour l'Histoire du Verre*. (London, 2003). Nottingham: AIHV. P. 153–157.

Сведения об авторах.

Румянцева Ольга Сергеевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: o.roumiantseva@mail.ru;

Щербakov Илиас Бен-Хамудович, НТК «Институт монокристаллов» НАН Украины, проспект Ленина, 60, Харьков, 61001, Украина; e-mail: shcherbakov@isc.kharkov.com.

O. S. Rumyantseva, I. B.-Kh. Scherbakov

COMPOSITION OF RAW GLASS FROM THE KOMAROV SETTLEMENT
ON THE MIDDLE DNIESTER: SUMMARY OF STUDY RESULTS

Abstract. The paper presents a summary of study results on the chemical composition of raw glass from the Komarov settlement where a glass workshop of the Late Roman period was uncovered. Well-known soda glass groups such as the Roman glass; the glass with composition rather similar to the Roman glass but decolourized by antimony; HIMT, were singled out. The analyses results have confirmed the conclusion that this workshop used imported raw glass for production vessels. The settlement has yielded glass groups dating to different time periods, which were widespread during the first centuries AD and starting from the 4th century AD.

Keywords: Chernyakhov culture, Later Roman period, glass production, chemical composition of glass.

About the authors.

Rumyantseva Olga S., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: o.roumiantseva@mail.ru;

Scherbakov Ilias B.-Kh., Institute for Single Crystals of National Academy of Sciences of Ukraine, Lenina av., 60, Kharkov, 61001, Ukraine; e-mail: shcherbakov@isc.kharkov.com.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Вл. В. Седов

КАМЕННЫЕ СТЕНЫ БОГОЛЮБОВА. ИССЛЕДОВАНИЯ 2015 ГОДА

Резюме. В статье публикуются два участка каменных стен середины XII в., обнаруженных в ходе археологических работ 2015 г. На основании сопоставления с ранее найденными фрагментами этой стены делаются выводы о плане и характере города Боголюбова, основанного в 1150-е гг. владими́ро-суздальским князем Андреем Юрьевичем как резиденция и монастырский комплекс. Даются сравнения Боголюбова и западных замков и резиденций.

Ключевые слова: Владимиро-Суздальская Русь, каменные укрепления, средневековый город, фундаменты, периметральный характер укреплений, немецкие замки.

В Ипатьевской летописи под 1175 г. содержится рассказ о гибели ростово-суздальского князя Андрея Юрьевича, известного как князь Андрей Боголюбский; в этом сообщении говорится о создании этим князем «собе» каменного города Боголюбый на том же расстоянии от Владимира, что и Вышгород от Киева, а также о постройке посреди каменного города церкви Рождества Богородицы, которую он великолепно украсил. Приведем полностью ту часть этого текста, которая касается постройки каменного города:

«Оубьенъ бысѣ великии князь Аньдрѣи Суздальский. сна́ Дюрдева внука. Володимѣра. Мономаха. мѣца июня. въ. кѣи. и днѣ. канунъ стѣихъ апѣль. днѣ бѣ тогда субота. создалъ же башеть собѣ городъ камень. именовъ. Болѣубьи. толь далече. ꙗкоже Вышегородъ ѿ Кыева. тако же и Бѣлюбьи ѿ Володимѣра. сии блѣговѣрныи и хсѣлюбивыи князь Аньдрѣи. ѿ млада верьсты Хса возлюбивъ. и прчѣстую его Мтръ смыслъ бо ѡставивъ и оумъ. ꙗко полату красну дшю оукрашивъ. всеми добрыми нравы. оуподобиса цѣрю Соломану ꙗко домъ Гуѣсу. и цркъвь преславу стѣи Бца ржѣства. посредѣ города камѣну создавъ. Бѣлюбомъ. и оудиви ю паче всихъ цркъвии. подобна тоѣ стѣи стѣхъ юже бѣ Соломонъ цѣрь премудрыи создалъ. тако и сии князь блговѣрныи Андрѣи и створи цркъвь сию в память собѣ...» (ПСРЛ II. Стлб. 580–583).

В настоящее время в селе Боголюбово Суздальского района Владимирской области сохранились части белокаменной церкви Рождества Богородицы, а также лестничная башня и связывающий ее с церковью лестничный переход. От «города Боголюбова» до нашего времени дошли только земляные валы

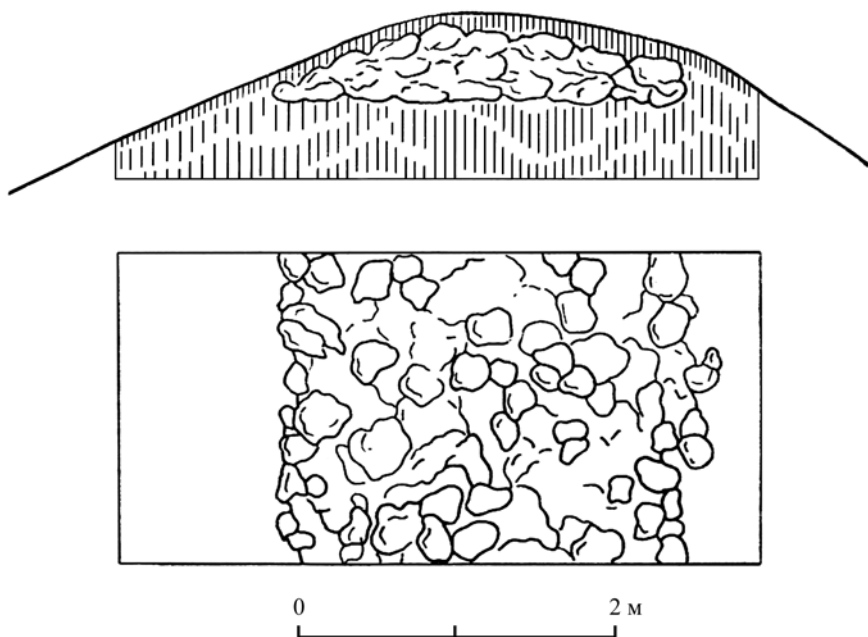
в пустой западной части, занятой в другой части монастырским комплексом и сельской застройкой площадки городища.

Однако сведения об остатках каменных стен в Боголюбове уже довольно давно попадали в научную литературу. О том, что на месте существующей монастырской ограды, сооруженной в начале XIX в. при архимандрите Филарете, находилась древняя стена, было известно давно. Так, В. И. Доброхотов сообщал, что нынешняя ограда «построена на месте древней, которой основание из камней белого, дикого и булыжника видно и доныне с западной и южной сторон ее» (*Доброхотов*, 1848. С. 210).

Н. Н. Воронин в статье 1934 г. поставил вопрос о русском феодальном замке и в качестве примера привел Боголюбово, причем сообщил, что «в обрыве его валов в 1925 г. обнаружены основания стен «города» прекрасной белокаменной кладкой с забуткой, большие возвышения валов на углах заставляют предполагать существование, может быть, каменных же башен» (*Воронин*, 1934. С. 96–97). Позже тот же ученый в характерной по своему названию статье («Замок Андрея Боголюбского») сообщил о том, что он в 1934 г. на южном склоне площадки Боголюбовского городища открыл кладку из квадров белого камня, две стены, сходящиеся под прямым углом, и интерпретировал эту конструкцию как остаток каменной башни «замка» или, что менее вероятно, фрагмент каменной стены, а также указал на парадный характер южного участка «замковых укреплений» (*Воронин*, 1939. С. 66).

Подробно была описана «башня» на южном склоне в монографии Н. Н. Воронина 1961 г., здесь говорится о том, что эта конструкция из квадров была открыта в 1925 г. Г. Ф. Корзухиной, а в 1934 г. раскопана Н. Н. Ворониным, дается фотография и чертеж сооружения на склоне. О каменной стене по трассе западной линии валов Боголюбова сказано, что сообщение В. И. Доброхотова подтверждено разведками 1954 г. и далее: «Прорезка вала показала, что в его надписи не содержится никаких деревянных конструкций. Разведочные траншеи на его вершине вскрыли основания фундамента шедшей вдоль вала белокаменной стены, сложенные из булыжника и рваных кусков туфа на известковом растворе с включением угля. Таким образом, вызывавшее недоверие свидетельство летописи, что город князя Андрея был каменным, оказалось реальностью: замок Боголюбского был, действительно, целиком каменным. Когда начали разрушаться эти оборонительные сооружения замка, – мы точно не знаем. Может быть, первый удар нанесло монгольское завоевание... Их сооружение следует относить к концу 50-х годов (XII в. – В. С.), когда строились каменный дворец Андрея и дворцовый собор» (*Воронин*, 1961. С. 207–208).

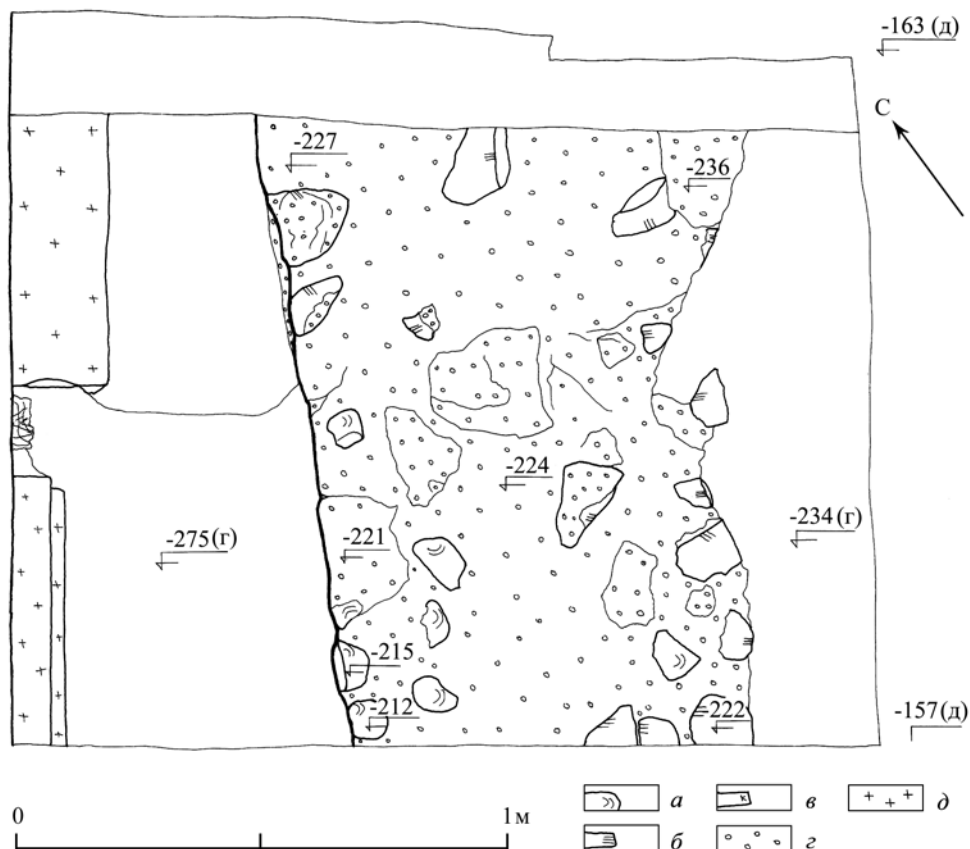
Публикация Н. Н. Воронина 1961 г. была снабжена планом и фотографией построенной из квадров южной «башни», а также фотографией участка открытого на валу фундамента западной стены замка (видно полосу зачищенного сверху и по краям фундамента шириной около 2 м). Некоторые дополнительные сведения об этом зачищенном на валу участке фундамента каменной стены узнаем из книги П. А. Раппопорта, вышедшей в том же 1961 г. (рис. 1). Приведем описание каменных конструкций в Боголюбове из этой работы: «Иной характер имел «город камен» в Боголюбове. Здесь каменные стены проходили по верху мощных земляных валов, имеющих высоту 7 м. Конструкция стен

**Рис. 1. План и разрез фундамента каменной стены на валу Боголюбова.
По Н. Н. Воронину и П. А. Раппопрту**

Боголюбовского замка не может быть полностью выяснена ввиду того, что стены эти целиком уничтожены. Однако сам факт наличия каменной стены по всему периметру укреплений вокруг древнего Боголюбовского городища засвидетельствован как незначительными остатками одной из башен на склоне к р. Клязьме, так и фундаментами, обнаруженными на гребне вала в западной части городища. Недаром же, говоря о строительстве Боголюбова, летописец отметил, что князь Андрей «создал же башеть себе город камен и именем Боголюбый». Фундамент каменной стены, сложенный из туфа на известковом растворе, сохранился лишь в самой нижней своей части, не больше чем на 0,5 м глубиной. Ширина фундамента, в известной степени определяющая собой и ширину самой стены, некогда стоявшей на этом фундаменте, около 2,55 м». В этой работе был помещен и чертеж с планом и разрезом описанной конструкции на гребне вала (Раппопрт, 1961. С. 130. Рис. 107 на с. 131).

В дальнейшем каменная стена в Боголюбове как будто забывается, о ней упоминает только П. А. Раппопрт, который в своей сводной работе о каменной архитектуре домонгольской Руси сообщает в статье о Дворцовом ансамбле Боголюбова уже известные нам данные о «башне» и стене, причем сообщает, что работы на валу производил в 1954 г. (видимо, под руководством Н. Н. Воронина) он сам: «В 1925 г. на южном склоне городища были обнаружены остатки каменной кладки древней оборонительной стены (или башни). Стена сложена из крупных блоков на известковом растворе. Раскопками 1954 г. (П. А. Раппопрт) выявлен

Рис. 2. План фундамента стены в шурфе 1. Чертеж Ю. С. Фомичевой

а – валун; *б* – плитняк; *в* – кирпич; *г* – известковый раствор; *д* – цемент

фундамент каменной стены и на западной линии валов. Фундамент сложен из булыжников и рваных кусков туфа на растворе. Ширина фундамента около 2,55 м. ... В стенах башни обнаружен пояс дубовых связей, соединенных в углах врубкой вполдерева и скрепленных железными костылями» (*Pannonopt*, 1982. С. 58).

В апреле-мае 2015 г. в Боголюбове было заложено несколько шурфов, связанных с ведущимся геологическим изучением холма и проблемой оползней. Вдоль южной стены существующего монастыря было заложено 6 шурфов. Работы велись по Открытому листу Д. Ю. Бадеева при участии С. И. Милованова и автора. В двух из шурфов, расположенных в южной части холма, у монастырской стены и к югу от нее, почти на кромке холма, были обнаружены части фундамента древней стены, еще в одном – развал стены.

В шурфе 1 (рис. 2; 3: с. 470), примерно параллельно нынешней монастырской стене, проходит фундамент, сохранившийся на ширину 78–95 см (с юга он разрушен электрическим кабелем), состоящий из мелких валунов диаметром

Рис. 4. План фундамента стены в шурфе 6. Чертеж Ю. С. Фомичевой

a – валун; *б* – плитняк; *в* – кирпич; *г* – известковый раствор

10–15 см, залитых известковым раствором белого цвета с небольшой примесью песка; в верхней части фундамента встречаются небольшие куски рваного белого камня. Фундамент сохранился на высоту 26–30 см, в обресте видны 3 ряда валунов, обильно пролитых раствором. Следов каких-то конструкций под фундаментом не видно. Фундамент был положен на материковый песок, верхняя часть которого толщиной до 20 см имеет гумусированные включения. В профиле читается граница впущенного в материк фундаментного рва с темным гумусированным заполнением. Трасса стены перекрыта бурым культурным слоем XVII–XIX вв.

В шурфе 6, расположенном восточнее шурфа 1, у самой стены монастыря читался участок фундамента из пролитых белым известковым раствором валунов диаметром 10–15 см, в верхней части фундамента встречались куски колотого белого камня (рис. 4). Если в шурфе 1 мы видели только внутренний, северный край фундамента, то в шурфе 6 мы фиксировали только южный, внешний край, тогда как северная часть стены была разрушена монастырской оградой начала XIX в. Сохранившаяся ширина фундаментной полосы – около 1 м (рис. 5).

Рис. 5. Вид фундамента стены в шурфе 6

Наконец, в шурфе 3, расположенном много западнее рассмотренных шурфов 1 и 6, недалеко от того места, где Г. Ф. Корзухина в 1925 г. обнаружила, а Н. Н. Воронин в 1934 г. раскопал сложенную из квадров белого камня кон-

струкцию «башни», был обнаружен развал белокаменной стены шириной примерно 1 м 80 см, это именно развал, конструкция здесь явно не читалась. Этот шурф только указывает на близость стены, но ее положение четко не обозначает.

Итак, в двух шурфах 2015 г. зафиксированы фундаменты южной каменной стены Боголюбова середины XII в. Это определение подтверждает, прежде всего, характерная строительная техника, описанная Н. Н. Ворониным и П. А. Раппопортом: мелкие валуны, рваный камень (белый камень и несколько фрагментов туфа) в верхней части фундамента, известковый раствор белого цвета (иногда переходящего в кремовый) с небольшой примесью песка и редкими включениями белокаменной крошки и угольков. Стена эта, судя по прослеженной стратиграфии, существовала (возможно – в виде развала) до XVII в. Ее трасса была, судя по всему, известна в начале XIX в. строителям нынешней монастырской ограды: последняя поставлена примерно вдоль старой стены, с некоторым отступом вглубь, дальше от обрыва.

Мы зафиксировали лишь два участка фундамента стены середины XII в., причем нигде не видели полной ширины этого фундамента (он была, видимо, как и на валу, около 2 м шириной). Есть некоторые основания полагать, что открытые нами 3 ряда фундаментных валунов и составляли весь фундамент, а выше шла стена из блоков снаружи и бутового заполнения внутри, но это тоже не слишком точно. Для истории Боголюбова и истории всей Владимиро-Суздальской архитектуры важен, прежде всего, сам факт обнаружения остатков каменных стен на южной стороне Боголюбовского городища и комплекса.

Теперь мы можем достоверно судить о том, что каменная стена была не только на валу с запада, но и с юга, что она была протянута на большое расстояние, скорее всего, – проходила по всему периметру Боголюбова. Перед нами с большой основательностью возникает образ окруженного каменной стеной города, включавшего в себя каменный храм с переходами и киворием (рис. 6). Этот комплекс, возможно, сочетал функции загородной резиденции и монастыря, но это требует дальнейшего и тщательного изучения. Вокруг каменного комплекса располагался город, защищенный не только валом с запада, но и каменной стеной по всему периметру площадки, а с запада взбиравшейся на вал.

Приведенная здесь реконструкция носит гипотетический характер, достоверно можно опираться только на три-четыре точки, одну или две на западной стороне и две – на южной. Интерпретация того сооружения, которое располагалось на южном склоне и которое часто называют башней, все еще не очень точна. Но общий облик «каменного города» становится яснее после работ 2015 г.

Какие аналогии можно привести каменной ограде Боголюбова? В Древней Руси была всего одна каменная крепость, в Ладоге, сооруженная в 1114 г., причем ее сооружение началось с постройки каменной стены на валу мысового городища (*Кирпичников*, 1984. С. 42–67). Но вряд ли эта крепость, сооруженная на Севере Руси на 40–50 лет раньше Боголюбова, могла служить образцом для князя Андрея Юрьевича и его зодчих. Скорее образцом мог бы служить каменный город в Переславле Южном, колыбели суздальских князей, сооруженный в конце XI в. и имевший, помимо каменных стен на валу, каменные ворота (*Раппопорт*, 1982. С. 33). Можно привести также в качестве аналогии те каменные стены, которые окружали Киево-Печерский монастырь и были построены уже позже, в конце XII в. (Там же. С. 25–26). Но во всех случаях, помимо Переславля,

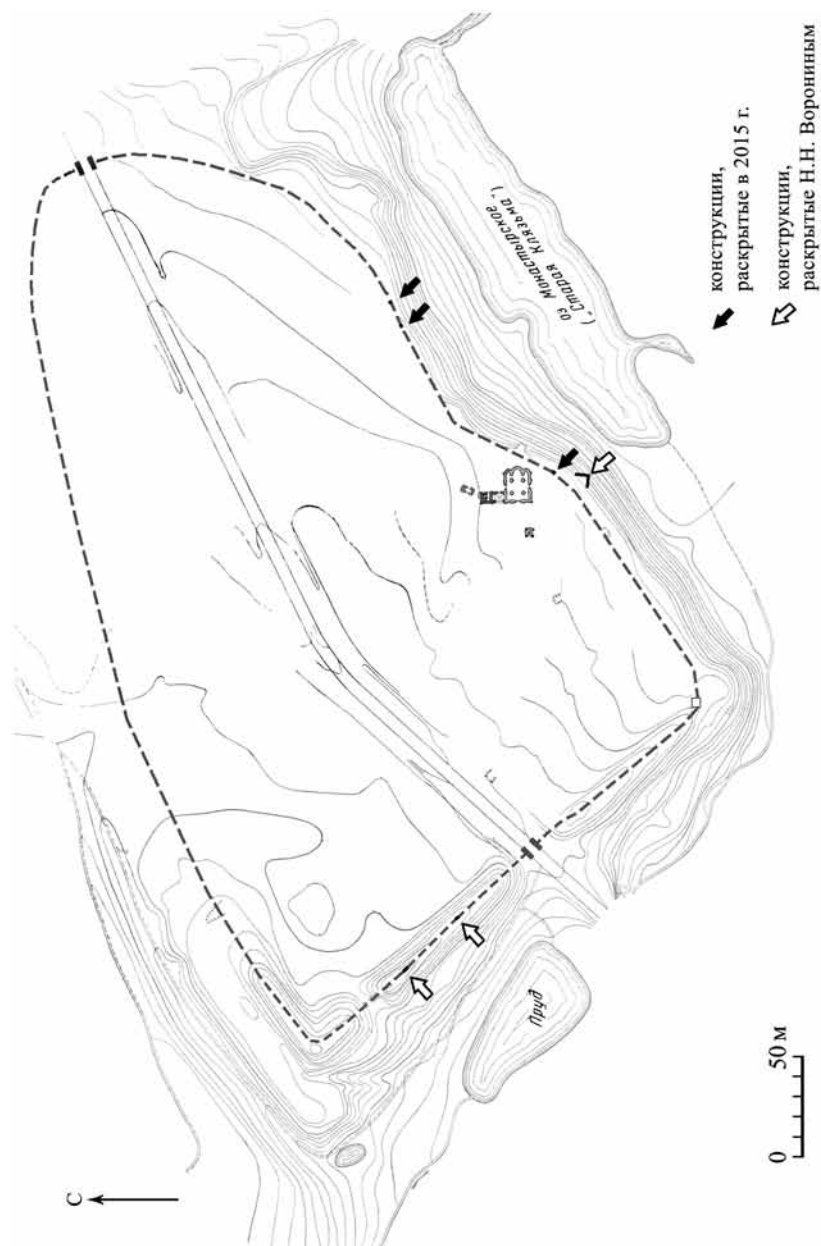

Рис. 6. Реконструкция плана Боголюбовского комплекса.
Чертеж Ю. С. Фомичевой по материалам Н. Н. Воронина и автора

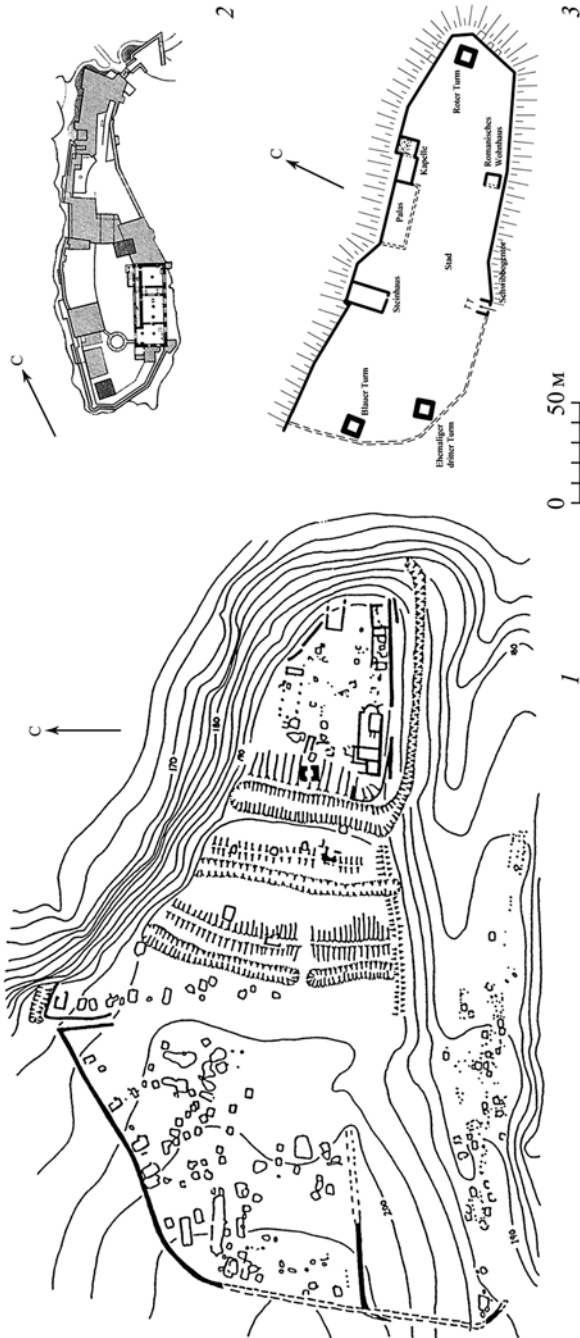

Рис. 7. Немецкие пфальцы: Тилледа (1), Варбург (2) и Вимфен (Бад Вимфен) (3).
Масштаб одинаков с планом Боголюбова на рис. 6

мы видим все же не очень большую протяженность стен. В случае же с Боголюбом мы имеем дело не с замком, не с монастырем, не с детинцем, а именно с целым городом (пусть включающим в себя замок и монастырь), окруженным каменной стеной. Именно в силу исключительности такого замысла сообщение о «каменном городе», даже если оно (как, скорее всего, и было) говорит именно об укреплениях, попало в Ипатьевскую летопись.

Определенное сходство можно усмотреть между Боголюбом и замками Германии (рис. 7): укажем прежде всего на оттоновскую резиденцию Тилледа, сооруженную в X–XI вв. и имевшую замковую часть на самом мысу и развитый ремесленный поселок в «городской части» (*Samson*, 1991. P. 256–258). В качестве возможных аналогий назовем также императорский пфальц Вимпфен, построенный в 1165–1175 гг. при императоре Фридрихе Барбароссе (1155–1190), или пфальц ландграфов Тюрингии, Вартбург, начатый еще в XI в., но сооруженный в основном в конце XII – начале XIII в. (*Tuulse*, 1958. P. 41, 43). Общий мысовой характер всех трех укреплений, а также стена по периметру объединяет их. Но в немецких замках сильнее выражена дворцовая функция, заметны также донжоны, которого в Боголюбове нет, а также слабо выражена в композиции религиозная составляющая (которая в Боголюбове едва ли не преобладает). Так что если замки Германии и послужили определенным образцом для мастеров князя Андрея Боголюбского, то все же эти мастера создали нечто особенное: довольно большой город с каменными стенами, окружавшими и жилую застройку, и находившуюся в юго-западной части города княжескую резиденцию, возможно соседствовавшую с монастырем. Можно предполагать, что каменные укрепления Боголюбова, включавшие, возможно, надвратную церковь (неизвестно – в линии монастырской ограды или в линии каменных стен), послужили образцом для зодчих князя Всеволода Большое Гнездо, которые в 1194–1196 гг. построили во Владимире вокруг Успенского и Дмитровского соборов каменную стену Детинца с надвратной церковью Иоакима и Анны (*Воронин*, 1961. С. 446–460).

Исследования 2015 г. принесли новые сведения об укреплениях средневекового Боголюбова и, что самое главное, изменили наше представление о масштабе этого города и его каменных укреплений. На реконструкции Боголюбова мы показываем стену по всему периметру, хотя у нас нет точных данных о северном фронте укреплений. Мы также показываем двое ворот, возможно каменных, о чем можно рассуждать только предположительно. Датировка каменной стены не очень точна, скорее всего, она была сооружена в 1160-е гг., но возможно также и возведение ее в конце 1150-х и даже в начале 1170-х гг. Мы знаем из поздней монастырской летописи то, что князь Андрей в 1161 г. «в любимом своем граде Боголюбове при обители святые врата каменные содела, и на них церковь во имя тезоименитаго себе святого Апостола Андрея первозванного устрои, и освяти ю», но это касается, кажется, только дворцово-монастырского комплекса в южной части; в 1174 г., по свидетельству того же источника, князь жил в Боголюбове и «около своего Великокняжеского двора в делании земляных осыпей, и впротчем украшении того места сие лето упражняшеся» (*Аристарх, игумен*, 1878. С. 4–5). Эти сведения могут указывать на то, что устройство Боголюбова продолжалось большую часть правления князя Андрея Юрьевича. Этим князем был создан выдающийся комплекс, изучение которого находится еще на очень раннем этапе собирания сведений.

ЛИТЕРАТУРА

- Аристарх, игумен*, 1878. Летопись Боголюбова монастыря с 1168 по 1770 год, составленная по монастырским актам и записям настоятелем оной обители игуменом Аристархом в 1767–1769 годах / Сообщил Леонид, архимандрит // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. Кн. 1. Отд. 1. С. 1–24.
- Воронин Н. Н.*, 1934. К вопросу об археологическом изучении поселения эпохи феодализма // Проблемы истории докапиталистических обществ. № 5 (май). С. 93–103.
- Воронин Н. Н.*, 1939. Замок Андрея Боголюбского // Архитектура СССР. № 11. С. 66–69.
- Воронин Н. Н.*, 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. I: XII столетие. М.: Изд-во АН СССР.
- Доброхотов В. И.*, 1848. Очерк Боголюбовского монастыря и Покровская церковь в окрестностях его // Владимирские губернские ведомости. № 38. Часть неофициальная. С. 209–213.
- Кирпичников А. Н.*, 1984. Каменные крепости Новгородской земли. Л.: Наука. 275 с. ПСРЛ. Т. II: Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. 1105 с.
- Раппопорт П. А.*, 1961. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 242 с. (МИА; № 105).
- Раппопорт П. А.*, 1982. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л.: Наука. 136 с. (САИ; вып. Е1–47).
- Samson R.*, 1991. The Residences of Potentiores in Gaul and Germania in the Fifth to Mid-Ninth Centuries: PhD dissertation, April 1991, Department of Archaeology, University of Glasgow. Glasgow. 221 p.
- Tuulse A.*, 1958. Castles of the Western World. L.: Thames and Hudson. 141 p.

Сведения об авторе.

Седов Владимир Валентинович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: sedov1960@mail.ru.

VI. V. Sedov

STONE WALLS OF BOGOLYUBOVO. STUDIES OF 2015

Abstract. The paper publishes information on two sections of the 12th century stone walls revealed by archaeological excavations in 2015. Based on comparison with the same wall segments uncovered earlier, conclusions are provided on the plan and characteristics of Bogolyubovo, which is a city founded by Prince Andrei Yurievich of Vladimir and Suzdal in the 1150s as a prince residence and a monastery. The paper compares Bogolyubovo with western castles and residences.

Keywords: Vladimir and Suzdal Principality, medieval city, foundations, perimetral nature of fortifications, German castles.

About the author.

Sedov Vladimir V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: sedov1960@mail.ru.

И. Ю. Стрикалов, А. В. Чернецов

НОВЫЕ НАХОДКИ ЮВЕЛИРНЫХ МАТРИЦ ИЗ СТАРОЙ РЯЗАНИ

Резюме. Заметка посвящена новым находкам на городище Старая Рязань. Речь идет об исключительно крупной коллекции бронзовых ювелирных матриц, несомненно, связанных с комплексом клада 2013 г., часть которого была нарушена в ходе сельскохозяйственных работ. Специально рассматриваются матрицы для изготовления завершений браслетов, украшенных изображениями голов драконов. В качестве аналогии приводятся браслеты скандинавского происхождения, часть из которых была найдена на древнерусской территории.

Ключевые слова: Старая Рязань, древнерусское прикладное искусство, клады, ювелирные матрицы.

В ходе работ полевого сезона 2015 г. на расположенном на Северном городище Старой Рязани 40 раскопе было обнаружено значительное количество ювелирных матриц (40 экз.). Вместе с находками двух предшествующих лет эти матрицы представляют исключительно крупную серию находок подобных изделий (производственного инвентаря), связанных с ювелирным ремеслом (рис. 1: с. 471). В настоящее время из Старой Рязани происходит одна из самых представительных коллекций древнерусских ювелирных матриц: нам известно 116 предметов такого рода из раскопок разных лет в Старой Рязани, большинство из них (85 экз.) – из рассматриваемого комплекса. Более крупный в количественном отношении набор матриц происходит из юго-западной части предградья средневекового Чернигова, где в 1998 г. была исследована крупная ювелирная мастерская конца XII – первой половины XIII в. Комплекс включает множество разнообразных находок, связанных с ювелирным производством, в том числе около 300 матриц (*Моця, Казаков, 2011. С. 127, 128, цв. вклейка на с. 128–129; илл. на с. 151–156*). Набор матриц из Старой Рязани, публикуемый в этой статье, связан с совсем другим археологическим контекстом.

Топография находок свидетельствует о том, что обнаруженные в 2013–2015 гг. матрицы, несомненно, связаны с кладом, обнаруженным в 2013 г. на том же раскопе. Раскоп 40 был заложен с целью проведения охранных исследований на краю Северного городища на участке, примыкающем к обширному оползню, разрушающему площадку городища. По ходу этих работ возникла возможность соединить этот раскоп с раскопами В. А. Городцова (1926 г.) и А. Л. Монгайта (1966–1967 гг.) и выявить планировку значительной части средневекового города.

Основные находки клада 2013 г. залегали компактно в могильной яме, в ногах покойника. Скорее всего, была использована свежая могила. Клад включал ювелирные изделия (в частности, неоконченные) и ювелирное сырье. Верхняя часть комплекса нарушена сельскохозяйственными работами. Ряд ювелирных

изделий растащен на довольно значительное расстояние. На той же площади обнаружено несколько бронзовых ювелирных матриц. Первоначально возникло впечатление, что матрицы происходят из верхней разрушенной части клада. Предварительную информацию о кладах 2013 г. можно видеть в журнале «Российская археология» (Стрикалов, Чернецов, 2014а).

В ходе работ 2014 г. было найдено еще несколько изделий из серебра и большое число матриц (Там же. С. 154, 387. Рис. 2). При этом выяснилось, что серебряные изделия залежали более кучно, тогда как матрицы разбросаны на несравненно более значительной площади. По-видимому, клад драгоценностей и коллекция матриц представляли собой совместное захоронение имущества, находившегося в руках профессионального ювелира, в двух раздельных вместилищах (мешочках или ларцах/туесах), причем матрицы находились в верхнем, содержавшем менее ценные вещи и сильнее пострадавшем при пахоте. «Шлейф» матриц протянулся на 5–6 м от места сокрытия клада в южном направлении.

И клад, и матрицы были, бесспорно, захоронены ремесленником, который изготовлял и ювелирные изделия, и инструментарий. На это указывает ряд данных. Среди ювелирных изделий есть незавершенные, а также сырье и «полуфабрикаты» (слиток золота, золотая фольга, обрубки серебряных слитков, позолоченная серебряная лента). Среди матриц встречаются недоработанные, с неудаленными заусенцами (Стрикалов, Чернецов, 2014а. С. 160, 163. Рис. 8, 2, 3; 2014б. С. 387. Рис. 2, 32, 41). Некоторые матрицы представляют собой бракованные изделия, годные только на переплавку (Стрикалов, Чернецов, 2014а. С. 387. Рис. 2, 126). Все матрицы имеют плоскую оборотную сторону, очевидно, они отливались в односторонней литейной форме. Одна из матриц из числа новых находок имеет на обороте врезанный знак наподобие латинских букв N или Z (рис. 1, А, 23). Определенную загадку представляют собой матрицы из легкоплавкого свинцово-оловянистого сплава, непригодные для употребления. Очевидно, их могли продавать ювелирам в качестве моделей для глиняных литейных форм и последующего изготовления бронзовых матриц. Обращает на себя внимание очевидная «избыточность» обнаруженной коллекции матриц. В ней много одинаковых матриц для оттискивания половинок бусин, шариков, украшающих чечевицевидные колты, и колодочек, на которых подвешивались колты. Между тем одна бронзовая матрица может использоваться для изготовления множества оттисков. Колодочки для подвешивания колтов представлены несколькими разновидностями, отличающимися своим декором и размерностью. Однако эти особенности не «читались» на расстоянии; ремесленникам, работавшим в одной ювелирной мастерской, не было никакого смысла изготавливать такие колодочки разных типов. Подобные наблюдения свидетельствуют о том, что рассматриваемая коллекция связана с ведущей ювелирной мастерской, снабжавшей образцами и инструментарием несколько других ювелирных мастерских, в которых, вероятно, работали менее искусные мастера. Некоторые матрицы необычных форм первоначально не поддавались интерпретации. В дальнейшем выяснилось, что ими, скорее всего, оттискивались касты, в которые вставлялись драгоценные камни (рис. 1, Б, 29, 30). Поскольку последними украшались только золотые изделия, становится еще раз очевидным, что речь идет о главной ювелирной мастерской города. Ведь среди старорязанских кладов преобладают

Рис. 2. Матрицы для изготовления браслетов, украшенных мотивом змеиных (драконьих) голов и их аналогии
а – Старая Рязань; *б* – Московский клад 1988 г.; *в* – Готланд; *г* – посад Шестовицкого городища

содержащие серебряные изделия, а золотые обнаружены только в двух. Впрочем, то, что захоронивший клад 2013 г. ювелир работал не только по серебру, но и по золоту, ясно и без этого наблюдения – об этом свидетельствует находка в кладе небольшого золотого слитка и рулончика золотой фольги.

Рассматриваемые находки являются наглядным свидетельством бурного, динамичного развития этого ремесла, которое, очевидно, с трудом справлялось с возрастающим спросом на предметы роскоши. Они отражают механизмы взаимодействия между крупнейшими центрами ремесла и более мелкими мастерскими в области обмена технологическими инновациями и инструментарием.

Как уже было указано выше, первые матрицы данной серии были обнаружены в 2013 г. в ходе разборки клада и исследования соседних участков. В 2014 г. площадь раскопа была значительно увеличена, причем было найдено весьма большое число матриц. Они опубликованы в краткой информационной заметке и представлены на сводной таблице (рис. 1, Б). В межсезонье 2014/15 гг. на смежных участках и отвалах с применением металлодетектора был обнаружен ряд матриц. В ходе полевого сезона 2015 г. коллекция матриц еще раз значительно пополнилась материалами из раскопа.

В данной заметке мы сочли целесообразным дать краткую информацию о новых находках, в частности, с одним любопытным сюжетом, связанным с одной из них.

На сводной таблице представлены наиболее характерные экземпляры матриц из находок 2015 г. (рис. 1, А). Следует отметить исключительное разнообразие этих изделий. Многие из них имеют простую геометрическую форму. При этом их облик не дает полного представления о законченных изделиях. Последние могли украшаться и действительно украшались гравировкой, чернью, зернью и сканью. Ряд матриц украшен декоративными мотивами или даже фигуративными изображениями. Среди последних представлены как зооморфные мотивы (рис. 1, А, 22, Б, 25), так и христианская иконография (рис. 1, Б, 23). Назначение части матриц «прозрачно» – мы легко можем указать тип изделия или его части, отгискивавшихся с их помощью, в частности, среди старорязанских изделий. В некоторых случаях мы можем только догадываться, для каких изделий предназначались матрицы, но не можем указать примеры таких готовых изделий. Назначение некоторых матриц полностью загадочно – для каких изделий или их деталей они были сделаны – неясно.

Среди находок 2015 г. отметим матрицу для отгискивания окончания браслета, завершающегося зооморфной головкой (очевидно, сказочного змея-дракона) – (рис. 1, А, 1). Эта матрица является парной к аналогичной матрице, найденной в 2014 г. в составе того же комплекса (рис. 1, Б, 1; 2, а) (Стрикалов, Чернецов, 2014а. С. 154, 387. Рис. 2, 214). Еще одна сходная матрица была найдена ранее и опубликована в книге В. П. Даркевича и Г. В. Борисевича (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 288. Табл. 60, 1).

Зооморфное завершение браслета, по-видимому, находится в достаточно отдаленной связи со скандинавскими прототипами. В качестве аналогии можно привести браслеты из готландского клада второй половины XI в. в Бурге (рис. 2, в) (Наследие варягов, 1996. С. 69, 70). Драконья голова на скандинавском браслете моделирована более выразительно, выделены оскаленные зубы, отсутствующие на старорязанских матрицах. На последних наличествует высунутый язык, чего нет на скандинавском браслете. В обоих случаях сходным образом трактовано треугольное уxo

чудовища. Данный тип скандинавского браслета повторен в комплексе клада 1988 г. из Московского Кремля (рис. 2, б) (Наследие варягов, 1996. С. 116, 117). Голова дракона явно воспроизводит скандинавский образец, но уступает ему по качеству обработки металла. В данном случае головка пустотелая (что сближает данный браслет со старорязанскими матрицами). Необходимо иметь в виду, что скандинавские браслеты, украшенные подобным мотивом, бытовали в разных модификациях и изготовлялись из разных материалов. На посаде Шестовицкого городища, на участке со следами ремесленного производства, рядом с жилищем скандинавского типа в слое X в. был найден литой бронзовый браслет, украшенный змеиными головками (рис. 2, з) (о находке авторам любезно сообщили Г. Ивакин и В. Скороход; они же предоставили иллюстрацию для публикации). И в этом случае может быть отмечено характерное треугольное ухо. Дальнейший поиск аналогий, вероятно, позволит указать более конкретный аналог драконам старорязанских матриц. Наличие у них скандинавского прототипа представляется несомненным. Ранее следы влияния скандинавского прикладного искусства в Старой Рязани не отмечались.

ЛИТЕРАТУРА

- Даркевич В. П., Борисевич Г. В.*, 1995. Древняя столица Рязанской земли / Отв. ред. А. В. Чернецов. М.: Круг. 448 с.
- Моця О. П., Казаков А. Л.*, 2011. Давньоруський Чернігів / Науч. ред. Г. Ю. Ивакин. Київ. Стародавній світ. 316 с.
- Наследие варягов. Диалог культур = The Viking heritage: a dialogue between cultures. Стокгольм: Гос. ист. музей; Гос. музей-заповедник «Московский Кремль», 1996. 120 с.
- Стрикалов И. Ю., Чернецов А. В.*, 2014а. Клад № 17 из Старой Рязани // РА. № 2. С. 153–163.
- Стрикалов И. Ю., Чернецов А. В.*, 2014б. Новые исследования в Старой Рязани // КСИА. Вып. 236. С. 150–156, 387.

Сведения об авторах.

Стрикалов Игорь Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: igor.strikalov@gmail.com;

Чернецов Алексей Владимирович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: avchernets@yandex.ru.

I. Yu. Strikalov, A. V. Chernetsov

NEW FINDS OF JEWELLERY MAKING DIES IN STARAYA RYAZAN

Abstract. The paper is dedicated to new finds at the Staraya Ryazan fortified settlement, such as an exceptionally large collection of bronze jewellery making dies, undoubtedly, related to the items from the treasure hoard discovered in 2013, some of which were destroyed by tilling. The paper focuses at dies used in making bracelet terminals decorated with dragon heads. Bracelets of Scandinavian provenance, some of which were found in Medieval Rus are provided as an analogy.

Keywords: Staraya Ryazan, Medieval Rus, applied art, treasure hoards, jewellery making dies.

About the authors.

Strikalov Igor Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: igor.strikalov@gmail.com;

Chernetsov Aleksey V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: avchernets@yandex.ru.

А. В. Мастыкова

ЗЕРКАЛО ИЗ «КНЯЖЕСКОГО» ПОГРЕБЕНИЯ
ГУННСКОГО ВРЕМЕНИ С ПОСЕЛЕНИЯ МУХИНО 2
НА ВЕРХНЕМ ДОНУ

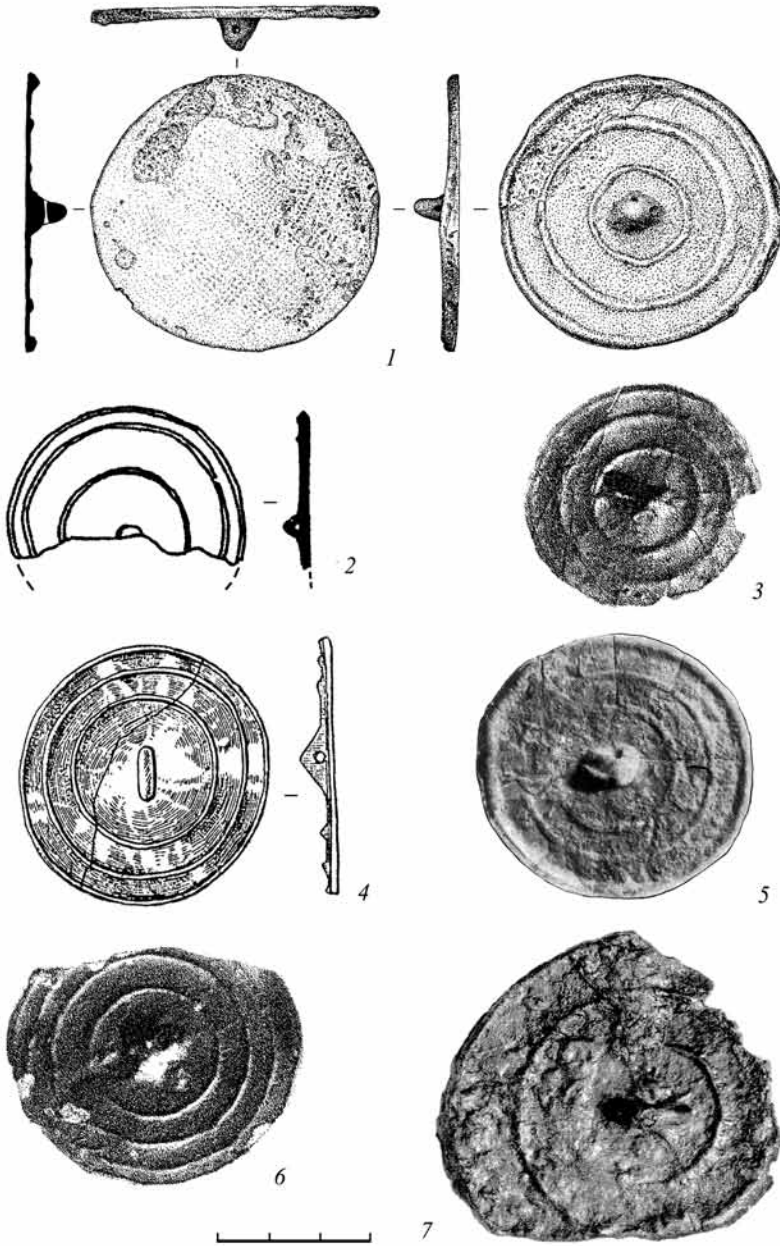
Резюме. В статье рассмотрено металлическое зеркало с центральной петлей, украшенное тремя concentрическими рельефными кругами, типа Карповка – Анке-4, происходящее из богатого женского погребения гуннского времени, открытого на поселении Мухино 2 в Верхнем Подонье. Подобные зеркала появляются в позднеримское время, но более всего они характерны для эпохи Великого переселения народов и продолжают существовать в раннем средневековье. Поиск аналогий показал, что зеркала такого типа лучше всего представлены в древностях оседлого населения Северного Причерноморья и Западного Предкавказья эпохи переселения народов.

Ключевые слова: металлические зеркала с центральной петлей, зеркала типа Карповка – Анке-4, гуннское время, эпоха Великого переселения народов, Северное Причерноморье, Северный Кавказ, Верхний Дон.

В данной статье будет рассмотрено металлическое зеркало с центральной петлей с декором в виде трех concentрических кругов (рис. 1, 1), которое было обнаружено в богатом женском погребении, открытом на поселении Мухино 2 на Верхнем Дону и датированном второй четвертью V в. (Мастыкова, Земцов, 2014. С. 212). Подобные зеркала иногда встречаются и на других памятниках Подонья эпохи переселения народов, таких как Ксизово-8 и Ксизово-19 (Бирюков и др., 2015. С. 10. Рис. 5, 16; Обломский, Козмирчук, 2015. С. 161, 162. Рис. 243, 6)¹. Попытаемся выяснить, как эти зеркала распространяются в интересующее нас время, для какой территории они более всего характерны и каковы их общие хронологические рамки.

---

¹ Здесь и далее приводится не весь список аналогий. Свод находок зеркал подобного типа будет включен в состав полной публикации погребения Мухино, которая готовится к печати.

Рис. 1. Зеркала типа Карповка–Анке-4 эпохи Великого переселения народов

1 – Мухино; 2 – Сиреневая бухта, склеп 15/3; 3, 6 – Керчь, склеп 78.1907 г., погр. 4; 4 – Новопокровка; 5 – Керчь, склеп 165.1904 г., погр. 6; 7 – Михаэльсфельд

1 – Рисунок С. Л. Богаченко; 2 – по: Масленников, 1997. Рис. 33, 3; 3, 6 – по: Засецкая, 1998. Табл. XIV, 7, 8; 4 – по: Засецкая и др., 2007. Рис. 4, 1; 5 – по: Засецкая, 1993. Табл. 54, 297; 7 – по: Засецкая, 2010. С. 132. Ил. 7,4

Металлические зеркала античности и средневековья довольно хорошо изучены. Больше всего исследователи обращали внимание на сарматские зеркала. Все их классификации построены преимущественно с учетом морфологических признаков, которые характеризуют форму дисков и ручек.

В свое время А. М. Хазанов посвятил специальное исследование генезису, типологии и датировке сарматских металлических зеркал. Он выделил изделия с центральной петлей в особый тип X, независимо от характера декора (Хазанов, 1963. Рис. 1). Автор отметил, что зеркала этого типа во II–IV вв. находились на стадии сложения, поскольку форма петли на них очень изменчива (Хазанов, 1963. С. 67, 68). Орнамент же, по мнению А. М. Хазанова, на зеркалах с центральной петлей формировался под влиянием декора сарматских зеркал с боковым ушком, но не исключалось и влияние орнаментальных мотивов китайских металлических зеркал, последние также известны у степных евразийских кочевников (Хазанов, 1963. С. 67, 68).

Большинство российских исследователей, вслед за А. М. Хазановым изучая зеркала с центральной петлей, также не принимали во внимание характер рельефного орнамента на оборотной стороне и рассматривали их как единый тип. Но еще в 1956 г. И. Вернер разработал классификацию восточноевропейских зеркал с центральной петлей, где типы были выделены как раз по характеру декора (Werner, 1956. S. 117, 118). Позднее другой немецкий исследователь Б. Анке вносит некоторые уточнения в типологию этих зеркал, но и он берет за основу орнамент на оборотной стороне зеркала (Anke, 1998a; 1998b).

Вернемся к женскому захоронению на поселении Мухино 2 в Верхнем Подонье. В составе погребального инвентаря, как уже говорилось, было обнаружено металлическое зеркало с центральной петлей, украшенное тремя концентрическими рельефными кругами (учитывая круг по борту), оно лежало в районе груди погребенной (рис. 1, 1).

Зеркала с декором в виде двух или трех рельефных концентрических кругов были выделены И. Вернером в тип Карповка – Сен-Сюльпис (Werner, 1956. S. 117, 118), а по типологии Б. Анке они относятся к типу 4 (Anke, 1998a. S. 26, 27). В дальнейшем я их называю зеркалами типа Карповка – Анке-4 (Мастыкова, 2009. С. 83, 84). Подробная сводка античных и средневековых зеркал этого типа собрана Б. Незабитовской от самих ранних – III в. (например, «Золотое кладбище», между станицами Казанская и Тифлисская, курган 52, Краснодарский край, Правобережье Кубани) и до X–XII вв. (Змейский могильник, Северная Осетия) (Niezabitowska, 2004). Зеркала с таким декором были также подробно рассмотрены И. П. Засецкой и ее соавторами при изучении богатых женских погребений постгуннского времени – Морской Чулек в устье Дона и Михаэльсфельд в бассейне Нижней Кубани (Засецкая и др., 2007. С. 18–24; Засецкая, 2010. С. 149, 150). Изучались эти изделия и для территории Центрального и Западного Предкавказья в эпоху Великого переселения народов (Мастыкова, 2009. С. 83, 84).

Как уже отмечалось на примере «Золотого кладбища» на Кубани, зеркала типа Карповка – Анке-4 известны уже в римское время, на что, в частности, указывают находки на Северном Кавказе: погребение 3 Западного некрополя Кобани, а также погребения 2 и 3 некрополя Дербента (Нарын-Кала) (Абрамова,

1974. Рис. 9, 1; *Кудрявцев, Гаджиев*, 1991. Рис. 5, 1; 9, 70). Довольно широко они распространены, как мы увидим далее, в V–VI вв. Для VII–VIII вв. зеркала такого типа отмечены, например, в захоронении 101 некрополя Мокрая Балка, в погребениях 135 и 151 могильника Дюрсо и в материалах Борисовского могильника (*Афанасьев, Рунич*, 2001. Рис. 112, 4; *Дмитриев*, 2003. Табл. 83, 94, 95; *Саханев*, 1914. Табл. 2, 5). В более позднее время, в IX и, возможно, X в., подобные зеркала известны в основном на памятниках салтово-маяцкой культуры (например, Маяцкое селище: катакомба I, яма 18, катакомба I в постройке 18, катакомба 2 в постройке 18: *Винников, Афанасьев*, 1991. Рис. 7, 14; 20, 5; 38, 17; 39, 5), а также на Северо-Западном Кавказе в контексте X–XII вв. (например, Змейский могильник: *Кузнецов*, 1963. С. 35; 1995. С. 321).

Поиски прямых аналогий «мухинскому» зеркалу показывают, что для эпохи переселения народов подобные зеркала с двумя, а чаще с тремя концентрическими кругами известны на Боспоре Киммерийском, как в его «европейской» части, так и в «азиатской». На «европейском» Боспоре это Керчь – склеп 165.1904 г. погр. 6 (рис. 1, 5); склеп 78.1907 г. погр. 4 (рис. 1, 3, 6); некрополь у с. Заморское, погребение 22; Старожилово, склеп 5/5, 6/6; некрополь поселения Сиреневая Бухта склеп 13/1 погр. 5, 15/3, 18/6 (рис. 1, 2); некрополь Джурга-Оба, склеп 11.2003 г. (*Засецкая*, 1993. С. 84. Табл. 54, 297; 1998. С. 430. Табл. XIV, 7, 8; XVI, 13; *Корпусова*, 1973. Рис. 4, 22; *Масленников*, 1997. Рис. 12, 13; 15, 2; 29, 9; 33, 3; 40, 5; *Ермолин*, 2004. С. 24. Рис. 10, 19). В Восточном Крыму такое зеркало представлено также в погребении постгуннского времени у с. Новопокровка (*Гаврилов*, 1996. Рис. 2, 5) (рис. 1, 4). В «азиатской» части Боспора можно назвать зеркала из Фанагории, некрополь «В» могила 94.1938 г. (*Блаватский*, 1951. Рис. 9, 7) и Ильичевского городища – помещение XI/ниша (*Гавритухин, Паромов*, 2003. Табл. 61, 61).

На Нижнем Дону, в Танаисе, погребение 87 содержало зеркало с подобным декором (*Арсеньева и др.*, 2006. С. 54. Рис. 1, 4), такое же зеркало обнаружено и в погребении урочища Терны в дельте Дона (*Гудименко*, 1990. Рис. 1, 6). Оба комплекса можно отнести к V в., не исключая начала VI в.

Зеркала типа Карповка – Анке-4 известны в Юго-Западном Крыму, в частности, в склепе 8/погр. 1 могильника Совхоз 10 (*Высотская*, 1998. С. 257. Рис. 5, 25), в склепе 77/погр. 2 некрополя у с. Лучистое (*Гавритухин*, 2011. Рис. 3, 56).

Эти зеркала в эпоху переселения народов встречены, как уже говорилось, и на Северном Кавказе, но только в западной половине этого региона – на Черноморском побережье, на Кубани, в Кабардино-Балкарии. Они отмечены на следующих памятниках: Дюрсо, погр. 259, 298, 300, 306, 410, 483, 500, 516 (*Дмитриев*, 2003. С. 201. Табл. 80, 24); Бжид 1, погр. 57 и погр. 144; Сопино, погр. 3, 11 и вне погребений; могильник Пашковский № 1, погр. 2.1936 г., 7.1948 г., 14.1948 г., в тайниках погребений 1.1949 г. и 5.1949 г.; Нижний Джулат, погр. 15 (*Мастыкова*, 2009. С. 83, 84. Рис. 88–90; *Гавритухин*, 2011. Рис. 7, 28). Зеркало с центральной петлей на оборотной стороне, украшенное тремя концентрическими рельефными кругами, было найдено в разрушенном погребении у с. Михаэльсфельд (ныне с. Джигинское Краснодарского края) (*Засецкая*, 2010. С. 132. Ил. 7, 4) (рис. 1, 7). Такие зеркала известны в Адыгее, на могильнике Мешоко в погребениях 5 и 7/раскоп III; погр. 3/раскоп V (*Дитлер*, 1995.

С. 144–146, 151. Табл. XXXII, 1–3). Можно назвать в этом же регионе еще два зеркала – на могильнике Ново-Вочепшийский и Тауйхабль, найденные вне комплексов, но вместе с вещами V–VI вв. (Мастыкова, 2009. Рис. 90, 3, 4). Стоит упомянуть и подобное зеркало из погребения 194в, конца IV – VI в., могильника Старокорсунского городища № 2 на Правобережье Кубани (Лимберис, Марченко, 2009. С. 130. Рис. 1, 3).

Приведенные аналогии выявляют определенную закономерность. Появившись в III в., судя по самым ранним находкам, на Северном Кавказе («Золотое кладбище», Кобань, Нарын-Кала), зеркала с концентрическими рельефными кругами становятся наиболее популярными в V – середине VI в. и распространяются прежде всего в Северном Причерноморье и в Западном Предкавказье. Затем в VIII–IX вв. зеркала с таким декором фиксируются в основном на памятниках салтово-маяцкой культуры и на Северо-Западном Кавказе (см. список зеркал: Засецкая и др., 2007. С. 21–22. Табл. 1; Засецкая, 2010. С. 149, 150).

Стоит однако добавить, что зеркала типа Карповка – Анке-4 с концентрическими рельефными кругами, как видно из приведенного списка аналогий, лучше всего представлены в древностях оседлого населения Северного Причерноморья и Западного Предкавказья эпохи переселения народов. В кочевнических могилах этого времени такие зеркала, за редкими исключениями (например, Михаэлсфельд), не отмечены. Было высказано предположение, что зеркала типа Карповка являются частью материальной культуры в первую очередь эллинизированного понтийского населения Боспора Киммерийского и Танаиса гуннского и постгуннского времени (Shchukin et al., 2006. P. 182). Действительно, для эпохи переселения народов зеркала типа Карповка – Анке-4 чаще всего встречаются именно в этой культурной среде. В свете данной гипотезы особое значение приобретает тот факт, что костюм женщины, погребенной на поселении Мухино 2, имеет выраженный понтийский характер, а биоархеологические данные свидетельствуют о ее южном, возможно понтийском, происхождении, связанном, во всяком случае, с аридной зоной (Добровольская и др., 2015). Зеркало из погребения, таким образом, является еще одним индикатором связей «мухинского» комплекса с Северным Причерноморьем гуннского времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова М. П., 1974. Памятники горных районов Центрального Кавказа рубежа и первых веков нашей эры (по материалам Северной Осетии и Кабардино-Балкарии) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.: Внешторгиздат. С. 3–31.
- Арсеньева Т. М., Безуглов С. И., Толочко И. В., 2006. Раскопки некрополя Танаиса в 2004 году // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып. 21 / Отв. ред. В. Я. Кияшко. Ростов-на-Дону: Книга. С. 54–56.
- Афанасьев Г. Е., Рунич А. П., 2001. Мокрая Балка. Вып. 1: Дневник раскопок. М.: Научный мир. 252 с.
- Бирюков И. Е., Гончаров В. О., Обломский А. М., 2015. Комплекс памятников середины I тыс. н. э. у с. Ксизово Задонского района Липецкой обл. Общее описание // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV–V в.) / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 9–14. (РСМ; вып. 16).

- Блаватский В. Д.*, 1951. Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг. // *Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху* / Под ред. В. Д. Блаватского, Б. Н. Гракова. М.: Изд-во АН СССР. С. 189–226. (МИА; № 19).
- Винников А. З., Афанасьев Г. Е.*, 1991. Культурные комплексы Маяцкого селища (Материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции) / Науч. ред. С. А. Плетнева. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та. 192 с.
- Высотская Т. Н.*, 1998. Склепы могильника Совхоз 10 (Севастопольский): Проблемы этноса и хронологии // *МАИЭТ. Вып. VI* / Ред.-сост. А. И. Айбабин. Симферополь: Таврия. С. 256–273.
- Гаврилов А. В.*, 1996. Погребение кочевника на античном поселении в Восточном Крыму // *МАИЭТ. Вып. V* / Ред.-сост. А. И. Айбабин. Симферополь: Таврия. С. 111–113.
- Гавритухин И. О.*, 2011. Фибулы типа Удине-Планис // *Петербургский апокриф. Послание от Марка: памяти М. Б. Шукина* / Отв. ред. О. В. Шаров. СПб.; Кишинев: Высшая антропологическая школа. С. 463–490. (Библиотека Stratum).
- Гавритухин И. О., Паромов Я. М.*, 2003. Ильичевское городище и поселения его округа // *Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII вв.* / Отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. М.: Наука. С. 152–157. (Археология).
- Гудименко И. В.*, 1990. Погребение эпохи раннего средневековья из дельты Дона // *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г.* Вып. 9 / Отв. ред. В. Е. Максименко. Азов: Азовский краеведческий музей. С. 88–93.
- Дитлер П. А.*, 1995. Раннесредневековый могильник Мешоко // *Археология Адыгеи* / Отв. ред. П. А. Дитлер. Майкоп: Меоты. С. 138–237.
- Дмитриев А. В.*, 2003. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // *Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII вв.* / Отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. М.: Наука. С. 200–206. (Археология).
- Добровольская М. В., Земцов Г. Л., Мастыкова А. В., Медникова М. Б.*, 2015. Привилегированное женское погребение с поселения Мухино 2 гуннского времени на Верхнем Дону: Биоархеологическая реконструкция // *РА. № 1. 2015.* С. 44–58.
- Ермолин О.*, 2004. Археологічні дослідження античного некрополя Джург-Оба (Керч) в 2003 р. // *Дрогобицький Краєзнавчий Збірник. Вип. VIII.* С. 11–37.
- Засецкая И. П.*, 1993. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V в. н. э. // *МАИЭТ. Вып. III* / Ред.-сост. А. И. Айбабин. Симферополь: Таврия. С. 23–105.
- Засецкая И. П.*, 1998. Датировка и происхождение пальчатых фибул Боспорского некрополя раннесредневекового периода // *МАИЭТ. Вып. VI* / Ред.-сост. А. И. Айбабин. Симферополь: Таврия. С. 394–478.
- Засецкая И. П.*, 2010. Михаэльсфельд – эталонный памятник раннего средневековья (к вопросу о датировке и этнокультурной принадлежности) // *АСГЭ. Вып. 38.* СПб.: ГЭ. С. 123–159.
- Засецкая И. П., Казанский М. М., Ахмедов И. Р., Минасян Р. С.*, 2007. Морской Чулек: Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья в постгуннскую эпоху. СПб.: ГЭ. 212 с.
- Корпусова В. М.*, 1973. Сільське населення пізньоантичного Боспору // *Археологія. № 8.* С. 27–45.
- Кудряцев А. А., Гаджиев М. С.*, 1991. Погребальные памятники Дербента позднеалбанского времени (по материалам раскопа XIV) // *Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века* / Сост. О. М. Давудов. Махачкала: ДНЦ РАН. С. 87–115.
- Кузнецов В. А.*, 1963. Исследования Змейского катакомбного могильника в 1958 г. // *Средневековые памятники Северной Осетии. (Труды Северо-Кавказской экспедиции 1958–1960 гг. Т. II)* / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: Изд-во АН СССР. С. 8–47. (МИА; № 114).
- Кузнецов В. А.*, 1995. Раскопки Змейского катакомбного могильника в 1959 г. // *Аланы: история и культура* / Отв. ред. В. Х. Тменов. Владикавказ: СОИГИ. С. 315–362. (Alanica; III).
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.*, 2009. Раннесредневековые погребения из могильника Старокорсунского городища № 2 // *Гуны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем* / Науч. ред. А. Г. Фурсаев. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ. С. 127–142. (Nomadica).
- Масленников А. А.*, 1997. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М.: ИА РАН. 108 с.
- Мастыкова А. В.*, 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н. э. / Отв. ред. В. Б. Ковалевская. М.: ИА РАН. 502 с.

- Мастыкова А. В., Земцов Г. Л., 2014. «Княжеское» женское погребение на поселении Мухино-2 гуннского времени на Верхнем Дону // КСИА. Вып. 234. С. 200–222, цв. илл. XV–XVII.
- Обломский А. М., Козмирчук И. А., 2015. Могильник гуннского времени Ксизово-19 // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV–V в.) / Отв. ред. А. М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 134–164. (ПСМ; Вып. 16).
- Саханев В. В., 1914. Раскопки на северном Кавказе в 1911–12 годах // Известия Императорской Археологической Комиссии. Вып. 56. Петроград. С. 75–219.
- Хазанов А. М., 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. № 4. С. 58–71.

- Anke B., 1998a. Studien zur Reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhunderts. Band 1: Text & Karten. Weissbach: Beier&Beran. 224 S. (Archäologischen Fachliteratur; Teil 1).
- Anke B., 1998b. Studien zur Reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhunderts. Band 2: Katalog. Weissbach: Beier&Beran. 156 S. (Archäologischen Fachliteratur; Teil 2).
- Niezabitowska B., 2004. Lustra z kolekcji wrocławskiej // Sarmaci i Germanie / Red. A. Kokowski. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. S. 193–263. (Studia Sarmatica; T. I).
- Shchukin M., Kazanski M., Sharov O., 2006. Des Goths aux Huns: Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations. Oxford: John and Erica Hedges Ltd. 482 p. (BAR International Series; S1535).
- Werner J., 1956. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 138 S.

Сведения об авторе.

Мастыкова Анна Владимировна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: amastykova@mail.ru.

A. V. Mastykova

A MIRROR FROM A PRINCELY GRAVE OF THE HUN PERIOD
FROM MUKHINO 2 IN THE UPPER DON REGION

Abstract. The paper examines a metal mirror with a central loop decorated with three concentric relief circles of the Karpovka – Anke-4 type discovered in a rich female burial of the Hun period uncovered at the Mukhino 2 settlement in the Upper Don region. Such mirrors appeared in the Late Roman period, though they were more typical for the Migration Period and continued to be used in the early medieval period. The search of similar items has demonstrated that mirrors of this type are better represented among the artefacts of the sedentary population, which lived in the North Pontic zone and the Western part of the North Caucasus piedmonts in the Migration period.

Keywords: metal mirrors with a central loop, metal mirrors of the Karpovka –Anke-4 type, Hun period, Migration period, North Black Sea coastline steppes, Northern Caucasus, Upper Don.

About the author:

Mastykova Anna V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: amastykova@mail.ru.

Д. С. Коробов, В. Ю. Малашев

НОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ АЛАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ КИСЛОВОДСКА

Резюме. В статье дается предварительная публикация погребений, обнаруженных при исследовании курганного могильника Волчьих Ворота в окрестностях Кисловодска, подвергнувшегося неоднократному грабительскому разрушению в течение последних тридцати лет. На восточном участке курганной группы было доследовано два захоронения в Т-образных катакомбах (кург. 11 и 17), также ограбленных в недавнее время. Катакомба в кург. 11 представляла собой классическое захоронение раннего этапа аланской культуры: длинные оси прямоугольной в плане камеры и широкой прямоугольной входной ямы взаимно перпендикулярны. Погребальное сооружение в кург. 17 характерно для эпохи раннего Средневековья и устроено в овальной камере, в которую вела узкая длинная входная яма со ступеньками, сооруженными по всей ширине задней стенки. Обнаруженный в кург. 11 погребальный инвентарь позволяет отнести доследованное захоронение, по всей видимости, к последней четверти IV в. н. э. По общему контексту и сделанным находкам кург. 17 отнесен к V – первой половине VI в. н. э.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Кисловодская котловина, аланская культура, катакомбные погребения, Великое переселение народов.

В последнее время появляется все больше свидетельств об относительно раннем времени проникновения в Кисловодскую котловину носителей аланской культуры. Работами авторов на курганном могильнике Левоподкумский 1 обнаружены наиболее ранние подобные комплексы в микрорегионе, датирующиеся первой половиной IV в. н. э. и имеющие характерные особенности покуранных Т-образных катакомб, окруженных ровиками квадратной и прямоугольной формы (Коробов и др., 2014). Вместе с тем комплексы этого времени были известны местным археологам и краеведам и ранее, однако контекст находок, в частности тип погребальных сооружений, откуда происходили обнаруженные предметы, не всегда удавалось установить.

Одним из интереснейших памятников в этом ряду является курганный могильник Волчьих Ворота, который известен кисловодским краеведам с 1970-х гг. В 1996 г. нами был произведен его осмотр и краткое описание, вошедшее в свод памятников Кисловодской котловины (Афанасьев и др., 2004. С. 127).

Полученные от С. Н. Савенко архивные материалы, хранящиеся в Пятигорском краеведческом музее, содержат сведения о доследовании М. А. Гуськовым в 1978 г. на могильнике Волчьих Ворота трех погребальных сооружений, перекрытых курганными насыпями. Все три насыпи имели грабительские ямы, устроенные в форме колодцев, которые впоследствии расширились по форме

обнаруженных погребальных сооружений. Курган 1, диаметром 6–7 м и высотой 0,7 м, содержал захоронения в Т-образной катакомбе типа I, по К. Ф. Смирнову (Смирнов, 1972), частично разрушенной в процессе устройства более поздней грунтовой ямы с перекрытием из песчаниковых плит. В погребении обнаружен лепной сосуд баночной формы, в грабительских отвалах найдены остатки погребального инвентаря – фрагменты керамических сосудов, бронзовая накладка, крупный чернолощенный кувшин с носиком-сливом и орнаментом в виде налепных валиков и фрагменты стеклянного сосуда желтого цвета с декором из сероватого стекла. Курган 2, диаметром 6–8 м и высотой 0,6 м, содержал захоронение в катакомбе, длинная ось которой располагалась параллельно длинной оси камеры (тип IV, по К. Ф. Смирнову). Помимо разрозненных человеческих костей, здесь были обнаружены фрагменты керамического сосуда красноватого цвета. Курган 3, диаметром 6–7 м и высотой 0,6 м, был возведен над погребением в грунтовой яме трапециевидной в плане формы; в грабительских отвалах найдены человеческие кости и фрагменты дерева.

В 1982 г. в Кисловодский краеведческий музей поступил ряд находок, собранных В. А. Лученковым в 1981 г. из грабительских отвалов на территории данного курганного могильника (Инв. № 2434/1–13 ОФ, приняты Я. Б. Березиным по акту № 14 от 12.03.1982). Среди находок были бронзовая накладка, кольцо, скоба, несколько железных накладок и пряжек, характерных для первой половины – середины III в. н. э.

Таким образом, по имеющимся архивным данным, курганные насыпи могильника Волчьи Ворота содержат разнообразные по форме захоронения, которые по известным на сегодняшний день предметам датируются в пределах III–V вв. н. э. Данные обстоятельства обусловили выбор могильника в качестве объекта раскопок с целью уточнения времени появления носителей аланской культуры на территории Кисловодской котловины.

Курганная группа находится к западу от г. Кисловодска в урочище Клинь-Яр и занимает узкую гряду, находящуюся в 600–650 м к юго – юго-западу от скалы «Паровоз». Гряда ориентирована по линии запад – северо-запад – восток – юго-восток; она имеет достаточно крутые склоны с северной и южной сторон, а также несколько крупных промоин глубиной до 20 м, которые делят ее на три части – западную, центральную и восточную. С южной стороны от гряды проходит проселочная дорога, ведущая из Кисловодска в сторону пос. Красный Курган. Вдоль нее расположена линия электропередачи.

Прослеживаемые визуально на поверхности курганные насыпи, количеством не менее 21, были условно пронумерованы с запада на восток. Размеры насыпей относительно небольшие, диаметром от 4 до 13 м, высотой от 0,1 до 1,0 м. Практически все они имеют следы недавнего грабительского разрушения, в некоторых случаях удается различить форму погребальных сооружений, нарушенных грабительскими ямами. Публикуемые ниже катакомбные захоронения были обнаружены в двух курганных насыпях 11 и 17, расположенных на восточном участке курганного могильника.

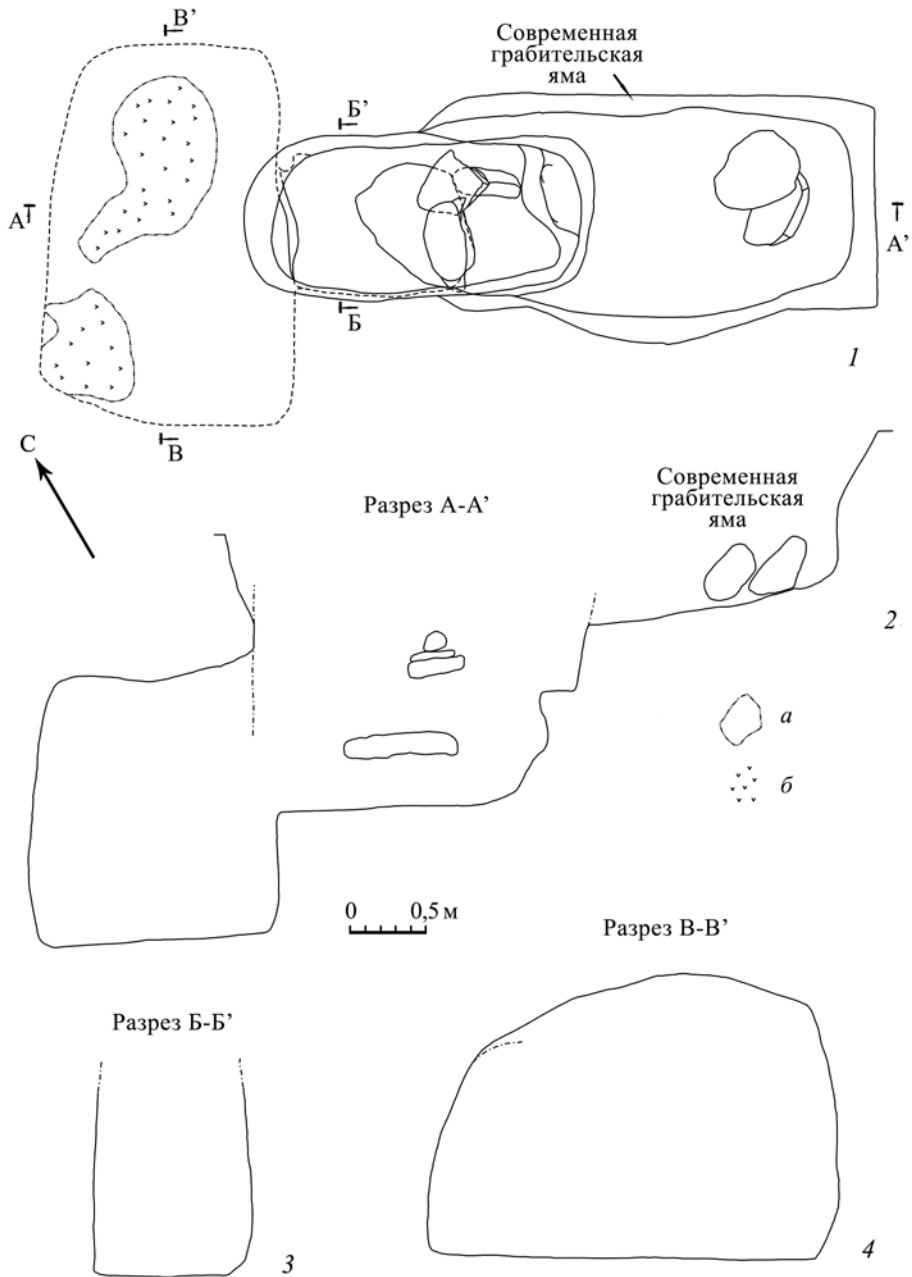
Курган № 11. Насыпь округлой в плане формы диаметром 9 м и высотой около 1,0 м. В центральной части насыпи фиксировалась прямоугольной в плане формы яма, размерами 3,2 × 1,5 м и глубиной 1,2 м, оставленная современными грабителями.

Погребение было ограблено дважды: один раз в древности, второй раз в прошлом веке. Современная грабительская яма, прямоугольной в плане формы с наклонными стенками, лишь наполовину перекрывала входную яму катакомбы: большая часть грабительской ямы располагалась за пределами погребения (рис. 1, 1). В СЗ части современный грабительский вход был сделан в заполнении входной ямы и в виде наклонной штольни уходил в камеру. В заполнении придонной части грабительской ямы находились 2 камня, размерами $60 \times 43 \times 24$ см и $60 \times 48 \times 25$ см, относившиеся к системе заклада входа в камеру и выброшенные грабителями к ЮВ стенке (рис. 1, 1, 2). Глубина грабительской ямы достигала 1,5 м от поверхности насыпи и практически не была заполнена грунтом.

Погребение совершено в катакомбе (рис. 1). Контур входной ямы в ЮВ части был нарушен грабительской ямой и прослеживался с глубины -148 см от репера. В СЗ части стенки ямы были зафиксированы с уровня древнего горизонта. СЗ стенка и прилегающие к ней участки боковых (СВ и ЮЗ) стенок были частично нарушены древней грабительской ямой; вследствие этого контур СЗ стенки был скруглен. Входная яма первоначально прямоугольной в плане формы с сильно скругленными углами, размерами на уровне фиксации $2,45 \times 1,1$ м, ориентирована длинной осью по линии СЗ – ЮВ. На не нарушенных при ограблении участках входной ямы стенки – практически вертикальные (рис. 1, 3). У ЮВ стенки, со смещением к восточному углу, была сделана ступенька шириной 25 см и высотой 72 см (рис. 1, 1, 2). На уровне дна входная яма прямоугольной в плане формы, размерами $1,95 \times 1,0$ м. Дно ровное, с незначительным понижением к СЗ стенке, где находился вход в камеру (рис. 1, 2). Глубина входной ямы -272 см от репера, от уровня древнего горизонта – около 1,9 м. В заполнении входной ямы, в центральной ее части, находились 4 камня от заклада входа в камеру размерами $90 \times 70 \times 15$ см, $63 \times 38 \times 13$ см, $50 \times 43 \times 7$ см, $50 \times 18 \times 12$ см.

В СЗ стенке входной ямы находился вход в камеру. Форма и размеры входа не восстанавливаются вследствие нарушения передней стенки входной ямы в результате ограблений. В камеру вела вертикальная ступенька высотой 80 см. Камера трапецевидной в плане формы с расширением в ЮЗ части и скругленными углами, ориентирована длинной осью по линии СВ – ЮЗ. Длинные оси входной ямы и камеры взаимно перпендикулярны. Дно ровное, с незначительным понижением к СЗ стенке. СВ и СЗ стенки на большей части высоты – вертикальные (рис. 1, 4). Глубина дна -359 см от репера. Свод, очевидно, от входа был незначительно вынесен вверх. Размеры камеры – $2,6 \times 1,75$ – $1,35$ м, высота – около 1,75 м. Большая часть камеры не была заполнена грунтом. На дне камеры, в западном углу и в СВ части, фиксировались значительные по площади пятна органического тлена черно-коричневого цвета и частицы древесного угля – сожженных ветвей облепихи, по определению Л. Н. Соловьевой¹.

¹ Выражаем глубокую признательность научному сотруднику Отдела естественно-научных методов ИА РАН Л. Н. Соловьевой за сделанные определения древесных пород из катакомбы 11 могильника Волчьих Ворота.

Рис. 1. Катакомба кургана 11 могильника Волчьих Ворота

1 – план; 2 – разрез А-А'; 3 – разрез Б-Б'; 4 – разрез В-В'

а – органический тлен черно-коричневого цвета; б – древесный уголь

Мелкие фрагменты костей погребенного и сохранившийся после ограбления инвентарь находились в заполнении входной ямы и камеры². Судя по расширению камеры в ЮЗ части и костному тлену от ног в СВ части камеры, можно предположить, что погребенный был положен на спине головой на ЮЗ.

Инвентарь. Сохранившиеся после ограбления предметы погребального инвентаря находились в заполнении входной ямы и камеры. Помимо этого, часть находок была сосредоточена на поверхности насыпи кургана в слое выброшенного современными грабителями грунта заполнения из камеры.

Золотая пряжка (рис. 2, 1; рис. 3, 2: с. 472) с рамкой овальной формы, уплощенной в задней части и утолщенной в передней части, круглой в сечении. Язычок в передней части незначительно заходит за середину сечения рамки и имеет высокий уступ у основания.

Бронзовая пряжка (рис. 2, 2; 3, 3) с рамкой овальной формы, уплощенной в задней части и утолщенной в передней части, круглой в сечении. Язычок в передней части доходит до середины сечения рамки и имеет уступ у основания.

Три фрагмента костяного предмета (гребня?) с бронзовыми штифтами (рис. 2, 3–5; 3, 13–15); на одном из фрагментов (рис. 2, 3; 3, 14) заостренная сторона имеет мелкозубчатую поверхность.

Фрагмент костяного квадратного в сечении наконечника стрелы с обломанным черешком; длина пера – 6,2 см (рис. 2, 6; 3, 9).

Костяной наконечник стрелы длиной 7,4 см с треугольным ромбическим в сечении пером длиной 5,0 см и шириной – 1,3 см, края которого при переходе к черенку срезаны под тупым углом, и коротким уплощенной прямоугольной в сечении формы черешком (рис. 2, 7; 3, 10).

Каменная (горный хрусталь?) дисковидной формы бусина с проточкой по боковой поверхности глубиной 0,1 см и шириной 0,2 см (рис. 2, 8; 3, 12).

Фрагмент каменной (кварц?) бусины или пряслица дисковидной формы (рис. 2, 9).

Стеклянная бусина цилиндрической формы диаметром 0,8 см и высотой 1,3 см (рис. 2, 10).

Фрагмент железного колесовидного псаля (рис. 2, 11).

Фрагмент железного предмета в виде плоской петли с пропущенным в отверстие, круглым в сечении, фрагментированным железным прутом (рис. 2, 12). С обратной стороны к петле прикреплена тонкая железная пластина полукруглой формы с двумя длинными железными штифтами; на пластине фиксируются следы дерева.

Три наконечника ремней, изготовленных из согнутой вдвое тонкой серебряной пластины, и валикообразным расширением в нижней части (рис. 2, 13–15; 3, 4–6). В верхней части – по два штифта для крепления к ремню, прикрытые с наружной стороны полусферическими декоративными накладками. Один наконечник изготовлен

² Вследствие двукратного ограбления, с последующим естественным смещением сохранившихся вещей в результате затекания грунта в погребение, сохранившиеся предметы погребального инвентаря находились в четырежды переотложенном состоянии. В этом случае точная фиксация находок не представляла никакого смысла и не несла никакой информации о первоначальном их местонахождении.

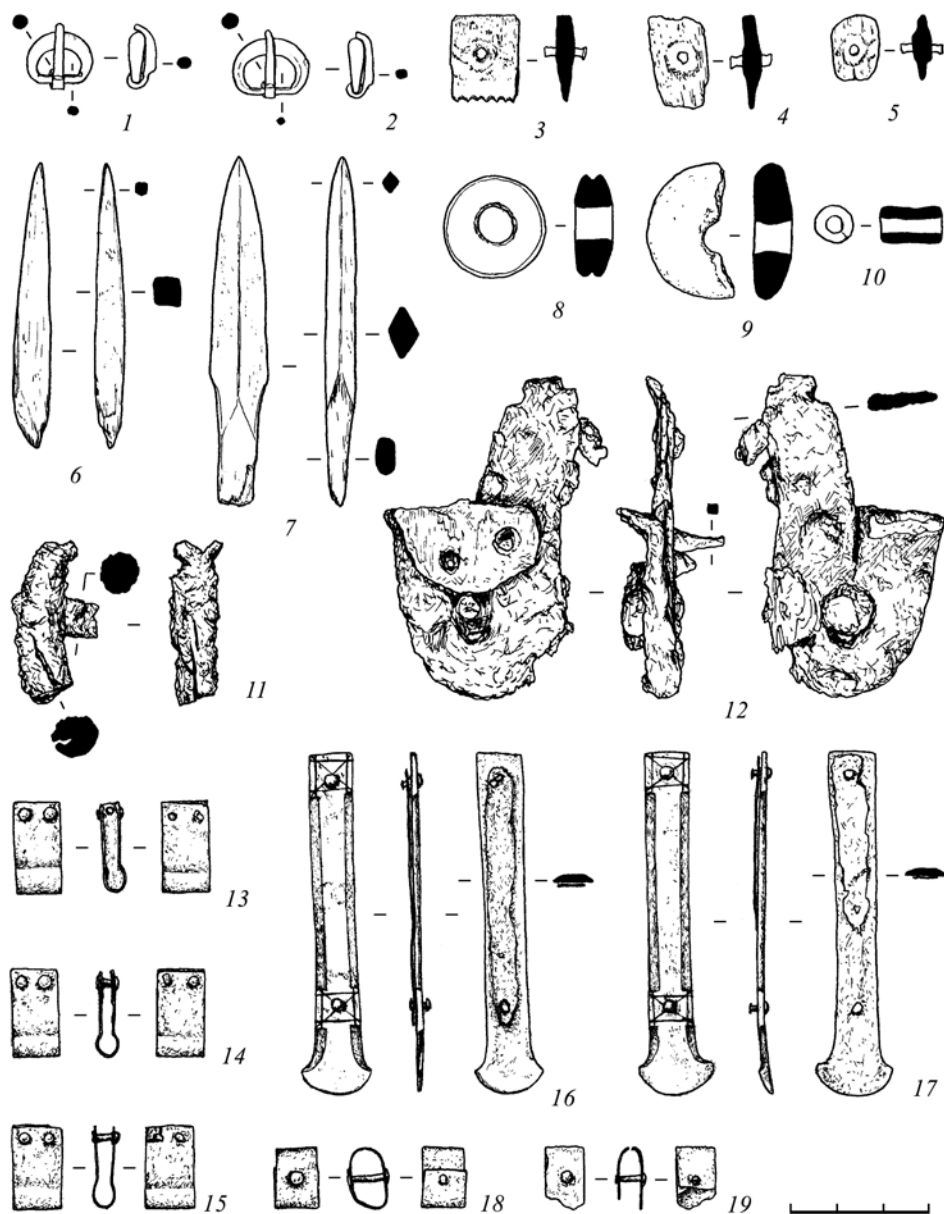

Рис. 2. Находки из кургана 11

1, 2 – пряжки; 3–5 – фрагменты гребня; 6, 7 – наконечники стрел; 8–10 – бусины; 11 – фрагмент псалія; 12 – фрагмент предмета; 13–15 – наконечники ремней; 16, 17 – наконечники-подвески ремней; 18, 19 – обоймы

1 – золото; 2 – бронза; 3–5 – кость, бронза; 6–7 – кость; 8 – горный хрусталь (?); 9 – кварц (?); 10 – стекло; 11, 12 – железо; 13–15, 18, 19 – серебро; 16, 17 – серебро, железо

в виде коробочки с сохранившейся одной боковой пластиной. У другого наконечника внутри фиксируются остатки кожаного ремня.

Два серебряных парных одночастных наконечника-подвески с секировидным расширением в нижней части и фасетированной лицевой поверхностью (рис. 2, 16, 17; 3, 7, 8). На задней стороне находятся остатки тонкой железной пластины, которая крепилась к основе двумя штифтами и служила для фиксации наконечника к ремню.

Серебряная обойма, изготовленная из согнутой внахлест тонкой серебряной пластины и скрепленная штифтом, а также фрагмент аналогичной по конструкции обоймы (рис. 2, 18, 19).

Треугольная накладка, изготовленная из согнутой вдвое пластины, на одном из углов – серебряный штифт (рис. 4, 1), а также фрагмент аналогичной накладки с двумя штифтами (рис. 4, 2) и два фрагмента предметов, форма которых не определяется (рис. 4, 3, 4).

Сильно деформированная обкладка верхней части рукоятки меча или кинжала, изготовленная из золотой пластины (рис. 4, 5; 3, 11). Первоначально, возможно, конической формы с грибовидным верхом или в виде гиперболоида. К нижней части по периметру припаяна каннелированная пластина; в месте соединения внахлест ее концов находится небольшой золотой штифт для крепления к основе. Верх прикрыт слабовыпуклой припаянной золотой пластиной. Внутри сохранились остатки деревянной рукоятки из ольхи (по определению Л. Н. Соловьевой).

Фрагмент деревянного предмета (шкатулки?) (рис. 4, 6). Одна из поверхностей перекрыта тонкой бронзовой пластиной, которая прикреплена к деревянной основе двумя бронзовыми гвоздями с полусферическими шляпками.

Бронзовый квадратный в сечении гвоздь (штифт) с округлой шляпкой (рис. 4, 7), видимо, относившийся к креплению навершия клинкового оружия.

Сильно деформированная фрагментированная полая сферическая бусина, изготовленная из тонкой золотой фольги (рис. 4, 8; 3, 1). Отверстия по краям оконтурены напаянными кольцами из золотого круглого в сечении тонкого стрежня.

Обойма с каннелированной наружной поверхностью, изготовленная из золотой пластины (рис. 4, 9). В месте соединения внахлест концов пластины находится длинный золотой штифт для крепления к основе.

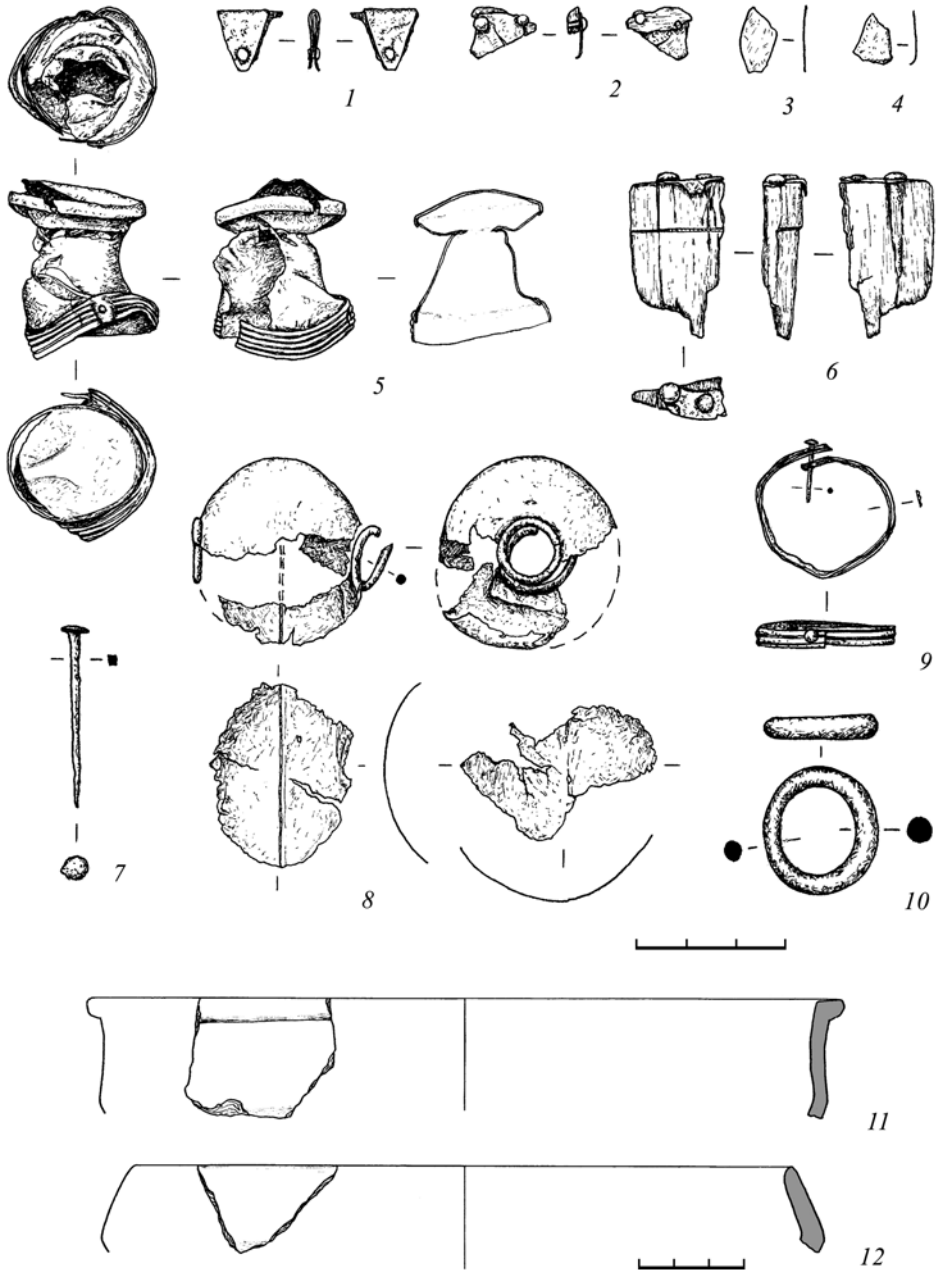
Бронзовая рамка пряжки овальной формы с незначительным утолщением в передней части; в сечении округлой формы (рис. 4, 10).

Фрагмент круговой миски с вертикальным бортиком, через слабо выраженное ребро переходящим в стенки; венчик снаружи оформлен в виде валика (рис. 4, 11).

Фрагмент круговой миски с загнутым внутрь бортиком, через ребро переходящим в стенки. Наружная и внутренняя поверхности темно-коричневого цвета, тщательно заглажены (рис. 4, 12).

Кроме вышеописанных, в грабительских отвалах были обнаружены мелкие фрагменты бронзовых предметов, изготовленных из пластины и скрепленных бронзовыми штифтами, небольшой бронзовый гвоздик с круглой шляпкой длиной 0,9 см, фрагмент квадратного в сечении бронзового гвоздика, с сохранившейся длиной 1,7 см, многочисленные фрагменты железных предметов, иногда со следами дерева и железным штифтом. Встречались фрагменты керамических

Рис. 4. Находки из кургана 11

1-4 – накладки; 5 – навершие рукояти меча или кинжала; 6 – фрагмент шкатулки; 7 – гвоздь; 8 – фрагменты полый сферической бусины; 9 – обойма; 10 – рамка пряжки; 11, 12 – фрагменты мисок

1-4 – серебро; 5, 8, 9 – золото; 6 – дерево, бронза; 7, 10 – бронза; 11, 12 – керамика

сосудов, типичных для керамического комплекса аланской культуры. Отметим фрагмент придонной части кругового сосуда, на дне которого фиксируется рельефный оттиск клейма в виде креста в квадрате.

В заполнении входной ямы, камеры, а также грабительской ямы и грабительского отвала на поверхности насыпи встречено значительное количество фрагментов железных предметов, большая часть которых достоверно не атрибутируется.

Два фрагментированных железных черешковых трехлопастных наконечника стрел. Вследствие фрагментированности форма пера точно не определяется, однако, судя по размерам и пропорциям, перо, скорее всего, было треугольной формы.

Фрагмент втулки железного копья.

Фрагмент железного предмета в виде дуговидно изогнутой пластины с загнутым краем и длинным железным штифтом.

Железные плоские, часто незначительно изогнутые в сечении, фрагменты предмета(ов) с сохранившимся одним краем. В частности, один фрагмент со штифтом у края.

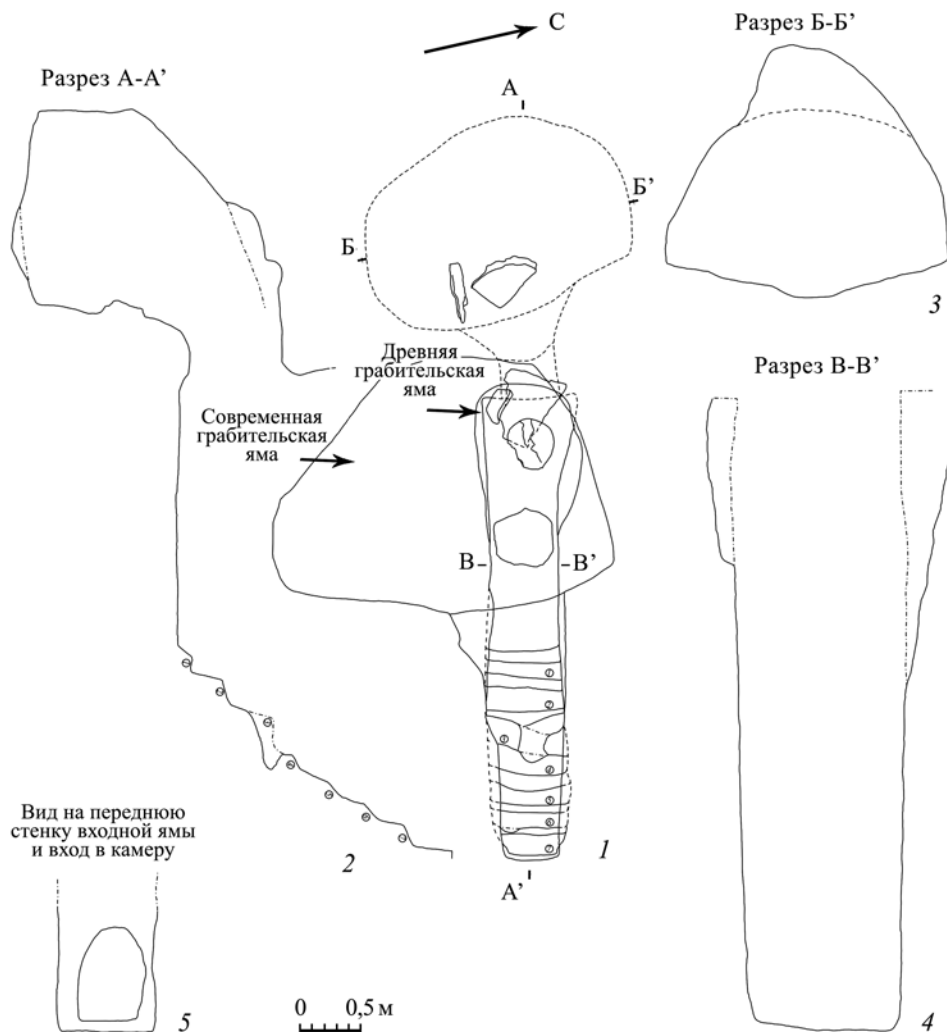
Фрагменты железного предмета(ов), состоящие из соединенных внахлест проковкой железных пластин.

Курган № 17. Насыпь округлой в плане формы диаметром 8,5 м и высотой 1,0 м. В центральной части насыпи фиксировалась неправильной в плане формы яма, размерами 2,8 × 2,1 м и глубиной 1,9 м, оставленная современными грабителями.

Погребение было ограблено дважды: один раз в древности, второй раз в прошлом веке. Современная грабительская яма перекрывала западную половину входной ямы катакомбы (рис. 5, 1). Контур древней грабительской ямы в западной части входной ямы прослеживался с глубины -250–286 см от репера.

Погребение совершено в катакомбе (рис. 5). Контур входной ямы в западной части был сильно нарушен древней и современной грабительскими ямами и фиксировался в придонной части. В восточной части входной ямы (за пределами контура современной грабительской ямы) стенки были зафиксированы с уровня древнего горизонта. Западная стенка и прилегающие к ней участки боковых (северной и южной) стенок были частично нарушены древней грабительской ямой. Входная яма первоначально прямоугольной в плане формы с хорошо выраженными углами, размерами на уровне фиксации 3,85 × 0,55–0,5 м, ориентирована длинной осью по линии запад-восток с незначительным отклонением (рис. 5, 1). В западной части входной ямы стенки вертикальные, в восточной части – наклонные, расширяются к дну (рис. 5, 4). От восточной стенки, по всей ширине входной ямы, были сделаны 7 ступенек шириной от 10 до 20 см и высотой до 40 см (рис. 5, 1, 2). На уровне дна входная яма трапециевидной в плане формы с расширением западной части (в 0,75 м от западной стенки), шириной 0,8–0,55 м. Дно ровное, практически горизонтальное (рис. 5, 2). Глубина входной ямы -390 см от репера, от уровня древнего горизонта – около 2,3 м. В заполнении придонной части входной ямы, в западной части и у входа в камеру, находились 4 камня от заклада входа в камеру размерами 48 × 48 × 15 см, 42 × 37 × 9 см, 60 × 50 × 8 см, 30 × 15 × 10 см (рис. 5, 1).

В западной стенке входной ямы находился вход в камеру прямоугольной формы с арочным верхом; частично нарушен вследствие ограбления (рис. 5, 5).

Рис. 5. Катакомба кургана 17 могильника Волчьих Ворот

1 – план; 2 – разрез А-А'; 3 – разрез Б-Б'; 4 – разрез В-В'; 5 – вид на переднюю стенку входной ямы и вход в камеру

Высота входа – 77 см, ширина – 55 см. Входную яму и камеру соединял дромос длиной 50 см. Камеру от входной ямы отделяла наклонная ступенька высотой 140 см. Камера овальной в плане формы, ориентирована длинной осью по линии север-юг. Длинные оси входной ямы и камеры практически взаимно перпендикулярны. Дно неровное, с понижением к центру (рис. 5, 3). Западная стенка на высоту около 0,8 м от дна – вертикальная. Глубина дна -523 см от репера. Свод понижался от входа к передней стенке камеры. Размеры камеры – 2,25 × 1,6 м, высота – около 1,4 м. Часть камеры не была заполнена грунтом. В придонной

части камеры, при входе, находились 2 камня от заклада входа (рис. 5, 1). Мелкие фрагменты костей скелета погребенного и сохранившийся после ограбления инвентарь во фрагментированном состоянии находились в заполнении входной ямы и камеры. Из заполнения входной ямы также происходят две кости животных, одна из которых обожжена.

Инвентарь. Фрагмент верхней части стеклянного сосуда из бесцветного прозрачного стекла; венчик диаметром 7,1 см незначительно утолщен (рис. 6, 1).

Бусина эллипсоидной формы из непрозрачного стекла синего цвета диаметром 1,0 см и высотой 0,5 см (рис. 6, 2).

Фрагментированный круговой кувшин с хорошо сформованным носиком-сливом, узким, сужающимся к основанию горлом, плавно переходящим в плечики, сфероконическим туловом и узким плоским дном. Овальная в сечении ручка верхним прилепом крепится к середине горла, нижним – к верху плечиков. Плечики декорированы двумя наклепными валиками, покрытыми насечками; между валиками расположен орнаментальный пояс из узких вертикальных пролощенных линий. Нижняя часть плечиков и тулово орнаментированы вертикальными наклепными валиками. Наружная поверхность покрыта лощением (рис. 6, 4).

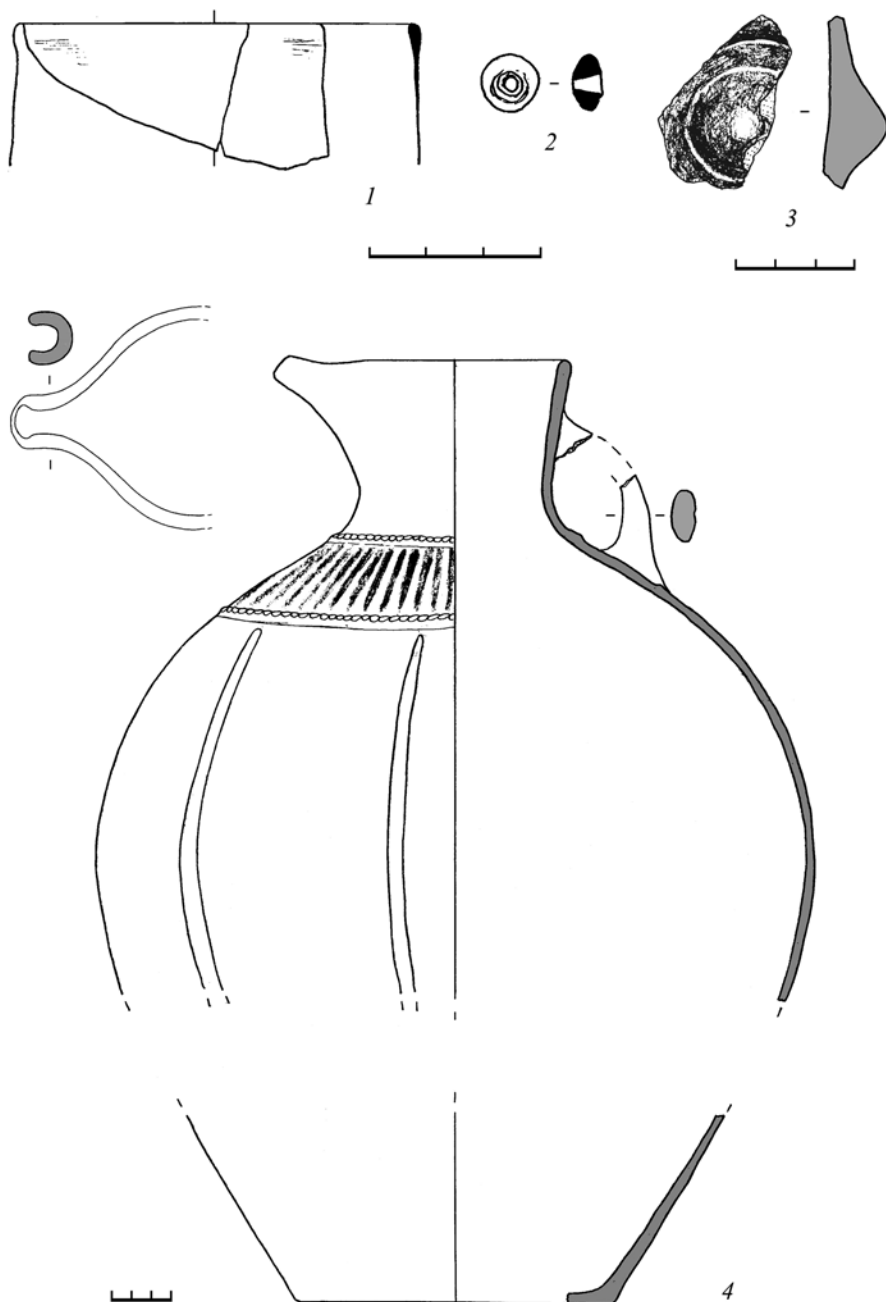
Фрагмент стенки кругового кувшинчика, декорированного коническим наклепом; наклеп окаймлен по периметру широкими пролощенными круговыми линиями (рис. 6, 3).

В заполнении входной ямы, камеры, а также грабительской ямы обнаружены фрагменты сосудов аланской и кобанской культур. В грабительском отвале найден фрагмент железного кованого стержня с уплощенными краями.

Обнаруженные в кургане 11 предметы находят многочисленные аналогии в комплексах Восточной Европы финала позднесарматского времени и начала эпохи Великого переселения народов.

Бронзовая и золотая пряжки (рис. 2, 1, 2), судя по особенностям морфологии рамок и язычков, могут соотноситься с пряжками П10, по В. Ю. Малашеву, с хронологической оценкой от второй четверти/второй трети IV в. н. э. до конца столетия с основным периодом распространения во второй и третьей четвертях IV в. н. э. (Малашев, 2000. С. 196. Рис. 2).

Одночастные наконечники-подвески с секировидным расширением в нижней части и фасетированной лицевой поверхностью (рис. 2, 16, 17) атрибутируются как наконечники Н8, по В. Ю. Малашеву, и датируются, преимущественно, от середины IV до раннего V в. н. э. (Там же. С. 197, 205. Рис. 1; 2). Единственным предметом, не укладывающимся в эту датировку и являющимся более поздним, является находка из Концешт (Засецкая, 1994. Табл. 19, 1). Круг аналогий данной разновидности наконечников-подвесок достаточно широк: от Северного Причерноморья (Там же. Табл. 19, 1; *Выборный, Ключева*, 1998. Табл. XXVIII, 15, 16; *Храпунов*, 2002. Рис. 121, 1, 2) до лесного Приуралья (*Генинг*, 1976. Рис. 27, 11, 16; *Засецкая*, 1994. Табл. 43, 2; *Сунгатов и др.*, 2004. Рис. 65, 5, 7) и Юго-Восточного Приаралья (Малашев, 2000. Рис. 12И, 3), включая Нижний Дон (*Безуглов*, 2008. Рис. 7, 14), Боспор (*Засецкая*, 1993. Табл. 18, 56а) и Северный Кавказ (Малашев, 2000. Рис. 12Л, 2).

Рис. 6. Находки из кургана 17

1 – фрагмент венчика сосуда; 2 – бусина; 3 – фрагмент кувшинчика; 4 – кувшин
1, 2 – стекло; 3, 4 – керамика

Наконечники с валикообразным расширением Н10, по В. Ю. Малашеву (рис. 2, 13–15), широко распространены в погребальных комплексах второй половины III – первой половины V в. н. э. от Северного Причерноморья до Южного Урала (Малашев, 2000. С. 197. Рис. 1; Засецкая, 1993. Табл. 13, 34а, б; 28, 128а, б, 129а, б; 1994. Табл. 15, 2, 3; 43, 4; 46, 8). Один из наконечников (рис. 2, 13) отличается наличием боковых пластин, что придает его конструкции вид коробочки; данная особенность появляется у наконечников с валикообразным расширением, относящихся уже к гуннскому времени (Засецкая, 1993. Табл. 28, 128а. С. 61; Генинг, 1976. Рис. 27, 13; 30, 13, 14; 32, 7).

Фрагмент удила с колесовидными псалиями, скорее всего, относится к серии 2, по И. Р. Ахмедову (Akhmedov, 2007): удила с широкими прямоугольными петлями, жестко крепящимися к одной из осей «колеса». Они появляются в первой половине III в. н. э., вероятно, ближе к середине столетия, и существуют в течение IV в. н. э. (Малашев, 2000. С. 210, 211. Рис. 7В, 8; Габуев, Малашев, 2009. С. 125. Рис. 41, 2; Парусимов, 1998, 25, 9; Аланский всадник, 2005. № 50).

Весьма редка находка золотой обкладки крупной бусины, найденной в кургане 11 (рис. 3, 1; 4, 8)³. Два подобных полых предмета из золотой фольги с напаянными золотыми кольцами найдены в погр. 36 могильника Дружное в Крыму (Храпунов, 2002. С. 23–24. Рис. 121, 7, 8), которое, судя по наличию одночастных наконечников-подвесок с секировидным расширением (Там же. Рис. 121, 1, 2), относится ко второй половине IV в. н. э.

Аналогичные бусы встречены в позднеантичных захоронениях Восточного некрополя Фанагории: три экз. в погр. 29 1964 г. II–III вв. н. э. (?) (кат. № 40) и один фрагментированный экз. в погр. 2 2002 г. первой половины III в. н. э. (кат. № 217) (Трейстер, 2015а. С. 374. Табл. 14; 2015б. С. 527. Табл. 74, 5). Все перечисленные экземпляры эллипсоидной формы, найдены вместе с заполнителями в виде пастообразного вещества, в составе которого присутствовала сера, что установлено О. В. Аникеевой в ходе рентгенофазового анализа (2015). Они определены как крупные бусины от конской узды, аналогии которым известны в захоронениях середины II–III в. н. э. из могилы № 12 некрополя городища «Белинское» на Керченском полуострове, в погребении № 31/1975 могильника у аула Ленинохавль, в кур. 6/1977 у ст. Тбилисской и в кургане 1978 г. у пос. Усатова Балка близ Анапы. В погребении № 31/1975 бусины найдены в конских захоронениях в области шеи лошадей, в кургане 1978 г. они также обнаружены в конском погребении (Трейстер, 2015в. С. 173–174). Можно указать на аналогичные находки в комплексе элитарного захоронения середины IV в. н. э. кург. 8 могильника Комаров II на Нижнем Дону вместе с удилами, имеющими колесовидные псалии (Аланский всадник, 2005. № 53). В целом украшение ремней конской сбруи металлическими бусами является широко распространенным явлением в позднесарматское время.

Обкладка верхней части рукояти меча золотой фольгой (рис. 4, 8) находит аналогии в комплексах гуннского времени (Засецкая, 1993. Табл. 17, 47а–в; 1994. Табл. 23, 5; 43, 10; Уманский, 1978. Рис. 7).

³ Выражаем сердечную благодарность И. Н. Храпунову и А. Н. Ворошилову за указанные аналогии.

Костяные наконечники стрел, аналогичные находке из кургана 11 (рис. 2, 7), имеют серию аналогий в комплексах позднесарматского времени на территории Северного Казахстана (Боталов, Гуцалов, 2000. Рис. 18, 1–17, 40–44). Распространение подобных наконечников стрел в европейской степи и на Северном Кавказе (Абрамова, 1975. Рис. 2, 5) может рассматриваться в контексте исторических событий, связанных уже с гуннским временем.

Миски с вертикальным и загнутым внутрь бортиком (рис. 4, 11, 12) являются широко распространенными формами столовой посуды керамического комплекса аланской культуры раннего этапа. Наиболее поздние образцы мисок с вертикальным бортиком из погребальных комплексов известны для последних десятилетий IV – первых десятилетий V в. н. э., миски с загнутым внутрь бортиком еще встречаются в наборах первой половины V в. н. э. (Габуев, Малашев, 2009. Рис. 35; 36. С. 116, 117; Абрамова, 1975. Рис. 7, 8, 13, 14).

Фрагменты деревянных шкатулок нечасто встречаются на Северном Кавказе, но являются распространенным предметом в позднеантичных погребениях Боспора и Крыма. Например, в могильнике III–IV вв. Дружное фрагменты деревянных шкатулок с деталями крепежа из бронзовых накладок и гвоздиков обнаружены в погребениях 9 и 24, относящихся ко второй половине III – IV в. н. э. (Храпунов, 2002. С. 17, 21–22, 55–56, 67, 69. Рис. 80, 10; 110, 4; 111).

Исходя из этого, датировка комплекса кургана 11 может рассматриваться в рамках финала (последней четверти) IV в. н. э., не исключая начала V в. н. э. Важно отметить, что форма и пропорции погребального сооружения, а также большая часть инвентаря связаны с контекстом и традициями IV в. н. э.

Датировка комплекса кургана 17 может опираться на находки керамических и стеклянного сосудов. Крупные лощеные кувшины (чаще трехручные), декорированные по тулову вертикальными налепными валиками, являются распространенным атрибутом раннесредневековых погребальных комплексов западных районов аланской культуры; аналогии в этих наборах посуды находят и орнаментация валиков насечками, и декор на плечиках в виде вертикальных пролощенных линий (Малашев, 2001. Рис. 1, 7; 7, 1). Хронологическая оценка данной разновидности кувшинов, атрибутируемых как Кв. 9А, может рассматриваться в рамках V – первой половины VI в. н. э. (Там же. Рис. 59. С. 48).

Декорирование тулова кувшинчиков и кружек коническими налепами, окруженными круговыми широкими пролощенными линиями, находит широкие аналогии в керамической традиции западных районов аланской культуры раннего Средневековья V–VI вв. н. э. (Там же. Рис. 1–9).

Верхняя часть сосуда, изготовленного из бесцветного стекла, относится к так называемым сосудам с оплавленным краем, по классификации Л. А. Голофаст⁴ (Голофаст, 2001. С. 133–135; Golofast, 2009. Р. 305). Подобные стеклянные сосуды с Таманского городища относились Н. П. Сорокиной к типу Б и датировались в пределах IV–V вв. н. э. При этом автором отмечалось, что сосуды с верхним диаметром венчика около 7 см (как и в нашем случае) встречаются и с более поздними материалами (Сорокина, 1963. С. 136–138).

⁴ Выражаем глубокую признательность Л. А. Голофаст (ИА РАН) и Г. А. Камелиной (ГИМ) за помощь в атрибуции рассматриваемой находки.

В настоящий момент их датировка пересмотрена в сторону омоложения благодаря серии закрытых комплексов из Херсонеса, где стеклянные сосуды с оплавленным краем встречаются с материалами, датирующимися от конца IV до начала VII в. (*Голофаст*, 2001. С. 134–135; *Golofast*, 2009. Р. 305). В целом датировка рассматриваемого фрагмента не противоречит дате найденного в катакомбе керамического кувшина, но и не позволяет ее существенно сузить.

Исходя из сказанного выше, погребение кургана 17 может датироваться V – первой половиной VI в. н. э. По размерам и пропорциям катакомбы и вещевому набору данное погребение полностью соответствует широкому кругу погребальных памятников Кисловодской котловины раннего Средневековья.

Таким образом, на территории подкурганного могильника Волчьих Ворота зафиксировано уже несколько комплексов эпохи Великого переселения народов, устроенных в Т-образных катакомбах и перекрытых курганными насыпями. Архивные сведения и результаты новых полевых исследований позволяют по-новому оценивать время появления в Кисловодской котловине носителей аланской культуры и характер освоения ими данной территории.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова М. П.*, 1975. Катакомбные погребения IV–V вв. н. э. из Северной Осетии // СА. № 1. С. 213–233.
- Аланский всадник. Сокровища князей I–XII веков: Каталог выставки / Авт.-сост. Т. А. Габуев. М.: ГМИНВ, 2005. 74 с.
- Аникиева О. В.*, 2015. Результаты исследования материала основы бус кат. № 40 // Золото Фанагории / Отв. ред. М. Ю. Трейстер. М.: ИА РАН. С. 322–325. (Фанагория. Результаты археологических исследований; 2).
- Афанасьев Г. Е., Савенко С. Н., Коробов Д. С.*, 2004. Древности Кисловодской котловины. М.: Научный мир. 240 с.
- Безуглов С. И.*, 2008. Курганные катакомбные погребения позднеримской эпохи в нижнедонских степях // Проблемы современной археологии / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: ТАУС. С. 284–301.
- Боталов С. Г., Гуцалов С. Ю.*, 2000. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей / Отв. ред.: Т. В. Любчанская, Н. О. Иванова. Челябинск: Рифей. 267 с.
- Выборный В. Ю., Ключева И. Н.*, 1998. Позднесарматский курган у с. Лимаревка Луганской области // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: Тез. докл. VII Донской археологической конф. / Ред.: В. Я. Кияшко, В. А. Ларенок, В. В. Потапов. Ростов-на-Дону: Донская археологическая конференция. С. 92–93.
- Габуев Т. А., Малашев В. Ю.*, 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус. 468 с.
- Генинг В. Ф.*, 1976. Тураевский могильник V в. н. э. // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А. Х. Халиков. Казань: Ин-т языка, литературы и истории. С. 55–108.
- Голофаст Л. А.*, 2001. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. Вып. VIII / Ред.-сост. А. И. Айбабин. Симферополь: Таврия. С. 97–261.
- Засецкая И. П.*, 1993. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V вв. н. э. // МАИЭТ. Вып. III / Ред.-сост. А. И. Айбабин. Симферополь: Таврия. С. 23–105.
- Засецкая И. П.*, 1994. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб.: Эллипс. 224 с.
- Коробов Д. С., Малашев В. Ю., Фассбиндер Й.*, 2014. Предварительные результаты раскопок на курганном могильнике Левоподкумский 1 близ Кисловодска // КСИА. Вып. 232. С. 120–135.

- Малашев В. Ю., 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра. С. 194–232.
- Малашев В. Ю., 2001. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М.: ИА РАН. 149 с.
- Парусимов И. Н., 1998. Труды Новочеркасской экспедиции. Вып. 3. Новочеркасск: Музей истории донского казачества. 111 с.
- Смирнов К. Ф., 1972. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья, Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. № 1. С. 73–81.
- Сорокина Н. П., 1963. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Изд-во АН СССР. С. 134–170.
- Сунгатов Ф. А., Гарустович Г. Н., Юсунов Р. М., 2004. Приуралье в эпоху Великого переселения народов (Старо-Муштинский курганно-грунтовый могильник) / Отв. ред.: Н. А. Мажитов, А. Ф. Яминов. Уфа: Ин-т истории, языка и литературы. 172 с.
- Трейстер М. Ю., 2015а. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (каталог) // Золото Фанагории / Отв. ред. М. Ю. Трейстер. М.: ИА РАН. С. 340–390. (Фанагория. Результаты археологических исследований; 2).
- Трейстер М. Ю., 2015б. Золото Фанагории. Типологический, стилистический и хронологический анализ // Золото Фанагории / Отв. ред. М. Ю. Трейстер. М.: ИА РАН. С. 77–181. (Фанагория. Результаты археологических исследований; 2).
- Трейстер М. Ю., 2015в. Институт археологии РАН (каталог) // Золото Фанагории / Отв. ред. М. Ю. Трейстер. М.: ИА РАН. С. 391–534. (Фанагория. Результаты археологических исследований; 2).
- Уманский А. П., 1978. Погребение эпохи «великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Наука. С. 129–163.
- Храпунов И. Н., 2002. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. 313 с. (Monumenta Studia Gothica; II).
- Akhmedov I., 2007. Le harnachement de Tsibilium. À propos de la formation du type «pontique» de harnachement de l'époque des Grandes Migration // Kazanski M., Mastykova A., 2007. Tsibilium. La nécropole apside de Tsibilium (VIIe av. J.-C. – VIIe ap. J.-C.) (Abkhazie, Caucase). L'étude du site. Vol. 2. Oxford: Archaeopress. P. 67–72. (BAR International Series; 1721).
- Golofast A., 2009. Early Byzantine Glass from the Tauric Chersonesos (Crimea) // Late Antique/Early Byzantine Glass in the Eastern Mediterranean / Ed. by E. Laflı. Izmir: Dokuz Eylul University. P. 301–335. (Colloquia Anatolica et Aegaea – Acta Congressus Communis Omnium Gentium Smyrnae; II).

Сведения об авторах.

Коробов Дмитрий Сергеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: dkorobov@mail.ru;

Малашев Владимир Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: malashev@yandex.ru.

D. S. Korobov, V. Yu. Malashev

NEW ASSEMBLAGES OF THE ALAN CULTURE
FROM THE MIGRATION PERIOD NEAR KISLOVODSK

Abstract. This paper is a preliminary publication of the burials discovered in the course of explorations of the kurgan cemetery known as Volchyi Vorota near Kislovodsk, which were repeatedly destructed by looters over the past 30 years. Additional excavations were carried out in the two burials deposited in T-shaped catacombs (kurgans 11 and 17) in the eastern section of the kurgan group, these burials have also been plundered recently.

The catacomb of kurgan 11 is an Alan burial typical for the early stage of this culture; the long axis of the chamber rectangular in plan and the wide axis of the entrance shaft were mutually perpendicular. The burial in kurgan 17 is typical for the early medieval times and was made in an oval chamber that could be accessed through a narrow long entrance pit with steps constructed along the width of the back wall. Based on the funeral offerings from kurgan 11 the researchers can refer there-excavated burial to the last quarter of the 4th century AD. In terms of the overall context and the retrieved finds, kurgan 17 dates back to the 5th – first half of the 6th centuries AD.

Keywords: North Caucasus, Kislovodsk depression, Alan culture, catacomb burials, Migration Period.

About the authors.

Korobov Dmitry S., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: dkorobov@mail.ru;

Malashev Vladimir Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: malashev@yandex.ru.

В. С. Флёров

СЕМИКАРАКОРЫ: ВОСТОЧНАЯ СТЕНА КРЕПОСТИ И ДОНЖОН

Резюме. Нижне-донская Семикаракорская крепость – крупнейшая из хазарских, возведена из сырцовых кирпичей с небольшой частью обожженных; имеет план в виде неправильного четырехугольника. В восточную стену крепости включена курганообразная насыпь. Раскопки у ее основания показали, что она скрывает развалины донжона, сохранившегося на высоту от 2 до 3 м. В его стенах большое количество обожженных кирпичей. Прямые аналоги донжону Семикаракорской крепости в Хазарском каганате неизвестны. Как на один из вероятных прототипов автор указывает на донжоны Хорезма.

Подробно описана куртина крепостной стены, примыкающая к донжону. Ее основание пересекает сквозной канал сечением 18 × 10 см. Подобные есть в крепостях Калиакра (Болгария) и Хумара (Северный Кавказ).

Ключевые слова: Нижний Дон, Хазарский каганат, крепости, конструкция кирпичных стен, донжон.

В восточную стену крепости Семикаракорская встроена оплывшая курганообразная насыпь (рис. 1, 1). Ее происхождение десятилетиями оставалось загадкой, тем более что подобного не отмечено в других крепостях Хазарского каганата.

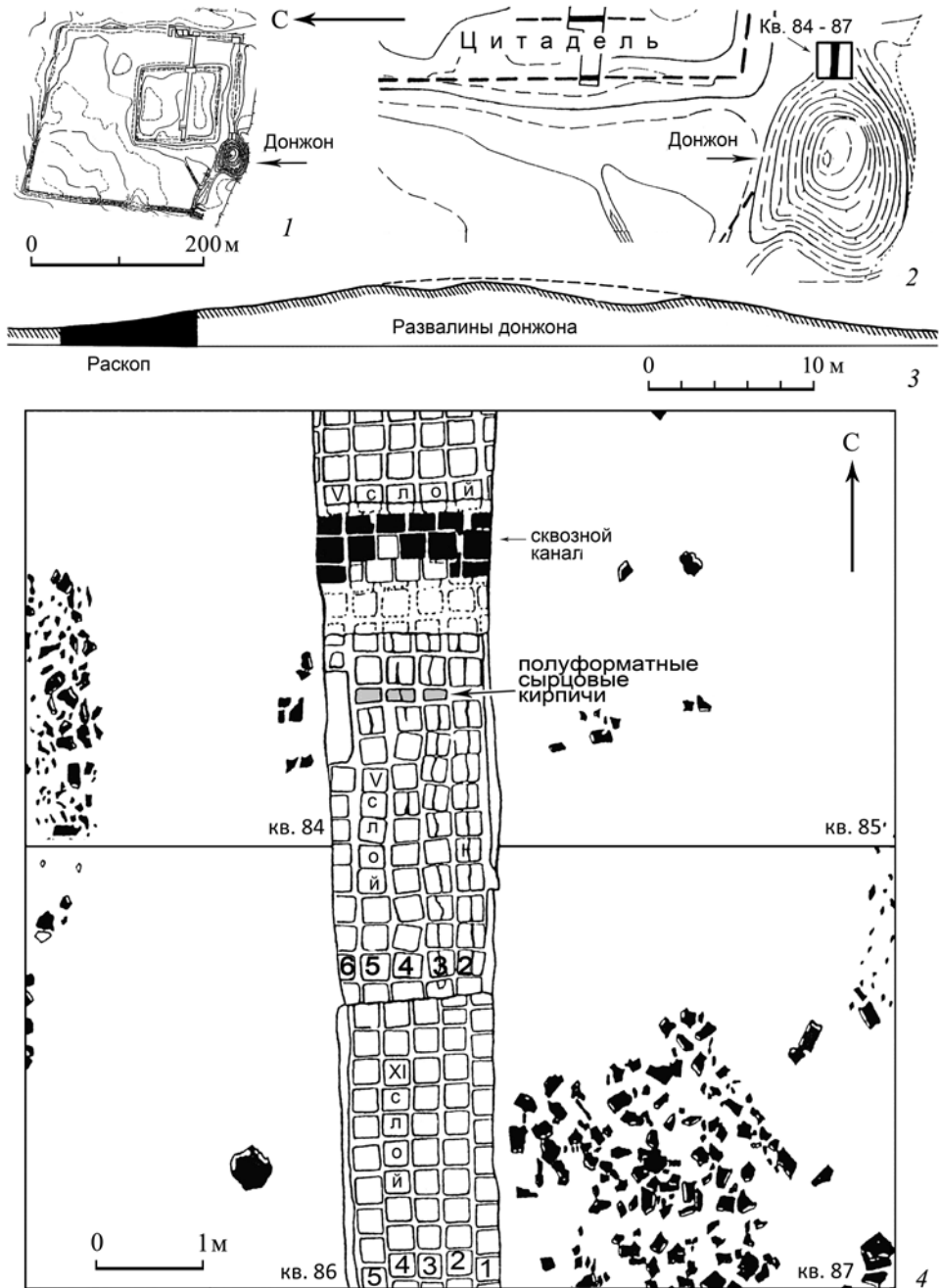

Рис. 1. Семикаракорская крепость

1 – план; 2 – развалины донжона и местоположение раскопа; 3 – профиль развалин; 4 – раскоп, кв. 84–87

Предстояло выяснить, не является ли насыпь более ранним, чем городище, курганом. Если это так, то каким образом восточная крепостная стена соединяется с ним: проходит над ним или врезается в него. Было и иное предположение, которое и предстояло проверить: курганообразная насыпь – это развалины донжона в составе восточной крепостной стены. В конечном итоге так и оказалось. Тем самым отпало и предположение о том, что башня-донжон стоит на древнем кургане.

В 1974 г. у северной подошвы насыпи был заложен раскоп 8×8 м, состоявший из квадратов № 84–87. Он планировался с таким расчетом, чтобы охватить небольшой участок восточной крепостной стены у северного основания насыпи и часть склона самой насыпи. Другими словами, исследовать место их стыка (рис. 1, 2, 3).

Верхние слои сырцовых кладки стены залегали непосредственно под дерном. Уже после того, как раскоп был вскрыт до древней погребенной почвы, выяснилось, что перед насыпью стена сохранилась на высоту до 75–85 см (рис. 2, 1). В направлении же к югу, в сторону насыпи стена сохранилась уже на высоту до полутора метров (рис. 2, 3). При этом основание стены, т. е. первый нижний слой сырцовых кирпичей, было горизонтальным. Тем самым стало очевидным, что восточная стена крепости не поднимается по склону насыпи, а пронизывает ее до остатков громадного сооружения, скрывающегося внутри нее, но не вошедшего в очертания раскопа.

Описание стратиграфии начнем с северной стенки раскопа.

Квадраты 84, 85. На этом участке восточная стена крепости еще не достигла насыпи. Основание ее находилось на глубине 0,85 м от современной поверхности, а верхние разрушенные корнями растительности сырцовые кирпичи на глубине 10 см (рис. 2, 1).

С внешней (восточной) и внутренней (западной) сторон к остаткам крепостной стены примыкает глинистый развал сырцовых кирпичей ее верхней обрушившейся части. С внешней стороны стены он простирается примерно на 3 м. С внутренней стороны развал компактнее и не распространился далее 1,7 м. Обратим внимание на то, что и стена и развал сырцовых кирпичей лежат на одном уровне – на дневной поверхности времени постройки стены. Это показывает, что культурный слой у основания стены за время существования крепости не накопился ни с внутренней стороны, ни с наружной. Тем не менее, изредка у основания стены попадались единичные кости животных и фрагменты сосудов. Один обломок горшка оказался в сырцовом кирпиче, куда попал в процессе его формовки.

С внутренней стороны (с запада) к основанию стены примыкает лишь небольшой клин серого грунта, происхождение которого надо признать случайным. С течением времени остаток стены и примыкающие к ней развалы слившихся в сплошную массу сырцовых кирпичей занесло серым грунтом.

Контрольный прокоп по всей площади раскопа на глубину до 0,2 м ниже основания стены показал, что до ее возведения на данном месте никаких культурных отложений не было.

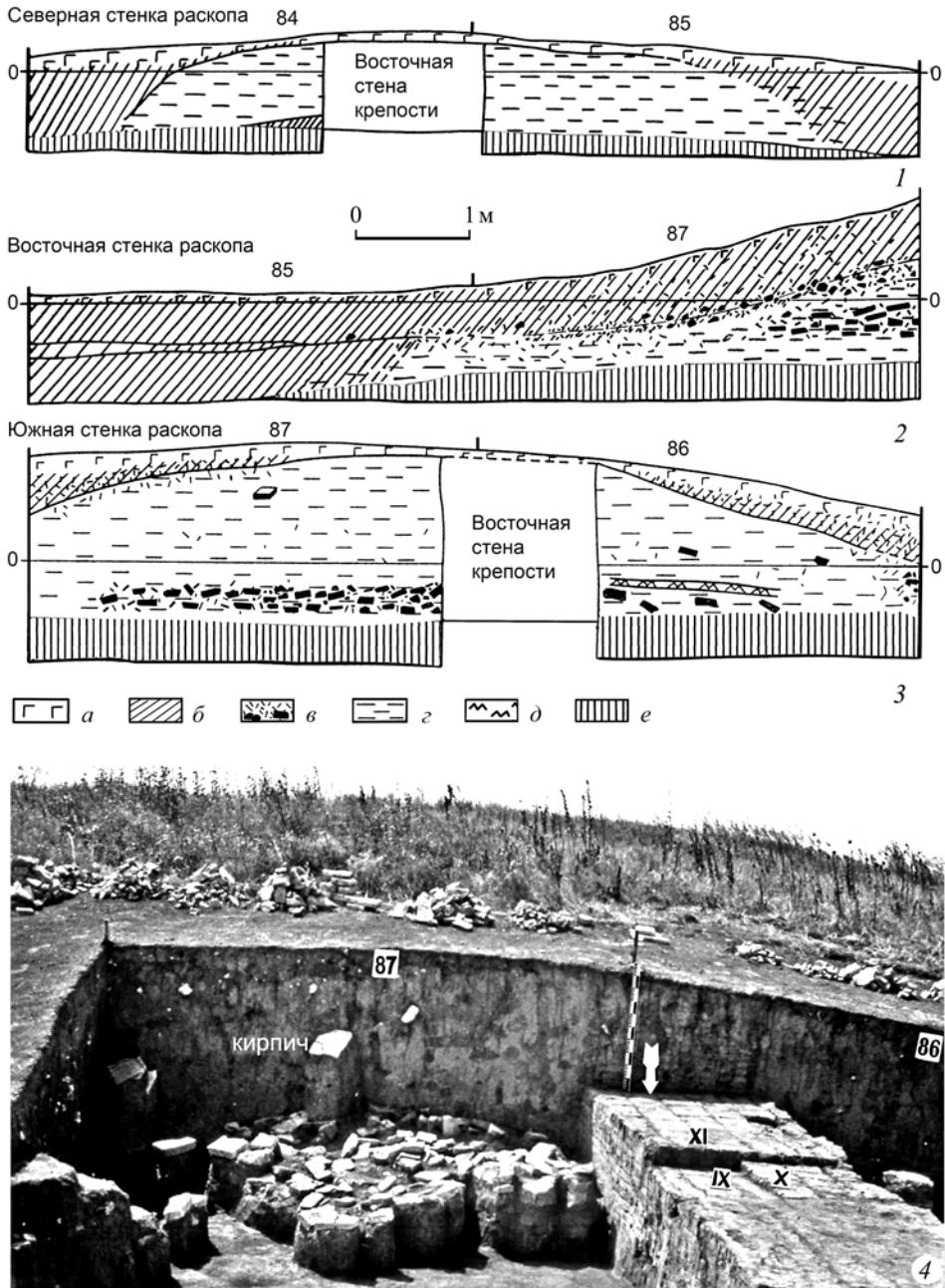

Рис. 2. Стратиграфия раскопа

1–3 – стенки раскопа, стратиграфия; 4 – вид с севера: южная стенка раскопа и обожженные кирпичи, восточная крепостная стена на уровне IX–X слоев кладки

Условные обозначения: *a* – гумус; *б* – серый перемешанный грунт; *в* – обломки обожженных кирпичей; *г* – развал сырцовых кирпичей; *д* – угли, зола; *е* – погребенная почва

Следует коснуться вопроса о причинах различной ширины развалов, тем более что речь о них пойдет и далее. Насколько далеко от стены падали ее обломки, зависело от многих обстоятельств. Некоторые из них:

– одномоментно ли падала стена независимо от причин или разрушалась постепенно;

– наклонился ли данный участок стены еще задолго до падения или продолжал стоять вертикально; в первом случае она падала преимущественно в одну сторону;

– многое зависело от качества кладки конкретного участка стены;

– часть стены могла упасть в одну сторону, например, верхняя, а нижняя заваливалась в другую.

Список можно продолжать, но есть два обстоятельства, выбор между которыми особо труден: стены крепости разрушались преднамеренно или в течение длительного времени после того, как она обезлюдела. Но и с этим не все просто. Часть стен могла быть разрушена сразу, буквально в течение одного или нескольких дней (при штурме и после него). Другие же участки постепенно разрушались под действием естественных причин.

Квадраты 86, 87. Сложная картина разрушения не только и не столько восточной стены, сколько скрытого под насыпью большого сооружения, донжона, открывается на переходе от квадратов 84, 85 к лежащим южнее их квадратам 86, 87. Именно в этих квадратах горизонтальный рельеф современной поверхности плавно переходил в склон насыпи (рис. 2, 2). У южной стенки раскопа восточная стена сохраняется уже на 25–26 слоев кладки (рис. 3, 1).

Наиболее выразительно стратиграфическая ситуация в основании насыпи отражена в восточной стенке раскопа в квадрате 87 (рис. 2, 2), описание которой рассмотрим от основания крепостной стены. Непосредственно на этом уровне лежит мощный пласт развала сырцовых кирпичей, падавших со стороны донжона по направлению к северо-востоку. Этот пласт фиксирует сам момент разрушения донжона и примыкавшей к нему восточной крепостной стены.

В массиве глинистого пласта две прослойки. Первая, нижняя – целые или почти целые обожженные кирпичи, залегающие на глубине 0,8–0,9 м. Выше, на глубине 0,50 м залегают тонкая прослойка, насыщенная мелкими обломками и крошевом обожженных кирпичей.

Общее направление падения слоев в восточной стенке раскопа не на север (как может показаться по чертежу), а на ССВ. Это легко понять, если взглянуть на план всей насыпи, под которой скрываются развалины донжона (рис. 1, 2): *все пласты в насыпи падают от ее центра к юлам.*

Более выразительная картина разрушения донжона фиксируется в южной стенке раскопа (рис. 2, 3), особенно в квадрате 87 (рис. 2, 4). Общее направление падения слоев – в северный сектор горизонта. От уровня основания крепостной стены и почти до современной поверхности залегают желтоватый глинистый массив превратившихся в сплошную массу сырцовых кирпичей. В нем на уровне нижних 1–4 слоев кладки стены залегают мощный пласт обожженных кирпичей и их обломков, падавших со стороны донжона в направлении на север – северо-восток (рис. 3, 1, 2). Заметим важное обстоятельство: кирпичи лежат с внешней стороны восточной крепостной стены. Это означает, что *донжон*,

Рис. 3. Восточная крепостная стена в процессе исследования и развалы обожженных кирпичей; виды с востока

по крайней мере частично, выступал за линию внешнего фаса крепостной стены.

Мощность пласта обожженных кирпичей указывает на то, что какая-то часть стен донжона была сложена из них. Столь большого количества обожженных кирпичей не отмечено в массиве других участков крепостных стен. В отрезке восточной крепостной стены, оказавшейся в пределах раскопа, обожженные кирпичи также единичны. Пласт кирпичей образовался непосредственно в момент разрушения донжона. Кирпичи падали со значительной высоты, от трех метров и более.

Отдельные кирпичи встречаются в насыпи и выше, причем лежат они с наклоном до 45°. В большинстве кирпичи квадратные, обычных для крепости размеров, толщиной в 4,5–5,5 см, но попадаются нестандартные. Среди них почти целый квадратный, 45: 45 см, – самый большой из обнаруженных в крепости¹. Здесь же найден единственный целый *трапецевидный кирпич*: основание трапеции 29,5 см, верхняя сторона 24,0 см, боковые наклонные по 13,5–13,8 см, высота трапеции (ширина кирпича) 13,5 см, толщина кирпича 6 см. Несомненно, трапецевидный кирпич не мог быть единственным. С большой вероятностью допускаю, что обломки других трапецевидных кирпичей не были опознаны среди большого массива обломков из квадратов 86–87, а, возможно, еще скрыты в развалинах донжона. Серия трапецевидных, пусть и немногочисленная, была изготовлена для какого-то архитектурного элемента в донжоне. Отмечу, что трапецевидный кирпич известен в античном Хорезме (*Воронина*, 1952. С. 94). До тех пор, пока исходный регион заимствования трапецевидной формы кирпичей Семикаракорской крепости не установлен с достаточной уверенностью, любыми его упоминаниями в литературе не следует пренебрегать. Это замечание относится ко всем строительным материалам и технологиям кирпичного строительства в Хазарском каганате. В будущем неверные направления поиска будут постепенно отсеиваться.

Не могу не отметить, что трапецевидные кирпичи не упомянуты в Саркеле, в крепостях бассейна Сев. Донца и на р. Тихая Сосна, а также среди кирпичей городища Самосделка, хотя в последнем есть пятиугольные. Нет сведений о трапецевидных кирпичах в Фанагории и Таматархе.

Продолжу о стратиграфии. Иное происхождение имеет тонкий пласт, состоящий из кирпичного крошева, перекрывающий глиняный массив почти у современной поверхности. Он формировался медленно уже после разрушения донжона, в процессе расползания его руин.

Несколько иную картину дает стратиграфия южной стенки раскопа в соседнем квадрате 86 с внутренней стороны крепостной стены (рис. 2, 3). Здесь целых и почти целых кирпичей значительно меньше, но залегают они преимущественно на том же уровне, что и в квадрате 87. Обратим внимание на тонкую и недлинную прослойку древесных углей, лежащую над кирпичами. Вероятно, это остатки сгоревшей небольшой деревянной вставки (плахи, бревна?) в кладку донжона. Углей слишком мало для того, чтобы ставить вопрос о межэтажном

¹ Кирпич размером 45: 45 см, к сожалению, не внесен мною в табл. 11 в более ранней публикации (*Флёров*, 2009. С. 505, табл. 11).

перекрытии или лестнице. В прочих открытых участках стен крепости и ее цитадели дерево не встречено.

Сравним объемы развалов сырцовых кирпичей в обоих квадратах. Объем упавших сырцовых кирпичей с внутренней стороны восточной крепостной стены в квадрате 86 несравнимо меньше, чем с внешней стороны стены в квадрате 87. Это дополнительно подтверждает отмеченное выше наблюдение: часть донжона была выдвинута за линию крепостной стены, но весь ли донжон, сказать невозможно. Рассматривая объемы развала сырцовых кирпичей в квадратах 86 и 87, надо иметь в виду, что в них произошло смешение сырцовых кирпичей, падавших со стороны донжона и из восточной крепостной стены. Разделить их невозможно, но определенно можно сказать, что чем ближе к донжону, тем лучше сохранность стены в высоту, тем меньше выпало из нее сырцовых кирпичей. Полному разрушению подверглась лишь верхняя половина, а ближе к донжону лишь верхняя треть крепостной стены.

Стратиграфия западной стенки раскопа, квадрата 86, ничем не отличается от стратиграфии восточной стенки. Самое примечательное в ней – тот же тонкий пласт кирпичного крошева на глубине полуметра от современной поверхности, но здесь он выражен более четко (рис. 3, 2).

Восточная крепостная стена в квадратах 84–87. Перейдем к описанию восьмиметрового участка восточной крепостной стены, оказавшегося в пределах раскопа севернее руин донжона (рис. 1, 4).

Северный конец стены в пределах раскопа сохранился на 11 слоев кладки. Ближе к донжону, у южной стенки раскопа стена сохранилась уже на 26 (!) слоев кладки сырцовых кирпичей, около 1,50 м (рис. 3, 1; слои пронумерованы). Произошло это благодаря тому, что от дальнейшего разрушения стену спас развал стен донжона.

Более или менее удовлетворительно сохранились лишь нижние пять слоев кладки. Лежащие выше потрескались, деформировались. Всю стену, особенно ее южную половину, пронизывали почти до основания продольные трещины. Плохая сохранность данного участка восточной стены объясняется в первую очередь низким качеством составлявших ее сырцовых кирпичей. Здесь они чрезвычайно хрупкие, рыхлые, слипшиеся со связующим раствором. При зачистке легко разрушались. Качество этих сырцовых кирпичей не идет ни в какое сравнение с качеством кирпичей на северной стене крепости, как впрочем, и на других вскрытых участках стен крепости и цитадели². Размеры большинства сырцовых кирпичей в среднем 23–25: 23–25: 4–5 см, однако отклонения от них встречаются постоянно.

В целом конструкция стены та же, что и у отрезка восточной стены на северо-восточном углу крепости, иногда в деталях (Флёров, 2014).

² Трудно объяснить низкое качество кирпичей на данном участке. Может быть, по каким-то причинам стена здесь возводилась ускоренными темпами из недосушенных кирпичей. С таким же успехом можно предполагать, что какая-то партия кирпичей формовалась или кладка стены на данном участке велась людьми неопытными. И так далее. Не стоит искать «единственно правильного» объяснения.

Полоса древней поверхности, размеченная под будущую стену, выровнена с приближением к горизонтали, но не заглублена. Еще раз напомню, что под стеной не было никаких предшествующих культурных отложений или единичных артефактов.

Публикуемый чертеж стены совмещает уровни V и XI слоев кладки (рис. 1, 4). Кладка велась шестью продольными рядами. Принцип кладки типичен для Семикаракорской крепости: продольные швы между нижележащими рядами перекрывают продольные ряды кирпичей следующего слоя. Понятно, что при такой системе боковые ряды каждого второго слоя должны состоять из полуформатных кирпичей. Внешние грани стен сохранились очень плохо, и проследить эту систему удавалось лишь по отдельным кирпичам боковых рядов. В частности, боковые ряды из почти полностью сохранившихся полуформатных кирпичей зафиксированы в слое V кладки у северной стенки раскопа, квадраты 84, 85 (севернее сквозного канала; о нем см. ниже).

Что касается перевязки поперечных швов между кирпичами соседних рядов одного слоя, то она соблюдалась далеко не всегда.

Одной из лучших является кладка южного отрезка XI слоя в квадрате 86 (рис. 4, 1). В определенной мере это образец некоторой упорядоченности. Продольные ряды в основном выложены без перевязки поперечных швов («шахматная доска»).

По существу та же система в кладке V слоя в центре раскопа южнее сквозного канала, но в отличие от XI слоя, выполнен он чрезвычайно плохо: кирпичи в нем буквально «пляшут». Однако севернее сквозного канала кладка этого же слоя имеет совершенно иной, упорядоченный вид. Я не исключаю, что участки возводились разными лицами. Косвенным, но весомым аргументом в пользу такого предположения служит в V слое кладки поперечный ряд из трех полуформатных кирпичей (на рис. 1, 4 выделены и подписаны), лежащих на границе между участками разного качества. Этот прием разграничения зон работы разных укладчиков кирпича неоднократно встречался на северо-восточном углу крепости. В целом же данный фрагмент крепостной стены показывает, что качество кладки при строительстве крепости было очень нестабильным. Вероятно, обучение мастерству шло в ходе самого строительства, а работавшие на строительстве набирались из местного населения.

Обожженные кирпичи в крепостной стене. Бессистемное включение в сырцовую кладку стен единичных (иногда по несколько) обожженных кирпичей – заметное явление в строительстве Семикаракорской крепости. В рассматриваемом отрезке стены на внутреннем фасе примерно в X слое кладки зафиксированы три рядом лежащих обожженных кирпича. Они уже готовы были выпасть из стены, но удержались и остались в наклонном положении. Тут же, непосредственно у основания стены, несколько выпавших из нее кирпичей. Единичные, выпавшие из внешних рядов кладки обожженные кирпичи лежат и перед внешним фасом, причем на различных уровнях. Общая картина выпавших кирпичей зафиксирована в квадратах 84, 85. Чем ниже в стене лежал кирпич, тем на меньшем расстоянии от стены он падал при ее разрушении. Разные уровни залегания обожженных кирпичей в развале сырцовых, соответственно, указывают на разный уровень нахождения в кладке.

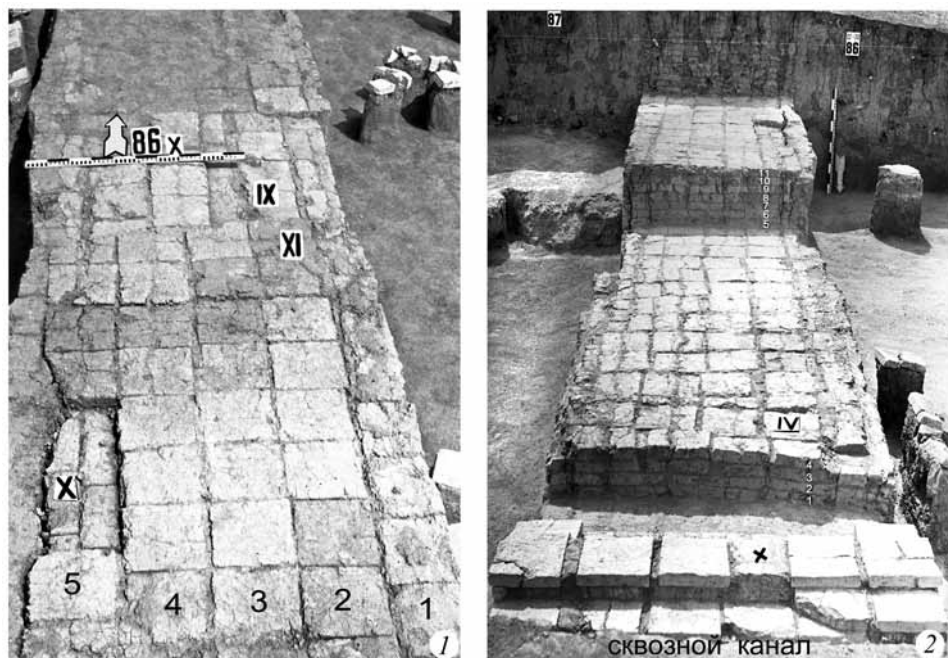

Рис. 4. Восточная крепостная стена, вид с севера

1 – кладка на уровне IX–XI слоев сырцовых кирпичей; 2 – кладка на уровне IV слоя, на переднем плане сквозной канал (помечен косым крестом)

Здесь уместно вернуться к развалу обожженных кирпичей, лишь частично открытому вдоль западного края раскопа в квадратах 84, 86 (рис. 1, 4). Залегали они чуть выше основания стены, но не имели к ней отношения. Возможно, они принадлежали строению, оставшемуся западнее пределов раскопа. Не могу исключить и того, что они падали с самого верха донжона. Может быть, по этой причине все они раскрошились, в отличие от скопления кирпичей в квадрате 87. Последние лежат ближе к донжону, а значит, и находились на меньшей высоте в его кладке.

Сквозной канал в основании крепостной стены. Он оказался единственным в своем роде в моих раскопках на городище. Первоначально был зафиксирован в виде необычных кладок, симметрично выступавших с обеих сторон стены (рис. 5, 1). Для полного их изучения стена над неизвестным еще сооружением разбиралась в несколько этапов, пока все сооружение не было выявлено полностью и стало понятно, что мы имеем дело со сквозным каналом, пересекающим поперек крепостную стену в ее основании.

Конструкция оказалась простой и рациональной (рис. 5, 2, 3). Пол канала состоит из уложенных в один ряд шести обожженных кирпичей. Очень важная деталь: этот ряд лежал ниже первого слоя кладки стены, т. е. был врезан в подстилающую стену поверхностью. Боковые стенки состояли из трех слоев как обожженных, так и сырцовых кирпичей. Но при этом оба фасада канала сложены

исключительно из обожженного. Перекрытие состояло из пяти обожженных и одного сырцового кирпичей. Просвет канала: высота 17–18 см, ширина около 10 см. В момент обнаружения он был заполнен грунтом. Трудно сказать, было ли это сделано при существовании крепости или грунт затекал в канал позднее. Вероятнее последнее.

Пять обожженных кирпичей перекрытия лежали лицевыми поверхностями вниз. После того как они были перевернуты, на трех лежавших рядом были обнаружены своеобразные метки – отгиск одного пальца. Нигде более в пределах наших раскопов данные метки не встречены.

Естественно, возникает вопрос о назначении этого маленького канала, спрятанного у самого основания восточной крепостной стены поблизости от донжона. Прямого ответа нет. Первым возникло предположение о водоотводе. Однако невероятно накопление в крепости столь больших объемов дождевых и талых вод, что потребовалось устраивать водоотводы. Кроме того, они должны были бы через небольшие интервалы пронизывать все стены крепости (на самой протяженной вскрытой линии крепостных стен – северо-восточный угол – их не было). Сам пол канала не имел наклона наружу. Прохождение потока воды под сырцовою стеной, с учетом того, что и в самой кладке канала использованы сырцовые кирпичи, нарушало бы прочность ее основания.

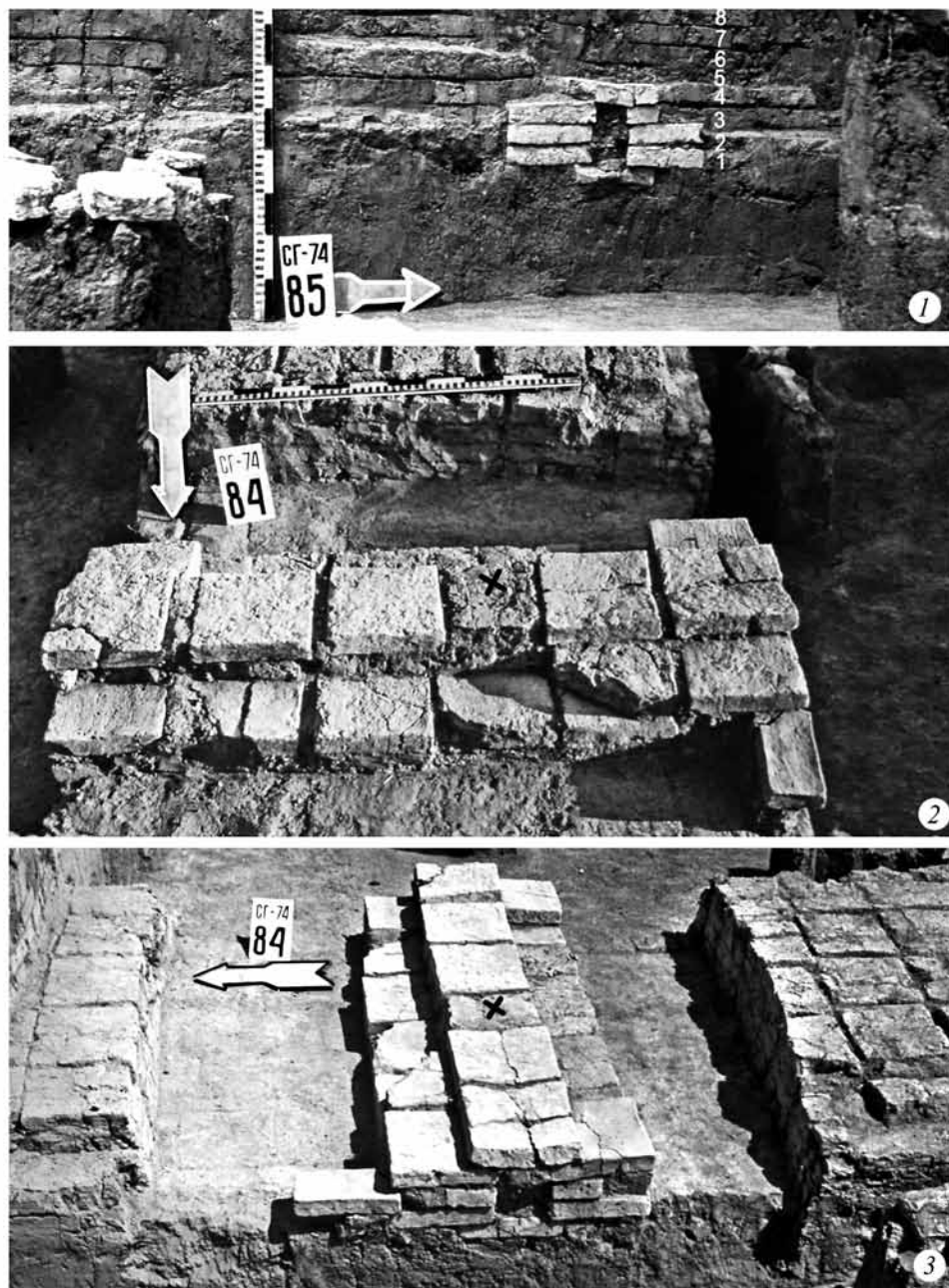
Более приемлемо использование сквозного отверстия для голосового общения с внешним миром при осаде. Замаскировать с внешней стороны стены маленькое отверстие канала несложно.

Насколько можно судить по фотографии, что-то подобное плохо сохранившееся обнаружено в крепости Камышиной (соседняя с Правобережной Цимлянкой и Саркелом) и названо публикаторами «акведуком» (*Ларенок, Семёнов, 1999. С. 27; цветная вклейка*). Лучше сохранились «водоотводы», определение Х. Х. Биджиева, на городище Хумара (*Биджиев, 1983. С. 17*). Осталось неизвестным, были ли сквозные каналы в кирпичном Саркеле. Его стены почти полностью уничтожены местным населением.

Показателен пример со сквозными каналами в основаниях каменных стен на мысе Калиакра, возведенных с конца III по VI в. (черноморское побережье Болгарии, севернее г. Варна). В куртине внешней стены под «самым ее основанием» устроен сквозной канал сечением 45 см (высота) на 25 см (ширина), но на публикуемой фотографии хорошо видно, что дно канала лежит минимум на 20–25 см выше подошвы стены. Назначение канала определено как «сток атмосферной воды» (*Джингов и др., 1990. С. 24, 28, 29, обр. 12, 13*).

На средней оборонительной стене Калиакры сквозной канал пронизывает не куртину, а стену башни (IX) на одной высоте с ее приподнятым полом и характеризуется как «сточный» (вода не упоминается). Залегает на 89 см выше основания стены. Сечение: 20 см (высота) на 25 см (ширина). Приложенная фотография ситуацию не проясняет (Там же. С. 111, 113, обр. 124).

Вероятно, сквозные каналы имели разное назначение и каждый надо рассматривать в конкретном его окружении. Если же канал определяется как водооточный (сточный), то на выходе он должен продолжаться какой-то ложбиной, канавкой, промоиной, вдущими на склон перед оборонительной стеной.

Рис. 5. Сквозной канал в основании крепостной стены

1 – вид с востока до расчистки; *2* – в процессе расчистки; *3* – канал расчищен, косым крестом помечен сырцовый кирпич

С накоплением многочисленных примеров необходимо проследживать, являются ли эти устройства маркером определенной строительной традиции или же возникали спонтанно там, где в них была какая-то потребность.

Сквозной канал в восточной стене, безусловно, – интересная деталь хазарской фортификации. Для изучения Семикаракорской крепости он гораздо важнее в другом отношении. Лицевые поверхности сырцовых кладок здесь сохраняются очень плохо, что каждый раз не позволяет точно определять ширину стены. Благодаря тому, что канал был сложен из обожженных кирпичей и сохранился неповрежденным, можно с полным основанием утверждать, что ширина восточной оборонительной крепостной стены действительно равнялась шести кирпичам. При среднем размере обожженного кирпича, 23–25 см, получаем 1,38–1,50 см. К ним прибавим суммарную ширину пяти швов между продольными рядами. Она в среднем равна 1–3 см. Учтем, что срединный шов часто достигал 10 см. В итоге признаем ширину стен Семикаракорской крепости равной 1,43–1,64 см. Это заключение подтверждает и слой обожженных кирпичей на одном из участков северной крепостной стены, хотя там уложено 5 рядов квадратных кирпичей и 1 ряд полуформатных, но и швы были шире (см. ниже). Разумеется, на каких-то участках стена могла быть на 0,5–1 кирпич толще или тоньше.

Громадную насыпь, в основании которой был заложен описанный раскоп, я определил как развалины донжона. Размеры насыпи свидетельствуют о том, что он значительно превосходил по высоте примыкающие к нему куртины. Не противоречит предложенному определению и встроенность этого сооружения в линию крепостных стен, а не размещение внутри крепости или ее цитадели. Оба варианта в истории фортификации известны, но я не буду поспешно перечислять аналогии, прежде всего по причине остающегося невыясненным плана донжона. Он мог быть круглым, прямоугольным (как вариант, квадратным), но не исключаются очертания неправильного четырехугольника. Очертания насыпи более соответствуют последнему. И все-таки очертания насыпи – ненадежное основание для реконструкции. Реальный план и прочие особенности донжона могут быть выяснены исключительно раскопками³.

Первым вопрос о донжоне в хазарской фортификации, а конкретно в Саркеле, поставил М. И. Артамонов:

«Наиболее сложным был доступ в южный отсек цитадели. Именно в этой части крепости, недалеко от ее южного угла, находилось интересное сооружение, совершенно оригинальной конструкции, нигде, кроме Саркела, больше не известной. Это прямоугольное, почти квадратное здание (II) с толстыми стенами и с прилегающей к нему вымощенной кирпичами площадкой. Нет сомнения,

³ В 2011 г. была предпринята попытка выяснить очертания донжона методами неразрушающей разведки под руководством И. Н. Модина (Московский университет). Опыт оказался безрезультатным по многим причинам. В частности, не было принято во внимание, что физические свойства развалин донжона и сохранившихся его стен были одинаковы. Речь идет прежде всего о глине. Столь же неудачен был опыт И. Н. Модина в 2008 г. выявить сохранившиеся плиты основания крепостных стен на Правобережном Цимлянском городище, о чем умолчала И. А. Аржанцева (2011. С. 11–13).

что это здание не было одноэтажным; судя по толщине стен (1,80 м), высота его могла быть весьма значительной и превосходить высоту не только оборонительных стен, но и связанных с ними башен. Оно, следовательно, могло быть даже не двух-, а трех- или четырехэтажным. Так как дверей, ведущих в нижний этаж здания, не было, надо полагать, что вход в него вел прямо во второй этаж по приставной лестнице. Нижний этаж с полом, выложенным кирпичами на извести... В целом здание представляло собою башню типа *донжона*, какие устраивались в средневековых замках...» (*Артамонов*, 1958. С. 20).

Притом, что далее Артамонов указывает на «усложняющие дело обстоятельства» [площадка около донжона не была единственной в Саркеле. – *В. Ф.*], аргументы его убедительны.

Некоторые сведения о здании II добавляет П. А. Раппопорт. Так, указана его сохранность, до 80–83 см, и внутренние размеры, 6,46 × 4,96 м (*Раппопорт*, 1959. С. 28). Особое внимание обращаю на кладку его стен, до удивления аналогичную кладкам крепостных стен Семикаракорской крепости! В ней, как и в семикаракорских, шесть продольных рядов полноформатных квадратных кирпичей плюс один ряд полуформатных. Сходство поразительно и вряд ли случайно. Но и это не все. На чертеже здания II прекрасно видно, что кладка его стен выполнена столь же небрежно, непрофессионально, как многие участки в семикаракорских стенах. В них, в частности, довольно бессистемно размещены полуформатные кирпичи и оббитые полноформатные квадратные (Там же. С. 29, 30. Рис. 25–27).

С. А. Плетнёва ничего не добавила к описанию донжона Саркела, но при этом указала другое количество продольных рядов – шесть (*Плетнёва*, 1996. С. 22).

Х. Х. Биджиев, не имея прямых археологических данных, предположил наличие донжона в цитадели крепости Хумара и даже опубликовал его графическую реконструкцию (*Биджиев*, 1983. С. 27. Рис. 28). Существование хумаринского донжона все-таки должно быть подтверждено раскопками. Нужен ли он был в цитадели, расположенной на холме высотой более 43 м? Впрочем, в горной местности никакая высота не могла быть излишней. Два других автора, однако, не сомневаются в донжоне, но опираются при этом только на мнение (не более) Х. Х. Биджиева. Такие же донжоны, но еще не исследованные, по их предположению, должны быть и на других городищах Северного Кавказа (*Каминский, Цокур*, 2001. С. 178).

В прочих белокаменных и кирпичных крепостях Хазарского каганата донжоны пока не известны. Во всяком случае, в рельефе они не проявляются. Надо также иметь в виду, что и функциональное назначение здания II из Саркела как донжона, как бы убедительны не были аргументы М. И. Артамонова, остается предположением до появления прямых ему аналогий. Кроме того, донжон Саркела расположен на территории крепости, а не встроено в крепостную стену. Последнее отличает его от семикаракорского, встроеного между двумя куртинами крепостной стены. Это обстоятельство чрезвычайно важно для поиска его прототипов. Поиски идут в разных направлениях, одно из них Средняя Азия, в частности, Хорезм.

Сравнивать примитивную крепость Семикаракоры с имеющей многовековую историю сложной фортификацией раннесредневекового Хорезма возможно лишь на уровне самых общих принципов построения крепостей. Именно из этого я исхожу. Хорезмийские донжоны афригидского периода детально рассмотрены Е. Е. Неразик (1966. С. 22, 27, 31–34 и мн. др.), в том числе встроенные в стены замков, сопоставимых по площади с Семикаракорской крепостью. По ее данным, усадьбы⁴ с донжонами составляли более 60 % всех построек Беркут-калинского оазиса. Вариантов расположения донжонов несколько: вне, в центре, на углу и в середине одной из стен. Два последние соответствуют расположению семикаракорского донжона на изгибе стены. Что касается саркелского донжона, то принцип его расположения, «в центре», также находит аналогии в афригидском Хорезме.

ЛИТЕРАТУРА

- Аржанцева И. А.*, 2011. Геоархеология поселений хазарского времени: Старые проблемы и новые методы // Болгарский форум I: Мат-лы Междунар. Болгарского Форума (19–21 июня 2010 г., Болгар). Казань: Фолиант: Институт истории. С. 3–14. (Археология евразийских степей; вып. 12).
- Артамонов М. И.*, 1958. Саркел – Белая Вежа // Тр. ВДАЭ / Отв. ред. М. И. Артамонов. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 7–84. (МИА; № 62).
- Биджиев Х. Х.*, 1983. Хумаринское городище. Черкесск: КЧНИИЭИЯЛ. 168 с., 58 ил.
- Воронина В. П.*, 1952. Строительная техника древнего Хорезма // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. I / Ред.: С. П. Толстов, Т. А. Жданко. М.: Изд-во АН СССР. 87–94 с.
- Джингов Г., Балканска А., Йосифова М.*, 1990. Калиакра. Т. I: Крепостно строителство. София: Изд-во на Българската академия на науките. 205 с.
- Каминский В. Н., Цокур И. В.*, 2001. О фортификации у алан Северного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани / Отв. ред. И. И. Марченко. Вып. 1. Краснодар: Кубанский гос. ун-т. С. 169–185.
- Ларенок П. А., Семёнов А. И.*, 1999. Саркел, Саркел, ещё Саркел... // Донская археология. № 3–4. С. 25–29.
- Неразик Е. Е.*, 1966. Сельские поселения афригидского Хорезма (По материалам Беркут-калинского оазиса). М.: Наука. 152 с.
- Плетнёва С. А.*, 1996. Саркел и «шелковый путь». Воронеж: Воронежский гос. ун-т. 160 с.
- Раппопорт П. А.*, 1959. Крепостные сооружения Саркела // Тр. Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 9–39. (МИА; № 75).
- Флёров В. С.*, 2009. Обожженные кирпичи Семикаракорской крепости и Саркела (опыт статистики размеров) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7. Донецк: Донецкий нац. ун-т. С. 489–534.
- Флёров В. С.*, 2014. Семикаракорская крепость Хазарии: северо-восточный угол // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время / Гл. ред. А. В. Евглевский. Т. 12. Донецк: Изд-во Донецкого национального ун-та. С. 103–152.

Сведения об авторе.

Флёров Валерий Сергеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: valerij-flyorov@yandex.ru.

⁴ По Е. Е. Неразик, обозначения «замок» и «усадьба» равнозначны (1966. С. 15, примечание 51).

V. S. Flyorov

SEMIKARAKORY: THE EASTERN WALL
OF THE FORTRESS AND THE DONJON

Abstract. The Lower Don Semikarakory fortress is the largest Khazar fortress; it was made of adobe, with some baked bricks added; it is trapezoid in plan. The eastern wall of the fortress has a kurgan-shaped embankment. Excavations at its base have shown that it conceals ruins of a donjon, which has survived to a height from two to three meters. The Semikarakory donjon contains a lot of baked bricks. No comparable donjons have been found in the Khazar kaganate. In the view of the author, it was probably modelled after Khwarezm donjons. The enclosure wall abutting the donjon is described in detail. A channel of the 18 cm × 10 cm cross-section cuts through its base. There are similar channels in Kaliakra (Bulgaria) and Khumara (North Caucasus).

Keywords: Lower Don, Khazar kaganate, fortresses.

About the author:

Flyorov Valerij S., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: valerij-flyorov@yandex.ru.

М. С. Королева

СПОСОБЫ ДЕКОРИРОВАНИЯ ПЛАТЬЯ И ГОЛОВНОГО УБОРА
ДРЕВНЕЙ МОРДВЫ ВАДСКОГО БАССЕЙНА В VIII–IX ВВ.

Резюме. Долгое время многие исследователи пытались восстановить облик женского костюма древней мордвы. Среди уже известных реконструкций – костюмы Цнинской мордвы и Притешья. Из накопленного материала Вадских памятников также был произведен отбор материала с дальнейшим анализом и попыткой реконструкции. В результате была выделена типология способов декорирования платья древней мордвы по расположению бисера и трапециевидных привесок. Воссоздан головной убор, характерный для Вадской мордвы, с его вариантами и сравнением с другими племенами. Выделены специфичные и общие черты в способах декорирования.

Ключевые слова: мордва, платье, головной убор, бисер, текстиль, реконструкция.

Одной из самых малоработанных тем в археологии в настоящее время остается изучение текстиля. Он требует особого подхода, так как сохранность материала весьма незначительная. Поэтому опираться приходится не только на сам текстиль, но и на второстепенные источники – отпечатки на изделиях, расположение украшений в погребении, инструменты для рукоделия.

Один из первых подробных анализов с дальнейшей реконструкцией внешнего облика мордвы по материалам Цнинских памятников был проведен

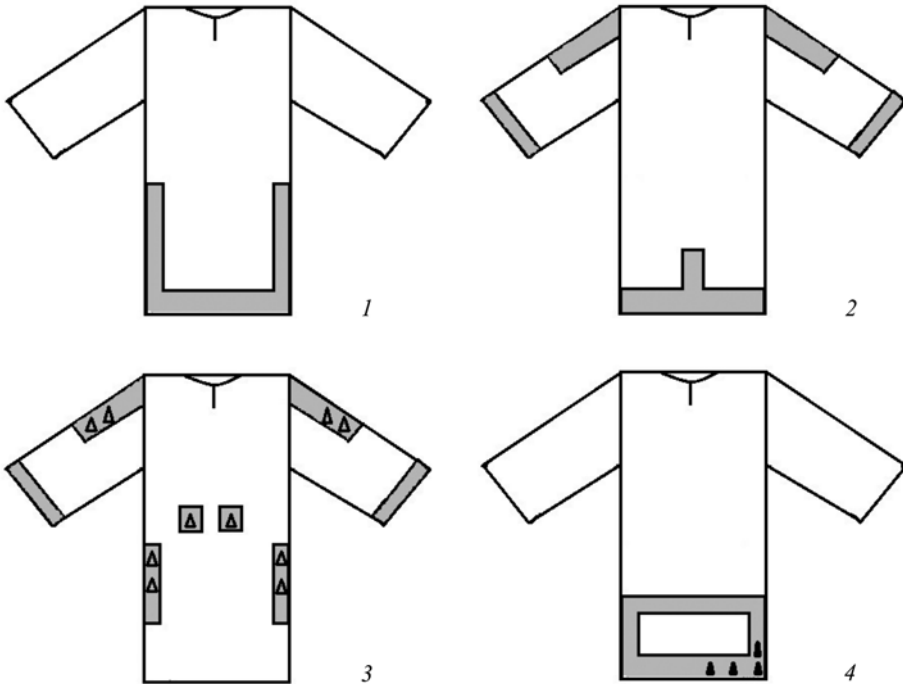
Р. Ф. Ворониной. Она рассмотрела типы головных уборов, платьев с вариантами декора, характерных для памятников бассейна Цны (*Воронина, 1973; 1974*). До сегодняшнего момента многие исследователи продолжают опираться на ее работы, фактически не имеющие, по своей сути, аналогов. Однако археологи обнаруживают некоторые отличия в украшениях и облике древней мордвы в зависимости от территории расселения. Отсюда весьма актуальной становится тема реконструкции облика соседних племен Вадского бассейна, чьи материалы широко представлены во 2-м Журавкинском, Степановском, 2-м Старобадиковском могильниках. А для того, чтобы сравнение было проведено точнее, за основу необходимо взять период Цнинских памятников VIII–IX вв. (*Вихляев и др., 2008*).

Для проведения анализа были отобраны и рассмотрены 20 единиц текстиля. За основу брались фрагменты ткани, их отпечатки на изделиях и отдельные нити. На их основе выявлено преобладание двух типов переплетений – полотняного и саржевого, характерного и для Цнинских памятников (*Ефимова, 1966*). Все нити произведены из шерсти тониной от 0,3 до 0,8 мм. Преобладает тип кручения Z, который весьма распространен в памятниках мордвы (*Королева, 2015. С. 1*). Ткани произведены на вертикальном станке (Там же. С. 2). Цвет ткани от светло до темнокоричневого.

Приведенный анализ указывает на наличие верхней шерстяной рубахи, чей облик нам предстоит восстановить. Для этого необходимо привлечь этнографические данные о виде и способах пошива рубахи. Установлено, что платье мордва-мокша шила из цельного полотна, создающего перед и спинку. С боков пришивались куски ткани, так как ширины полотен не хватало для полного обхвата туловища (*Сокровища... С. 145*). К платью пришивались рукава прямого покроя, составлявшие примерно $\frac{3}{4}$. В полотне вырезалась горловина с разрезом в передней части. Разрез и швы декорировались вышивкой.

Другой способ пошива платья характерен для мордвы-эрзи. Два полотна сшивали по центру спереди и сзади, оставляя сверху место для горловины. Остальные два шва проходили по бокам. В нашем случае первый вариант пошива более вероятен для бассейна Вад, так как проживающие здесь племена относились к мокше по признаку ориентировки погребений головой на юг (*Леттербургский, Аксенов, 2006. С. 12*).

Оформление платьев было также связано с вышивкой. Об этом свидетельствуют находки шерстяных ниток и крючков с иглами для рукоделия. Но, к сожалению, фрагментов с вышивкой не сохранилось. Встречаются лишь обрывки ткани с оловянным бисером либо просто остатки бисера, рассыпанного по погребениям. По ним и можно восстановить длину платья и рукавов, наличие разрезов и расположение швов, а также декор платья. К самому бисеру некоторые исследователи добавляют «так называемый» или заменяют на оловянную проволоку. Все это из-за его специфичного строения. По материалам Шокшинского могильника построена работа Тавлинцевой Е. Ю., назвавшей бисер «гантелеобразным» (*Тавлинцева, 1999. С. 110. Рис. 1*). Он расположен в несколько рядов плотным узором. Аналогичный узор встречен в погребении 52 Степановского могильника. Бисер плохо различим, но форма фрагментарно прослеживается. Заметны и остатки нитей, скрепляющих бисер с тканью. На ткани видны отверстия от продевания этих же нитей.

Рис. 1. Способы декорирования рубах 2-го Журавкинского могильника

1–4 – соответственно погребения 7, 14, 41, 46

Таким образом, удалось выделить несколько вариантов декора. Самым простым являлось оформление низа и боков, как в погребениях 7, 47 2-го Журавкинского могильника (рис. 1, 1). Пущенная вышивка с боков закрывала швы. Похожее расположение вышивки встречается в нарядах мокши XIX–XX вв. (Сокровища... С. 136). Узор плотный, вероятнее, придавал вид каркаса, чтобы рубаха не сминалась.

Встречаются экземпляры с расположением бисера по центру вертикально, как в погребении 52-го Журавкинского могильника, или только по низу – погребение 54 Степановского могильника. Платье кажется незавершенным. Возможно, рукодельница просто не успела доделать платье. Такой же вид представлен в погребении 28 2-го Журавкинского могильника с бисером только на левом рукаве. Незаконченные мотивы вышивки встречаются во 2-м Старобадиковском могильнике (Петербургский, 2011). Это может означать, что вышивкой бисером занимались зрелые женщины.

Богатый костюм обнаружен в погребении 142-го Журавкинского могильника. Богатая вышивка располагалась по низу платья с заходом вертикально вверх по центру (рис. 1, 2). Возможно, это может указывать на наличие небольшого разреза для придания удобства при ходьбе. Схожие мотивы вышивки встречаются в костюме мокши (Сокровища... С. 160). Бисер пущен и по низу, и по бокам рукавов от плеча до локтя. Кроме того, погребение богато бронзовыми украшениями. На способности мастерицы указывает находящееся в погребении

пряслице с расходящимися линиями в виде лучей солнца. Так хозяйки отмечали свои вещи, чтобы отличить от других (Королева, 2014. С. 48). Данный костюм наиболее похож на мокшанский XX в.

Оригинальны платья 103 и 225 погребений 2-го Старобадиковского могильника. В первом бисер расположен на рукавах и поясе, в другом – по вороту и низу юбки расходящимися линиями вертикально и двумя перпендикулярными линиями у подола и выше (рис. 2, 3, 5).

Однако не все платья украшены только бисером. На некоторых он полностью заменен на трапециевидные привески. Так, в двойном погребении 22 Степановского могильника оба платья одинаково украшены. Но захоронение *a* имеет больше бронзовых украшений. Привески на них расположены в два ряда. Схожее оформление во втором погребении, где привески по центру расположены уже в четыре ряда (рис. 2, 1). Этот способ декора характерен для памятников среднецнинской мордвы (Воронина, 1974. С. 35. Рис. 2).

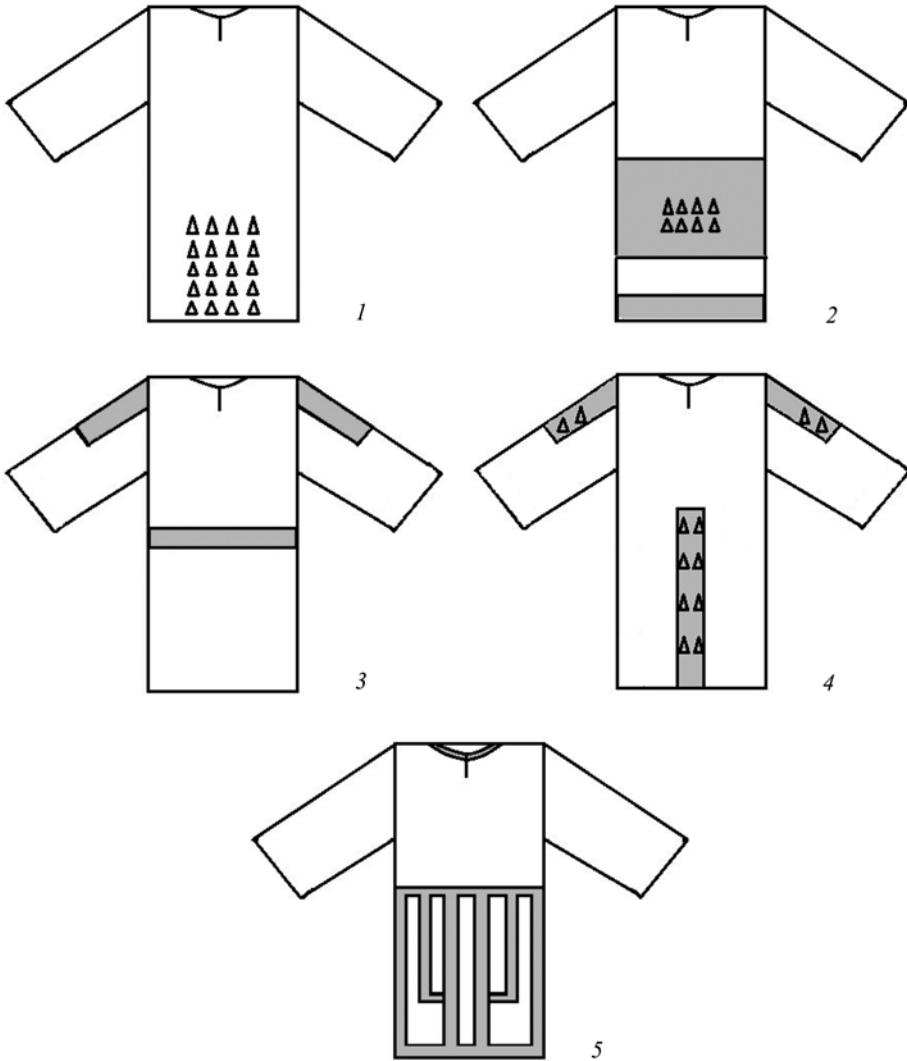
К самым оригинальным можно отнести комбинированные виды оформления платья. Таких удалось выделить три. В погребении 46 2-го Журавкинского могильника бисер расположен по низу, бокам и под поясом на животе, образуя прямоугольник (рис. 1, 4). Изредка в узор вставлены трапециевидные привески. На ногах сохранились онучи. Среди многочисленных украшений есть редкая находка в виде оловянного пряслица (*Петербургский и др.*, 2010. С. 110. Рис. 35, 10). Аналогий ему среди мордовских памятников пока не найдено.

Богато украшено платье 41 погребения 2-го Журавкинского могильника. Бисер расположен фрагментарно по бокам от пояса и под бляхой у пояса. Узор обрамляют привески в виде трапеций. Рукава от плеча до локтя покрыты оловянным узором с привесками. Бисер пущен также по низу рукава (рис. 1, 3). Фрагментарно сохранился головной убор и украшения ног. Похожее оформление в 165 погребении 2-го Старобадиковского могильника. Низ платья украшен вертикальной полосой бисера и привесок (рис. 2, 4).

Не менее интересно погребение 3 Степановского могильника. Ширина оловянного узора под поясом составила 40 × 40 см, образуя что-то наподобие передника (рис. 2, 2). Аналогичные мокшанские передники встречаются в XIX в. В центре зоны бисера расположены привески. По низу платья также пущен бисер. Здесь же кожаный пояс с наконечниками из бронзы, что нередко встречается в женских погребениях мордвы (*Петербургский, Аксенов*, 2008. С. 111. Рис. 3).

Не менее интересны и мало изучены древнемордовские головные уборы. Воронина Р. Ф. по материалам Среднецнинской мордвы выделила преобладание головных покрывал, покрытых лапчатыми привесками. Специфична форма уборов, разделенных на кожаные ремешки с привесками на концах, имитирующими, видимо, прическу. Свои же волосы мордовки заплетали в косу, которую украшали наконечником (Воронина, 1973. С. 51). Мартьянов В. Н. отмечает в памятниках Притесья преобладание головного полотенца, богато украшенного вышивкой. Он крепился при помощи венчика. По бокам располагались височные привески, крепившиеся на теменные шнуры (Мартьянов, 1976. С. 95. Рис. 2).

Согласно материалам памятников Вадского бассейна, всего несколько погребений могут дать информацию о головных уборах. Преобладающим типом

Рис. 2. Способы декорирования рубах Степановского (1, 2 – погребения 2, 3) и 2-го Старобадиковского могильников (3–5 – погребения 103, 165, 225)

также являлось наличие головного полотенца. Однако способы его декорирования несколько различаются в своих вариантах.

В погребениях 3, 19, 22 Степановского и 40, 270 2-го Старобадиковского могильников головной убор состоял из полотенца, украшенного трапециевидными привесками, пущенными по лбу и бокам (рис. 3, 3). Такой способ декорирования свойственен мокшанским уборам XIX–XX вв. под названием сорка (Сокровища... С. 150). Но вместо привесок на них пущена вышивка. Также аналогии можно найти у Среднецинской мордвы (Воронина, 1973. С. 49. Рис. 13, 2).

Рис. 3. Реконструкция головных уборов мордвы Вадского бассейна

Довольно простой убор встречается в погребениях 5, 14 2-го Журавкинского и 29, 92, 138, 149, 225 2-го Старобадиковского могильников. На лбу полотенце вышито оловянным бисером. Иногда декорирование вообще отсутствует (рис. 3, 2). В некоторых погребениях бисер найден в области головы, но венчик при этом отсутствует.

В погребениях 16, 41 2-го Журавкинского и 77, 103, 118, 165 2-го Старобадиковского могильников на лбу также прослеживается оловянный бисер, а сзади полотенце покрыто бронзовыми привесками. Край полотенца также оформлен бисером. Такой убор был более твердым и устойчивым. Он вобрал в себя комбинацию обоих типов декора (рис. 3, 1).

Таким образом, сравнивая костюм мордвы Цнинского и Вадского бассейнов VIII–IX вв., удалось найти общие черты. Это платья и головные уборы с трапециевидными привесками. Также повторяется мотив с оловянным бисером по низу рубахи. В то же время многие варианты аналогий не имеют. Скажем, комбинация с широким узором вышивки бисером на юбке, рукавах или с заходом от подола вверх характерна для Вадского бассейна. Головные уборы с бисером и в сочетании с привесками также не имеют аналогий. Несомненным атрибутом мордвы остаются также венчики и височные привески с бипирамидальным грузиком.

Для костюма мордвы-мокши по настоящее время характерно использование бисера и различных привесок в качестве элементов декора. Его расположение также имеет аналоги в памятниках Вадской мордвы VIII–IX вв. Значит, преемственность костюма и головных уборов существует. В то же время особенности костюма древней мордвы сохраняются.

ЛИТЕРАТУРА

- Вихляев В. И., Беговаткин А. А., Зеленцова О. В., Шитов В. Н.*, 2008. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: Красный Октябрь. 352 с.
- Воронина Р. Ф.*, 1973. Женский головной убор Среднецининской мордвы VIII–XI вв. // КСИА. Вып. 136. С. 47–55.
- Воронина Р. Ф.*, 1974. О некоторых деталях одежды Среднецининской мордвы VIII–XI вв. // КСИА. Вып. 140. С. 33–38.

- Ефимова Л. В., 1966. Ткани из финно-угорских могильников I тыс. н.э. // КСИА. Вып. 107. С. 127–134.
- Королева М. С., 2014. Типология мордовских пряслиц I – середины II тыс. н.э. // Карповские чтения. Вып. 5 / Отв. ред. Ю. А. Курдин. Арзамас: АФ ННГУ. С. 46–58.
- Королева М. С., 2015. Древнемордовский текстиль VIII–XI вв. // «Ломоносов – 2015»: Мат-лы XXII Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Секция «История и история искусства». Подсекция «Археология и этнология». URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2015/data/7074/uid80859_report.pdf.
- Мартыанов В. Н., 1976. Декоративный комплекс женского костюма мордвы-мокши VIII–XI вв. // Труды Мордовского НИИ языка, литературы, истории и экономики. Вып. 52: Материалы по археологии Мордовии / Отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. Саранск: Мордовское кн. изд-во. С. 88–106.
- Петербургский И. М., 2011. Материальная и духовная культура мордвы в VII–X вв. Саранск: Красный Октябрь. 420 с.
- Петербургский И. М., Аксенов В. Н., 2006. Вадская мордва в VIII–XI вв. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та. 146 с.
- Петербургский И. М., Аксенов В. Н., 2008. Древние памятники на реке Ляча. Саранск: Красный Октябрь. 168 с.
- Петербургский И. М., Вихляев В. И., Святкин С. В., 2010. Второй Журавкинский могильник. Саранск: Красный Октябрь. 132 с.
- Сокровища культуры Мордовии. М.: НИИ Центр, 2012. 472 с. (Наследие народов Российской Федерации; вып. 13).
- Тавлицева Е. Ю., 1999. К вопросу о металлическом бисере в рязано-окских могильниках (по материалам Шокшинского могильника) // Труды ГИМ. Вып. 103. М.: ГИМ. С. 109–115.

Сведения об авторе.

Королева Мария Сергеевна, Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева, ул. Большевикская, 68, Саранск, 430000, Россия; e-mail: kms220@yandex.ru.

M. S. Koroleva

METHODS OF DECORATING GARMENTS AND HEADWEAR
OF THE MEDIEVAL MORDVINS FROM THE VAD REGION
IN THE 8th – 9th CENTURIES

Abstract. For a long time many researchers have tried to recreate the appearance of the medieval Mordvins. Known reconstructions include garments of the Tsna Mordvins and the Tesha Mordvins. Artefacts from the collections of the Vad sites have been selected and analyzed and an attempt of reconstruction has been made. As a result, the typology of the methods used to decorate the garments of the ancient Mordvins was worked out. It consisted in sewing seed beads and trapezoid pendants on to the garments. The headwear and its variants typical for the Vad Mordvins have been reconstructed and compared with those of other population groups. Distinctive traits and common features of decoration methods have been singled out.

Keywords: Mordvins, garments, headwear, seed beads, textile, reconstruction.

About the author:

Koroleva Maria S., Ogarev Mordovian State University, Bolshevistskaya St., 68, Saransk, 430000, Russian Federation; e-mail: kms220@yandex.ru.

И. Е. Зайцева

ЦВЕТНОЙ МЕТАЛЛ УКРАШЕНИЙ МОГИЛЬНИКА ШЕКШОВО 9 X–XI ВВ. В СУЗДАЛЬСКОМ ОПОЛЬЕ (ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ)

Резюме. В статье анализируется состав металла 64 образцов, отобранных с предметов, происходящих из переотложенных погребений X – начала XI в. по обрядам кремации и ингумации из могильника Шекшово 9 в Суздальском Ополе. Анализ небольшой по объему, но хронологически компактной выборки предметов X – начала XI в. из Шекшово подтвердил зафиксированную ранее на других памятниках специфику химического состава сплавов деталей поясной гарнитуры болгарского производства, позволив более уверенно связывать ее именно с этим производственным центром. Наличие местной технологической традиции в изготовлении предметов со средними и высокими содержаниями цинка и свинца в латунях подтверждает существование собственного ювелирного дела в Шекшово в это время и позволяет говорить о доступности для местных мастеров свежего цинкосодержащего сырья.

Ключевые слова: Древняя Русь, могильники, цветные металлы, состав сплавов.

Начиная с 2011 г. Суздальская археологическая экспедиция Института археологии РАН под руководством акад. Н. А. Макарова проводит цикл комплексных исследований курганного и грунтового могильника Шекшово 9, являющегося составной частью Шекшовского археологического комплекса – крупного конгломерата средневековых сельских поселений, возникающего в X в. (*Макаров и др.*, 2014. С. 157–177; *Федорина, Красникова*, 2015. С. 147–158).

Первые археологические работы на могильнике были проведены в 1852 г. под руководством А. С. Уварова, когда здесь было вскрыто 244 сохранившихся курганных насыпи (*Макаров*, 2015. С. 13). За пять полевых сезонов работы экспедиции Института археологии на памятнике раскопками исследована площадь около 1700 кв. м, на которой раскрыты остатки 11 полностью сnivelированных курганов с погребениями по обрядам кремации и ингумации, 14 ингумаций в грунтовых ямах без курганных насыпей, а также остатки многочисленных разрушенных захоронений по обряду кремации. Наряду со стационарными раскопками, сотрудники экспедиции осуществляют сбор находок на распахиваемой поверхности на участке могильника.

Коллекция предметов из цветных металлов, собранная на могильнике, состоит из двух неравных по количеству частей: меньшая часть – это находки, обнаруженные *in situ* в закрытых комплексах погребений и заполнениях материковых ям (около 50 предметов); большая часть – находки, происходящие из разрушенных погребений и находящиеся в переотложенном состоянии в пахотном слое (около 500 предметов). В первую группу входят негорелые (погребения) и оплавленные (остальные ямы) экземпляры, датирующиеся преимущественно

в пределах X – начала XII в. Во вторую – как оплавленные, так и не тронутые огнем изделия, относящиеся к более широкому хронологическому диапазону от X до XIX в., однако подавляющее большинство находок этой группы составляют предметы X – начала XI в.

В рамках работы по плановой теме «Изделия из цветных металлов Шекшовского археологического комплекса в Суздальском Ополье (X–XIII вв.)» мной было отобрано для исследования состава сплавов 65 образцов с фрагментированных предметов, преимущественно собранных в слое раскладки в 2012–2013 гг., относящихся к X – началу XI в. Несколько находок происходят из верхнего пахотного слоя из раскопов (см. приложение 1¹). 64 образца взяты с находок из могильника Шекшово 9. Один образец получен из бракованной круглой подвески, найденной на участке прилегающего к могильнику селища Шекшово 2. Подвеска (№ 20), изготовленная из сплава олова (79 %) и свинца (20 %), наряду с тиглями, является маркером местного изготовления украшений в Шекшово (рис. 1). Все остальные пробы взяты с предметов, изготовленных из сплавов на основе меди.

Исследование материалов из Шекшово можно рассматривать как продолжение работ по изучению химического состава украшений массового производства на сельских памятниках Суздальского Ополья: в 2008 г. мной было опубликовано исследование 174 образцов из разных пунктов этого региона, 90 из которых относятся к периоду X – начала XII в. (Зайцева, 2008. С. 36–55).

В последнее время В. Н. Седых и Я. В. Френкелем осуществлен рентгенофлуоресцентный анализ (РФА) 33 предметов из сплавов на основе меди из двух курганов X в. Тимерёвского комплекса под Ярославлем (Седых, Френкель, 2015. С. 217–225). И. А. Сапрыкина произвела этим же методом анализ 200 предметов из сплавов на основе меди из муромского Подболотьевского могильника из погребений VIII–X вв. (Сапрыкина, 2014).

Исследован состав металла следующих предметов из Шекшово: детали поясной гарнитуры (15 экз.) – пряжки (2 экз.), наконечники (2 экз.), накладки (11 экз.); браслеты (7 экз.); бубенчик грушевидный крестопрорезной (1 экз.); перстни (2 экз.); фибула подковообразная (1 экз.); подвеска-петушок (1 экз.); шумящие украшения и их детали (37 экз.): подвески-коньки (6 экз.), привески бутылковидные (10 экз.), привески-бубенчики (2 экз.), привески-лапки (3 экз.), крепления обуви (4 экз.), арочные подвески (2 экз.), полутрубчатые подвески (4 экз.), петли крепления подвесок (4 экз.), круглая бляшка (1 экз.), перстень с шумящими привесками (1 экз.).

Опτικο-эмиссионный спектральный анализ металла образцов был проведен в Лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры РАН А. Н. Егорьковым по методу трех эталонов (описание метода см. Егорьков, Щетенко, 1999. С. 40). Разбиение объектов на группы осуществлено способом классификации по заранее определенным параметрам. В применении к археологическим материалам методические основы такой классификации разработаны Э. В. Королевой, Н. В. Ениосовой и Т. Г. Сарачевой (Королева, 1996; Ениосова и др., 2001).

---

¹ Номера находок в тексте и на рисунках даны по приложению 1.

Рис. 1. Предметы из оловянной (61) и оловянно-свинцовой бронзы из могильника Шекшово 9; 20 – подвеска из сплава олова и свинца из поселения Шекшово 2

Графики одномерного распределения элементов в исследуемых массивах показывают, что основными легирующими компонентами в меди являются олово, свинец и цинк, т.е. их доля в сплаве больше или равна 1 %. По наличию легирующих компонентов массив данных разбит на группы (сплавы). Названия сплавов даны по составляющим их компонентам (Гутов, Никитин, 1994. С. 55, 57).

- однокомпонентные сплавы не зафиксированы;
- двухкомпонентные сплавы – оловянная бронза (Cu+Sn) – 1 образец;
- трехкомпонентные сплавы – оловянно-свинцовая бронза (Cu+Sn+Pb) – 17 образцов; свинцовая латунь (Cu+Zn+Pb) – 13 образцов;
- многокомпонентные сплавы (Cu+Zn+Pb+Sn) – 33 образца:
  1. бронзы – 5 образцов;
  2. латуни – 11 образцов;
  3. смешанный сплав – 17 образцов.

Из представленного выше списка хорошо видно, что «чистая» медь, а также двухкомпонентные сплавы практически не использовались для изготовления украшений, носившихся жителями Шекшово. Только одно обувное украшение (№ 61) отлито из оловянной бронзы с относительно низким содержанием олова (5,8 %) и 0,5 % свинца (рис. 1). Изделий из оловянно-свинцовой бронзы значительно больше – 26,6 % выборки (рис. 1). Содержание олова в образцах варьирует от 1,5 до 14 % (среднее значение 5,4 %), однако преобладают изделия с низкой (менее 5 %) его концентрацией. Только в трех находках (бубенчике № 41, подвеске-петушке XII в. (№ 50) и шумящей привеске-бубенчике № 35) содержание олова превышает 10 %. Свинец содержится в изделиях в концентрации 1,5–8,3 % (среднее значение 4,8 %). Количественно преобладают образцы с содержанием свинца 4–7 %. Вероятно, свинец преднамеренно вводился в расплав, а не являлся спутником плохо очищенной меди.

8 предметов группы являются обломками шумящих украшений, сделанных в наборной технике по выплавляемым моделям (№ 7, 8, 18, 19, 31, 35, 48, 64). Из бронзы изготовлены грушевидный крестопорезной бубенчик (№ 41), две поясные пряжки (№ 23, 62) и накладки из переотложенного распашкой слоя, гипотетически соотносенные с двумя наборами (Зайцева, 2014). Состав металла трех накладок из набора № 1 (№ 12, 22, 24) оказался очень близким: Sn – 4,2–6,4 %, Pb – 4,1–6,8 %². Также похож состав металла двух накладок из набора № 7 (№ 43, 47): Sn – 44,3 %, Pb – 1,5–2,2 %. Сплав, из которого изготовлены накладки (оловянно-свинцовая бронза с невысокими содержаниями олова и свинца), находит прямые аналогии среди сплавов накладок Волжской Болгарии (Зайцева, 2008. С. 41; 2010. С. 120), откуда, вероятно, и были привезены в Шекшово эти наборы (Зайцева, 2014). Детали поясной гарнитуры из такого сплава составляют значительную часть представительных выборок из марийских могильников Дубовского и Нижняя Стрелка. Исследователи также объясняют тождество сплавов тесными контактами местного населения с Волжской Болгарией (Сапрыкина и др., 2010. С. 325).

² Необходимо отметить, что состав металла еще одной накладки, отнесенной к этому набору (№ 16), заметно отличался по количеству свинца (15 %) и цинка (4,3 %). Возможно, эта накладка происходит из другой серии.

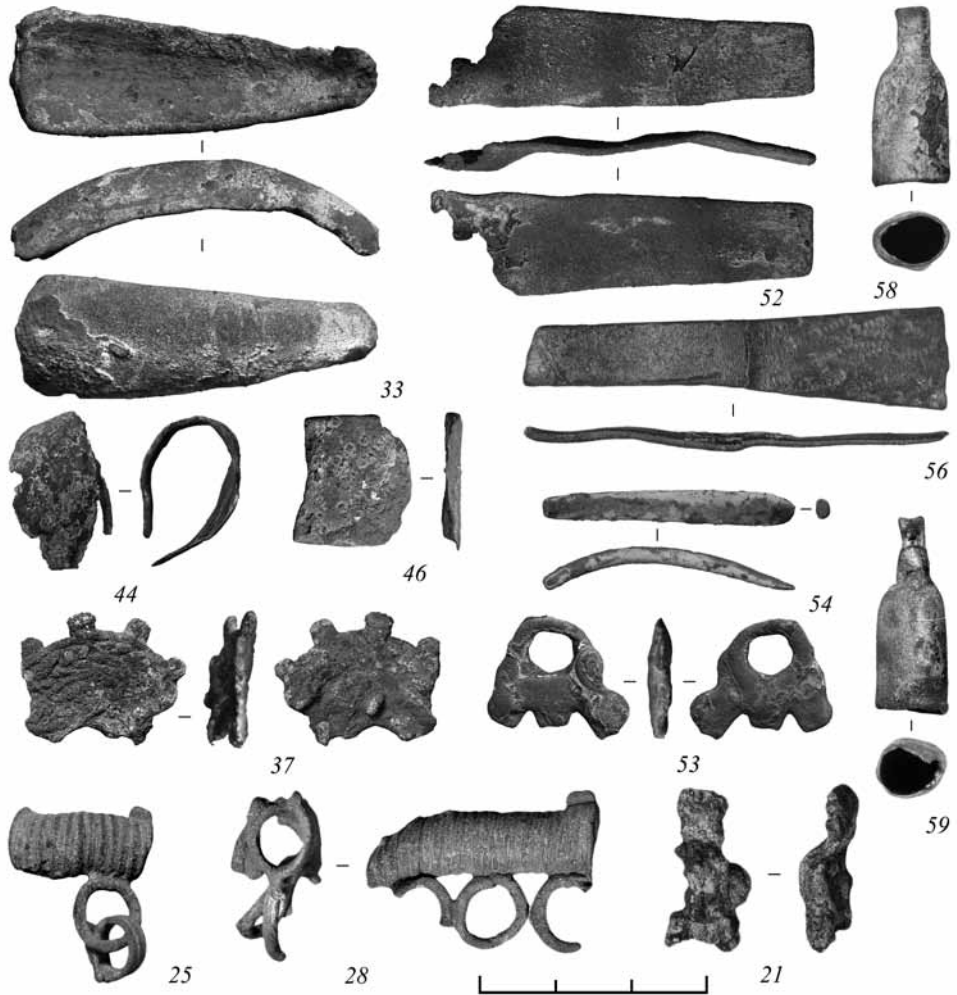

Рис. 2. Предметы из свинцовой латуни из могильника Шекшово 9

Из свинцовой латуни сделано 20 % украшений выборки (рис. 2). Цинк варьирует в пределах 1,2–18 %, свинец – в пределах 2,1–30 %. Наиболее низкими (Zn – менее 10 %; Pb – менее 7,5 %) количественные значения лигатур оказываются в изделиях древнерусского облика – пластинчатом перстне (№ 44), пластинчатых и дровяном браслетах (№ 46, 52, 54, 56). В шумящих украшениях финно-угорского типа (№ 21, 25, 28, 53, 58, 59) и западном по происхождению ладьевидном браслете (№ 33) концентрации цинка и свинца преимущественно высокие³.

Наибольшим количеством представлены предметы, изготовленные из многокомпонентных сплавов. По процентному соотношению легирующих элементов

³ Исключение составляет подвеска-конек № 37.

их можно разделить на многокомпонентные латуни, многокомпонентные бронзы и полностью перемешанные сплавы, которые не удается соотнести ни с одним типом. К латуням относятся 11 предметов выборки (рис. 3: с. 473). Эта группа распадается на 2 подгруппы: пластинчатые браслет и перстень (№ 34, 38), поясная накладка (№ 27), финно-угорские конек (№ 45), привеска-лапка (№ 49), обувная подвеска (№ 57) имеют в своем составе низкие содержания цинка и свинца, что объединяет их с латунями первой группы. Состав двух обломков шумящих украшений, обувной подвески (№ 3, 9, 63) и двух накладок (№ 17, 30) близок составу второй группы латуней. Содержание олова варьирует в образцах от 1,1 до 6 %, но в большинстве случаев оно не превышает 2 %.

Многокомпонентные бронзы представлены пятью находками, связанными с финно-угорским кругом древностей (рис. 4). Это привеска-лапка (№ 5) и две бутылковидные привески (№ 10, 40), подвеска-конек (№ 65) и полутрубчатая пронизка (№ 39). Количество свинца в них низкое – 2–3,5 %. Олово преобладает над цинком.

Многочисленную группу составляют полностью перемешанные сплавы, полученные в результате многократных переплавок лома – 17 предметов (рис. 3–5⁴). Концентрации олова и цинка в предметах группы сопоставимы. Из перемешанного сплава изготовлены накладки еще одного поясного набора (набор № 6: № 26, 29), два наконечника (№ 13, 14) и накладка из набора № 1 (№ 16), дужка подковообразной фибулы (№ 42) и пластинчатый ширококонечный браслет (№ 60). 10 предметов связаны с финно-угорской материальной культурой: это три конька мерянского типа группы V по Рябинину (*Рябинин*, 1981. С. 33–34; № 2, 4, 55), круглая (№ 6) и полутрубчатая (№ 15) подвески и шумящие привески, бутылковидные (№ 11, 32, 36, 51) и колоколовидная (№ 1).

Подведем краткие итоги. Рассмотренные нами данные показывают, что «чистая» и загрязненная свинцом медь, а также двухкомпонентные сплавы: бронза и двойная латунь, практически отсутствуют в исследованной выборке. Предметы из оловянно-свинцовой и многокомпонентной бронзы составляют около трети массива данных (рис. 6), что является одним из самых высоких показателей для материалов проанализированных памятников этого времени на территории Северо-Восточной Руси, в которых бронзы занимают более скромное положение (12–25 %) (*Зайцева*, 2008. С. 41). Одной из причин этого, наряду с небольшим объемом выборки, является присутствие в ней деталей поясной гарнитуры болгарского производства, изготовленных из оловянно-свинцовой бронзы с небольшим содержанием легирующих компонентов. Однако и в изделиях финно-угорской производственной традиции преобладает сплав с низкими значениями легирующих элементов. В материалах Подболотья, так же как и в Шекшове, очень мало «чистых» и двухкомпонентных сплавов (*Сапрыкина*, 2014. С. 233). В оловянно-свинцовых бронзах, составляющих около 15 % выборки из Подболотья, преобладают образцы с высоким содержанием свинца. По количеству олова муромский массив делится на группы с низким (60 %) и высоким (40 %) его содержанием. Бронзы с большой концентрацией свинца отмечены в деталях поясной гарнитуры марийских могильников X – начала XI в. (*Сапрыкина и др.*,

⁴ Рис. 5 на с. 474.

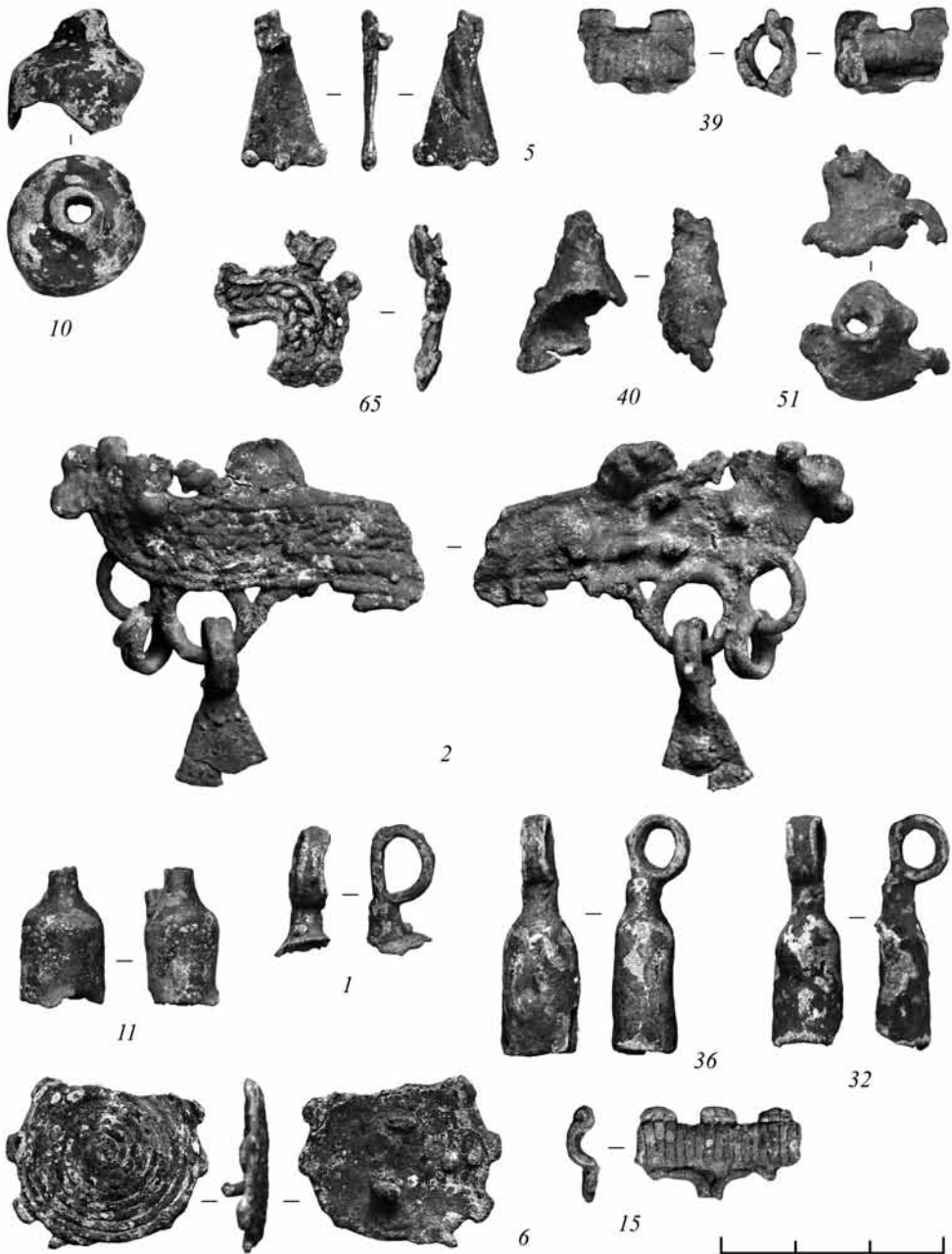

Рис. 4. Предметы из многокомпонентной бронзы (5, 10, 39, 40, 65) и перемешанного сплава (1, 2, 6, 11, 15, 32, 36, 51) из могильника Шекшово 9

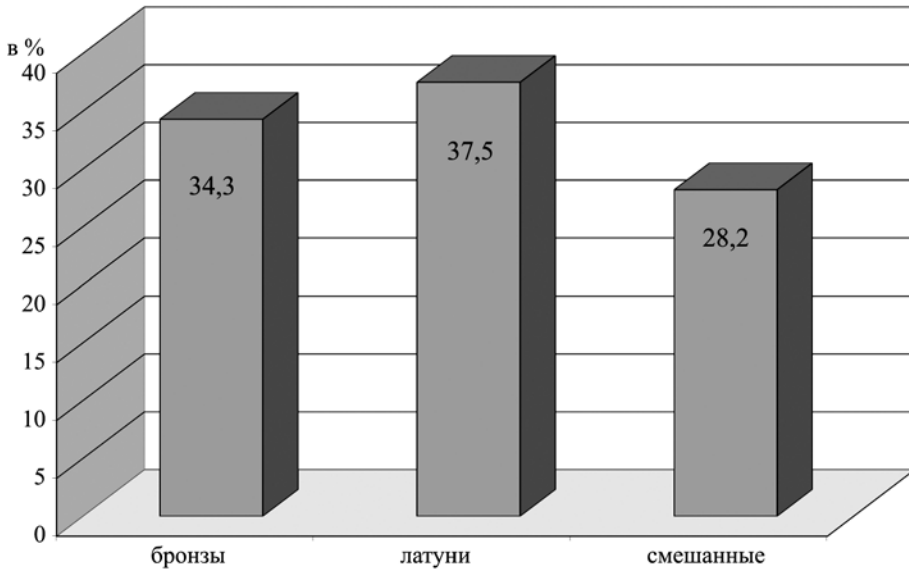

Рис. 6. Основные группы сплавов предметов из могильника Шекшово 9

2010. С. 321). Таким образом, шекшовские бронзы находят прямые аналогии среди украшений из расположенной неподалеку Веси 5, при этом значительно отличаясь от муромских.

Количество предметов из латуни в шекшовской выборке удивительно мало – 37,5 % (рис. 6). В других проанализированных материалах этого времени с территории Северо-Западной и Северо-Восточной Руси латуни значительно преобладают (*Ениосова и др.*, 2008. С. 134; *Зайцева*, 2008. С. 42). На наших материалах в Шекшово удалось проследить две традиции в составлении латунных сплавов: с низкими показателями легирующих элементов (Zn – менее 10 %; Pb – менее 7,5 %), а также средними и высокими (Zn – более 10 %; Pb – более 8 %). Эти две группы уже были отмечены нами ранее на материалах других сельских памятников Суздальского Ополя (*Зайцева*, 2008. С. 39). Первая группа хорошо соотносится с данными по другим древнерусским памятникам (*Ениосова и др.*, 2008. С. 134), т. н. «аборигенная» традиция в Тимерёво (*Седых, Френкель*, 2015. С. 227) и данными по Подболотью (*Сапрыкина*, 2014. С. 233). Вторая, представленная преимущественно литыми предметами финно-угорского облика, контрастирует ей. Тем не менее фиксация использования двух разных рецептурных норм на нескольких памятниках Ополя маркирует единую производственную традицию в регионе, имеющую свою специфику.

Наследница салтовской южнорусская производственная традиция, со свойственными ей сплавами с низким и средним содержанием серебра, представленная находками в Тимерёво, марийских и мордовских могильниках (*Седых, Френкель*, 2015. С. 222–223; *Сапрыкина и др.*, 2010. С. 325–326), в Шекшово пока не зафиксирована.

Приложение 1. Результаты определений состава сплавов образцов

№ оп.	Лабор. шифр	Cu	Ag	As	Bi	Co	Fe	Mn	Ni	Pb	Sb	Sn	Zn	паспорт	год, № по описи
1	870-20	осн.	0,01	0,4	0,03	0,2	0,4	0,02	0,08	2,4	0,07	1,7	2,3	привеска бубенчик	2012, №18
2	870-21	осн.	0,09	0,3	0	0,03	0,4	0,02	0,07	10	0,03	3,2	2	подвеска конек	2012, № 42
3	870-22	осн.	0,1	0	0	0	0,5	0,02	0,02	18	0,02	1,1	12	привеска лапка	2012, № 28
4	870-23	осн.	0,1	0,3	0	0	1,1	0,02	0,04	13	0,05	4,7	7	подвеска конек	2012, № 6
5	870-24	осн.	0,1	1,3	0,03	0	0,5	0,02	0,09	3,4	0,2	7,8	1,8	привеска лапка	2012, № 33
6	870-25	осн.	0,2	0,4	0,02	0,03	0,2	0,02	0,07	6,7	0,3	2,5	2,9	бляха круглая	2012, № 8
7	870-26	осн.	0,08	0,3	0,02	0	0,5	0,02	0,06	7,9	0,1	7,9	0,8	перстень шумящий	2012, № 32
8	873-13	осн.	0,02	0,3	0	0	0,07	0	0,03	2,8	0,3	1,7	0,2	украшение арочное	2012, № 53
9	873-14	осн.	0	0,3	0,01	0,04	0,2	0,01	0,03	11	0,2	2,2	12	подвеска обувная	2012, № 19
10	873-15	осн.	0	0,2	0	0	0,2	0	0,02	2,4	0,3	2,3	1	привеска бутылковидная	2012, № 40
11	873-16	осн.	0	0,3	0	0,02	0,3	0	0,03	8,3	0,07	9,7	5,1	привеска бутылковидная	2012, № 20
12	873-17	осн.	0	0,2	0	0	0,2	0	0,01	5,1	0,04	4,2	0,1	накладка поясная	2012, № 36
13	873-18	осн.	0,02	0,1	0	0	0,3	0,02	0,01	14	0,03	2,6	5	наконечник поясной	2012, № 7
14	873-19	осн.	0,02	0,1	0	0	0,1	0,01	0,01	13	0,03	1,8	4,3	наконечник поясной	2013, № 11(212)
15	973-20	осн.	0,01	0,3	0	0,3	0,1	0,01	0,04	3,2	0,06	1,4	2,5	подвеска полугрубчатая	2013, № 23(47)
16	873-21	осн.	0,01	0,1	0	0	0,5	0,01	0,02	15	0,4	5,2	4,3	накладка поясная	2013, р.3, № 21
17	873-22	осн.	0	0,2	0,01	0,02	0,2	0,01	0,02	22	0,05	2,5	11	накладка поясная	2013, № 41(127)
18	873-23	осн.	0	0,3	0	0	0,04	0,02	0,03	2,8	0,2	2,6	0,6	петля крепления подвесок	2013, № 78(62)
19	873-24	осн.	0	0,1	0	0,02	0,2	0,02	0,1	1,5	0,02	6,4	0,05	петля крепления подвесок	2013, № 65
20	874-37	0,5	0	0,2	0,7	0	0,2	0	0	20	0	осн.	0	подвеска круглая	2013, № 21(19)
21	873-26	осн.	0,01	0,2	0	0	0,03	0	0	30	0	0,02	9,3	петля крепления подвесок	2013, № 4(№54)
22	873-27	осн.	0,02	0	0	0	1	0	0,02	6,8	0,03	4,4	0,4	накладка поясная	2013, р.3, № 31
23	873-28	осн.	0,01	0,3	0,01	0	0,4	0	0,02	8,3	0,1	6	0,02	пряжка поясная	2013, № 4(152)
24	873-29	осн.	0,01	0,3	0	0	0,2	0	0,01	4,1	0,01	6,4	0,5	накладка поясная	2013, р.3, № 72
25	873-30	осн.	0	0	0	0	0,07	0,02	0	17	0,02	0,02	8,4	подвеска полугрубчатая	2013, № 13(214)
26	873-31	осн.	0,01	0,1	0	0,03	0,5	0,02	0,02	12	0,02	2	6,4	накладка поясная	2013, р.3, № 11
27	873-32	осн.	0,02	0,3	0	0,03	0,3	0,02	0,1	8,3	0,09	2,5	6,4	накладка поясная	2013, № 18(115)
28	873-33	осн.	0	0	0	0	0,2	0,02	0	20	0,06	0,03	10	подвеска полугрубчатая	2013, № 6(207)
29	873-34	осн.	0,02	0,1	0	0	0,6	0,02	0	8,8	0,03	2,2	1,8	накладка поясная	2013, № 15(216)
30	873-35	осн.	0	1,1	0,01	0	1,1	0,02	0,04	22	0,2	6	18	накладка поясная	2012, № 55
31	873-36	осн.	0,01	0,2	0	0	0,2	0,01	0	5,8	0,04	1,9	0,5	привеска бутылковидная	2012, № 27
32	873-37	осн.	0,01	0,1	0	0	0,2	0,02	0	5,3	0,03	1,7	3,2	привеска бутылковидная	2012, № 73
33	873-38	осн.	0,01	0,1	0	0	0,4	0,02	0	10	0,01	0,01	14	браслет ладьевидный	2012, № 4
34	873-39	осн.	0,01	0,1	0	0	0,7	0,01	0,01	3,6	0	1	11	браслет пластинч.	2012, № 22
35	873-40	осн.	0,02	0,2	0	0	0,2	0,02	0,01	3,8	0,02	12	0,9	привеска бубенчик	2012, № 71
36	873-41	осн.	0,02	0,3	0	0	0,2	0,01	0,01	8	0,03	1,1	1,5	привеска бутылковидная	2012, № 60
37	873-42	осн.	0,01	0,2	0	0	1,1	0,02	0,03	2,4	0,01	0,7	2,4	подвеска конек	2012, № 78
38	873-43	осн.	0,01	0	0	0	0,7	0,02	0,01	5,8	0,01	1	6,4	перстень пластинч.	2012, № 70
39	873-44	осн.	0	0,1	0	0	0,4	0,02	0,05	5,1	0,04	6,8	2,3	подвеска полугрубчатая	2012, № 67
40	873-45	осн.	0,01	0,3	0	0,01	0,4	0,02	0,04	3,1	0,2	15	2,2	привеска бутылковидная	2012, № 66
41	874-12	осн.	0,05	0,2	0	0	0,2	0,01	0,09	2,5	0,1	14	0,06	бубенчик грушевидный	2012, № 81
42	874-13	осн.	0	0	0	0	0,2	0	0	2,6	0,02	7,6	6,9	фибула подковообразная	2012, № 64
43	874-14	осн.	0,1	0,1	0,03	0	0,1	0,01	0,04	4,3	0,3	1,5	0,8	накладка поясная	2012, № 26
44	874-15	осн.	0,1	0,1	0	0	0,1	0	0,04	2,6	0,09	0,9	1,2	перстень пластинч.	2012, № 13
45	874-16	осн.	0,08	0	0	0	0,3	0	0	13	0	1,1	6,3	подвеска конек	2012, р.2, № 128
46	874-17	осн.	0,02	0	0	0	0,4	0	0,01	3,2	0	0	6,2	браслет пластинч.	2012, р.2, № 96
47	874-18	осн.	0,2	0,2	0,03	0	0,5	0	0,09	4	0,2	2,2	0,8	накладка поясная	2012, р.2, № 63
48	874-19	осн.	0,1	0,2	0	0	0,04	0	0	5,3	0,02	1,5	0,4	привеска бутылковидная	2012, р.2, № 117
49	874-20	осн.	0,05	0	0,02	0	0,3	0	0,05	7,3	0,02	1,1	6,5	привеска лапка	2012, р.2, № 130
50	874-21	осн.	0,1	0	0,01	0	0,2	0,01	0,03	2,6	0,9	14	0,06	подвеска петушок	2012, р.2, № 6

51	874-22	осн.	0,02	0,1	0	0	0,2	0,02	0	7,3	0	8,8	5,8	привеска бутылковидная	2012, № 80
52	874-23	осн.	0,04	0	0	0	1	0,01	0	2,3	0	0,02	1,2	браслет пластинчатый	2012, № 46
53	874-24	осн.	0,02	0,1	0	0	0,8	0,01	0,01	2,1	0,03	0,7	14	подвеска обувная	2012, № 47
54	874-25	осн.	0,02	0,1	0	0	0,5	0,01	0	5,6	0	0,07	9,2	браслет дровотый	2012, № 82
55	874-26	осн.	0,05	0,1	0,02	0	0,7	0,01	0,01	5,6	0,04	4,1	4,8	подвеска конек	2012, № 31
56	874-27	осн.	0,04	0	0	0	0,5	0,01	0,01	7,3	0	0	8,8	браслет пластинчатый	2013, № 44(197)
57	874-28	осн.	0,05	0,1	0,01	0	0,4	0	0,04	6,8	0,03	1,6	8,8	подвеска обувная	2013, № 62(5)
58	874-29	осн.	0,09	0	0,01	0	0,4	0	0	12	0	0,3	18	привеска бутылковидная	2013, № 58(145)
59	874-30	осн.	0,04	0,1	0	0	0,3	0,01	0	16	0	0,02	17	привеска бутылковидная	2013, № 87(26)
60	874-31	осн.	0,05	0,1	0	0	1	0,01	0	4,4	0	8,8	4	браслет пластинчатый	2013, № 92(190)
61	874-32	осн.	0,2	0,3	0,03	0	0,4	0,02	0,1	0,5	0,3	5,8	0,6	подвеска обувная	2013, № 73(15)
62	874-33	осн.	0,2	0,3	0,07	0	0,2	0	0,2	6,6	0,6	2,5	0,4	пряжка поясная	2013, № 34(98)
63	874-34	осн.	0,08	0,2	0,04	0	0,8	0	0,09	14	0,09	4,1	17	украшение арочное	2013, № 71(13)
64	874-35	осн.	0,2	0,3	0,02	0	0,2	0,01	0,1	6,8	0,09	3,2	0,6	петля крепления подвесок	2013, № 74(16)
65	874-36	осн.	0,2	0,2	0,02	0	0,2	0	0,01	3,8	0,1	5,4	1,6	подвеска конек	2013, № 65(76)

Несмотря на отмеченное нами умение опольских мастеров изготавливать разные по составу сплавы, преимущественно они просто использовали имеющееся у них сырье, в т. ч. лом вышедших из употребления предметов. Об этом говорит различный состав металла, использованного для изготовления характерного местного украшения – коньков мерянского типа: из 6 проанализированных коньков 2 отлиты из латуни, один из бронзы и три из полностью перемешанного сплава.

Анализ небольшой по объему хронологически компактной выборки предметов X – начала XI в. из Шекшова подтвердил зафиксированную ранее на других памятниках специфику химического состава сплавов деталей поясной гарнитуры болгарского производства, позволив более уверенно связывать ее именно с этим производственным центром. Наличие местной технологической традиции в изготовлении предметов со средними и высокими содержаниями цинка и свинца в латунях подтверждает существование собственного ювелирного дела в Шекшове в это время и позволяет говорить о доступности для местных мастеров свежего цинкосодержащего сырья.

ЛИТЕРАТУРА

- Гутов Л. А., Никитин М. К., 1994. Справочник по художественной обработке металлов. СПб.: Политехника. 435 с.
- Егорьков А. Н., Щетенко А. Я., 1999. Состав металла поселений эпохи поздней бронзы Текмедепе (Южный Туркменистан) // Археометрия та охорона історико-культурної спадщини / Гол. ред. В. П. Дудкін. Київ: Мислене древо. Т. 3. С. 39–44.
- Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г., 2001. О принципах классификации средневековых сплавов на основе меди // Художественный металл России: материалы конференции памяти Г. Н. Бочарова / Отв. ред.: С. В. Гнутова, Е. Я. Зотова, М. С. Шемаханская. М.: РГГУ. С. 358–372.
- Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г., 2008. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья / Отв. ред. Н. В. Рындына. М.: Восточная литература. С. 107–162.
- Зайцева И. Е., 2008. Сплавы цветных металлов селищ Суздальского Ополья // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы науч. семинара. Вып. 2 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 36–55.

- Зайцева И. Е., 2010. Цветной металл Волжской Болгарии (предварительный анализ) // Русь и Восток в IX–XVI веках. Новые археологические исследования / Отв. ред.: Н. А. Макаров, В. Ю. Коваль. М.: Наука. С. 116–138.
- Зайцева И. Е., 2014. Поясные наборы из могильника Шекшово в Суздальском Ополье // КСИА. Вып. 236. С. 161–165.
- Королева Э. В., 1996. Результаты спектрального анализа ювелирных изделий средневекового Пскова // Археологическое изучение Пскова. Вып. 3. Псков: Изд-во Псковского гос. пед. ин-та им. С. М. Кирова. С. 229–300.
- Макаров Н. А., 2015. А. С. Уваров и начало археологического изучения Северо-Восточной Руси // ABC3. Вып. 5 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 5–15.
- Макаров Н. А., Красникова А. М., Зайцева И. Е., 2014. Новые исследования средневековых могильников Суздальской земли // Вестник РГНФ. № 1. С. 157–177.
- Рябинин Е. А., 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. Л.: Наука. 125 с.
- Сапрыкина И. А., 2014. Предварительные результаты исследования химического состава цветного металла из погребений VIII–X веков Подболотьевского могильника // КСИА. Вып. 236. С. 230–234.
- Сапрыкина И., Митоян Р., Никитина Т., Зеленцова О., 2010. Результаты химико-технологического исследования поясных наборов второй половины VIII – начала XI вв. из могильников Среднего Поволжья // Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum (Piliscsaba, 2010). Pars VIII. Piliscsaba. P. 312–332.
- Седых В. Н., Френкель Я. В., 2015. О металле украшений комплексов курганов № 285 и № 382 Тимерёвского могильника // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: К 60-летию Н. А. Макарова / Отв. ред. П. Г. Гайдуков. М.; Вологда: Древности Севера. С. 213–229.
- Федорина А. Н., Красникова А. М., 2015. Средневековое расселение в Шекшовском микрорегионе // ABC3. Вып. 5 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 147–158.

Сведения об авторе.

Зайцева Ирина Евгеньевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: izaitseva@yandex.ru.

I. E. Zaytseva

NON-FERROUS METAL OF THE JEWELRY PIECES
FROM THE SHEKSHOVO 9 CEMETERY OF THE 10th – 11th CENTURIES
IN SUZDAL OPOLYE (CHEMICAL COMPOSITION)

Abstract. The paper explores the metal composition of 64 samples selected from the items coming from redeposited cremated and inhumated burials of the 10th – early 11th centuries from the Shekshovo 9 cemetery in Suzdal Opolye. The analysis of a small but chronologically compact sample of the Shekshovo items dated to the 10th – early 11th centuries confirmed specific features of the chemical composition of the alloys used to make the belt sets of Bulgarian production that had been documented earlier at other sites, and enabled the researchers to state with more confidence that these specific features are linked to the aforesaid production center. Presence of a local technological tradition of making items from brass with medium and high content of zinc and lead confirms that Shekshovo had its own jewelry production at that time and implies that local craftsmen had access to fresh zinc-containing raw material.

Keywords: Medieval Rus, cemeteries, non-ferrous metal, composition of alloys.

About the author.

Zaytseva Irina E., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: izaitseva@yandex.ru.

Н. В. Жилина

РЕКОНСТРУКЦИЯ ВЕНЦА ВЛАДИМИРА СВЯТОГО (НА ОСНОВАНИИ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА МОНЕТАХ)

Резюме. Изображения венца Владимира на монетах показывают усложнение конструкции венца. Златники и сребреники I типа конца X в. передают венец линейно, выделяя конструкцию византийской стеммы. Остальные монеты начала XI в. отражают и прежнюю, и новую конструкцию. Сребреники III типа выделяют обручи. На сребрениках всех типов есть варианты, показывающие силуэт венца, в том числе, возможно, отразился и крытый венец в виде драгоценно убранной полосы.

Наиболее ранней формой венца Владимира конца X в. была стемма (либо открытая, либо с мягкой тульей внутри). К началу XI в. у Владимира мог появиться более современный венец. Максимально возможная форма развития – крытый головной убор с эмалевыми дробницами. Все формы венца сохраняли в себе конструкцию стеммы.

Ключевые слова: венец, стемма, обручи, корона, варианты изображений.

Венец русского князя Владимира Святославича (около 960–1015 гг.), принявшего в 988 г. христианство и крестившего Русь, изображен в обобщенном виде на монетах, им выпущенных.

Древнейшие изображения князя Владимира привлекали внимание исследователей неоднократно (*Срезневский*, 1868; *Кондаков*, 1906. С. 60–62; *Лебединцев*, 1888. С. 259; *Петров*, 1888. С. 1; *Окунева*, 1938. С. 197; *Свердлов*, 1972; 1999. С. 81–86; 2003. С. 254, 255, 293–296, 300–302; *Молчанов*, 1973; *Пуцко*, 1988. С. 38, 39; *Православная энциклопедия...*, 2004. С. 699, 707). Головной убор Владимира характеризуется как венец из обручей, диадема, шапка. Авторы исследований и изданий русских монет обратили внимание, что на одной их части показан высокий головной убор, на другой – низкий (*Толстой*, 1893. С. 40; *Орешников*, 1936. С. 68–77; 1996. С. 3–8; *Сотникова, Спасский*, 1983). Низкие головные уборы на монетах сравниваются с византийскими стеммами, более высокие – с русскими княжескими шапками (*Орешников*, 1936. С. 79, 80; *Сотникова, Спасский*, 1983. С. 78; *Сотникова*, 1995. С. 189)¹.

Многие исследователи согласны с тем, что на монетах отобразен портрет князя Владимира, где он напоминает описанную Львом Диаконом внешность князя Святослава, отца Владимира (*Свердлов*, 1972. С. 154; 2003. С. 254, 294;

---

¹ К сожалению, А. В. Орешников неточно понял текст Н. П. Кондакова о византийском головном уборе эпохи Кодина XV в. с названием «скиадей» (*Кондаков*, 1906. С. 61, 62). В связи с этим появился миф о русской шапке-«складне», повторяемый и в более поздних исследованиях (*Сотникова*, 1995. С. 189; *Свердлов*, 2003. С. 301).

Сотникова, Спасский, 1983. С. 60, 61; *Луцко*, 1988. С. 38; Православная энциклопедия..., 2004. С. 699).

Не всегда исследователи уверены, что на монетах отразился облик реально существовавших у Владимира регалий власти. По мнению А. А. Молчанова, изображения регалий варьировались резчиками русских штемпелей по аналогии с византийскими монетами (*Кондаков*, 1906. С. 52, 53; *Свердлов*, 1972. С. 155; *Молчанов*, 1973. С. 81, 82). Тем не менее М. Б. Свердлов подчеркнул, что Владимир реально получил от Византии императорские регалии, а изображение на русских монетах не было исключительным копированием византийских образцов. Головной убор Владимира, который исследователь называет короной или венцом, следует сравнивать с византийскими императорскими венцами синхронного с правлением Владимира времени: второй половины X – первой половины XI в. (в виде плоских стемм без сферического верха). На златниках, по мнению историка, отразилась сферическая форма убора, на сребрениках – плоская (*Свердлов*, 1972. С. 154, 155, 158, 159; 1999. С. 81–83; 2003. С. 294, 295). В недавней монографии В. М. Свердлов высказал более определенное мнение по поводу изменения формы венца Владимира на монетах. Первый чекан русских монет (златники и сребреники I типа, 988–990 гг.) отразил византийский венец-стемму, подобный императорскому (*Свердлов*, 2003. С. 294, 295). На втором этапе чекана (сребреники II–IV типов), в особенности на сребрениках IV типа, отразилась русская княжеская шапка (Там же. С. 301, 302).

Целью данной работы является возможная реконструкция венца князя Владимира на основании детального изучения его изображений на монетах и конкретного сравнения с формами византийских и западноевропейских венцов, современных Владимиру.

На монетах Владимира отразились ранние формы византийского венца, имевшего в своем составе конструкцию стеммы: системы из обручей (один обруч вокруг головы, два перекрещивающихся обруча над головой). Выделяется целый ряд различных вариантов изображений венца на монетах. Их возможно расположить в хронологической последовательности в соответствии с типами монет и с учетом использованных штемпелей (рис. 1). Первый выпуск (златники и сребреники I типа) относится к эпохе Крещения Руси в конце 80-х гг. X в., второй (сребреники II–IV типов) – к началу XI в. (*Молчанов*, 1973. С. 86; *Сотникова*, 1995. С. 191).

Вариант 1. На златниках и части сребреников I типа условными кружками, передающими составные драгоценные детали венца, намечен дугообразный или угловатый верхний обруч с вписанным в него основанием креста (нижняя горизонталь убора четко не просматривается, возможно, сливаясь с изображением бровей) (рис. 1, 1)².

Вариант 2. Венец имеет четкую нижнюю горизонтальную линию, передающую диадему (обруч вокруг головы, сливающийся с линией бровей),

² Вариант 1 характерен для сребреников I типа № 7–11, штемпели которых сходны со штемпелями златников № 1–4 (здесь и далее используется нумерация монет и информация о монетных штемпелях в соответствии с исследованиями и каталогами: *Сотникова, Спасский*, 1983; *Сотникова*, 1995).

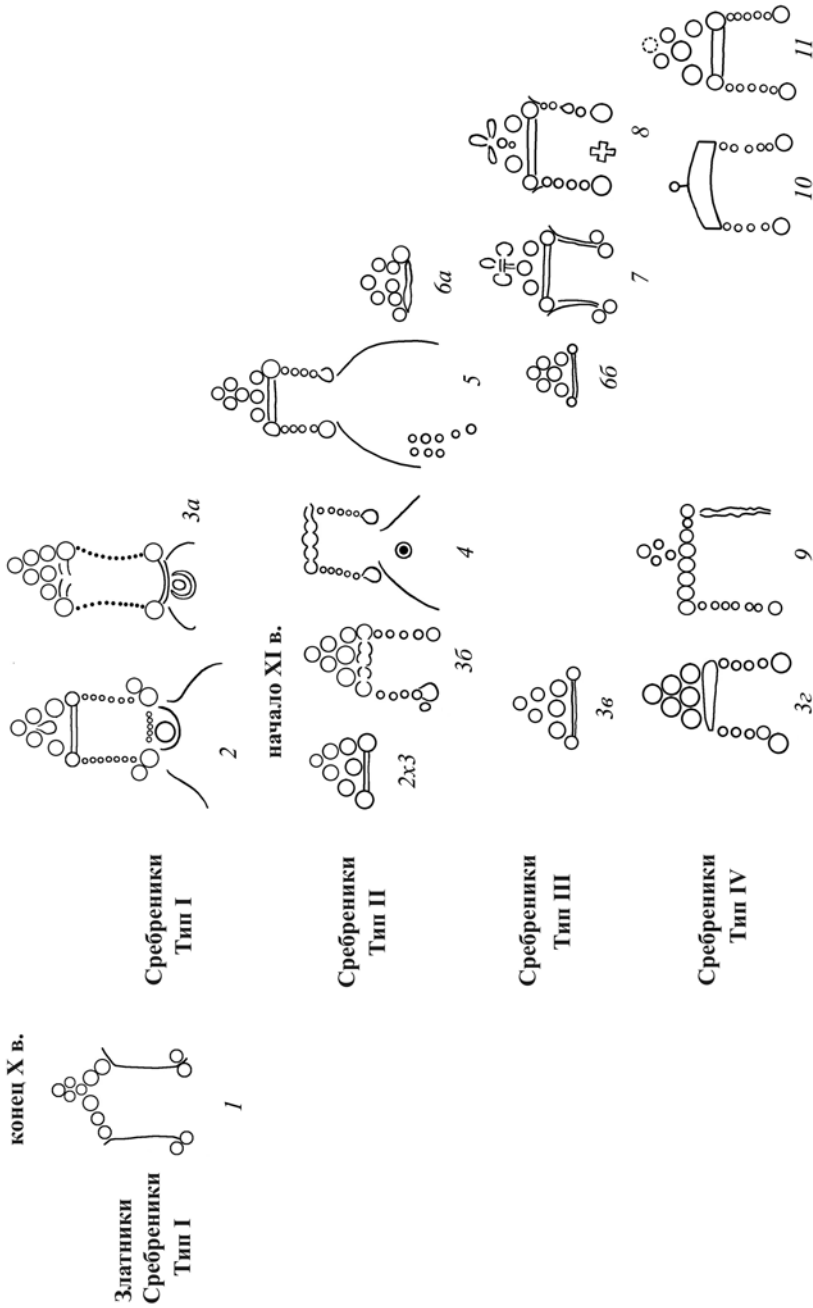

Рис. 1. Варианты изображений венца Владимира на монетах

Номера на рисунке соответствуют номерам вариантов; прорисовки автора статьи выполнены с изображений монет в публикации: Сотникова, Спасский, 1983; после порядковых номеров указана ссылка на номер монеты по каталогу и страницу в указанной выше публикации: 1 (№ 1–2. С. 115); 2 (№ 28–1. С. 133); 2 × 3 (№ 54–1. С. 140); 3a (№ 18–1. С. 128); 3б (№ 57–1. С. 141); 3в (№ 145–1. С. 170); 3г (160–1. С. 175); 4 (№ 67–1. С. 145); 5 (№ 88–1. С. 151); 6a (№ 107–1. С. 159); 6б (№ 122–1. С. 163); 7 (№ 118–1. С. 161, 162); 8 (№ 121. С. 163); 9 (№ 165–1. С. 176); 10 (№ 168–1. С. 177); 11 (№ 175–3. С. 180)

заканчивающуюся кружками, что передает соединение верхних перекрещивающихся обручей с диадемой, верхняя часть убора передается аналогично варианту 1 (рис. 1, 2)³.

Вариант 3. Над нижней прерванной линией (сохраняет параллельность линии бровей), заканчивающейся кружками, пирамидальная группировка кружков, очертания креста теряются (рис. 1, 3а)⁴. Для сребреников I типа вариант 2 изображения венца является основным.

На сребрениках II типа изображение венца, особенно в верхней части, различается. Наблюдается переходный вариант между 2 и 3 (рис. 1, 2 × 3). Наблюдаются разновидности варианта 3 (рис. 1, 3б)⁵. В ряде случаев этот вариант передается частично: только нижней частью. Поэтому некоторые варианты венца сложно распределить между данным вариантом и последующими.

Новым является вариант 4: линия диадемы передана линией из слившихся кружков, верх головного убора не показан (рис. 1, 4)⁶. У варианта 5 низ головного убора показан так же, как у варианта 3, но выше – линия из кружков завершается хорошо выделенным крестом (рис. 1, 5)⁷.

У варианта 6 низ головного убора показан прямой горизонтальной линией (как у варианта 2), верх – тремя кружками, условно-дугообразно передающими верхнюю часть креста (рис. 1, 6а)⁸.

Определенную загадку представляет вариант 4: либо верхняя часть венца осталась непроработанной на монетном штемпеле, либо здесь передается начальная конструкция императорского венца IV–V вв. в виде диадемы (одной полосы вокруг головы). Но наиболее вероятно, что здесь условно передается головной убор, основную видимую часть которого составляют не обручи, а драгоценно убранная более высокая полоса. В отличие от вариантов, где низ головных уборов передается горизонтальной линией, у данного варианта акцентируется именно полоса, составленная из драгоценных украшений. Условность изображения на монетах приводит к занижению ее высоты.

³ Вариант 2 характерен для сребреников I типа № 12–17 (1 подгруппа штемпелей); 19, 21, 22 (2-я подгруппа); 26 (3-я подгруппа), 28–30, 32 (4-я подгруппа), 34, 35, 37, 38 (подражательные 3-й и 4-й подгруппам). Все подгруппы штемпелей объединяются сходством с № 7–16, что подтверждает выделение варианта. Отмечено своеобразие штемпеля № 12, дающего новый вариант венца.

⁴ Вариант 3 характерен для сребреников I типа № 18 и 31, относительно их штемпелей комментариев нет.

⁵ Вариант 3 характерен для сребреников II типа: № 52–58, 62, 65, 66 (соответствие штемпелям первого резчика № 52–58 и подражаниям № 59–65); № 69, 70, 74 (соответствие штемпелям № 69–76). Далее в связи с огрублением штемпелей с № 76–84 и № 99 вариант 3 не всегда определяется с очевидностью: 78, 81, 82–87, 93–95, 96, 99–106.

⁶ Вариант 4 характерен для сребреников II типа: № 67, 68 (выделены как близкие I резчику), 71, 73 (выделены по особо пластичному изображению); 92, 97 (относятся к грубым вариантам штемпелей).

⁷ Вариант 5 характерен для сребреников II типа: № 88, 90 (относятся к грубым вариантам штемпелей).

⁸ Вариант 6 наблюдается на сребрениках II типа: № 107, 110 (№ 107–110 образуют группу грубых штемпелей), что подтверждает выделение варианта.

На сребрениках типа III наблюдаются разновидности вариантов 3 и 6⁹ (рис. 1, 3в, бб). Вариант 3 хорошо представлен¹⁰. Новыми являются варианты 7¹¹ и 8¹²: низ диадемы передается горизонтально аналогично вариантам 2 и 5 сребреников I и II типов, а верх показан дугой с хорошо выделенным крестом (рис. 2, 7, 8). Эти два варианта различны передачей креста: у варианта 7 в передаче перекрестья иногда просматриваются прямые линии, у варианта 8 – концы креста переданы округло-каплевидными или лопастными фигурами (слившимися кружками?).

Варианты 7 и 8 дают четкие изображения, хорошо соответствующие византийской стемме. По мнению Н. П. Кондакова, такая конструкция венца используется с VI в. (Кондаков, 1906. С. 60, 61).

На сребрениках IV типа в передаче венца наблюдается разнообразие, сходное с картиной на сребрениках II типа. Представлен вариант 3¹³ (рис. 1, 3з). Вариант 9 передает венец в виде драгоценно убранной полосы с крестом (рис. 1, 9)¹⁴. Это сходно с изображением венца варианта 4.

Присутствуют новые варианты изображений венца, подчеркивающие объем головы. Вариант 10 – венец показан в виде полосы без акцентации обручей и с навершием (рис. 1, 10)¹⁵. Вариант 11 показывает нижнюю линию убора сплошной, крайние шарики, вероятно, слились с ней, крест не выделен (рис. 1, 11)¹⁶.

На всех вариантах показаны рясна, утратившие роль завязок, утрированно выведенные вперед, с концевыми подвесками шаровидной или умбоновидной формы. В большинстве случаев передается по два шарика на концах рясен, но на сребрениках II и IV типов – по одному (Сотникова, Спасский, 1983. С. 120, 128, 129, 134, 139, 175–178; Свердлов, 1972. С. 154, 155). Рясна, завершенные одним шариком, можно встретить на сребрениках I и III типов (рис. 1, 3а, 4, 5, 8–11).

⁹ Вариант 6 на сребрениках III типа представлен № 122 (примыкает к штемпелям мастера № 117–122).

¹⁰ Вариант 3 характерен для сребреников III типа: № 124, 129, 132–134, 137, 141, 142, 145, 146 (группа сходных по рисунку штемпелей); 149, 151 (штемпели одного из мастеров); 153, 154 (подражания штемпелям обоих мастеров).

¹¹ Вариант 7 характерен для сребреников III типа: № 117–119 (штемпели мастера № 117–122), 143, 144, 157 (группа штемпелей, не сближающихся со штемпелями двух мастеров); № 155 (подражательная группа штемпелей). Выделение варианта подтверждается.

¹² Вариант 8 на сребрениках III типа представлен № 121 (штемпели мастера № 117–122).

¹³ Вариант 3 характерен для сребреников IV типа: № 160, 161, 162 (группа штемплей № 159–162).

¹⁴ Вариант 9 характерен для сребреников IV типа: № 163, 165, 166, 174 (группа штемпелей № 163–168, 171, 172).

¹⁵ Вариант 10 характерен для сребреников IV типа: № 167, 168, 171 (группа штемпелей с особенностями внутри группы штемпелей № 163–168, 171, 172). Подтверждается выделение близких вариантов 9 и 10.

¹⁶ Вариант 11 наблюдается для сребреников IV типа: № 175 (соответствует уникальному штемпелю № 175).

Наблюдение за изображениями на монетах показывает развитие венца от конструкции, состоящей только из обручей (возможно, с тонкой матерчатой шапочкой внутри них), к закрытому головному убору. Нельзя исключить, что изображения, соответствующие некоторым штемпелям сребреников II и IV типов (варианты 4 и 9), отразили более архаичную конструкцию венца, происходящую с более ранних византийских монет (рис. 1, 4, 9). Но вероятно, что в венцах данных вариантов угадывается и следующая, развитая стадия венца, основную видимую часть которого составляет более широкая драгоценно убранный полосу, которая и воспринимается с лицевой стороны, однако конструкция стеммы, видимо, остается ее основой.

Параллелями для реконструкции венца Владимира традиционно выступают изображения византийских императорских венцов данного периода (рис. 2). К X в., как указывает Н. П. Кондаков, основываясь на сведениях Константина Багрянородного, внутри стеммы начала формироваться матерчатая тулья (*Кондаков*, 1906. С. 60, 61).

Императорские венцы X в. остаются очень похожими на диадемы предшествующего периода, обручи и тулья не показаны. Тулья, вероятно, не стала еще обязательной, поскольку над дробничной полосой угадываются волосы. Наиболее типичными примерами венцов для X в. являются мозаичное изображение императора Юстиниана в Софийском соборе Константинополя, а также – императора Константина VII на костяной пластине (рис. 2, 1, 2). На венце Юстиниана развевающиеся сзади подвесные детали играют конструктивную роль завязок. В параллель с данной ступенью можно поставить изображения венца на златниках и сребрениках I типа варианта 1, а также, возможно, на сребрениках II и IV типов вариантов 4 и 9 (рис. 2, 7, 8).

Для первой половины XI в. опорными примерами являются изображения Константина Мономаха на мозаике Софийского собора в Константинополе и на византийской монете-номисме (рис. 2, 3, 4). Очельные полосы становятся выше и шире (рис. 2, 3). Рясна являются декоративными подвесками и выведены вперед, заканчиваются тремя каплевидными подвесками, напоминающими трилистник (рис. 2, 2–4). Параллелями для этой стадии являются варианты венцов сребреников III типа вариантов 7 и 8 (рис. 2, 9). Но возможно, что данная конструкция с большей долей условности отражена и вариантами венца 4 и 9 (рис. 2, 8).

В дальнейшем венцы приобретают расширяющуюся сверху угловатую или пирамидальную форму, становятся более жесткими и крытыми. Примерами являются венец Никифора III Вотаниата на миниатюре рукописи около 1078 г., а также венец Константина Мономаха, изображенный на диадеме второй половины XI в., выполненной в технике перегородчатой эмали (рис. 2, 5, 6). В качестве параллели им выступает вариант венца 10 сребреников IV типа (рис. 2, 10).

Источниками для реконструкции венца Владимира являются и изображения западноевропейских монархов в венцах, их хронологический ряд отражает подробное развитие форм византийских регалий на европейской почве, что аналогично их развитию на Руси (рис. 3).

Изображения венцов IX в. преимущественно демонстрируют открытую конструкцию венца, состоящую только из обручей. Такие венцы видим на миниатюрах рукописей, в частности на императоре Лотаре I (*Beckwith*, 1977. III. 48, 49).

Рис. 2. Византийские императорские венцы на изображениях X–XI вв. в сравнении с венцом Владимира на монетах (использованы прорисовки автора статьи)

1 – Юстиниан, мозаика Софийского собора в Константинополе, вторая половина X в. (Лазарев, 1948. Табл. 96); 2 – Константин VII, костяная пластина X в. (Банк, 1966. Илл. 125); 3 – Константин Мономах, мозаика Софийского собора в Константинополе, середина XI в. (Колтакова, 2005. С. 335); 4 – Константин Мономах, номисма 1042–1055 гг. (Меч и златник..., 2012 г. № 365); 5 – Никифор III Вотаниат, миниатюра рукописи около 1078 г. (Культура Византии..., 1989. С. 69); 6 – Константин Мономах на женской диадеме в технике перегородчатой эмали XI в. (Там же. С. 613); варианты изображений венца Владимира на монетах: 7 – вариант 1а; 8 – вариант 9; 9 – вариант 7; 10 – вариант 10

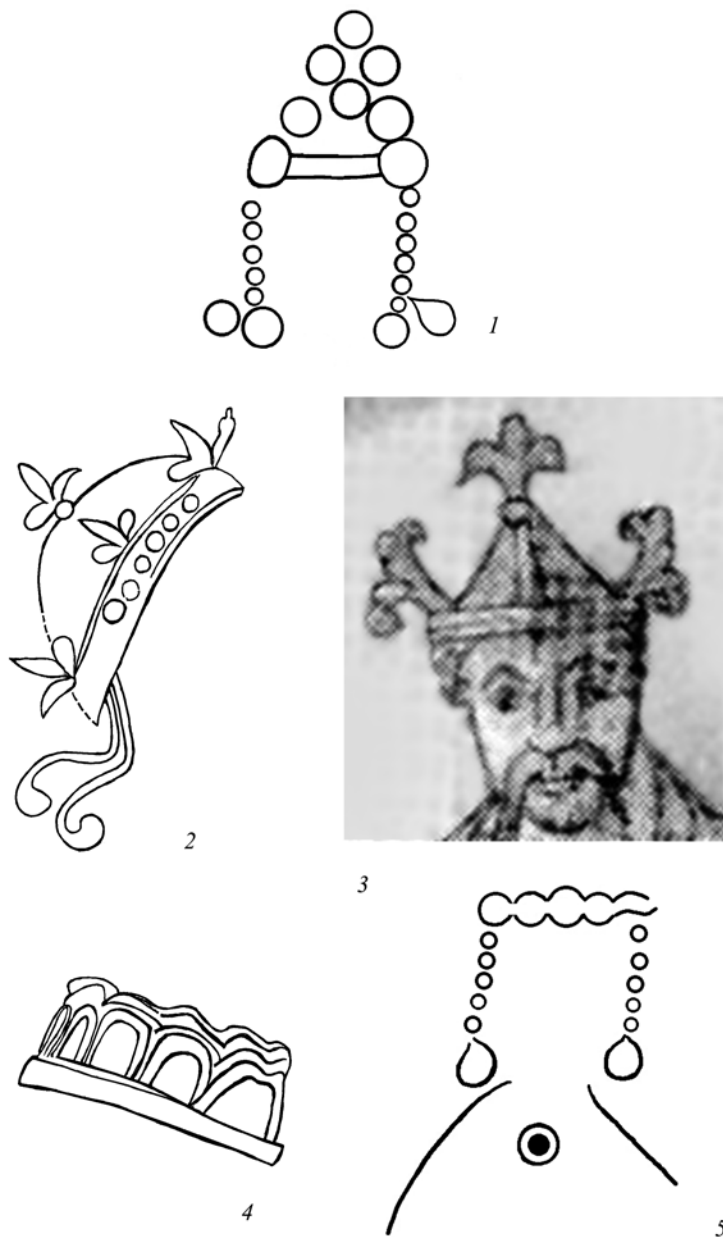
Хронологически наиболее близким к времени Владимира является изображение венца Оттона III (980–1002 гг.) на свинцовой булле 998 г. (Eugoras..., 2000. S. 457. № 22.01.02). На нижнем обруче в четырех местах, где обычно присоединяются верхние обручи, расположены зубцы в виде трилистников, навершие такой же формы находится в центре наверху (рис. 3, 2). Ни обручи, ни волосы с уверенностью не просматриваются, что позволяет предполагать в конструкции венца Оттона III сплошную мягкую тулью. Нижняя наlobная полоса орнаментирована округлыми фигурами, передающими драгоценные камни или другие крупные вставки. Подобные украшения постоянно передаются кружками и на венце Владимира на монетах (рис. 1). Подвески на венце Оттона III также декоративны, завершаются двумя шариками. Данная аналогия является хронологической точкой отсчета для приводимых венцу Владимира аналогий, она близка официальной дате принятия христианства на Руси, тому времени, когда у Владимира мог появиться провизантийский венец. Из монетных изображений он находит параллели с вариантом 2 (рис. 1, 2; 3, 1).

Венец Карла Великого на миниатюре рукописи X в. (Karl der Grosse..., 1965. № 687. Abb. 138) имеет четкую четырехугольно-пирамидальную, заостряющуюся вверх форму (рис. 3, 3). Такую форму могли придать головному убору верхние жесткие обручи, потерявшие свою округлость, передний обруч просматривается на миниатюре. Ниже обручей, по всей видимости, находится тканевая тулья, скрепленная с ними. Здесь также имеются зубцы-трилистники, укрепленные в основании обручей и вверху по центру. Эта форма перекликается с вариантом 3 венца на монетах, где он передан пирамидально (рис. 1, 3а–г).

Одним из наиболее ранних изображений короны с зубцами, сформировавшейся на основании конструкции из обручей, является корона Ирода на рельефе бронзовых дверей из Гильдесгейма 1015 г. (Schulze-Dorlam, 1991. Abb. 7). Дата произведения совпадает с завершением эпохи правления князя Владимира. Здесь не просматриваются обручи, высокая нижняя полоса из киотцевидных зубцов, вероятно, их заслоняет (рис. 3, 4). Такую конструкцию (с одним обручем) имеет реально сохранившаяся корона Конрада II (1024–1039 гг.). На этой стадии мужской венец приобрел вид зубчатой короны, сохраняя и прежнее устройство из обручей с мягкой тульей внутри. Зубцы образованы пластинами перегородчатой эмали с христианскими изображениями (Ibid. Abb. 76, 77).

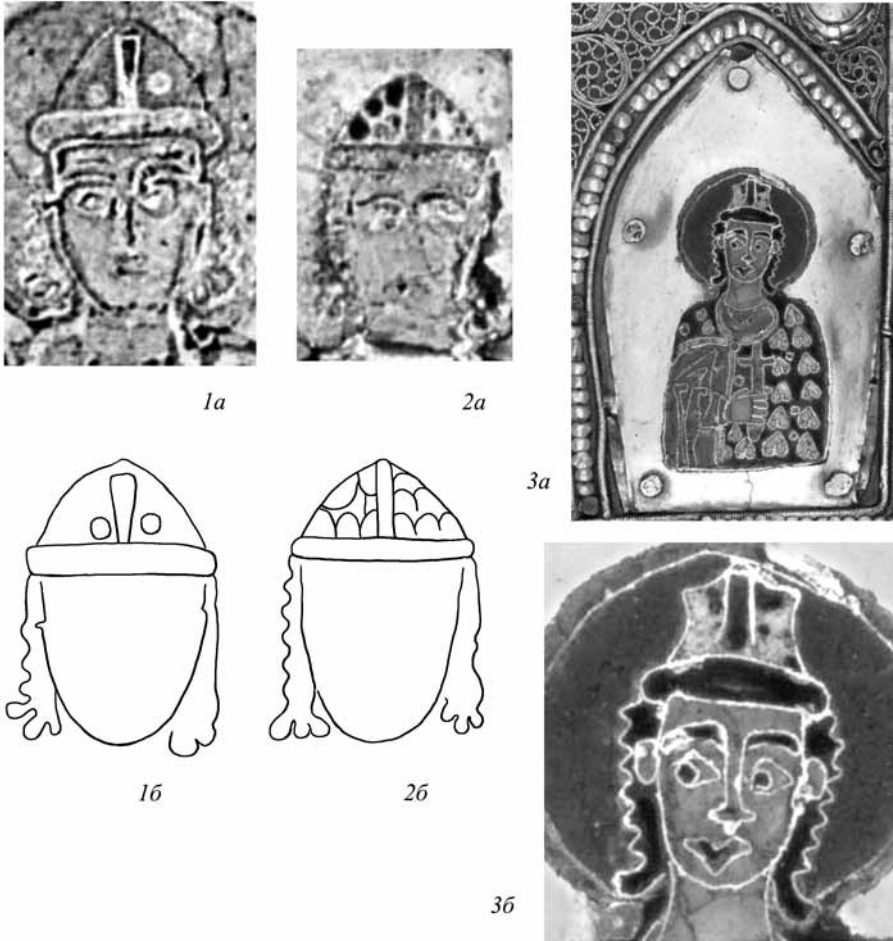
Четких параллелей коронам на монетных изображениях венца Владимира нет, но, возможно, переходными к ним являются изображения вариантов 4 и 9, поскольку они не передают обручей, возможно, заслоненных зубцами (рис. 2, 8; 3, 5).

Изображения русских князей в венцах относятся к концу XI–XII в. (рис. 4, 1а, б; 2а, б). Конусообразные головные уборы князей Бориса и Глеба с намеченными обручами и рясами на золотых эмалевых колтах из клада в Старой Рязани 1822 г. по общей форме сходны с изображением венца Карла Великого X в. (Жилина, 2014. С. 306–308. № 162: 4). В их конструкции сохраняются перекрещивающиеся детали стеммы. Отмечая, что княжеские регалии были последовательно подобны византийским императорским, М. Б. Свердлов полагает, что от конструкции стеммы на Руси в XI–XII вв. отказались, поскольку она не соответствовала высшей власти (Свердлов, 1999. С. 82; 2003. С. 302). Тем не менее анализ изображений русских княжеских головных уборов показал, что

Рис. 3. Венцы западноевропейских монархов X–XI вв. в сравнении с венцом Владимира на монетах (использованы прорисовки автора статьи)

1 – вариант 2 на сребренике Владимира I типа (Сотникова, 1995. С. 177); 2 – венец Оттона III на свинцовой булле 998 г. (Europas..., 2000. S. 457. № 22.01.02); 3 – венец Карла Великого на миниатюре рукописи X в. (Karl der Grosse..., 1965. № 687. Abb. 138); 4 – корона Ирода на рельефе бронзовых дверей из Гильдесгейма 1015 г. (Schulze-Dorlam, 1991. Abb. 7); 5 – вариант 4 венца Владимира

**Рис. 4. Данные о русских княжеских венцах XI–XII вв.
(использованы прорисовки автора статьи)**

1, 2 – головные уборы князей Бориса и Глеба на эмалевых колтах из клада в Старой Рязани 1822 г. (Вагнер, 1971. Илл. 1, 2); 3 – головной убор князя Бориса на эмалевой киотцевидной пластине оклада Мстиславова Евангелия (Жилина, Макарова, 2008. Табл. 20: 3)

стемма как элемент конструкции сохранялась в княжеских шапках (Жилина, 2001. С. 129–140. Рис. 81).

Древние пластины зубчатой или киотцевидной формы, сохранившиеся в окладе Мстиславова Евангелия (XVI в.), вероятно, входили в конструкцию княжеского венца XII в. (Макарова, 1975. С. 77; Жилина, 2001. С. 155–157; Рис. 81, 8, 9; 84, 2; 89; 2002. С. 161. Рис. 8). Можно предложить два варианта реконструкции венца из таких пластин. Во-первых, на округлой полусферической основе с мягкой тульей аналогично короне Конрада II. Во-вторых, подчетыреугольно-пирамидальной формы на основании головного убора Константина IX Мономаха

на византийской диадеме (рис. 2, б), а также русских князей Бориса и Глеба, изображенных на самих пластинах оклада Мстиславова Евангелия (рис. 4, 3а, б).

Наличие свидетельств о последующих звеньях эволюции византийского венца на русской почве позволяет думать о реальности и более ранних стадий, современных князю Владимиру. Византийские монеты, которым в определенной мере подражали русские, отразили реальную эволюцию византийского венца. Эту же эволюцию отразили и русские венцы: князя Владимира и других русских князей.

Изображения венца Владимира на монетах показывают в целом усложнение конструкции венца со временем. Златники и сребреники I типа, датируемые концом X в., преимущественно передают венец линиями (одной дугообразной или ломаной, а затем двумя – горизонтальной и дугообразной), выделяя этим в конструкции обручи (рис. 1, 1, 2). Остальные монеты, относимые к началу XI в., отражают и прежнюю, и новую конструкцию. Сребреники III типа также выделяют обручи (рис. 1, 7, 8). На сребрениках всех типов показываются не только несущие линии венца, но и его силуэт с помощью пирамидальной укладки кружковых элементов или показа общего контура убора (рис. 1, 3а–г, 4, 5, 9–11). Варианты 4 и 9, возможно, показывают крытый венец в виде драгоценно убранный полосы (рис. 1, 4, 9).

В качестве наиболее ранней формы венца Владимира конца X в. можно предполагать конструкцию из обручей, украшенных драгоценными камнями и вставками: либо открытую, либо с мягкой шапочкой-тульей внутри. Возможны кринообразные дополнения в местах соединения обручей.

К началу XI в. у Владимира мог появиться более современный венец. Предельно возможная форма его развития – это крытая конструкция с эмалевыми дробницами, переходная к короне. Все формы венца сохраняли в себе конструкцию стеммы или ее элементы.

ЛИТЕРАТУРА

- Банк А. В., 1966. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.; М.: Советский художник. 392 с.
- Вагнер Г. К., 1971. Рязань. М.: Искусство. 44 с., ил. (без нумерации страниц).
- Жилина Н. В., 2001. Шапка Мономаха. Историко-культурное и технологическое исследование. М.: Наука. 246 с.
- Жилина Н. В., 2002. Русский ювелирный убор // Родина. № 11–12: Спецвыпуск. Древняя Русь. IX–XIII века. С. 160–165.
- Жилина Н. В., 2014. Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М.: URSS. 400 с.
- Жилина Н. В., Макарова Т. И., 2008. Древнерусский драгоценный убор – сплав влияний и традиций. IX–XIII вв. Художественные стили и ремесленные школы. М.: Гриф и К. 292 с.
- Колтакова Г. С., 2005. Искусство Византии. Ранний и средний периоды. СПб.: Азбука-Классика. 528 с.
- Кондаков Н. П., 1906. Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПб.: Изд. Императорской Академии наук. 123 с., VI табл.
- Культура Византии. Вторая половина VII–XII в. / Ред.: З. В. Удальцова, Г. Г. Литаврин. М.: Наука. 680 с.
- Лазарев В. Н., 1948. История византийской живописи. М.: Искусство. Т. II: Атлас. 350 табл. (без нумерации страниц).
- Лебединцев П. Г., 1888. В каком виде могут быть изображены св. равноапостольный князь Владимир и св. княгиня Ольга, и имеем ли мы их подлинные изображения? // Киевская старина. Т. XXI, май. Киев: Типография Г. Т. Корчак-Новицкого. С. 259–264.
- Макарова Т. И., 1975. Перегородчатые эмали Древней Руси. М.: Наука. 136 с.

- Меч и златник: К 1150-летию зарождения Древнерусского государства: Каталог выставки в Гос. ист. музее, Москва, 1 ноября 2012 – 28 февраля 2013. М.: Кучково поле, 2012. 320 с.
- Молчанов А. А., 1973. К вопросу о художественных особенностях и портретности изображений на древнейших русских монетах // Вестник Московского университета. Серия IX: История. № 3 (май–июнь). С. 72–86.
- Окунева И. Н., 1938. Изображения святого Владимира // Владимирский сборник: В память 950-летия крещения Руси. 988–1938. Белград: Меркур. С. 197–200.
- Орешиников А. В., 1936. Денежные знаки домонгольской Руси. М.: ГИМ. 96 с. (Труды ГИМ; вып. 6).
- Орешиников А. В., 1996. Русские монеты до 1547 г. М.: Археографический центр. 232 с. XXI с. ил. (Репринт 1896 г.).
- Петров Н. И., 1888. Древние изображения св. Владимира // Владимирский сборник: В память девятисотлетия крещения России. Киев: Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого. С. 1–20.
- Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. VIII. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2004. 752 с.
- Пуцко В., 1988. Найдавніші зображення святого князя Володимира // Православний вісник. № 7. С. 37–41.
- Свердлов М. Б., 1972. Изображение княжеских регалий на монетах Владимира Святославича // Вспомогательные исторические дисциплины. IV. Л.: Наука. С. 151–159.
- Свердлов М. Б., 1999. Владимир Святославич Святой – князь и человек // Культура славян и Русь. М.: Наука. Ред.: Ю. С. Кукушкин, Т. Б. Князевская, Т. И. Макарова. С. 72–93.
- Свердлов М. Б., 2003. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси. VI – первой трети XIII вв. СПб.: Академический проект. 736 с.
- Сотникова М. П., 1995. Древнейшие русские монеты X–XI веков. Каталог и исследование. Москва: Банки и биржи. 320 с.
- Сотникова М. П., Спасский И. Г., 1983. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI веков. Ленинград: Искусство. 240 с.
- Срезневский И. И., 1868. Древние изображения в. к. Владимира и в. к. Ольги // Древности. Археологический вестник, издаваемый археологическим обществом / Под ред. А. А. Котляревского. Январь–февраль. М.: Тип. Грачева и К. С. 1–7.
- Толстой И. И., 1893. Древнейшие русские монеты X–XI века. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова. 60 с.: ил., табл. (Отг. из 6 т. «Записок Русского археологического общества», с. 310–382).
- Beckwith J., 1977. Early Medieval Art. Carolingian. Ottonian. Romanesque. London: Thames and Hudson. 270 p.
- Europas mitte um 1000. Katalog. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag GmbH, 2000. 548 S.
- Karl der Grosse. Werk and Wirkung: Katalog der Ausstellung in Aachen vom 26. Juni bis zum 19. September 1965. Aachen, 1965. 778 S., 158 Ill.
- Schulze-Dorlam M., 1991. Die Kaiserkrone Konrads II. (1024–1039). Mainz: Thorbecke. 146 S.

Сведения об авторе.

Жилина Наталья Викторовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: nvzhilina@yandex.ru.

N. V. Zhilina

RECONSTRUCTION OF THE CROWN OF THE GRAND PRINCE
ST. VLADIMIR (BASED ON THE IMAGES ON COINS)

Abstract. The depiction of Prince Vladimir's crown on coins shows that gradually his crown became more elaborate. Zlatniks (gold coins) and srebreniks (silver coins) of type I minted at the end of the 10th century delineate the crown as a Byzantine imperial stemma. The rest of the coins struck early in the 11th century display both the previous form and

the new form of the crown. The crown on srebreniks of type III is rendered with emphasized bands. Srebreniks of all types have variants where the crown is drawn in silhouette, including, possibly, the crown with a covered top rendered as a band decorated with gemstones. The earliest variant of Vladimir's crown dating to the end of the 10th century is a stemma (either of open form or with soft cloth covering placed inside). By the early 11th century Vladimir, probably, had a more modern crown. The most elaborate crown is headwear with a top covering decorated with enamel plates. All crown variants retained the form of a stemma.

Keywords: Diadem, stemma, headbands, crown, variants of rendering.

About the author:

Zhilina Natalia V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: nvzhilina@yandex.ru.

Вл. В. Седов, И. Н. Кузина, И. А. Сапрыкина, Л. А. Пельгунова

ПЕРСТЕНЬ-ПЕЧАТКА СО СТЕКЛЯННОЙ ВСТАВКОЙ ИЗ НОВГОРОДСКОГО ПАНТЕЛЕЙМОНОВА МОНАСТЫРЯ

Резюме. В 2013 г. при раскопках на территории Пантелеймонова монастыря в Новгороде, в слое XIV–XV вв., связанном с разрушенным погребением монастырского кладбища, найден латунный перстень со стеклянной вставкой – геммой. Его форму отличает крупный щиток с гладкой без лапок оправой и расширение кольцевидной части к щитку. Перстень литой из «красной латуни» (томпака). Орнамент выполнен гравировкой. Стекло вставки темно-синее, класса (Na, K)-Ca-Si с повышенным содержанием Al и Ba. Анализ металла и стекла проводился РФА-методом. На вставке вырезана фигура змеборца, бьющего копьём (или мечом) змея, и крупная фигура крылатого существа. Вверху небольшая птица с расправленными крыльями (или завиток?). Точная аналогия этому сюжету не найдена – перед нами, безусловно, что-то исключительное.

Перстень мог быть изготовлен в XIV в. в одной из мастерских Новгорода Великого. Стеклянная вставка, вероятно, происходит из мастерских Византии XI–XII вв. На Русь, в Новгород, она попала или с византийскими товарами, или как паломническая вещь. Перстень, безусловно, является статусной вещью.

Ключевые слова: Великий Новгород, Пантелеймонов монастырь, латунный перстень, стеклянная вставка, гемма, русское ювелирное ремесло, Византия.

В 2013 г. во время работ Новгородского архитектурно-археологического отряда Новгородской экспедиции на территории Пантелеймонова монастыря (сейчас это площадка музея деревянного зодчества Витославицы) исследовался монастырский некрополь к востоку от ранее открытых оснований каменного

монастырского собора святого Пантелеймона, сооруженного в 1207 г. и перестроенного в 1375 г. Было раскрыто и исследовано 35 погребений, относящихся к трем периодам: к XIII–XV вв., к XVI–XVIII вв. и ко времени, когда монастырь был уже закрыт, а его храм стал приходским и усадебным, то есть к концу XVIII – XIX в. (*Седов, Вдовиченко, 2014*).

Самым значительным предметом из раскопок 2013 г. является редчайшая для территории древней Руси находка – металлический перстень со стеклянной вставкой – геммой глубокого цвета. Он найден в квадрате 93, недалеко от скопления костей 8, не связан с каким-то конкретным погребением и, вероятно, происходит из разрушенного погребения (находка 11, отметка +48), по уровню заложения принадлежавшего к XIV–XV вв.

Итак, перед нами металлический перстень со стеклянной вставкой – геммой (рис. 1: с. 474). Обруч перстня плоско-выпуклый в сечении. Его внутренний диаметр – 20,6 мм, внешний – 23,0 мм. Общая высота перстня с щитком – 27,2 мм. Щиток круглый, диаметром 19,1 × 19,9 мм, высотой 5,6 мм. Оправа без лапок, гладкая.

Вся внешняя поверхность металлической части перстня декорирована рядами насечек, образующих орнаментальные зоны вокруг оправы, на шинке и обруче. Короткие наклонные линии опоясывают оправу перстня, в месте перехода шинки в обруч они образуют по равностороннему ромбу с каждой стороны. Насечки на обруче располагаются под наклоном друг к другу и разделяются линией, идущей вдоль обруча. Орнаментальные зоны подчеркивают форму той части перстня, на которой они расположены.

По форме эта вещь не очень вписывается в ряд известных новгородских перстней, которые можно датировать XIV в. (*Седова, 1981. С. 139–142*). Перстень из Пантелеймонова монастыря отличает крупный щиток, расширение кольцевидной части к щитку, насечки на этой кольцевидной части. Близкой аналогией по форме перстню из Пантелеймонова монастыря можно считать только хранящийся в Новгородском музее золотой перстень с гнездом для вставки (утраченной)¹. Схожее расширение от обруча к щитку имеет серебряный перстень с квадрифолией печаткой из Белькова. Авторы исследования уверенно относят его к изделиям древнерусских ремесленников (*Зайцева, Сарачева, 2011. С. 217. Рис. 106, 15*).

Особое исследование было посвящено химическому составу металлической части перстня и его стеклянной вставки. Анализ химического состава металла шинки и стеклянной вставки перстня выполнен неразрушающим методом на РФА-спектрометре М4 *Tornado (Bruker)* (*Сапрыкина, Пельгунова, 2013. С. 80–87*). Анализ выполнялся при следующих параметрах: вакуум – 20 миллибар, энергия – 600 мА (для металла), 150 мА (для стекла). Обработка спектров проводилась с использованием соответствующего программного обеспечения *Xspect*².

¹ НГОМЗ. Фонд 1, металлический шкаф 1. 25408/А 18-116, Перстень с гнездом для вставки ЗБ 44.

² Анализ выполнен в Институте проблем эволюции и экологии им. А. Н. Северцова (ИПЭЭ РАН).

Таблица 1. Результаты исследования химического состава металла перстня

№ пробы	Mn	Fe	Ni	Cu	Zn	As	Pb
1.1	0,01	0,34	0,15	83,02	15,03	0,24	1,22
1.2	0,00	0,29	0,14	83,05	15,50	0,19	0,83
1.3	0,00	0,27	0,13	82,23	15,96	0,22	1,18
1.4	0,00	0,29	0,16	81,76	16,29	0,15	1,35
1.5	0,00	0,25	0,16	82,41	15,94	0,13	1,11
1.6	0,00	0,36	0,18	82,68	15,23	0,28	1,27

Исследование химического состава перстня выполнялось на участке перехода шинки в оправу, с помощью опции *Multi-Point*, позволяющей автоматизированно снимать данные для нескольких точек на поверхности образца (увеличение 100×). Всего получено 6 проб (табл. 1), патинированная поверхность образца предварительно обрабатывалась для удаления загрязнений (механическим способом снят верхний коррозионный слой).

Анализ показал, что перстень изготовлен из латуни, где содержание цинка составляет 15,03–16,29 % – такая латунь относится к «красным латуням» (томпакам). В латуни также присутствует свинец, содержание которого (0,83–1,35 %) позволяет отнести его скорее к примесям сплава, чем к одному из его легирующих компонентов. К микропримесям, зафиксированным в результате анализа, также относятся: мышьяк (0,13–0,28 %), железо (0,25–0,36 %) и никель (0,13–0,18 %) (рис. 2). Полученные данные позволяют говорить о том, что для изготовления перстня использована латунь так называемой первой плавки, без дополнительного легирования или переплавки.

Техника изготовления перстня включает в себя несколько операций: литье и косметическую ковку. Шинка и оправка перстня изготовлены литьем в двусторчатой форме с вкладышем для формирования каста: в пользу использования этой схемы литья говорят остатки тщательно опиленного литейного шва, хорошо фиксируемого по лицевой стороне шинки в виде уплощенного по форме ребра. Остатки этого же ребра отчетливо фиксируются на обороте щитка оправы, куда вставлялась стеклянная гемма.

Приемы косметическойковки (раздача, гибка), судя по зафиксированным на поверхности перстня следам операций, использовались в основном для формирования оправы перстня, увеличения ее диаметра и гибки краев для «зажима» вставки. На обороте щитка сохранились следы деформации металла (волны), возникающие в результате выполнения раздачи для формирования большего диаметра поковки за счет уменьшения ее толщины. Гибка этих краев для формирования каста выполнялась, судя по всему, за счет вставки в подготавливаемую оправу специального раструба.

Орнамент, расположенный по краю каста и украшающий щиток и переход перстня в шинку, выполнен в технике гравировки. Стеклянная вставка помещена в каст и закреплена, по-видимому, с помощью специальной мастики.

Очевидно, что техника изготовления этого перстня и использование для литья двухкомпонентной латуни с высоким содержанием цинка выделяют его

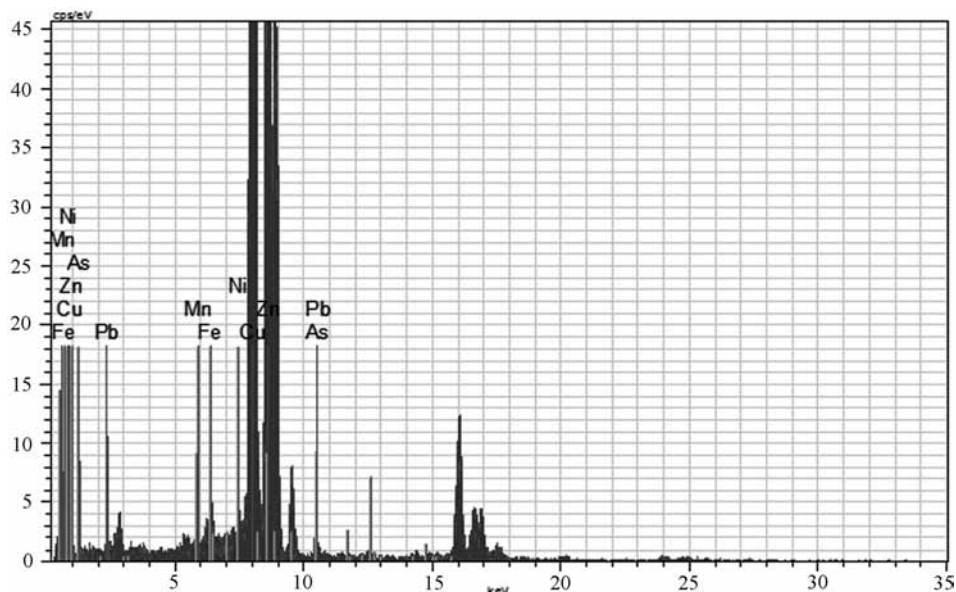

Рис. 2. Суммарный спектр с зафиксированными в металлическом образце элементами

из известного массива средневековых перстней, происходящих в том числе из раскопок крупных городских центров. Наиболее вероятно, что этот перстень изготавливался на заказ в одной из крупных ремесленных мастерских, мастера которой владели очень широким спектром знаний и навыков в обработке металлов.

Стеклянная вставка – гемма публикуемого перстня имеет практически правильную круглую форму, диаметром 16,5 мм (максимально – 16,8 мм). Поверхность вставки в многочисленных кавернах коррозии, нижняя половина отливает радужным налетом иризации. Через всю вставку проходит трещина, разделяющая ее на две неравные части. Изображение на стекле выполнено в технике холодной резьбы.

Ввиду полной сохранности объекта разрушающий анализ стекла был исключен. Неразрушающим методом на РФА-спектрометре химический состав стекла определялся для семи проб, взятых с предварительно очищенной поверхности. Результаты анализа представлены в табл. 2.

Натрий – легкий элемент, трудно определяемый неразрушающим методом, – в двух пробах не найден вовсе, но его наличие в других доходит до 7,64 % (проба 2.3). Без сомнения, реальное содержание Na в исследуемом стекле должно быть значительно выше. На присутствие Na в качестве основного стеклообразующего элемента, по наблюдениям одного из авторов статьи, косвенно указывают радужные разводы на поверхности вставки. Значения K и Ca в среднем составляют 27,27 и 28,60 % соответственно. Такие высокие цифры, вероятно, следует отнести на счет погрешности метода. Марганец, выполняющий роль обесцвечивателя и красителя, обеспечившего фиолетовый оттенок, имеет среднее значение 1,59 %. Со и Си, придающие стеклу различные оттенки

Таблица 2. Результаты исследования химического состава стеклянной вставки.

№ пробы	Na	Al	Si	P	S	K	Ca	Ti	Cr	Mn	Fe	Co	Ni	Cu	Zn	As	Sr	Ba	Pb
2.1	1,86	2,00	30,54	0,41	0,22	29,40	30,73	0,21	0,02	1,46	1,22	0,38	0,05	0,15	0,11	0,79	0,26	0,04	0,16
2.2	0,00	3,98	33,34	1,16	0,25	27,37	27,83	0,10	0,03	1,46	1,95	0,35	0,03	0,27	0,25	0,93	0,31	0,22	0,15
2.3	7,64	1,78	22,89	0,09	0,20	28,74	32,71	0,13	0,01	1,85	1,70	0,37	0,04	0,14	0,13	0,77	0,25	0,22	0,33
2.4	3,59	6,05	39,98	0,00	0,30	24,87	21,29	0,07	0,06	1,14	1,14	0,23	0,05	0,13	0,10	0,58	0,19	0,07	0,16
2.5	0,00	2,81	23,82	0,00	0,63	29,19	36,33	0,07	0,04	2,17	2,14	0,44	0,05	0,22	0,13	1,13	0,32	0,19	0,32
2.6	6,16	3,48	31,56	0,49	0,00	26,13	27,28	0,12	0,02	1,56	1,27	0,31	0,05	0,14	0,11	0,76	0,27	0,11	0,17
2.7	4,39	8,85	28,81	0,31	0,67	25,20	24,05	0,25	0,04	1,47	3,37	0,35	0,05	0,60	0,40	0,56	0,12	0,10	0,41
Mean value	3,38	4,13	30,14	0,35	0,33	27,27	28,60	0,14	0,03	1,59	1,83	0,35	0,05	0,24	0,18	0,79	0,24	0,14	0,24

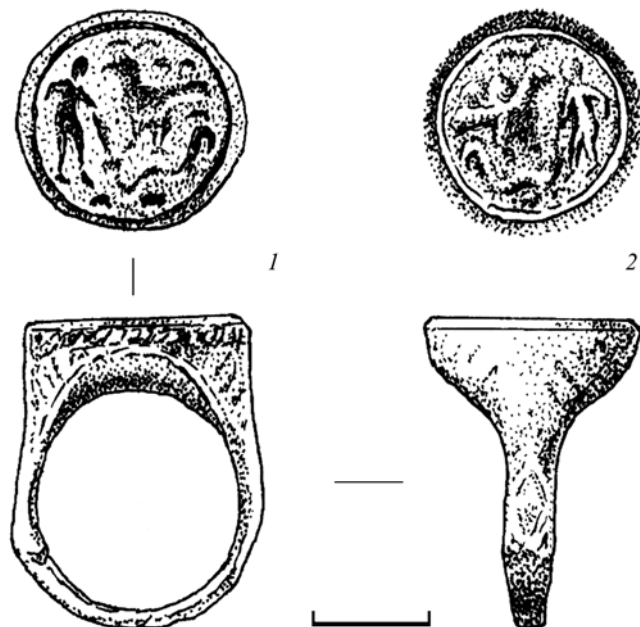
синего цвета, – 0,35 и 0,24 %, что укладывается в известные нормы, однако медь в данном случае является примесью к другим элементам и не проявляется как краситель.

Для работы со стеклом возможности РФА-спектрометра ограничены, однако полученные результаты позволяют высказать предположения о химическом классе стекла. Наличие Na, высокое содержание Ca, применение окиси Mn и Co, сопровождаемого неактивным Cu, заставляет предположить, что стекло, из которого сделана вставка, относится к классу (Na, K)-Ca-Si. Интересен в связи с этим показатель Al (среднее значение 4,13; максимальное – 8,85 в пробе 2.7). Известно, что высокая концентрация окиси алюминия в стекле была характерна в Средние века для грузинских стекол и византийских, производимых в Малой Азии, где он являлся примесью к песку. Именно эта характеристика, по мнению Дж. Хендерсона, отличает византийские стекла, в том числе первых веков II тысячелетия, от исламских того же времени (*Henderson, Mundell, 1995. P. 353; Щанова, 1993. С. 275*). В малоазийских стеклах наряду с Al заметно высокое содержание окисла Mg и Ba (*Schibille, 2011*). В нашем случае Ba присутствует в достаточном количестве, но Mg не определен вовсе. Необъяснимым остается высокий показатель K при других перечисленных характеристиках. Поиски решений этой задачи ограничены недостатками РФА-метода.

Все сказанное о составе стекла, из которого изготовлена вставка, указывает на византийские мастерские как наиболее вероятное место производства геммы. Возможно, эта мастерская располагалась в одном из городов Малой Азии. Перстень медного сплава со стеклянной геммой известен, например, из раскопок византийских захоронений XI–XII вв. в восточной части центральной Греции, в Аегино (Magnesia) (inv. no E.E 15.2 – Everyday life... P. 445. Fig. 590). Рисунок на вставке этого украшения отличается от новгородского – параллельно расположенные ряд треугольников и «елочка», однако он выполнен также резьбой по темно-синему стеклу.

Изображение на стеклянной вставке глубокого синего цвета – самое интересное в найденном перстне (рис. 3). Это сцена с углубленными фигурами: слева выделяется изогнутая фигура змеборца, бьющего копьём (или мечом) змея внизу изображения, а также крупная фигура крылатого существа (птицы, льва?) в рост человека и развернутая к нему. Вверху виднеется изображение небольшой птицы с расправленными крыльями, но, возможно, это декоративный завиток. Что это за сюжет – мы не знаем, но перед нами, безусловно, что-то исключительное. Да и сам массивный перстень был, видимо, статусной вещью родовитого или занимавшего высокое положение человека. Известно, что изображения в древности и Средневековье, подчиняясь существовавшим канонам и традициям, повторялись на изделиях. Но если геммы-литики, в силу приема изготовления, многократно тиражировались при помощи одной формы³, то изображение, выполняемое резьбой, предполагало большую индивидуальность, что затрудняет для нас поиск точных аналогий сюжету.

³ Тиражированность изображений на вставках-литиках ярко демонстрируют, например, материалы раннесредневекового могильника Мамисондон из Северной Осетии – Алании (*Албегова, Верещинский-Бабайлов, 2010. С. 92–93, 285–294*).

Рис. 3. Перстень со стеклянной вставкой-геммой из раскопок Пантелеймонова монастыря
 1 – прорисовка; 2 – прорисовка оттиска геммы

Вместе с тем следует указать на целый ряд гемм из синего стекла с изображениями двух или трех фигур, называемых в западноевропейской литературе *Alsengemmen* – по месту первой находки на датском острове Альзен. Находки всех трех гемм в древнерусских городах и в Западной Европе, где они, по всей видимости, и производились из среднерейнских заготовок в VIII–X вв. фризскими мастерами, рассмотрела Ф. Д. Гуревич (*Гуревич, 1987*). От нашей находки их отличает не только сюжет: на приведенных Ф. Д. Гуревич экземплярах изображения не вырезаны, а процарапаны иглой, отчего они выглядят грубее и как будто даже неряшливее того изображения, которое находим на гемме из Пантелеймонова монастыря. Нельзя согласиться и с датой – концом I тыс. Автор публикации геммы из Новогрудка, анализируя известные аналогии, подмечает, что многие из них найдены вне археологического контекста. Когда же удастся в той или иной степени связать их с культурным слоем, оказывается, что перстни с геммами происходят из более поздних слоев, датируемых вплоть до XIV столетия. Из слоев XII–XIV вв. происходит смоленская находка, опубликованная В. П. Даркевичем. Оба исследователя допускают, что время изготовления гемм и их попадание в слой древнерусских городов могут разделять два-три столетия. Не ставя под сомнение происхождение и датировку перстней с геммами типа *Alsengemmen*, найденных ранее на территории Руси, на основании приведенных аргументов, можно утверждать, что исследуемый перстень с геммой из Новгорода Великого не принадлежит к их

кругу, а также отклонить версию о западноевропейском происхождении публикуемой геммы⁴.

В заключение мы хотели бы подвести некоторые итоги. Перстень из Пантелеймонова монастыря был связан с каким-то разрушенным позднее погребением на монастырском кладбище, к востоку от собора. Сам металлический, как выясняется, – латунный перстень, по нашему мнению, мог быть изготовлен в XIV в. в одной из мастерских Новгорода Великого. А гемма, послужившая вставкой для этого перстня, относится к несколько более раннему времени, к XI–XII вв., и была изготовлена в одной из мастерских Византии. На Русь, в Новгород, она попала или с византийскими товарами, или как паломническая вещь. После того, как она была вделана в металлический перстень, предназначенный для мужчины (диаметр его достаточно велик), получилась новая, синтетическая и статусная вещь, перстень-печатка, принадлежавшая кому-то из знатных новгородцев, скорее всего, – какому-то новгородскому боярину.

ЛИТЕРАТУРА

- Албегова З. Х., Верецинский-Бабайлов Л. И.*, 2010. Раннесредневековый могильник Мамисондон: результаты археологических исследований 2007–2008 гг. в зоне строительства водохранилища Зарамагских ГЭС. М.: ИА РАН: ТАУС. 492 с. (Матер. охранных археологических исследований; т. 11).
- Гуревич Ф. Д.*, 1987. Об одной группе стеклянных гемм из древнерусских городов // Памятники культуры. Новые открытия: ежегодник. 1985. М.: Наука. С. 515–521.
- Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г.*, 2011. Ювелирное дело «Земли вятичей» второй половины XI–XIII в. М.: Индрик. 404 с.
- Сапрыкина И. А., Пельгунова Л. А.*, 2013. Перспективы исследования археологических предметов с помощью РФА-спектromетрии (на примере M4 Tornado, Bruker, Германия) // Фотография. Изображение. Документ: научный сборник / Отв. ред. Д. О. Цыпкин. СПб.: РОСФОТО. Вып. 4 (4). С. 80–87.
- Седов Вл. В., Вдовиченко М. В.*, 2014. Архитектурно-археологические исследования Пантелеймонова и Юрьева монастырей в Великом Новгороде в 2013 году // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 28. Великий Новгород. С. 94–115.
- Седова М. В.*, 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. С. 139–142.
- Щапова Ю. Л.*, 1993. Стеклянные изделия с городища Нижний Архыз (результаты анализа и комментарий) // Кузнецов В. А. Нижний Архыз в X–XII веках: К истории средневековых городов Северного Кавказа. Приложение 1. Ставрополь: Кавказская б-ка. С. 263–278.
- Everyday life in Byzantium: exhibition, Thessaloniki, White Tower, October 2001 – January 2002 / Ed. by D. Papanikola-Bakirtzi. Athens: Hellenic Ministry of Culture, 2002. 599 p.
- Henderson J., Mundell Mango M.*, 1995. Chapter 24. Glass at Medieval Constantinople Preliminary Scientific Evidence // Constantinople and its Hinterland / Ed. by C. Mango, G. Dagon. Hampshire: Variorum. P. 333–356.
- Schibille N.*, 2011. Late Byzantine Mineral Soda High Alumina Glasses from Asia Minor: A New Primary Glass Production Group // PLoS ONE. Vol. 6. Iss. 4 (April 19). P. 1–13.

⁴ К сожалению, находки, опубликованные Ф. Д. Гуревич, не подвергались подробному химико-технологическому исследованию, поэтому проводимое сравнение оказывается неполным.

Сведения об авторах.

Седов Владимир Валентинович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: sedov1960@mail.ru;

Кузина Инна Николаевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: kuzina.i@gmail.com;

Сапрыкина Ирина Анатольевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: dolmen2000@mail.com;

Пельгунова Любовь Андреевна, Институт проблем эволюции и экологии им. А. Н. Северцова РАН, Ленинский пр-т, 33, Москва, 119071, Россия; e-mail: lubo4ka007@bk.ru.

VI. V. Sedov, I. N. Kuzina, I. A. Saprykina, L. A. Pelgunova

A SIGNET RING WITH A GLASS INSET
FROM THE NOVGOROD SAINT PANTELEIMON MONASTERY

Abstract. In 2013 in the course of excavations performed in the compound of the Saint Panteleimon Monastery in Veliky Novgorod a brass ring with a glass inset/engraved gem was found in the layer dated to the 14th–15th centuries, which is associated with a disturbed grave of the monastery cemetery. It is noted for its large smooth bezel setting without any metal prongs known as claws and the hoop, which widens at the bezel. The ring is cast from “red brass” (tomback) of first melting. The ornament is engraved. The inset glass is navy blue of the (Na, K)-Ca-Si type with an increased content of Al and Ba. The analysis of the metal and the glass was performed by employing the XRF method. The inset features a carved figure of the Hero slaying the serpent with a lance (or a sword) and a large figure of a winged creature. There is a small bird with outspread wings at the top (a scroll?). No comparable motif has been found, this image is singular. The signet ring was probably made in the 14th century in one of the Novgorod shops. The glass inset, most likely, comes from a Byzantine shop of the 11th–12th centuries. It was brought to Medieval Rus, to Novgorod either with Byzantine merchandise or as an object of pilgrimage. The signet ring, undoubtedly, indicated high ranking.

Keywords: Veliky Novgorod, Saint Panteleimon Monastery, brass signet ring, glass inset, engraved gem, Russian jewelry, Byzantium.

About the authors.

Sedov Vladimir V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: sedov1960@mail.ru;

Kuzina Inna N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: kuzina.i@gmail.com;

Saprykina Irina A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: dolmen2000@mail.com;

Pelgunova Lyubov' A., A.N. Severtsov Institute of Ecology and Evolution Russian Academy of Sciences, Leninsky prosp., 33, Moscow, 119071, Russian Federation; e-mail: lubo4ka007@bk.ru.

Ю. Ю. Моргунов

СЛОЖЕНИЕ ПОСУЛЬСКОГО РУБЕЖА ПЕРЕЯСЛАВСКОЙ ЗЕМЛИ

Резюме. В конце X в. на степном берегу Нижней Сулы было создано бревенчатое протяженное укрепление и цепь открытых поселений, пригодных для дозора и передачи в метрополию сведений о набегах. В первой половине XI в. стена пришла в упадок, а половецкий натиск второй половины века привел к сложению оборонительной линии из восьми крепостей. Всплеск оборонительного строительства конца XI – начала XII в. завершил сложение нижнесульского участка. Прибрежные леса позволяли меньше заботиться о защите Средней Сулы, а полувековые владельческие перемены земель по верхнему течению реки прекратили там переяславское оборонительное строительство. К 1125 г. на Суле существовало уже 65 % от известных укреплений. Былая «линия» обращалась в эшелонированную границу. Существенно и приграничное расселение «перейславских торков» с их легкими кавалерийскими контингентами: их тактика и вооружение были сопоставимы с половецкими.

Благодаря Владимиру Мономаху появились «круглые» крепости, закрепившие приоритет искусственных преград, не связанных с рельефом местности: это позволяло защищать равнины. Размеры таких крепостей составляют компактные группы с четкими промежутками. Это элемент стандартизации строительства по намеченному плану, с заданными оборонительными требованиями и социальной нагрузкой.

Ключевые слова: Посульская оборонительная линия, летописный город, крепость, городище, «змиев вал», печенеги, половцы, локализация, отождествление, «Поучение» Мономаха.

Посульское порубежье неплохо изучено, но в литературе до сих пор много неточных сведений о начале его укрепления и степени защищенности. П. В. Голубовский связал создание «Посульской боевой линии» с именем Владимира Святославича: в Повести временных лет (далее – ПВЛ) под 988 г. приведен включавший Сулу список рек, на которых князь строил города для «одоления» печенегов (ПСРЛ. Т. I. С. 121; *Голубовский*, 1884. С. 125). Археологически эти «города» отличались сырцовыми облицовками срубных стен, откуда известно, что на каждом водотоке было построено всего по одной крепости. Для защиты от набегов этого было недостаточно. Тем не менее первое мнение прижилось в литературе.

Эпохе Владимира синхронен вынесенный на 110 км от Трубежа к устью Сулы летописный город (далее – лет.) Воинь, но, похоже, он возник ранее. Между ними простиралось незаселенное степное пространство. Печенежский натиск заставил Владимира расширять и ограждать новые рубежи древо-земляным подбием известных за пределами Руси каменных «длинных стен» (их руины именуют «змиевыми валами»). Сплошное огораживание рубежей было свойственно ранним стадиям сложения государственной территории многих стран Европы

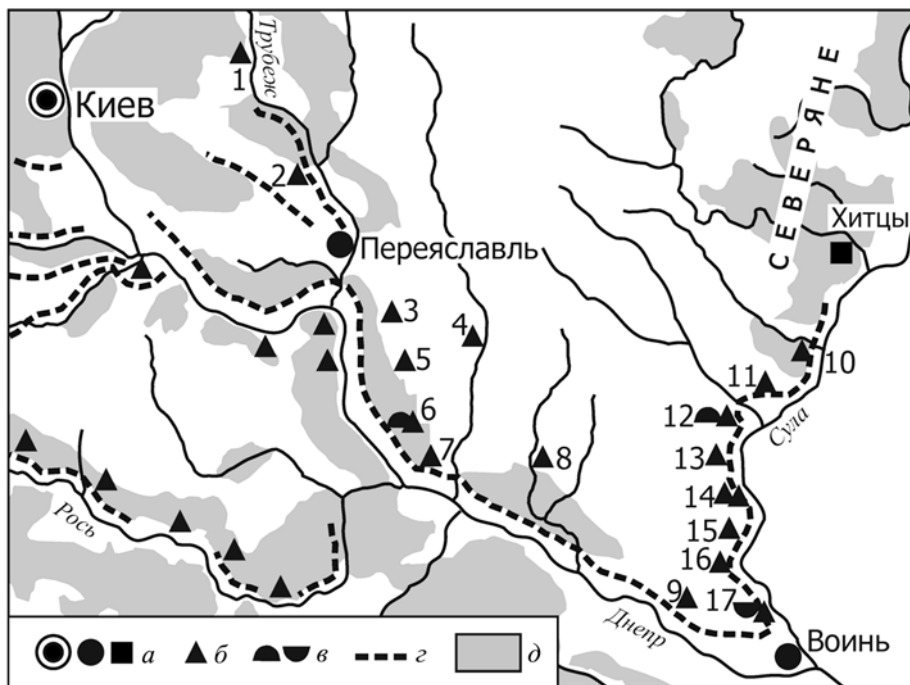
и Азии, когда была плохо известна топография своих новых пределов, неглубоким было и знакомство с тактикой и путями движения степняков. Так, на Суле ограждали даже головокружительные кручи, а приднепровский «вал» порой следовал по болотам.

На степном правом берегу Нижней Сулы протяженное укрепление заградил приднепровскую полосу печенежских путей. Это были порой многоярусные эскарповидные подрезки берегового склона со стенами из череды полых бревенчатых срубов. Отсутствие там оседлого населения раскрывает смысл демографической политики Владимира Святославича, перемещавшего на юг «мужей лучших», – выходцев из других областей Руси. Защитные стены затронули южную окраину северянских земель. Реакцией на ее «окняжение» стало появление близ северного конца «змиева вала» недолго просуществовавшей роменской крепости Хитцы.

Как и другие пассивные преграды, протяженные укрепления нуждались в людских ресурсах. Разрезы городищенских валов и массовые инструментально зафиксированные сборы подъемного материала показали, что напротив твердых бродов и удобных подъемов от реки на правобережные кручи к протяженным укреплениям примыкали открытые поселения площадью 5–6 га (рис. 1). На них нередки вещи, характерные для населения Севера и Центра Руси, распространена северянская керамика. Расположение поселений позволяло следить за степными низинами, допускало огневую (дымовую) связь с соседями. Вероятно, к эпохе Владимира Святославича термин «Посульская боевая линия» вряд ли применим. В ПВЛ под 992 г. есть сообщение о том, что в Киеве Владимир Святославич узнал о приходе печенегов «по оной сторонѣ от Сулы». Похоже, весть дошла до князя прежде степняков: он успел встретить их на Трубеже (ПСРЛ. Т. I. С. 122). На возможность срочной передачи вестей указывает существование приднепровской цепочки поселений, где гонцы могли менять лошадей. Об окончании строительства протяженных укреплений известно из письма архиепископа Бруно Кверфуртского (1008 г.). Он писал о проходах Владимира «до крайних пределов своей державы, которые из-за вражды с кочевниками со всех сторон обнес крепчайшей и длиннейшей оградой» (Назаренко, 2003. С. 314, 315).

В первой половине XI в. Ярославу Мудрому было не до Левобережья: печенеги оттуда лишь однажды приходили на Лыто, целью князя был захват отцовского наследства, а затем – восстановление разоренных войнами Киева и Поросся. Размеры открытых поселений сокращались; ближе к реке возникали более удобные для жизни скромные поселки. Протяженные стены рушились, обращались в земляные валы, которые среди событий конца XI в. упоминались в источниках как топографические ориентиры.

Во второй половине XI в. нарастание половецкой опасности вызвало появление в источниках сведений о резком увеличении количества южнорусских городов. В частности, была построена значительная часть крепостей Поросской и Днепровской оборонительных линий (Довженко, 1968). На переяславском Посулье во второй половине – конце XI в. реконструировали укрепления Воиня: в его ров сбросили обломки сырцового кирпича. Найденная там булла киевского князя Изяслава Ярославича (1054–1067 гг.), возможно, связана с передачей

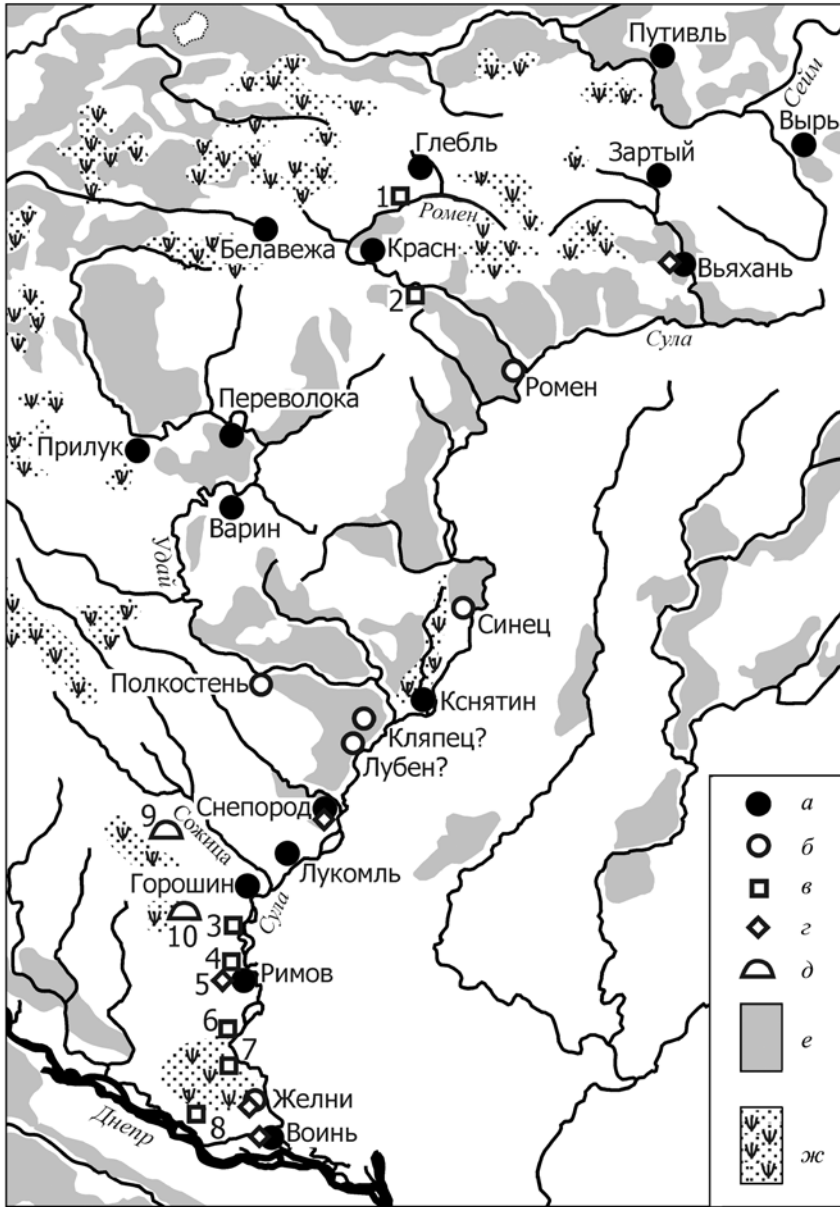
Рис. 1. «Змиевы валы» и обширные открытые поселения эпохи Владимира Святославича
a – летописные города и городища; *б* – обширные открытые поселения; *в* – курганные и грунтовые могильники; *г* – «змиевы валы»; *д* – древние лесные массивы

1 – Русанов; 2 – Пристромы; 3 – Цибли; 4 – Каленики; 5 – Городище; 6 – Лепляво; 7 – Бубновская Слободка; 8 – Золотоноша; 9 – Веремеевка; 10 – Мацковцы; 11 – Лукомье; 12 – Тарасовка; 13 – Чутовка; 14 – Великая Буримка; 15 – Ляшовка; 16 – Клещинцы; 17 – Жовнино

Киевом степной части пограничья под юрисдикцию Переяславля. Загадочным остается жовнинский поселенческий комплекс, откуда происходит исключительное количество разнообразных находок. Теоретически эту узловую точку путей на Русь следовало бы укрепить в первую очередь, но летописных сведений об этом нет.

Исключительные оборонительные качества размещения ранних обширных поселений при былом протяженном укреплении сказались в том, что почти через столетие на тех же ключевых точках Нижнего Посулья стали возводить укрепления крепостного типа.

Прижатый к широколиственному лесам лет. город Снепород (70–80-е гг. XI в.) с севера замыкал полосу половецких путей на Русь. К его городищу округло-грушевидных очертаний (0,8 га) примыкает два селища (28 га) и курганный могильник площадью 21 га. Первоначальные стены состояли из цепочки срубно-засыпных городней, а реконструкцией конца XI – начала XII в. были возведены двухсрубные стены типа «городня + полая клеть» (рис. 2). Севернее устья р. Оржицы размещался лет. Лукомль с детинцем площадью 2,2 га и укрепленным

Рис. 2. Археологические памятники Посулья конца XI – начала XII в. (до 1125 г.)

Условные обозначения: *a* – летописные города второй половины – конца XI в.; *b*, *v* – летописные города и городища рубежа XI–XII вв.; *g* – поселения, где присутствовали выходы из степей; *d* – впускные позднекочевнические погребения; *e* – массивы древних лесов; *ж* – слабозасоленные почвы с галофильной растительностью

1 – Великий Самбор; 2 – Липовое; 3 – Чутовка; 4 – Великая Буримка (Мисто); 5 – Великая Буримка (Городок); 6 – Лящовка; 7 – Клещинцы; 8 – Веремеевка; 9 – Круподеренцы; 10 – Старый Иржавец

посадам, за которым 300 десятин занимал курганный могильник. Возможно, его имя было перенесено обитателями полоцкого Лукамля после похода Владимира Мономаха против Всеслава зимой 1078 г. Эти крепости контролировали замкнутый болотистыми реками 20-километровый участок порубежья с двумя бродами (ПСРЛ. Т. I. С. 248; *Коринный*, 1992. С. 64; *Моргунов*, 2012). К югу устье р. Оржицы (летописная Сожица) охранял размещавшийся на берегу Сулы лет. Горошин (с. Тарасовка), впервые упомянутый в «Поучении» Владимира Мономаха (далее – «Поучение») среди событий лета 1084 г. Его детинец округлых очертаний площадью не менее 0,8 га сопровождался укрепленным посадом (2 га), а селище растянулось вдоль плато на 200 м к северу и югу. Вероятно, вдоль течения Сожицы – Оржицы пролегал один из степных путей на Русь. В 1078 г. князь-изгой Олег Святославич и Борис Вячеславич с половцами на Сожице разгромили черниговского князя Всеволода Ярославича (ПСРЛ. Т. I. С. 200, 248; *Моргунов*, 2014. С. 139–143).

К ранним крепостям можно относился и лет. Римов, впервые упомянутый в «Поучении» среди событий конца 1094 г. как уже существовавший город. Для его локализации значимо описание похода хана Кончака на Переяславль и осады Римова в 1185 г. (ПСРЛ. Т. I. С. 249; Т. II. С. 646–648, 651). Полемические споры о его местоположении продолжаются более 200 лет (*Моргунов*, 1989; *Звагельский*, 2014). Наиболее приемлемым представляется его отождествление с городищем Городок на окраине с. Великая Буримка. Этот памятник близок Римову по ойконимическому показателю, напротив, за бродом, существовал хут. Супромы («супротив Римова»). летописной версии соответствует и направление кратчайшего пути воинства Кончака: р. Тор (приток Северского Донца) – Переяславль – Римов брод – среднее течение Северского Донца.

Решающим аргументом в пользу В. Буримки является наличие соответствующего летописным сведениям городища, чего лишены другие локализации. Рассеченное двумя сквозными проездами останцовое укрепление круглых очертаний (0,8 га) закрывало доступ к броду; оставшуюся поверхность останца занимал укрепленный окольный город (10 га), известны и следы селища. Городище содержит следы мощного пожарища конца XII в.; разрез вала показал, что не обновлявшиеся почти век односрубные стены действительно могли не выдержать тяжести защитников. Есть и след разрушения двух летописных «городниц» – пролетов стен: это резко выделяющийся на фоне 2,5-метровых валов снивелированный 40-метровый участок, обращенный к тылу, откуда шел Кончак. Существенно и летописное упоминание «римского болота», простиравшегося от Городка до уже существовавшего к 1185 г. и не горевшего укрепления Миста: там укрылись ушедшие по болоту римовичи (*Моргунов*, 1989. С. 206–212).

Как мы видим, археологические исследования не подтверждают мнения о запустении Нижнего Посулья в конце XI в. (*Коринный*, 1992. С. 123).

Расположенный на Средней Суле лет. Кснятин был впервые упомянут в «Поучении» среди событий лета 1107 г.: он размещался напротив брода на коротком отрезке пониженного коренного берега. Крепость с двухсрубными стенами была возведена во второй половине XI в. на месте позднесеверянского поселения. Его городище округлых очертаний в с. Снитин (2,24 га) было прорезано сквозными проездами к броду, сопровождалось остатками укрепленного посада

(более 20 га) и двумя курганными могильниками (*Моргунов*, 1991). От брода открывался путь на среднее течение Удая.

На правом берегу этой реки размещался лет. Прилук (1085, 1092 и 1139 гг.). Городище полукруглых очертаний (1,8 га) располагалось на краю высокого плато и сопровождалось обширными поселениями. Среди событий лета 1086 г. в «Почучении» упомянут и Варин. Его традиционно отождествляют с малоизученным памятником в пгт. Варва, где известны остатки укреплений XVII–XVIII вв. В ПВЛ под 1092 г. содержится известие о сожжении половцами Переволоки. Близость к сожженному в том же году Прилуку склоняет к отождествлению города с селом Переволочная на правом берегу Удая, где, по Н. Н. Коринному, существовало древнерусское городище (*Моргунов*, 1996. С. 79, 81, 82). Из других вариантов к наименее реальной локализации относится нижневорсклинская Переволока, где по засоленным землям проходил приднепровский путь степняков на Русь.

Земли верховий Сулы, охватывавших и ее правые притоки Ромен с Терном, также были частично покрыты лесами, но имели разную владельческую принадлежность. По р. Ромену проходила восточная граница черниговского Задесенья, а поречьем Терна владел Переяславль.

Летописный г. Вяхань впервые упоминался в Ипатьевской летописи (далее – ИЛ) под 1147 г. и отождествляется с городищем в с. Городище на р. Терн. Оно размещено на заселенном надпойменном останце (55 га), омываемом рекой и ее рукавом. Площадка овальных очертаний (1,8 га) окружена высоким валом и рвом, прорезанными северо-восточным въездом. Крепостные стены состояли из линии срубно-засыпных городней. Первоначальное поселение там возникло при Владимире Святославиче, а укрепления были возведены во второй половине – конце XI в. Оттуда происходит вислая свинцовая печать Владимира Мономаха периода его переяславского княжения – 1094–1113 гг. (*Моргунов*, 1982).

В литературе есть ряд локализаций лет. Зартыя (Зарытого), более информативно упомянутого в ИЛ под 1160 г. в связи с походом туровского князя Георгия Ярославича на Путивль. Судя по контексту, князь следовал через Зартый, неудача с осадой Выря вынудила его «возвращаться», т. е. Вырь располагался к востоку или северо-востоку от Зартыя. Этому не противоречит сюжет статьи 1160 г. Воскресенской летописи. Тем не менее город порой локализуют между Вырем и Путивлем, отождествляют с ними крохотное (0,4 га) городище Курган у с. Волынцево и даже расположенное далеко к востоку городище Комаровка на Верхнем Сейме.

Зартыю более соответствует городище у с. Николаевка на р. Курице (левый приток р. Терн), в 28 км к западу от Выря. Это несколько попорченный селитроварением памятник округлых очертаний (1,7 га) с кольцевидным валом высотой более 3 м и рвом, прорезанными двумя сквозными проездами вдоль оси Чернигов – Вырь. Площадь селищ составляет более 10 га. Укрепления возведены во второй половине XI в. поверх общерусских напластований конца X – середины XI в. В росписях путивльских сторож и актах XVI–XVII вв. памятник известен как «Юрьево городище на усть Курицы», вероятно, сохранившее имя князя Георгия (Юрия) Ярославича (ПСРЛ. Т. II. С. 505; Т. VII. С. 71; *Сухобоков*, 1988. С. 31; *Коринный*, 1992. С. 239; *Приймак*, 1990. С. 104–197; *Моргунов*, 1996. С. 28–30).

Итак, датировки строительства городов по первому летописному упоминанию неточны. Это относится и ко многим поверхностно обследованным городищам. Поэтому следующую фазу совершенствования посульского рубежа рассмотрим шире, в пределах конца XI – первой четверти XII в.

В этот период на верхнесульской Вырской волости изменений не произошло, что могло быть вызвано ее неустойчивой владельческой принадлежностью. После Любечского и Уветичского съездов (но не позже 1113 г.) и вплоть до конца 50-х гг. XII в. эти земли отходили то к Чернигову, то возвращались к Переяславлю (*Зайцев*, 1975. С. 93–97). Только на западных пределах черниговского Задесенья возникли укрепления округлых очертаний у сел Великий Самбор и Липовое.

Среднесульский участок переяславского рубежа на севере замыкал существовавший к 1113 г. и контролировавший речной пережат лет. Ромен. Его мысовое городище (1 га), размещенное в уроч. Подгородок в современном г. Ромны, по периметру было окружено валами и содержало воронку колодца. Крепость была возведена в самом конце XI в. поверх поздне северянских напластований. К северу от Кснятина в проходе между лесами возник лет. Синец (Синечь) «Списка русских городов» (далее – «Список»), отождествленный с мысовым городищем в с. Сенча (уроч. Замок). В Никоновской летописи (под 1123 г.) это митрополичий город Синелец. Его селище растянулось по краю плато к северу на 1 км, к югу – на 2 км. У городища была обнаружена вислая печать переяславского посадника и киевского тысяцкого Ратибора (Список... С. 475; ПСРЛ. Т. IX. С. 152; *Моргунов*, 1996. С. 53, 54; 69–71).

Лет. Кляпец (Кляпечь) «Списка» локализируют у с. Клепачи в верховьях безымянного ручья. Его городище любительски обследовалось только в конце XIX в. Среди дореволюционных сборов известны и артефакты «городского» характера. Найденная там актовая печать «от Ратибора» указывает на связи Переяслава с дальним рубежом. На правом берегу Удая, на единственном броде низовой реки, размещался лет. Полкостень (совр. с. Повстень), упомянутый под 1125 г. Городище полукруглых очертаний (1 га) располагается на краю надпойменной террасы и сильно попорчено добычей селитры. Шурфовка показала, что крепость возникла в начале XII в. поверх поселения начала XI в. Площадь селища достигает 12 га, есть и следы курганного могильника (ПСРЛ. Т. I. С. 295; Т. II. С. 289; Список... С. 475; *Моргунов*, 1996. С. 85–87, 93, 94).

До сих пор неясно местоположение лет. Лубена, упомянутого в источниках среди событий августа 1107 г., где указано, что он размещался близ сульского брода. Его отождествляют с уроч. Верхний Вал в современном г. Лубны, откуда происходят находки поздне северянского и древнерусского времени и сохранились следы мощных поздне средневековых укреплений. Отсюда появилась гипотеза о возникновении города при Владимире Святославиче, но раскопки О. В. Сухобокова этого не подтвердили. Локализации противоречит и отсутствие там летописного брода: ближайший, к которому выходила надпойменная дорога в XIX в., известен севернее, у Мгарского Спасо-Преображенского монастыря. Там есть выходы древнерусского культурного слоя, отдельные находки и раскапывались курганы. Это обосновало гипотезу о локализации летописного города в 6 км от современного.

С этим не согласился А. Б. Супруненко: по его мнению, мгарские напластования слишком бедны для летописного города. Он заострил внимание на упоминании В. Г. Ляскоронского о мысовидной Замковой Горе: это был отделенный перешейком и окруженный валом холм округлых очертаний размерами 150 × 280 м, близкий к площадям древнерусских городов, но недоступный для археологического изучения. Кроме того, у подножья Замковой Горы исследователь обнаружил следы древней дороги и брода. Но нам неизвестна разница в древней и современной обводненности Сулы: в последние десятилетия она настолько обмелела, что время эксплуатации этого брода неясно (ПСРЛ. Т. I. С. 250, 281, 282; *Ляскоронский*, 1901. С. 441, 442; *Моргунов*, 1996. С. 94–98; *Супруненко*, 2000. С. 214, 215; 2012. С. 164).

На нижнесульском участке между Горошином и Римовым размещено безымянное городище у с. Чутовка (0,2 га) подквадратных очертаний со скругленными углами и воронкой колодца. Двухсрубные крепостные стены были возведены на рубеже XI–XII вв. поверх напластований раннего открытого поселения. Инструментальная фиксация подъемного материала позволила уточнить хронологию территориального развития открытого поселения вплоть до возникновения укреплений окольного города (16 га). Крепость сопровождал грунтовой (?) могильник (*Моргунов*, 2009. С. 217, 218).

На рубеже XI–XII вв. рядом с городищем лет. Римова была возведена крепостица полукруглых очертаний (0,16 га), защищенная двухсрубной стеной. Напольный въезд располагался с востока, есть следы и меньшего, южного (потерны?). Пологий мысовой склон закреплен эскарпом с краевым валом. К северу от городища Римова, за заливом заболоченной поймы, на высоком мысу размещено городище в уроч. Мисто. Его площадка округлых очертаний (0,7 га) была защищена рвом и двухрядной стеной из срубно-засыпных городней, возведенной в начале XII в. поверх напластований рубежа X–XI вв. Укрепления прорезаны двумя сквозными проездами. К северу раскинулось обширное селище XII – середины XIII в., существовал и курганный могильник (*Моргунов*, 1989. С. 206–214).

В с. Лящовка известно городище округлых очертаний размерами 60 × 45 м, попорченное производством селитры. Культурный слой содержит керамику начала XII – середины XIII в. Памятник сопровождало открытое поселение размерами 700 × 220 м. Южнее его на рубеже XI–XII вв. возникло укрепление в с. Клещинцы. Его площадка округлых очертаний (0,16 га) была защищена кольцевидной двухсрубной стеной и содержала воронку колодца. С напольной стороны укрепления прорезаны раздвоенным проездом. Обширное селище раскинулось к западу и северу от городища. Его первый исследователь М. П. Кучера считал, что крепость строили в конце X в., но тогда характер защитных мероприятий Владимира Святославича был известен неполно (*Кучера*, 1964; *Моргунов*, 1996. С. 114–120).

Согласно летописным сведениям, в январе-марте 1116 г. переяславский князь Ярополк Владимирович «сруби городъ Желни» для переселенных туда жителей разоренного полоцкого г. Друцка. Город отождествляют с хорошо изученными памятниками села Жовнино, расположенными в 10–12 км к северу от Воиня. Городище размещалось на останце близ стыка днепровской и сульской долин:

после затопления Кременчугским водохранилищем он стал островом с напластованиями XVII–XX вв. и поздними погребениями. Из его нижних горизонтов прибойные волны вымывают и множество домонгольских изделий, указывающих на непрерывное существование поселения с рубежа X–XI вв. Особый всплеск жизни датируется концом XI – началом XII в. Близ городища исследованы два могильника; на их материалах А. П. Моця показал, что к 1116 г. там уже существовал крупный поселенческий центр. Не исключено, что первая переселенческая волна связана с походом Владимира Мономаха против Всеслава зимой 1078 г., когда он «пожег землю и пововав до Лукамля и до Логожска, та на Дрютьск воюя». Отсюда можно предположить, что Желни мог возникнуть на кочевническом пути в начале половецкого натиска, а в 1116 г. Ярополк пополнил город выходами из того же Друцка и обновлял его укрепления (ПСРЛ. Т. I. С. 248, 290, 291; Т. II. С. 183; *Моця*, 1983. С. 82–84; *Моргунов*, 1996. С. 122–125).

К посульскому рубежу примыкало располагавшееся на надпойменном всхолмлении левого берега Днепра и исследованное М. П. Кучерой городище у с. Веремеевка. Площадка округлых очертаний (0,3 га) была защищена двухрубной стеной и рвом глубиной 4 м. Городище сопровождалось селищем (25 га) и грунтовым могильником. По мнению исследователя, укрепления были построены в конце X в. и перестраивались на рубеже XI–XII вв. Между тем следов сырцово-кладки там нет, под валом прослежены напластования открытого поселения рубежа X–XI вв., когда на Левобережье не строили «круглых» крепостей. Более того, в клетях первого строительного периода встречались и более поздняя керамика. Сохранив безупречную относительную хронологию М. П. Кучеры, более реальным представляется датировать создание крепости рубежом XI–XII вв. Это объяснит авторское наблюдение о преобладании на огромном селище керамики рубежа X–XI вв., а на небольшом городище – материалов XII–XIII вв. (*Кучера*, 1962. *Моргунов*, 1996. С. 128–131).

Таковы наблюдения о фортификации посульского рубежа, но в литературе лучше освещена защитная роль инициированных Мономахом степных походов. Третьим оборонительным фактором стало приграничное расселение торков, которое продвигалось более или менее синхронно со строительством крепостей. «Переяславские торки» упомянуты в ПВЛ под 1080 г., а в 1096 г. они помогли Мономаху уничтожить посольство ханов Итляря и Китана. Тогда Посулье отделялось от метрополии необжитым пространством маловодного и слабозасоленного поречья Супоя. В 1078 г. после битвы на р. Сожице черниговские князья-изгои беспрепятственно провели половцев через этот лишь номинально переяславский район в Чернигов. Владимир Мономах вспоминал, что около 1085 г. по дороге из Переяславля за Супой внезапно встретил 8-тысячный половецкий отряд. В 1086 г. степняки через эти земли приходили к Белой Веже, в 1087 г. – к Варину (ПСРЛ. Т. I. С. 248, 249).

Постепенно эта поселенческая лакуна заселялась выходившими из степей «своими погаными» (т.е. некрещеными), что способствовало прекращению непредсказуемых вторжений и налаживанию прочной связи между поречьем Сулы и Переяславлем. Не менее существенной была потребность Руси в легких кавалерийских контингентах, которые тактикой боя и качеством вооружения были сопоставимы с половецкими. Это был обоюдovýгодный симбиоз:

за службу торки обретали безопасность для семей и имущества в их «городах»: упоминание под 1125 г. посупойских Баруча и Бронь Княжа фиксирует существование их стабильной территории с крепостями-убежищами. Городища этого типа отличает наличие эскарпов и руин многоярусных линий напольных и концентрических укреплений: для русского градостроительства этого времени они не характерны. Они отражали давние фортификационные традиции, присущие той части кочевого мира, которая по пути в Европу оседала на землю и начинала ограждать свои поселения (*Моргунов, 2006*).

На Верхней Суле элементом подобных укреплений наделено городище лет. Вьяхана: крепостные стены и болотистое окружение останца позволяют отнести памятник к двухъярусно-концентрическим укреплениям с резервом площади между детинцем и берегами острова. Название крепости имеет тюркское происхождение, поэтому в источниках множественны варианты неясного для земледельцев именованья: Вьяхань, Вьехань, Бьяхань, Бьехань и т. д. (*Моргунов, 1982*). К несколько более позднему времени относится торческий среднесульский массив между летописными городами Синец, Кснятин и Лохвица (*Моргунов, 1988. С. 202, 203*). На Нижней Суле эскарпом с валом наделено размещенное рядом с Римовым городище Городок: это могла быть укрепленная усадьба торческого князька. В летописном Снепороде есть технически не оправданная подрезка крутого берегового склона мощным эскарпом с широкой площадкой, не характерная для северян или змиевых валов. При реконструкциях укреплений рубежа XI–XII вв. и середины XII в. там во внутренних полых клетях делали столбовые стены. Встречены и одноэтажные жилые постройки с очагами. На памятнике обнаружено и множество металлических изделий и керамики степных типов. Все кочевнические артефакты отложились только на посаде: начиная с конца XI в. они довольно равномерно распределялись по всей хронологической шкале существования памятника (*Моргунов, 2012. С. 135–140, 166–169*).

Из с. Клепачи (лет. Кляпец?) происходит материал позднекочевнического захоронения с конем и всадником, а также серебряная проволочная сережка с напускной усеченной биконической бусиной и стремя с широкой овальной подножкой (*Супруненко, 2000. С. 211–214*). В г. Лубны находили свойственные кочевникам лазуритовые привески и бусы. Там же в уроч. Лысая Гора исследованы два позднекочевнических погребения с конями (*Ляскоронский, 1903. С. 102; Супруненко, 2000. С. 219–227*).

Среди подъемного материала городища летописного г. Желни найдена костяная пластинка с чешуйчатым узором, характерным для носителей аскизской культуры Южной Сибири. Из раскопок Воиня происходит множество обломков котлов из листовой меди, а среди остеологического материала – необычно высокий процент костей овец (*Довженок и др., 1966. С. 86, 100. Табл. XII, 3*). Найденный там фрагмент салтовского красноглиняного кувшина напоминает о выводе из Шаруканя дочери яского князя со свитой. В тыловой части нижнесульской крепостной цепочки встречены впускные кочевнические погребения XI–XII вв. у сел. Круподеренцы и Старый Иржавец (*Моця, 1990. С. 19, 20*).

Как мы убедились, размещение крепостных сооружений на посульском рубеже было крайне неравномерным, что соответствовало распространению древних лесов.

Протяженность степного нижнесульского участка с учетом береговых изгибов насчитывает 90–100 км. Во второй половине XI в. на каждую из пяти известных крепостей в среднем приходилось около 20 км высокого плато, а с учетом бродов и взаимной сигнализации эта цепочка могла контролировать степные передвижения на сорок километров вглубь засульской низины. За исключением Желни (?), позже летописные города там не создавали.

Ландшафты среднесульского участка отличала широкая полоса прибрежных лесов, где лет. Княгиня закрывал часть степного просвета с бродом, открывавшим путь к городам по р. Удай. На верхнем течении реки во второй половине XI в. половецкие вторжения источниками не зафиксированы. Не исключено, что создание Выря, Вяханя и Зартыя было связано с защитой путей к Курску и далее на север к ростово-суздальскому анклаву Переяславской земли. Всего же во второй половине XI в. по берегам Сулы и Терна была построена цепочка как минимум из восьми крепостей, что соответствует представлению об оборонительной линии.

В конце XI – начале XII в. оборонительное содержание степного порубежья сильно изменилось.

На Нижней Суле и прилегавшем к ней течению Днепра уже существовали все 12 домонгольских крепостей. В среднем на каждую из размещенных вдоль береговой линии приходилось по 10–11 км степного рубежа. Существенно появление там небольших укреплений, которые считают пригодными лишь для дозора. Особенности тактики степняков, относительно редко применявших осады, позволяют в этом усомниться. По сведениям современника, Галла Анонима, перед внедрением в оседлые земли половцы дробились на мелкие отряды. Крымские татары в начале XVII в. также делили войско на группы по 300–350 сабель (*Галл Аноним*, 1961. С. 81; *Боплан*, 1990. С. 59, 62). Поэтому даже небольшие форпосты могли отбиваться от них, ожидая помощи от соседей.

На степень безопасности степного участка указывает то, что удары степняков по нему не фиксировались вплоть до 1168 и 1187 гг., когда князья воевали с половцами у летописного Снепорода, и только в 1179 г. кочевники сожгли летописный Лукомль. Тем не менее современники, видимо, считали этот участок хорошо защищенным, коль укрепления Римова не обновляли около века (ПСРЛ. Т. II. С. 538–540, 613, 653; *Моргунов*, 2012. С. 15). Начало XII в. – значимый этап в жизни Нижнего Посулья: размеры сопровождавших крепости селищ достигли площадей обширных открытых поселений эпохи Владимира Святославича и начали превышать их. Это свидетельство того, что на границе с кочевым миром установилась стабильность и относительная безопасность жизни населения. Кроме того, к 1111 г. Русь обладала укрепленными базами на реках Хороле и Голтве: набеги не остановили освоения земель, лежавших за Сулой.

Произошедшие в 1085, 1092 и 1107 гг. нападения степняков на Прилук, Княгинин и Лубен, а также возведение Синца показывают, что защищенность Нижнего Посулья привела к перемещению половецких путей на среднее течение реки. Несмотря на то, что усиление обороны среднесульского порубежья продолжалось и позже, в 1113 г. степняки появились у Выря, т. е. им пришлось освоить самый северный и наименее защищенный водораздельный путь, начинавшийся близ Гочева. Укрепление этих «ворот Руси» позже продолжили чернигово-северские князья.

К моменту смерти Владимира Мономаха на переяславском течении Сулы и ее притоков, между Роменом и Воином функционировало 23 крепостных сооружения, что составляет около 65 % от всех известных домонгольских укреплений. С ними связано дальнейшее развитие оборонительной системы: Клепачи, Полкостень, Городок у Римова, Веремеевка, а также кочевавшие в тыловой зоне выходцы из степей прикрывали коммуникационные линии, связывавшие приграничье с метрополией. Таким образом, бывшая оборонительная линия уже в это время начала обращаться в реальную глубоко эшелонированную границу.

Множество оборонительных явлений возникло благодаря защитной деятельности Владимира Мономаха. Археологически с ним связано начало возведения на Левобережье крепостей округлых и полукруглых в плане очертаний, закрепивших преобладание искусственных преград над естественными. Они были частично или вовсе не связаны с рельефом местности, что позволяло укреплять лишенные удобного рельефа равнины. Их экономичный при строительстве минимальный периметр при осаде позволял оптимально распределять защитников по стенам. С «круглыми» крепостями связывают применение двухсрубного стенового строя из взаимосвязанных внешних засыпных городней и внутренних полых жилых или хозяйственных клетей, на века закрепившихся в русской фортификации. По площадям такие городища укладываются в компактные группы с четкими промежутками. Это указывает на стандартизацию их размерных вариантов и строительство по заранее намеченному плану с заданными оборонительными требованиями и, вероятно, социальной нагрузкой (Моргунов, 1986; 2009. С. 22–24, 50).

ЛИТЕРАТУРА

- Боплан Гильом Левассер де, 1990. Опис України / Под. ред. В. А. Смолия. Київ: Наукова думка. 252 с.
- Галл Аноним, 1961. Хроника и деяния князей или правителей польских / Отв. ред. В. Д. Королук. М.: Изд-во АН СССР. 172 с.
- Голубовский П. В., 1884. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX–XIII вв. Киев: Унив. тип. И. И. Завадского. 254 с.
- Довженок В. И., 1968. Сторожевые города на юге Киевской Руси // Славяне и Русь / Под ред. Е. И. Крупнова. М.: Наука. С. 37–45.
- Довженок В. И., Гончаров В. К., Юра Р. О., 1966. Древньоруське місто Воїнь / Под ред. Д. И. Блительда. Київ: Наукова думка. 146 с.
- Зайцев А. К., 1975. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. / Под ред. А. Г. Бескровного. М.: Наука. С. 57–117.
- Звагельский В. Б., 2014. О локализации летописного Римова // Международный журнал экспериментального образования. Киев. Вып. 1. С. 61–65.
- Коринный Н. Н., 1992. Переяславская земля, X – первая половина XIII века / Отв. ред. Ф. П. Шевченко. Киев.: Наукова думка. 311 с.
- Кучера М. П., 1962. Древньоруське городище в хут. Миклашевському // Археологія. Вип. XIV. С. 89–108.
- Кучера М. П., 1964. Древньоруські городища біля хутора Кизивер // Археологія. Вип. XVI. С. 103–118.
- Ляскоронский В. Г., 1901. Городища, курганы и длинные (змиевые) валы в бассейне р. Сулы // Тр. XI АС в Киеве. Т. 1. М.: Тип. Г. Лиснера и А. Гешеля. С. 404–457.

- Ляскоронский В. Г.*, 1903. История Переяславльской земли с древнейших времен до половины XIII в. 2-е изд. Киев: Тип. И. И. Чоколова. 422 с.
- Моргунов Ю. Ю.*, 1982. Летописный город Вяхань // СА. № 2. С. 237–245.
- Моргунов Ю. Ю.*, 1986. Круглые городища Левобережья Днестра // СА. № 2. С. 110–121.
- Моргунов Ю. Ю.*, 1988. Древнерусские городища в окрестностях летописного города Лохвицы // СА. № 2. С. 194–205.
- Моргунов Ю. Ю.*, 1989. К изучению летописного города Римова // СА. № 1. С. 206–217.
- Моргунов Ю. Ю.*, 1991. Летописный город Княтин и его некрополь на Суле // КСИА. Вып. 205. С. 38–44.
- Моргунов Ю. Ю.*, 1996. Древнерусские памятники поречья Сулы. Курск: Курский гос. обл. музей археологии. 160 с. (Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья; вып. 2).
- Моргунов Ю. Ю.*, 2006. Городища кочевников приграничья Южной Руси // Археология Юго-Восточной Руси: Мат-лы IV науч. конф. / Под ред. Н. А. Макарова. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина. С. 159–172.
- Моргунов Ю. Ю.*, 2009. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII вв. / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: Наука. 302 с.
- Моргунов Ю. Ю.*, 2012. Летописный город Снепород и его округа X–XIII вв. / Отв. ред. А. В. Чернецов. СПб.: Изд-во филологического факультета СПбГУ. 252 с.
- Моргунов Ю. Ю.*, 2014. К локализации летописного города Горошина // КСИА. Вып. 236. С. 139–142.
- Моця А. П.*, 1983. Сведения об этническом составе летописного Желни по данным могильника // Древнерусское государство и славяне: материалы симпозиума / Под ред. Л. Д. Поболя. Минск: Наука и техника. С. 82–84.
- Моця А. П.*, 1990. Погребальные памятники южнорусских земель. Киев: Наукова Думка. 288 с.
- Назаренко А. В.*, 2003. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М.: Логос. С. 259–407.
- Приймак В. В.*, 1990. Давньоруське місто Вир і його округа // Питання археології Сумщини: матеріали науково-практичної конференції «Проблеми вивчення і охорони пам'яток археології Сумщини» / Отв. ред. В. С. Терентьев. Суми. С. 104–108.
- ПСРЛ. Т. I: Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку / Под ред. Е. Ф. Карского. М.: Языки славянской культуры, 2001. 489 с.
- ПСРЛ. Т. II: Ипатьевская летопись / Под ред. А. А. Шахматова. Изд. 2-е. М.: Языки славянской культуры, 2001. 938 с.
- ПСРЛ. Т. VII: Летопись по Воскресенскому списку. СПб.: Изд. Археографической комиссии, 1856. 345 с.
- ПСРЛ. Т. IX: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. СПб.: Изд. Археографической комиссии, 1862. 256 с.
- Список русских городов дальних и ближних // ПСРЛ. Т. III: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.: Языки славянской культуры, 2000. С. 475–477.
- Супруненко О. Б.*, 2000. Археологія в діяльності першого приватного музею України. Лубенський музей К. М. Скаржинської / Под ред. П. П. Толочко. Київ; Полтава: Археологія. 391 с.
- Супруненко О. Б.*, 2012. Археологічні спостереження за днопоглибленням у заплаві Сули навпроти Лубен // Полтавський краєзнавчий музей: збірник наукових статей. Вип. 7. Полтава: Дивісвіт. С. 131–182.
- Сухобоков О. В.*, 1988. Исследование древнерусских городищ на Сейме // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX–XIV вв.»: Тез. докл. Чернигов: Десна. С. 30–32.

Сведения об авторе.

Моргунов Юрий Юрьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: morgunovu@mail.ru

Yu. Yu. Morgunov

DEVELOPMENT OF THE SULA RIVER FRONTIER
OF THE PEREYASLAVL LAND

Abstract. An extended log fortification structure and a chain of open settlements from where lookouts could spot the enemy and send information on incursions to the metropolis were built on the steppe bank of the Lower Sula at the end of the 10th century. In the first half of the 11th century the wall fell into disrepair, but because of continuous Polovets raids in the second half of the century a defensive line consisting of eight fortresses was built. A burst of defensive structure construction at the end of the 11th – early 12th centuries completed the Lower Sula section. Because of the river forests the protection of the middle reaches of the Sula required fewer efforts, while revamping of the land ownership upstream that lasted for half a century put an end to the construction of the defensive line in Pereyaslavl. By 1125 65 % of the known fortifications had already been built on the Sula. The former line turned into an echelon border. The Pereyaslavl Torks with their light horse cavalry units settled down along the border in substantial numbers as well. Their tactics and weapons were comparable to those of the Polovets. Thanks to Vladimir Monomakh, round fortresses that reinforced the priority of artificial obstacles, which were not associated with surface features, were built as well, giving an opportunity to protect the plains. In terms of their size, fortresses form compact groups. It reflects standardization of construction in accordance with a preset plan based on defensive and social requirements.

Keywords: Posul defensive line, city mentioned in the chronicles, fortress, hillfort, the Serpent's Wall, the Pechenegs, the Polovets, localization, identification, the Testament (Instruction) of Vladimir Monomakh to his children.

About the author:

Morgunov Yuri Yu., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: morgunovyy@mail.ru.

К. И. Панченко

КЛЕЙМА НА ДОНЦАХ КЕРАМИЧЕСКИХ СОСУДОВ
С СЕЛИЩА НОВИКОВО 1 КОНЦА XII – XIII В.
В ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ

Резюме. В результате охранных археологических раскопок в 2009 г. на селище конца XII – XIII в. Новиково 1 было зафиксировано наличие керамического производства, представленного гончарным горном, и собрана интересная коллекция клейм на донцах керамических сосудов. Данный набор клейм обладает уникальными индивидуальными характеристиками, свойственными только этому поселению. Полученные факты свидетельствуют о почти полном отсутствии простых

изображений и доминировании сложных рисунков, при этом некоторые из них встречены впервые. Выявлено, что местные гончары ставили на свою продукцию клейма с антропоморфным изображением. Отдельно необходимо отметить нетипичную для сельского поселения находку клейма с изображением княжеского знака.

Ключевые слова: селище, средние века, керамика, клейма.

Селище Новиково 1 находится в Становлянском районе Липецкой области рядом с одноименным селом. Оно расположено на мысу, который образован балкой, связанной с рекой Лотошок (правый приток р. Красивая Меча) в правобережье бассейна верхнего Дона. Эта территория находится в пределах крупного по площади Верхнедонского известняково-карстового района лесостепной провинции Среднерусской возвышенности. Поселение расположено вдоль края мыса и имеет г-образные очертания в плане, его размеры составляют около 50×290 – 150 м. Вся территория памятника подвергалась многолетней распашке. Археологические раскопки на памятнике проводились в охранных целях в связи с прокладкой автодороги. На площадке поселения был заложен один раскоп сложной конфигурации общей площадью 1072 м². По результатам проведенных работ поселение было датировано концом XII – XIII в.

Помимо традиционного для селища этого времени набора объектов и артефактов, на западной границе поселения у края мыса был раскопан двухкамерный глинобитный горн. Он имел в плане округлую форму с выносным топочным каналом, направленным в сторону склона (на запад). Внешний диаметр горна $1,2$ м, внутренний (обжигательной камеры) около $0,8$ м. Под обжигательной камеры имел 11 продухов. Топочная камера была полностью заглублена в материк на 40 см, в центре нее размещался опорный столб овальной формы. Внутренние стенки и центральный столб топки были сильно ошлакованы. При разборке горна зафиксированы следы минимум одного ремонта. Скорее всего, этот гончарный горн был единственным на поселении. На отсутствие долговременного производства керамики или крупного гончарного комплекса, т. е. нескольких горнов, может указывать небольшое количество обломков глиняной посуды (5 шт. на 1 м²), найденных на селище Новиково 1. В близком по времени поселении Монастырщина 5 с гончарным производственным комплексом с тремя горнами концентрация обломков керамики на 1 м² составляла около 111 шт. (*Гоняный и др.*, 1993. С. 150). На селище XIV–XV вв. Подвисло 8 с одним раскопанным горном этот показатель составил 121 шт. на 1 м² (*Челяпов и др.*, 2012. С. 162). Дополнительно необходимо отметить, что даже на участках селища Новиково 1, где располагались жилые постройки и горн, концентрация обломков гончарных сосудов не превышала 20 шт. на 1 м². Это, несомненно, выглядит нестандартно для памятника, на котором было собственное производство.

На селище Новиково 1 не выявлено единой традиции в изготовлении керамической посуды. В качестве исходного сырья выбирались нежелезненные, слабо железненные и железненные глины. Большинство изделий сделано из беложгущихся глин, на втором месте стоят сосуды из слабо железненной глины светло-розовых оттенков после обжига, последнее место занимают красножгущиеся глины. Почти у половины керамических обломков в качестве минераль-

ных примесей в тесте зафиксированы железистые конкреции, иногда в сочетании с песком, у трети – примесь песка, у единичных экземпляров выявлены примеси песка с шамотом, известняка с песком и шамотом. Приблизительно у пятой части керамики не было никаких визуально фиксируемых минеральных примесей. Подавляющее большинство сосудов (не менее 80 %) имеют следы песчаной подсыпки на донцах, на втором месте стоят изделия, сформованные на подсыпке золы (около 13 %), третье место занимают сосуды со следами среза с круга нитью (около 5 %). В целом технологически и морфологически гончарная продукция, типичная для данного региона, странным выглядит только такое разнообразие керамических традиций на небольшом памятнике при наличии своего производства. Для сравнения на селище того же времени Монастырщина 5 с производственным гончарным комплексом зафиксировано только два типа глин – красножгущиеся и беложгущиеся, с доминированием последних, в качестве минеральной примеси к глине использовался песок (*Гоняный и др.*, 1993. С. 150).

На селище Новиково 1 найдено 32 клейма, из них полных или с достоверно реконструируемым рисунком 14 шт., мелких фрагментов изображения 18 шт. Доля клейменных донец для всего памятника составляет около 12 % (данные по обломкам). Однако здесь необходимо делать поправку на сильную измельченность керамики в культурном слое памятника, где фактически не найдено ни одного целого клейма, а только мелкие фрагменты. В случае учета керамики из условно закрытых комплексов и усреднения данных доля клейменных донец составит приблизительно шестую часть от неклеяемых (около 16 %). В целом полученные статистические результаты для селища Новиково 1, даже с учетом поправки, не выходят за рамки процентных данных для селищ домонгольского времени из района Куликова поля (*Гоняный, Заидов*, 2002. С. 143).

На большинстве крупных обломков керамических донец сохранились характерные следы, свидетельствующие о том, что матрицы для оттисков клейм были деревянными. Так же как и у основной массы керамики с селища, доминирующим типом подсыпки у клейменных сосудов был песок (75 % от общего количества донец с клеймами), на втором месте стоит зольная подсыпка – 25 %. Далее при описании, если тип подсыпки не указан, будет подразумеваться песчаная подсыпка.

В Новиково 1 зафиксировано 12 различных композиций рисунков. В нескольких экземплярах найдено два вида изображения, остальные встречены только в одном экземпляре. Это достаточно интересный факт для поселения с одним гончарным горном, на котором теоретически разнообразие клейм должно быть значительно меньше в отличие от серьезных производственных комплексов. Например, на памятнике домонгольского времени селище Монастырщина 5 с крупным гончарным комплексом, где количество керамики в десятки раз больше, чем в Новиково 1, найдено тоже 12 разновидностей клейм (Там же. С. 144).

Наибольшим количеством (9 шт.) представлены отпечатки с антропоморфным изображением в центре окружности (рис. 1, 1, 2). Ее внешний диаметр был в пределах 3,9–4,2 см. Два отпечатка имеют максимальное сходство друг с другом и, вероятно, сделаны с одной матрицы. Шесть клейм сохранились полностью или почти полностью, три в виде фрагментов, с очень большой долей

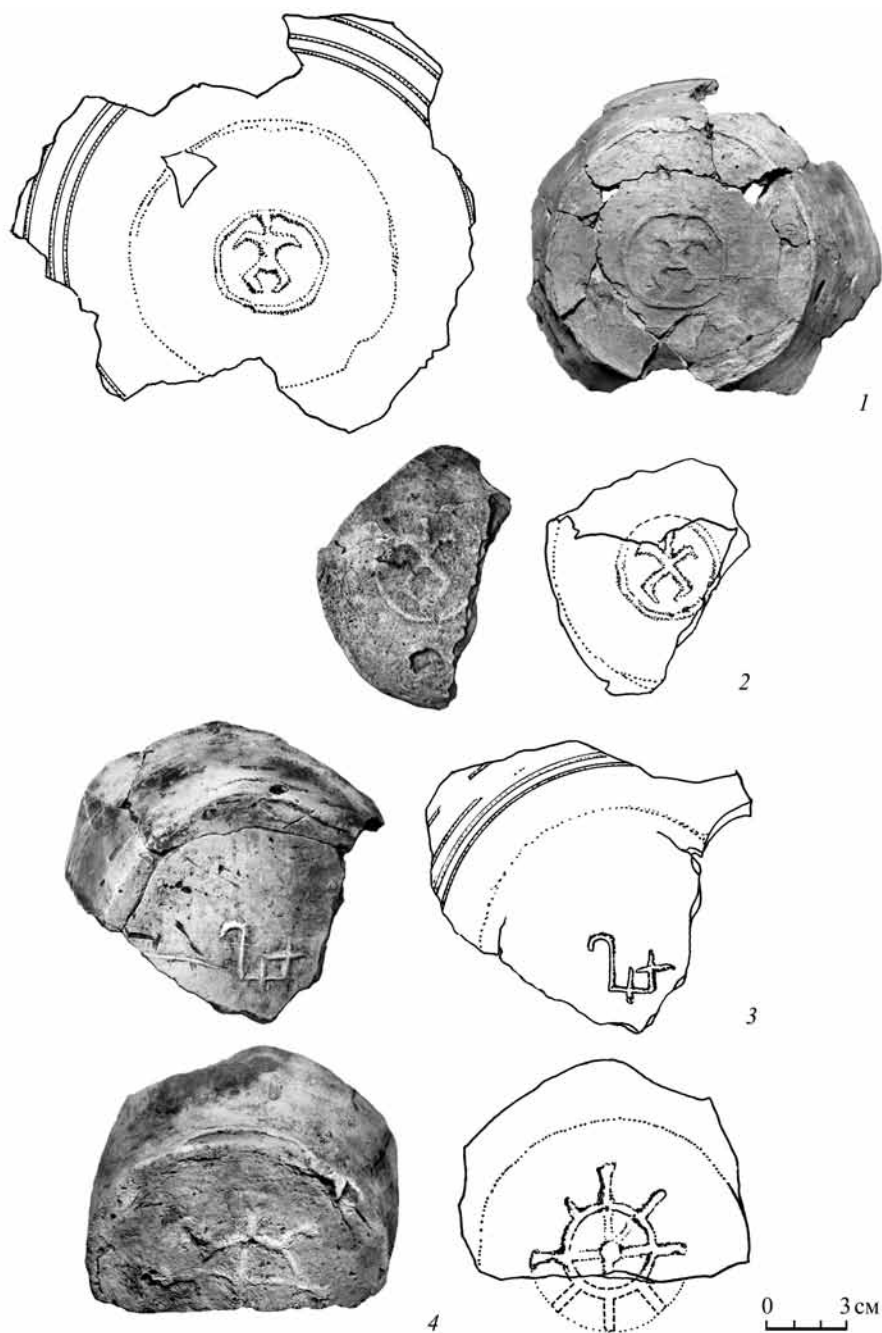

Рис. 1. Керамические клейма с селища Новиково 1 конца XII – XIII в.

вероятности имеющих этот вид рисунка (совпадает диаметр окружности и сохранившиеся части изображения). К ним же могут относиться еще семь небольших фрагментов отпечатков окружности с таким же диаметром и типом подсыпки. Сосуды с данным видом клейм были сформованы из теста с примесью песка (70 %) или песка с конкрециями (30 %) на песчаной подсыпке, за исключением одного, имевшего следы зольной подсыпки (рис 1, 1). Последний сосуд, в отличие от большинства остальных, сделанных из беложгущихся глин, был изготовлен из слабожелезненной¹ глины. Изображение на нем более детальное и незначительно отличается от других, но основные размеры и пропорции изображения человека совпадают с другими оттисками. Все это может говорить о том, что изделие с таким клеймом не произвели на месте, а привезли откуда-то. В дальнейшем местный мастер, работавший в другой керамической традиции, взял это изображение за первооснову для клеймения произведенной на селище посуды. Конечно, нельзя полностью исключить возможности перехода на другую технологию приезжим мастером, но для этого пока недостаточно доказательств. Таким образом, на селище найдены оттиски минимум от двух матриц для антропоморфных изображений в окружности. Незначительный объем керамической продукции и большое сходство рисунков позволяют с осторожностью предположить присутствие на поселении только одного гончара, изготавливавшего керамику с данными клеймами. Наиболее близкое по типу антропоморфное изображение в окружности найдено в среднем Поднепровье на поселении Григоровка; при этом оно датируется раньше (XI–XII вв.), чем на селище Новиково 1 (*Петрашенко*, 1992. С. 19. Рис. 6, № 32). Возможно, из этого региона в конце XII в. в Рязанские земли переселились гончары, так клеймившие свои сосуды. Это клеймо, безусловно, относится к очень редкому виду.

На втором месте по количеству (2 шт.) располагаются клейма с изображением левосторонних свастик внутри окружности (рис. 2, 2) диаметром 6,5 и 5,3 см. Сосуды, на которых они были оттиснуты, изготовлены в одной технологической традиции из красножгущейся глины с примесью песка с конкрециями и подсыпкой под дно из золы. В юго-восточных пределах Черниговской и юго-западных и южных территориях Рязанской земель такого вида клейма не найдены (*Тропин*, 2004. С. 145; 2006. С. 115–140). Аналогичного вида изображение зафиксировано в центральной части Рязанского княжества на селище Алешня-6, где такое клеймо датируется XIII в. и тоже оттиснуто на донце со следами зольной подсыпки, но в качестве формовочной массы использовалась беложгущаяся глина без примесей (*Коваль*, 2003. С. 157, 167–168). На Ростиславле (северо-западная окраина рязанской земли) найдено подобное клеймо на донце с зольной подсыпкой, однако оно датируется уже XIV в. (*Коваль*, 2002. С. 131–133). Скорее всего, сосуды с данными клеймами были привезены на селище Новиково 1 из близлежащих районов, но пока неясно откуда. К этой группе можно отнести предположительно шестилучевую левостороннюю свастику в окружности диаметром 5 см (рис. 2, 1); к сожалению, изображение наполовину затерто, поэтому восстановить его полностью затруднительно.

¹ Еще одно донце с антропоморфным клеймом было изготовлено из ожелезненной глины.

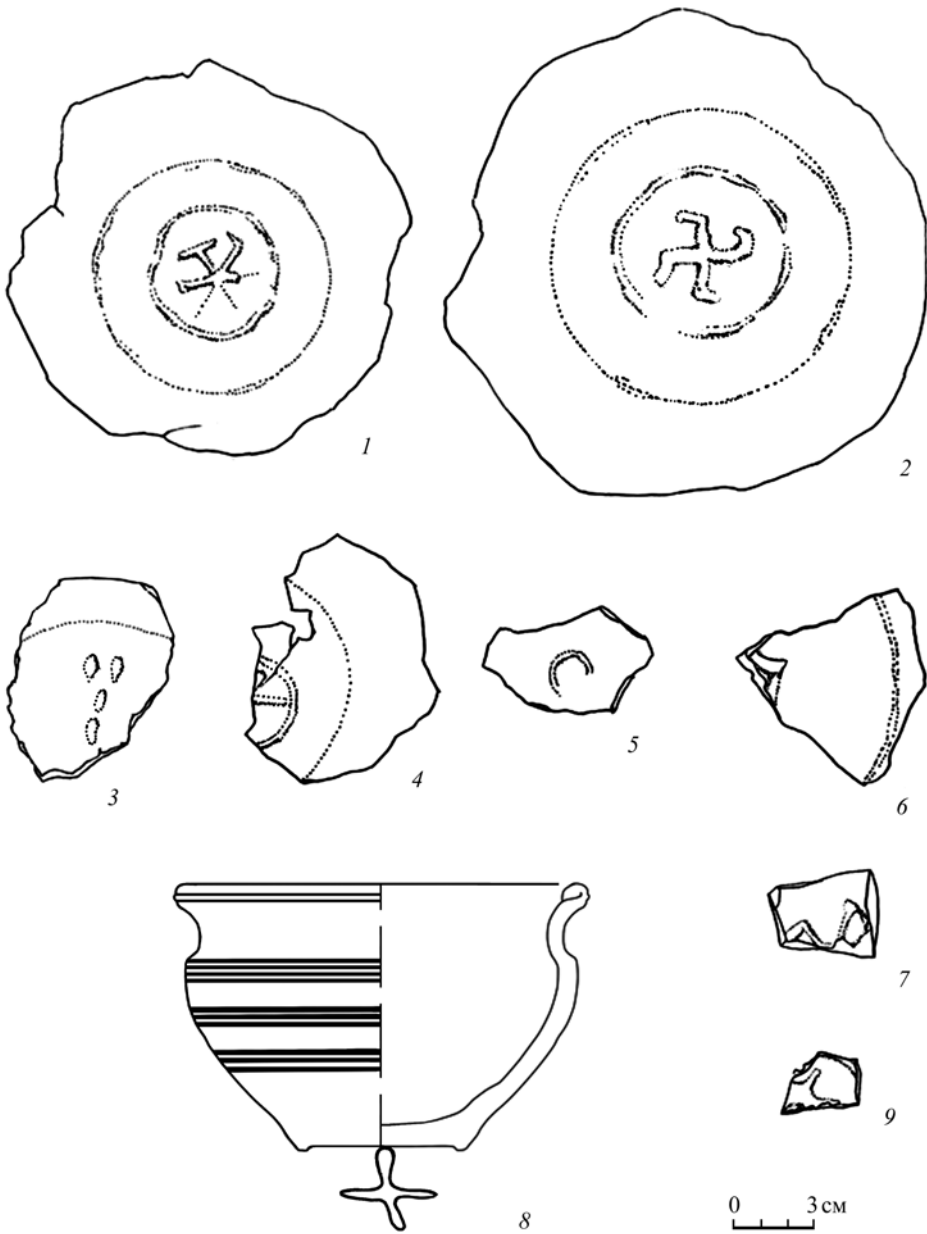

Рис. 2. Керамические клейма с селища Новиково 1 конца XII – XIII в.

Сосуд, на котором оставлен этот отпечаток, изготовлен из беложгущейся глины с примесью песка. Маловероятно, что такого типа клейма использовались на селище Новиково I, косвенно об этом может свидетельствовать единичность диаметра окружности и изображения. Наиболее близкие по типу аналогии найдены на Ростиславле в домонгольских комплексах, но там свастики не вписаны в окружность (Коваль, 2002. С. 126. Рис. 1, № 3, 4).

Одно клеймо с селища имеет вид незавершенной окружности. К сожалению, оно слабо отпечаталось, а часть донца затерта, поэтому сложно сказать, какое было изображение: окружность целиком или буква С (рис. 2, 5). Сосуд, на котором сделан этот отпечаток, как и описываемые ниже, изготовлен из беложгущейся глины с песком. Восемь обломков донец имеют изображение небольшой части окружности, у пяти из них диаметр совпадает с диаметром окружности клейм с антропоморфным рисунком. При этом в одном случае по схожести отпечатков, скорее всего, фрагмент с окружностью был частью клейма с антропоморфным изображением. Несмотря на широкую распространенность клейм в виде окружности, маловероятно, что хотя бы один целый отпечаток из этих фрагментов имел такой рисунок.

Клейма, описываемые далее, найдены в одном экземпляре, и вряд ли их изображения использовались гончаром с поселения для клеймения керамической посуды. Отпечаток в виде штурвала корабля (рис. 1, 4) на донце с зольной посыпкой, изготовленном из беложгущейся глины с примесью небольшого количества песка (возможно, естественной). Такого типа клеймо найдено на Романовом городище I в Липецкой области и датируется XII–XIII вв. (Андреев, 2001. С. 219. Рис. 5, № 31). К очень редкому клейму можно отнести изображение из четырех овальных точек в виде латинской буквы Y (рис. 2, 3). Оттиск сделан на донце сосуда, сформованном на зольной подсыпке, из слабоожеженной глины с примесью большого количества мелкого песка.

Неординарной находкой для сельского поселения является клеймо с изображением княжеского знака с редким видом рисунка, который хорошо исполнен и четко отпечатан, в отличие от большинства остальных клейм (рис. 1, 3). Сосуд с княжеским знаком сделан на зольной подсыпке из беложгущейся глины с примесью песка, но очень мелкого, визуалью почти не различимого. Аналогичное изображение известно на свинцовой печати из Черниговской области, которое атрибутируется А. Алфьоровым как знак Всеволода Ольговича (2012. С. 62–63). Такого типа клейма типичны для города, поэтому находка на сельском поселении, несомненно, указывает на статусность покупателя такой керамической посуды (см. ниже).

Еще одним интересным клеймом является изображение в виде не совсем правильного креста (рис. 2, 8). К сожалению, только одно окончание этого изображения оттиснуто четко, остальные три частично затерты, частично плохо отпечатались. Сосуд, на котором было это изображение, сделан из беложгущейся глины с примесью песка. Близкого вида рисунок креста, но вписанный в окружность, найден во Вщиже (Розенфельдт, 1997. С. 264. Таб. 18, № 15).

Остальные клейма найдены в виде мелких фрагментов, по которым нельзя восстановить рисунок. Все отпечатки сделаны на белоглиняных сосудах с примесью песка в тесте. На донцах со следами зольной подсыпки зафиксированы

следующие изображения: квадрат? (рис. 2, 6), зигзаг? (рис. 2, 7). Возможно, аналог последнему непонятному клейму найден на селище Алешня-6, но тоже в виде фрагмента (*Коваль*, 2003. С. 167. Рис. 6, № 7). Еще найдены отпечатки окружности (диаметр около 2 см) с каким-то рисунком (рис. 2, 9) и окружность (диаметр около 2,7 см) с линией (рис. 2, 4).

Таким образом, на селище Новиково 1 среди изображений клейм доминируют отпечатки в виде разных рисунков в окружности и практически отсутствуют простые изображения, распространенные на большинстве других поселений.

Ситуация с планиграфическим распределением керамических клейм на раскопанной площади складывается следующая (рис. 3). Почти все они найдены на участках расположения наземных построек, т.е. рядом с заглубленными в материк объектами или в них, а также у гончарного горна. Только на северной окраине селища, несмотря на признаки присутствия здесь постройки, сосуды с клеймами не зафиксированы. Единственный мелкий обломок донца с клеймом в заполнении ямы-канавки № 6 является скорее случайной, чем закономерной находкой.

Наибольшее количество клейм (13 шт.) найдено в северо-восточном углу раскопа на участке расположения объектов №№ 8, 9 и 12. Именно здесь зафиксировано больше всего оттисков с антропоморфным изображением в окружности. В заполнении ямы № 9 их найдено 4 шт., в яме № 12 – 2 шт. Возможно, к данному виду клейм относятся фрагменты двух окружностей (совпадает диаметр) из ямы № 12. Единственный отпечаток на этом участке с другим изображением в виде штурвала найден в яме № 8. Это клеймо и одно антропоморфное из ямы № 12 имели зольную подсыпку, в отличие от всех остальных, поэтому их могли привезти на селище из другой местности. В целом на площади этих объектов могла находиться усадьба гончара.

В 40 м на запад от этой усадьбы располагался гончарный горн. К сожалению, клейма, найденные в горне и поблизости от него (всего 3 шт.), представлены мелкими фрагментами. Только одно из них с большой долей вероятности по диаметру окружности и характеру отпечатка совпадает с антропоморфными рисунками, которые делались местным гончаром. Хотелось бы еще отметить, что только антропоморфные клейма распространены почти на всей раскопанной площади поселения, но не во всех объектах, а соответственно, и постройках, с ними связанных.

Донце с отпечатком княжеского знака было найдено в яме № 3 еще с двумя клеймами: неполная окружность и точечная буква У. В заполнении этой ямы были также обнаружены обломки византийской амфоры. Находка на селище клейма с княжеским знаком и амфоры вместе уже не выглядит как случайное совпадение и может свидетельствовать о богатстве и высоком статусе владельца. Б. А. Рыбаков считал, что клейма с княжескими знаками встречаются только в городах в княжеских вотчинных хозяйствах (*Рыбаков*, 1948. С. 492–495). Никаких других явных свидетельств нахождения здесь вотчины князя не найдено, но связь владельца данного поселения с княжеским двором более чем вероятна.

В целом на селище Новиково 1 найдена интересная коллекция керамических клейм, которая обладает уникальными индивидуальными характеристиками, свойственными только этому поселению. Полученные на данный момент факты свидетельствуют о почти полном отсутствии простых изображений и доминировании сложных рисунков. Одна часть из них встречена впервые, другую

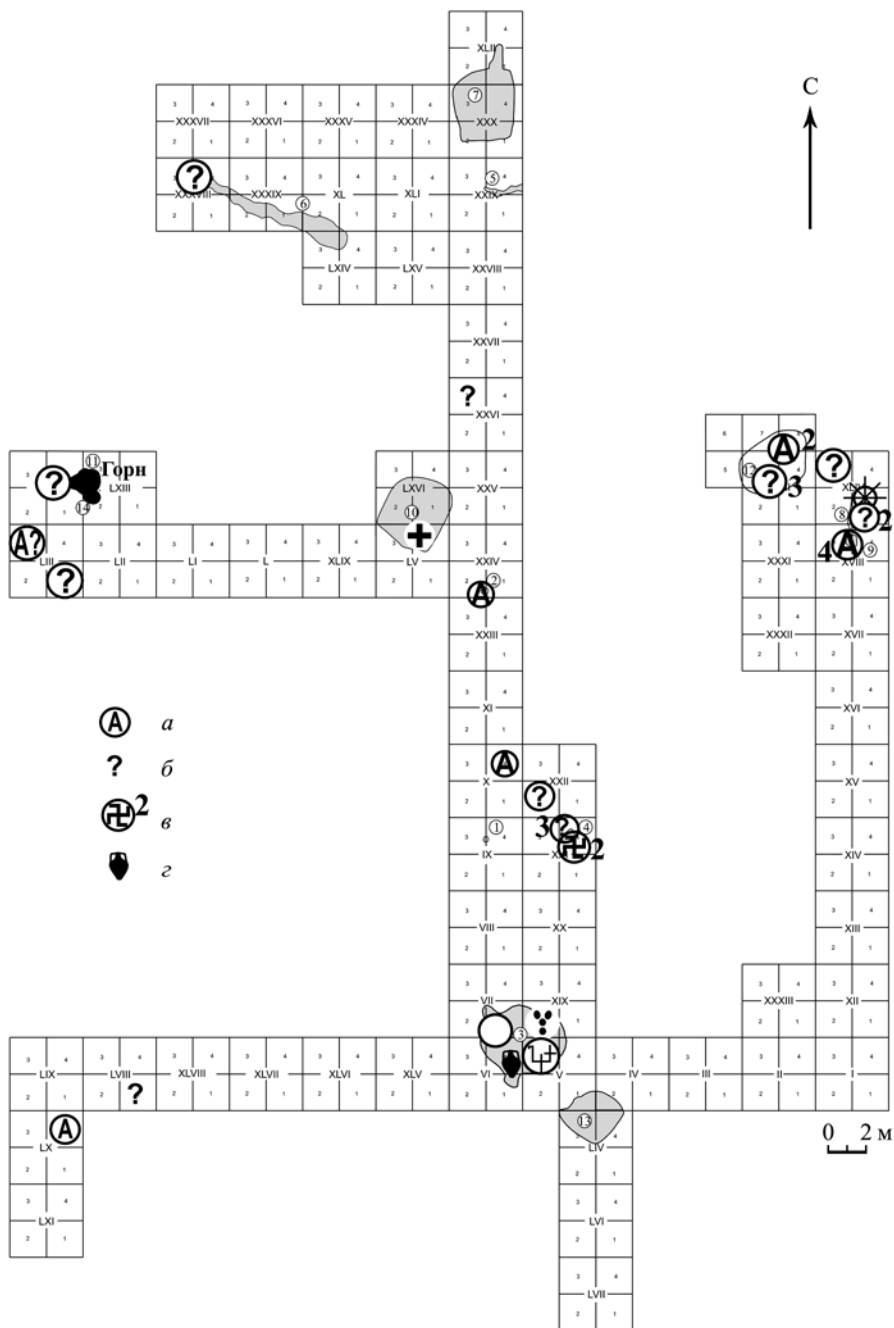

Рис. 3. Сводный план с ямами и местонахождением керамических клейм на селище Новиково 1

a – антропоморфные клейма; *б* – непонятное изображение; *в* – количество изображений данного вида; *г* – обломки амфоры

можно отнести к довольно редким композициям. Статус и богатство владельца этого поселения, вероятно, позволяли привозить гончарную продукцию из других мест, несмотря на наличие своего собственного керамического производства, и именно этим на данный момент можно объяснить такое разнообразие керамических клейм и традиций на селище Новиково 1.

ЛИТЕРАТУРА

- Алфьоров О.*, 2012. Молівдовули кївських князів другої половини XI – кінця XII століття // Сфрагістичний щорічник. Вип. II / Отв. ред. П. С. Сохань. Київ: ПРОСТІР. С. 5–74.
- Андреев С. И.*, 2001. Романово городище // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2 / Отв. ред. А. Н. Бессуднов. Липецк: Успех-Инфо. С. 208–224.
- Гоняный М. И., Заидов О. Н.*, 2002. Древнерусские гончарные клейма XII–XIV вв. района Куликова поля (опыт систематизации и осмысления семантики) // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия центральной России. Т. 1 / Отв. ред. А. Н. Наумов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле». С. 130–152.
- Гоняный М. И., Кокорина Н. А., Свирина А. Б.*, 1993. Гончарный комплекс первой половины XIII в. на поселении Монастырщина 5 // Тр. ГИМ. Вып. 82. М.: Изд-во ГИМ. С. 143–160.
- Коваль В. Ю.*, 2002. Клейма на средневековой русской керамике (опыт исследования на примере Ростиславля Рязанского) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 4 / Отв. ред. А. Н. Хохлов. Тверь: Тверской науч.-исслед. историко-археологический и реставрационный центр. С. 125–135.
- Коваль В. Ю.*, 2003. Новые данные о древнерусской керамике Рязанской земли // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна / Отв. ред. В. П. Челяпов. Рязань: Повременный. С. 155–169.
- Петрашенко В. А.*, 1992. Керамика IX–XIII вв. Среднего Поднепровья // Древнерусская керамика / Отв. ред. С. А. Плетнева. М.: ИА РАН. С. 7–20.
- Розенфельдт Р. Л.*, 1997. Керамика // Древняя Русь. Быт и культура / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука. С. 22–28. (Археология СССР).
- Рыбаков Б. А.*, 1948. Ремесло древней Руси. М.: Изд-во АН СССР. 793 с.
- Тропин Н. А.*, 2004. Сельские поселения XII–XV вв. южных территорий Рязанской земли / Отв. ред. А. Д. Пряхин. Воронеж: Воронежский гос. ун-т. 264 с.
- Тропин Н. А.*, 2006. Южные территории Чернигово-Рязанского порубежья XII–XV вв. Елец: Елецкий гос. ун-т. 368 с.
- Челяпов В. П., Иванов Д. А., Стрикалов И. Ю.*, 2012. Гончарный горн на поселении Подвислово 8 // Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур / Отв. ред. Л. А. Беляев. Рязань: РИАМЗ. С. 162–171.

Сведения об авторе.

Панченко Константин Иванович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: pakoi@mail.ru.

K. I. Panchenko

STAMPS ON THE BOTTOMS OF CERAMIC POTS FROM THE UNFORTIFIED SETTLEMENT OF NOVIKOV I DATED TO THE LATE 12th – 13th CENTURIES IN THE LIPETSK REGION

Abstract. Rescue archaeological excavations performed in 2009 at the unfortified settlement dated to the late 12th–13th centuries known as Novikovo I documented presence of

ceramic production represented by a kiln, and an exciting collection of stamps on the bottom of ceramic pots was made. This set of stamps has unique and singular characteristics typical only for this settlement. It was established that elaborate images predominated, there were practically no simple images, while some images were found for the first time. Local potters made stamps featuring anthropomorphous images on their products. A find of a stamp with a princely sign, which is not common for a rural settlement, is worth mentioning.

Keywords: unfortified settlement, medieval time, ceramics, stamps.

About the author:

Panchenko Konstantin I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: pakoi@mail.ru.

О. М. Олейников, А. В. Долгих

РЕЗУЛЬТАТЫ УМС РАДИОУГЛЕРОДНОГО ДАТИРОВАНИЯ ГОРОДНИ ДЕТИНЦА ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА ИЗ РАСКОПОК М. Х. АЛЕШКОВСКОГО В 1959 г.

Резюме. В статье рассматриваются результаты УМС радиоуглеродного датирования методом согласования вариаций (wiggle-matching) дубовой городни Новгородского детинца из фондов НГОМЗ (раскопки М. Х. Алешковского в 1959 г.). Для сохранившихся внешних колец этой городни получена смоделированная радиоуглеродная УМС-дата 1018–1034 (1 σ , 68,2 %) с высокими статистическими показателями. Эта дата вместе с опубликованными ранее позволяет надежно датировать существование оборонительных сооружений Новгородского детинца началом XI в. Второй этап сооружения оборонительной линии северной части Детинца в районе Владимирской башни можно датировать как минимум первой четвертью XI в., а как максимум – привязывать к летописной дате 1044 г.

Ключевые слова: Великий Новгород, средневековье, Новгородский детинец, радиоуглеродное датирование, ускорительная масс-спектрометрия, метод согласования вариаций, «wiggle-matching».

Историография Новгородского детинца обширная. С XIX в. ученые спорили об истории Детинца, основываясь в основном на летописных данных о строительных работах в Кремле. Научная дискуссия шла по двум вопросам: была ли древнейшая крепость деревянной (Красов, 1851. С. 8. Примеч. 5, 9–13; Строков, Богусевич, 1939. С. 142) или каменной (Каргер, 1946. С. 9–10; Порфиридов, 1947. С. 26, 99; Монгайт, 1952. С. 8–9; Орлов, Воробьев, 1959. С. 6, 8; Лихачев, 1959. С. 13), и где располагался первоначальный город – в северной или южной

части кремля XV в. (*Красов*, 1851. С. 8; *Строков*, *Богусевич*, 1939. С. 142; *Орлов*, *Воробьев*, 1959. С. 5) или же с самого начала город занимал всю современную территорию Детинца (*Каргер*, 1946. С. 6; *Орлов*, *Воробьев*, 1959. С. 6).

Первые археологические данные по оборонительным сооружениям Детинца были получены в ходе исследовательских и производственных работ 1952–1960 гг., связанных с восстановлением Новгородского кремля (*Воробьев*, 1958). Особый интерес представляют материалы раскопок земляного вала, проведенных М. Х. Алешковским в 1957, 1959 и 1960 гг. под восточной частью Владимирской башни и западнее нее, с обеих сторон крепостной стены. Эти работы выявили интереснейшую внутривальную деревянную конструкцию, представляющую систему городской – срубов из дубовых бревен, рубленных «в обло с остатком» (рис. 1: с. 475). Чашки врубок сделаны в нижних бревнах, что характерно для древних построек до XVI в. Городни делятся стенками на узкие клетки и не соединяются друг с другом, а стоят рядом. Клетки плотно засыпаны землей. Кроме того, у Владимирской башни выявлено, что внешние (лицевые) стенки срубов состоят из необычайно толстых бревен диаметром 60–80 см. Они тщательно протесаны на 16–18 граней и укреплены с помощью так же старательно обтесанных крюков – куриц (обработанных в виде крюка комлей с частью корня). Интересна система сопряжения куриц друг с другом: каждая нижняя курица одновременно держит вышележащую и врубленное бревно (*Алешковский*, 1962. С. 7–9). Автор раскопок убедительно датировал эти оборонительные сооружения 1044 г. (Там же. С. 11).

Дальнейшие исследования оборонительных сооружений в северной части Детинца выявили ров начала XI в., который был вырыт от оврага, проходящего по южной стороне холма (Большой Кремлевский овраг), до оврага, существовавшего, вероятно, вдоль северной стороны холма. Этот ров имел ширину около 19 м, а глубину – 5 м (*Олейников*, 2014. С. 58–59).

О наличии «города» в начальном периоде существования Новгорода есть косвенные упоминания в письменных источниках (ПСРЛ. Т. IX. С. 9, под 859; ПСРЛ. Т. III. С. 106–180, под 859–1044 г.). Поселение в X в. существовало и, естественно, не могло быть беззащитным. Даже в самом названии «Новгород» заложено понятие города, т. е. крепости. Так что упоминания Новгорода в летописях могут служить свидетельствами существования этих укреплений и в более раннее время. Новгородская летопись под 1016 г. говорит о городе, когда новгородцы, «исъкоша Варягы в Поромонѣ дворѣ ... бѣжаша изъ града» (ПСРЛ. Т. III. С. 174).

Другого мнения относительно датировки вала в северной части Детинца придерживается С. В. Трояновский. По его мнению, первые оборонительные сооружения Детинца в виде дубовых стен были построены в первые десятилетия XII в. в период княжения Мстислава Владимировича и сына его Всеволода (*Трояновский*, 1998. С. 58–70; 2001. С. 27–28).

Как же можно датировать первые оборонительные сооружения в виде древо-земляных стен в районе Владимирской башни Новгородского кремля? Археологический материал, обнаруженный под валом, не выходит за рубеж X в. Это раннекруговая керамика, стеклянная лимоновидная бусина, обломки костяного гребня, типичного для курганных древностей X в. (*Алешковский*, 1962. С. 8).

Мощность культурного слоя под валом также соответствует мощности культурного слоя X в. на Неревском и Троицком раскопах.

Нужно отметить выделенное нами возможное разграничение строительных периодов сооружения оборонительных стен Детинца.

На опубликованных чертежах разреза восточной стенки раскопа № IX–1959 г. хорошо читается хронологический разрыв между внешним срубом городни, сооруженным из огромных дубовых бревен диаметром до 80 см и расположенным на краю рва (рис. 2, а, б: с. 476), и городнями из дубовых менее мощных бревен (диаметром до 40 см) (рис. 2, в, г).

В городне первого этапа сооружения обнаружены дубовые бревна с прямоугольными пазами, в которые пропущены кольца (Алешковский, 1962. С. 9). Похожее дубовое бревно вторичного использования обнаружено в слое засыпки (1044 г.?) рва начала XI в. (рис. 3). Радиоуглеродная дата (Ki-18224) для данного бревна имеет широкий калиброванный интервал 864–976 (59,0 %) (рис. 4; табл. 1).

Результаты радиоуглеродного датирования жидкостным сцинтиллятным методом (ЖС) бревен второго этапа сооружения оборонительной стены у Митрополичьей башни Новгородского детинца были опубликованы ранее (Олейников, 2014).

Отметим, что для радиоуглеродных дат получены широкие калиброванные интервалы от 30 до 200 лет (1 σ , вероятность 68,2 %). Данные проблемы калибровки радиоуглеродных дат характерны для мест «изгибов» и «плато» радиоуглеродной калибровочной кривой (рис. 5). Для исходных дат с небольшими стандартными отклонениями (например, Le-10323965 $\pm$ 30) на калибровочной кривой может оказаться 2 и более пересечения. В связи с этим интервал калиброванной даты резко увеличивается до 150, а иногда и даже до 300 лет во II тыс. н. э.

Поэтому получение узких временных интервалов калиброванных радиоуглеродных дат стандартными методами затруднительно. В таких случаях получить узкие калиброванные интервалы позволяет использование статистического метода согласования вариаций радиоуглеродных дат (wiggle-matching). Процедура wiggle-matching (метод согласования вариаций, или метод стыковки флуктуаций) использует уже известную разницу (шаг) в последовательности древесных колец и позволяет значительно сузить интервалы вероятностей получаемых калибровочных дат на основе постулатов байесовской статистики (Bronk Ramsey et al., 2001). К 2015 г. опубликовано более 200 статей в ведущих рецензируемых журналах с результатами радиоуглеродного датирования с использованием метода согласования вариаций.

В России данная методика ранее применялась при радиоуглеродной датировке памятников I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. (Западная Сибирь, Алтай, Тува) на основе плавающих дендрохронологических датировок (сосна, лиственница) (Slusarenko et al., 2001; Kuzmin et al., 2004; Зайцева и др., 2007; Панин и др., 2014). На основе использования абсолютных дендрохронологических шкал по сосне и процедуры согласования вариаций сравнительно датированы дендрохронологическим и радиоуглеродным методами иконные доски XV–XVI вв. (Воронин и др., 2014; Voronin et al., 2015).

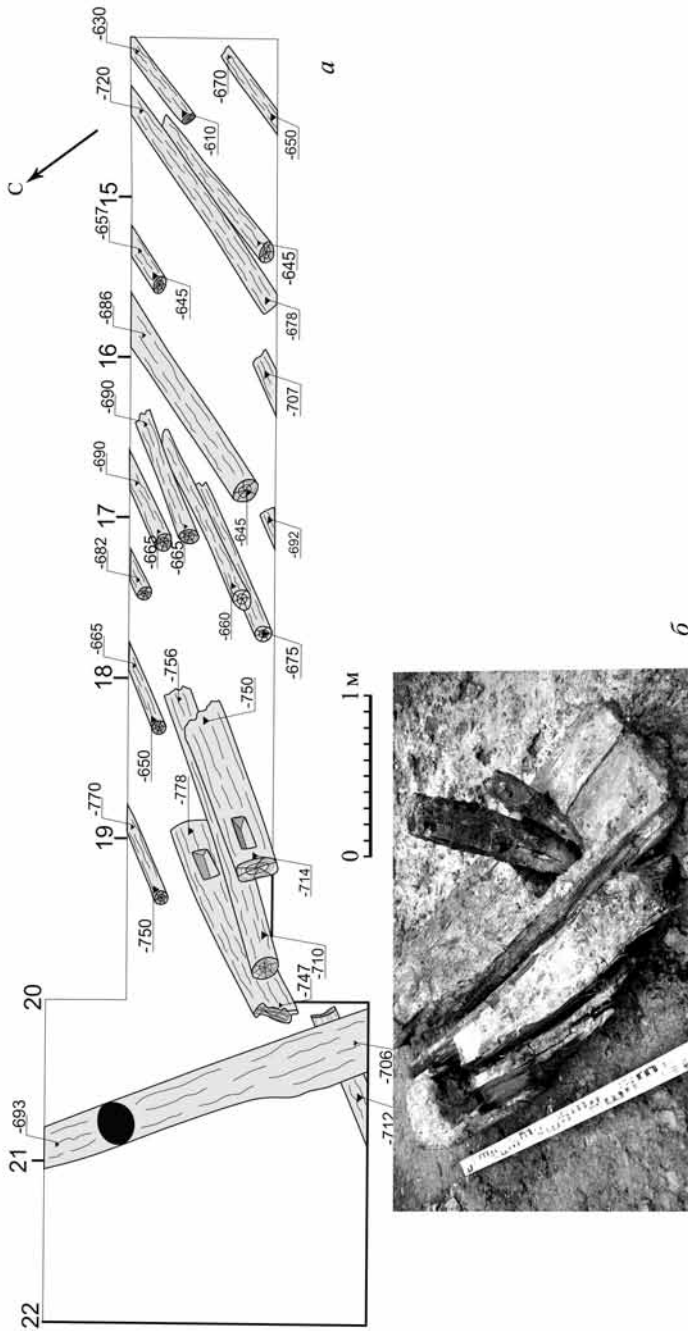
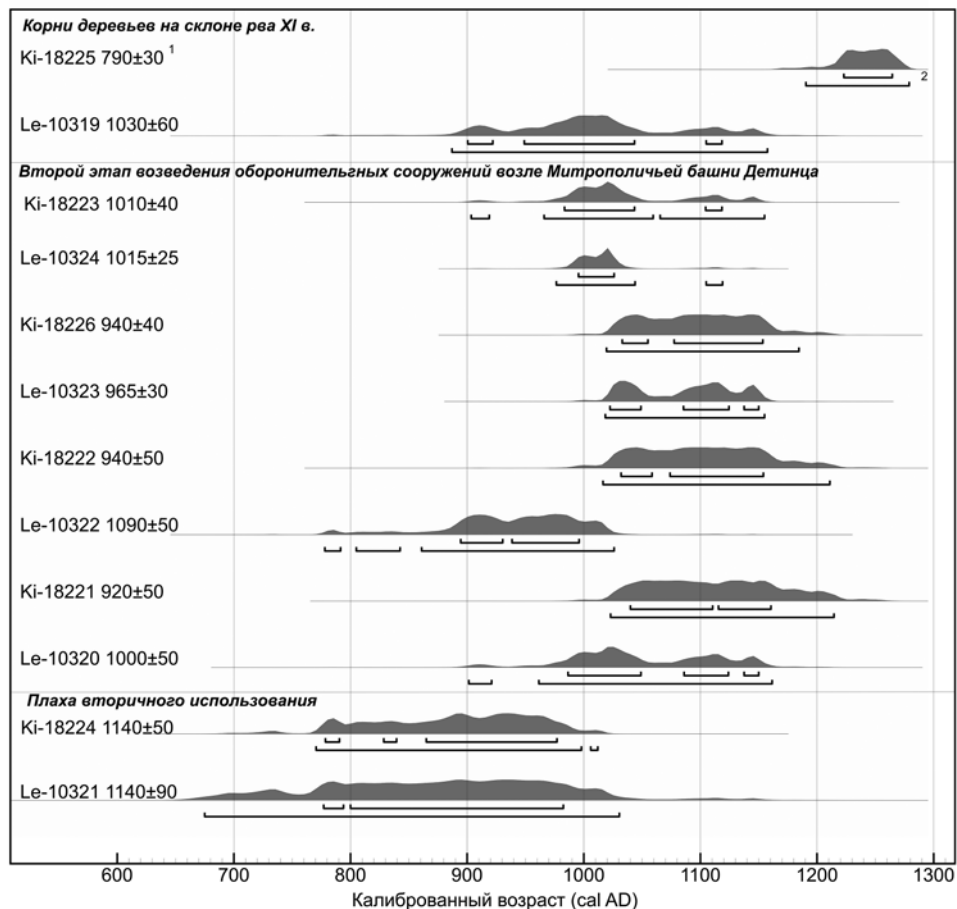

Рис. 3. Великий Новгород. Западный склон вала новгородского Детинца. Траншея 2 (2013).
План расположения деревянных лежней в заполнении рва X века (Олейников, 2014)

Рис. 4. Распределение калиброванных радиоуглеродных дат образцов дерева оборонительных сооружений Детинца возле Митрополичьей башни (траншея № 2, 2013 г.)

I – лабораторный индекс образцов и некалиброванные интервалы; *2* – малыми скобками показаны калибровочные интервалы для дат – 1σ , вероятность 68,2 %, большими – 2σ , вероятность 95,4 %

Таким образом, цель исследования – получить статистически достоверный узкий временной интервал калиброванной радиоуглеродной даты для древесины, использованной на втором этапе сооружения оборонительных конструкций возле Владимирской башни Новгородского детинца.

Объект и методы исследования

Несколько дубовых бревен городни «второго» этапа сооружения оборонительной стены в районе Владимирской башни, переданных М. Х. Алешковским в фонды НГОМЗ, в настоящее время входят в его основную экспозицию (рис. 6, а).

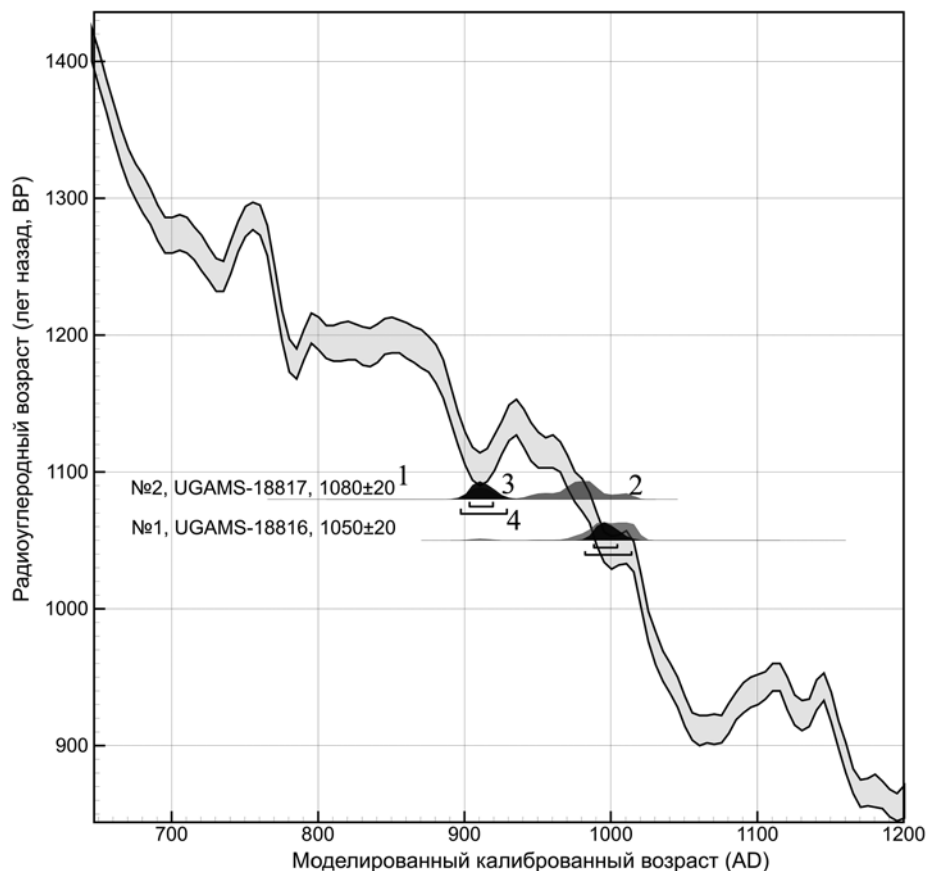
Таблица 1. Результаты радиоуглеродного датирования объектов из рвов в северной части Новгородского Детинца, траншея № 2 (2013 г.) (Олейников, 2014. С. 50–61)

Образец (комплекс)	Лаб. номер	Радиоуглеродный (¹⁴ C) возраст		
		Некалиброванный возраст, лет назад (BP)*	Калиброванный возраст, AD (1σ, 68,2 %) **	Калиброванный возраст, AD (2σ, 95,4 %) **
Второй этап сооружения линии обороны возле Митрополичьей башни Новгородского Детинца				
Кв. 20, гл.-770 см, плаха вторичного использования в заполнении рва X в.	Ki-18224	1140±50	778-790 (5,1 %)	770-998 (94,8 %)
			828-839(4,1 %)	1006-1012 (0,6 %)
			864-976 (59,0 %)	
Кв. 20, гл.-770 см, плаха вторичного использования в заполнении рва X в.	Le-10321	1140±90	776-794 (5,6 %)	674-1030 (95,4 %)
			800-982 (62,6 %)	
Кв. 21, гл.-700 см, бревно (дуб)	Ki-18221	920±50	1040-1110 (41,7 %)	1022-1214 (95,4 %)
			1115-1160 (26,5 %)	
Кв. 21, гл.-700 см, бревно (дуб)	Le-10320	1000±50	986-1048 (43,3 %)	901-920 (2,4 %)
			1086-1124 (19,2 %)	961-1161 (93,0 %)
			1137-1150 (5,7 %)	
Кв. 18, гл.-660 см, бревно (дуб)	Ki-18222	940±50	1032-1058 (16,6 %)	1016-1210 (95,4 %)
			1074-1154 (51,6 %)	
Кв. 18, гл.-660 см, бревно (дуб)	Le-10322	1090±50	894-930 (26,0 %)	778-791 (1,9 %)
			938-996 (42,2 %)	804-842 (4,0 %)
				860-1026 (89,4 %)
Кв. 16, гл.-678 см, бревно с корой (дуб)	Ki-18226	940±40	1032-1054 (15,0 %)	1019-1184 (95,4 %)
			1077-1153 (53,2 %)	
Кв. 16, гл.-678 см, бревно с корой (дуб)	Le-10323	965±30	1022-1048 (25,2 %)	1018-1154 (95,4 %)
			1085-1124 (33,3 %)	
			1137-1150 (9,7 %)	
Финал этапа 2				
Кв. 16 м, гл.-490 см, сгоревшая стена (уголь)	Ki-18223	1010±40	983-1043 (61,1 %)	903-918 (1,9 %)
			1104-1118 (7,1 %)	966-1059 (68,3 %)
				1065-1154 (25,2 %)
Кв. 16 м, гл.-490 см, сгоревшая стена (уголь)	Le-10324	1015±25	995-1026 (68,2 %)	976-1044 (93,2 %)
				1104-1118 (2,2 %)
Корни деревьев во рву этапа 2				
Кв. 24 м, гл.-900 см, корни на склоне рва	Ki-18225	790±30	1222-1264 (68,2 %)	1190-1287 (95,4 %)
Кв. 24 м, гл.-900 см, корни на склоне рва	Le-10319	1030±60	900-922 (8,1 %)	886-1157 (95,4 %)
			948-1043 (55,5 %)	
			1104-1118 (4,5 %)	

* Радиоуглеродные даты принято давать в годах назад от 1950 г.

** При 1σ вероятность – 68,2 %, при 2σ – 95,4 %; AD – н. э.

Дендрохронологический анализ этих бревен не дал результата, поскольку абсолютная дендрохронологическая шкала по дубу для средневековья на данный момент отсутствует. Для радиоуглеродного датирования с использованием метода согласования вариаций было отобрано два образца древесины весом

Рис. 5. Радиоуглеродные даты по горodne на калибровочной кривой IntCal 13

1 – некалиброванные радиоуглеродные даты; 2 – распределение вероятности калиброванных дат показано темно-серой заливкой; 3 – распределение вероятности смоделированной даты; 4 – калибровочные интервалы смоделированных дат (с меньшим расстоянием – 1σ , вероятность 68,2 %, с большим – 2σ , вероятность 95,4 %)

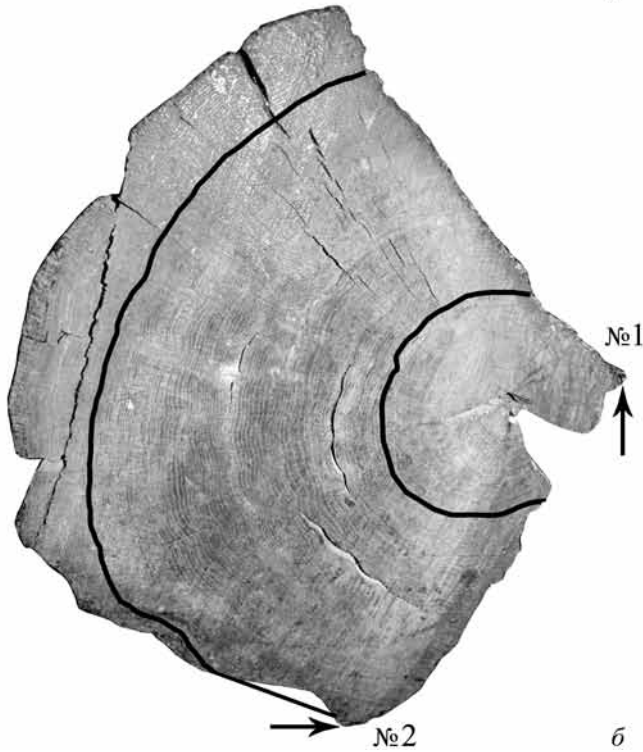
2–5 граммов. Каждый образец включал пять годичных колец с промежутком между образцами в 85 годичных колец. Образец «б» располагался в 30 годичных кольцах от внешнего древесного кольца (рис. 6, б).

Отобранные образцы были датированы методом ускорительной масс-спектрометрии (УМС, AMS) в Центре прикладных изотопных исследований Университета штата Джорджии (г. Афины, США). Они были очищены от органических примесей последовательными процедурами с применением HCl и NaOH, в дальнейшем был получен графит, в котором на CAIS 0.5 MeV ускорителе было измерено содержание ^{14}C изотопа (Vogel et al., 1984).

Калибровка радиоуглеродных дат производилась в программе OxCal v4.2.4 (Bronk Ramsey, Lee, 2013) на основе калибровочной кривой IntCal 13 (Reimer et al.,

a

b

Рис. 6. Фрагмент городни второго этапа сооружения оборонительной стены у Владимирской башни новгородского Дегинца (раскоп № IX-59)

a – экспозиция городни в Новгородском государственном объединенном музее; *b* – места отбора образцов древесины из городни для AMS анализа

Таблица 2. Результаты радиоуглеродного УМС датирования городни из фондов НГОМЗ (раскопки М. Х. Алешковского). Разница между кольцами 85 лет

Образец (комплекс)	Лаб. номер	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	Радиоуглеродный (14C) возраст		
			Некалиброванный возраст, лет назад (BP)	Калиброванный возраст, AD (1 σ , 68,2 %)	Калиброванный возраст, AD (2 σ , 95,4 %)
№1 внешние кольца	UGAMS-18816	-25,52	1050 ± 20	989–1015	968–1024
№2 внутренние кольца	UGAMS-18817	-25,50	1080 ± 20	901–920 (20,0 %) 960–994 (48,2 %)	897–925 (24,5 %) 943–1016 (70,6 %)

2013). Статистический метод согласования радиоуглеродных дат («wiggles-matching») проводился также в программе OxCal v4.2.4 (*Bronk Ramsey et al.*, 2001; *Bronk Ramsey*, 2009).

Выбор метода УМС определяется как малым весом датируемых образцов, так и возможностью получения минимального стандартного отклонения ± 20 лет.

Результаты

Для двух образцов, между которыми расположено 85 годичных колец, получены близкие некалиброванные, пересекающиеся друг с другом интервалы (табл. 2; рис. 5). Особенности калибровочной кривой, наличие «изгибов» обуславливают существование такого перекрещивания некалиброванных интервалов.

Результаты калибровки полученных радиоуглеродных УМС дат по калибровочной кривой IntCal 13 (*Reimer et al.*, 2013) показывают два разорванных вероятностных интервала (28 и 74 года соответственно, 95,4 %) для даты, полученной по внутренним кольцам (образец № 2, кластер из 5 колец, 115 колец от внешнего сохранившегося кольца городни). Для образца № 1 (кластер из 5 колец, 30 колец от внешнего сохранившегося кольца городни, получен один вероятностный интервал 57 лет (95,4 %) (рис. 6, б; табл. 2).

Таким образом, для вероятности 95,4 % мы имеем достаточно широкие калиброванные интервалы от 57 до 102 лет, что недостаточно для «узкой» датировки.

Статистическая процедура согласования радиоуглеродных дат «wiggles-matching» (*Bronk Ramsey et al.*, 2001) для двух полученных УМС дат из городни с известным шагом в 85 лет оказалась успешной (табл. 3; рис. 6). Получена высокая итоговая статистическая характеристика Acomb – 96,9 %. В результате процедуры согласования двух калиброванных дат получены узкие смоделированные калиброванные интервалы. Для образца № 1 (кластер из 5 колец; 30 колец от внешнего) получена смоделированная дата: 988–1004 (68,2 %); 982–1014 (95,4 %). При пересчете на внешнее сохранившееся годичное кольцо получена смоделированная радиоуглеродная УМС дата 1018–1034 (1 σ , 68,2 %), или 1012–1044 (2 σ , 95,4 %). В итоге, для вероятностей 68,2 и 95,4 % получен единственный смоделированный калиброванный интервал 16 и 32 года соответственно.

Таблица 3. Результаты процедуры согласования вариаций полученных радиоуглеродных дат (wiggle-matching, программа OxCal 4.2.4; Bronk Ramsey, Lee, 2013)

Образец	Исходная дата (AD)			Моделированная (AD)			Индексы
	от	до	%	от	до	%	Acomb
<i>D_Sequence</i>	988	1004	68,2				96,9
№2 R_Date (1080,20)	901	995	68,2	903	919	68,2	82,1
№1 R_Date (1050,20)	989	1015	68,2	988	1004	68,2	116,4

Выводы

Впервые проведено датирование древесины средневекового Новгорода ускорительной масс-спектрометрией с применением статистического метода согласования вариаций (wiggle-matching).

Получена УМС радиоуглеродная дата для деревянных средневековых конструкций Великого Новгорода с узким калиброванным моделированным интервалом (1018–1034; 1 σ , 68,2 %).

Рассматриваемые статистически достоверные результаты с узкими временными калиброванными интервалами позволяют дополнить радиоуглеродные датировки по дереву из оборонительных сооружений северной части Детинца, ранее полученные жидкостно-сцинтилляционным методом с широкими интервалами. Таким образом, второй этап сооружения оборонительной линии северной части Новгородского детинца в районе Владимирской башни можно датировать как минимум первой четвертью XI в., а как максимум – привязывать к летописной дате 1044 г.

Данное исследование подтверждает датировку сооружения оборонительной стены в районе Владимирской башни, предложенную М. Х. Алешковским.

Для уточнения данного вывода в 2015 г. были предприняты работы по вторичному вскрытию деревянных внутривальных конструкций на месте раскопа № IX-59 г. возле Владимирской башни Новгородского детинца. От всех прослеженных дубовых бревен городен взяты спилы для дендродатирования. Для датирования методом ускорительной масс-спектрометрии (УМС, AMS) и радиоуглеродным жидкостным сцинтилляционным методом (ЖС) отобрано 50 образцов дерева.

ЛИТЕРАТУРА

- Алешковский М. Х.*, 1962. Новгородский детинец 1044–1430 гг. (по материалам новых исследований) // Архитектурное наследие. Вып. 14. М.: ГСИ. С. 3–26.
- Воробьев А. В.*, 1958. Реставрация Новгородского кремля // Архитектура СССР. № 1 / Гл. ред. К. И. Трапезников. М.: Гос. изд-во литературы по строительству и архитектуре. М. С. 49–53.
- Воронин К. В., Долгих А. В., Мацковский В. В.*, 2014. Сравнительное радиоуглеродное и дендрохронологическое датирование иконы «Богоматерь Иерусалимская» // КСИА. Вып. 236. С. 349–354.
- Зайцева Г. И., Семенцов А. А., Лебедева Л. М., Панкова С., Кызласов Л. Р., Васильев С. С., Дергачев В. А., Юнгер Х., Соннинен Е.*, 2007. Новые данные о хронологии памятника Оглахты-6 //

- Радиоуглерод в археологических и палеогеографических исследованиях / Отв. ред. Г. И. Зайцева. СПб.: ИИМК РАН. С. 300–307.
- Каргер М. К.*, 1946. Новгород Великий. М.: Изд-во Акад. архитектуры СССР. 183 с.
- Красов И. И.*, 1851. О местоположении древнего Новгорода. Историческое исследование Ивана Красова, представленное в Императорский С. Петербургский Университет для получения степени Магистра Русской Истории. С приложением указателя и плана Новгорода. Новгород: Тип. Новгородского Губ. Правл. 182 с.
- Лихачев Д. С.*, 1959. Новгород Великий: Очерк истории культуры Новгорода XI–XVII вв. М.: Сов. Россия. 102 с.
- Монгайт А. Л.*, 1952. Оборонительные сооружения Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 2: Крепостные сооружения древней Руси / Под ред. Н. Н. Воронина. М.: Изд-во АН СССР. С. 7–132. (МИА; № 31).
- Олейников О. М.*, 2014. Древнейшие оборонительные сооружения новгородского детинца (по материалам исследований 2013 г.) // ННЗ. Вып. 28 / Отв. ред. В. Л. Янин. Великий Новгород: ООО «Первый изд.-полиграф. холдинг». С. 50–61.
- Орлов С. Н., Воробьев А. В.*, 1959. Оборонительные укрепления древнего Новгорода. Новгород: Кн. ред. газ. «Новгородская правда». 55 с.
- Панин А. В., Аржанцева И. А., Бронникова М. А., Успенская О. Н., Фузешина Ю. Н.*, 2014. Интерпретация раннесредневекового памятника Пор-Бажин (Тува) в свете естественнонаучных данных // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. IV. Казань: Отечество. С. 331–334.
- Порфиридов Н. Г.*, 1947. Древний Новгород: Очерки из истории русской культуры XI–XV вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 308 с.
- ПСРЛ. Т. III: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. 692 с.
- ПСРЛ. Т. IX: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 256 с.
- Строков А. А., Богусевич В. А.*, 1939. Новгород Великий: Пособие для экскурсантов и туристов. Л.: АН СССР. 256 с.
- Трояновский С. В.*, 1998. О некоторых результатах раскопок в Новгородском кремле в 1992–96 гг. // ННЗ. Вып. 12. Новгород: Старорус. тип. С. 58–70.
- Трояновский С. В.*, 2001. Новгородский Детинец в X–XV вв. по археологическим данным: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 30 с.
- Bronk Ramsey C.*, 2009. Bayesian analysis of radiocarbon dates // Radiocarbon. Vol. 51. No. 1. P. 337–360.
- Bronk Ramsey C., Lee S.*, 2013. Recent and planned developments of the program OxCal // Radiocarbon. Vol. 55. No. 2–3. P. 720–730.
- Bronk Ramsey C., van der Plicht J., Weninger B.*, 2001. Wiggle matching radiocarbon dates // Radiocarbon. Vol. 43. No. 2A. P. 381–389.
- Kuzmin Y. V., Slusarenko I. Y., Hajdas I., Bonani G., Christen J. A.*, 2004. The comparison of ^{14}C wiggle-matching results for the «floating» tree-ring chronology of the Ulandryk-4 burial ground (Altai Mountains, Siberia) // Radiocarbon. Vol. 46. No. 2. P. 943–948.
- Reimer P. J., Bard E., Bayliss A., et al.*, 2013. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years cal BP // Radiocarbon. Vol. 55. No. 4. P. 1869–1887.
- Slusarenko I. Y., Christen J. A., Orlova L. A., Kuzmin Y. V., Burr G. S.*, 2001. ^{14}C wiggle matching of the 'floating' tree-ring chronology from the Altai Mountains, Southern Siberia: the Ulandryk-4 case study // Radiocarbon. Vol. 43. No. 2 (1). P. 425–431.
- Vogel J. S., Southon J. R., Nelson D. E., Brown T. A.*, 1984. Performance of catalytically condensed carbon for use in accelerator mass spectrometry // Nuclear Instruments and Methods in Physics Research. Section B: Beam Interactions with Materials and Atoms. Vol. 5. Iss. 2. P. 289–293.
- Voronin K., Dolgikh A., Matskovsky V., Cherkinsky A., Skripkin V., Alexandrovskiy A.*, 2015. Comparative dendrochronological and ^{14}C dating of 15th century Russian icon // Radiocarbon. Vol. 57. No. 1. P. 173–182.

Сведения об авторах.

Олейников Олег Михайлович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: olejnikov1960@yandex.ru;

Долгих Андрей Владимирович, Институт географии РАН, Старомонетный пер., 29, Москва, 119017, Россия; e-mail: dolgikh@igras.ru.

O. M. Oleynikov, A. V. Dolgikh

RESULTS OF THE AMS RADIOCARBON DATING OF THE BLOCKHOUSE
FROM THE VELIKY NOVGOROD KREMLIN FROM M. KH. ALESHKOVSKY'S
EXCAVATIONS OF 1959

Abstract. The paper reviews results of the AMS radiocarbon dating of an oak blockhouse from the Veliky Novgorod Kremlin (Detinets) from the holdings of the Novgorod State Museum-Preserve with the use of the wiggle-matching method (M. Kh. Aleshkovsky's excavations of 1959). The modeled radiocarbon AMS date for the preserved rings of the logs the blockhouse was made of falls between 1018–1034 (1 σ , 68,2 %) with high statistical indicators. This date along with other previously published dates allows the researchers to date the existence of the defensive fortifications in the Novgorod Kremlin to the early 11th century with fair confidence. The second construction stage of the defensive line in the northern part of the Novgorod Kremlin near the Vladimir Tower may be dated to the first quarter of the 11th century as the earliest and linked to 1044, which is the date mentioned in the chronicles, as the latest.

Keywords: Veliky Novgorod, medieval period, Novgorod Kremlin (Detinets), radiocarbon dating, accelerated mass spectrometry, wiggle-matching.

About the authors.

Oleynikov Oleg M., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: olejnikov1960@yandex.ru;

Dolgikh Andrey V., Institute of Geography Russian Academy of Sciences, Staromonetny per., 29, Moscow, 119017, Russian Federation; e-mail: dolgikh@igras.ru.

АРХЕОЛОГИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Л. А. Беляев, С. Г. Шуляев

НАДГРОБИЕ ПОДЪЯЧЕГО ИЗ ПРИКАЗА НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ

Резюме. Статья посвящена анализу надписи на плите, найденной на кладбище при церкви Иоанна Предтечи в слободе Новодевичьего монастыря. Плита принадлежала подъячему Приказа Новодевичьего монастыря Ивану Тарасову (†1714). Ее находка позволяет уточнить биографию этого малозаметного служилого бюрократа конца XVII – начала XVIII в. и поднять вопрос о деятельности специального правительственного учреждения, которое контролировало практическую (хозяйственно-финансовую) деятельность монастыря.

Ключевые слова: эпитафия, приказная система Московского царства, слобода, кладбище церковное, надгробие, Новодевичий монастырь.

В 2012, 2014 и 2015 гг. группа отдела археологии Московской Руси ИА РАН провела исследования на участке церкви Иоанна Предтечи в слободе Новодевичьего монастыря (к востоку от восточной монастырской стены), а также связанного с нею кладбища. Работы были связаны со строительством новой церкви того же посвящения, так как первоначальная, построенная в камне во второй половине XVI в., была уничтожена вместе с более поздними приделами в 1812 г. войсками Наполеона Бонапарта.

Исследования принесли много интересного, особенно в плане археологии кладбища XVI–XVII вв., их материалы готовятся к публикации. Собранные при этом надгробия составляют единый блок, в котором явно присутствуют представители приходского духовенства (см. в том числе статью И. И. Елкиной в данном номере) и, возможно, ктитория слободского монастырского храма «вне стен». Однако надгробия, открытые в перемещенном состоянии и несущие интересные надписи, можно ввести в научный оборот до завершения основного текста публикации. Именно такова плита, случайно открытая при строительных работах, которые местами затронули неповрежденные края раскопа уже после завершения научных исследований.

Надгробие (рис. 1) имеет типичную для второй половины XVII и отчасти XVIII в. форму положенной на бок четырехгранной призмы, сужающейся к ногам. На торце изголовья располагается надпись, от которой полностью сохранились четыре строки и часть пятой (размер торца: верхний край 70 см,

Рис. 1. Торцев надгробной плиты с эпитафией подьячего Ивана Тарасова

ширина на уровне скола ок. 53 см, сохранность в высоту 39 см). Надпись вырезана вглубь, профессионально, глубокой искусной вязью; графья строк слабо заметна. Читается легко (выносные буквы подчеркнуты; раскрытия титла в скобках; буквенная цифирь переведена в арабскую):

1714 (АЧДИ) Г(ода) ФЕВРУАРИЯ. В . 6 (S) . ДЕНЬ НА ПАМЯТ(Ь)
 ПРЕПОДОБНАГО // ОТЦА ВИКУЛА ЕПИСКОПА ЗМИРСКАГО ПРЕ//СТАВИС(Я)
 РАБ Б(о)ЖИЙ ПРИКАЗА НОВОДЕВИЧЕГО МОНАСТЫРЯ // ПОДЬЯЧЕЙ ИОАН
 ТАРАСОВ С(ы)НЬ ТЕСОИМЕНИТ//СТВО ЕГО БЫЛО ГНЬ¹ ЛЕТА IS ЛИС(?)...

В последней строке неясно, о чем идет речь – после слов «тезоименитство его было» следует ожидать указания на день и месяц, то есть на память определенного святого. Действительно, следующее сочетание букв стоит под титлом, и в просматриваемом виде может читаться как цифра «3» с дополнением «день», и среди многочисленных (их более сотни) праздников Иоанна можно, конечно, найти такие, которые приходятся на третьи числа месяцев. Но далее следует не особенно осмысленное в этом контексте указание на год («лета» – заметим себе, отсутствующее на его традиционном месте, в начале даты), после которого стоят две буквы

¹ Три буквы под титлом, возможно, это не число, а сокращение слова «господне»?

(IS), которые, будь они под титулом, можно было бы прочесть как «16». Утрачена по меньшей мере еще одна строка, а то и две, их содержание остается неясным – возможно, далее речь шла о смерти кого-то из близких Иоанна Тарасова.

Интерес, однако, представляет не столько неясный день тезоименитства, сколько сама личность погребенного и место его службы – Приказ Новодевичьего монастыря. Специальный приказ монастыря – вещь довольно необычная, и в современной историографии есть примеры, когда его трактуют как собственно монастырское учреждение, устроенное с целью хозяйственного управления (Новодевичий..., 2009).

Конечно, все крупные монастыри, обладая обширным «вотчинным» хозяйством, создавали собственные органы учета и управления имуществом с приказчиками, конторами («избамии») и т.п. необходимыми институтами, и хозяйство Новодевичьего монастыря также этого требовало (в XVII – начале XVIII в. ему принадлежало 15000 душ крепостных, более 150000 десятин земли в 36 селах, разбросанных от Онеги до Нижней Волги, а с XVI в. он владел подворьем в Кремле и слободой на Пречистенке, к которой было приписано 127 ремесленников). Однако нужно было обеспечить не только управление – столь обширные ресурсы государство обязано было контролировать. Именно такова была задача Приказа Новодевичьего монастыря. Тем паче, что в конце XVII в. Новодевичий монастырь населяли монахини из высокопоставленных семей, а монастырские игумены привыкли к самостоятельности и даже самоуправству. Кроме того, в годы содержания в монастыре царевны Софьи Алексеевны (1689–1704) контроль был особенно необходим.

Об устройстве Приказа Новодевичьего монастыря можно узнать хотя бы из переписки, относящейся к концу правления Петра I и собранной в известном очерке И. Ф. Токмакова (*Токмаков*, 1885). Приказ был подчинен центральным учреждениям – Преображенскому и Монастырскому приказам, и управлялся так же, как и все приказы, придворной бюрократией. Согласно доношению (запросу) дьяка Приказа Новодевичьего монастыря Трофима Игнатъева в Синод (09.1721), «в прошлых годах, издавна... в Новодевиче Приказе были судьи из думных людей, и из царедворцев, и из дьяков непременно, и ведали судом, и расправою, и всякими сборами того монастыря сослужителей и крестьян» (все цитаты – по тексту статьи Токмакова). Они подчинялись прямым царским указам, а не распоряжениям церковных властей («а не так, как в других монастырях, писали в памятях архимандритов, и игуменов, и игумений имена»). Сам Игнатъев, как следует из той же записки, руководил приказом с 01.09.1719, и был назначен туда по именному царскому указу, чтобы «и дела и сборы управлять, как и прежде сего было под ведением в Преображенском Приказе ближняго стольника князя Ивана Федоровича Ромодановскаго». В 1721 г. бумаги поступали в Новодевичий приказ уже из Синода, как ранее – из Преображенского приказа («присланы были указы на имя тех судей, кто приказ ведал, а потом на мое имя»), в то время как монастырские власти получали распоряжения только «о духовных делах» («а к игуменье только присланы указы из Духовнаго Приказу»).

Однако в том же 1721 г. «печатные пункты о присылке в Монастырской Приказ изо всех монастырей всяких ведомостей о приходах и о расходах» попали из Синода прямо в монастырь, причем с указом на имя игуменьи с сестрами, «да и другие указы об отправлении приказных дел пишут на их же имена». Игуменья тут же этим воспользовалась и самовольно («собою, без указу») перевела

в монастырь штат приказа («стряпчого и подъячих»), перевезя и все дела, и поместив их «в палаты государевы, где изволили жить, блаженный памяти, Великая Государыня Царевна Софья Алексеевна» (12.09.1721). В результате в монастыре, как пишет дьяк, «делают из тех дел ведомости по печатным пунктом», почти не допуская к бумагам его самого («меня, ниже подписавшаго, к тому делу уже мало и допущают»), что автоматическим ставит их в подозрение («знатно, укрывают какие утраты»). Эта история смирения государством монастырских самовольств удивительно напоминает усилия прекратить в 1730-х гг. почитание во святых первой настоятельницы монастыря Елены Девочкиной (*Беляев и др.*, 2010. С. 156–165).

Запрос-донос был Синодом принят, дьяку Игнатьеву приказали «в Новодевичье монастыре Приказе у дел быть по прежнему», а самому приказу остаться в составе Монастырского «во всем так, как прежде сего в Преображенском Приказе был ведом», включая подготовку отчетности под руководством «приказу судии господина Ершова», и Приказ сохранять *при* монастыре, а *не внутри и не в составе* обители «дабы обретающимся в том монастыре монахиням от приходящих во оной Приказ людей и от прочих приказных случаев стужения и беспокойства и безмолвию их препятая не чинилось». Весной следующего года (03.03.1722) последовало распоряжение о передаче Новодевичьего монастыря из ведения Преображенского приказа в Синод, «в которой из Преображенского Приказу всяким того монастыря окладным и неокладным приходом и расходом книги и ведомости неотложно взять».

Одним из подъячих Приказа Новодевичьего монастыря, в тот момент входившего в ведомство важнейшего Преображенского приказа, служил и названный в тексте плиты Иван Тарасов, чье имя встречается в делопроизводстве приказов Московского государства конца XVII в. – в 1682/83, 1683/84 гг. (на службе в Приказе печатных книг) и в 1689 г. (в Приказе Большой Казны) (см.: *Лисейцев и др.*, 2015. С. 291). Вполне вероятно, что он (двойное совпадение даже распространенного сочетания имен полагаю мало вероятным, скорее речь идет об одном и том же человеке) дожил до 1714 г. и оказался на службе в приказе, контролировавшем огромную придворную обитель. Сколько можно судить, сам Приказ помещался вне монастырских стен. Вероятно, Иван Тарасов в последние годы жил неподалеку и был прихожанином церкви Иоанна Предтечи в монастырской слободе.

Благодаря исследованиям в Новодевичьей слободе, удалось дополнить новыми сведениями биографию одного из московских приказных петровской эпохи и внести новое имя в список служивших в Приказе Новодевичьего монастыря в ключевую для него эпоху конца XVII – начала XVIII в.

ЛИТЕРАТУРА

- Беляев Л. А., Романов Н. С., Шлионская Л. И.*, 2010. Надгробия игумении Елены Девочкиной и схимницы Феопании в Новодевичьем монастыре // РА. № 2. С. 156–165.
- Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М.*, 2015. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 303 с.
- Новодевичий монастырь. Путеводитель. М.: Изд-во Новодевичьего монастыря, 2009. 64 с.
- Токмаков И. Ф.*, 1885. Историческое описание Московского Новодевичьего монастыря. М.: Тип. Л. Ф. Снегирева. 128 с.

Сведения об авторах.

Беляев Леонид Андреевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: labeliaev@mtu-net.ru;

Шуляев Серафим Геннадьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: firangel@mail.ru.

L. A. Belyaev, S. G. Shulyaev

TOMBSTONE OF A SCRIVENER
OF THE NOVODEVICHY CONVENT PRIKAZ

Abstract. The paper analyzes the inscription on a slab found at the cemetery of the John the Baptist Church in the quarter of the Novodevichy Convent. The slab is a tombstone of Ivan Tarasov (+ 1714), who was a scrivener of a Novodevichy Convent Prikaz (an administrative office). The find helps clarify the biography of an ordinary civil bureaucrat who lived at the end of the 17th – early 18th centuries and discuss the issue regarding activities undertaken by a special governmental office that controlled practical (economic and financial) activities of the Convent.

Keywords: epigraphy, prikaz-based system of the Tsardom of Russia, church cemetery, tombstone, Novodevichy Convent.

About the authors.

Belyaev Leonid A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: labeliaev@mtu-net.ru;

Shulyaev Serafim G., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: firangel@mail.ru.

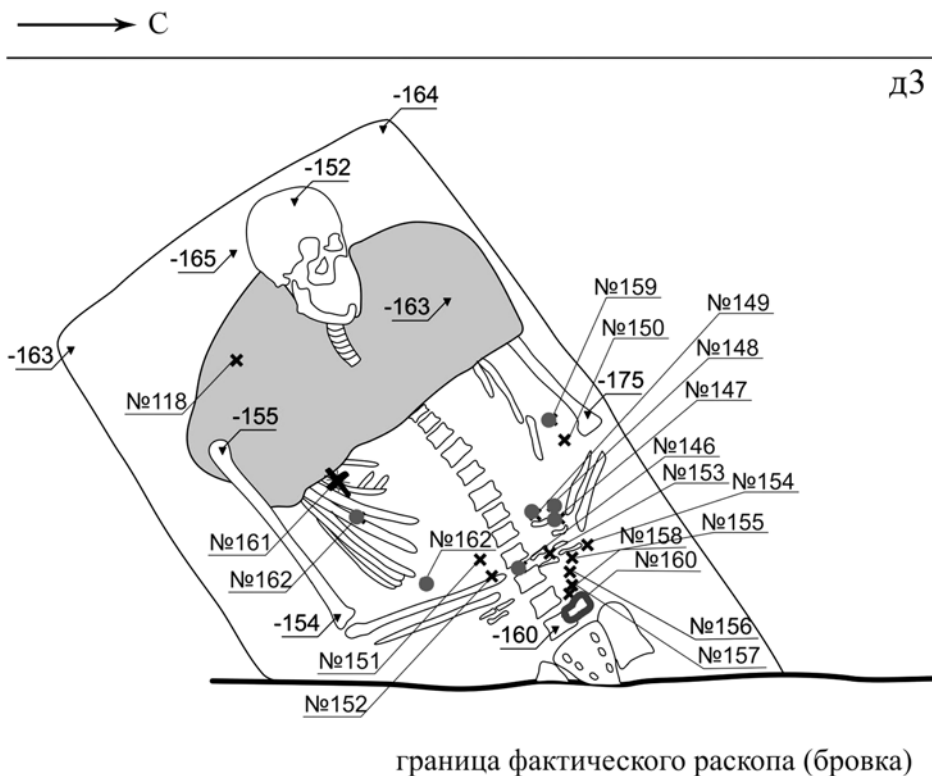

И. И. Елкина

ОПЛЕЧЬЕ XVII в. ИЗ СЛОБОДЫ
НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ

Резюме. В статье рассматривается материал одного из захоронений, изученных в 2014–2015 гг. на кладбище церкви Иоанна Предтечи в слободе Новодевичьего монастыря. В погребении обнаружен необычный предмет одежды, который после проведенного исследования определен как оплечье фелони, а его владелец – как священнослужитель. Предлагается атрибуция и графическая реконструкция изученного объекта.

Ключевые слова: слобода Новодевичьего монастыря, кладбище, текстиль, золотное шитье, оплечье, фелонь, реконструкция.

граница фактического раскопа (бровка)

Рис. 1. План погребения с текстильными остатками и металлическими предметами

При археологических работах отдела археологии Московского периода ИА РАН в зоне церкви Иоанна Предтечи в Новодевичьей слободе была исследована (2014–2015 гг., руководитель работ Л. А. Беляев) значительная часть кладбища середины XVI – XVIII в. Среди сравнительно многочисленных находок обнаружилось и несколько объектов из текстиля (текстиль зафиксирован в семи погребениях; остатки четырех текстильных предметов выявлены в переотложенном слое кладбища). Практически все фрагменты текстиля содержали металлическую нить, что способствовало их сохранности.

Среди погребений с текстилем первостепенный интерес представляет грунтовое захоронение пожилого мужчины (55–60 лет, определение антрополога А. Н. Рассказовой). Могильная яма не выделялась из общей ситуации на кладбище. Погребенный лежал на спине, в вытянутом положении (рис. 1). В верхней части костяка, в области шеи, ключиц и плеч, а также под головой находились многочисленные текстильные фрагменты, образующие форму трапеции (рис. 2: с. 477). Разброс фрагментов по длинной стороне трапеции составлял 60 см, в высоту – до 30 см. Фрагменты содержали металлическую нить и являлись частями одного предмета. Кроме того, в погребении зафиксированы шесть медных позолоченных шарообразных полых филигранных

пуговиц-гирек (рис. 3, 1: с. 477) – в области грудины и поясного отдела. В районе запястья находились застежки в виде медных проволочных крючков и петелек (рис. 3, 2), а в области пояса – железная застежка прямоугольной формы (рис. 3, 4). На груди погребенного обнаружен нателный крест с прямоугольными лопастями и лучистым венцом вокруг средокрестья, медного сплава, с голубой и белой эмалью (рис. 3, 3).

Текстильные фрагменты прошли поэтапную полевую консервацию, включавшую первичную механическую очистку мягкой кистью, снятие деформаций, подбор фрагментов между собой (согласно орнаменту и местоположению в захоронении), упаковку.

Дальнейшее изучение текстильных остатков показало, что обнаруженное изделие выполнено в технике золотного шитья. За время пребывания в земле предмет частично истлел и распался на множество мелких фрагментов, представляющих собой вышивку по ткани металлическими нитями. Основная ткань изделия сохранилась под вышивкой и лишь местами – в промежутках между вышитыми элементами. Наличие металлических нитей в данном случае послужило благоприятным фактором сохранности, т.к. окислы металла армировали шелковые нити ткани и предохранили их от разрушения.

Для изготовления предмета использовали широкую полосу красного шелкового бархата, по которому было выполнено орнаментальное шитье. Оно представляет собой вышивку в прикреп швом «косой ряд» пряженными золотными нитями. Размер раппорта орнамента составляет 26 × 20 см.

Вышивка, по всей вероятности, повторяет орнамент импортной узорной ткани, имитируя ткачество. В XVI–XVII вв. русские мастерицы наряду с русскими традиционными мотивами часто заимствовали узоры дорогих привозных восточных или западноевропейских тканей (*Ефимова, Белогорская, 1982. С. 14; Манушина, 1983. С. 20; Золотая нить России..., 1993. С. 9*). Основу орнамента вышивки оплечья составляют растительные ветви, направленные вверх и образующие решетку из крупных остроовальных клейм. Орнамент, заполняющий клейма, представляет зеркально-симметричную композицию. В орнаменте использованы такие растительные элементы, как стилизованный тюльпан, цветок гвоздики, бутоны роз, листья и другие. Подобное композиционное решение, декоративность, высокая степень стилизации элементов орнамента, четко читаемый рисунок характерны и довольно устойчивы для турецких тканей XVI–XVII вв. (*Вишневецкая, 1984. С. 86; Кулланда, 2007. С. 14; Восточные и европейские ткани...*). Таким образом, орнамент турецкой ткани был принят за основу для вышивки данного оплечья.

Форма и расположение остатков текстильного изделия *in situ* указывают на то, что оно являлось декоративным элементом костюма – широким оплечьем трапециевидной формы. Предмет находился в захоронении в районе ключиц, шейного отдела и под головой погребенного. Такое местоположение оплечья дает возможность предположить, что оно имело жесткую основу и возвышалось над плечами. Подобный тип оплечья характерен для церковного облачения, а именно фелоней. Наличие и расположение шарообразных пуговиц в погребении также косвенно подтверждает это предположение.

Фелонь (греч. φαίλονιο светиться), рíза – верхнее богослужебное одеяние священника, представляющее собой длинную и широкую одежду без рукавов, с прорезью для головы. (Словарь православного паломника, 2007. С. 42). Древняя фелонь довольно сильно отличалась от современной. Она представляла собой длинное одеяние и покрывала священнослужителя от шеи до ног спереди и сзади. По покрою древние фелони имели колоколообразную конструкцию. Передний край до половины подстегивался на пуговицы. Во время богослужения в определенные моменты по уставу службы край фелони отстегивали и им покрывали руки. Примерами древних форм фелони могут послужить дошедшие до наших дней и в настоящее время хранящиеся в музеях фелони Сергия Радонежского, Кирилла Белозерского, Мартиниана Белозерского, Зосимы Соловецкого и др.

Постепенно форма фелони менялась. Стал укорачиваться передний край, и надобность в пуговицах для его подстежки отпала. С XVI–XVII вв. стали приподнимать оплечья, используя твердую подложку так, что задний верхний край фелони в виде усеченного треугольника или трапеции стал возвышаться над плечами священнослужителя. (Богослужебные одеяния...). Оплечье с XVI в. стало довольно часто украшаться орнаментальным золотым шитьем или вышитыми иконами, выполненными в технике лицевого шитья. Существенные изменения в облачении духовенства произошли во времена реформы Никона.

Сохранившиеся в погребении из Новодевичьей слободы фрагменты золотного шитья и наличие шарообразных пуговиц-застежек, их расположение в захоронении дают возможность частично реконструировать облик фелони (рис. 4: с. 478; рис. 5: с. 478). Основная ткань фелони не сохранилась, но наличие пуговиц позволяет предположить, что фелонь была длинной, а передний край по древнему канону спереди подстегивался на пуговицы. Фелонь имела высокое твердое оплечье трапециевидной формы. Оплечье шито из красного бархата и украшено золотым орнаментальным шитьем, имитирующим облик турецкой ткани.

Оплечья, аналогичные по форме и технике исполнения, известны у фелоней XVI–XVII вв., хранящихся в музеях Московского Кремля, ГИМ, Ярославском музее, Троице-Сергиевой лавре и др.

Еще один элемент богослужебного облачения, поручи, зафиксирован в виде застежек, состоящих из металлических крючков и петелек, располагавшихся в области запястья. Сама ткань поручей не сохранилась. Поручи представляют собой широкие ленты, стягивающие рукава подрясника или подризника у запястья. Для фиксации поручей на руках используются шнуры, которые протягиваются через металлические петли и плотно обматываются вокруг руки. Шнуры на поручах символизируют веревки на руках спасителя, которые были на его руках во время его крестных страданий (Богослужебные одеяния...). Но в Русской Церкви до конца XVII в. поручи не имели шнуров, а использовались застежка на пуговицы или крючки и петли. Скорее всего, мы имеем дело с ранним типом поручей, которые еще не имели шнуров, а застегивались на крючки и петли.

Сохранившиеся текстильные фрагменты и комплект металлических предметов из погребения в Новодевичьей слободе позволяют сделать вывод, что погребенный являлся священнослужителем и был погребен в облачении. Оплечье фелони выполнено мастерицами высокого класса и, безусловно, является ярким

образом русского декоративно-прикладного искусства. Орнаментика оплечья и характер исполнения золотного шитья относятся к XVII в. Наличие прямоко-нечного крестика-тельника с эмальями и двумя перекрещенными «лучами» отно-сит данное захоронение, вероятно, ко второй его половине.

ЛИТЕРАТУРА

- Вишневецкая И. И.*, 1984. К вопросу об атрибуции ткани саккоса митрополита Дионисия // Произ-ведения русского и зарубежного искусства XVI – начала XVIII века. М.: Искусство. С. 83–101. (Государственные музеи Московского Кремля. Материалы и исследования; 4).
- Восточные и европейские ткани в собрании Государственного Исторического музея: каталог. М.: ГИМ, [б. г.]. 36 с.
- Ефимова Л. В., Белогорская Л. Р.*, 1982. Русская вышивка и кружево: собрание ГИМ. М.: Изобра-зительное искусство. 272 с., ил.
- Золотая нить России. Шитье, парча, костюм, драгоценности XVI–XX веков: выставка из собрания Гос. ист. музея. М.: Эпифания, 1993. 80 с., ил.
- Кулланда М. В.*, 2007. Художественный текстиль Османской империи XVI – начала XX веков. М.: ГИМ. 168 с., ил.
- Манушина Т. Н.*, 1983. Художественное шитье Древней Руси в собрании Загорского музея. М.: Советская Россия. 294 с., ил.
- Словарь православного паломника. М.: Паломнический центр Московского Патриархата, 2007. 250 с.
- Богослужбные одеяния диакона и иерея. URL: <http://simvol-veri.ru/xp/bogoslujebnie-odeyaniya-diakona-i-iereya.html>. Дата обращения: 27.01.2016.

Сведения об авторе.

Елкина Ирина Игоревна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Мос-ква, 117036, Россия; e-mail: ira-elkina@yandex.ru.

I. I. Elkina

THE OPLECHYE OF THE 17th CENTURY FROM THE RESIDENTIAL QUARTER OF THE NOVODEVICHY CONVENT

Abstract. The paper deals with the artifacts from one of the graves explored in 2014–2015 at the cemetery of the St. John the Forerunner Church in the residential quarter of the Novodevichy Convent. The grave yielded an unusual item of vestments, which was identified in the course of investigation as the *oplechye* (a high stiff top part) of a felonion while its wearer was identified as a clergyman. The attribution and graphical reconstruction of the studied item are provided.

Keywords: residential quarter of the Novodevichy Convent, textile, gold embroidery, oplechye, felonion, reconstruction.

About the author.

Elkina Irina I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Uly-anova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: ira-elkina@yandex.ru.

В. Ф. Старков

УДАЛЕННЫЕ ПРОМЫСЛЫ РУССКИХ ПОМОРОВ В XV–XVIII ВВ.

Резюме. Освоение удаленных районов севера России имеет продолжительную историю. Его начало восходит к XII в., когда там сформировался особый вариант русской культуры, получивший распространение на обширную территорию – вплоть до азиатского севера и островов Северного Ледовитого океана. Туда было проложено пять морских ходов, которые связали «Поморье» с севером Западной Сибири, островами Новая Земля и архипелагом Шпицберген.

Там проходила активная промысловая деятельность поморов, связанная с добычей дорогостоящих предметов рыночного сбыта: моржовых клыков, шкур белых медведей и морских животных. Большую роль в промысловой деятельности этих людей играла также добыча рыбы. Походы поморов в удаленные районы Арктики были связаны с использованием специфических морских судов – больших или малых кочей, которые были способны преодолевать моря, покрытые ледяным покровом.

Активная деятельность поморов привела к тому, что в настоящее время там сохранилось большое количество исторических объектов, в том числе поселений, судовых деталей и приметных крестов. Полученные результаты исследований позволили сделать выводы о том, что уже в XVI в. русские поморы располагали всеми необходимыми средствами для освоения этих арктических территорий.

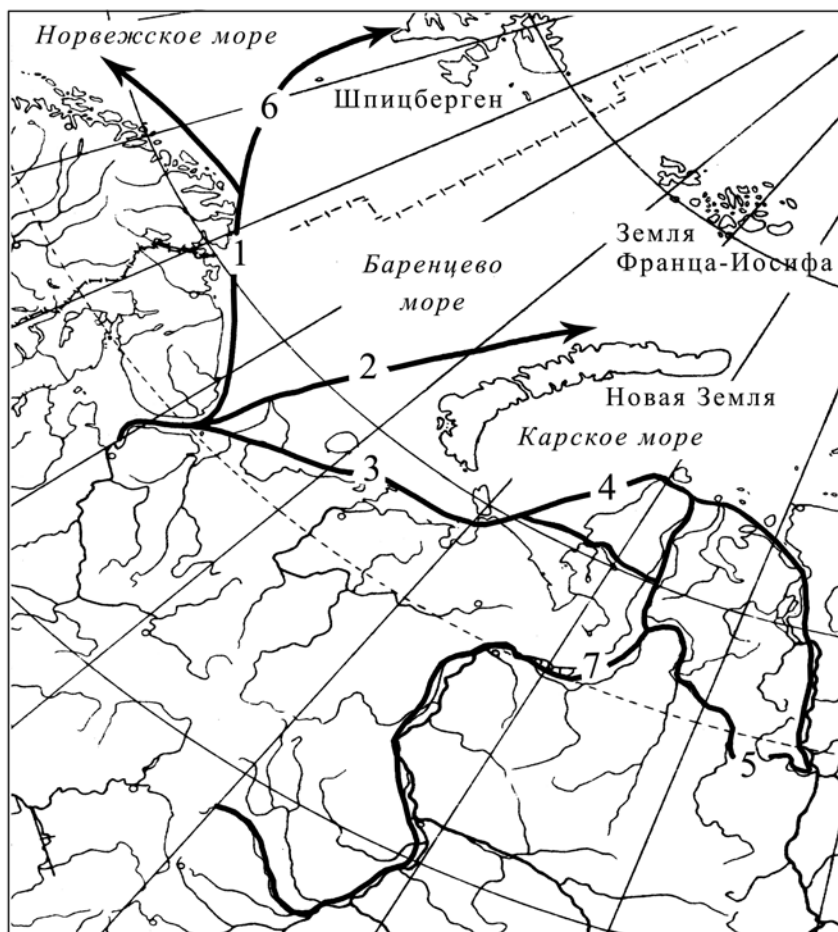
Ключевые слова: Шпицберген, морской ход, архипелаг, приметные кресты, поморы.

Основная роль в первоначальном освоении морской и прибрежной зоны Северного Ледовитого океана была связана с деятельностью жителей Русского Севера – поморов. В основу их хозяйственной деятельности входили морские и наземные промыслы. Это было связано с получением дорогостоящих предметов сбыта: моржовых клыков, шкурок песцов и белужьего жира. Начало этой деятельности восходит ко второй половине XVI в.

Следующее столетие относится к периоду наивысшего расцвета этой деятельности, когда были проложены морские трассы к островам Баренцева моря и на северные территории Западной Сибири. Существовали три основные зоны поморских удаленных промыслов: север Западной Сибири, Новая Земля и Шпицберген.

Всего было проложено пять морских путей: «Ход в Немецкий конец» – вдоль берегов Кольского и Скандинавского полуостровов, «Новоземельский ход» – к островам Новой Земли, «Мангазейский морской ход» – к устью реки Таз в северо-западной части Сибири, «Енисейский ход» – к устью реки Енисей и «Ход грумандландский» – к архипелагу Шпицберген (рис. 1).

Северо-сибирский регион охватывал большое пространство северо-западной части Сибири – между реками Таз и Енисей. Его центром был Тазовский городок, построенный в конце XVI в. и переросший в город Мангазею. Основным видом хозяйства этого региона была добыча соболиной пушнины.

Рис. 1. Поморские ходы в морях Северного Ледовитого океана

1 – Ход в Немецкий конец; 2 – Новоземельский ход; 3 – Мангазейский морской ход; 4 – Енисейский морской ход; 5 – Енисейский речной и волоковый ход; 6 – Ход грумандландский; 7 – Ход верхотурский

Для достижения этого региона использовался «Мангазейский морской ход». Он проходил по побережью северных морей, а также рекам и озерам и по двум сухопутным волокам.

Основной зоной северо-русских промыслов в XVI–XVII вв. являлись архипелаг Шпицберген и Новая Земля, где велась добыча моржей, белух и песцов, а также рыбная ловля.

В настоящее время на Шпицбергене зафиксировано 70 поселений, остатки около 50 приметных крестов, 54 погребения и более трехсот деталей судов. Это указывает на высокую активность поморов в использовании промысловых ресурсов архипелага. В XVI–XVIII гг. Шпицберген был главным районом добычи моржовых клыков, которые высоко ценились на внешнем рынке.

Рис. 2. Деревянные предметы русских поморов (по: Старков, 2008)

1 – Крест-мощевик XVI в.; 2 – русский алфавит XVI в.; 3 – икона-киот. Музей «Помор», Баренцбург, Шпицберген

Продолжительный период поморской деятельности на архипелаге Шпицберген послужил основой для выявления большого количества исторических объектов XVI–XVIII вв.

В 50-х гг. XX в. комплексная Скандинавская экспедиция положила начало современному изучению исторических памятников на этом архипелаге (руководитель экспедиции Х. Христиансон).

Рис. 3. Моряки французского корвета «Решерш» у креста, поставленного русскими поморами. Литография Огюста Майера. 1838 г. Музей «Помор», Баренцбург, Шпицберген

Наибольший вклад в изучение русского контекста истории Шпицбергена внесла экспедиция Института археологии РАН, которая работает там начиная с 1978 г. За это время был получен большой материал, который послужил основой для решения многих вопросов, связанных с историей освоения этого архипелага.

Наиболее острым является вопрос об открытии архипелага Шпицберген (Старков, 1998). Существует три точки зрения на это историческое событие: скандинавские викинги (конец XII в.), русские поморы (конец XV – середина XVI в.), голландская экспедиция Виллема Баренца (1596 г.).

Нужно отметить, что точка зрения о посещении викингами района архипелага Шпицберген не имеет убедительных доказательств. Не вызывает сомнений важность похода В. Баренца в этот район удаленной Арктики в 1596 г. Именно тогда состоялось официальное открытие Шпицбергена: он получил свое существующее доныне название и был нанесен на географическую карту (*Старков, 2001*).

Современный научный материал, связанный с изучением исторических объектов на архипелаге Шпицберген, освещает первоначальный, добаренцевский период. О нем свидетельствуют исторические, письменные и картографические источники. Особенно важный материал, связанный с первоначальным открытием архипелага, был получен при проведении там археологических исследований. К нему относятся пять русских поселений, даты которых лежат в пределах 1548–1593 гг. Особенно интересен вырезанный на обычной доске текст, найденный на поселении Ван-Мюйденбукта и рассказывающий о русском поморе по фамилии Мирейн, который там промышлял в 1593 г.

Говоря о предметах духовной культуры жителей Русского Севера, нельзя не упомянуть о древнерусском алфавите на небольшой деревянной планке, использовавшемся для обучения грамоте (рис. 2, 2), кресте-мощевике, покрытом филигранной резьбой и каноническими надписями (рис. 2, 1), иконе-киоте, выполненной в виде трехкупольного храма (рис. 2, 3), шахматных фигурках и резных годовых календарях. Все эти находки подтверждают высокий уровень духовной культуры русских промысловиков.

Большое количество предметов, связанных с русскими арктическими мореплавателями, было найдено при раскопках и в других районах Арктики: в поселении Мангазея на реке Таз и на полуострове Таймыр.

Важную роль в навигационной практике поморов играли так называемые «приметные кресты» (рис. 3). Они являлись путевыми метками, обозначавшими местонахождение морских и волоковых путей, навигационными приборами (их планки всегда ставились по линии север – юг) и обстановочными знаками для входа в гавань.

Таким образом, уже в XVI веке русские мореходы располагали всеми необходимыми средствами для обеспечения продолжительных походов в морях Северного Ледовитого океана: специфическими судами (большие и малые кочи), освоенными морскими трассами и необходимым навигационным обеспечением (*Старков и др., 2002*).

ЛИТЕРАТУРА

- Старков В. Ф.*, 1998. Очерки истории освоения Арктики. Т. I: Шпицберген. М.: Научный мир. 95 с.
- Старков В. Ф.*, 2001. Очерки истории освоения Арктики. Т. II: Россия и Северо-восточный проход. М.: Научный мир. 114 с.
- Старков В. Ф.*, 2008. Шпицберген. М.: Научный мир. 40 с.
- Старков В. Ф., Черносветов П. Ю., Дубровин Г. Е.*, 2002. Материальная культура русских поморов по данным исследований на архипелаге Шпицберген. Вып. 1: Остатки судов. М.: Научный мир. 152 с.

Сведения об авторе.

Старков Вадим Федорович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: starko-vadim@yandex.ru.

V. F. Starkov

REMOTE TRADITIONAL LIVELIHOODS
OF THE RUSSIAN POMORS IN THE 15th–18th CENTURIES

Abstract. Exploitation of remote areas in the Russian North has a long history. It began in the 12th century when a distinctive variant of the Russian culture that subsequently spread across a vast area up stretching to the Asian North and the isles of the Arctic Ocean came about. Five Arctic marine passages connected the Pomor lands with the north of Western Siberia, the Novaya Zemlya archipelago and the Spitsbergen archipelago. Local population engaged in fishing and hunting to harvest wild animals in order to produce items for sale such as walrus tasks, hides of white bears and sea animals. Fishing was also an important subsistence activity. Specific types of sea boats such as big and small *koches* that could move across sheets of ice were used. There are a lot of historical sites preserved in these areas (settlements, parts of boats, and beacon (navigation) crosses. The results of the explorations concluded that the Russian Pomors had all necessary means at their disposal to exploit these Arctic areas as early as the 16th century.

Keywords: Spitsbergen, marine passage, archipelago, beacon crosses, Pomors.

About the author.

Starkov Vadim F., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: starko-vadim@yandex.ru.

В. Л. Державин

О КУЛЬТУРНОЙ АТРИБУЦИИ «ЛАГЕРЯ ЧИЧАГОВА»
НА ШПИЦБЕРГЕНЕ

Резюме. В 1979 г. Шпицбергенская экспедиция Института археологии в заливе Решерш исследовала лагерь экспедиции В. Я. Чичагова, который являлся перевалочной базой и складом для нужд экспедиции 1764–1766 гг. Археологические раскопки выявили остатки нескольких срубов и крестов. На основании полученного материала и привлечения изобразительных и письменных источников удалось установить, что жилищные постройки позже стали использовать промышленники-старообрядцы. Именно этим объясняется большое количество найденных предметов поморских промыслов, которых у моряков не было.

Ключевые слова: Чичагов, поморы, лагерь, становище, Рындин, моряки.

В 1979 г. Шпицбергенская экспедиция Института археологии РАН под руководством В. Ф. Старкова практически полностью исследовала археологический памятник в заливе Решерш на Шпицбергене, известный в научной литературе как «лагерь Чичагова» (Старков, 1996). Это зимовочная база русской морской экспедиции была заложена на архипелаге в 1764 г. Она должна была выполнять вспомогательную функцию для экспедиции В. Я. Чичагова, цель которой состояла в открытии морского пути из Колы и Архангельска к Камчатке и Алеутским островам. Маршрут судов должен был пролегать вдоль берегов Западного Шпицбергена и в сторону Гренландии согласно проекту М. В. Ломоносова. Два плавания В. Я. Чичагова на север состоялись в 1765 и 1766 гг. В целом они завершились вполне ожидаемой неудачей. Экспедиционные суда не смогли подняться выше 80°30' северной широты из-за тяжелых льдов. Еще в августе 1764 г. русские корабли вошли в большой залив Беллсунн и на западном берегу маленькой бухты Зюйдовой (на современных картах это залив Решерш) собрали пять привезенных из Архангельска деревянных домов, склад и баню. Всего в лагере остались на зиму 16 человек во главе с подпоручиком Моисеем Трофимовичем Рындиным. Лагерь служил запасным пунктом на архипелаге на случай непредвидимой зимовки моряков, а также там складировались запасы продовольствия и снаряжение для экипажей судов (Миллер, 1996. С. 135).

В 1910 г. в заливе побывал норвежский ботаник Х. Л. Норберг, который остатки лагеря принял за крупный русский монастырь. Он же произвел и его первые промеры: «23 м в длину и 6,2 м в ширину. Фундамент сооружен из круглого леса; строение было разделено на 6 помещений. Вокруг этого большого здания стояло 5 отдельных домов: 3 небольших (3,8 м по одной стороне) и 2 более крупных (11,2 м в длину), причем один из них разделен на 4 помещения. Все эти постройки были, очевидно, жилыми помещениями, поскольку имели очаг (возможно, печь для выпечки хлеба) из крупного, хорошо обожженного кирпича» (Старков, 2011. С. 117–120). Кроме описания, Норберг набросал схематичный план, на который нанес вышеперечисленные постройки, а также мощный сруб, служивший основанием для поклонного креста.

Памятник расположен на мысе Томтодден на 78°30' с. ш. западного берега бухты Решерш в 4 км от ее входа, которая являлась южным «рукавом» залива Беллсунн (рис. 1; 2). Лагерь находился на уровне первой террасы высотой около 4 м, задернованной мхом и с обеих сторон ограниченной руслами двух ручьев. К началу раскопок на памятнике насчитывались остатки пяти отдельных жилищно-хозяйственных комплексов, включавших в общей сложности 16 помещений (сени, теплые и холодные срубы). Самая крупная – постройка I, состоявшая из пяти помещений, была ориентирована в направлении СВ – ЮЗ (рис. 3).

На памятнике было найдено относительно большое число археологических находок, которые частично опубликованы (Старков, 1996. С. 94–106). Но насколько надежно можно соотнести ту или иную категорию предметов с культурной атрибуцией самого памятника, если его рассматривать только как базу русской морской экспедиции? Принципиальное отличие «лагеря Чичагова» от остальных поселений Шпицбергена (становищ и европейских китобойных станций) состоит в том, что он представлял собой единственный на архипелаге памятник высокоширотного мореплавания XVIII в. Но в его культурном слое встречена многочисленная

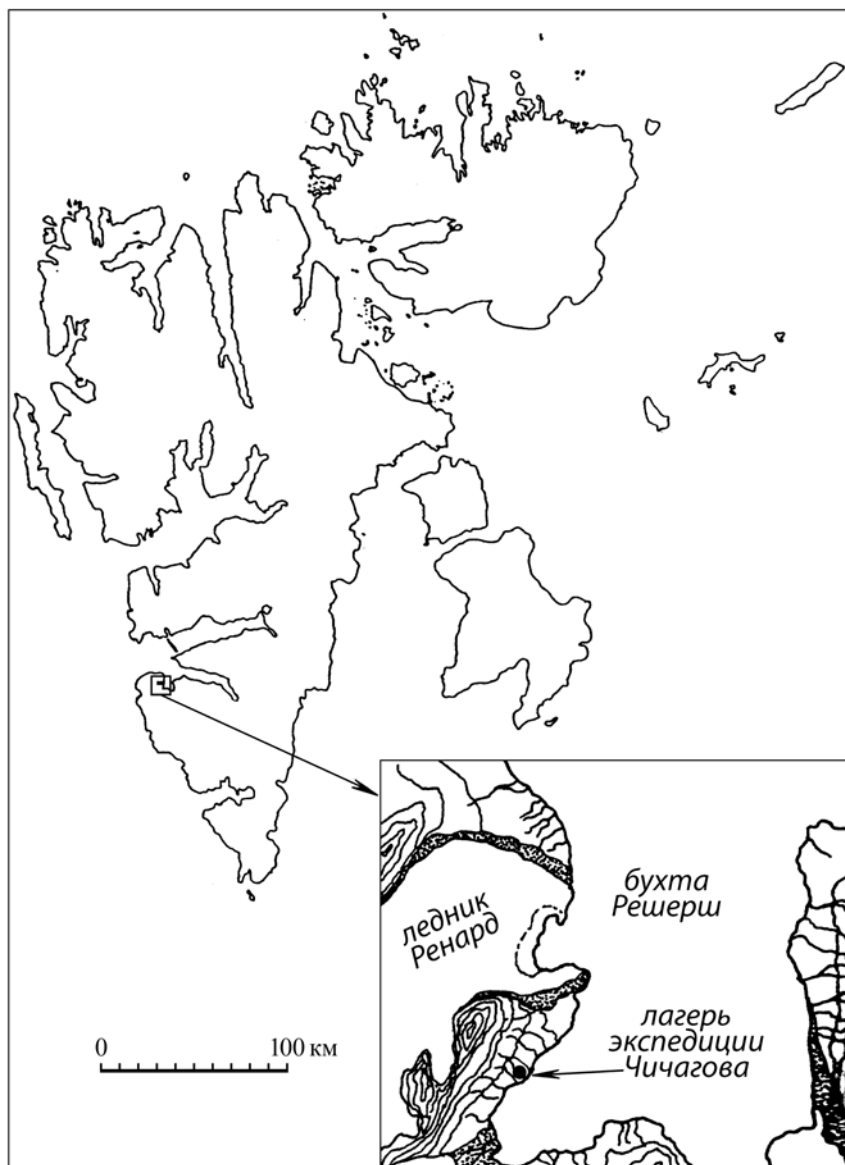

Рис. 1. Карта Шпицбергена с указанием месторасположения «лагеря Чичагова»

и специфическая группа находок, принадлежность которой зимовавшим в заливе Решерш морякам вызывает вопросы, а поэтому нуждается в объяснении.

На этом памятнике обнаружено большое число предметов, связанных с промысловой деятельностью, которой моряки М. Рындина, как известно из источников, никак не могли заниматься, да и навыков для этого у них не было. Об этом

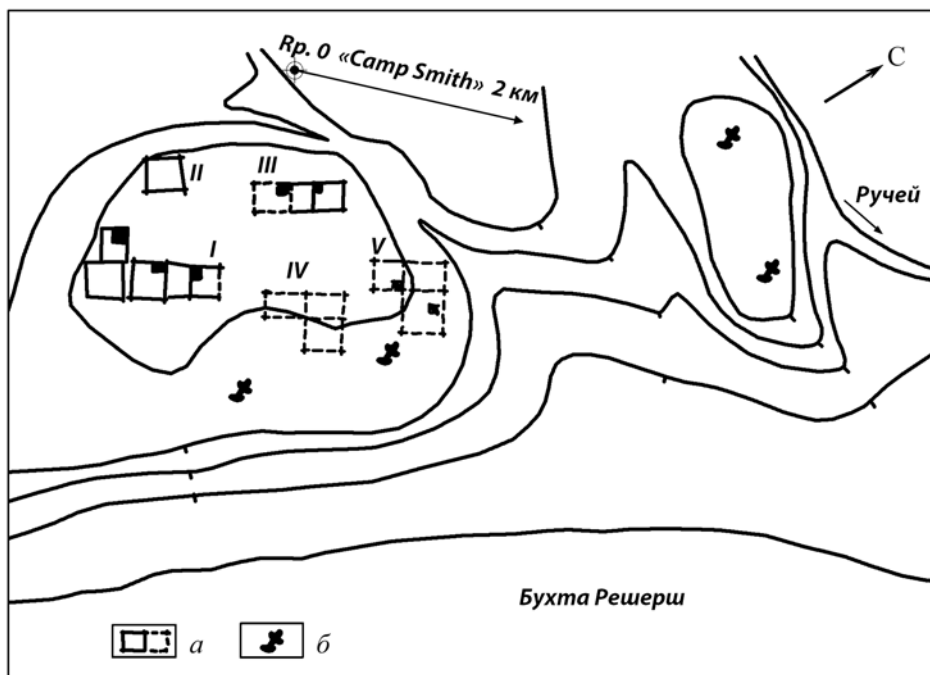

Рис. 2. План «лагеря Чичагова» на мысе Томгоден

свидетельствует список снаряжения, отпущенного экипажам кораблей В. Я. Чичагова и оставшимся на зимовку морякам (ЦГАВМФ. Фонд 212, опись 1, дело 123).

Среди промысловых орудий, которые могли быть в распоряжении как моряков, так и поморов, есть только багры (рис. 4, 5). В пределах постройки I их найдено 2 экз. и оба в холодной клети «Д», которую с большой долей вероятности можно считать амбаром (складом). Багры являются довольно универсальным орудием, которое использовалось не только для охоты на некрупного морского зверя, но и употреблялось в морском деле для буксировки лодок, отводки льдин и т. п. Они не встречаются на памятниках Шпицбергена ранее XVIII в. и мало чем отличаются от современных (Завьялов, 1990. С. 146).

Довольно много найдено железных промысловых копий и гарпунов. Всего их, включая обломанные фрагменты, судя по полевой описи, десять. Типологически копьё делятся на две категории: 1) копьё с втулкой; 2) копьё листовидной формы и черешковым основанием (рис. 4, I). Все они были снабжены в основании круглым сквозным отверстием для крепления с древком посредством веревки. Эти копьё найдены в следующих помещениях: клеть «А» – 2, клеть «Б» – 4, клеть «Д» – 4.

В сенях «Б» найдены «фрагменты 10 горшков, 10 мисок, ладки (северорусский тип керамического сосуда с ручкой), точильный камень, скол ружейного кремня, лодочный шпангоут, детали нарт, деревянная лопата, медная орнаментированная пуговица и многочисленные бондарные изделия (клепки от бочек, бочонков и ушата), среди изделий из железа привлекают внимание орудия, связанные с промыслами: рогатина, копьё и гарпуны» (Старков, 1996. С. 103).

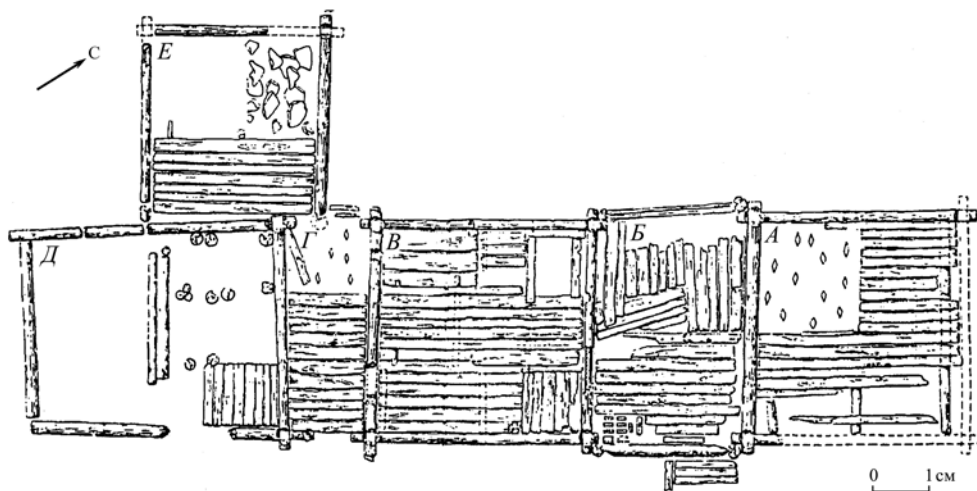

Рис. 3. План постройки I

Керамика представлена серой и красноглиняной посудой только во фрагментах. Это горшки, миски, ладки, сковороды, часто встречающиеся на становищах Шпицбергена.

Рогатины были необходимы для защиты от белого медведя и в меньшей степени для охоты. Они числились в списке необходимого снаряжения экспедиции, но могли принадлежать и поморам-промышленникам. Найденная при раскопках железная рогатина представляла собой массивное втульчатое штыкообразной формы орудие с заостренным штырем длиной 30 см. Длина рогатины с втулкой составляла около 50 см, диаметр втулки 5,5 см (рис. 4, 2).

Железные гарпуны для моржовой охоты обладали втульчатыми насадами и были снабжены боковыми шипами. Острия гарпунов и шипы в разрезе имели уплощенное ромбовидное сечение. Основание втулок обычно было отогнуто на внешнюю сторону для прочного крепления линия. Длина гарпунов колебалась от 24 до 28 см, а длина шипов не превышала 4–5 см.

В центральном помещении «В» постройки I обнаружены фрагменты «10 керамических горшков и 4-х мисок, железные гвозди, фрагмент ухвата, багор, желобчатый бурав и др.» (Старков, 1996. С. 103). К юго-западу клетки «В» примыкали узкие сени «Г», в которых были найдены фрагмент кожаного сапога (голенище), еще один железный бурав (сверло), железная жиковина, гвоздь, фрагмент венчика сосуда и деревянная основа небольшой иконы со стертым письмом. Коловорот с деревянной рукояткой в публикации обозначен как происходящий из сеней «Б» постройки I, но если исходить из описи, то находка найдена в теплом помещении «В» (рис. 4, 4). Автор публикации справедливо обратил внимание на то обстоятельство, что набор найденных предметов «вполне сопоставим с тем комплексом находок, который сопровождает поморские промысловые становища на Шпицбергене» (Старков, 1996. С. 105). Однако коловорот, по его мнению, являлся редким исключением и не использовался при плотницких работах промышленниками.

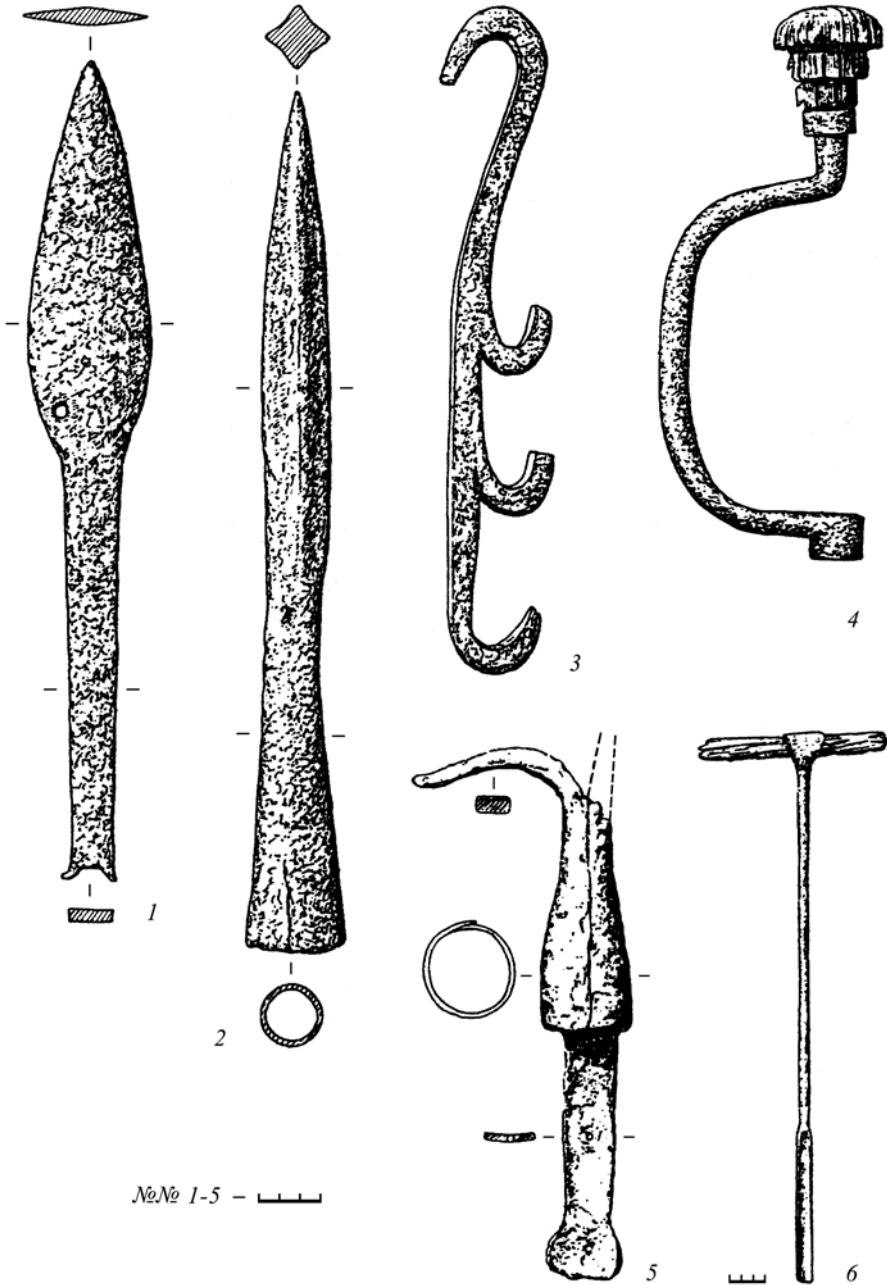

Рис. 4. Находки

1 – промысловое копье; 2 – рогатина; 3 – очажный крюк; 4 – коловорот; 5 – багор; 6 – бурав

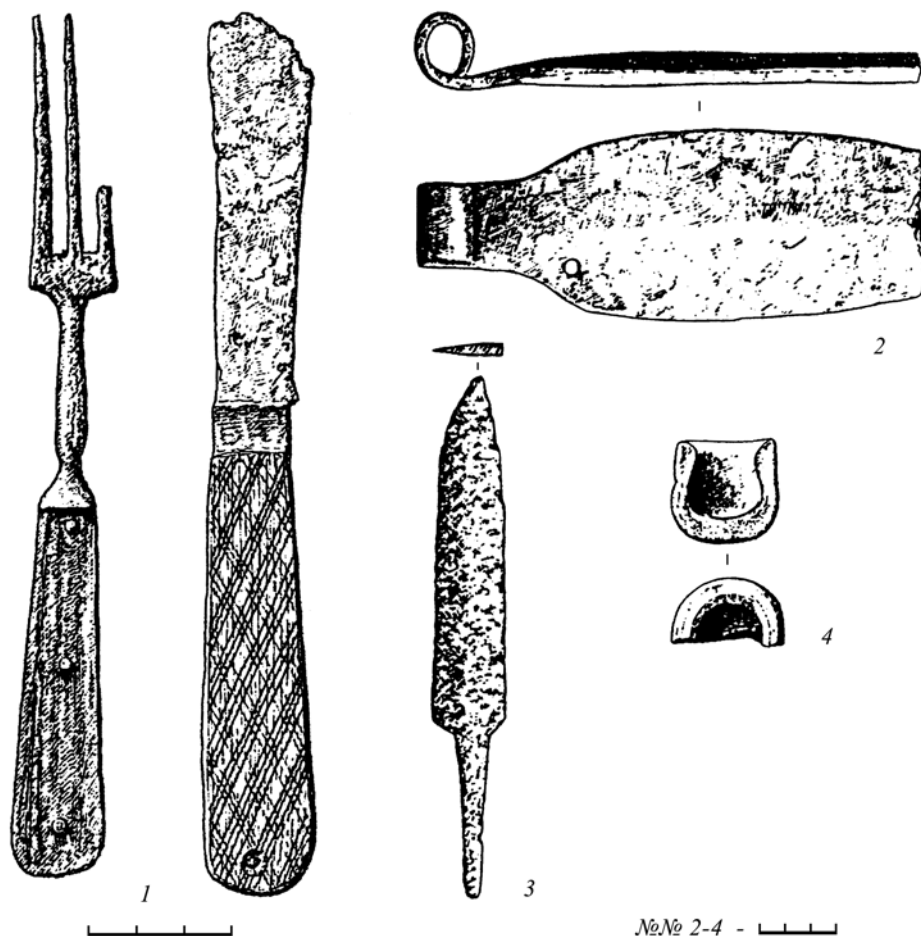

Рис. 5. Находки

1 – столовый набор; 2 – промышленное копьё, перекованное в дверную петлю; 3 – охотничий нож; 4 – фрагмент тигля

Он, скорее всего, входил в набор корабельных инструментов, взятых экспедицией (Завьялов, 1990. С. 138). И такое предположение вполне обоснованно, т. к. в списке моряков отряда Рындина числился судовой плотник Федор Тимофеев, умерший во время второй зимовки (Перевалов, 1949. С. 415).

Большая часть находок связана с клетью «Д», в которой были обнаружены фрагменты глиняной посуды (миски, тарелки, ладки), жировой керамический светильник, игольник роговый, гребень, нож, фрагмент тигля (рис. 5, 3, 4), рукоятка ножа, кресало, гвозди, табакерка, очажный крюк (рис. 4, 3), гвозди, наконечник деревянной стрелы – тамары, деревянные лопатки, металлические накладки, свинцовые пули, фрагменты кожаной обуви и тканей, а также различные деревянные изделия во фрагментах (Старков, 1996. С. 103). Определенный интерес представлял необычный столовый набор, состоявший из вилок

и ножа с деревянными рукоятками, которые украшал ромбический сетчатый узор (рис. 5, 1). По мнению автора публикации, они представляли собой изделия европейского происхождения и могли принадлежать подпоручику Моисею Рындину. Вероятно, «в ходе зимовки для удобного ведения хозяйства М. Т. Рындин вскоре перебрался из специально поставленной для него избы в коллективное жилище I, судя по находке там прибора европейского образца» (Старков, 1996. С. 104). Это предположение было высказано ранее также В. И. Завьяловым (Завьялов, 1990. С. 153). Однако оно является, на наш взгляд, чисто умозрительным. Прибор мог принадлежать любому офицеру экспедиции из числа посетивших лагерь зимовщиков летом 1766 г. и пробывших в нем несколько дней, в том числе самому В. Я. Чичагову (Миллер, 1996. С. 166). Судя по находкам в помещении «Д», можно предположить, что там находилась «кают-компания», чем и объясняется находка столового прибора.

В пределах трехчастной постройки III число находок невелико. Это фрагменты керамики, деревянных изделий, два полоза от нарт, железные гвозди, крышка туеса, сланцевый оселок, фрагмент наличника, пробки, клинья.

Постройки IV и V не раскапывались, а выделялись на поверхности почвы только по «негативным» отпечаткам бревен нижних венцов, как и «следы» срубов от крупных православных крестов. Поэтому у исследователей создалось впечатление, будто они были частично разобраны еще во время функционирования лагеря, что, конечно, не исключено, если принять во внимание гибель половины отряда Рындина в течение второй драматической зимовки 1765/1766 гг. и острый дефицит плавника для растопки в этом районе залива (Старков, 1996. С. 104).

Подводя итоги археологическому изучению лагеря экспедиции в заливе Решерш, В. Ф. Старковым была высказана мысль, что «быт обитателей лагеря был организован по образцу быта на Шпицбергене поморов-промышленников», на чем якобы настаивал М. В. Ломоносов. На самом деле он значительно большее внимание уделял правильной организации плавания на судах в арктических широтах и обеспечению безопасности моряков, поскольку от этого зависел успех всего предприятия (Перевалов, 1949. С. 192–195). А «зимовью» на Шпицбергене М. В. Ломоносов отводил лишь вспомогательную роль как перевалочной базе и складу.

Подробный список взятого на корабли снаряжения и рекомендации М. В. Ломоносова совсем не дают повода говорить о том, что моряки отряда Рындина должны были обязательно заниматься зверобойным промыслом. Такая задача перед ними не стояла, хотя их и снабдили рогатинами, которые они могли использовать на случай нападения медведей, а также «силками и тенетами для ловли гусей и оленей. Сверх того, топоры, долота, буравы, скобели, гвозди, скобки, лопатки, кирки, ломы, конопать, вар, смолы, войлоки и прочие мелкие надобности, без скудости» (Там же. С. 472).

Но в реестре взятого инвентаря и орудий полностью отсутствуют гарпуны и промысловые копья. Мало того, в постройках найдены полозья от нарт (комплекс III), которые также отсутствуют в списке транспортных средств, в отличие, например, от шлюпок и карбасов. Нартами поморы обычно пользовались зимой для сообщения между станками и обхода песцовых ловушек. Помимо этого, при раскопках лагеря оказались найдены два наконечника тамары (сени «Б» и клеть «Д») – деревянные стрелы, которые поморы позаимствовали у малых

народов Севера (саамов и ненцев) для охоты на мелкого пушного зверя. Абсолютно невозможно себе представить, чтобы на Шпицберген моряки Рындина взяли с собой лук и стрелы.

Включенные в состав экспедиции поморы, в т. ч. и шесть опытных кормщиков (всего 29 человек), хорошо знакомых с ледовой обстановкой в районе архипелага, как было уже сказано, все оставались на кораблях. Там их присутствие, по мнению М. В. Ломоносова, было крайне необходимо. Особенно важно было участие в плавании опытных торосовщиков из Поморья, умевших ходить на лыжах, поэтому все они были зачислены в штат судовых экипажей.

Поскольку экспедиция носила сугубо секретный характер, то промыслы должны представляться «как побочное дело и больше для прикрытия от иностранных сего походу, якобы оной происходил для тамошней китовой ловли» (*Перевалов*, 1949. С. 256). С этой целью для китоловного промысла, а больше для его имитации, по замыслу М. В. Ломоносова, в заливе на зимовку должны были остаться два пинка и один бот с семью кормщиками-поморами. Но этот план остался нереализованным, как, впрочем, и многие другие его предложения. Видимо, сказалась преждевременная кончина М. В. Ломоносова почти за месяц до начала первого плавания в 1765 г., после которой «научным руководителем» экспедиции был назначен малоинициативный академик Франц Эпинус (*Соколов*, 1854. С. XLVII).

Отсутствие находок, связанных с эпиграфикой, которые «являются одним из ведущих компонентов поморского предметного комплекса», по мнению автора публикации, несколько необычно, поскольку для полноценной зимовки весьма важны предметы, связанные с проведением досуга и духовной культурой, в т. ч. и эпиграфические памятники (*Старков*, 1996. С. 105). Письмена на деревянных, реже костяных, предметах на Шпицбергене больше характерны для старообрядческих становищ, но находят их относительно часто, хотя далеко не везде. К тому же староверов в отряде Рындина не было.

Вместе с тем Адмиралтейств-коллегия позаботилась и о духовном окормлении участников экспедиции, которых, помимо сопровождавшего корабельного священника, снабдили образами и богослужебными книгами: Псалтирь, Новый Завет, Треника, Шестоднев, Триодь Цветная и Постная, Четьи-Минеи и т. д. (РГАВМФ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 123).

Если внимательно присмотреться к французским литографиям поклонных крестов художника Огюста Майера 1838 г. (рис. 6; рис. 3 к ст. В. Ф. Старкова на с. 331), то на изображенных крестах, хотя и не совсем отчетливо, просматривается старое письмо. Но какое они все-таки имеют отношение к экспедиции В. Я. Чичагова? Еще раз напомним, что на памятнике к моменту его исследования сохранились остатки четырех крестов: два имели фундаменты от не сохранившихся срубов и располагались близко к берегу вблизи построек IV и V, а еще два без срубного крепежа стояли на соседнем мысу через ручей, и, скорее всего, были закреплены каменной наброской. По мнению В. Ф. Старкова, эти кресты «связаны с какими-то более древними поморскими сооружениями, существовавшими на этом участке побережья задолго до 1764 г.» (*Старков*, 1996. С. 102), что вряд ли возможно. В документах экспедиции об этой информации полностью отсутствует, иначе следы пребывания поморов были бы зафиксированы в судовом журнале.

Рис. 6. Залив Решерш, мыс Томтоден. Огюст Майер, 1838. Литография

В заключительной части статьи делается вывод о постепенной *деградации* морской базы в заливе Решерш по причине двух проведенных тяжелейших зимовок, а также из-за отсутствия помощи со стороны В. Я. Чичагова (*Старков*, 1996. С. 106).

Вопрос о так называемой «деградации» лагеря экспедиции является сложным и многовекторным, а в целом связан с упадком русских звериных промыслов на архипелаге, причем на Шпицбергене это происходило повсеместно, но к тому времени база Рындина давно прекратила существование. Вместе с тем разбор этой непростой проблемы не входит в круг обсуждаемых в данной работе вопросов. Тем не менее можно уверенно утверждать, что промышленники-староверы Даниловой (Выговской) пустыни из соседнего становища, хорошо знавшие базу Рындина и «чинившие вспоможение» не приспособленным к зимовкам в Арктике русским морякам (*Мюллер*, 1996. С. 164), позже сами пришли на мыс Томтоден им на смену, заняв уцелевшие постройки. Почти все находки, связанные с промыслами (копья, гарпуны, возможно, и багры, деревянные стрелы-тамары, поморская керамика), были сконцентрированы в пределах постройки I, а полозья нарт – в постройке III. Именно в этих избах, видимо, и поселились промышленники, но произошло заселение после ухода кораблей В. Я. Чичагова, не раньше осени 1766 г.

В статье В. Ф. Старкова отмечается одно интересное обстоятельство. «Несмотря на то, что зимовщики занимались рыболовством и охотой на морских и наземных млекопитающих и птиц (при раскопках, помимо промысловых орудий, найдено *не очень значительное количество* костей моржа, северного оленя, песца,

птицы, рыбы), объем этой добычи из-за значительных запасов продовольствия, завезенного с материка, был, очевидно, небольшим и не удовлетворял физиологических потребностей зимовщиков в свежем мясе» (Старков, 1996. С. 105). Но в отчете за 1979 г. сказано совсем иное, а именно то, что «при раскопках было найдено *большое количество костей животных: оленей, песцов, медведей, моржей; последние представлены раздробленными черепами, из которых были извлечены клыки*» (Старков, 1979. С. 6). Несомненно, что не имевшие соответствующих навыков моряки Рындина никак не могли охотиться на этих животных.

Имеющиеся археологические, письменные и изобразительные источники определенно свидетельствуют о двух этапах заселения мыса Томтодден. Первый и непродолжительный период (1764–1766 гг.) связан с постройкой и функционированием базы отряда Рындина, а второй, безусловно, более продолжительный, – с поморами-старообрядцами. Когда в 1838 г. в залив прибыло французское исследовательское судно «Решерш», то там уже давно никто не промышлял, а строения и кресты, за редким исключением, к тому времени пришли в полное запустение. Очевидно, база трансформировалась в *становище*, в котором обосновались поморы, и просуществовала не дольше первой трети XIX столетия. Сейчас трудно установить, пришли ли поморы в залив сразу же после того, как его покинули корабли В. Я. Чичагова или некоторое время спустя. К сожалению, стратиграфические данные по памятнику в отчете отсутствуют (Там же. С. 1–7).

В результате последовательность и этапы освоения участка на мысе Томтодден в заливе Решерш оказались не до конца выяснены. Именно по этой причине исследователь памятника пришел к неверному заключению о том, что «зимовщики, занимались ... охотой на морских и наземных млекопитающих» (Старков, 1996. С. 105), хотя звериными промыслами там позже занялись пришедшие на смену им поморы.

ЛИТЕРАТУРА

- Завьялов В. И., 1990. Изделия из черного металла // Очерки истории освоения Шпицбергена. М. С. 134–156.
- Миллер Г. Ф., 1996. Сообщения по истории России. Избранное. М.: Наука. 451 с.
- Перевалов В. А., 1949. Ломоносов и Арктика. М; Л.: Главсевморпуть. 504 с.
- РГАВМФ. Фонд 212. Опись 1. Дело 123.
- Соколов А. П., 1854. Проект Ломоносова и экспедиция Чичагова. СПб.: Изд. Гидрографического департамента. 150 с.
- Старков В. Ф., 1979. Отчет об археологических исследованиях на архипелаге Шпицберген // Архив ИА РАН. Р-1. № 8379.
- Старков В. Ф., 1996. Лагерь полярной экспедиции В. Я. Чичагова на архипелаге Шпицберген // Русские морские экспедиции XVIII в.: Очерки комплексного изучения памятников материальной культуры / Отв. ред. А. К. Станюкович. М. С. 94–106.
- Старков В. Ф., 2011. Первые археологические раскопки на архипелаге Шпицберген. М.: Таус. 127 с.

Сведения об авторе.

Державин Виктор Леонидович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия e-mail: derzh@yandex.ru.

V. L. Derzhavin

CULTURAL ATTRIBUTION OF THE CHICHAGOV CAMP
ON THE SPITSBERGEN ARCHIPELAGO

Abstract. In 1979 the Spitsbergen Expedition of the Institute of Archaeology explored the camp of the expedition led by V. Ya. Chichagov in the Recherche Strait. This camp was a supply and storage base to support the 1764–1766 expedition. The archaeological excavations revealed remains of several blockhouses and crosses. Based on the materials obtained as well as drawings and written sources, it was established that the residential structures were subsequently used by fur hunters who were old rite believers. This fact explains a large number of Pomor items used in hunting and fishing that the seamen did not have.

Keywords: Chichagov, Pomors, camp, temporary settlement, Ryndin, seamen.

About the author:

Derzhavin Viktor L., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: derzh@yandex.ru.

В. А. Буров

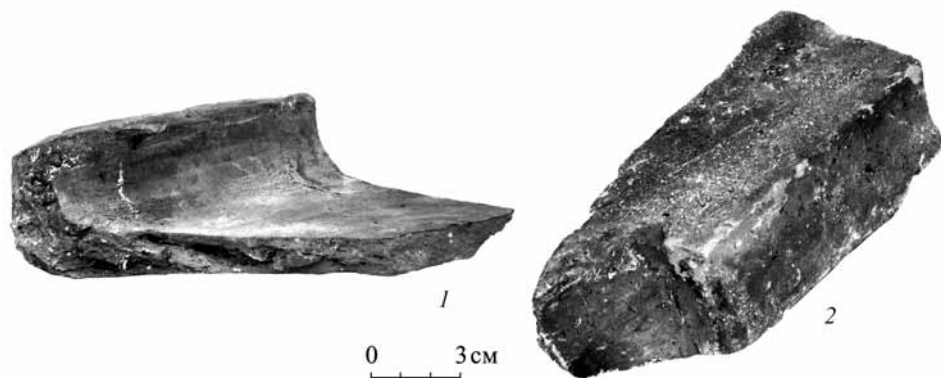
ЧЕРЕПИЧНЫЕ КРОВЛИ НА СОЛОВКАХ В XVII–XIX ВВ.
(ПО ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ)

Резюме. Анализ письменных источников позволяет связать находимые на территории Соловецкого монастыря фрагменты черепицы трех видов с конкретными датами. Серолощенная лотковая черепица должна относиться к гостиным кельям 1644 г. Черепицу для них изготовил московский мастер-черепичник Харитон. Поливная городчатая лемеховая черепица украшала главку и барабан построенной в 1663 г. деревянной часовни преп. Германа. Красноглиняную черепицу изготавливали на Соловках с 1799 г. два десятилетия для кровель келейной застройки.

Ключевые слова: кровельная черепица, поливная черепица, Соловецкий монастырь.

В ходе раскопок на территории Соловецкого монастыря было выявлено три вида кровельной черепицы: серолощенная лотковая, поливная городчатая лемеховая и красноглиняная волнистого профиля. Первые два вида исследователи датируют XVI–XVII вв. (Хворостова, 2002. С. 204–214). Третий вид черепицы изготавливался на Соловках в самом конце XVIII – первой четверти XIX в.

Серолощенная черепица – крайне редкая находка. Семь обломков было найдено в траншее 2004 г. под силовой кабель к юго-востоку от Пряйдильной (Стратилатовской) башни с внешней стороны монастыря. Их размеры 8,1 × 17 см,

Рис. 1. Фрагменты серолощенной лотковой черепицы 1644 г. из раскопок в Соловецком монастыре

13,1 × 21,6 см, 8,8 × 17,4 см, 9,8 × 16 см, 7,8 × 11,1 см, 11,5 × 15 см, 8 × 16,8 см; высота бортиков 4,7 и 5,2 см (рис. 1). Они залегали в слое извести, битого кирпича вместе с полихромными поливными изразцами, свидетельствуя о ремонте какого-то явно неординарного здания, поскольку основным кровельным материалом являлся тес, а изразцовые печи в монастыре были редкостью. Обращение к монастырской документации способно пролить свет на обстоятельства появления данной черепицы на Соловках.

В приходо-расходной книге монастыря под 1644 г. находим запись: «Июля в 20 день. Дано черепичному мастеру Харитону Москвитину в почесть от черепичного дела 5 рублей» (ПРК 1643–1644 гг. Л. 35 об.). Неясно, привез ли Харитон уже готовую черепицу на Соловки или же он ее изготовил на месте. В том же году готовились железные ставни и слюдяные оконницы: «Продано железа в ставни» дватцать пуд по пол полтины пуд, денег взято 3 рубли; «гвоздя оконничного десять коробок з девятью колодки по осми алтын по 2 денги коробка» (Там же. Л. 7 об., 42). Тогда же пригласили еще одного московского мастера по трубам: 20 июля 1644 г. «приезжал с Москвы с опальным сыном боярским трубник Василий Акатов. Дано ему в почесть денег 2 рубли». Осенью того же года был вызван из Москвы другой мастер: «Октября в 5 день Приезжал с Москвы трубник Яков Руготин» (Там же. Л. 37–37 об., 44).

Из другого отрывка книги следует, что в 1644 г. в монастыре трудилась квалифицированная бригада из пяти каменщиков во главе с мастером Лукой, специализировавшаяся по строительству келий. На следующий год 15 февраля был «отпущен на Вологду каменской мастер старец Лука да с ним пять человек каменщиков на монастырской двор для келейново строеня. Дано им на дорогу денег 10 рублей» (ПРК 1644–1645 гг. Л. 19 об.).

Отметим, что соловецкая келья постройки 1644 г. возводилась при игумене Маркелле, который 21 июля 1644 г. уехал в Москву на поставление в Вологодские архиепископы (ПРК 1643–1644 гг. Л. 35 об. – 36; Буров, 2013. С. 150). Накануне, 20 июля, перед своим отъездом он рассчитался с черепичным мастером

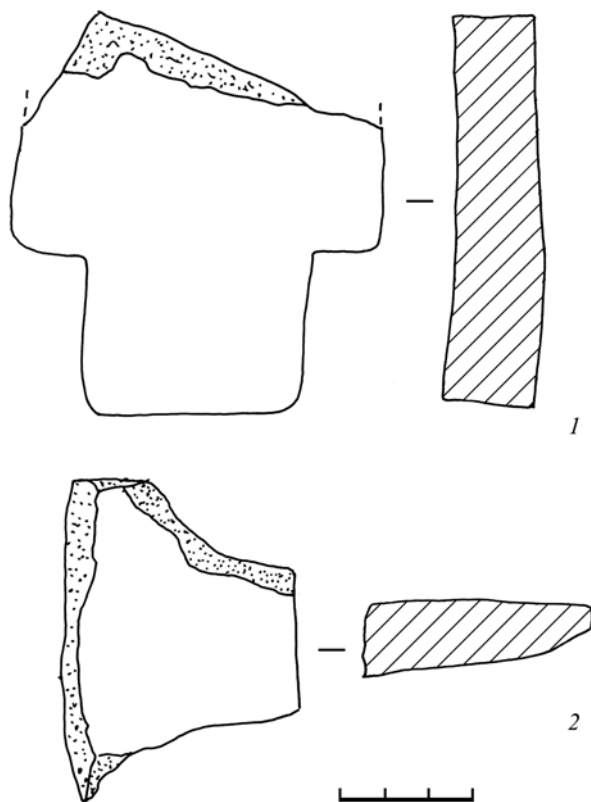

Рис. 2. Фрагменты поливной гордчатой черепицы

и трубником, что указывает на него как на заказчика. И вовсе неслучайно вскоре Маркелл вызвал к себе в Вологду артель каменщиков с Лукой. По сообщению Соловецкого летописца XVIII в., во время архиепископства Маркелла был «построен в Вологде огромный каменный дом с двором для Соловецкого подворья, в строении коего не малое оказано было пособие от его преосвященного» (Летописец Соловецкого монастыря... С. 66). Таким образом, редко встречаемые археологические фрагменты серолощенной лотковой черепицы должны иметь четкую дату появления на Соловках – 1644 г.

У нас имеются веские основания полагать, что данной черепицей покрыли новые каменные гостиные кельи и что именно для них были вызваны опытные мастера. Гостиные кельи предназначались для особых гостей. Как показали исследования архитекторов-реставраторов, фасад гостиных келий резко выделялся от прочих зданий особой нарядностью, а над входными дверями имелась настенная роспись крестов (*Савицкая*, 1997. С. 491–502). На 1644 г. как время возведения гостиных келий указывает и первое их упоминание спустя два года после строительства в связи с распределением мест в подклете (ПРК 1645–1646 гг. Л. 4 об.). Как отмечали в монастыре, на Соловках «по причине здешняго

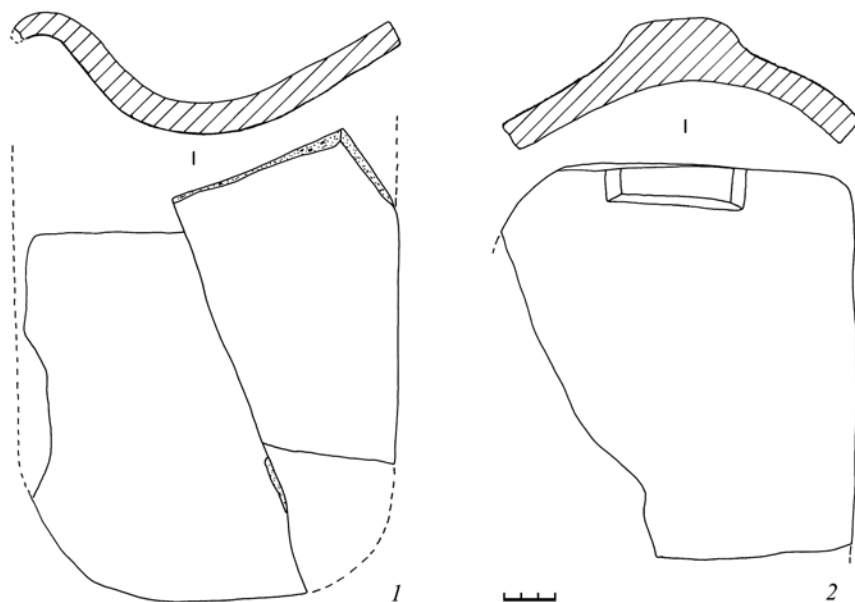

Рис. 3. Реконструкция красноглиняной черепицы 1799 г. – первой четверти XIX в.

хододного и сыраго климата, новое каменное строение может быть способно к безвредному для здоровья жительству в нем, по совершенной просушке на третий или четвертый год» (Дело 1837 г. Л. 9; Буров, 2011. С. 40, 47).

Что касается крупного ремонта гостиных келий, вследствие которого в строительный мусор попала не только черепица, но и изразцы, то он должен датироваться не ранее 1704 г. – временем установки изразцовых печей: «В апреле месяце у келарской в гостиной полатке по приказу господина отца нашего архимандрита Фирса зделана новая образчатая печь» (ПРК 1700–1711 гг. Л. 145).

Поливная городчатая лемеховая черепица в количестве 17 фрагментов была обнаружена при раскопках остатков деревянной Германовской часовни, перестроенной в 1663 г. для захоронения Вологодского архиепископа Маркелла (Буров, 2005. С. 75–91). Пластины покрыты сверху разноцветной поливой: зеленой (2 шт.), светло-зеленой (2 шт.), грязно-зеленой (2 шт.), желто-зеленой (6 шт.), сине-фиолетовой (2 шт.), бирюзовой (3 шт.). Черепица слегка изогнута по форме барабана и главки (рис. 2). Это указывает на то, что завершение новой деревянной Германовской часовни было нарядно оформлено.

Самыми многочисленными обломками в археологии Соловецкого монастыря представлена красноглиняная черепица; толщина ее 1,5–2,2 см. Целой черепицы собрать не удалось. Наиболее крупный фрагмент, склеившийся из двух частей, был найден на месте котельной мастерской в Новобратском корпусе (рис. 3). Форма черепицы лопатообразная – прямоугольная с закругленным низом, профиль слегка волнистый. На тыльной стороне вверху имеется выпуклый шип для закрепления черепицы. Крепежные отверстия не прослежены. Тыльная сторона присыпана мелкозернистым песком, очевидно, для большего сцепления

с поверхностью деревянной основы, на которую она накладывалась. Наружная сторона гладкая. Обжиг равномерный. В изломе черепок красный с включениями, как у кирпича. Черепица тяжеловесная. В ходе камеральной обработки фрагментов черепицы, их помывки обнаружилась гигроскопичность материала. Для севера это оказалось существенным недостатком. Сезонные намокания, замораживания и размораживания черепиц неминуемо приводили к многочисленным трещинам и последующему разрушению участков кровельного покрытия.

Скопление обломков красноглиняной черепицы отмечено под полами в засыпке в южной части Новобратского корпуса XIX в. (79 шт.) Она также встречена в строительном мусоре на месте разобранных братских келий Настоятельского корпуса (5 шт.), у Рыбных ворот, рядом с которыми стояли пороховые погреба и бывшие больничные кельи. На происхождение данной черепицы указывает сообщение Соловецкого летописца под 1799 г.: «*Начата делать в монастыре под смотрением наемнаго мастера штатными служителями кровельная черепица, в делании коей служители, научась, продолжают и сами сию работу с успехом*» (СЛ 1814 г. Л. 39).

Впервые этой черепицей были покрыты покои казначея и мастерские, перестроенные в 1799 г. из старых больничных келий: «Все сии палаты внутри и снаружи выбелены, покрыты зделанною в монастыре черепицею» (Там же. Л. 39 об.). Два года спустя, в 1801 г., в ходе перестроечных работ новой соловецкой черепицей были покрыты кельи Мельничного порядка к западу от новой больницы при церкви св. Филиппа: «Переправлены в монастыре с полуденную страну по одной линии с новой больницею на старом фундаменте каменные двухэтажные пространные кельи на обе стороны... покрыты черепицею» (Там же. Л. 40, 40 об.). В 1804 г. черепичную кровлю приобрел Новобратский корпус у Архангельских ворот: «В монастыре у Архангельских ворот стоящие особенно от прочих старые каменные двухэтажные кельи переправлены... покрыты черепицею» (Там же. Л. 43, 43 об.). Еще один корпус покрыли после 1814 г. Его упоминает архимандрит Макарий, описывающий строение с бывшими пороховыми погребами, к западу от флигеля наместника (под № 17): «В смежности с сим нежилое строение трехэтажное, внизу коего находятся погреба для поклажи разного железа, покрытое черепицею» (Макарий, 1825. С. 35). Это единственная постройка, сохранившая к 1825 г. черепичное покрытие. Все остальные кровли, по описанию архимандрита, были снова деревянные. Но и указанное строение сохраняло недолго черепичную кровлю. В 1832 г. «близ наместничьих келий на корпусе, который был покрыт черепицею, оная от ветхости и течи снята, покрыт новым тесом и на дегте красною черледью выкрашен» (Рапорт 1832 г. Л. 3). Срок службы красноглиняной черепицы оказался достаточно коротким.

Таким образом, анализ письменных источников позволяет связать найденные на территории Соловецкого монастыря фрагменты черепицы трех видов с конкретными датами возведения зданий или их реконструкции.

ЛИТЕРАТУРА

Бузов В. А., 2005. Церковь преподобного Германа Соловецкого XIX в.: История и археология // Соловецкое море: Ист.-лит. альманах. Вып. 4. Архангельск; М.: Товарищество северного мореходства. С. 75–91.

- Буров В. А., 2011. История келейной застройки Соловецкого монастыря XV–XIX веков. Архангельск: ИА РАН; Соловецкий гос. ист.-архитектурный и природный музей-заповедник. 490 с.
- Буров В. А., 2013. Государево богомолье – Соловецкий монастырь: Проблемы истории великой северной обители (XV–XVII века). М.; Архангельск: ИА РАН. 500 с.
- Дело 1837 г. Дело об устройении в Соловецком монастыре особой казармы на острожном дворе. 12 июня 1837 г. // РГИА. Ф 796. Оп 117. Д. 1433.
- Летописец Соловецкого монастыря, в коем повествуется о начале построения его, о бывших в нем начальниках ... по 1760 г. М.: Унив. тип., 1790. 100 с.
- Макарий, 1825. Описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря... М.: Синод. тип. 96 с.
- ПРК 1643–1644 гг. Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря 1643–1644 гг. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 45.
- ПРК 1644–1645 гг. Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря 1644–1645 гг. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 242.
- ПРК 1645–1646 гг. Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря 1645–1646 гг. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 245.
- ПРК 1700–1711 гг. Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря 1700–1711 гг. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 747.
- Рапорт 1832 г. Рапорт в Синод архимандрита Досифея. 11 октября 1832 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 113. Д. 1689.
- Савицкая О. Д., 1997. Благовещенский корпус Соловецкого монастыря // Памятники культуры. Новые открытия: ежегодник. 1997. М.: Наука. С. 491–502.
- СЛ 1814 г. Соловецкий летописец, или краткое и ясное описание о начальном житии на Соловецком острове. 1814 г. // Архив Русского географического общества. Рук. 10.4 1978.
- Хворостова Е. Л., 2002. Керамические покрытия кровель XV–XVII вв. (Москва и Московская область) // ТТЗ. Вып. 4. Тверь: Старый город. С. 204–214.

Сведения об авторе.

Буров Владимир Андронович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: burovvan@rambler.ru.

V. A. Burov

DATING THE GREY-BURNISHED ROOF TILES ON THE SOLOVKI ISLES
(BASED ON HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL DATA)

Abstract. The analysis of written sources helps connect the fragments of three types of roof tiles found within the compound of the Solovetsky Monastery to three specific dates. The grey-burnished tiles must be attributed to the Guest Cells of 1644. The roof tiles for the Guest Cells were made by a Moscow tile-maker called Khariton. The glazed crenulated roof tiles decorated the small dome and the dome drum of the wooden St. Herman Chapel built in 1663. Red clay tiles were produced on the Solovki Isles for two decades starting from 1799 to cover roofs of the cell buildings.

Keywords: roof tiles, burnished tiles, Solovki Monastery.

About the author:

Burov Vladimir A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: burovvan@rambler.ru.

УЧЕТ И ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ

К. И. Комаров

ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ ПЕРЕСЛАВСКОГО РАЙОНА ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ДАННЫМ МОНИТОРИНГА

Резюме. В статье представлены результаты мониторинга памятников археологии Переславского района Ярославской области, проведенного А. В. Кашкиным и К. И. Комаровым в 2012–2014 гг. Всего было обследовано 78 памятников. По результатам обследования уточнялась привязка памятников, топографические особенности, отмечались повреждения и утраты. Состояние памятников оценивалось как хорошее – 34; как удовлетворительное – 32; как плохое – 3. По большинству объектов заметного опасения за их состояние не отмечено.

Ключевые слова: мониторинг, Переславский район, памятник археологии.

Ярославская область расположена в северной половине Волго-Окского междуречья, которое в ходе истории стало основной территорией сложения великорусской народности. Археологическое наследие Ярославской области издавна было объектом пристального внимания исторической науки. Организация Д. А. Крайновым Верхневолжской археологической экспедиции ИА РАН в 1957 г. положила начало планомерному изучению археологического прошлого этого региона. Позже в эту работу включилась Волго-Окская археологическая экспедиция РАН под руководством А. Е. Леонтьева и группа Ярославского государственного университета под руководством И. Л. Станкевич. По программе паспортизации почти на все памятники археологии области была оформлена первичная учетная документация. На этой научной основе в серии «Археологическая карта России» был издан том по Ярославской области (Комаров, 2005; далее – АКР).

Поскольку со времени паспортизации памятников, производившейся в основном в 1970–1980-е гг., прошло не менее 30–40 лет, некоторые сведения о памятниках оказались устаревшими. Возникла необходимость проверить их современное состояние, установить наличие, утрату, повреждения, уточнить технические характеристики, установить их точное местоположение в современной координатной системе с использованием GPS-навигатора.

Особое внимание было обращено на установление владельца территории, на которой расположен памятник. По этому вопросу мы пользовались сведениями Комитета культурного наследия Ярославской области, оказывавшего

всестороннее содействие на всем протяжении работы. К сожалению, и физические, и юридические лица чаще всего не осведомлены о существовании на территории их владений тех или иных археологических объектов и владеют землей без всякого обременения и без оформленных надлежащим образом охранных обязательств. Это обстоятельство может привести, а иногда и приводит к повреждению и даже полной утрате памятника. Здесь отмечается серьезная недоработка местных органов по охране культурного наследия.

По данным свода «Археологическая карта Ярославской области», в Переславском районе числится 98 памятников археологии. По программе мониторинга в 2012–2014 гг. А. В. Кашкиным и К. И. Комаровым было обследовано 78 памятников археологии. Частично материалы этих работ (бассейн Плещеева озера) были опубликованы (*Кашкин, Комаров, 2014. С. 77–79*).

Определенные трудности в обнаружении археологических объектов возникли вследствие неточной их привязки на местности к тем или иным населенным пунктам. Исследователи прошлых лет не имели в своем распоряжении полноценных топографических карт и пользовались общедоступными административными картами с очень ограниченной и частью искаженной информацией. За прошедшие годы распахиваемые ранее поля во многих случаях заросли бурьяном, а иногда и древесной порослью. В результате серьезно преобразился ландшафт, некоторые объекты стали труднодоступными.

В ряде случаев было отмечено расхождение по привязкам памятников. По результатам обследования уточнено положение по расстоянию относительно ближайшего населенного пункта 35 объектов, по направлению – 26 объектов. Фиксация координат памятников по навигатору GPS производилась по четырем граничным точкам. В случаях более сложных по планировке памятников количество точек фиксации увеличивалось до 6–10 для возможно более полного очертания по контуру объекта. Особое внимание обращалось на уточнение высотных отметок памятника относительно подошвы террасы или возвышения, на которых располагался тот или иной памятник. В ранней документации из-за недостаточной оснащенности исследователей точными приборами определение высот производилось на глазок и не всегда соответствовало действительному положению. В некоторых случаях теперь корректировались размеры памятников, уточнялись их топографические особенности. В общей сложности удалось уточнить по размерам и положению 41 памятник из 78 обследованных.

Немаловажное значение имеет определение внешнего облика памятника, его техническое состояние. За прошедшее со времени паспортизации в результате антропогенной деятельности и воздействия различных природных процессов археологические объекты неизбежно претерпели существенные изменения. В результате прекращения распашки многих полей поверхность значительного количества поселений оказалась задернованной, что способствует лучшей сохранности культурного слоя. Такие изменения отмечены на 27 объектах. Древесная поросль (будущий лес), существенно изменившая внешний вид памятника, отмечена только в двух случаях.

В процессе обследования отмечались разного рода повреждения и утраты. Полностью утраченными можно считать два памятника: курган у д. Петрищево (см. АКР. С. 183) разрушен карьером, курганный могильник Киучер 2 (см. Там же. С. 174, 175) нарушен лесоповалом и плантажной распашкой под

новые лесопосадки. Четыре памятника оказались полностью застроенными (стоянки Галев поток и Польцо 2 – см. АКР. С. 156, 182) или занятыми дачными участками (селища Веслёво и Веськово 4 – см. АКР. С. 157, 159). Стоянка Кухмарь 3 и селище Криушкино 1 (см. Там же. С. 177, 179) застроены частично. Карьерными работами значительно сократился остаток культурного слоя на городище Рождественно (см. Там же. С. 184). Размывается рекой прибрежный участок стоянки Векса 3 (см. Там же. С. 183). На некоторых памятниках, в основном курганных могильниках, кроме старых поврежденных отмечены свежие кладоискательские раскопки (Горки, Киучер 1, Малая Брембола – см. Там же. С. 159, 173, 174, 183). Общая беда всех археологических памятников России – постоянный в последние годы грабеж с помощью металлодетекторов. Характерные следы незаконного изъятия металлических предметов из культурного слоя замечены практически на всех обследованных поселениях железного века и средневековья.

Особо следует отметить неудовлетворительное состояние уникального Клещина городища (Переславля старого – см. Там же. С. 150–161). В свое время по моей просьбе Переславский райисполком вывел из земель сельскохозяйственного назначения площадку городища, но она и поныне частично используется местными жителями под огороды. Также обращает внимание на себя тот факт, что территории ряда памятников на северном берегу Плещеева озера ныне оформлены в частную собственность с большой вероятностью их застройки в будущем. Так, тревогу вызывает перспектива сохранения селища Клещино 1, занимающего участок северного побережья озера между Александровой Горой и городищем. В этом случае речь идет не только об археологии. В случае осуществления запланированного строительства дачного поселка в этом месте никакие возможные спасательные раскопки не смогут компенсировать утрату важной части исторического ландшафта. С нашей стороны Комитету культурного наследия Ярославской области сделано представление об особом контроле за земельными участками, на которых расположены археологические памятники.

Некоторую озабоченность вызывает современное состояние культового объекта – знаменитого Синего камня (см. Там же. С. 162), до позднего средневековья служившего объектом поклонения. В 1850–1851 гг. он был выдвинут из озера ледяными торосами, где и до недавнего времени находился почти у кромки берега. Теперь же он оказался передвинутым к верхнему краю надпойменной террасы высотой немногим более 1 м и служит объектом внимания многочисленных туристов, некоторые из которых стремятся отколоть от камня хотя бы его частицу.

В целом по состоянию как хорошее (нет повреждений) нами оценивается 34 памятника, как удовлетворительное (повреждения незначительные) – 32, как плохое (значительные повреждения) – 3. Два ранее зафиксированных памятника (курганные могильники 1 и 2, расположенные в лесу у д. Высоково) пока не найдены.

ЛИТЕРАТУРА

- Кашкин А. В., Комаров К. И.*, 2014. Итоги мониторинга памятников археологии Плещеева озера // Археология: История и перспективы: Шестая межрегиональная конференция: Сб. ст. / Отв. ред. А. Е. Леонтьев. Ярославль: Рыбинский дом печати. С. 77–79.
- Комаров К. И.*, 2005. АКР. Ярославская область. М.: ИА РАН. 408 с.

Сведения об авторе.

Комаров Константин Иванович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117036, Москва, Россия; e-mail: Komaroff@yandex.ru.

К. I. Komarov

ARCHAEOLOGICAL SITES IN THE PERESLAVL DISTRICT OF THE YAROSLAVL REGION BASED ON MONITORING RESULTS

Abstract. The paper provides results of archaeological site monitoring in the Pereslavl District of the Yaroslavl Region conducted by A. V. Kashkin and K. I. Komarov in 2012–2014. The total number of the monitored sites is 78. The results of the monitoring were used to clarify site localization data, topographical features; damages and losses were documented as well. The conditions of the sites were rated as good in 34 cases, satisfactory in 32 cases and poor in 3 cases. No significant concerns about site conditions were observed for most sites.

Keywords: monitoring, Pereslavl District, archaeological site.

About the author:

Komarov Konstantin I., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: Komaroff@yandex.ru.

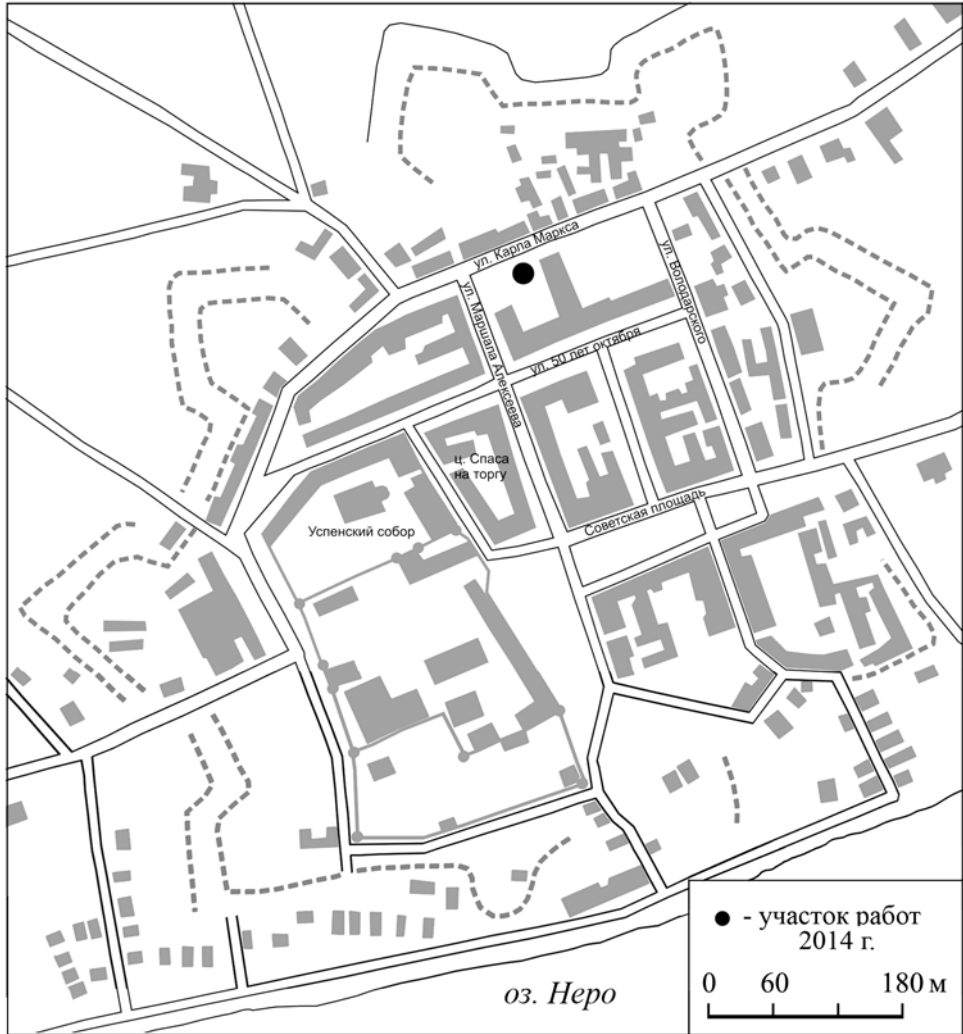
А. В. Кашкин, Н. Г. Самойлович

ОБ ОДНОМ СООРУЖЕНИИ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ В РОСТОВЕ ВЕЛИКОМ

Резюме. В статье приведены результаты охранных раскопок в центральной части Ростова Великого. Впервые на территории Ростова зафиксированы хорошо сохранившиеся отложения петровского времени. Местоположение и специфика находок позволяет соотнести сооружение с «Большим питейным домом», отмеченным на плане Ростова 1755 г.

Ключевые слова: Ростов Великий, новое время, сруб, керамические сосуды.

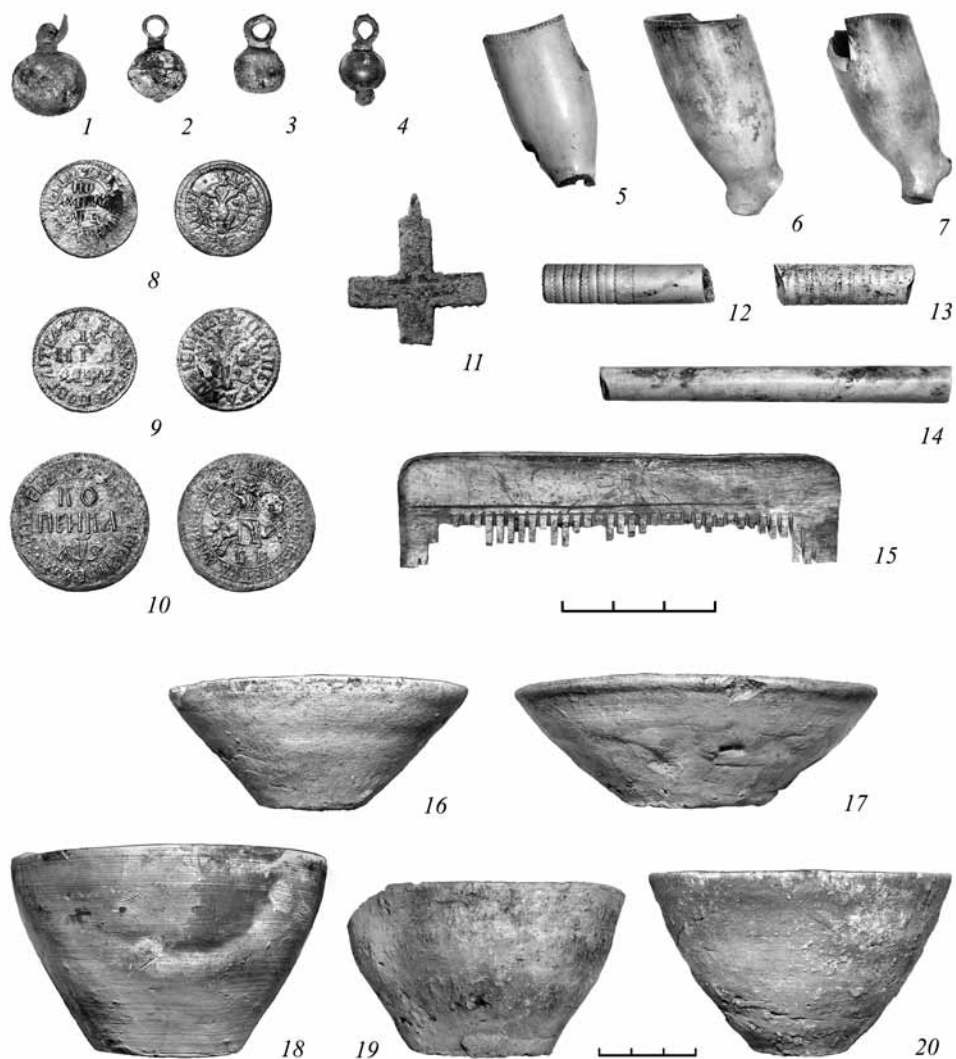
В 2014 г. Волго-Окская экспедиция Института археологии продолжала охранные работы в центральной части Ростова Великого. Одним из участков проведения работ была территория в центре города на пересечении ул. К. Маркса и Маршала Алексея (рис. 1). Здесь на глубине около полутора метров от современной поверхности были зафиксированы остатки деревянного сооружения. Основная площадь постройки осталась за пределами раскопа. В раскоп

Рис. 1. План центральной части Ростова Великого и участок охранных работ

вошел юго-восточный угол сруба, рубленный «в обло», а также нижнее бревно южной стенки длиной 6 м и четыре доски пола плохой сохранности. Частично был вскрыт примыкавший к стене с внешней стороны бревенчатый настил. Судя по присутствию в грунте большого количества углей и отдельных головешек, строение могло сгореть, хотя очевидного горизонта пожара прослежено не было. Постройка интересна связанными с ней находками.

Прежде всего, это необычно большое количество керамики, коллекция которой, собранная с площади около 10 кв. м, насчитывает свыше 8 000 фрагментов. В основном это мелкий бой чернолощеной и столовой посуды, плотное скопление которого характеризовало участок у наружной стороны стены.

Рис. 2. Находки в постройке

1–4 – пуговицы; 5–7, 12–14 – обломки голландских курительных трубок; 8–10 – монеты; 11 – обломок креста нательного; 15 – гребень; 16–20 – плошки и чарки
1–4, 8–11 – цветной металл; 5–7, 12–14, 16–20 – глина, 15 – кость

Из восстанавливаемых форм можно отметить миски и кувшины с биконическим туловом (см. Археология Романова двора... С. 495. Рис. 249, 1). Один фрагмент принадлежал чернолощеной фляге с орнаментом в виде плоской спирали на боковой стенке. Подобные известны в материалах Москвы и Нового Иерусалима, где датируются третьей четвертью XVII в. (Майорова, 2012. С. 408. Рис. 3, 10; Археология Романова двора... С. 480. Рис. 234, 1, 2).

Рис. 3. План города Ростова середины XVIII в. (РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 850. Л. 3)

Среди керамики выделяется насчитывающая 64 экземпляра серия сосудов конусовидной формы, сохранившихся как в развалах, так и в целых формах. Основная масса этих изделий представляет собой небольшие чаши, с диаметром венчика 7–10 см и высотой, примерно равной диаметру (рис. 2, 16–20). При схожей форме и размерах они выполнены в разной технике – среди них есть как тщательно выделанные чернолощенные, так и грубые, толстостенные, часто похожие на слепленные вручную и только подправленные на гончарном круге, сделанные из теста с ощутимой примесью дресвы. Объем сосудов составляет 125–130 мл, т. е. близок русской мере объема «чарке». Кроме «чарок» есть сосуды объемом около 250 мл – «две чарки, или четушка» и около 370 мл, т. е. «тройные чарки». Самый крупный сосуд этой серии имеет объем 2,4 л – или 1/5 ведра (Русские и метрические меры, 1928. С. 51).

Кроме чаш-чарок, в этой же серии есть шесть небольших плошек, отличающихся небольшой высотой, узким дном и диаметром венчика 8–10 см (рис. 2, 17).

Подобная посуда хорошо известна в горизонтах XVIII–XIX вв. многих городов (*Майорова*, 2012. С. 412. Рис. 7, 7; *Зацаринный и др.*, 2011. С. 140. Рис. 14, 13, 14; С. 177. Рис. 36, 11; *Ершов*, 2010. С. 405. Рис. 8, б, в; *Векслер и др.*, 2014. С. 445. Рис. 12, 4). Некоторые исследователи определяют их как цветочные горшки или светильники (Археология Романова двора... С. 496. Рис. 250, 1–4; *Ершов*, 2010. С. 407). Но цветочные горшки должны иметь отверстие в дне для слива, а светильники – следы масляного нагара, чего у ростовских сосудов нет.

Еще одной особенностью полученной коллекции является обилие медных монет: их обнаружено 18 – полушки, копейки, «денги» петровского времени, чеканки 1703–1719 гг. (рис. 2, 8–10). Среди других находок – обломки 6 голландских курительных трубок с длинным орнаментированным мундштуком (рис. 2, 5–7, 12–14), пуговицы из цветного металла (рис. 2, 1–4), обломок креста-тельника (рис. 2, 11), нательная подвеска-иконка плохой сохранности, костяной гребень (рис. 2, 15). Найдены также два ножа, светец, сапожные подковы, обломки деревянных ложек, три бондарных донца, фрагменты льняной ткани и лыкового плетения.

Монеты позволяют датировать комплекс в пределах первой четверти XVIII в. А по составу находок можно предположить, что на исследованном месте помещался кабак. Эта версия находит подтверждение при обращении к картографическим материалам.

На плане Ростовской крепости середины XVIII в. (рис. 3) (*Леонтьев, Печкина*, 2012. С. 96) на участке к югу от северо-западного бастиона земляной крепости под литерой «О» значится «Большой Питейной дом» (*Субботина*, 2006. С. 438). Этот участок в современной планировке города примерно ложится на перекресток улиц Маршала Алексея и К. Маркса. Похоже, что незначительная часть именно этого питейного заведения и попала в площадь раскопа 2014 г. Можно отметить, что расположение трактира поблизости оставалось традиционным и в более позднее время: постоялый двор середины XIX в. с тремя ярусами дворового мощения и соответствующим вещевым материалом был зафиксирован в 30 м севернее нынешнего участка при работах на Бастионном раскопе (*Комаров*, 2004. Л. 43).

Хорошо сохранившийся слой петровского времени выявлен в Ростове впервые. Отложения этого периода в центре города были уничтожены при начале каменного строительства по регулярному плану 1779 г., полностью изменившему прежнюю, исторически сложившуюся планировку. Этот квартал был застроен одним из первых в 80-е гг. XVIII в. (*Мельник*, 1992. С. 125).

ЛИТЕРАТУРА

- Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках / Авт.-сост. Н. А. Кренке. М.: ИА РАН, 2009. 524 с. (Материалы охранных археологических исследований; т. 12).
- Векслер А. Г., Гусаков М. Г., Патрик Г. К.*, 2014. Гончарство Москвы по материалам археологических раскопок на Ильинке и Старом Гостином дворе // АП: Мат-лы науч. семинара / Отв. ред. А. В. Энгватова. Вып. 10. М.: ИА РАН. С. 426–451.

- Ершов И. Н.*, 2010. Исследования в исторической части города Подольска в 2008 году // АП: Мат-лы науч. семинара / Отв. ред. А. В. Энговатова. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 398–413.
- Зацаринный С. В., Екимов Ю. Г., Наумова Е. В.*, 2011. Керамические комплексы XVI–XIX века из раскопа по ул. Спортивная, 15 в исторической части Тулы // Позднесредневековый город III: археология и история: Мат-лы III Всеросс. семинара, Тула, ноябрь 2009 г. / Ред.: А. М. Воронцов, И. Г. Бурцев. Тула: Гос. военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле». С. 111–203.
- Комаров К. И.*, 2004. Отчет о проведении археологических исследований в г. Ростове Ярославской обл. по адресу ул. К. Маркса, 15 в 2004 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
- Леонтьев А. Е., Печкина Л. В.*, 2012. Ростовская крепость 1632 г. От постройки до современности // Вопросы истории фортификации. № 3. С. 95–101.
- Майорова Е. В.*, 2012. Керамические комплексы из раскопок Ново-Иерусалимского монастыря (по материалам раскопа I) // АП: Мат-лы науч. семинара / Отв. ред. А. В. Энговатова. Вып. 8. М.: ИА РАН. С. 406–420.
- Мельник А. Г.*, 1992. Исследования памятников архитектуры Ростова Великого. Ростов: Гос. музей-заповедник «Ростовский кремль». 135 с.
- Русские и метрические меры. Сравнительные таблицы мер и цен. М.: НКВД, 1928. 64 с.
- Субботина Т. Ю.*, 2006. Планировка «города» в Ростове середины-второй половины XVIII века // История и культура Ростовской земли: Мат-лы науч. конф. 2005. Ростов: Гос. музей-заповедник «Ростовский кремль». С. 436–440.

Сведения об авторах.

Кашкин Александр Владимирович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117036, Москва, Россия; e-mail: AKashkin@yandex.ru;

Самойлович Наталия Георгиевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, 117036, Москва, Россия; e-mail: ngsamoly@gmail.com.

A. V. Kashkin, N. G. Samoylovich

ONE STRUCTURE OF THE PETER I TIMES IN ROSTOV THE GREAT

Abstract. The paper presents results of rescue excavations in the central part of Rostov the Great. Well preserved layers of the Peter I period were recorded in Rostov for the first time. The location and distinctive features of the finds enable the researchers to correlate the structure with the Great Drinking House marked on the Rostov map of 1755.

Keywords: Rostov the Great, Modern Time, blockhouse, ceramic vessels.

About the authors.

Kashkin Aleksandr V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: AKashkin@yandex.ru;

Samoylovich Natalia G., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: ngsamoly@gmail.com.

В. С. Нефёдов

ПЕРВАЯ ПРОГРАММА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Резюме. Статья посвящена введению в научный оборот Докладной записки, направленной Е. Н. Клетновой в Совет Московского археологического института в феврале 1919 г. Документ содержит впервые сформулированную программу археологического изучения Смоленской губернии. Его анализ показывает, что именно эту программу осуществляли ученики Е. Н. Клетновой – А. Н. Лявданский и В. Р. Тарасенко, которые провели в 1920-х гг. широкомасштабные археологические исследования на Смоленщине, полностью сохранившие свое научное значение до наших дней.

Ключевые слова: история археологических исследований, Смоленская губерния, Московский археологический институт.

Биография известного смоленского археолога и этнографа Екатерины Николаевны Клетновой (1869–1938), включая ее научную, организаторскую и преподавательскую деятельность, достаточно полно отражена в работах Л. В. Алексеева, Л. С. Журавлёвой, Т. В. Сергиной и других авторов. Однако не вполне ясным остается вопрос о том, какую роль сыграла Е. Н. Клетнова в подлинном расцвете смоленской археологии, который наступил в середине 1920-х гг., сразу после ее отъезда в эмиграцию в 1924 г., и связан в первую очередь с именем ее ученика А. Н. Лявданского. Между тем этот вопрос представляет большой интерес для истории археологических исследований на Смоленщине. В историографии преобладает мнение о том, что в начале 1920-х гг. «среди учеников Е. Н. Клетновой в Смоленском университете выростала мощная фигура А. Н. Лявданского, находившегося, по-видимому, в тесном контакте с А. А. Спицыным, а здесь вынужденного быть в подчинении у ученого старого склада как в университете, так и на раскопках» (Алексеев, 1991. С. 129), т. е. роль Клетновой в становлении Лявданского как выдающегося археолога фактически отрицается.

Пролить свет на вклад Е. Н. Клетновой в последующее развитие смоленской археологии помогает весьма любопытный источник, который находится в Отделе хранения документов до 1917 г. Центрального государственного архива г. Москвы (ЦГАМ, в 1993–2013 гг. – ЦИАМ). Документ отложился в фонде Московского археологического института (Ф. 376), в личном деле Е. Н. Клетновой (Д. 1766), которая, как известно, окончила это высшее учебное заведение с золотой медалью в 1914 г. и активно участвовала в организации его Смоленского отделения в 1910 г. Речь идет о Докладной записке, направленной Клетновой в Совет Московского археологического института 8 февраля 1919 г. Документ

написан рукой Клетновой черными чернилами на двойных листах линованной бумаги размером в 1° (35,7 × 22,8 см), на обеих сторонах листов, посвящен состоянию и перспективам археологического изучения Смоленской губернии (рис. 1, 2; полностью публикуется в Приложении).

В это время деятельность Е. Н. Клетновой была тесно связана со Смоленским отделением Московского археологического института. С осени 1918 г. она, уехав из Вязьмы, почти постоянно жила в Смоленске при Институте, читала в Смоленском отделении курс краеведения – истории и археологии Смоленской земли (*Журавлёва*, 2001. С. 35; *Сергина*, 2008. С. 139, 143, 144, 146). 5 февраля 1919 г. Клетнова назначена библиотекарем Смоленского отделения, затем, не позднее 20 марта 1919 г., стала членом Комиссии по управлению Смоленским и Витебским отделениями, а также «председательницей» Общества исследования памятников древности им. А. И. Успенского при Смоленском отделении (ГАСО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 11. Л. 1, 3). Кроме того, как следует в том числе из самой Докладной записки, Е. Н. Клетнова являлась Почетным членом Московского археологического института. Это звание было присвоено ей «за содействие открытию» Смоленского отделения в 1910 г. (*Сергина*, 2008. С. 145).

Докладная записка, несомненно, является глубоко продуманным программным документом. Е. Н. Клетнова характеризует территорию Смоленской губернии как «один из грандиознейших волоковых узлов древней Руси с многочисленными его разветвлениями, центром коих является Гнёздовский могильник, находящийся в 12-и верстах от г. Смоленска». Именно этим обстоятельством исследовательница в первую очередь объясняет наличие в губернии множества разнообразных археологических памятников. «Тем не менее Смоленская губ., обладающая таким ценным и обильным археологическим материалом, является не только мало исследованной, но, пожалуй, наименее исследованной из всех областей России» (последняя оценка выглядит явным преувеличением). Е. Н. Клетнова подчеркивает, что до сих пор не составлена археологическая карта губернии, «за исключением единственно Рославльского у., где в этом направлении работал С. М. Соколовский, но и здесь остается неизданным уже составленный и вполне им обработанный материал».

Далее в записке содержится довольно подробный, хотя и неполный обзор археологических исследований на Смоленщине в конце XIX – начале XX в. Отмечается, что лучше других памятников изучен Гнёздовский могильник, однако и в Гнёздове почти не исследованы городища и многие курганные группы, не все результаты раскопок опубликованы. «Самыми капитальными трудами» по археологии Гнёздова Е. Н. Клетнова справедливо называет монографию В. И. Сизова (*Сизов*, 1902) и публикацию А. А. Спицыным раскопок С. И. Сергеева (*Спицын*, 1905). Впрочем, несмотря на хорошее знакомство с историей изучения Гнёздова, Е. Н. Клетнова не упомянула среди его исследователей И. С. Абрамова, отчет о раскопках которого в Смоленской губернии также был издан А. А. Спицыным (*Спицын*, 1906).

Примечательно, что Е. Н. Клетнова локализовала находку «известного клада Великокняжеской Эпохи», т. е. Гнёздовского клада 1867 г., на Центральном городище. Эти данные содержатся и в более поздних ее сочинениях (ГАСО. Ф. 113. Оп. 1. Д. 67. Доклад о поездке в Гнездово 31-го мая 1920 г. Л. 2об.; *Клетнова*,

1925. С. 312). Между тем в настоящее время серьезно аргументирована точка зрения, согласно которой этот клад был найден на Центральном селище к востоку от городища (Пушкина, 1998. С. 374). Возможно, Клетнова связывала клад с городищем, поскольку еще не знала о существовании Гнёздовских селищ, открытых А. Н. Лявданским в 1924 г.

Итоги археологических исследований на территории всей губернии Е. Н. Клетнова охарактеризовала как в целом неудовлетворительные: эти работы, по ее мнению, носили преимущественно случайный характер, а их результаты остались в основном неопубликованными. Исследовательница особенно выделяет значение раскопок и разведок В. И. Сизова в Духовщинском уезде и Н. И. Булычова в Юхновском уезде, «определенно следовавших по направлениям древних волоковых путей», хотя результаты работ Сизова не изданы «за смертью автора, почему этот важный материал остается недоступен для науки». К сожалению, автору документа, по-видимому, не были известны публикации курганных раскопок К. А. Горбачёва, Н. Г. Керцелли и В. М. Чебышевой (изданы в 1876–1890 гг. в «Известиях Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии»), а также исследований И. С. Абрамова, С. А. Гатцука и В. Н. Глазова (опубликованы А. А. Спицыным в 1905–1907 гг.) в разных частях Смоленской губернии (библиографию см.: АКР, 1997; 2007).

Е. Н. Клетнова предложила Московскому археологическому институту начать на Смоленщине «самые широкие и планомерные» археологические разведки и раскопки, в первую очередь вдоль древних торговых путей, чтобы «пролить свет на многие темные вопросы древнейшего периода русской истории и даже в значительной мере способствовать возможности отодвинуть его вглубь на несколько столетий». При этом ставились задачи не только чисто научные, но и, как мы бы сейчас сказали, учета и сохранения археологического наследия, «принимая во внимание ежегодную, а в данное время еще более усиленную гибель распахиваемых, уничтожаемых, наконец даже специально ограбляемых археологических памятников».

Таким образом, в своей Докладной записке Е. Н. Клетнова впервые изложила достаточно четкую программу археологического изучения Смоленской губернии, основные положения которой заключались в следующем: 1) составление археологической карты губернии; 2) публикация результатов предыдущих археологических исследований на территории губернии; 3) организация широких и планомерных разведок и раскопок, в первую очередь вдоль маршрутов древних торговых путей, а также учета археологических памятников губернии. Нельзя не отметить, что эти задачи, равно как и многие конкретные формулировки Докладной записки, и сегодня звучат весьма современно по форме и актуально по содержанию.

Неизвестно, был ли получен ответ на это письмо из Московского археологического института. Разумеется, в разгар Гражданской войны и разрухи такие амбициозные научно-организационные мероприятия при всем желании не могли быть реализованы ни самим Институтом, ни каким-либо другим учреждением в России. Однако всего через несколько лет осуществлением именно этой программы успешно занялись ученики Е. Н. Клетновой – Александр Николаевич Лявданский (1893–1937) и Василий Родионович Тарасенко (1899–1972),

которым она читала лекции сначала в Смоленском отделении Московского археологического института (1918–1922 гг.), затем в Смоленском государственном университете (1922–1924 гг.). В 1922 г. вместе с ними Е. Н. Клетнова провела разведки и раскопки в Гнёздове (*Алексеев*, 1991. С. 129; *Журавлёва*, 2001. С. 21; *Сергина*, 2011. С. 40). Не вызывает сомнений, что за эти годы она смогла внушить своим талантливым ученикам важность разработанной ею научной программы.

В 1923–1927 гг. А. Н. Лявданский провел колоссальные по объему разведки и раскопки археологических памятников разных эпох в Смоленской губернии, преимущественно в ближних и дальних окрестностях Смоленска. К началу 1930-х гг. он опубликовал практически все материалы своих полевых исследований на Смоленщине. Здесь нет возможности подробно характеризовать эти работы, научное значение которых очень велико и в наше время. Отметим лишь превосходные крупномасштабные археологические карты Гнёздовского археологического комплекса и его окрестностей (*Лявданский*, 1924. Табл. XXII–XXIII), а также Смоленского Поднепровья, верховьев Сожа и Каспли (*Лявданский*, 1930. Карта), не имеющие прецедента в истории смоленской археологии. Кроме того, Лявданский издал коллекции предметов из дореволюционных курганных раскопок, в том числе В. И. Сизова, хранившиеся в Смоленском музее (Там же. С. 279–282; *Лявданский*, 1932. Табл. XVI–XXI), и объемные материалы уже покойного к тому времени С. М. Соколовского в Рославльском у. вместе с подробной археологической картой уезда (*Лявданский*, 1932). Очевидно, он способствовал публикации отчета о раскопках Н. И. Савина в Дорогобужском и Ельнинском уездах (*Савин*, 1930), которые также упомянуты Е. Н. Клетновой в Докладной записке. Не столь обширные, но очень важные обследования в Смоленском уезде (главным образом городищ) проводил в 1926–1929 гг. В. Р. Тарасенко (*Тарасенко*, 1930а; 1930б). В общем, даже по самому краткому обзору нетрудно заметить, что все эти исследования и публикации осуществлялись в соответствии с программой, изложенной Е. Н. Клетновой в 1919 г., хотя и на гораздо более высоком научно-методическом уровне, которого сама Екатерина Николаевна не достигла.

К сожалению для смоленской археологии, в 1927 г. А. Н. Лявданский, а в 1929 г. В. Р. Тарасенко переехали в Белоруссию (соответственно в Минск и Могилев) и свернули полевые исследования на Смоленщине. В результате смоленская археологическая школа, которую, несомненно, стремилась сформировать Е. Н. Клетнова, в конце 1920-х гг. прекратила свое существование на 20 лет. Однако большой вклад Клетновой в создание необходимых условий для успешного и впечатляющего развития смоленской археологии в 1920-х гг. совершенно очевиден. Можно заключить, что в свете приведенных данных именно Е. Н. Клетнова является своего рода связующим звеном между дореволюционным и послереволюционным этапами археологического изучения Смоленской губернии, а публикуемый документ следует рассматривать как вполне определенный рубеж, разделяющий эти два периода в истории археологических исследований на Смоленщине.

Докладная записка Е. Н. Клетновой
(ЦГАМ. ОХД до 1917 г. Ф. 376. Оп. 1. Д. 1766. Л. 34–36)

Документ публикуется в соответствии с современной орфографией и пунктуацией, но с сохранением особенностей авторского текста. Слова, сокращенные в подлиннике, кроме общепринятых сокращений, дополнены в квадратных скобках. Слова, добавленные при публикации, заключены в угловые скобки. Номера листов проставлены курсивом в круглых скобках в начале каждого листа.

(л. 34) В Совет Московского
Археологического Института

Докладная Записка

На территории Смоленской губернии – наследницы «Земли Смоленской» – находится один из грандиознейших волоковых узлов древней Руси с многочисленными его разветвлениями, центром коих является Гнездовский могильник, находящийся в 12-и верстах от г. Смоленска. Эти древнейшие пути-дороги оставили по себе многочисленные памятники в виде курганов, городищ и обширных могильников. Но и помимо них <в губернии> встречается также немало памятников доисторической археологии в виде отдельных находок и целых стоянок.

Тем не менее Смоленская губ., обладающая таким ценным и обильным археологическим материалом, является не только мало исследованной, но, пожалуй, наименее исследованной из всех областей России. До сего времени, напр[имер], не составлена <археологическая карта> и даже не собран материал для археологической карты губернии, за исключением единственно Рославльского у., где в этом направлении работал С. М. Соколовский, но и здесь остается неизданным уже составленный и вполне им обработанный материал.

Что же касается археологических исследований и раскопок в губернии, то они также весьма незначительны и коснулись гл[авным] образ[ом] Гнездовского могильника; но и там, принимая (л. 34 об.) во внимание огромное количество курганов и городищ, исследования надо признать совершенно незначительными. Так, напр[имер], Западное и, по-видимому, древнейшее городище у р. Ольши и курганные группы <около него> остаются совершенно не затронутыми раскопками, так же точно, как и самый значительный курган с часовней, находящийся вблизи дер. Гнездово. В равной мере недостаточно исследовано городище, прорезанное железной дорогой, где во время прокладки пути был найден известный клад Великокняжеской Эпохи, и небольшие раскопки были также произведены в 1911 году Моск[овским] Археологическ[им] Институтом.

Гнездовскому могильнику посвящено несколько заметок и отчетов по раскопкам: Кусцинского, Богуславского, Сергеева, Клетновой, помещенных частью в трудах Моск[овского] Арх[еологического] Общества, частью в «Смоленской

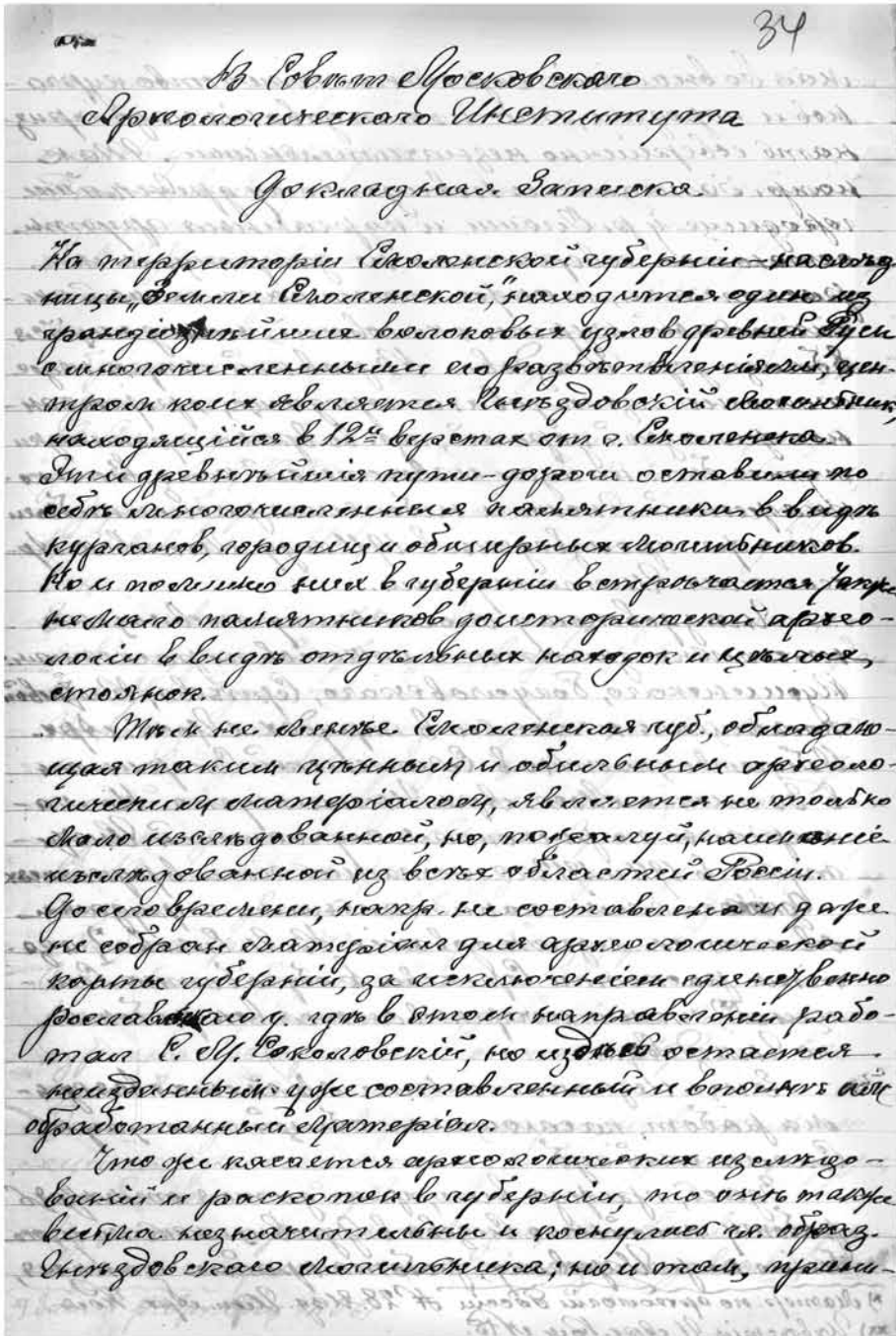

Рис. 1. Докладная записка Е. Н. Клетновой 1919 г. Первая страница (Л. 34)

36

них, больше мелких,
 Новая же вымпоставленная задача по
 реставрации, франсированию, наконец вкряпке
 века этих драгоценнейших записных архивов, от
 них необходимой как и важной для науки и про
 шлого во внимание сегодню, а в данное время
 еще больше драгоценную пидальраствивався,
 уничтожаются, наконец даже специально обра
 баживаемых археологических памятников, суровед
 ливо было бы, некроив на это надлежущий
 средства, взятъ всецело вытолнение этой за
 дачи, при том в самом широком объеме, вно
 коверному археологическому Институту,
 которому в таком случае будет прилагать
 делить организацию крупных, работажив
 необходимых археологических работ и исчер
 пательных при этом изыскания археологическая
 открьшей.

Почетный член Института,
 Екатерина Николаевна Клетнова

Смоленск 8го февраля
 1919г.

Рис. 2. Докладная записка Е. Н. Клетновой 1919 г. Последняя страница (Л. 36)

Старине» и в Записках Моск[овского] Арх[еологического] Института. Но материалы по раскопкам слушателей Института в 1911 и 1912 гг. остались пока в рукописях. Однако самыми капитальными трудами являются исследование В. И. Сизова^{*)}, а затем раскопки Сергеева в обработке Спицына^{**)}, чем и исчерпываются все работы по Гнездову.

Еще незначительнее является вся сумма работ, касающаяся общей площади Смоленской губ.

Здесь прежде всего приходится отметить работу покойного Сизова в Духовщинском у., особенно по р. Царевичу; работа крайне ценная, (л. 35) но,

* Матер. по археологии России № 28. Изд. Имп. Арх. Ком. <(Сизов, 1902).>

** Известия И. Арх. Ком. № 15. <(Спицын, 1905).>

к несчастью, неизданная за смертью автора, почему этот важный материал остается недоступен для науки.

Далее, вышеупомянутый С. М. Соколовский предпринимал небольшие раскопки курганов в Рославльском у., но и этот материал опять-таки находится только лишь в рукописях, так же как и его описание весьма ценной им обработанной коллекции предметов по первобытной археологии.

В Смол[енском] у. небольшие раскопки были произведены кн. М. К. Тенишевой и И. Ф. Барщевским, а в Дорогобужском у. – слушат[елем] Арх[еологического] Института Н. И. Савиным. Но этот материал <также> не опубликован.

Затем, в части Юхновского у., прилегающей к Калужской губ., производил работы и издал их Н. И. Булычов.

По Вяземскому у. исследования 10-и могильников, одного городища и одной неолитической стоянки сделаны мною, отчет о чем издан при отчете Моск[овского] Археол[огического] Инстит[ута]. В Вяземском же уезде производил <работы> (но их можно назвать любительскими раскопками) генерал Тимлер близ дер. Семеновская Семеновской волости.

Наконец, о длинных и удлинённых Смоленских курганах говорится в отчете Рериха и Спицына***).

Этим и заканчивается перечень всех имеющихся археологических работ и литературы по Смоленской губ.

Из этого перечня очевидно, что все вышеприведенные археологические исследования, лишь (л. 35 об.) за исключением работ Сизова и Булычова, определенно следовавших по направлениям древних волоковых путей, носят случайный, так сказать, спорадический характер.

Между тем в Смоленской губ. настоятельно необходимы самые широкие и планомерные археологические исследования, т. к. сосредоточие волоковых узлов и путей, при научном вскрытии их земельных архивов, может пролить свет на многие темные вопросы древнейшего периода русской истории и даже в значительной мере способствовать возможности отодвинуть его вглубь на несколько столетий, ибо помимо общеизвестного пути «из Варяг в Греки» через Гнездово – Смоленск пролегал еще и древнейший путь, м[ожет] б[ыть] самый древний из всех путей от Балтийского моря к Востоку – это путь «из Варяг в Хазары», пересекавший Днепр именно в Гнездове – Смоленске. Проследить его, хотя бы в пределах Смоленской губ., т. е. в северном направлении по уезду Поречскому и в южном по уездам Смоленскому и Рославльскому, было бы насущнейшей задачей археологии.

Далее, помимо этого пути, через Смоленск же шел путь из Южной Руси и из того же Балтийского Поморья, вверх по Днепру через Вязьму, первоначально в страны приволжские, в Камскую Болгарию, а позднее в княжества Рязанское и Владимиро-Суздальское и наконец – в Московское. Сюда же примыкали значительные пути к Новгороду-Великому и Пскову, а позднее – к княжеству Тверскому, не говоря уже о путях внутренних, (л. 36) более мелких.

*** Зап. И. Р. Арх. Общ. № в. I. <(Спицын, 1903).>

Полагая вышепоставленную задачу по регистрации, фиксированию, наконец вскрытию всех этих ценнейших земельных архивов столь же необходимой, как и важной для науки и принимая во внимание ежегодную, а в данное время еще более усиленную гибель распахиваемых, уничтожаемых, наконец даже специально ограбляемых археологических памятников, справедливо было бы, испросив на это надлежащие средства, взять всецело исполнение этой задачи, притом в самом широком объеме, Московскому Археологическому Институту, которому в таком случае будет принадлежать вся честь организации крупных, настоятельно необходимых археологических работ и несомненных при этом ценных археологических открытий.

Почетный Член Института
Екатерина Николаевна Клетнова

Смоленск, 8-го Февраля
1919 г.

ЛИТЕРАТУРА

- АКР. Смоленская область. Ч. 1: Смоленск, Смоленский, Велижский, Глинковский, Демидовский, Духовщинский, Кардымовский, Краснинский, Монастырщинский, Руднянский, Ярцевский районы / Ред. Ю. А. Краснов. М.: ИА РАН, 1997. 296 с.
- АКР. Тверская область. Ч. 2: Андреапольский, Бельский, Жарковский, Западнодвинский, Нелидовский, Оленинский, Ржевский, Торопецкий районы / В. С. Нефедов; ред. А. В. Кашкин, Г. Г. Король. М.: ИА РАН, 2007. 440 с.
- Алексеев Л. В.*, 1991. Е. Н. Клетнова – один из первых смоленских археологов // Очерки истории русской и советской археологии / Отв. ред.: В. И. Гуляев, А. А. Формозов. М.: Наука. С. 121–136.
- Журавлёва Л. С.*, 2001. Екатерина Клетнова. Смоленск. 40 с.
- Клетнова Е. Н.*, 1925. Великий гнездовский могильник // *Niederlův sborník. Ročník IV. Praha: Společnost československých praehistoriku*. S. 309–322.
- Лявданский А. Н.*, 1924. Материалы для археологической карты Смоленской губернии // Труды Смоленских государственных музеев. Вып. 1. Смоленск. С. 127–184.
- Ляўданскі А. Н.*, 1930. Археолёгічныя досьледы ў вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губ. // Працы археолёгічнай камісіі. Т. II. Менск. С. 286–288.
- Ляўданскі А. Н.*, 1932. Археолёгічныя досьледы ў Смаленшчыне. Археолёгічныя досьледы С. М. Сакалоўскага ў былым Рослаўскім павеце // Працы сэкцыі археолёгіі. Т. III. Менск. С. 5–67.
- Пушкина Т. А.*, 1998. Первые Гнёздовские клады: история открытия и состав // Историческая археология: Традиции и перспективы: К 80-летию со дня рожд. Д. А. Авдусина / Отв. ред. В. Л. Янин. М.: Памятники исторической мысли. С. 370–377.
- Савін Н. І.*, 1930. Раскопкі курганоў у Дарагабускім і Ельнінскім паветах Смаленскай губ. // Працы археолёгічнай камісіі. Т. II. Менск. С. 219–252.
- Сергина Т. В.*, 2008. Жизнь и деятельность Е. Н. Клетновой в годы эмиграции (по материалам ГАРФ) // Е. Н. Клетнова. Неизвестные страницы жизни и деятельности: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Вязьма: Изд-во ВФ ГОУ МГИУ. С. 130–165.
- Сергина Т. В.*, 2011. Роль Е. Н. Клетновой в развитии смоленской археологии и краеведения первой четверти XX века // ТАС / Отв. ред. И. Н. Черных. Вып. 8. Т. II. Тверь: Триада. С. 38–43.
- Сизов В. И.*, 1902. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1: Гнездовский могильник близ Смоленска. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов. 136 с. (МАР; № 28).
- Стицын А. А.*, 1903. Удлиненные и длинные русские курганы // ЗОРСА РАО. Т. V. Вып. 1. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова. С. 196–202.

- Спицын А. А.*, 1905. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева // Известия ИАК. Вып. 15. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук. С. 6–70.
- Спицын А. А.*, 1906. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. И. С. Абрамовым в Смоленской губернии // ЗОРСА РАО. Т. VIII. Вып. 1. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук. С. 185–211.
- Тарасенка В. Р.*, 1930а. Археолёгічныя абсьледваньі на Смаленшчыне ў 1929 г. // Працы археолёгічнай камісіі. Т. II. Менск. С. 516–518.
- Тарасенка В. Р.*, 1930б. Археолёгічныя досьледы гарадзішч на Смаленшчыне ў 1926–1928 гг. // Працы археолёгічнай камісіі. Т. II. Менск. С. 121–145.

Сведения об авторе.

Нефёдов Василий Сергеевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: vnefyodov@yandex.ru.

V. S. Nefedov

THE FIRST PROGRAM OF ARCHAEOLOGICAL STUDIES IN THE SMOLENSK PROVINCE

Abstract. The paper deals with the Report submitted by E. N. Kletnova to the Council of the Moscow Archaeological Institute in February 1919. The document contains the first developed program of archaeological studies in the Smolensk Province. Its analysis demonstrates that A. N. Lyavdansky and V. P. Tarasenko, who were E. N. Kletnova's students and who performed large-scale archaeological excavations in the Smolensk Region in the 1920 s, implemented this program, while the results of these explorations have retained their scientific relevance even today.

Keywords: history of archaeological excavations, Smolensk Province, Moscow Archaeological Institute.

About the author:

Nefedov Vasily S., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: vnefyodov@yandex.ru.

В. В. Бегунова

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СМЯДЫНСКОГО ПРЕДМЕСТЬЯ В СМОЛЕНСКЕ

Резюме. В статье рассказывается об истории археологических исследований известной исторической местности в Смоленске под названием Смядынь. На основании архивных данных и опубликованных материалов делается вывод, что эта территория была объектом пристального внимания как любителей старины, так и профессиональных археологов.

Ключевые слова: Смоленск, Смядынь, Борисоглебский монастырь, археологические исследования, краеведение, архитектурная археология.

В Смоленске до сегодняшнего дня сохранился ряд микропонимов, которые выделяются своей древностью, среди них – Смядынь и расположенные поблизости Кловка, Свирская слобода. Рассматриваемая местность находится в западной части современного города на левом берегу Днепра. Она получила свое название по имени небольшого днепровского притока, речки Смядыни. Впервые в письменных источниках Смядынь как отдельная от средневекового города территория упоминается в Повести временных лет под 1015 г. в известном рассказе об убиении князей Бориса и Глеба. Муромский князь Глеб в начале плавания по Днепру из Смоленска в Киев остановился неподалеку от города на Смядыни, где и был убит. На протяжении почти всей истории Смоленска Смядынь оставалась ближним городским пригородом и лишь в XIX в. вошла в состав городской территории. В настоящее время здесь находится чудом уцелевший уникальный памятник архитектуры XII в. – церковь Михаила Архангела (Свирская), а также остатки нескольких храмов древнерусского времени – Борисоглебского, Св. Василия (рис. 1: с. 479), Спасского и других.

Важное место истории Смядыни отводилось в трудах известных смоленских историков-краеведов рубежа XIX–XX вв. Дореволюционные историки единогласно отмечали, что данная местность для Смоленска была тем же, чем Вышгород для Киева (*Писарев*, 1894. С. 8; *Орловский*, 1909а. С. 221). По их мнению, эта часть города имела не только религиозное и торговое, но прежде всего – политическое значение с начала XII в. до момента переноса административного центра на Васильевскую (Вознесенскую) гору. И. И. Орловский очертил ее примерные границы. Так, по его убеждению, пространство Смядыни простиралось от р. Кловки с Троицким монастырем до церкви на современной Большой Краснофлотской улице (как считалось ранее – Козьмодемьянского монастыря) и от устья Смядыни до Спасской горы с одноименным монастырем (*Орловский*, 2011. С. 59, 71)¹. Таким образом, эта территория, вероятно, не ограничивалась Борисоглебским монастырем и ближней береговой линией, но также включала значительную по площади «нагорную» часть. Орловский также объяснял большую заселенность Смядыни недостаточностью места внутри крепости. На это указывает и большее количество обнаруженных руин храмов в западном предместье города. С. П. Писарев же склонялся к тому, что изначально князья селились «особо от горожан». Но представление о том, что здесь была резиденция смоленских князей, очень спорно, археологическими данными не подтверждается. Версия об одновременном существовании «вечевого» и «княжеского» городов не получила поддержки у последующих исследователей зодчества древнего Смоленска (*Воронин, Раппопорт*, 1979. С. 38).

---

¹ Орловский указывал также на существование здесь укреплений «княжеского города». Остатки земляных валов, по его словам, замечены к югу от Борисоглебского монастыря. Но последующими исследователями это предположение было опровергнуто.

На Смядыни находился один из первых смоленских монастырей – Борисоглебский, но время его основания неясно, равно как неизвестна и его дальнейшая история. В последний раз монастырь упоминается в раздельном межевом акте 1680 г. (Документ... С. 42).

Предполагалось, что первый монастырский деревянный храм мог быть возведен вскоре после убийства Глеба (*Орловский*, 1909а. С. 204). Однако достоверные сведения есть только о строительстве XII в.: летопись содержит запись о том, что в честь первых русских святых в 1145 г. «заложиша церковь камену на Смядыне, Борис и Глеб, Смоленске» (НПЛ, 1950. С. 27). Храм простоял не менее шести столетий: здание было отмечено на плане В. Гондиуса 1636 г. Разрушение его началось, видимо, в конце XVIII в. и продолжалось в первой половине XIX в. В 1833 г. губернатор И. И. Хмельницкий распорядился брать из руин храмов кирпич и бутовый камень на постройку Смоленско-Московского шоссе.

В ходе этих работ были обнаружены два каменных саркофага. Один из них, по более позднему сообщению, был разбит на месте (*Писарев*, 1894. С. 19; *Орловский*, 1909а. С. 289). О втором смоленский губернатор в донесении министру внутренних дел сообщал, что «нашел гробницу, сделанную ящиком из цельного известнякового камня длиною 2 арш. 15 верш. шириною 1 арш.» (РО НА ИИМК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 128. Л. 1). Сведения постоянно менялись. Так, в одном из писем сообщается, что при поднятии крышки был обнаружен «человеческий остов, у коего, вместо изголовья лежало несколько кирпичей, а далее пепел, вероятно от бывшего на усопшем платье». В другом письме министр внутренних дел был информирован об отсутствии там останков (Там же). Позднее вспоминалось о погребальном инвентаре с «символами княжеского звания» (*Писарев*, 1894. С. 19; *Орловский*, 1909а. С. 289). Этот вероятный домысел объясняется тем, что современниками с начала открытия сохранившийся саркофаг воспринимался как княжеский, предположительно принадлежавший Давиду Ростиславичу (*Мурзакевич*, 1835. С. 514; *Троицкий*, 1845. С. 2; РО НА ИИМК. Ф. 1. Д. 18. 1888в. Л. 4; Достопамятности... С. 3).

Долгое время гробница хранилась на полицейском дворе, а в 1848 г. была передана в «Смоленскую Заградскую Архангельскую» церковь как древнейшую в городе (Свирская) (РО НА ИИМК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 128). В настоящее время она хранится в Смоленском музее.

Очевидно, в связи с вновь возникшим интересом к этой случайной находке в 1844 г. в «Смоленских губернских ведомостях» появляется очерк о «предметах, достойных изучения», принадлежавший Н. Н. Мурзакевичу. Среди них на первом месте церкви, сохранившиеся «от незапамятной старины», и урочища, «драгоценные тем, что сохраняют в себе остатки существовавших на них зданий». К ним были причислены прежде всего развалины Смядынского монастыря (*Мурзакевич*, 1844. С. 1).

По описанию современников, в конце XIX – начале XX в. остатки построек Борисоглебского монастыря представляли собой два больших «кургана» (*Писарев*, 1894. С. 17; *Орловский*, 1909а. С. 198). На той же территории были расположены «развалины монастырских святых ворот, колокольни или даже особого монастырского храма» (*Орловский*, 1909а. С. 199). Последний являл собой церковь Св. Василия, построенную на месте гибели Глеба, подобно церкви Василия в Вышгороде близ Киева, в которой поначалу были погребены Борис и Глеб.

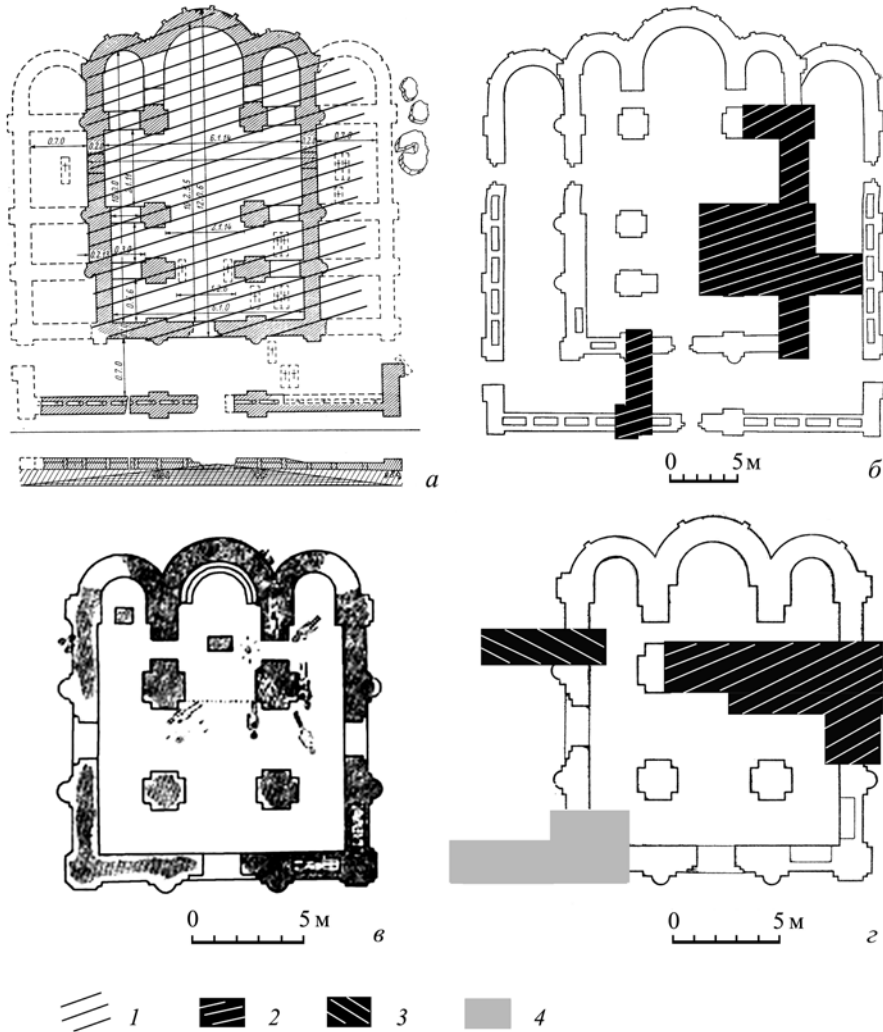
Первые научные археологические исследования смядынских развалин были осуществлены представителями Московского археологического общества. В 1883 г. их провели председатель МАО граф А. С. Уваров и В. И. Сизов (рис. 2, а). О результатах этой работы известно из краткой заметки автора исследований и публикаций в местной печати. Был обследован фундамент Борисоглебского храма, установлены его размеры, наличие трех апсид и приделов, в одном из которых найден «склеп с костями». В газетной информации также сообщалось, что храм имел «двойные стены с промежутком 12 вершков» (Городские известия. С. 3). Привлекла внимание форма кирпичей и разнообразные клейма на них (Уваров, 1910. С. 393). По мнению последующих исследователей, Уварову удалось обнаружить следы южной галереи, о существовании которой он еще не предполагал и не решился обследовать это место (Воронин, Раппопорт, 1979. С. 40).

В 1897 г. по поручению Императорской археологической комиссии в Смоленскую губернию направился художник Д. М. Струков с целью осмотра и снятия копий с древних предметов, имеющих научный интерес (РО НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 121. Л. 25). В письме-отчете он сообщил, что в Смоленске «на конце города, находится церковь в честь Св. Бориса и Глеба, замечательная своею архитектурой», от которой сохранился фундамент и часть стены. Струкова так заинтересовали эти руины, что он даже намеревался произвести раскопки и предлагал учредить охрану памятника старины, так как он находился под угрозой уничтожения – стены разбирались местными жителями на кирпичи. Однако ИАК вынуждена была отказать ему в просьбе о выдаче для этого средств, указывая на отсутствие «свободного кредита» (Там же. Л. 19 об., 26–28).

Сохранение и изучение Борисоглебских развалин стало также одной из первостепенных задач созданной в 1908 г. Смоленской ученой архивной комиссии (далее – СУАК) (Орловский, 1909б). Для осуществления серьезных мероприятий по очистке и сохранению остатков Борисоглебского храма требовалось изъять это место из частных рук (РО НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 4). Еще художник Струков в письме просил ИАК предпринять меры к передаче земли с древним храмом из частного владения в епархиальное ведение. Участок с руинами был приобретен о. Павлом Троицким в собственность Троицкого монастыря. Им завладела идея «восстановления» на этом месте действующего храма.

В 1907 г. монахини под надзором нового владельца начали расчистку площадки Борисоглебского монастыря (Орловский, 1909а. С. 292). Была открыта западная сторона стены с древними захоронениями (Там же. С. 297). Орловский на основе осмотра руин в 1908 г., имеющих данные о сохранившихся храмах с аналогичными архитектурными особенностями, утверждал, что возможно восстановить общий вид церкви (Орловский, 2011. С. 143–144). Комиссией МАО был составлен обмерный план храма. Но ввиду особенности дореволюционных раскопок, целиком его стены остались не расчищенными, что отразилось и на полноте чертежа (Воронин, Раппопорт, 1979. С. 41). После осмотра расчищенного монастырского собора столичными учеными «раскопки» монахинями были продолжены.

ИАК поначалу не хотела доверять проведение столь серьезного мероприятия никому, кроме своих исследователей, справедливо полагая, что они более

Рис. 2. Архитектурно-археологические исследования храмов

a – Борисоглебский собор (план 1908 г.); *б* – Борисоглебский собор (реконструкция плана Н. Н. Воронина, П. А. Раппопорта); *в* – храм Василия по итогам раскопок 1909 г.; *з* – церковь Василия (реконструкция плана и раскопы Н. Н. Воронина, П. А. Раппопорта)

1 – предполагаемый участок раскопа А. С. Уварова 1883 г.; *2* – исследования 1972, 1974 гг.; *3* – предполагаемый участок траншеи 1972 г.; *4* – раскоп Н. А. Кренке 2015 г.

опытны в этом деле. В 1908 г. по ее требованию работы были прекращены до прибытия ее представителя в следующем году. И только в сентябре от архитектора Д. В. Милеева, находившегося на раскопках в Киеве, поступили телеграммы о приезде в Смоленск, чтобы до первых морозов обследовать развалины Смядынской церкви XII в. (рис. 3). На раскопки в заседании ИАК было

**Рис. 3. Раскопки Борисоглебского храма. Северная стена. Д. В. Милеев, 1908 г.
НА ИИМК РАН, ФО, отп. 0.2425-18**

назначено до 230 руб. (РО НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 19–21). Первостепенной задачей явились точные обмеры здания. Важным открытием стало обнаружение окружавшей храм галереи. Как считают последующие исследователи, был выявлен новый тип храма, который изначально задумывался как «место упокоения потомков Ростислава и их семей, как мавзолей Ростиславичей» (*Воронин, Раппопорт*, 1979. С. 58).

Смоленские любители старины настаивали на дальнейших исследованиях, заботясь о сохранении памятника. В прошении от 1908 г. Павел Троицкий предлагал «построить над этим местом храм таких размеров, что откапанные [так в тексте] древние стены войдут в середину храма и останутся в нижнем этаже, а во втором будет устроен престол» (РО НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 18, 72). Троицкий представил чертежи предполагаемого храма над развалинами на Смядыни. Но ИАК не разрешила постройку по этому проекту. Милеев, как отмечалось выше, сам принимавший участие в изучении княжеского «вотчего» храма, указал, что «не принято во внимание расположение древних стен...». Он допускал мысль о возведении подобного храма только в случае, если новая церковь сможет полностью закрыть площадь древнего храма без повреждения его фундаментов (Там же. Л. 73).

В протоколах заседаний Комиссии по сохранению древних памятников МАО за 1909 г. указан доклад смоленского епископа о принятии мер к сохранению развалин Борисоглебского монастыря. Поручено это дело было снова Троицкому. Реставрация была необходима для «восстановления древнего памятника»,

а так как имелся Свирский храм – «для населения нет нужды отстраивать его как действующий» (Протоколы..., 1912. С. 5, 60).

СУАК решила просить ИАК разрешить дальнейшие исследования у северной стены Борисоглебского храма под ее надзором для решения вопроса о неизвестной пристройке на месте небольшого «кургана». Вскоре был получен открытый лист на проведение работ (РО НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 44–46). Раскопки проводились на средства М. К. Тенишевой под руководством вице-председателя СУАК И. Ф. Барщевского. В результате раскопок были обнаружены остатки сооруженного из плинфы здания XII в., как предположили, церкви Василия (рис. 2, в). Результаты проведенных работ нашли отражение в докладах и последующих публикациях Е. Н. Клетновой в изданиях МАО и СУАК (*Клетнова*, 1912а; 1912б). Исследовательница дала детальное описание раскопанных руин и обнаруженных вещей. Она определила, что «здание было трехапсидным храмом с четырьмя крестчатыми столбами», что отмечено на плане, составленном Барщевским и Клетновой (*Воронин, Раппопорт*, 1979. С. 156–157). По утверждениям исследовательницы, лучше сохранилась стена с южной стороны, что подтвердилось позднее. Некоторые особенности в строении церкви, как то: «отсутствие внутренних стенных лопаток», свидетельства наличия хор, отсутствие следов галерей и притворов – нашли подтверждение при проведении археологических работ во второй половине XX в. Клетнова детально изучила сохранившиеся на стенах фрески храма, представляющие собой «полотенчатый узор» в виде «пояса белых завес и комбинированной фигуры якоря, креста и сердца», устройство кирпичного пола (*Клетнова*, 1912а. С. 294). В целом высокий уровень проведенных работ Клетновой отмечали современные исследователи, для которых описания дореволюционных раскопок были одним из основных источников для уточнения уже имеющихся данных об устройстве древнего храма (*Каргер*, 1964. С. 67–75; *Воронин, Раппопорт*, 1979. С. 155). На основе наблюдений Клетновой позднее удалось восстановить «характер разрушения храма» (*Воронин, Раппопорт*, 1979. С. 162).

Но сложно было назвать эти раскопки совершенными, не требующими дальнейших исследований некоторых архитектурных особенностей храма. Так, ИАК осталась недовольна качеством археологических работ, произведенных представителями местного общества. Чертежи признали неудовлетворительными, так как отсутствовало полное представление о конструкции церкви (РО НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 63). При дальнейших исследованиях смоленского зодчества Воронин и Раппопорт также отметили некоторые недостатки проведенных в начале XX в. работ, связанную с этим «схематичность» составленного плана и отсутствие некоторых деталей. Ими был составлен более подробный план, дополнивший чертеж 1909 г. (рис. 2, з).

После произведенных работ в 1908–1909 гг. остатки постройки остались не засыпанными. СУАК обеспокоилась тем, что древние руины оставались без надзора и в дальнейшем стали подвергаться разрушению. В комиссии велись переговоры относительно их охраны. Кроме того, молодое археологическое учреждение было не в состоянии подготовить детальные архитектурные съемки и составить должным образом чертежи. Просьба выслать необходимые средства для ликвидации «недостаточности» чертежей и ошибок, на которые

указывал архитектор П. П. Покрышкин², видимо, осталась невыполненной (Отчет СУАК..., 1912. С. 12).

В мае 1910 г. смядынские храмы осмотрела председатель МАО П. С. Уварова. Она забрала с собой в Москву 8 черепов из вскрытых погребений профессору Анучину, члену антропологического общества, для антропометрического изучения (Местная хроника, 1910. С. 1). Вероятно, эти черепа происходили из раскопок 1909 г. О результатах антропологических исследований сведений нет. Но Е. Н. Клетнова в своей публикации отмечала, что обнаруженные в раскопках захоронения составляют две группы: более поздние погребения «поверхностные» и «основные», сопряженные с уровнем основания церкви. По ее наблюдениям, черепа «основных погребений» отличаются некоторыми «анормальностями», вроде укороченного лицевого угла, отростков, «вдавленностей» и прочее (Клетнова, 1912а. С. 296–297).

В 1911 г. в ИАК вновь обратился И. Ф. Барщевский с сообщением о том, что «духовные власти слагают с себя всякую ответственность по охранению развалин близ г. Смоленска древнего Борисоглебского монастыря/на Смядыни/. Архивная комиссия имеет честь сообщить, что со своей стороны она не имеет никаких средств и способов оградить сказанные остатки от начавшегося уже разрушения и хищения» (РО НА ИИМК, Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Л. 64). Но ответа от ИАК на это заявление не последовало.

С этого времени дело охранения руин берет на себя Смоленский церковно-археологический комитет (СЦАК) – краеведческая общественная организация, возобновившая свою деятельность с 1911 г. На собраниях представителей комитета среди проблем, касающихся археологии, самой насущной оставалась долгое время судьба этого «священного места и важной исторической местности».

Видимо, духовная консистория, приняв в ведомство это место, мало заботилась о нем, сдавая в аренду частному лицу. ИАК обратилась к смоленской консистории с просьбой засыпать руины для сохранения. Но по просьбе собрания СЦАК развалины монастыря были оставлены на какое-то время в том же виде, так как наблюдался наплыв экскурсантов. Предпринимались какие-то меры по охране развалин, поступали предложения по сооружению на их месте храма-часовни (Из местной жизни, 1912. С. 514). Комитет намеревался приобрести их себе с помощью пожертвований, поступающих от равнодушных жителей Смоленска, чтобы не допустить продажи «Второго Вышгорода» в частные руки. Сбор средств осуществлялся и за счет платных лекций Клетновой об этом памятном месте. Но покупка не состоялась из-за финансовых ограничений и неудобных условий владельца (Отчет о составе... за 1912 г., 1913. С. 426).

В 1913 г. было решено засыпать развалины, видимо, уже окончательно. При отсутствии средств у комитета затраты взяли на себя МАО и ИАК, которые давно настаивали на консервации памятников (Отчет о составе... за 1913 г., 1914. С. 155).

В 1915 г. в 900-летнюю годовщину смерти святого Глеба Муромского возник новый «юбилейный» проект. Было решено начать на этот раз всероссийский сбор средств на сооружение храма-памятника на месте развалин (В архивной... С. 2–3).

² См. о нем статью Н. И. Платоновой в этом выпуске (Прим. ред.).

Вопрос планировалось вынести на рассмотрение городской думы и обер-прокурора синода. Но в условиях войны ничего из задуманного, видимо, не получилось, и о памятнике на какое-то время забыли.

В советское время председатель губернского краеведческого музея И. М. Хозеров совместно с П. Д. Барановским и С. Д. Ширяевым с 1923 г. начал систематическое изучение памятников зодчества Смоленска (*Хозеров*, 1945. С. 20). В 1925 г. на заседании Смоленского губернского комитета по охране памятников искусств и старины снова рассматривался вопрос охраны Смядыни. Хозеров докладывал о восстановлении ранее существовавшей дороги от Свирской улицы к развалинам, запаханной под огород, и принятии на учет исторической местности (ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 3919).

Археологические работы на Смядыни продолжились только спустя сорок лет. В 1948–1951 гг. Смоленский областной отдел по делам архитектуры под руководством И. Д. Белогорцева провел обследование и составил полный список обнаруженных зданий и сооружений Смоленска XII–XIII вв. (*Белогорцев*, 1952). В бывшем Борисоглебском монастыре были проведены обмеры двух церквей. При этом изначально не предполагалось глубокое археологическое исследование территории.

В 1958–1959 гг. впервые исследовался культурный слой Смядыни. Д. А. Авдусин, руководивший работами Смоленской экспедиции МГУ, заложил здесь 17 шурфов и одну траншею – восточнее Борисоглебской церкви. Шурф 1 располагался между развалинами смядынских храмов, шурф 2 – поблизости с колодцем на месте гибели князя Глеба, шурфы 3–8 на северо-запад в 19–26 метрах от развалин церкви Бориса и Глеба, остальные – на юго-запад вдоль края первой надпойменной террасы и у храма Василия (*Авдусин*, 1959. С. 3–10; рис. 1). Наличие незначительного количества керамики XII–XIII вв. только в некоторых шурфах (СОМ 13849, 1959), слабая насыщенность и мощность отложений, отсутствие следов сооружений позволило Д. А. Авдусину выразить сомнение в объективности утвердившегося за столетие представления о существовании на Смядыни раннего поселения и княжеской резиденции.

Итоги изучения архитектурных памятников Смоленска были подведены в монографии М. К. Каргера «Зодчество древнего Смоленска». Анализируя данные о церквях Борисоглебского монастыря и говоря о их связи с киевскими храмами первой половины XII в., он отмечал, что если Борисоглебский собор повторял уже существовавший в Вышгороде, то «малый храм» воссоздавал «храмину св. Василия», в котором, по преданию, были погребены святые (*Каргер*, 1964. С. 29–46, 66–76).

В 1972, 1974 гг. Архитектурно-археологической экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством Н. Н. Воронина и П. А. Раппопорта были проведены более детальные исследования вышеупомянутых церквей «с целью уточнения некоторых технических вопросов и хронологии частей здания» (*Воронин, Раппопорт*, 1979. С. 155, 255, 269). В качестве основы были взяты материалы работ Милеева и Клетновой. В Васильевской церкви раскопаны участки южной и северной стены, а в Борисоглебском храме – южной и западной стен и фундаменты галерей, которые остались без внимания предыдущих исследователей или требовали уточнения (*Воронин*,

Раппопорт, 1979. С. 45, 155). Ученые смогли дополнить уже имеющиеся сведения новыми (рис. 2, б, г): об архитектурных формах, некоторых деталях и строительной технике храмов (*Раппопорт*, 1974. С. 5–11).

Работы по исследованию культурного слоя Смядынского предместья проводились в 1991 г. и 1993 г. Н. В. Сапожниковым. Вдоль восточной и южной границ охранной зоны памятника было заложено 20 шурфов, а также небольшой раскоп к востоку от развалин монастыря (рис. 1). На основе незначительного количества вещевых находок автор датировал данный культурный слой XII–XVII вв. (*Сапожников*, 1991. С. 3, 51; 1993. С. 3–48).

Повышенное внимание к этой исторической части города наблюдается и по сегодняшний день. В частности, спустя сто лет вновь возник епархиальный проект создания нового храма Бориса и Глеба с возможной музеефикацией остатков прежних храмовых зданий. В результате работ Смоленской экспедиции ИА РАН в 2014 и 2015 гг. (Н. А. Кренке, И. Н. Ершов) были получены данные о том, что в XI–XIII вв. в тыловой части поймы к северу от Васильевского храма находился водоем (старица?), между ним и руслом Смядины существовал узкий проход. Исследователями, здесь были обнаружены находки конца X – начала XI в. с раннекруговой керамикой. На месте Васильевского храма была зафиксирована погребенная почва, включавшая находки начала X в. (лепная керамика), что указывает на длительное обживание данной местности еще до возникновения монастыря. Установлено также, что большая часть фундаментов Васильевского храма безвозвратно утрачена уже после раскопок 1972–1974 гг. (рис. 4: с. 480).

Несмотря на важные и значительные открытия последних лет, эта местность остается недостаточно изученной. Довольно подробные архитектурные раскопки позволили детально представить планы некогда существовавших на Смядыни храмов. Но не сложилось полного представления о характере этой территории. Остается спорным ее назначение, по-прежнему возникает вопрос о том, какое место она занимала в историческом прошлом города.

Вероятно, дальнейшие более детальные исследования помогут разобраться в этом вопросе, подтвердить или опровергнуть имеющиеся материалы дореволюционных и современных исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

- Авдусин Д. А.*, 1958. Отчет о раскопках в г. Смоленске // Архив ИА РАН. Раздел 1. № 1824. Л. 14–15.
Авдусин Д. А., 1959. Отчет о работах Смоленской археологической экспедиции за 1959 г. // Архив ИА РАН. Раздел 1. № 1971. 16 л.
Авдусин Д. А., 1967. К вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии // Смоленск: К 1100-летию первого упоминания города в летописи: Мат-лы юбилейной науч. конф. / Отв. ред. Г. Т. Рябков. Смоленск: Смоленский гос. пед. ин-т. С. 63–85.
Белогорцев И. Д., 1952. Новые исследования древнесмоленского зодчества // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. 1. Смоленск: Смоленское кн. изд-во. С. 87–126.
 В архивной комиссии // СВ. 1915. № 42, 72. С. 2–3.
Воронин Н. Н., Раппопорт П. А., 1979. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л.: Наука. 413 с.
 ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 3919. Л. 71. 1925. Переписка со Смоленским губернским музеем по делам охраны памятников.
 Городские известия // СВ. 1883. № 69. С. 3.

- Документ деревни Чернушек 1680 г. // Смоленская старина. Вып. 1. Ч. 2. Смоленск: СУАК. 1911. С. 41–45.
- Достопамятности города Смоленска // СГВ. 1844. № 32–34.
- Из местной жизни // СЕВ. 1912. № 9. С. 514–515.
- Каргер М. К.*, 1964. Зодчество древнего Смоленска (XII–XIII вв.). Л.: Изд-во Ленинградского ун-та. 140 с.
- Клетнова Е. Н.*, 1912а. Доклад Археологического Общества о раскопках на Смядыни, произведенных Смоленской губернской ученой архивной комиссией // Древности. Труды Комиссии по сохранению древних памятников Императорского Московского Археологического Общества / Под ред. И. П. Машкова. Т. IV. М.: Тип. т-ва А. И. Мамонтова. С. 288–297.
- Клетнова Е. Н.*, 1912б. О раскопках на Смядыни, произведенных в сентябре 1909 г. // Отчет СУАК за второй год ее существования (3 апреля 1909 г. – 3 апреля 1910 г.). Смоленск: Тип. П. А. Силина. С. 63–88.
- Мурзакевич Н. Н.*, 1835. Достопамятности города Смоленска // Журнал Министерства народного просвещения. Вып. VIII. С. 513–515.
- Мурзакевич Н. Н.*, 1844. Достопамятности города Смоленска // СГВ. № 32–34.
- Местная хроника // СВ. 1910. № 113. С. 1.
- НПЛ – Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. 642 с.
- Орловский И. И.*, 1909а. Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин // Смоленская старина. Вып. 1. Ч. 1. Смоленск: СУАК. С. 195–312.
- Орловский И. И.*, 1909б. В ученой архивной комиссии // СВ. № 91. С. 2–3.
- Орловский И. И.*, 2011. Избранное. Смоленск: Свиток. 240 с.
- Отчет СУАК за время с 3 апреля 1910 г. до 1 января 1912 года (№ 3). Смоленск: Тип. П. А. Силина, 1912. 83 с.
- Отчет о составе и деятельности Смоленского церковно-археологического комитета за 1912 г. // СЕВ. 1913. № 13–14. С. 424–431.
- Отчет о составе и деятельности Смоленского церковно-археологического комитета за 1913 г. // СЕВ. 1914. № 8. С. 154–162.
- Писарев С. П.*, 1894. Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Историко-археологическое исследование в связи с историей Смоленска. Смоленск: Типо-лит. Ф. В. Зельдович. 297 с.
- Протоколы заседаний комиссии за 1909–10 // Древности. Труды Комиссии по сохранению древних памятников Императорского Московского Археологического Общества / Под ред. И. П. Машкова. Т. IV. М.: Тип. т-ва А. И. Мамонтова, 1912. С. 5, 60.
- Раппопорт П. Н.*, 1974. Отчет о работе Смоленской архитектурно-археологической экспедиции // Архив ИА РАН. Р-1. Ф-1. № 5507.
- РО НА ИИМК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 128, 1847. ЛЛ. 1–13. Об обнаружении гробницы в фундаменте церкви Бориса и Глеба, построенной в 1145 г. (из донесения смоленского губернатора).
- РО НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. 1888. ЛЛ. 1–73. Смоленская крепостная стена. Смядынь.
- РО НА ИИМК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 121. 1897. ЛЛ. 19–28. О выдаче художнику Д. М. Струкову свидетельства на право осмотра памятников древности.
- Сапожников Н. В.*, 1991. Отчет об археологических исследованиях по трассе коллектора № 32 по границе охранной зоны бывшего Борисоглебского монастыря на Смядыни // Архив ИА РАН. Р-1. № 16092.
- Сапожников Н. В.*, 1993. Отчет об археологических исследованиях на Смядыни (ул. Большая Краснофлотская) в г. Смоленске в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 22687.
- Троицкий*, 1845. Об открытии княжеской гробницы в окрестности Смоленска // СГВ. № 3. С. 1–3.
- Уваров А. С.*, 1910. Храм на Смядыни // Сборник мелких трудов / Под ред. П. С. Уваровой. Т. 1: Христианские древности и зодчество. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко.
- Хозеров И. М.*, 1945. Археологическое изучение памятников зодчества Древнего Смоленска // КСИИМК. Вып. XI. С. 20–25.

Сведения об авторе.

Бегунова Виктория Викторовна, Смоленский государственный музей-заповедник, ул. Коммунистическая, г. Смоленск, 214000, Россия, e-mail: v.begunova@yandex.ru.

V. V. Begunova

FROM THE HISTORY OF ARCHAEOLOGICAL STUDIES
OF THE SMYADYN OUTSKIRTS IN SMOLENSK

Abstract. The paper is devoted to the history of archaeological studies of a well-known historical locality in Smolensk known as Smyadyn. The conclusion made on the basis of archival data and published materials is that this locality sparked tremendous interest from both lovers of the antique and professional archaeologists.

Keywords: Smolensk, Smyadyn, Boris and Gleb Monastery, archaeological studies, local history, architectural archaeology.

About the author:

Begunova Viktoria V., Smolensk State museum-resort, ul. Kommunisticheskaya, Smolensk, 214000, Russian Federation, e-mail: v.begunova@yandex.ru.

МЕТОДЫ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК В ИЗУЧЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ И ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

Л. В. Яворская, Е. Е. Антипина, А. В. Энговатова, А. Е. Леонтьев

ИЗОТОПНЫЙ АНАЛИЗ И ВОПРОСЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ПАЛЕОДИЕТЫ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Резюме. В статье обсуждаются результаты целенаправленных исследований изотопного состава (углерод ^{13}C и азот ^{15}N) коллагена костей домашних и диких животных из двух средневековых городов европейской части России: Ярославля и Ростова Великого. Установлено, что обеспечение кормами домашних копытных животных строилось главным образом на растительных ресурсах, созданных человеком в процессе активного землепользования. Однако лошади и коровы из Ростова Великого содержались круглогодично на подножном корму. Вопреки ожиданию, в диете свиней доля кухонных отходов оказалась минимальной, основу рациона составлял растительный корм с культивируемых земель.

Ключевые слова: стабильные изотопы ^{13}C и ^{15}N , домашние и дикие животные, палеодиета, средневековые города европейской части России.

Изучение изотопного состава костей животных из археологических памятников проводится, как правило, в рамках исследований палеодиеты человеческих коллективов. При этом одни виды животных выступают как пищевые объекты, другие – как отражение природного изотопного фона. Для самых древних памятников с доминированием присваивающих вариантов экономики (палеолит – энеолит) возможно использование изотопных данных по диким животным для реконструкции окружавших поселения экосистем (см. *DeNiro, Epstein, 1978; DeNiro, 1987; van der Merwe, 1982; Ambrose, 1991; Bocherens, 2003; Müldner, Richards, 2005; Thompson et al., 2005; Тунов, 2007; и др.*).

Однако за последнее десятилетие рамки для объектов изотопного анализа заметно расширились: исследуются не только новые виды (древние и современные) животных и растений, но и микроорганизмы, а также почва и вода, тем самым увеличивается разнообразие получаемой информации (см. например: *Makarewicz, Tuross, 2006; Fraser et al., 2011; Schoeninger, 2011; Fuller et al., 2012; Reitsema, Kozłowski, 2013; и др.*).

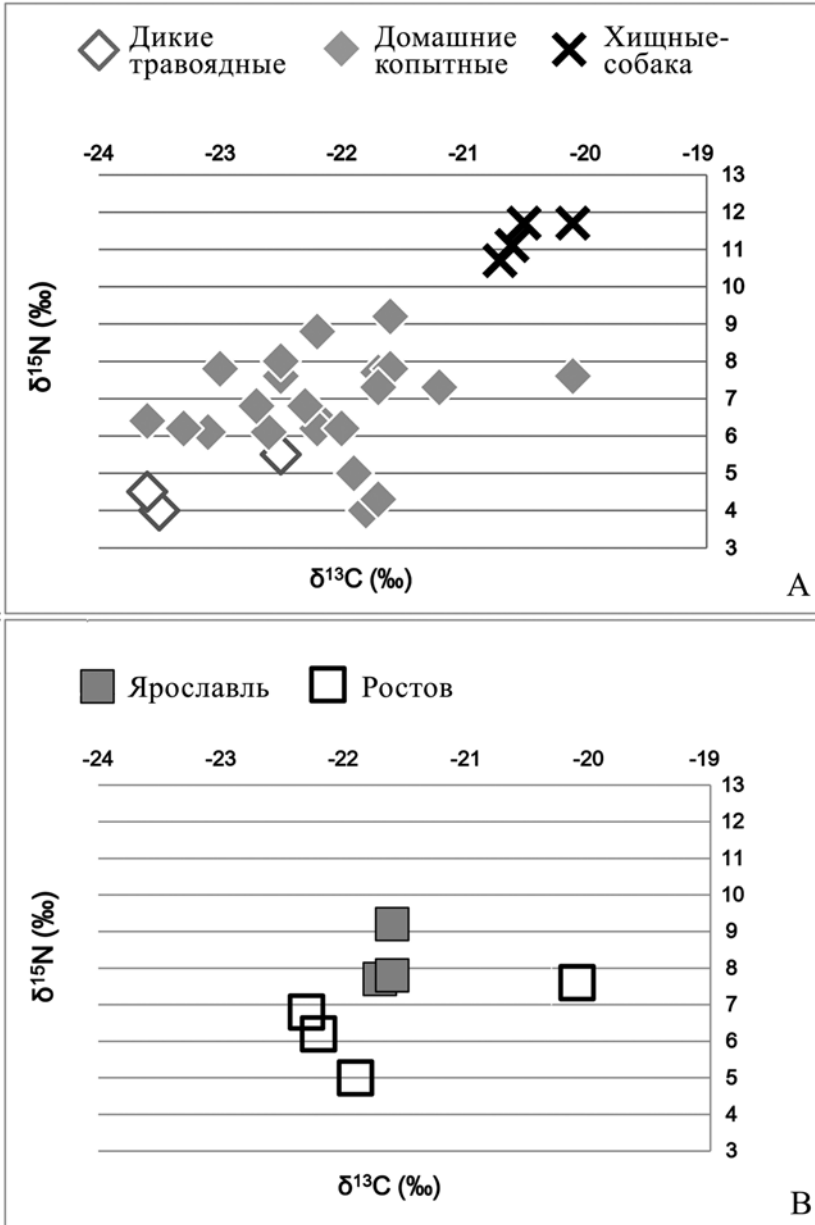
Более того, в исследованиях присутствует стремление выявить влияние разных природных и антропогенных факторов (температуры, влажности, культивации и т. д.) на изотопный состав тканей и отдельных частей изучаемых растительных и животных организмов. Например, изучение почвенных проб, взятых на современных и древних полях и других сельскохозяйственных объектах, показало, что и обработка почвы, и внесение любых удобрений повышает содержание азота и углерода в культивируемых растениях (*Bogaard et al.*, 2007; *Commisso, Nelson*, 2008; *Fraser et al.*, 2011). В этом направлении обсуждается даже сопряженность изотопных сигналов домашнего скота с системами земледелия и т. д. (*Grogan et al.*, 2000; *Szostek*, 2009; *Commisso, Nelson*, 2010; *Reitsema, Kozłowski*, 2013). Такие новые повороты изотопного анализа дают возможность рассматривать данные об изотопном составе костей древних домашних животных как независимый источник для реконструкции палеодиеты и условий содержания разных видов домашних животных, а значит – и разные стороны функционирования древних хозяйственных систем.

Основной задачей нашей работы было дополнение базы данных по изотопному составу коллагена костей животных, прежде всего – домашних, из средневековых памятников европейской части России. Однако на сегодняшний день получены анализы содержания стабильных изотопов только для двух элементов – углерода и азота (^{13}C и ^{15}N), но именно они являются наиболее значимыми для реконструкции пищевых связей и особенностей диеты живых организмов. Изотопный анализ собранных образцов проведен в лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры РАН под руководством Г. И. Зайцевой. Использованная в проекте методика определения содержания ^{13}C и ^{15}N по коллагену археологических костей, а также полученные результаты для выборки из средневековых городов уже опубликованы (*Энгватова и др.*, 2013).

Здесь же предпринимается попытка (на основе уже опубликованной авторами информации) выявить и оценить особенности палеодиеты и условий содержания домашних животных из двух древнерусских городов – Ярославля и Ростова Великого. Для этого необходимо рассмотреть следующие вопросы: насколько пищевой рацион домашних копытных по изотопному составу отличался от природного корма диких животных, какова была специфика их палеодиеты, и с какими факторами ее можно связать?

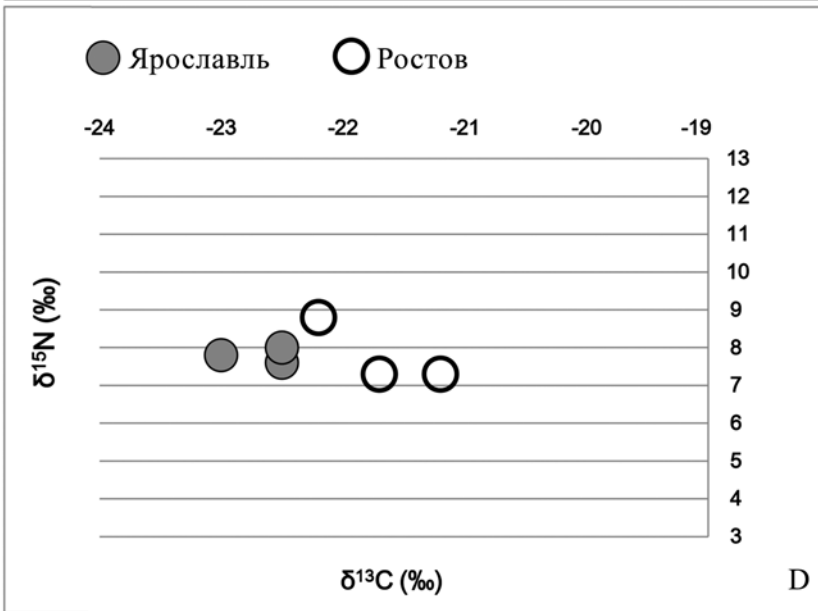
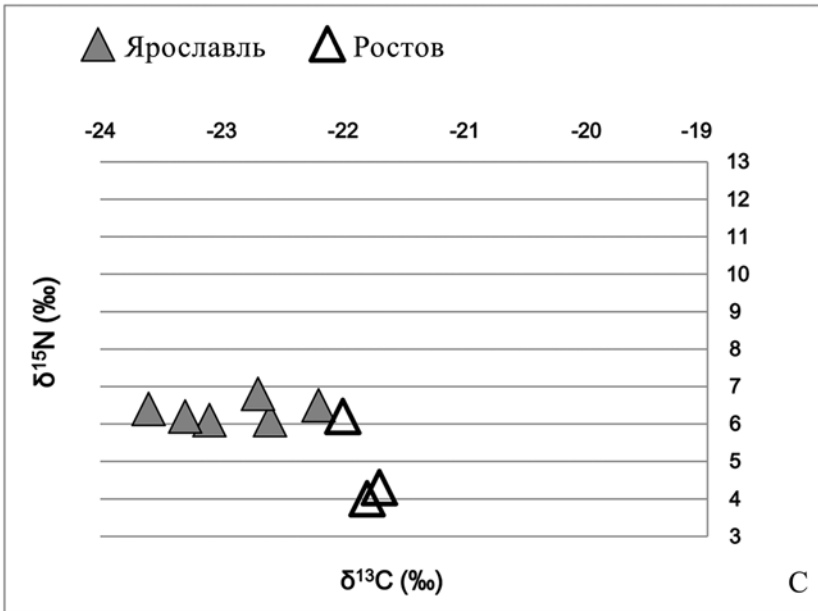
Важно подчеркнуть, что выбор именно этих двух памятников неслучаен: оба расположены в бассейне Волги, в одной природно-ландшафтной и климатической зоне, оба возникают в конце X в. и активно функционируют на протяжении всего средневековья. Окружают города леса с доминированием древесно-кустарниковых пород, представляющих собой обычные для этой зоны т. н. С-3 растения. Такие сходные климатические условия и природная кормовая база копытных животных позволяют рассматривать выявленную специфику содержания ^{13}C и ^{15}N в коллагене костей домашних животных в рамках вероятного влияния хозяйственно-культурных факторов.

Для домашних животных обсуждается информация по четырем видам: крупный рогатый скот (КРС), лошадь, свинья и собака. Изотопные сигналы диких животных представлены данными по останкам благородного оленя из Ярославля и по костям двух бобров из Ростова.

Рис 1. Результаты изотопного анализа костей животных (состав по $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$) из двух средневековых городов

Диаграммы: *A* – по диким травоядным и домашним животным; *B* – по КРС; *C* – по лошадям; *D* – по свиньям

Большинство образцов для изотопного анализа из раскопок Ярославля происходят из санитарных захоронений защитников и жителей города, погибших во время его разорения войсками Бату-хана зимой 1238 г. (*Энговатова и др.*, 2009; *Археология древнего Ярославля...*, 2012). Часть из них связана с комплексами одной богатой усадьбы. Другая часть отобрана из кухонных остатков в культурном слое той же усадьбы. Соответственно, видовой состав из ярославских образцов напрямую отражает набор животных, которых содержали в городе в конце XII – первой половине XIII в.

Ростовские образцы получены из культурных напластований жилой застройкой конца XI – первой половины XII в., когда на месте предшествующего поселения уже функционировал город (*Леонтьев*, 1998; *Самойлович*, 2001).

Сравнение изотопных сигналов ^{13}C и ^{15}N домашних животных и представителей диких травоядных из раскопок двух указанных городов обнаруживает достаточно яркие отличия между этими группами (рис. 1, А). Изотопные сигналы диких травоядных животных (особенно бобров) имеют самые низкие значения как для углерода ($\delta^{13}\text{C}$: -23,5‰), так и для азота ($\delta^{15}\text{N}$: 4‰). Домашние животные характеризуются более высокими показателями дельты ^{15}N , абсолютные значения которой в большей части образцов превышают границу в 6 промилле. В свете новой информации об обогащении стабильным изотопом азота выращиваемых травяных и зерновых культур такие различия по ^{15}N могут быть интерпретированы как следствие кормления домашних копытных главным образом культивируемым травостоем с лугов и полей. Исключение по азоту составляют лишь три образца из ростовской коллекции (о них будет отдельно сказано ниже). Количество изотопа ^{13}C у домашних животных также повышено, но лишь по средним значениям, а разброс абсолютных значений достигает 4 промилле (рис. 1, А). Эти рамки соответствуют поеданию копытными именно обычной растительности региона (т.н. С-3 растения), включая огородные и зерновые культуры.

Вместе с тем несомненно, что пищевой рацион каждого из четырех видов домашних животных имел свои особенности.

Небольшая выборка костей КРС из Ярославля оказалась очень компактной по значениям изотопных сигналов ^{13}C и ^{15}N (рис. 1, В). Они как раз в наибольшей степени отражают пищевой рацион домашних копытных, базирующийся не на природных, а на выращиваемых растительных ресурсах. Тогда как при кормлении ростовских коров, по-видимому, наряду с культивируемыми растениями использовались и природные корма с пониженным содержанием стабильных изотопов углерода, но особенно азота. Аналогичную ситуацию можно реконструировать и для рациона ростовских лошадей, содержание ^{15}N в костях которых было резко снижено (рис. 1, С).

Образцы костей лошадей из Ярославля обнаружили большое сходство между собой по ^{15}N . При этом среднее значение дельты для этого изотопа оказалось всего на 1 промилле выше, чем у благородного оленя, и почти на 1,5 промилле ниже, чем у ярославских коров (рис. 1, А, В, С). Несомненно, что эти различия связаны с разными по составу диетами у этих видов, но, к сожалению, рассматриваемые изотопные сигналы не позволяют дать более конкретную интерпретацию.

Уровень содержания стабильного изотопа азота в костях и ярославских и ростовских свиней представляется необычным. Если исходить из всеядности этого вида, то значения $\delta^{15}\text{N}$ костей свиньи теоретически должны занимать место между показателями по костям коровы и собаки. А полученные результаты $\delta^{15}\text{N}$ оказались очень близки к средним значениям этого изотопа у коров (рис. 1, *B, D*). Очевидно, что отождествлять пищевой рацион этих видов некорректно. Но следует признать, что сходство их изотопных сигналов по ^{15}N может означать только одно: доля растительных кормов в диете ярославских и ростовских свиней была существенной, а доля кухонных отходов, вероятнее всего, минимальна.

Обобщая изотопные данные по домашним копытным, следует подчеркнуть некоторую специфику всей серии ярославских образцов. В ней оказались и максимальные значения дельты ^{15}N у коров, и поразительно компактно расположенные данные по ^{15}N у лошадей. Учитывая необычный археологический контекст находок костей этих животных – территорию богатой усадьбы, можно предположительно связать появление такого изотопного состава у животных с влиянием особых хозяйственных и/или социальных факторов.

Кости собак показывают размах значений изотопных сигналов в очень узких рамках (различия по $\delta^{13}\text{C}$ – всего 0,7, а по $\delta^{15}\text{N}$ – 1 промилле) как в образцах из Ростова, так и из Ярославля (рис. 1, *A*). Можно предположить существование единой традиции содержания и кормления этих животных в этих городах.

Таким образом, анализ значений изотопных сигналов домашних и диких животных из Ярославля и Ростова позволяет сформулировать следующие положения, касающиеся особенностей пищевого рациона средневековых домашних животных:

1. Обеспечение кормами домашних копытных животных из указанных средневековых городов строилось главным образом на созданных человеком в процессе активного землепользования растительных ресурсах (луговые травы и сено, отходы земледельческой продукции, зерно).

2. Вместе с тем некоторые ростовские лошади и коровы круглогодично содержались на подножном корму в природных биотопах.

3. В диете ярославских и ростовских свиней доля растительного корма с культивируемых земель была существенной, а доля кухонных отходов минимальна.

ЛИТЕРАТУРА

- Археология древнего Ярославля: загадки и открытия / Авт.-сост. А. В. Энгватова. 2-е изд., доп. и перераб. М.: ИА РАН, 2012. 296 с.
- Леонтьев А. Е., 1998. Ростов эпохи Ярослава Мудрого (по материалам археологических исследований) // Историческая археология. Традиции и перспективы: К 80-летию со дня рожд. Д. А. Авдусина / Отв. ред. В. Л. Янин. М.: Памятники исторической мысли. С. 135–153.
- Самойлович Н. Г., 2001. Стратиграфия и хронология Григорьевского раскопа в Митрополичьем саду Ростовского кремля // Практика и теория археологических исследований / Отв. ред. А. С. Смирнов. М.: ИА РАН. С. 226–242.
- Тиунов А. В., 2007. Стабильные изотопы углерода и азота в почвенно-экологических исследованиях // Известия РАН. Серия Биологическая. 4. С. 475–489.

- Энговатова А. В., Добровольская М. В., Антипина Е. Е., Зайцева Г. И., 2013. Коллективные захоронения в Ярославле. Реконструкция системы питания на основе результатов изотопного анализа // КСИА. Вып. 228. С. 96–115.
- Энговатова А. В., Осипов Д. О., Фараджева Н. Н., Бужилова А. П., Гончарова Н. Н., 2009. Массовые средневековые захоронения в Ярославле: анализ археологических и антропологических материалов // РА. № 2. С. 68–78.
- Ambrose S. H., 1991. Effects of diet, climate and physiology on nitrogen isotope abundances in terrestrial foodwebs // JAS. Vol. 18. Iss. 3. P. 293–317.
- Bocherens H., 2003. Isotopic biogeochemistry and the palaeoecology of the mammoth steppe fauna // Deinsea. Vol. 9. P. 57–76.
- Bogaard A., Heaton T. H. E., Poulton P., Merbach I., 2007. The impact of manuring on nitrogen isotope ratios in cereals: Archaeological implications for reconstruction of diet and crop management practices // JAS. Vol. 34. Iss. 3. P. 335–343.
- Commisso R. G., Nelson D. E., 2008. Correlation between modern plant $\delta^{15}\text{N}$ values and activity areas of Medieval Norse farms // JAS. Vol. 35. Iss. 2. P. 492–504.
- Commisso R. G., Nelson D. E., 2010. Stable nitrogen isotopic examination of Norse sites in the Western settlement of Greenland // JAS. Vol. 37. Iss. 6. P. 1233–1240.
- DeNiro M. J., 1987. Stable isotopes and archaeology // American Scientist. Vol. 75. P. 182–191.
- DeNiro M. J., Epstein S., 1978. Influence of diet on distribution of carbon isotopes in animal // Geochimica et Cosmochimica Acta. Vol. 42. P. 495–506.
- Fraser R. A., Bogaard A., Heaton T., Charles M., Jones G., Christensen B. T. et al., 2011. Manuring and stable nitrogen isotope ratios in cereals and pulses: towards a new archaeobotanical approach to the inference of land use and dietary practices // JAS. Vol. 38. Iss. 10. P. 2790–2804.
- Fuller B. T., Muldner G., Van Neer W., Eryynck A., Richards M. P., 2012. Carbon and nitrogen stable isotope ratio analysis of freshwater, brackish and marine fish from Belgian archaeological sites (1st and 2nd millennium AD) // Journal of Analytical Atomic Spectrometry. Vol. 27. P. 807–820.
- Grogan P., Bruns T. D., Chapin F. S., 2000. Fire effects on ecosystem nitrogen cycling in a Californian bishop pine forest // Oecologia. Bd. 122. No. 4. P. 537–544.
- Makarewicz C., Tuross N., 2006. Foddering by Mongolian pastoralists is recorded in the stable carbon ($\delta^{13}\text{C}$) and nitrogen ($\delta^{15}\text{N}$) isotopes of caprine dentinal collagen // JAS. Vol. 33. Iss. 6. P. 862–870.
- Muldner G., Richards M. P., 2005. Fast or feast: reconstructing diet in later medieval England by stable isotope analysis // JAS. Vol. 32. Iss. 1. P. 39–48.
- Reitsema L. J., Kozłowski T., 2013. Diet and society in Poland before the state: stable isotope evidence from a Wielbark population (2nd c. AD) // Anthropological review. Vol. 76. Iss. 1. P. 1–22.
- Schoeninger M. J., 2011. Diet reconstruction and ecology using stable isotope ratios // A Companion to Biological Anthropology / Ed. C. S. Larsen. Chichester: Wiley-Blackwell. P. 445–464.
- Szostek K., 2009. Chemical signals and reconstruction of life strategies from ancient human bones and teeth – problems and perspectives // Anthropological review. Vol. 72. No. 1. P. 3–30.
- Thompson A. H., Richards M. P., Shortland A., Zakrzewski S. R., 2005. Isotopic palaeodiet studies of ancient Egyptian fauna and humans // JAS. Vol. 32. Iss. 3. P. 451–463.
- Van der Merwe N. J., 1982. Carbon isotopes, photosynthesis and archaeology // American Scientist. Vol. 70. P. 596–606.

Сведения об авторах.

Яворская Лилия Вячеславовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: lv.yavorskaya@gmail.com;

Антипина Екатерина Евстафьевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: bikanty@mail.ru;

Энговатова Ася Викторовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: engov@mail.ru;

Леонтьев Андрей Евгеньевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: leont3@mail.ru.

L. V. Yavorskaya, E. E. Antipina, A. V. Engovatova, A. E. Leontyev

STABLE ISOTOPE ANALYSIS AND RECONSTRUCTION
OF DOMESTICATED ANIMALS' PALEODIET
IN THE MEDIEVAL CITIES OF EASTERN EUROPE

Abstract. The paper discusses results of the studies focused on the isotopic composition (^{13}C and ^{15}N) of the bone collagen of domesticated and wild animals from two medieval cities in the European part of Russia, i. e. Yaroslavl and Rostov the Great. It was established that the fodder supply for the domesticated ungulates was mostly based on plant resources obtained by people during active land use. However, horses and cows from Rostov the Great grazed all year round. Despite expectations, the percentage share of kitchen waste in the pigs' diet turned out to be minimal, since vegetation from cultivated lands was the basis of their food intake.

Keywords: ^{13}C and ^{15}N , domesticated and wild animals, paleodiet, medieval cities in the European part of Russia.

About the authors.

Yavorskaya Lilia V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: lv.yavorskaya@gmail.com;

Antipina Ekaterina E., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: bikanty@mail.ru;

Engovatova Asya V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: engov@mail.ru;

Leontyev Andrey E., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: leont3@mail.ru.

А. В. Энговатова, М. Б. Медникова, А. А. Тарасова

ОПЫТ БИОАРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ
СОСТОЯНИЯ ЗДОРОВЬЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
СПЕЦИАЛИЗАЦИИ ЖИТЕЛЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЯРОСЛАВЛЯ
(погребенный № 2 из сооружения 76)

Резюме. Современные исследования в области биоархеологии предполагают комплексное контекстуальное рассмотрение биоматериалов, происходящих из археологических раскопок. В этом подходе комбинируется традиционный популя-

ционный подход и казуальное изучение отдельных, наиболее значимых находок. Данная публикация представляет результаты комплексного археолого-антропологического исследования останков человека, найденных при раскопках слоев средневекового Ярославля. Человек пал жертвой трагических событий 1238 г., его тело было сброшено в санитарное захоронение № 76. Погребенный № 2 оказался необычным человеком, и понять это нам помогают данные археологии, морфологии, палеопатологии. В детстве этот человек перенес много тягот, отразившихся в структурных изменениях зубов и костей, в низкой длине тела. В строении посткраниального скелета отражены чрезвычайно интенсивные физические нагрузки на левую руку. Он хромотал вследствие полиартрита, сильнее всего затронувшего суставы левой стопы. Данные рентгенофлуоресцентного анализа свидетельствуют о присутствии в костной ткани левого предплечья завышенной концентрации меди, а также мышьяка или свинца. Это означает, что останки могут принадлежать ремесленнику, на протяжении ряда лет контактировавшему с металлами и их сплавами, возможно, ювелиру. Человек был опытным наездником, что подтверждается присутствием характерных особенностей на скелете.

Ключевые слова: археология, Ярославль, XIII век, биоархеология, палеопатология, рентгенофлуоресцентный анализ.

Введение

Работы Ярославской экспедиции Института археологии РАН открыли новый пласт в понимании различных событий отечественной истории, не нашедших достаточного отражения в письменных источниках. В результате широкомасштабных раскопок в центре города были вскрыты массовые санитарные захоронения, которые можно соотнести с разорением города войсками Бату-хана в 1238 г. (Археология древнего Ярославля..., 2012; *Энговатова и др.*, 2009; 2013).

Современные исследования в области биоархеологии предполагают комплексное контекстуальное рассмотрение биоматериалов, происходящих из археологических раскопок. При этом в последние десятилетия все чаще биоархеология становится синонимом работы палеоантропологов, применяющих широкий спектр современных естественно-научных методов и опирающихся на археологический контекст. В этом подходе комбинируется традиционный популяционный подход и казуальное изучение отдельных, наиболее значимых находок.

Наша публикация представляет новые результаты комплексного археолого-антропологического исследования останков всего одного человека – индивида № 2 из коллективного захоронения (№ 76) 1238 г. (рис. 1). Он оказался необычным человеком, и понять это нам помогают комплексные исследования (археологические, морфологические, палеопатологические), позволившие получить дополнительные данные о погребенном.

Археологический контекст коллективного захоронения № 76 из Ярославля подробно описан в одной из публикаций (*Энговатова и др.*, 2010). Там же описаны и необычные кожаные сапоги, принадлежавшие индивиду № 2, конструкция которых указывает на возможную принадлежность обуви кочевнику (Там же. С. 201).

Рис. 1. Ярославль. Рубленный город. Погребение 76. Индивид 2. Фото. Вид сверху, с юго-запада

В предварительной публикации (Энговатова и др., 2010. С. 192–198) приводились важные антропологические наблюдения, полученные М. В. Добровольской и К. В. Гусевым. Согласно их определениям, скелет № 2 принадлежал мужчине, 30–45 (?) лет. При жизни он уже утратил первый и второй резцы на нижней челюсти, страдал кариесом (первый верхний моляр верхней челюсти). У него отмечен краудинг; сильная асимметрия нижней челюсти; неравномерная стертость зубов, преимущественно затрагивающая первые моляры. Была отмечена патология левой стопы, по первым предположениям, посттравматического характера. Поскольку кости таза и нижней конечности у этого человека были развиты равномерно, что необычно, учитывая его очевидную хромоту, было высказано предположение, что он чаще передвигался верхом. Большое количество эпигенетических маркеров на черепе и скелете говорило о том, что «мужчина в сапогах» родился в семье, принадлежавшей к достаточно эндогамной группе. Наконец, в верхней части свода черепа этого человека было описано хорошо заживший локальный дефект костной поверхности диаметром около 1 см, интерпретированный как символическая трепанация.

Применение других методов позволяет уточнить информацию о принадлежности этого скелета.

Методы исследования

При обследовании останков нами применялись традиционные методы поло-возрастной диагностики (Standards..., 1994). Для описания скелета мы использовали общепринятую измерительную методику (Алексеев, 1966). При воссоздании особенностей прижизненной активности опирались на методические разработки, уже нашедшие достаточно широкое применение за последние годы

в отечественной и зарубежной практике (Историческая экология..., 1998). Мы регистрировали наличие аномалий, индикаторов физиологического стресса и патологические проявления на черепе, зубах и костях посткраниального скелета.

Для выявления особенностей внутреннего строения нами применялась современная стационарная установка для выполнения цифрового микрофокусного рентгена серии ПРДУ, совместная разработка кафедры электронных приборов и устройств Санкт-Петербургского государственного электротехнического Университета и предприятия ЗАО «ЭлтехМед».

При рассмотрении палеопатологических изменений использован метод дифференциальной диагностики.

Для уточнения аспектов возможной профессиональной деятельности был использован рентгенофлуоресцентный спектрометр EDAX Orbis PC Micro-XRF Analyzer, позволяющий осуществлять неdestructивное экспресс-определение элементного состава от Na до U с пространственным разрешением от 10 мкм и без предварительной пробоподготовки. Образцы костной ткани анализировались в вакууме.

Результаты

Сохранность черепа и элементов зубной системы

Обследованы череп и нижняя челюсть. Большинство зубов сохранились в альвеолярном сочленении с челюстями. При жизни были утрачены первый и второй резцы справа на нижней челюсти.

Сохранность посткраниального скелета

Представлены лопатки, левая плечевая кость, правая локтевая, проксимальная половина левой локтевой и левой лучевой костей, позвонки всех отделов, ребра, рукоятка грудины, крестец, тазовые кости, левая бедренная (первоначально имелась правая бедренная кость, в дальнейшем переданная на генетическую экспертизу, в настоящий момент доступны ее изображения), обе большеберцовые, обе малоберцовые, кости правой и левой стоп.

Правая стопа. Все плюсневые, проксимальные фаланги 1–5 лучей, медиальные фаланги 4 и 5 лучей, дистальные фаланги первого, второго луча, одна сесамовидная кость, пяточная, таранная, ладьевидная, кубовидная, интермедиальная клиновидная.

Левая стопа. Все плюсневые, проксимальные фаланги 1–4 луча, дистальная фаланга 1, 4 и 5 лучей (последняя срослась с медиальной фалангой в результате патологического процесса), пяточная, таранная, ладьевидная, кубовидная, средняя клиновидная.

Биологический возраст и пол

Возрастные дегенеративно-дистрофические изменения на суставных поверхностях крупных суставов и позвоночнике отсутствуют. Напротив, следы недавнего синостозирования головки бедренной кости, множественные питательные отверстия на метафизах длинных костей нижней конечности свидетельствуют о молодом возрасте исследуемого индивидуума. Биологический возраст – 25–29 лет. Пол индивидуума на основании конфигурации нижней

челюсти, степени развития костно-мышечного рельефа однозначно определяется как мужской.

Присутствие дискретно-варьирующих признаков и аномалий развития на черепе

На черепе индивида выражен метопический шов и надглазничные отверстия.

Присутствие дискретно-варьирующих признаков на посткраниальном скелете

1. На латеральной дорзальной поверхности левой плечевой кости в области, прилегающей к головке, наблюдается фасетка подокруглой формы диаметром 12 мм.

2. На этой же кости имеется крупное межмышечковое отверстие.

3. Над латеральным мышечком левой большеберцовой кости локализован перпендикулярно ориентированный экзостоз (костное разрастание около 2 мм).

4. В области нижнего метафиза бедренной кости на латеральной стороне костное разрастание $2 \times 1,5$ мм в месте прикрепления *m. gastrocnemius (caput mediale)*.

5. На обеих локтевых костях в центральной части передней бугристости локализованы крупные лизированные поверхности длиной до 6 мм и шириной порядка 3 мм. Их локализация не вполне обычна. Они служили для выхода кровеносных сосудов. Кроме того, крупные питательные отверстия можно видеть на боковой медиальной поверхности, где они примыкают к площадке сустава. Не исключено, что это дискретно-варьирующий признак.

Остеоскопическое исследование и остеометрические характеристики посткраниального скелета

При осмотре левой плечевой кости обращает на себя внимание исключительно высокое развитие всех элементов рельефа. Так, развитие малого бугорка означает тренированность и постоянное напряжение широчайшей мышцы спины, приводившей руку к туловищу, поворачивая ее вовнутрь и разгибавшую плечо. Так же были тренированы подлопаточная мышца (поворачивает плечо внутрь); большая круглая мышца, разгибавшая плечо в плечевом суставе; клювовидно-плечевая мышца, сгибавшая плечо в плечевом суставе и участвовавшая в повороте плеча кнаружи.

Очень сильно акцентирована межбугорковая борозда, в которой помещалось сухожилие длинной головки двухглавой мышцы плеча. На развитие этого признака повлияло сильное прижизненное развитие большой грудной мышцы, опускавшей поднятую вверх руку, приводя ее к туловищу. Высшей степени развития достигает дельтовидная бугристость центральной части диафиза. Дельтовидная мышца берет начало на акромиальном конце ключицы, акромионе и ости лопатки. При ее сокращении рука поднималась и отводилась до горизонтального уровня. При сокращении передней части мышцы сгибалось плечо, а при сокращении задней плечо разгибалось. Кроме того, сильно развит латеральный край, от которого отходила плече-лучевая мышца, сгибавшая предплечье. Таким образом, можно констатировать, что прижизненные нагрузки на левую руку индивидуума № 2 были очень высоки, далеко выходя за пределы средних значений. При этом они начались достаточно рано, по-видимому, еще в ювенильном возрасте. Именно этим фактом можно объяснить наклон верхней половины

диафиза в медиальном направлении, который мог произойти, когда кость была в пластичном состоянии. Повышенные физические нагрузки привели к еще одной энтезопатии. Она представляет собой вертикально ориентированное углубление в верхней трети диафиза длиной до 21 мм, которое может быть связано с растяжением и надрывом в месте прикрепления связки (*Tendo musculus bicipitis brahii, caput longum*). Кроме того, активные физические упражнения повлияли на развитие кровеносной системы в верхней части плечевой кости, где вокруг головки, большого и малого бугорков наблюдается скопление крупных и мелких питательных отверстий.

На левой лопатке были зафиксированы поверхностные изменения на внутреннем и наружном крае акромиального отростка. Здесь имела место повышенная остеобластическая и остеокластическая активность. На дорзальной поверхности клювовидного отростка наблюдаются начальные периостальные изменения. В этом месте также заметно скопление отверстий кровеносных сосудов. В меньшей степени подобные изменения выражены и на правой лопатке.

Выявленные особенности согласуются с наблюдением об асимметричном развитии наружного рельефа на лопатках, которое отражает различия в степени физических нагрузок на правую и левую руку. На латеральном краю левой лопатки сформирован протяженный гребень в месте прикрепления *m.teres minor*. Этот признак отсутствует на правой лопатке.

При осмотре правой локтевой кости обращает внимание умеренное развитие элементов рельефа: заднего и межкостного краев, бугристости локтевой кости, гребня супинатора и дистального латерального гребня. Это сильно контрастирует с картиной, выявленной для развития левой плечевой кости. Соответственно, можно считать доказанным, что прижизненная нагрузка на правую руку была намного меньше, чем на левую. Предположительно, это связано не только со специфическим характером физической активности, но и с тем, что человек был левшой.

При осмотре разрушенной левой локтевой кости это впечатление подтверждается. На ней сильно развита бугристость, отчетливо сформирован межкостный край, задняя поверхность диафиза.

Фрагмент сохранившейся левой лучевой кости характеризуется массивностью, сильным развитием и начальной деформацией бугорка и гипертрофией межкостного края.

Левая бедренная кость демонстрирует умеренное развитие костно-мышечного рельефа. Вместе с тем поверхность большого вертела, служившего местом прикрепления латеральной широкой мышцы бедра, демонстрирует сильное развитие бугристости. Это говорит о гипертрофированном развитии средней ягодичной мышцы, малой ягодичной и грушевидной мышц, а также внутренней и наружной запирательных мышц, близнецовых мышц и квадратной мышцы бедра. Большинство из них участвуют в повороте бедра наружу. Подобная поза, в частности, характерна для всадников.

Некоторые другие морфологические особенности могут также свидетельствовать о том, что индивидуум № 2 был опытным наездником. На шейке бедра у основания головки отчетливо видна лизированная область. А. П. Бужилова в статье, посвященной возможности определения скелетов всадников,

рассматривает этот признак как реакцию костной ткани на статичное давление края тазовой кости при сидячем положении (Бужилова, 2008. С. 117). По ее предложению, этот признак включен в комплекс индикаторов физической активности всадника. Заметим, что аналогичная лизированная область наблюдается у индивидуума № 2 на передней части нижнего метафиза бедра. К комплексу физических нагрузок относится гребень в области шейки, к которому прикреплялась связка головки бедра (lig. capitis femoris). К тому же угол шейки бедра визуально определяется как высокий, что означает отсутствие серьезных нагрузок на нижнюю конечность, связанную с ходьбой, на протяжении периода роста (приблизительно до 18 лет) (об интерпретации этого признака см.: Медникова, 2011).

Правая и левая большеберцовые кости характеризуются симметричным развитием рельефа, что также может быть характерно для частой верховой езды. Сильно развиты бугристости, передние края, линия камбаловидной мышцы, межкостные края и рельеф дистальной части задней поверхности. Соответственно, можно говорить о тренированности и сильном развитии портняжной, полусухожильной, тонкой мышц, прямой мышцы бедра, сгибателей и разгибателей большого пальца стопы, подколенной мышцы. Характерно, что последняя сгибает голень, поворачивая ее вовнутрь. Гипертрофия рельефа в месте ее прикрепления дополнительно подтверждает, что индивидуум № 2 был всадником.

В верхней части ушковидных поверхностей правой и левой тазовых костей наблюдается заострение краев, не типичное для относительно молодого возраста. Кроме того, в задне-верхней части, на краю сочленовной поверхности сформированы костные разрастания, возможно, вследствие частичной оссификации *ligamentum iliolumbale*.

Особенности физического развития индивидуума № 2 по результатам измерений посткраниального скелета

В целом, можно говорить о грацильности диафизарных параметров бедренной кости (окружность попадает в категорию низших значений для мужчин), о малых размерах головки бедра, типичных, скорее, для женщин, об умеренном широтном развитии мышечков крупных суставов (табл. 1). Вместе с тем диафизарное развитие левой плечевой кости очень значительно в области дельтовидной бугристости. Особенно заметна разница между значениями наименьшей окружности диафиза и периметром его середины. Безусловно, это отражает степень функционального воздействия на пояс верхних конечностей, связанного с трудовой специализацией этого человека. В отношении к наблюдаемой картине в полной мере применим термин «рабочая гипертрофия костной ткани», характеризующий локальное нарастание костной массы под воздействием постоянных и интенсивных физических нагрузок.

Реконструкция длины тела по формуле Троттер – Глезер для европеоидов свидетельствует о низкорослости индивидуума (160,5 см – определение по плечевой кости, 168 см – определение по локтевой кости, 162,5 см – по бедренной, 159 см – по большеберцовой и 157 – по малоберцовой). Расхождения в определениях, выполненных на основании продольных размеров разных костей, объясняются очевидным фактом – при общей миниатюрности размеров тела этот человек демонстрировал отчетливое удлинение предплечья.

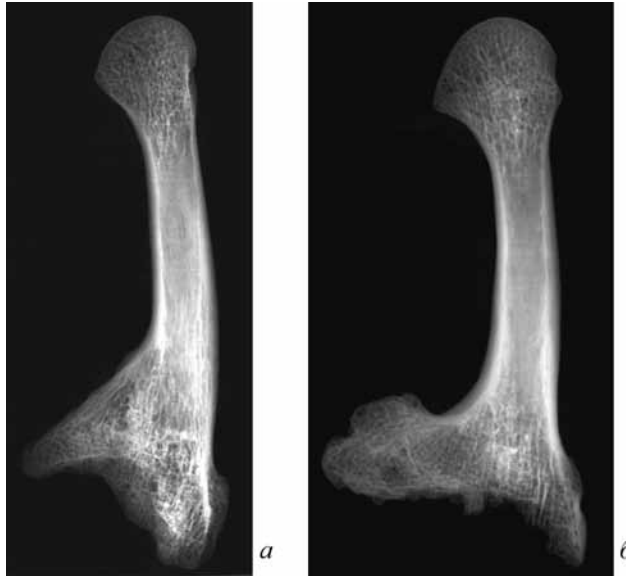
Таблица 1. Результаты остеометрического обследования индивидуума № 2 из сооружения 76

Признаки	Правая	Левая
Плечевая кость		
1. Наибольшая длина		285
2. Полная длина		282
5. Наибольший диаметр середины диафиза		26
6. Наименьший диаметр середины диафиза		20
7а. Окружность середины диафиза		73
7. Наименьшая окружность диафиза		58
Высота головки		46,5
Ширина головки		41
4. Ширина нижнего эпифиза		64
3. Ширина верхнего эпифиза		50
Указатель прочности (7:1)		0,26
Указатель поперечного сечения диафиза (6:5)		77,0
Соотношение окружностей диафизов плечевой кости (7:7а)		79,45
Локтевая кость		
1. Наибольшая длина	245	-
2. Физиологическая длина	219	-
11. Сагиттальный диаметр диафиза	12	10,5
12. Поперечный диаметр диафиза	14	13,5
13. Верхний поперечный диаметр	22,5	22,5
14. Верхний сагиттальный диаметр	23	23
3. Наименьшая окружность диафиза	33	-
Указатель прочности (3:2)	0,15	-
Указатель поперечного сечения (11:12)	0,86	-
Указатель платолении (13:14)	0,98	-
Бедренная кость		
1. Наибольшая длина		418
2. Физиологическая длина		413
Высота головки		42
Ширина головки		43
21. Мышечковая ширина		75
6. Сагиттальный диаметр середины диафиза		25
7а. Поперечный диаметр середины диафиза		27
9. Верхний поперечный диаметр		26
10. Верхний сагиттальный диаметр		33
Окружность головки		140
8. Окружность середины диафиза		82
Указатель массивности (8:2)		20,0
Указатель пилластрии (6:7а)		92,0
Большеберцовая кость		
1. Полная длина	316	320
1а. Наибольшая длина	324	327

Признаки	Правая	Левая
5. Наибольшая ширина верхнего эпифиза	70	69
6. Наибольшая ширина нижнего эпифиза	50	48
8. Сагиттальный диаметр середины диафиза	28	26,5
9. Поперечный диаметр середины диафиза	20,5	20
8а. Сагиттальный диаметр на уровне питат. Отверстия	33,5	33
9а. Поперечный диаметр на уровне питательного отверстия	25,5	23,5
10. Окружность середины диафиза	80	78
10б. Наименьшая окружность диафиза	69	68
Указатель пластикемии (9а:8а)	0,76	0,71
Указатель прочности (10б:1)	0,22	0,21
Малая берцовая кость		
1. Наибольшая длина	314	316
Плече-бедренный указатель (Н1:F2)		0,69
Берцово-бедренный указатель (Т1:F2)		0,77
Лопатка		
1. Морфологическая ширина	96	-
2. Морфологическая длина	143	-
Крестец		
2. Длина	98	
5. Ширина	-	

Патологические проявления на костях скелета

При визуальном обследовании на костях предплюсны, плюсны и фалангах пальцев стоп заметны проявления генерализованного патологического процесса. На правой стороне можно видеть обширные изменения на боковых поверхностях пяточной кости и в подошвенной области, в области пяточного бугра наблюдается «шпора» в виде языка пламени. На таранной кости изменения затрагивают область шейки. Мелкозернистые периостальные лизисы видны на поверхности кубовидной кости, средней и медиальной клиновидных, ладьевидной, а также в областях нижнего и верхнего метафизов плюсневых костей и проксимальных фаланг. Дистальная фаланга большого пальца правой стопы сильно деформирована с подошвенной стороны в области головки. Также наблюдаются отчетливые разрастания в виде гребней (подошвенная сторона). Однако кости левой стопы охвачены патологическим процессом значительно сильнее. Это проявляется не только в формировании начальной стадии развития пяточной шпоры, изменении шейки таранной кости, но и в сильной деформации медиальной клиновидной кости, чрезвычайно сильной деструкции и перестройке поверхности промежуточной и латеральной клиновидных костей. Примыкающие к ним проксимальные эпифизы первой-четвертой метатарзальных костей сильным образом деформированы с образованием ложного сустава (рис. 2). Поверхность основания плюсневой кости мизинца (5 луча) деформирована меньше, но также сильно расширена. Кроме того, на поверхности проксимальных фаланг 2, 3, 5 лучей выражен периостит. Медиальная и дистальная фаланги 3 луча срослись. Дистальная фаланга первого луча деформирована с подошвенной стороны.

Рис. 2. Микрофокусные рентгенограммы, иллюстрирующие деструкцию суставов трубчатых костей левой стопы у индивидуума № 2. Вторая (а) и четвертая (б) плюсневые кости

Имеющуюся картину можно связать с протеканием интенсивного патологического процесса. Деформация суставов предплюсны и плюсны левой ноги должна была вызывать сильную боль у этого человека.

На рентгенограмме в боковой проекции правой метатарзальной кости правого луча регистрируются не менее 11 линий Гарриса, на левой – не менее 10. В области головки видна область затемнения подокруглой формы (при внешнем осмотре в этой области локализовано очень крупное питательное отверстие). Стоит подчеркнуть, что на рентгенограммах большеберцовых костей линии Гарриса не присутствуют, и это отличает индивидуума № 2 от других жителей г. Ярославля, для которых характерно наличие индикаторов физиологического стресса именно на костях голени (*Медникова и др., 2015*). Это может отражать тот факт, что сроки и условия формирования следов негативного воздействия у этого человека отличались от большинства горожан, например, если бы свое детство он провел в другом месте. Линии задержки роста обнаружены также на рентгенограмме левой бедренной кости, где их число доходит до 7 (для исследованных нами останков из скоплений 110 и 76 такая локализация нетипична).

При сравнении рентгенограмм проксимальных фаланг третьего луча стопы видно, что гипертрофирован боковой гребень на левой кости. Возможно, это связано не только с физической нагрузкой, но и с отмеченными выше гиперостозными патологическими изменениями. На рентгенограмме правой медиальной фаланги пятого луча наблюдается линия склеротизации. На боковой поверхности левой кости также гипертрофирован гребень.

Очевидно, что патология приносила человеку значительные неудобства, при ходьбе он должен был испытывать болевые ощущения и хромать. Тем не менее,

как было отмечено в предшествующем исследовании (Энговатова и др., 2010), последствий хромоты, которая обычно проявляется в атрофических изменениях диафизов трубчатых костей, в асимметрии крупных суставов конечностей, не наблюдается. Это связано с тем, что, как показано выше, передвижение верхом для данного индивида было более характерно, чем пешим образом.

Дифференциальная диагностика

Для индивидуума № 2 характерно присутствие большого числа аномалий на костях черепа и посткраниального скелета. Однако ни наличие метопического шва и краудинга, ни межмышечковое отверстие или фасетки с экзостозами не влияли на самочувствие этого человека. Они генетически детерминированы, отражают наследственность, т. е. свидетельствуют об относительно тесном биологическом родстве родителей этого человека. Ранее анализ встречаемости эпигенетических признаков на костных останках людей из сооружения 76 показал завышенную частоту по сравнению с материалами из синхронных санитарных захоронений (Тарасова, 2015).

Другая группа признаков свидетельствует о характере протекания ростовых процессов на протяжении периода раннего детства и в подростковом возрасте. Множественные негативные эпизоды запечатлелись в проявлениях эмалевой гипоплазии и в линиях Гарриса, возможно, способствовали асимметрии в развитии нижней челюсти и усилили манифестацию краудинга. Таким образом, степень неблагоприятного воздействия на этого человека в детстве была высока. Несомненно, частое прерывание процесса роста в результате физиологических стрессов в конечном счете могло обусловить небольшие размеры тела этого мужчины и подорвать его здоровье на годы вперед. Впрочем, как было показано выше, это не повлияло на интенсивность физических нагрузок, им испытанных.

Наконец, важная группа признаков, помогающих воссоздать особенности его жизни, связана с собственно патологическими проявлениями на костях скелета. Речь идет об обширных деформациях мелких суставов левой стопы, о реактивных поверхностных изменениях на костях правой стопы и некоторых других манифестациях генерализованной патологии.

В рамках дифференциальной диагностики было рассмотрено несколько основных гипотез.

1. Костные новообразования были вызваны давним посттравматическим процессом (Энговатова и др., 2010). Предположительно, травма привела к повреждению межплюсневых сухожилий, что спровоцировало появление артрозов. Такая травма могла произойти при расплющивании стопы значительным грузом. Но следов переломов визуально не обнаружено. Против этой гипотезы также говорят следующие обстоятельства: отсутствие любых следов переломов на микрофокусных рентгенограммах костей левой стопы и наличие патологических проявлений, пусть и слабее выраженных, в других частях скелета.

2. Поскольку доказан молодой возраст индивидуума № 2, деформации суставов не могут быть вызваны старческими дегенеративно-дистрофическими изменениями. Рассмотрим диагноз «ревматоидный артрит». Это заболевание считается прототипом полисуставного эрозивного артрита (Rotschild, Martin, 1993). Оно довольно редкое и в современной американской популяции присутствует только у 6 % женщин и 2 % мужчин.

Важным критерием в распознавании ревматоидного артрита является его симметричность. Отсутствие симметричного включения периферических суставов в патологический процесс служит основным аргументом в отказе постановки данного диагноза. Рассматриваемый нами случай, с этой точки зрения, непростой, потому что патологические проявления гораздо сильнее затронули кости левой, а не правой ноги. И тем не менее они присутствуют и справа, поэтому рассмотрим возможность этого заболевания дальше.

Эрозии, или области костной резорбции, занимают краевое положение, поражая места соприкосновения костной и хрящевой ткани. На рентгенограммах бывают видны последствия остеообластических процессов в костной ткани в виде резорбции трабекул, окружающих область поражения, и, напротив, в виде утолщения трабекулярных краев. Чаще всего поражены суставы кисти, шиловидный отросток локтевой кости, метакарпо- и метатарзофаланговые, проксимальные межфаланговые сочленения.

При ревматоидном артрите типична локализация поражений: крестцово-подвздошные сочленения и позвоночник ниже шейного отдела могут быть затронуты, но синдесмофиты, окостенения связок, сращения позвонков или крестца с тазовой костью нетипичны. На рентгенограммах краевые эрозии могут сопровождаться зоной склеротизации. Метафизы костей, входящих в пораженные суставы, демонстрируют понижение костной плотности по сравнению с областью диафиза. Утрата трабекулярной структуры приводит к характерной периартикулярной остеопении. На выполненных нами микрофокусных рентгенограммах сходная картина наблюдается на пятой – первых метатарзальных костях слева. На снимках аналогичных костей правой стопы можно видеть очаги склеротизации в проксимальных метафизах, но эрозия и деструкция отсутствуют.

Против диагноза «ревматоидный артрит» говорят его редкость у мужчин (2 %), асимметричность манифестаций на костях стоп, а также отсутствие заметных патологических изменений на локтевых костях индивида 2. А ведь, в соответствии с современными клиническими данными, на первом месте по числу поражений стоит локтевой сустав (29 %), в то время как плюснево-фаланговые сочленения поражаются реже (17 %). Таким образом, не исключая до конца этого диагноза, рассмотрим еще одну возможность.

3. Профессиональное заболевание. Реконструированный выше характер типичной физической активности ярославца XIII в. более всего соответствует занятиям кузнечным делом.

Ранее на скелете кузнеца-бронзолитейщика эпохи раннего металла нами описаны морфологические особенности, отличавшие его от соплеменников (*Добровольская, Медникова, 2011*). И все эти признаки присутствуют на скелете из раскопок в Ярославле (см. табл. 2).

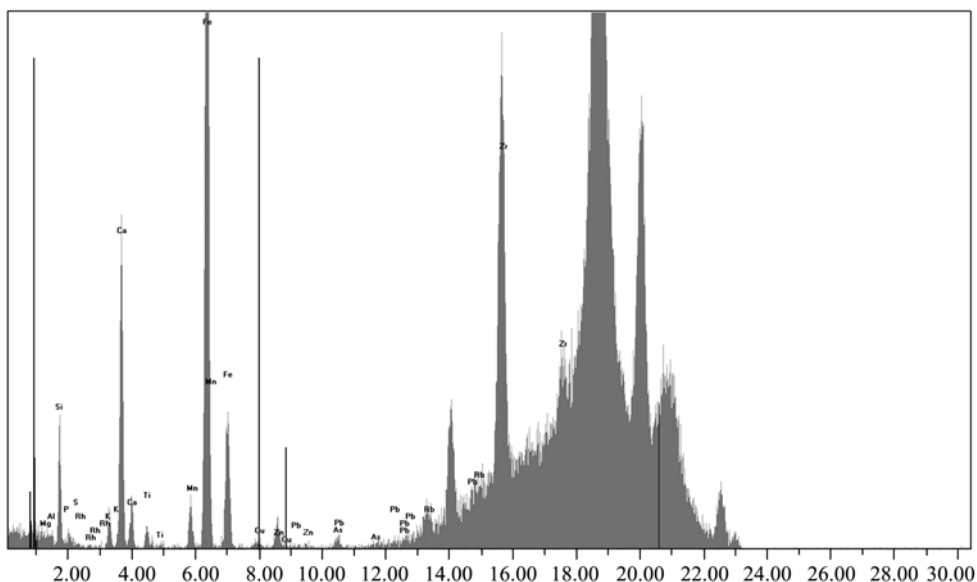
Поскольку сами по себе эти особенности не являются специфическими, для уточнения профессиональной специализации необычного мужчины из Ярославля мы провели дополнительное исследование. Нашей задачей было установить, не был ли этот человек вовлечен в металлообработку. Областью определения методом рентгенофлуоресцентного анализа был избран участок диаметром 30 мк в толще компактного слоя в нижней трети левой локтевой кости (рис. 3).

Таблица 1. Результаты остеометрического обследования индивидуума № 2 из сооружения 76

Признак	Наличие у ярославца
Экстраординарное развитие дельтовидной бугристости на плечевой кости	+
Локальный сакроилеит (костное разрастание в верхне-задней части крестцово-подвздошного сочленения)	+
Энтезопатия на бедренной кости в месте прикрепления <i>m.gastrocnemius</i> (<i>caput mediale</i>)	+
Множественные задержки роста в подростковом возрасте (>10)	+
Низкая длина тела	+

В результате применения фильтра выявлен сигнал, отражающий длительный прижизненный контакт с медью. Применение другого фильтра выявило сигналы от свинца или мышьяка. Эти результаты не исключают, что «человек в сапогах» был опытным ремесленником. Безусловно, для более полной аргументации этого тезиса нам потребуется провести аналогичное исследование всей ярославской средневековой коллекции.

В медицинской литературе описано наследственное нарушение обмена веществ, связанное с накоплением меди в суставных тканях. При нем развивается артропатия, т.е. деформирующий остеоартроз, преимущественно

Рис. 3. Ярославль. Рубленый город. Результаты РФА с повышенными сигналами цинка, свинца и мышьяка

коленных и тазобедренных суставов. Не исключен вторичный хондрокальциноз – псевдоподагра, или пирофосфатная артропатия (*Ивашкин, Султанов, 2005. С. 368, 369*). Поэтому мы можем допустить, что полиартрит, поразивший левую стопу средневекового ярославца, равно как и экзостоз на большеберцовой кости, а также пяточные шпоры тоже вызваны спецификой его трудовой деятельности.

Заключение

Комплексное биоархеологическое исследование останков молодого мужчины, погибшего при нападении монгольского войска на Ярославль в 1238 г., позволило воссоздать его внешние черты и некоторые детали его жизни. В детстве этот человек перенес много тягот, отразившихся в структурных изменениях зубов и костей, в низкой длине тела. В строении его посткраниального скелета присутствуют особенности, отражающие чрезвычайно интенсивные физические нагрузки на левую руку. Он мог быть левшой-кузнецом, хромавшим от полиартрита, сильнее всего затронувшего суставы левой ноги. Данные рентгенофлуоресцентного анализа свидетельствуют о присутствии в костной ткани левого предплечья завышенной концентрации меди, а также мышьяка или свинца. Это означает, что останки могут принадлежать ремесленнику, на протяжении ряда лет контактировавшему с металлами и их сплавами. Также очевидно, этот человек был опытным наездником, что подтверждается присутствием характерных особенностей на скелете.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В. П.*, 1966. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 252 с.
- Археология древнего Ярославля: загадки и открытия / Авт.-сост. А. В. Энгватова. 2-е изд., доп. и перераб. М.: ИА РАН, 2012. 296 с.
- Бужилова А. П.*, 2008. К вопросу о распространении традиции верховой езды: анализ антропологических источников // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии: Сб. ст. Вып. 6. М.: Параллели. С. 110–120.
- Добровольская М. В., Медникова М. Б.*, 2011. «Медные люди» эпохи бронзы: реконструкция состояния здоровья и социального статуса // АЭАЕ. № 2 (46). С. 143–156.
- Ивашкин В. Т., Султанов В. К.*, 2005. Болезни суставов: Пропедевтика, дифференциальный диагноз, лечение. М.: Литера. 544 с.
- Историческая экология человека: Методика биологических исследований, 1998 / А. П. Бужилова, М. В. Козловская, Г. В. Лебединская, М. Б. Медникова; отв. ред. Е. З. Година. М.: Старый сад. 260 с.
- Медникова М. Б.*, 2011. Посткраниальная морфология и таксономия представителей рода *Номо* из пещеры Окладникова на Алтае. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 127 С.
- Медникова М. Б., Энгватова А. В., Тарасова А. А.*, 2015. Диахронные изменения качества жизни населения Ярославля в XIII–XVII вв. по данным радиологии // РА. № 3. С. 41–53.
- Тарасова А. А.*, 2015. Оценка степени родства у населения средневекового Ярославля по данным антропологии // КСИА. Вып. 238. С. 285–295.
- Энгватова А. В., Антипина Е. Е., Власов Д. В., Добровольская М. В., Карпунин А. А., Осипов Д. О.*, 2010. Девятое коллективное захоронение 1238 г. на территории Рубленого города в Ярославле (результаты комплексного исследования) // Археология, история и перспективы:

Четвертая межрегиональная конф.: Сб. ст. / Ред. А. Е. Леонтьев. Ярославль; Рыбинск: Рыбинский дом печати. С. 185–209.

Энгватова А. В., Добровольская М. В., Антипина Е. Е., Зайцева Г. И., 2013. Коллективные захоронения в Ярославле. Реконструкция системы питания на основе результатов изотопного анализа // КСИА. Вып. 228. С. 96–115.

Энгватова А. В., Осипов Д. О., Фараджева Н. Н., Бужилова А. П., Гончарова Н. Н., 2009. Массовое средневековое захоронение в Ярославле: анализ археологических и антропологических источников // РА. № 2. С. 68–78.

Rothschild B. M., Martin L. D., 1993. Paleopathology: Disease in the fossil record. Boca Raton. London: CRC Press. P. 386.

Standards for data collection from human skeletal remains / Ed. by J. E. Buikstra, D. H. Ubelaker. Arkansas: Arkansas archeological survey, 1994. 272 p. (Arkansas Archeological Survey Research Series; No. 44).

Сведения об авторах.

Энгватова Ася Викторовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: engov@mail.ru;

Медникова Мария Борисовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: medma_ra@mail.ru;

Тарасова Анна Анатольевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: taa-volga@yandex.ru.

A. V. Engovatova, M. B. Mednikova, A. A. Tarasova

EXPERIENCE OF BIOARCHAEOLOGICAL RECONSTRUCTION OF HEALTH STATUS AND PROFESSIONAL SPECIALIZATION OF INHABITANTS IN MEDIEVAL YAROSLAVL (BURIED INDIVIDUAL NO. 2 FROM GRAVE 76)

Abstract. Modern studies in bioarchaeology include a comprehensive contextual examination of human remains coming from archaeological excavations. This approach combines a traditional population approach and a causal study of the most valuable specific finds. This paper presents results of a comprehensive archaeological and anthropological study of remains of a human found during the excavations of medieval Yaroslavl occupation layers. The individual became a victim of tragic events that occurred in 1238, his body was thrown into sanitary grave No. 76. Judging by data of archaeology, morphology, paleopathology, the individual turned out to be an unusual person. In his childhood this person suffered a lot of hardships, which was reflected in structural changes of his teeth and bones as well as limited body length. The structure of the postcranial skeleton reflects extremely intensive left arm workload. He limped because of polyarthritis, which affected the joints of his left foot most. The data of X-ray fluorescence analysis demonstrate the presence of too high concentrations of copper as well as arsenic or lead in the bone tissue of his left forearm. It is taken to mean that, most likely, these anthropological remnants are the remains of a craftsman who worked with metals and their alloys for a number of years, probably, a jeweler. The man was an experienced rider, which is confirmed by specific features of his skeleton.

Keywords: archaeology, Yaroslavl, 13th century, bioarchaeology, X-ray fluorescence analysis.

About the authors.

Engovatova Asya V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: engov@mail.ru;

Mednikova Mariya B., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: medma_pa@mail.ru;

Tarasova Anna A., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: taa-volga@yandex.ru.

Е. Е. Антипина, Л. В. Яворская, А. Г. Ситдииков

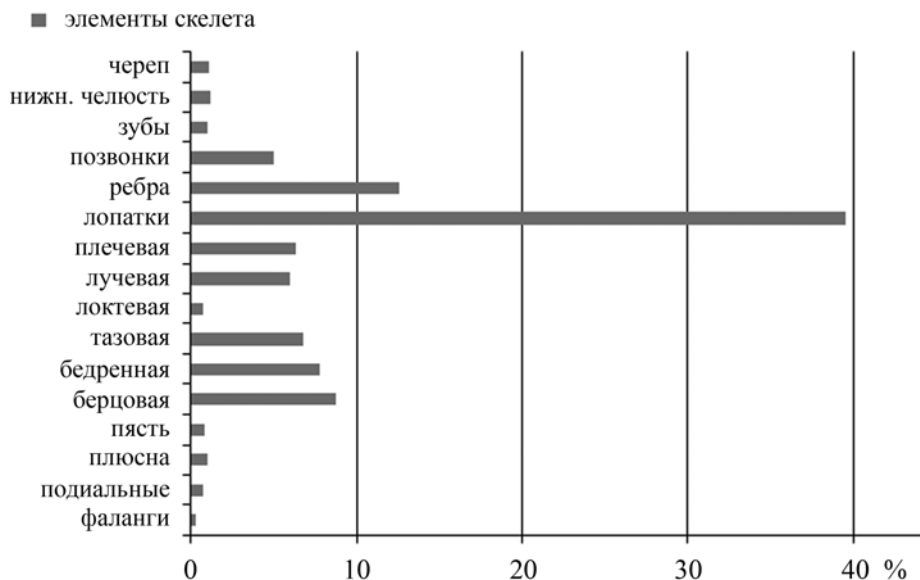
НЕОБЫЧНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ БАРАНЬИХ ЛОПАТОК ИЗ РЕМЕСЛЕННОГО КВАРТАЛА БОЛГАРСКОГО ГОРОДИЩА (раскопки 2013–2015 гг.).

Резюме. В сообщении приведено описание необычных изделий из бараньих лопаток. Они обнаружены на территории ремесленного квартала Болгарского городища в культурных напластованиях раннеордынского периода (вторая половина XIII – первое десятилетие XIV в.). Сохранившиеся следы их обработки однозначно согласуются с несколькими операциями, которые, несомненно, преследовали одну цель – получение достаточно тонкой пластины. На основе ближайших аналогий и исторического контекста предлагается интерпретировать эти изделия как костяные «таблички» для письма и нанесения знаков.

Ключевые слова: изделия из бараньих лопаток, костяные «таблички» для письма, Болгарское городище, раннеордынский период.

Одним из ярких объектов для плановых исследований последних пяти лет, проводимых сотрудниками ИА РАН, в частности археозоологами лаборатории естественнонаучных методов, остается Болгарское городище. К настоящему моменту закончена обработка значительной остеологической коллекции из раскопа в центральной части города № СХСVI, который изучался в 2013–2015 гг. В процессе археозоологического исследования были обнаружены необычные изделия из лопаточных костей овец, описание которых представлено ниже на фоне ряда особенностей всей изученной коллекции.

Общий объем костей животных из культурных напластований IV золотоордынского слоя составил 46 538 фрагментов. Все кости характеризуются хорошей естественной сохранностью, что позволило определить до видового уровня почти 80 % коллекции. Идентифицированный таксономический набор животных обычен для Болгара этого периода: преобладают кости домашних

Рис. 1. Болгарское городище. Раскоп № СХСVI, IV раннеордынский горизонт. Анатомический состав костных остатков мелкого рогатого скота

млекопитающих (98 %), кости диких млекопитающих, птиц и рыб представлены минимальным количеством (около 2 %).

В остеологическом спектре иерархия видов домашних копытных, мясо которых входило в рацион жителей, также оказалась сходной с полученными результатами по другим раскопам Болгара золотоордынского периода. Первую позицию в ней занимает мелкий рогатый скот (МРС), главным образом овца (от 63 до 70 % остатков по отдельным выборкам), далее следует крупный рогатый скот (от 28 до 34 % остатков), лошадь с большим отрывом стоит на третьей позиции (1,2–2,3 %) и завершает этот список свинья (менее 1 %).

Изучение анатомического состава костей МРС для выборки из культурных напластований и сооружений раннеордынского периода (вторая половина XIII – начало XIV в.) показало неожиданные результаты. Самыми многочисленными в анатомическом наборе были практически целые лопаточные кости (рис. 1). Более того, на большинстве лопаток фиксируются отверстия, пробитые, по-видимому, мясницким крюком для подвешивания бараньей туши при ее разделке. В этой же выборке обнаружены и четыре необычно обработанные лопатки овец.

Следы мясницкого крюка на лопатках с очевидностью указывают на кухонное происхождение костей МРС. Однако на средневековых памятниках в обычных кухонных костных отходах хорошей сохранности наиболее многочисленными остатками оказываются разрубленные на фрагменты ребра и позвонки. Это и понятно, так как в скелете любого млекопитающего количество элементов каждой из указанных костей на порядок больше, чем лопаток. В обсуждаемой же

выборке практически целые лопатки МРС составляют около 40 % (рис. 1), такая их концентрация в культурном слое не может быть случайной. Для объяснения этого парадоксального анатомического набора можно предложить два варианта. Возможно, обитатели этого квартала Болгара старались максимально удалить с его территории кухонные костные отходы, за исключением лопаток. Или они, напротив, забирали лопаточные кости из кухонных отходов на других участках городища. Оба эти варианта, также как и другие, современному человеку трудно представить, но для нашего исследования важно, что зафиксированное накопление лопаток формировалось целенаправленно.

Археологические находки на изучаемом раскопе № СХСVI в напластованиях раннеордынского периода, откуда и происходят обсуждаемые бараньи лопатки и четыре изделия из них, свидетельствуют о существовании здесь в то время ремесленного квартала с металлургическим, гончарным и кожевенным производствами. Свидетельства широкого использования лопаток копытных животных в качестве инструментов для этих ремесел обнаруживаются на археологических памятниках с эпохи энеолита до средневековья. Можно предположить, что обсуждаемые лопатки представляли собой сырье для костяных орудий, которые предназначались для одного из этих производств. Тогда ключом к подтверждению этого и выяснению, для каких именно инструментов запасали сырье, должен стать анализ указанных выше четырех изделий из бараньих лопаток.

Здесь, кстати, важно подчеркнуть, что при металлургических операциях и в кожевенном производстве использовались прежде всего прочные лопаточные кости крупных копытных (*Усачук*, 1993. С. 143, 144; 2011. С. 208; *Флерова*, 2001. С. 90; *Антипина*, 2004. С. 225). При выплавке металла для подсыпки и перемешивания руды, а также регуляции температуры применяли практически целые лопатки КРС или лошадей, зачастую без какой-либо их обработки. На таких «инструментах» сохраняются яркие следы от соприкосновения с рудой и огнем. С выделкой кож ассоциированы также прочные лопатки КРС, на которых встречаются и специально вырезанные отверстия разной формы для изготовления сыромятных ремней (*Флерова*, 2001. С. 90. Рис. 43). Лопатки же МРС, наряду с ребрами копытных, могли использовать в гончарном производстве как шпатели для заглаживания и шлифовки поверхности сосудов. Трасологический анализ таких орудий позволяет без сомнений определить их назначение.

На фоне имеющейся информации об орудиях из лопаток животных обнаруженные нами четыре изделия из бараньих лопаток весьма необычны. С одной стороны, они представляют собой инструментально обработанные и вполне законченные предметы подтреугольной формы (рис. 2). Сохранившиеся следы их обработки однозначно соответствуют нескольким операциям, явно преследующим одну цель – получение достаточно тонкой пластины, края длинных сторон которой усилены своеобразными стержнями – балками. На всех четырех лопатках были удалены выступающие элементы: полностью спилена ость и округлые области сустава, тогда как длинные боковые утолщенные стороны лопатки сохранились неизменными. Верхний наиболее тонкий и непрочный край лопатки также был спилен и зашлифован. Размеры удаленной части верхнего края различаются на исследованных изделиях, поэтому длина всех четырех изделий варьирует. Полученные пластины были ошкурены и выровнены шабрением,

**Рис. 2. Болгарское городище. Раскоп № СХСVI, IV раннеордынский горизонт.
Изделия-«таблички» из барьных лопаток**

а затем залощены. С другой стороны, тщательная диагностика поверхности всех четырех изделий под 5–20-кратным увеличением не выявила никаких следов наличия функционировавших рабочих краев на этих предметах. Для чего же предназначались эти выровненные гладкие подтреугольные пластины из бараньих лопаток, на изготовление которых были затрачены вполне ощутимые усилия?

При ответе на этот вопрос, прежде всего, хочется окунуться в огромный информационный блок об особой сакральной семантике лопаточной кости животных в истории человечества. По этнографическим и археологическим источникам реконструируются всевозможные манипуляции с лопатками домашних и диких животных, связанные с гаданием и другими ритуальными практиками (см: *Снесарев*, 1969. С. 317; *Алексеев*, 1980. С. 279, 297; *Эрендженев*, 1990; *Подобед и др.*, 2015). В ряде этнографических исследований зафиксировано использование лопаток домашних копытных в строительных ритуалах, а также в обрядах, сохраняющих здоровье членов семьи и детские жизни (*Давлетшин*, 1990. С. 117).

Однако для нашего исследования более значимыми представляются сведения об археологических находках лопаток животных как предмета для нанесения сакральных надписей и знаков (Там же. Рис. 57). Подчеркнем, что находки подобных лопаточных костей, хотя и единичные, зафиксированы в материалах золотоордынских городищ. На Царевском городище золотоордынского времени обнаружена лопатка быка с надписью (*Федоров-Давыдов*, *Вайнер*, 1963; *Усманов*, 1963). А на Самосдельском городище – бараньи лопатки со срезанной остью и среди них одна с процарапанным тамгообразным знаком (*Пальцева*, 2011. Рис. 1, 10–12). В Болгаре также была найдена баранья лопатка со знаком (*Закирова*, 1988. Рис. 103, 17). Более того, в работе И. А. Закировой указывается на обнаружение 80 лопаток в материалах одного из раскопов Болгарского городища, которые исследовательница помещает в группу «орудий труда и предметов домашнего обихода» (Там же. С. 224), однако функциональное назначение этих изделий и особенности их обработки остаются невыясненными.

Эти находки с надписями и знаками составляют наиболее близкие аналогии к описанным выше четырем изделиям – пластинам из бараньих лопаток (рис. 2).

Историки отмечают, что «...обработанные лопаточные кости животных использовались тюрками-кочевниками ... как обычный материал для письма... Обычай использования лопаточной кости животных как материала для письма... сохранился в (Волжской) Болгарии, в Джучиевом Улусе и дошел до самых поздних времен» (*Давлетшин*, 2010. С. 105, 106). Вероятно, именно тогда в Болгар и пришла традиция использования лопаточной кости овец как материала для письма.

На фоне таких исторических посылов мы можем с большой долей уверенности интерпретировать обнаруженные пластины из бараньих лопаток как костяные «таблички» для письма и/или нанесения знаков. А их разные размеры связаны с особенностями исходного сырья – лопаток из кухонных остатков, на которых зачастую необходимо было удалять верхний край с отверстием от мясницкого крюка. Обнаруженные запасы сырых лопаток и их обработка вполне вписываются в функционирование ремесленного квартала, тем более, что надписи или знаки на этих табличках могли служить торговыми бирками для обозначения или партий ремесленной продукции, или имени владельца товара, или грузополучателя.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев Н. А.*, 1980. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука. 317 с.
- Антипина Е. Е.*, 2004. Археозоологические материалы // Каргалы. Т. III: Селище Горный: археологические материалы, технология горно-металлургического производства, археобиологические исследования / Сост. и науч. ред. Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры. С. 182–239.
- Давлетшин Г. М.*, 1990. Волжская Булгария: Духовная культура. Домонгольский период. X – начало XIII в. Казань: Татарское кн. изд-во. 192 с.
- Давлетшин Г. М.*, 2010. «Славы и господства и долгие лета владельцу сего»: Отражение письменной культуры Улуса Джучи в археологических материалах // Гасырлар авазы. Эхо веков. № 1–2. С. 103–110.
- Закирова И. А.*, 1988. Косторезное дело Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. М.: Наука. С. 218–241.
- Пальцева Д. У.*, 2011. Костяные изделия Самосдельского городища // Самосдельское городище: вопросы изучения и интерпретации: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Д. В. Васильев. Астрахань: Соколин Роман Васильевич. С. 119–135.
- Подобед В. А., Усачук А. Н., Цимиданов В. В.*, 2015. Лопатки животных в обрядах культур эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии // Түүхийн товчоон. Т. VIII. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг. С. 127–154.
- Снесарев Г. П.*, 1969. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука. 337 с.
- Усачук А. Н.*, 1993. Костяной инвентарь поселения у с. Проказино // Древние культуры Подонцовья. Вып. 1. Луганск: ВУГУ. С. 135–147.
- Усачук А. Н.*, 2011. Изделия из кости поселений эпохи поздней бронзы в бассейне Верхнего Дона // Гак Е. И. Поселения эпохи бронзы на северной окраине донской лесостепи. М.: ГИМ. С. 202–214.
- Усманов М. А.*, 1963. О языковых особенностях надписи из Нового Сарая // СА. № 3. С. 246–248.
- Федоров-Давыдов Г. А., Вайнер И. С.*, 1963. О надписи и рисунке на кости из Нового Сарая // СА. № 3. С. 245–246.
- Флерова В. Е.*, 2001. Резная кость юго-востока Европы IX–XII вв.: Искусство и ремесло. СПб.: Алетейя. 352 с.
- Эрендженев К. Э.*, 1990. Золотой родник: О калмыцком народном творчестве, ремеслах, быте. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во. 126 с.

Сведения об авторах.

Антипина Екатерина Евстафьевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: bikanty@mail.ru;

Яворская Лилия Вячеславовна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: lv.yavorskaya@gmail.com;

Ситдиков Айрат Габитович, Институт археологии им. А. Х. Халикова АН Республики Татарстан, ул. Бутлерова, д. 30, Казань, 420012, Россия; e-mail: sitdikov_a@mail.ru.

E. E. Antipina, L. V. Yavorskaya, A. G. Sitdikov

UNUSUAL ITEMS MADE OF RAM SHOULDER BONE
FROM THE CRAFTSMEN'S QUARTER AT THE BOLGAR HILLFORT
(2013–2015 EXCAVATIONS)

Abstract. The paper describes unusual items made of ram shoulder bones. They were discovered in a craftsmen's quarter at the Bolgar Hillfort in the occupational layers of the early Golden Horde Period (second half of the 13th – first decade of the 14th centuries).

The treatment traces preserved on their surface are consistent with several operations that, undoubtedly, pursued one objective, which is to produce a rather thin plate. It is proposed to interpret these items as bone tablets for writing and making signs based on the closest analogies and the historical context.

Keywords: items made of ram shoulder bones, bone writing tablets, Bolgar Hillfort, early Golden Horde Period.

About the authors.

Antipina Ekaterina E., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: bikanty@mail.ru;

Yavorskaya Lilia V., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: lv.yavorskaya@gmail.com;

Sitdikov Ayrat G., Khalikov Institute of Archaeology Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, ul. Butlerova, 30, Kazan, 420012, Russian Federation; e-mail: sitdikov_a@mail.ru.

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

О. В. Горская, М. В. Медведева

КОЛЛЕКЦИЯ П. А. МАВРОГОРДАТО В ОТДЕЛЕ АНТИЧНОГО МИРА ЭРМИТАЖА: ИСТОРИЯ ПОСТУПЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ АТРИБУЦИИ

Резюме. Судьба и состав некоторых частных археологических коллекций дореволуционного периода до сих пор остаются малоизвестными. Примером такого собрания является античная коллекция П. А. Маврогордато. Предметы из нее хранятся ныне в различных музеях мира, в том числе в фонде античных ювелирных изделий в Отделе античного мира Государственного Эрмитажа. Депаспортизированные в результате неоднократного переформирования фондов, особенно в 1930-е гг., украшения утратили полностью или частично информацию о происхождении.

Восстановить историю поступления помог комплексный анализ печатных источников и архивных документов из Эрмитажа и Института истории материальной культуры РАН времени находки древностей и передачи их в музей. Важную роль в определении точной привязки ювелирных украшений к коллекции П. А. Маврогордато сыграло их сравнение с фотографическими материалами Императорской Археологической комиссии (рис. 1–3).

В результате удалось полностью определить состав коллекции в количестве шестидесяти девяти ювелирных украшений из золота и серебра IV в. до н. э. – IV в. н. э., поступившей в 1902–1903 гг. из собрания П. А. Маврогордато и хранящейся в Отделе античного мира Эрмитажа.

Ключевые слова: Императорская Археологическая комиссия, Эрмитаж, П. А. Маврогордато, частные коллекции, история археологии, античное ювелирное искусство.

Среди частных собраний начала XX в. особое место занимали археологические коллекции, достаточно вспомнить крупнейшие собрания древностей А. А. Бобринского, М. П. Боткина, А. И. Нелидова, Н. К. Рериха и др. (*Бильвина*, 2011; *Бильвина, Тихонов*, 2011). Однако, помимо этого, существовало значительное количество не столь известных частных коллекций, но также обладающих предметами художественного и исторического значения. Увлечение коллекционированием археологических вещей характеризовало не только столичный регион, но широко процветало, например, на юге России. Активное собирательство в южной России отчасти было спровоцировано общим повышенным интересом к классическим и скифским древностям в XIX – начале XX в., а отчасти поддерживалось

территориальной близостью к неиссякаемому источнику древностей из грабительских раскопок «промышленного масштаба» по добыче находок в Херсонской, Таврической и других южных губерниях и областях. Некоторые частные археологические коллекции русских собирателей дореволюционного периода до сих пор остаются малоизвестными и плохо изученными, как и биографии их владельцев. Особенно сложно проследить судьбу и определить состав собраний, предметы из которых оказались частично утрачены либо разрознены и разошлись по отечественным и зарубежным музеям, где иногда отсутствуют документы об их принадлежности к определенной коллекции.

Примером такого собрания является коллекция Петра Амвросиевича Маврогордато, небольшая часть которой в настоящее время хранится в Эрмитаже. П. А. Маврогордато родился в Николаеве в 1870 г., происходил из купеческой ветви известной греческой фамилии Маврогордато – выходцев с острова Хиос (Томазов, 2012). С 1890-х гг. был членом Одесского Общества истории и древностей, собрал богатую коллекцию античных предметов. В начале XX в. П. А. Маврогордато переехал в Германию, коллекцию увез с собой; там он продолжал заниматься археологической, музейной и собирательской деятельностью, скончался в 1948 г. на собственной вилле в Тюрингии. В 1929 г. П. А. Маврогордато передал в дар музею г. Ремсхильд 253 предмета из своей коллекции. Вещи из его собрания в настоящий момент хранятся в музеях Германии, Франции, Англии, США и Канады (Айсфельд, 2011; 2014). Интерес к коллекции и личности П. А. Маврогордато активизировался в конце 2000-х гг. Вышло несколько публикаций о нем и о его собрании на немецком языке (Schörner, 2009; Bemmann, 2010; Bemmann et al., 2012; Schörner G., Schörner H., 2010); коллекция, подаренная музею Ремсхильда, вновь стала экспонироваться в одном из замков Тюрингии. Одновременно появилось несколько работ на русском языке в Одессе (Юрченко, 2008; Айсфельд, 2011; 2014). Тем не менее некоторые биографические данные о жизненном пути П. А. Маврогордато нуждаются в уточнении и отдельном исследовании, особенно касающиеся одесского периода; также открытым остается и вопрос о полном составе и количестве предметов из коллекции П. А. Маврогордато, разошедшихся по музейным собраниям всего мира.

О деятельности П. А. Маврогордато с конца 1890-х гг. до отъезда в Германию, о составе, масштабности и ценности его частного собрания можно отчасти судить по кратким сведениям, содержащимся в Записках Одесского Общества истории и древностей (Юрченко, 2008). На заседании 28 января 1898 г. любитель-коллекционер П. А. Маврогордато был избран в действительные члены Одесского Общества истории и древностей (ЗОИИД, 1898. Протоколы. С. 23–24). Кроме него, членами Общества состояли еще несколько частных коллекционеров. С февраля 1898 г. П. А. Маврогордато становится постоянным участником заседаний Общества, его имя неоднократно упоминается в протоколах в качестве дарителя экспонатов в собрание музея Одесского Общества (ЗОИИД, 1902. Протоколы. С. 27, 37). Его избирали представителем Общества на археологические съезды в Киеве и Харькове, командировали на II международный съезд классической археологии в Каире. В 1899 г. П. А. Маврогордато был избран казначеем Общества (Там же. С. 105; ЗОИИД, 1900. Протоколы. С. 36–37), в этой должности он состоял в течение 11 лет

и отказался от нее на заседании 12 апреля 1910 г. «в виду своего отъезда из Одессы». Участники заседания «высоко оценили деятельность и труды его в качестве казначея и выразили благодарность за работу на пользу Общества» (ЗООИД, 1911. Протоколы. С. 13). В Отчете Одесского Общества истории и древностей за 1908 г. указывается, что П. А. Маврогордато пожертвовал на переустройство музея Общества 300 руб. (ЗООИД, 1910. Протоколы. С. 52), в 1909 г. он как казначей удостоился благодарности за «внимательное отношение к материальным средствам» Общества и «грамотное их расходование» в процессе реконструкции музея (ЗООИД, 1911. Протоколы. С. 13).

Большинство археологических предметов, пожертвованных П. А. Маврогордато в музей ООИД, происходили из Ольвии, где Парутинские крестьяне в течение многих лет вели хищнические раскопки с целью добычи древности для продажи. В записках ООИД упоминалось, что у П. А. Маврогордато был собственный агент в Парутино, который сообщал ему о важных находках и, возможно, подбирал у находчиков вещи для покупки. Собрание П. А. Маврогордато, судя по всему, обладало значительными размерами. В сентябре 1899 г. действительный член ООИД, хранитель музея Общества, профессор Новороссийского университета Э. Р. фон Штерн сделал доклад о бедственном положении Ольвии, о находках из грабительских раскопок в Парутино и выступил с предложением ходатайствовать перед Императорской Археологической комиссией о необходимости начать планомерные систематические научные исследования ценнейшего памятника археологии. В процессе описания небывалого размаха хищнических раскопок в Ольвии только в течение одного сезона и добытых при этом древностей Э. Р. фон Штерн привел данные, какие из них пополнили коллекцию П. А. Маврогордато. Он купил для своей «замечательной коллекции» триста шестьдесят три керамических сосуда (ЗООИД, 1900. Протоколы. С. 118); сорок восемь предметов из стекла, в том числе четыре из них, по мнению Э. Р. фон Штерна, были уникальны; двадцать один предмет из серебра, в том числе «хорошей сохранности чаша на высокой ножке с длинными ручками» и коробочка со следами позолоты; сто сорок две разнообразные монеты; одиннадцать находок из слоновой кости, маленькое складное карманное зеркало с фигурным украшением на крышке, зеркало из «белого металла» и значительное количество золотых предметов. Золотые украшения включали четыре ожерелья («два из них тонкой работы цепочки, оканчивающиеся звериными головками»), шесть пар серег, три венка, шесть золотых бус с выгравированными человеческими лицами и фигурами, тридцать восемь мелких золотых предметов (бычьи головки, подвески, бляшки, бусы и др.) (Там же. С. 121–123). Возможно, часть этих древностей вошла в состав коллекции, которая поступила от П. А. Маврогордато впоследствии в Эрмитаж.

В сентябре 1901 г. П. А. Маврогордато пожертвовал для экспозиции музея Одесского Общества греческую женскую терракотовую фигурку («настоящая танагра, стоимостью 1700 франков») (ЗООИД, 1902. Протоколы. С. 53) и обещался изготовить под ее экспонирование специальную витрину. На этом же заседании вице-президент и почетный член Общества А. Л. Бертье-Делагард преподнес сто восемьдесят восемь предметов, «приобретенных из бывшей коллекции П. А. Маврогордато» и в большинстве происходивших из Ольвии, стоимостью 1800 рублей:

стеклянные и керамические сосуды, терракотовые фигурки, серебряные украшения и сосуды и др. (ЗООИД, 1902. Протоколы. С. 51–53).

В 1902 г. П. А. Маврогордато купил и принес в дар музею Общества коллекцию керамических изделий и «серебряную диадему с позолоченными глиняными украшениями в виде желудей и репок, серебряный налобник с позолоченными розетками и желудями», рог в серебряной оправе из Ольвии (ЗООИД, 1904. С. 67, 102, 116).

П. А. Маврогордато дарил и продавал древности из своей коллекции и в центральных археологические учреждения и музеи России. В 1901 г. в Императорскую Археологическую комиссию от него поступили в дар античные предметы. По сведениям из ежегодного Отчета Комиссии за 1901 г., дар составили тринадцать вещей, среди них: «различные бусы, медная катушка, пастовая пуговка, стеклянная головка петуха, медная рыбка, медная головка коня, фрагмент вазы со светло-зеленой и оранжевой глазурью, фрагменты разных бус и разной стеклянной посуды»; древности были распределены между Эрмитажем и Российским Историческим музеем (ОАК за 1901. С. 133–134, 173). По всей видимости, П. А. Маврогордато передал древности через Б. В. Фармаковского, так как их список также опубликован в отчетной статье о раскопках в Ольвии в 1901 г. в перечневой описи находок в категории «приобретенных случайно» и «происходящих также ... из Ольвии» предметов древности. Там же более четко дается их разделение по музейным хранениям: кроме одной бусины, попавшей в Эрмитаж, все они были переданы в Исторический музей (Известия ИАК, 1903. С. 113).

В 1902 г. П. А. Маврогордато преподнес в дар Эрмитажу еще несколько античных предметов, найденных при раскопках в Ольвии. История их поступления отражена в архивных материалах Эрмитажа. Из документов следует, что П. А. Маврогордато передал вещи напрямую старшему хранителю по отделению древностей Г. Е. Кизерицкому во время его пребывания в Одессе. В своем ходатайстве от 28 марта 1902 г. к директору Эрмитажа И. А. Всеволожскому о принятии на хранение этих вещей Г. Е. Кизерицкий перечислил предметы и дал им оценку. В списке значились: «Халцедон с вырезанным вглубь изображением бюста бородатого мужчины V-го столетия до Р. Хр. превосходной работы, золотой браслет с львиными головками V-го столетия до Р. Хр. очень изящной работы, алабастрон из разноцветного стекла, на золотой цепочке, IV-го столетия до Р. Хр., вероятно, единственный экземпляр в своем роде, терракотовая маска Силена, IV-го столетия до Р. Хр. замечательно тонко отделанная и полная жизни, терракотовая ваза под черным лаком с ситечком и львиной головкой, IV-го столетия до Р. Хр., костяная коробочка с румянами» (Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. V. Ед. хр. 14. 1902. Л. 46). Далее Г. Е. Кизерицкий писал: «В виду того, что из вышеописанных античных предметов первые четыре принадлежат к самым выдающимся древностям по изяществу выполнения, по высокохудожественному характеру работы и по редкости их, и что этим самым музей Императорского Эрмитажа не только обогатился бы отечественными древностями, но и вообще первоклассными предметами, попадающими очень редко в нынешнее время, честь имею покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство не отказать исходатайствовать соизволение Его Величества Государя Императора на принятие отделением древностей Императорского Эрмитажа вышеуказанных предметов. Стоимость этих древностей свыше

тысячи рублей» (Архив ГЭ. Ф. 1. Оп. V. 1902. Ед. хр. 14. Л. 46 об.). Государь Император одобрил решение принять в дар перечисленные древности и повелел благодарить П. А. Маврогордато «за означенное пожертвование» в Эрмитаж (Там же. Ф. 1. Оп. V. 1902. Ед. хр. 14. Л. 97). Золотой браслет с львиными головками и алабастрон в настоящее время хранятся в коллекции ювелирных изделий из частных коллекций в Отделе античного мира Государственного Эрмитажа.

В 1903 г., согласно сведениям из ежегодного печатного Отчета, Императорской Археологической комиссией были куплены золотые и серебряные украшения из частного собрания П. А. Маврогордато, происходившие из случайных находок в Таврической и Херсонской губерниях, предположительно, из кургана Огуз, Ольвии и Овидиополя (ОАК за 1903, 1906. С. 150–152, 166–167). Древности были переданы на хранение в Императорский Эрмитаж (ОАК за 1903. С. 215, 216). В современных учетных документах музея, фиксирующих данные об экспонатах из коллекции ювелирных изделий из частных собраний Отдела античного мира Эрмитажа, в ряде случаев упоминалась фамилия Маврогордато, но сложно было выделить отдельные комплексы по годам, выяснить обстоятельства их происхождения и поступления в Эрмитаж. Ряд предметов утратил привязку к собранию П. А. Маврогордато в связи с неоднократным реформированием фонда, особенно в 1930-е гг.

Достоверно воссоздать целостность коллекции 1903 г. и историю ее поступления в Эрмитаж помогло изучение сохранившихся архивных материалов периода находки древностей и передачи их в музейное хранение: документы из Отдела античного мира 1906 г. о передаче украшений из Императорской Археологической комиссии в Эрмитаж, рукописное дело (РО НА ИИМК. Ф. 1. 1903. Д. 237) из фонда Императорской Археологической комиссии и несколько стеклянных негативов, выполненных фотографом ИАК И. Ф. Чистяковым (ФО НА ИИМК. Нег. III 3113, III 9828, III 9829. Рис. 1–3), из Научного архива ИИМК РАН. С 1890-х гг. специалисты ИАК занимались распределением древностей из раскопок, из частных собраний, случайных находок и кладов по музейным хранилищам страны. Самые ценные и уникальные находки обычно отбирались для пополнения коллекций Императорского Эрмитажа, остальные распределялись по другим музеям. Все документы, накапливавшиеся в процессе такой деятельности, тщательно собирались, систематизировались и сохранялись делопроизводителями ИАК в Архиве Комиссии (*Белова и др.*, 2009). В наши дни документальное наследие ИАК в совокупности с другими материалами дает прекрасную возможность воссоздать отдельные моменты истории формирования археологических коллекций Эрмитажа и других музейных собраний.

Дело Императорской Археологической комиссии № 237 за 1903 г. «О раскопках г. П. А. Маврогордато в Херсонской губернии» было начато 16 сентября 1903 г. и окончено 26 января 1906 г. Изначально дело было заведено канцелярией ИАК по поводу прошения члена совета Императорского Одесского Общества истории и древностей П. А. Маврогордато о выдаче Открытого листа на право производства археологических раскопок в Херсонской губ. от 16 сентября 1903 г. (РО НА ИИМК. Ф. 1. 1903. Д. 237. Л. 1). Требуемый Открытый лист (№ 2130) на раскопки в течение 1904 г. был выдан 4 ноября 1903 г. с приложением традиционной сопровождающей документации: обязательство о сдаче

подробного отчета о полевых исследованиях в ИАК по окончании работ и передаче обнаруженных предметов на рассмотрение Комиссии, а также уведомление местному губернатору, что П. А. Маврогордато будет производить раскопки на вверенной ему территории (РО НА ИИМК. Ф. 1. 1903. Д. 237. Л. 3–4). Никаких дальнейших сведений о раскопках П. А. Маврогордато по данному Открытому листу в деле не содержится, скорее всего, работы не производились. Все остальные документы рукописного дела касаются покупки принадлежавшей П. А. Маврогордато коллекции древностей.

Отправной точкой истории о продаже коллекции золотых и серебряных античных предметов стало письмо П. А. Маврогордато в ИАК от 20 ноября 1903 г., адресованное Б. В. Фармаковскому (РО НА ИИМК. Ф. 1. 1903. Д. 237. Л. 5). «Многоуважаемый Борис Владимирович! Я получил открытый лист Императорской Археологической комиссии на 1904 г., зная, что этим обязан исключительно Вам, сердечно благодарю Вас.

Пользуясь случаем, что Шепс Гохман едет в Петербург, я дал ему для передачи Вам посылку, которая содержит золотые древние изделия из моей коллекции, желая их продать, прошу Вас, если Вы найдете возможным предоставить таковые Императорской Археологической комиссии. Я больше золота не собираю, т. к. из-за массы фальши нет возможности разобраться. Прилагаю при сем лист с ценами, платимых мною всего на 2380. Я же прошу за все 2000, т. к. повторяю желаю избавиться от золота.

Срок платежа денег для меня безразличен. Прошу простить меня за беспокойство и льщу себя надеждой, что Вы мне дадите возможность услужить Вам с моей стороны. Искренно уважающий Петр Маврогордато». В нижней части письма имеется пометка: «Письмо доставлено Ш. Гохманом».

К письму прилагался список предметов, предлагаемых для приобретения (РО НА ИИМК. Ф. 1. 1903. Д. 237. Л. 6). Судя по всему, древности сгруппированы в списке по принципу хронологии их покупки самим П. А. Маврогордато. Также в нем приводились суммы, заплаченные за них, и предполагаемые места находки украшений со слов продавцов. Согласно надписи в нижней части списка, сами древности П. А. Маврогордато прислал прикрепленными на отдельные картоны и пронумерованными так же, как в списке.

После недолгих раздумий было решено купить коллекцию, о чем свидетельствует еще одно письмо П. А. Маврогордато к Б. В. Фармаковскому от 28 декабря 1903 г.: «Глубокоуважаемый Борис Владимирович,

Вчера вернулся из Николаева и застал присланные Вами книги, за что сердечно благодарю Вас.

Получил также письмо от Императорской Археологической комиссии, которая меня уведомляет, что согласна принять посланные мною золотые вещи за 2000 руб. с уплатою в три года, на что я с удовольствием соглашаюсь, т. к. сроки оплаты для меня безразличны.

Поздравляю Вас с наступающим Новым годом и пребываю с совершенным почтением. Искренно преданный и уважающий Вас, Петр Маврогордато» (РО НА ИИМК. Ф. 1. 1903. Д. 237. Л. 7).

В деле сохранился также черновик официального уведомления от ИАК о покупке древностей, о котором упоминает П. А. Маврогордато. Затем следуют еже-

годные стандартные комплекты финансовых документов о выплатах П. А. Маврогордато. Каждый из них состоял из трех документов: запрос ИАК в Кабинет Его Величества сделать денежный перевод на указанную сумму в Одесское казначейство, удостоверение для П. А. Маврогордато на получение этих денег и уведомление от хозяйственного отдела Кабинета Его Императорского Величества в ИАК, что деньги переведены в Херсонскую казенную палату, и что все происходит под контролем Министерства Императорского Двора. В течение трех лет П. А. Маврогордато заплатили: в январе 1904 г. и 1905 г. – по 630 рублей, в январе 1906 г. – 740 рублей (РО НА ИИМК. Ф. 1. 1903. Д. 237. Л. 10–19).

Последняя выплата была произведена в январе 1906 г., и сразу после этого древности были переданы на хранение в Императорский Эрмитаж в Отделение классических Древностей. Видимо, со времени их присылки в 1903 г. они продолжали храниться в помещениях ИАК до момента окончательной выплаты денег владельцу. В документе о передаче коллекции указано, что вещи получены хранителем Отделения 18 января 1906 г. (РО НА ИИМК. Ф. 1. 1903. Д. 237. Л. 20). К нему прилагалась перечневая опись древностей, составленная более подробным образом, чем упомянутый ранее список из письма П. А. Маврогордато 1903 г., но все равно остающаяся слепой с точки зрения современных исследований. Согласно описи, в Эрмитаж поступило на хранение сто шестьдесят девять золотых предметов из приобретений ИАК за 1903 г., из них сто шестьдесят три – из коллекции П. А. Маврогордато, и из них шестьдесят семь золотых и серебряных украшений происходили из Ольвии и Овидиополя, а соответственно, могли быть соотнесены с вещами из хранения ювелирных изделий из частных собраний в Отделе античного мира Эрмитажа по территориальному признаку их находки. Среди них перечислялись ожерелье, серьги, лавровая ветвь, диадема, перстень, предметы поясной гарнитуры, разнообразные бляшки и накладки (РО НА ИИМК. Ф. 1. 1903. Д. 237. Л. 21). В конце января 1906 г. в Императорскую Археологическую комиссию было доставлено официальное уведомление за подписью директора Эрмитажа И. А. Всеволожского, что древности в Эрмитаже получены (РО НА ИИМК. Ф. 1. 1903. Д. 237. Л. 23). Уведомление стало завершающим документом в рукописном деле о приобретении коллекции П. А. Маврогордато.

Наиважнейшую роль в идентификации самих украшений из поступления 1903 г. сыграли сохранившиеся в Научном архиве ИИМК РАН фотоизображения древностей. Снимки отдельных предметов были помещены в разделе «Случайные находки и приобретения» из Херсонской губ. в Отчете ИАК за 1903 г. (ОАК за 1903. С. 150–152), но они не дают полного представления о составе коллекции. Фотоизображения для публикации были выбраны с трех фототаблиц – стеклянных негативов размером 18 × 24 см, зафиксировавших весь комплекс поступивших в 1903 г. древностей (ФО НА ИИМК. Нег. III 3113, III 9828, III 9829. Рис. 1–3). Фотосъемку произвел фотограф ИАК И. Ф. Чистяков, в совершенстве владеющий мастерством фотодокументации археологических предметов. Прекрасное качество фотоматериалов и современные технические возможности позволили рассмотреть мельчайшие детали артефактов и методом сопоставления определить принадлежность к коллекции 1903 г. даже украшений массового производства. На некоторых предметах в настоящее время присутствуют номера

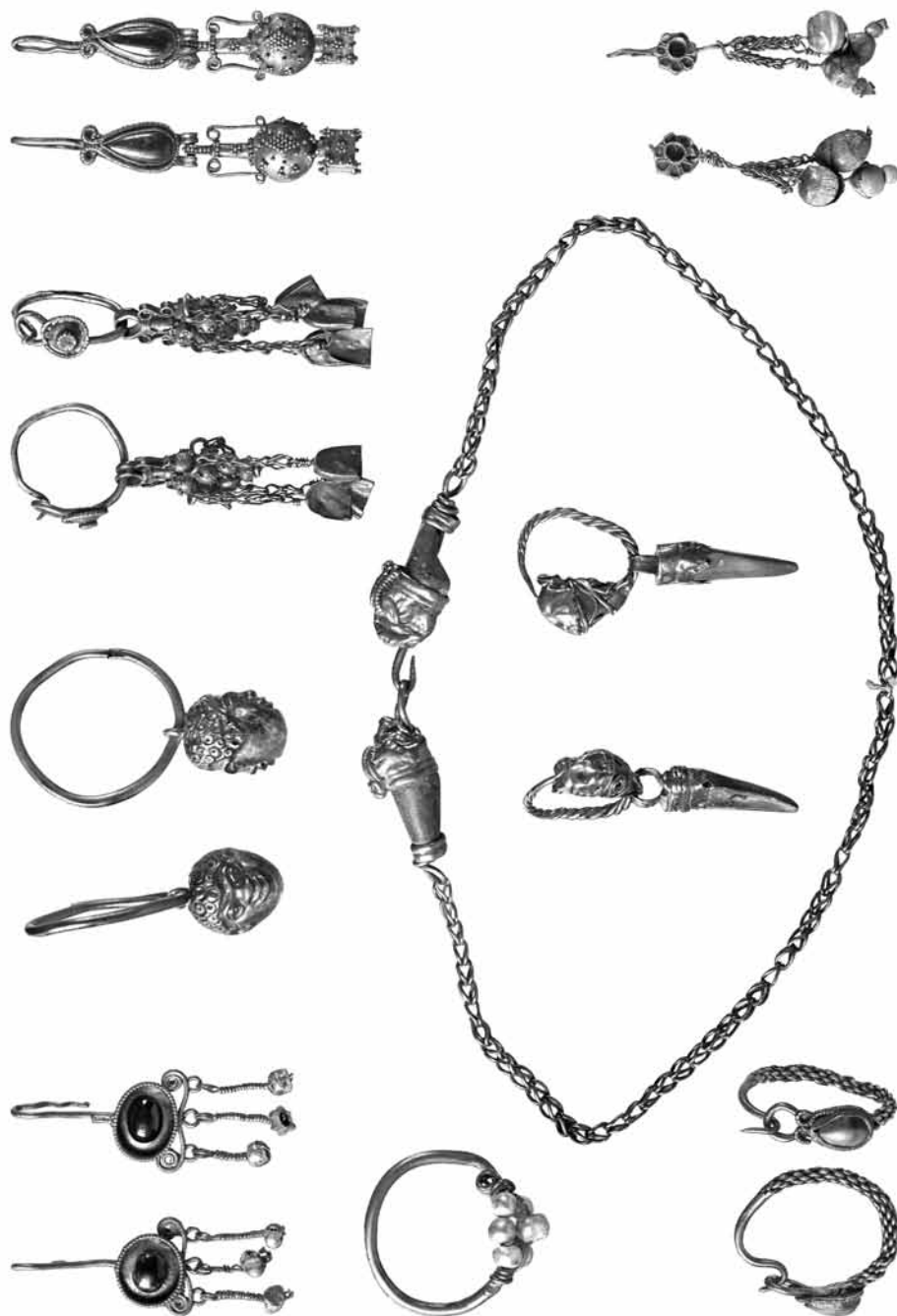

Рис. 1. Украшения из Ольвии. Серьги и ожерелье

тушью, они совпадают с номерами на украшениях на фототаблицах-планшетах 1906 г. работы И. Ф. Чистякова (серьги, № 5, 9 и 11). Номера на серьги были нанесены еще в момент поступления их в Эрмитаж, так как они четко читаются при увеличении изображения на негативе начала XX в. На оригинальных негативах также сохранились номера под предметами, совпадающие с их нумерацией в описи, сопровождающей передачу коллекции на хранение в Эрмитаж, что также способствовало их атрибуции.

До последнего времени, по данным из музейного инвентаря Отдела античного мира, к коллекции П. А. Маврогордато 1903 г. можно было с уверенностью отнести только сорок четыре предмета (из них двадцать девять нашивных бляшек), еще девять предметов связывались с именем Маврогордато, но их поступление датировалось другими годами. Их удалось точно соотнести с коллекцией П. А. Маврогордато 1903 г., как и еще четырнадцать украшений, происхождение которых оставалось неизвестным.

При помощи комплексного анализа документов из Научного архива ИИМК РАН и Эрмитажа, печатных изданий Археологической комиссии и самих предметов установлено, что в настоящее время в составе фонда ювелирных изделий из частных собраний Отдела античного мира Государственного Эрмитажа хранится шестьдесят девять золотых украшений, найденных на археологических памятниках Херсонской губ. и поступивших на хранение из частного собрания П. А. Маврогордато в 1902–1903 гг.

В состав коллекции вошли золотые и серебряные украшения разных типов, бытовавшие в Северном Причерноморье в разное время от IV в. до н. э. до IV в. н. э., и привозные изделия. Среди них есть экземпляры хорошего качества: язычковая диадема со штампованным орнаментом из чередующихся пальметок и цветов лотоса (рис. 2), витой браслет с окончаниями в виде львиных головок, круглые нашивные бляшки с женскими ликами (рис. 2), кольцеобразная серьга с семью жемчужинами (рис. 1), кованый массивный перстень с большим круглым щитком без резьбы и фрагмент лавровой ветви венка (рис. 3).

В приобретении 1903 г., предположительно, можно выделить единственный комплекс – ожерелье и серьги со звериными головками с подвесками в виде клыков (рис. 1). По сведениям из ОАК, их обнаружили в одном погребении (ОАК за 1903, С. 150). Сами по себе ожерелье и серьги являются типичными примерами украшений, распространенных в конце III – первой половине II в. до н. э. (Максимова, 1979. Кат. № Арт. 102, 3, 34), в том числе и в Причерноморье. Подвески – каменные имитации клыков, заключенные в оправу, – были, скорее всего, подвешены к серьгам после их находки с целью более выгодной продажи. Все аналогичные известные подвески использовались только в составе ожерелья либо носились на шнурке (Pollak, 1903. Кат. № 350; Marshall, 1911. Кат. № 2278, 2304; Власова, 2004. С. 169–171).

Вместе с тем в коллекции представлены и подделки античных украшений, изготовление которых было широко распространено на юге России в конце XIX – начале XX в. Например, редкие по декору подвески в виде двуликих голов негров у одной из пар кольцевидных серег (рис. 2) изготовлены в разное время. Наиболее близкой аналогией для них являются подвески из кургана Чертомлык, датированные IV в. до н. э. (Онайко, 1970. С. 104–103. Табл. XXXVII,

Рис. 2. Украшения из Ольвии. Диадема и нашивные бляшки

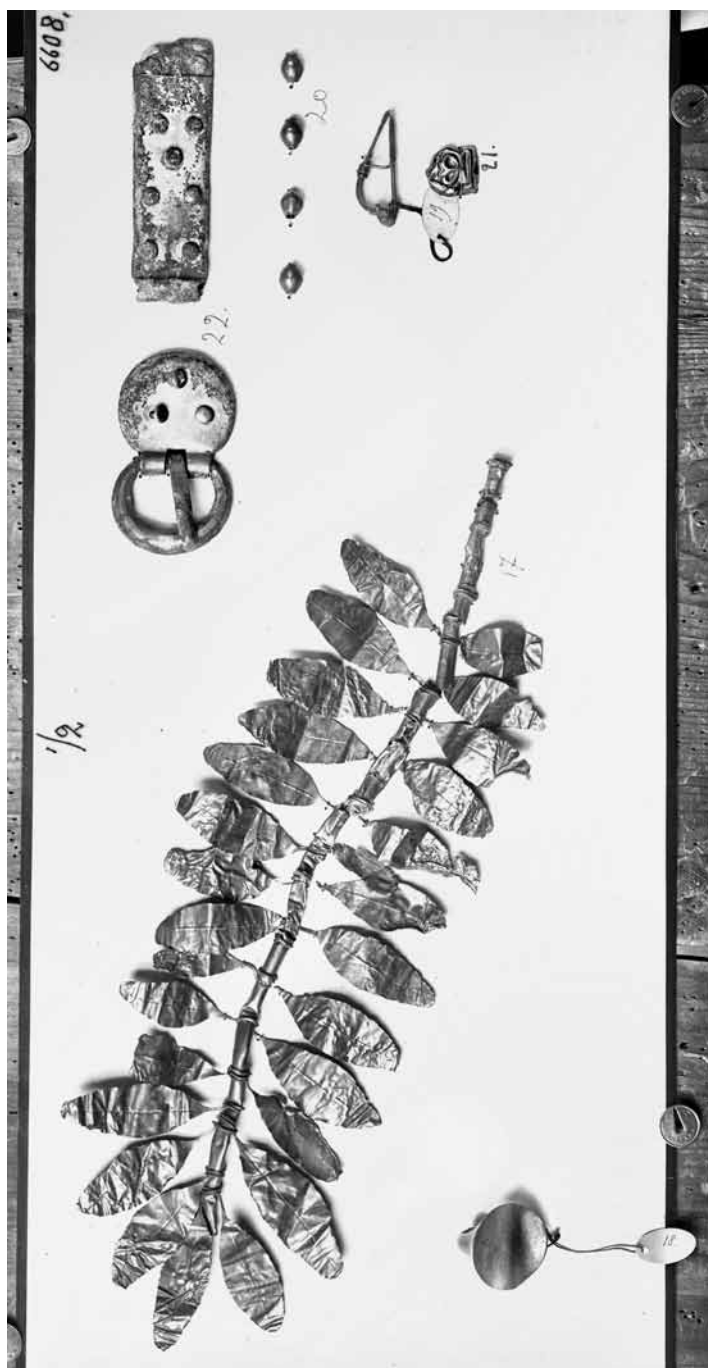

Рис. 3. Украшения из Овидиополя. Лавровая ветвь, перстень, фибула, бусы и детали поясной гарнитуры

№ 449 о). Стилистический анализ и определение состава металла выявили, что одна подвеска относится к античному периоду, а другая – подражание, сделанное в XIX в. в пандан к античной.

Коллекция украшений, связанная с именем П. А. Маврогордато, из Отдела античного мира Эрмитажа демонстрирует лишь небольшую часть собрания, подлинный размер которого еще предстоит выяснить, объединив усилия специалистов из музеев разных стран. Состав коллекции дает представление о типичном частном собрании любителя-энтузиаста конца XIX – начала XX в. и характеризуется отсутствием какого-либо научного подхода к отбору древностей. Выявленные в коллекции подделки служат примерами различных фальсификаций, изучение которых актуально до сих пор, поскольку проблема определения подлинности древностей из частных собраний все еще остро стоит перед исследователями.

Использованный в работе с коллекцией П. А. Маврогордато метод комплексного анализа архивных, печатных источников и непосредственно самих предметов из музейного хранения дает возможность установить происхождение и заново ввести в научный оборот и другие археологические коллекции XIX – первой половины XX в., оказавшиеся в силу различных обстоятельств депаспортизованными к настоящему времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Айсфельд О. В.*, 2011. Коллекция П. Маврогордато: пути античных артефактов из Причерноморья в зарубежные музейные и частные собрания // *Вісник Одеського історико-краєзнавчого музею*. Одеса. № 10. С. 89–90.
- Айсфельд О. В.*, 2014. Коллекция П. Маврогордато: пути античных артефактов из Причерноморья в зарубежные музейные и частные собрания // *Вісник Одеського історико-краєзнавчого музею*. Одеса. № 13. С. 40–53.
- Белова Н. А., Длужневская Г. В., Мусин А. Е.*, 2009. История формирования архива Императорской Археологической Комиссии и обзор ее фондов в Научном архиве Института истории материальной культуры РАН // *Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия: К 150-летию со дня основания* / Под ред. А. Е. Мусина, Е. Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин. Приложение. С. 5–11.
- Бильвина О. Л.*, 2011. Частное коллекционирование памятников античного искусства в контексте российской культуры второй половины XIX – начала XX века // *Рериховское наследие: Междунар. науч.-практ. конф. Т. VII: Н. К. Рерих. Творимая легенда. Коллекции и коллекционеры, музеи и усадьбы. Круг Рерихов, Путятинных, Боткиных* / Отв. ред.: А. А. Бондаренко, В. Л. Мельников. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та. С. 153–160.
- Бильвина О. Л., Тихонов И. Л.*, 2011. Частное коллекционирование археологических предметов: история и проблемы // *Рериховское наследие: Междунар. науч.-практ. конф. Т. VII: Н. К. Рерих. Творимая легенда. Коллекции и коллекционеры, музеи и усадьбы. Круг Рерихов, Путятинных, Боткиных* / Отв. ред.: А. А. Бондаренко, В. Л. Мельников. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та. С. 126–152.
- Власова Е. В.*, 2004. Курган Васюринская гора на Таманском полуострове // *Эллинистические штудии в Эрмитаже: К шестидесятилетию М. Б. Пиотровского* / Науч. ред. Е. Н. Ходза. СПб.: Изд-во ГЭ. С. 158–174.
- ЗООИД. Т. XXI. Одесса: «Экономическая» тип. и литогр., 1898. 483 с. (Разд. паг.).
- ЗООИД. Т. XXII. Одесса: «Экономическая» тип. и литогр., 1900. 555 с. (Разд. паг.).
- ЗООИД. Т. XXIV. Одесса: «Экономическая» тип. и литогр., 1902. 574 с. (Разд. паг.).
- ЗООИД. Т. XXV. Одесса: «Экономическая» тип. и литогр., 1904. 683 с. (Разд. паг.).
- ЗООИД. Т. XXVIII. Одесса: «Славянская» тип. Е. Хрисогелос, 1910. 452 с. (Разд. паг.).

- ЗООИД. Т. XXIX. Одесса: «Славянская» тип. Е. Хрисогелос, 1911. 492 с. (Разд. паг.).
ИИАК. Вып. 8. СПб.: Тип. М-ва Уделов, 1903. 115 с.
Макимова М. И., 1979. Артюховский курган. Л.: Искусство. 152 с.
ОАК за 1901 г. СПб.: Тип. М-ва Уделов, 1903. 197 с.
ОАК за 1903 г. СПб.: Тип. М-ва Уделов, 1906. 245 с.
Онайко Н. А., 1970. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V вв. до н.э. М.: Наука. 187 с. (САИ; Д1–27).
Томазов В. В., 2012. Меценати та благодійники з роду маврогородато // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики: збірка наукових праць. Число 20: Генеалогія та геральдика / Від. ред. Г. В. Боряк. К.: НАНУ, Інститут історії України. С. 47–60.
Юрченко О. И., 2008. П. А. Маврогородато и Одесское Императорское общество истории и древностей // Краткие сообщения Одесского археологического общества. 90 лет Национальной Академии наук Украины / Отв. ред.: С. Б. Охотников, В. Г. Петренко. Одесса: Фаворит. С. 17–19.
Bermann J., 2010. Völkerwanderungszeitliche Artefakte aus dem Schwarzmeergebiet in der Sammlung Pierre Mavrogordato // Terra Barbarica: Monumenta Archaeologica Barbarica. Series Gemina. Tomus II. Łódź; Warszawa. S. 41–56.
Bermann J., Schörner G., Schörner H., 2012. Pierre Mavrogordato und seine Antikensammlung: Der Bestand in Römhild (Teil 2) // Jahrbuch des Hennebergisch-Fränkischen Geschichtsvereins. 27. Meiningen; Münnerstadt: Kloster Veßra. S. 193–264.
Marshall F. H., 1911. Catalogue of the jewellery Greek, Etruscan and Roman in the Departments of antiquities, British Museum. London: Printed by order of the Trustees. 400 p.
Pollak L., 1903. Klassisch Antike Goldschmied von Nelidow. Leipzig: K. W. Hiersemann. 198 s., 20 tab.
Schörner G., 2009. Von Odessa nach Römhild: Pierre Mavrogordatos und seine Antikensammlung // 1846–2006. 160 Jahre Archäologisches Museum der Universität Jena. Thüringer Sammlungen im Kontext antiker Netzwerke, Kolloquium Jena 28.10.2006. Berlin: Logos Verlag. S. 118–130. (Jenaer Hefte zur Klassischen Archäologie; Bd. 1).
Schörner G., Schörner H., 2010. Pierre Mavrogordato und seine Antikensammlung: Der Bestand in Römhild (Teil 1) // Jahrbuch des Hennebergisch-fränkischen Geschichtsvereins. 25. Meiningen; Münnerstadt: Kloster Veßra. S. 181–250.

Сведения об авторах.

Горская Ольга Витальевна, Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, 190000, Россия; e-mail: gorskaya@hermitage.ru;

Медведева Мария Владимировна, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: pharc@mail.ru.

O. V. Gorskaya, M. V. Medvedeva

P. A. MAVROGORDATO'S COLLECTION
IN THE HERMITAGE DEPARTMENT OF CLASSICAL ANTIQUITIES:
HISTORY OF ACQUISITION AND ATTRIBUTION ISSUES

Abstract. The fate and composition of some pre-revolutionary private archaeological collections are still not very well known. An example of such collections is the antiquities collection gathered by P. A. Mavrogordato. Items from this collection can be currently found in various museums of the world, including the holdings of antiquity jewelry in the State Hermitage Museum Department of Classical Antiquities. Because of missing records due to repeated reorganization of the holdings, especially in 1930, information about provenance of the jewelry pieces has been lost completely or partially. Comprehensive analysis of publications and archival documents from the Hermitage and the Institute

for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences, prepared at the time when the antiquities had been found and handed over to the museum, helped recreate the history of this acquisition. Comparison of the jewelry with the photographs made by the Imperial Archaeological Committee (Fig. 1–3) helped a lot in establishing precise linkage of the jewelry to P. A. Mavrogordato's collection. Therefore, it became possible to determine the complete composition of the collection consisting of 69 jewelry pieces made of gold and silver and dated to the 4th century BC – 4th century AD. These jewelry pieces coming from P. A. Mavrogordato's collection were acquired in 1902–1903 and are now part of the collections of the State Hermitage Museum Department of Classical Antiquities.

Keywords: Imperial Archaeological Committee, State Hermitage Museum, P. A. Mavrogordato, private collections, history of archaeology, jewelry art from the antiquity.

About the authors.

Gorskaya Olga V., State Hermitage, 34 Dvortsovaya embankment, St. Petersburg, 190000, Russian Federation; e-mail: gorskaya@hermitage.ru;

Medvedeva Maria V., Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences, 18 Dvortsovaya embankment, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: pharc@mail.ru.

Н. И. Платонова

АРХИТЕКТОР-АРХЕОЛОГ П. П. ПОКРЫШКИН: СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

Резюме. П. П. Покрышкин (1870–1922) – выдающийся русский архитектор-реставратор и археолог, руководитель реставрационной комиссии ИАК. Один из создателей комплексного художественно-археологического подхода к исследованию архитектуры; труды его во многом определили вектор развития отечественной архитектурной археологии XX в. В статье приведена характеристика основных направлений деятельности ученого и детально проанализированы мало известные факты его личной и творческой биографии. На базе архивных данных уточнены обстоятельства рождения П. П. Покрышкина, воссоздана атмосфера в его родительской семье, сформировавшая его как личность. Выявлены и проанализированы новые эпистолярные и мемуарные материалы, бросающие свет на непростые обстоятельства, в которых протекали последние годы работы ученого в Петрограде (1917–1920), а также причины, побудившие его летом 1920 г. оставить научный мир и принять сан иерея. Отдельным сюжетом является анализ архивных источников, содержащих крупную информацию о последующей жизни П. П. Покрышкина в Свято-Тихоновском монастыре г. Лукоянова Нижегородской губ. и его смерти от тифа в феврале 1922 г.

Ключевые слова: П. П. Покрышкин, биография, реставрация, архитектурная археология, Археологическая комиссия, Лукояновский Тихоновский монастырь.

С именем Петра Петровича Покрышкина (1870–1922) – академика архитектуры, многолетнего (декабрь 1902 – апрель 1919) руководителя реставрационной комиссии и отдела монументальных памятников ИАК/РГАК – связано становление нового подхода в отечественной архитектурной археологии, определившего ее принципы и методологию на десятилетия вперед. Этот подход (или «метод») в литературе называют аналитическим (= археологическим) (*Михайловский*, 1971. С. 101–138 и др.), комплексным (*Беляев*, 2000. С. 461), комплексным архитектурно-археологическим (*Медникова*, 1995. С. 310), комплексным художественно-археологическим (Памятники архитектуры... С. 332–337) и т. д. На практике речь идет именно о комплексе представлений и методик, аккумулировавшем в себе детальный анализ различных видов стратиграфии, устойчивый взгляд на памятник архитектуры как исторический источник, а также пиетет старины как таковой и тонкое понимание эстетики разновременных частей здания (что сделало возможными т. н. «частичные реставрации»).

Роль П. П. Покрышкина в выработке и внедрении новой методологии исследования архитектуры трудно переоценить. В его работах отчетливо прослеживается восприятие «старины» как эстетической категории, без всякого ущерба научной, археологической оценке памятника. В рамках такого подхода «красота» оказывается присущей старине не за счет соответствия определенному канону, но – сама по себе (Там же. С. 336–337). Подобный сдвиг ценностной ориентации имел важные последствия. Противопоставление «мертвой археологии» художественному, эмоционально-эстетическому восприятию архитектуры потеряло свою остроту именно в 1910-х гг.

Характерной особенностью работ П. П. Покрышкина являлось также умение сочетать изучение собственно архитектурной стратиграфии («анатомии архитектуры») с исследованием стратиграфии напластований, прилегающих к зданию и подстилающих его. Здесь П. П., по справедливости, должен быть назван первым, ибо он «...начал решать архитектурные вопросы методами археологии, «прочитывая» историю сооружения не только в летописях и архитектурных деталях, но и в их связи с культурными слоями» (*Беляев*, 2000. С. 461). Впрочем, сам П. П. с легкостью отдавал лавры первопроходца своему безвременно умершему сотруднику Д. В. Милееву, называя именно его «первым русским архитектором, установившим научно, что должно не только расчищать от засыпей остатки зданий, но следует попутно «читать землю»...» (*Покрышкин*, 1915а. С. 2).

Ничуть не умаляя огромных заслуг Д. В. Милеева на указанном поприще, стоит вспомнить и о работах самого Покрышкина – в первую очередь о раскопках им руин церкви св. Василия в Овруче (1907–1908 гг.). Сохранившийся дневник этих работ подтверждает их новаторский характер. Фотографии раскопок «показали прекрасно расчищенные остатки архитектуры, связанные с хорошо зачищенными бровками, стенками и поверхностью раскопов...» (*Беляев*, 2000. С. 461). Не ограничившись поиском в слое архитектурных деталей рухнувшей церкви, «... исследователь постарался определить их место на фасаде, высоту, с которой упал тот или иной фрагмент. Была прослежена зависимость между расстоянием находки от основания храма и высотой, с которой она падала...» (Памятники архитектуры... С. 415). В ходе раскопок все найденные куски

оконных обрамлений, декоративных элементов карниза, блоков кладки и пр. были зафиксированы, пронумерованы и вставлены затем примерно на свои места на фасадах восстановленного храма.

Совокупный опыт «прочтения» археологической стратиграфии при исследовании древней архитектуры П. П. Покрышкин сумел оперативно обобщить в своем методическом руководстве по ремонту и реставрации древних зданий. Там была прямо указана необходимость «изучения почвы с археологической точки зрения» и определены «важнейшие архитектурно-археологические задачи», решаемые этим путем. «Первостепенное значение в этом отношении имеют разрезы земли, горизонтальные и вертикальные, тщательно зачищаемые во время раскопок; их нужно запечатлеть фотографированием и чертежами в масштабе, с объяснительным текстом...» (*Покрышкин*, 1915б. С. 180–181). Данная работа вышла под одной обложкой с некрологом Д. В. Милеева. «Этот ранний русский «манифест» против бесцельной растраты информации, отложившейся в культурном слое, появился в то время, когда во Франции, Англии и Германии процветал еще «деблайж»...» (*Беляев*, 2000. С. 461–462).

Первые десятилетия XX в. стали расцветом П. П. Покрышкина как ученого и реставратора. Важнейшим вкладом его в архитектурную археологию явилось введение в практику (и теоретическое обоснование) точных детальных обмеров, фиксирующих «пластику» древнего здания, все «неправильности» его архитектурной формы. В отчете о работах в храме Спаса-Нередицы под Новгородом П. П. Покрышкин писал: «Если бы я ограничился, например, измерением высот и широт в арках, и, подыскав центры, начертил бы их по циркулю, как это обыкновенно делается, то впечатление получилось бы совсем несходное с действительностью, стиль храма в таком чертеже не был бы передан...» (*Покрышкин*, 1906. С. 35). В результате именно «...после работ П. П. Покрышкина на Нередицком Спасе в 1903 г. для всех значительных памятников получают распространение точные археологические обмеры...» (Памятники архитектуры... С. 481). В дальнейшем это стало одним из основополагающих принципов архитектурной реставрации XX в.

В некрологе П. П. Покрышкина, принадлежащем перу И. Э. Грабаря, сказано: «...Таких архитектурных обмеров, как покрышкинские, Европа еще не знала: математически точные, построенные по точкам, они в то же время отличаются необыкновенной гибкостью, передавая все тонкости изогнутых поверхностей и прихотливых линий древнего памятника...» (*Грабарь*, 1922. С. 34). Тот же автор констатирует: работы Покрышкина не получили должного признания современников. Необходимо посмертное издание, где его «жизненный труд... нашел бы свое верное отражение и хотя бы запоздалую оценку» (Там же). К этим любопытным признаниям И. Э. Грабаря мы еще вернемся.

Как уже говорилось выше, П. П. Покрышкин в течение 17 лет являлся председателем в реставрационной комиссии ИАК. Де-факто это была должность «главного» архитектора-реставратора России. Однако малочисленность штатов Комиссии приводила к тому, что «главный» оказывался «крайним», принимая на собственные плечи львиную долю работы по разъездам, натурным исследованиям и т. п. Манкировать своими обязанностями П. П. не умел органически. Именно с его приходом в ИАК в конце 1902 г. там заметно возросло

количество решений по делам, связанным с охраной и реставрацией памятников архитектуры, увеличилось число обследований, производившихся de visu. За период с 1903 по 1913 г. Покрышкин лично посетил 34 российские губернии, проделав путь в 166318 верст (*Медведева, Мусин, 2009. С. 942–943*). Недаром Н. П. Сычёв писал о нем: «нет места в России, где, кажется, не был, не руководил работами и сам не работал бы П. П.» (РО НА ИИМК. Ф. 21. Д. 1616. Л. 4).

В конце 1900-х гг. у него появились помощники – Д. В. Милеев и К. К. Романов. Но это не уменьшило нагрузки их шефа, лишь расширило диапазон работ ИАК по части монументальных древностей. Справиться с таким грузом обязанностей можно было лишь при условии аскетического пренебрежения самим собой. Но Покрышкин принадлежал к тому типу людей, которые профессию превращают в избранный удел, а службу – в служение. Годы работы в ИАК были для него временем высокой творческой свободы, ограничивавшейся лишь трезвым размышлением о возможностях финансирования своих начинаний. Сознание важности дела, которому он служил, компенсировало до поры все затраты здоровья и нервов. А в материальных благах, сверх самого необходимого, он попросту не нуждался.

Не случайно, говоря об умершем Д. В. Милееве, Покрышкин выдвигает на первый план качества, наиболее близкие ему самому – бескорыстие и аскетизм: «...Мне хотелось бы сказать об одном добром свойстве Д. В. – об его бескорыстии, доходившем порою до подвижничества; невольно хочется подчеркнуть, что при нынешней, все возрастающей в среде нашей талантливой архитектурной молодежи погоне за наживой Д. В. блистал отпадным исключением. Не будь у Д. В. этой христианской доблести, русская наука не могла бы занести в свою летопись его славного имени...» (*Покрышкин, 1915а. С. 2*). Знакомство с жизненными обстоятельствами П. П. Покрышкина показывает: упомянутая «христианская доблесть» сполна была присуща и ему самому.

Вплоть до начала Первой мировой войны П. П. регулярно сочетал свои работы по обследованию и надзору за памятниками с самостоятельными, порою достаточно крупными архитектурно-археологическими проектами (разумеется, по заданиям ИАК). Часть этих проектов ныне вошла в науку как классика реставрационного дела (*Штендер, 1961; Михайловский, 1971. С. 133–138, 162–168 и др.; Медникова, 1995; Беляев, 2000. С. 461–463; Памятники архитектуры... С. 346–349, 408–415, 463–466; Медведева, 2004; Медведева, Мусин, 2009. С. 994–996, 1017*).

В рамках настоящей статьи невозможно дать исчерпывающий анализ наследия одного из крупнейших архитекторов-археологов России XX в. Приведенные выше характеристики его деятельности призваны в первую очередь оттенить масштаб этой фигуры на археологическом Олимпе 1900–1910-х гг. Несомненно, перед нами звезда первой величины. К сожалению, интерес исследователей к деталям биографии П. П. Покрышкина проявился с большим опозданием, лишь через полвека после кончины, когда живая память об ученом успела изгладиться.

Современному биографу остается собирать осколки разбитого вдребезги. Наш герой прожил свой век аскетом. Большую часть времени он посвящал работе. Женат не был, потомства не имел. Сейчас из публикации в публикацию

кочуют, по сути, одни и те же сведения о П. П., основанные на его анкетных данных (РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 3. Д. 519) и подробностях, взятых из некролога, написанного Н. П. Сычёвым в марте 1922 г. (РО НА ИИМК. Ф. 21. Д. 1616). В силу обстоятельств именно этот некролог, так и оставшийся неопубликованным, ныне известен более всех – ибо хранится он в личном фонде П. П. Покрышкина в ИИМК РАН, к которому постоянно обращаются специалисты. В 2000-х гг. к перечисленным материалам прибавились новые, обнаруженные в ЦАНО коллективом нижегородских церковных историков. Они проливают свет на последние годы жизни П. П. Покрышкина (июль 1920 – февраль 1922), проведенные в Свято-Тихоновском женском монастыре г. Лукоянова в качестве священнослужителя (*Дёгтева*, 2004; 2011; *Букова*, 2011).

Но даже взятые вместе, эти документы не объясняют нам ни феномена Покрышкина – неумолимого работника, действительно превратившего государственную службу в аскетическое служение, – ни его неожиданного, резкого ухода из профессии. Очерк Н. П. Сычёва содержит немало драгоценных подробностей. Но как все некрологи, он явно сглаживает острые углы. Следует рассматривать его в контексте других источников, бросающих свет на скрытую от посторонних глаз внутреннюю жизнь нашего героя. Таковыми являются: а) все данные о родительской семье П. П. Покрышкина; б) письма П. П. к его другу В. Г. Леонтовичу¹ (РО НА ИИМК. Ф. 21. Д. 1611); в) письма Н. П. Сычёва к тому же адресату с позднейшими (1948–1949 гг.) воспоминаниями о П. П. (РО НА ИИМК. Ф. 21. Д. 1615). Эти эпистолярные материалы имеют огромную ценность для биографов как самого П. П. Покрышкина, так и Н. П. Сычёва².

Конечно, перечисленные архивные документы требуют полной публикации. Такая работа уже ведется. Здесь мне хотелось бы ознакомить читателя с предварительными выводами и находками, сделанными в ходе архивных изысканий. Метрика П. П. и послужной список его отца Петра Семеновича, представленные Покрышкиным в ИАК в 1902 г. при устройстве на службу, сообщают весьма неординарные сведения о его родительской семье. Метрическое свидетельство, выданное 21 января 1881 г., гласит:

¹ Леонтович Владимир Григорьевич (1881–1968) – инженер-геодезист, архитектор, реставратор. Окончил СПб Институт гражданских инженеров. Работал на Волыни в должности епархиального архитектора, реставрировал и строил церковные здания. С 1914 г. жил в Киеве. Вместе с П. П. Покрышкиным работал в экспедиции по обследованию памятников на территории Австро-Венгрии, занятой российской армией (1916–1917). В разные годы преподавал в Киевском Политехническом институте, университете, возглавлял геодезический отдел Управления главного архитектора г. Киева. С 1946 г. – в Киевском инженерно-строительном институте. Доктор технических наук, профессор. Автор ряда руководств по инженерной геодезии, брошюры «О необходимости сохранения старых церквей» (Житомир, 1913) и рукописи «Архитекторы, инженеры-строители и скульпторы, работавшие в Киеве в период с 1855–1925 гг.» (публ.: http://alyoshin.ru/Files/arhiv/leon_pre.html; alyoshin.ru/Files/arhiv/leon_ar3.html). В 1965 г. передал в ЛОИА АН СССР часть своего личного архива (ф. 51).

² Можно пожалеть, что вся эта информация осталась за рамками новейшей капитальной монографии о Н. П. Сычёве (*Кызласова*, 2006).

«По указу Его Императорского Величества Иркутская Духовная Консисто-рия слушала прошение дворянки Анны Дмитриевны Пушкарёвой, о выдаче метрического свидетельства о рождении незаконнорожденного сына ее Петра. По справке оказалось: в метрической книге Иркутской Прокопиевской Церкви за тысяча восемьсот семидесятый год под № 6 записано: двадцать второго июля родился и двадцать восьмого крещен Пётр, незаконнорожденный сын жены разжалованного в 1862 г. поручика Леонида Лукина Пушкарёва, Анны Дмитриевны... и т. д.» (РО НА ИИМК. Ф. 1. 1902. Д. 271. Л. 3).

Имя Леонида Лукича Пушкарёва (1834–1884), законного мужа матери П. П. Покрышкина, достаточно известно литературоведам, изучающим круг знакомств А. П. Чехова. Это старший брат московского журналиста, драматурга и переводчика Николая Пушкарёва, издававшего журналы «Мирской толк», «Свет и тени» и др. Имена их обоих мелькают в письмах А. П. Чехова за 1882–1884 гг. (Чехов, 1974).

Потомственное дворянство в роду Пушкарёвых было недавним. Братья родились в семье военного врача – крестьянского сына, дослужившегося в Казанской губернии до чина штаб-лекаря (*Ямпольский*, 1968). Как можно предположить, оба были по духу «шестидесятниками». В ранних стихах Николая Пушкарёва можно найти героизацию революционеров-народников и отчетливые антиклерикальные мотивы (Там же). И все же протестные настроения в этой семье явно не заходили далеко. В 1870-х – начале 1880-х гг. Николай Лукич – преуспевающий литератор и издатель; Леонид помогает брату в делах.

К тому же социальному слою принадлежал студент-медик Пётр Семенович Покрышкин, родом «из обер-офицерских детей» (т. е. сын офицера – не дворянина). В 1862 г., когда поручик Леонид Пушкарёв за некий проступок лишился офицерского достоинства, Пётр Покрышкин-старший окончил медицинский факультет Московского университета. В апреле 1863 г., выдержав дополнительные испытания на звание уездного врача, он отправляется на службу в Вятку (РО НА ИИМК. Ф. 1. 1902. Д. 271. Л. 5 об., 6 об.). Еще через год, в мае 1864 г. молодой доктор успешно сдает экзамен на звание акушера – на сей раз в Конференции Санкт-Петербургской медико-хирургической академии.

В 1867 г. следует перевод из Вятки в Иркутск, и в Сибири Петр Семенович оседает прочно. Много лет он «исправляет должность» члена Иркутской врачебной управы (акушера и оператора), врача Иркутской гражданской больницы, да еще «сверх прямой обязанности» – Иркутского и Балаганского окружного врача, а с 1876 г. – секретаря оспенного комитета. Вдобавок «без всякого вознаграждения состоит врачом при Иркутском Барановском воспитательном доме» (РО НА ИИМК. Ф. 1. 1902. Д. 271. Л. 6 об., 7–9, 10 об.).

Разумеется, послужной список лишь скупо отражает жизненные обстоятельства, но кое-какие выводы на его основании сделать можно. Отметим с ходу три момента, характерных для Покрышкина-старшего. Первый – успешность, явная «благонадежность», быстрое профессиональное и служебное продвижение (последнее – по крайней мере, начиная с 1870-х гг.). Второй – обилие дополнительных (зачастую бесплатных) добровольных нагрузок, отнимающих немало времени и сил – то, что в дальнейшем будет характерно и для Петра Покрышкина-младшего.

Третий важный момент – семейное положение уважаемого врача. Оформленный в 1881 г. (в связи с поступлением 11-летнего сына Петра в Иркутское Техническое училище) послужной список бесстрастно фиксирует: «Холост. Имеет усыновленных детей: сыновей Сергея, родившегося 30 апреля 1865 г., Петра, родившегося 22 июля 1870 г., и дочь Наталью, родившуюся 16 марта 1875 г., находятся при нем...» (РО НА ИИМК. Ф. 1. 1902. Д. 271. Л. 6).

Вряд ли можно сомневаться, что, помимо «усыновленных» собственных детей, при Петре Семеновиче находилась их мать Анна Дмитриевна, обретшая статус законной супруги не ранее 1884 г. (после смерти Л. Л. Пушкарёва), но ставшая гражданской женой Покрышкина-старшего задолго до того. Вероятно, 1862–1864 гг. явились поворотными в судьбе членов этого любовного треугольника. Муж Анны оказался разжалованным в солдаты (может быть, за дуэль?), а сама она – увезена своим возлюбленным в глухую провинцию. В Вятке в 1865 г. появляется на свет их первый ребенок (первый из выживших?). Между тем Пётр Семенович активно работает, повышая свою квалификацию врача. Наконец, влюбленная пара решается на переезд в Сибирь, где глава семейства находит себе обширное поле деятельности.

Его неустанные труды в конечном счете явно искупили в глазах начальства пикантные подробности его семейного положения. В 43 года (1881 г.) он уже статский советник, кавалер двух орденов. Но еще более значимым является тот факт, что Иркутская Духовная консистория позволила доктору без лишнего шума усыновить своих незаконных детей. Для сравнения приведу пример: пятеро детей известного публициста и писателя В. В. Розанова, рожденных в таком же устойчивом, счастливым, но «незаконном» браке, вплоть до 1918 г. носили разные фамилии и отчества (дававшиеся внебрачному ребенку по крестному отцу). Таким образом, отношение к доктору Покрышкину и его жене в иркутском обществе оказалось на редкость лояльным. Однако встает вопрос: легко ли далось все это и им самим, и их детям?

Конечно, во второй половине XIX в. в интеллигентских кругах уже зарождалось отношение к церковному браку как к «формальности». Но вряд ли подобных воззрений держались в семье Покрышкиных. Недаром единственная встреча Н. П. Сычёва со стариком Петром Семеновичем, случившаяся осенью 1918 г., оставила у него сильное впечатление. В письме к В. Г. Леонтовичу она описана так:

«...В комнату вошел небольшого роста старец. Все мы встали. П. П. представил меня старцу, назвав его своим “папашей”. Старец пригласил к столу, но не сел. Не сели и мы. Неожиданно для меня старец начал читать молитвы и, окончив их, благословил трапезу. Все это меня очень удивило. Встретясь на другой день на службе, я спросил П. П., не из духовных ли его отец? П. П. сказал: «Нет, он доктор, медик, но он очень религиозный человек, и мы с сестрой так же воспитаны». С тех пор одна грань души П. П., которую он скрывал от меня, стала мне понятна. Прошло немного времени, и отец П. П. скончался. Я рассказал Вам этот инцидент только для Вас, полагая, что предавать его широкой огласке, конечно, не следует...» (РО НА ИИМК. Ф. 21. Д. 1615. Л. 4 об.).

В описанный период Петру Семеновичу было уже за 80; он давно оставил службу и жил у сына. Свидетельство самого П. П. («мы с сестрой так же

воспитаны») заставляет сразу отменить предположение, что овдовевший доктор на старости лет начал отмаливать грехи. Нет, воцерковленность присутствовала в этой семье изначально, проявляясь на всех уровнях – и обрядовом, и глубоко интимном – духовном. Можно предположить, что супругов связала взаимная страсть и большая любовь. Но все равно незаконное «сожительство» должно было восприниматься человеком подобных устоев, как камень на совести. Единственным выходом из нравственного тупика являлось искупление грехов делами – непреходящим, каждодневным служением во имя Христово. Это и было то, что П. П. впоследствии называл «христианской доблестью».

В письме к В. Г. Леонтовичу Н. П. Сычёв так описывает П. П. Покрышкина: «В свободное от работы время мы много говорили о древнерусском искусстве, и в этих разговорах незаметно и постепенно раскрывалась передо мною обаятельная личность П. П., подлинного ученого, в высшей степени скромного, но настоящего энтузиаста в деле исследования русского искусства. [...] Речь его, не лишенная тонкого юмора, всегда была полна тончайших наблюдений и, можно сказать, не по-книжному, а глубоко, просто и образно раскрывала мне глубочайшие процессы развития русской национальной культуры...» (РО НА ИИМК. Ф. 21. Д. 1615. Л. 3 об.).

Только после описанной выше встречи с отцом Покрышкина Н. П. Сычёв стал понимать, что его старший друг относится к памятникам церковной архитектуры «не просто как архитектор, а с особым к ним пиэтетом» (Там же. Л. 4 об.). «Меня, не скрою, удивляло, – замечает он с искренним недоумением, – как в П. П. наряду с религиозностью, жил неиссякаемый источник жизнерадостности и тонкого остроумия, временами направленного и в сторону лиц духовного звания...» (Там же).

Это свидетельство очень важно. Оно помогает понять, что атмосфера семьи, в которой вырос и сформировался П. П. Покрышкин, была светлой, несмотря на все испытания, выпавшие на долю его родителей. Любовь и нежность к родным сохранялись у П. П. на протяжении всей его жизни. Тем не менее вполне очевидно: его аскетизм и жизнь «монахом в миру» имеют в основе именно впечатления детства. Конечно, ему самому искупать было, вроде бы, нечего. Но он с ранних лет воспринял «христианскую доблесть» просто, как норму жизни. В мирные времена это проявлялось в неустанной повседневной работе, самоотдаче, скромности во всем. На переломе эпохи жертвенность обрела иные формы.

Письма П. П. Покрышкина к В. Г. Леонтовичу позволяют приблизительно воссоздать круг мыслей и забот, которыми жил П. П. в 1917–1918 гг. Из них видно: лето и ранняя осень 1917 г. еще были заполнены для Покрышкина привычной работой – разездами, осмотрами памятников и пр. В открытке от 11 июля он с мягким юмором упоминает о поездке в с. Поддорье Старорусского уезда, которую осуществил, «будучи вынужден к тому ультиматумом преосвященного Арсения Новгородского [Стадницкого. – Н. П.], объявившего, что если Покрышкин в конце июня не осмотрит церковь, то она будет сломана. Пришлось сделать 120 верст на лошадях...» (РО НА ИИМК. Ф. 21. Д. 1611. Л. 34). В письме от 30 сентября 1917 г. мы читаем: «...Я в Пермской губ. был, в Соликамске и выше по Каме до самой границы Вятской губ., сделал 120 снимков на «просроченных» пленках и вышли все хорошо...» (РО НА ИИМК. Ф. 21. Д. 1611. Л. 37).

Однако суета и неопределенность все более изматывают его. 19 октября (ст. ст.) 1917 г. Покрышкин пишет Леонтовичу: «Глубокоуважаемый, милый и дорогой Владимир Григорьевич. Что же Вы замолчали? Верно, некогда? И мне тоже ужасно некогда, сердце скребет от невозможности все выполнить, устаю сильно. Подайте о себе хоть весточку. Как поживаете? Как поживают Ваши? [...]. Дай Бог вам быть здоровыми, счастливыми, веселыми, терпеливыми и уповать на Бога...» (РО НА ИИМК. Ф. 21. Д. 1611. Л. 38).

Из писем 1918 г. особый интерес представляют две открытки, написанные Покрышкиным с промежутком в один день – 27 и 28 июля (ст. ст.). Приведем их с небольшими сокращениями:

1. «Милый, дорогой Владимир Григорьевич!

Делаю попытку переслать Вам эту весть о себе, в виду газетных сообщений об открытии границы для почтовых сообщений. Я, папа и сестра существуем по-прежнему, хотя и недоедаем. [...] У меня имеются вести о том, что Вы уцелели и находитесь в добром здравии. Я соскучился, не имея вестей от Вас, да необходимость ликвидации нашей Буковинской поездки меня томит. Последнее Ваше письмо было с обещанием прислать большое (готовившееся тогда) письмо. Как-нибудь коротенько сообщите о Буковине, пришлите, что имеете, готовым, отложив научную обработку до более удобного времени. Собираюсь писать Вам о многом. А теперь пишу на ускоренном (так в тексте. – Н. П.). Кланяюсь Вам и Вашим. Дай Бог Вам всем всего наилучшего.

Ваш П. Покрышкин [...].» (РО НА ИИМК. Ф. 21. Д. 1611. Л. 40)

2. «Милый, дорогой Владимир Григорьевич!

Поздравляю Вас с днем Вашего Ангела, поздравляем все мы и желаем Вам от души, от Бога всяких его милостей и благословений. Вчера я писал Вам, что мы живем по-прежнему, как будто ничего особенного не случилось. Но это не совсем так: 1) 16 марта папа сломал ногу и теперь, хотя она срослась, но сделалась короче, папа ходит на костылях. 2) я привлечен к большой организационной работе: реформы и объединение всех научных учреждений в Комиссариате Народного Просвещения. Заседания ежедневно, весьма утомительные, для меня работа непривычная, я очень утомляюсь; приходилось просиживать ночи напролет, потому что правительство насаждает с срочною выработкою реорганизаций. Очень досталась мне реорганизация Археологической Комиссии, теперь самое трудное и спешное выполнение. Работы я не чуждаюсь, но питание крайне плохое, уехать же нельзя, не на что существовать, да и надо дорожить возможностью сделать что-либо для дорогой моему сердцу Археологической Комиссии, пользующейся со стороны Народного Комиссара большим вниманием. Обнимаю Вас, целую крепко, горячо. Является надежда увидеть Вас. Папа и сестра и я кланяемся Вам [...].

Ваш П. Покрышкин [...].» (РО НА ИИМК. Ф. 21. Д. 1611. Л. 39).

Таким образом, можно видеть: в середине 1918 г. П. П. Покрышкин еще живет прежним кругом дел и интересов. Его тревожит задержка с обработкой данных, собранных во время разъездов по тылам армии Брусилова на Буковине (1916–1917 гг.). Он просит В. Г. Леонтовича прислать, хотя бы в сыром виде, ту часть материалов, что осталась в Киеве. Работает он до изнеможения, по привычке принимая на себя роль главной рабочей лошадки в весьма

запутанном деле организации и реорганизации учреждений, ведающих охраной и реставрацией памятников. При этом живет впроголодь – хотя новые государственные структуры используют его знания и опыт весьма активно. И все же ничто тут еще не предвещает ухода, последовавшего два года спустя. Скорее, напротив: П. П. всецело поглощен работой.

Именно сейчас стоит вернуться к любопытнейшему документу – некрологу П. П. Покрышкина, опубликованному И. Э. Грабарём. Он написан по самым горячим следам – 12 марта 1922 г. Между тем о смерти нашего героя где-то «в арзамасской глуши» научный мир узнал лишь в конце февраля – после получения Н. П. Сычёвым письма от Натальи Петровны, сестры Покрышкина, сопутствовавшей ему в его лукояновском житии³. Следовательно, И. Э. Грабарь взялся за перо сразу, едва лишь скорбное известие из Петрограда дошло до Москвы. Почему?

Н. П. Сычёв написал некролог в те же дни. Но это был близкий друг: с ним П. П. до конца поддерживал переписку. Именно Сычёву он фактически завещал свой бесценный архив. А вот И. Э. Грабарь не был другом нашего героя. В 1918–1920 гг. он, скорее, являлся его врагом. Именно П. П. Покрышкин, глава Петроградского Археологического отдела⁴, весьма активно препятствовал стремлению И. Э. Грабаря единолично возглавлять и по своему усмотрению вести работы в области изучения древнейшей русской живописи (*Рославский*, 2004. С. 172–200 и др.).

Детали этой борьбы еще будут выясняться, понятно одно: азартные, лихорадочные темпы поиска древнейшей живописи под поздними записями, с самого начала принятые «Комиссией Грабаря»⁵, приводили П. П. Покрышкина в ужас (*Платонова, Мусин*, 2009. С. 1089). Он видел: работа идет с откровенными нарушениями, и понимал, что открытие будет чревато потерями. В сущности, его

---

³ В литературе встречается утверждение, что Наталья Петровна сама была монахиней Свято-Тихоновского Лукояновского монастыря. Однако прямых подтверждений тому нет. В списках насельниц монастыря за 1921–1922 гг. не встречено сестры с фамилией Покрышкина (*Букова*, 2011. С. 234). Конечно, нельзя исключать, что Наталья Петровна ранее была замужем и носила другую фамилию. Но скорее всего, она просто жила при монастыре в качестве трудницы, помогая брату. Об этом косвенно свидетельствует сохранившееся «Прошение прихожан церкви Лукояновского Тихоновского монастыря о прекращении выселения духовенства из монастырских домов», поданное 01.11.1920. Там говорится: «...Священник с сестрой приютился где-то в коморке, требующей капитального ремонта. Монашеские ступени сгрупированы по 5–7 человек в каждой келье, а часть таковых размещена в сыром подвальном и протухлом помещении...» (Там же). Следовательно, «сестра священника» к числу монашеских не отнесена.

⁴ Археологический отдел (точнее – подотдел) при Всероссийской Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины, имевшей представительство одновременно в Москве и Петрограде. Структура коллегии на рубеже 1910–1920-х гг. была достаточно запутанной и часто менялась на ходу. Причем существовали параллельные органы с похожими названиями, к которым явочным порядком могли отходить полномо-

⁵ Комиссия по сохранению и раскрытию памятников древней живописи.

опасения оправдались. Потерь было больше, чем принято считать⁶. Но «административный ресурс», которым располагал И. Э. Грабарь, в конечном счете оказался сильнее всех доводов (Рославский, 2004. С. 172–200 и др.).

Самым болезненным моментом для П. П. явилось «размежевание функций» между РАИМК и структурами Наркомпроса, вызванное этим противостоянием. Оно рикошетом ударило по нему как активному сотруднику Всероссийской коллегии по делам музеев, пытавшемуся именно в ее рамках сосредоточить основную работу в области охраны и реставрации памятников. Руководство РАИМК, обеспокоенное претензиями Московской части Коллегии, сочло это ущемлением своих прав (Медникова, 1995. С. 205, 208–210). Но пострадала в результате не Московская часть, а Петроградский Археологический отдел, к 1919 г. уже превратившийся (неустанными трудами П. П. Покрышкина) в крупный научно-реставрационный центр. В 1920 г. он оказался развален. Такой удар со стороны Академии, правопреемницы «дорогой его сердцу Археологической Комиссии», видимо, оказался для П. П. последней каплей в чаше его бед. Но, конечно, современники знали, кто был главным двигателем интриги.

Можно предположить: И. Э. Грабарь, не мешкая, взялся за написание некролога П. П. Покрышкина с единственной целью – оправдаться, оставить научному миру собственную версию событий. Уход П. П. от дел и смерть его в глуши от сыпного тифа наделали шума в ученой среде. Об этом косвенно свидетельствует само содержание очерка И. Э. Грабаря. По утверждению его автора, единственной причиной ухода П. П. Покрышкина явилась реставрационная ошибка почти 20-летней давности – облицовка храма Спаса-Нередицы цементом, в ту пору новым, недостаточно испытанным материалом, в конечном счете дурно повлиявшим на сохранность фресок.

В конце 1910-х гг., действительно, был поднят вопрос о необходимости срочных мероприятий для спасения нередицких стенописей. Из стана противников П. П. Покрышкина полетели прозрачные намеки на всяких «архитекторов-археологов», уже «погубивших неудачными архитектурными реставрациями ценнейшие памятники древнерусской живописи и потому дующих на воду...» (Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи. Ф. 106. Оп. 1. Д. 1438. Л. 3, цит. по: Рославский, 2004. С. 271). Собственная позиция П. П. описана Н. П. Сычёвым так:

«Как известно, в 1903 г. П. П. ремонтировал в Новгороде церковь 1199 г. Спаса-Нередицы и облицовал ее фасады портланд-цементом. [...] Закупоренный в эту облицовку, Нередицкий храм перестал «дышать». П. П. открыто признал свою ошибку и сам стал настойчиво требовать удаления облицовки, рекомендуя меня для исполнения этих сложных работ. Мне же лично, помню, говорил – «беритесь, беритесь за эту работу; это нужно сделать. Вы сделаете осторожно, а меня уж

⁶ Лишь случайно до нас дошел текст доклада А. И. Анисимова, зачитанного в Коллегии в августе 1920 г. В нем автор (которого трудно заподозрить в необъективности) констатировал: «Федоровская икона Богоматери [...] раскрыта беспорядочно, [...] части одежды почти безнадежно уничтожены, лики младенца [...] без нужды были счищены зачем-то до левкаса и написаны вновь... (курсив мой. – Н. П.)» (цит. по: Рославский, 2004. С. 325). Гораздо чаще реставрационные ошибки просто не предавались гласности.

не судите, ведь «на всякую старуху бывает проруха», да и что тут я, когда памятник в опасности». Ратовал он за это дело долго и энергично. В конце концов мне пришлось взять на себя организацию этих работ и в течение двух лет Нередица была «раздета» от цементной облицовки и заново оштукатурена по древней рецептуре известковым раствором...» (РО НА ИИМК. Ф. 21. Д. 1615. Л. 5–5 об.).

А вот что пишет по тому же поводу И. Э. Грабарь: «...цементная штукатурка причинила немало бед храму и его фрескам, но то была вина всей Европы, увлекавшейся новым материалом [...], а не одного Покрышкина. Что же делать, если человечество познает истину только через ошибки. Но нередицкие ошибки были слишком хорошо осознаны Покрышкиным: они придавили его своею тяжестью и были для него теми археологическими веригами, которые сковали всю его дальнейшую деятельность. Сейчас Спас-Нередицкий [храм] снова освобожден от цемента и, обмазанный по старине известковым раствором, он вновь свободно дышит и живет. Не чудесно ли это совпадение: Покрышкин уходит как раз тогда, когда освобождается от давивших его вериг...» (*Грабарь*, 1922. С. 33–34).

«Нередицкую версию» ухода Покрышкина следует оставить на совести ее автора. Бурная профессиональная деятельность П. П., продолжавшаяся до середины 1919 г., не дает никаких оснований говорить о «веригах», якобы «сковавших» его и «давивших». Болезненный перелом случился тогда, когда в Петрограде был «убит» созданный и руководимый им научно-реставрационный центр, превращенный во второразрядную канцелярскую организацию. Но как раз этот момент И. Э. Грабарь обходит стороной.

Тем не менее написанный им некролог является ценнейшим свидетельством, в котором между делом «проговариваются» детали и обстоятельства, ведомые лишь современникам.

«Помню последнюю встречу с ним на улице Москвы, перед отъездом его туда, откуда он более не вернулся. Как всегда, ласковый, деликатный, спокойный, он поразил меня необычайной для него непреклонностью воли и абсолютной убежденностью в том, что он не совершает ошибки, что делает то, что повелевает ему долг и совесть. «Но как же вы можете забыть и выбросить, как ненужный хлам, то, чем жили всю свою жизнь и что знали и любили, как никто из нас?» – спросил я его. «Если бы вы знали, до чего все это неважно, ненужно, и какие это все сущие пустяки, то вы, вероятно, поняли бы, почему для меня нет возврата ко всему этому», – отвечает он, глядя своими добрыми глазами. Было ясно, что Покрышкин, действительно, не вернется, но многие из нас задавали себе вопрос: “Неужели там, вдали от столичной свистопляски, ученых карьер и интриг, он ни разу не вспомнит о своих былых делах, всегда чистых и далеких от всего личного и мелочного, и не затоскует?” И вот его не стало...» (*Грабарь*, 1922. С. 33).

Можно не сомневаться: Покрышкин простился с Грабарем именно так. По свидетельству Н. П. Сычёва, он «усердно трудился над приобретением чувства незлобия и любви к недоброжелателям» (РО НА ИИМК. Ф. 21. Д. 1616. Л. 5). По-видимому, сведение на нет всех его трудов и начинаний, стоивших огромного напряжения сил, сломало для него привычную иерархию ценностей. Оборвались живые связи с прежним кругом дел и лиц. Зато – как это бывает с людьми тонкой душевной структуры в минуту отчаяния – пришло живое ощущение присутствия Бога... И тогда же последовало благословение

умирающего отца на принятие сана (о чем упоминает в своем некрологе Н. П. Сычѳв) (РО НА ИИМК. Ф. 21. Д. 1615. Л. 4).

Последняя встреча с П. П. Покрышкиным поразила И. Э. Грабаря. Поведение недавнего противника показалось ему неожиданным и необъяснимым. Неслучайно в его очерке, при заведомой ложности основной идеи, пробиваются искренние, взволнованные нотки: «...Пусть те, кто ищет только ошибок, знают, что в археологических кругах Европы мало таких фанатиков науки, каким был Покрышкин, мало таких серьезных, глубоких, вдумчивых исследователей, как он...»; «...он давал свидетельства огромной научно-технической находчивости, причем обладал исключительной требовательностью к себе и честностью по отношению к своей собственной научной совести...»; и т. д. (*Грабарь*, 1922. С. 34).

Из текста И. Э. Грабаря ясно следует: хотя летом 1920 г. П. П. Покрышкин официально уезжал в отпуск по состоянию здоровья, в научных кругах Петрограда и Москвы знали, что он именно уходит, и знали, куда он уходит. Видимо, было какое-то открытое письмо коллегам, дошедшее до нас лишь в виде кратких цитат, которые приводят (без ссылок) Н. П. Сычѳв и И. Э. Грабарь. Источник цитат в то время был всем понятен.

О последних годах жизни П. П. отчасти можно судить по его письмам к Н. П. Сычѳву. Из них дошли лишь отдельные фразы, включенные им в некролог⁷. Но и они весьма показательны:

«Тело разрушается заметно, зато дух со дня на день обновляется... нет заботы о земном, трудись над укрощением злобы своего сердца...».

«Расстался я с петроградскими друзьями⁸..., так бы и обнял всех, за всех молюсь усердно, все записаны поименно и ежедневно поминаются за проскомидией, которая совершается не менее часа времени».

«Наша (с сестрою) жизнь затворническая, но в ней совершается кипучая работа... идет борьба с невежеством и некультурностью, сюда придется направить все силы...» (РО НА ИИМК. Ф. 21. Д. 1615. Л. 4–5).

Большой интерес представляют также находки в ЦАНО еще одного (анонимного) некролога П. П. Покрышкина и упоминаний о нашем герое в письмах викарного архиерея Поликарпа (Тихонравова), епископа Лукояновского. Из них видно, что П. П. вел «в арзамасской глуши» высокую жизнь христианского аскета. Он ежедневно служил, много общался с паствой. Принимал людей и дома, в своей «коморке»; там же проводил занятия по «закону Божию» для детей. «...Когда он успевал отдыхать, трудно сказать [...]. Если же ему давали деньги за требы, он не смотрел, сколько и что ему дали. Это был пастырь безсеребренник, пастырь молитвенник. Он не имел у себя ничего лишнего. Ходил в одной легкой рясе и в мороз и в дождь, ходил везде, куда ни позовут его, не стесняясь ни расстоянием, ни временем, ни погодю...» (ЦАНО. Ф. 1016. Оп. 2. Д. 181. Л. 412).

Лукояновский епископ Поликарп (1858–1931) был честным, энергичным человеком, старавшимся сделать церковную проповедь близкой народу. Он

⁷ После ареста Н. П. Сычѳва эти письма остались в его ленинградской квартире и до нас не дошли.

⁸ Речь явно идет о каких-то знакомых, приезжавших к П. П. Покрышкину из Петрограда в Лукоянов. Установить их личности пока не представляется возможным.

поддерживал православные братства, пытался создать пастырско-миссионерские курсы. Первым помощником его в этих делах оказался священник о. Пётр Покрышкин. В письме к архиепископу Евдокиму (Мещерскому) от 20.08.1920 мы читаем:

«...Долг имею сообщить Вам, Владыко, [...]: по нужде, вследствие недостатка в сослужащих, нередко с дорогим о. Петром, без диакона, служу по-священнически. Кстати, об о. Петре. Миновало 40 дней, как он Священником – и все эти дни, непрерывно, он служил. [...]. Как энергичного моего сотрудника, [...] я назначил его руководителем и устройтелем Лукояново-Сергачских Миссионерских Курсов. Когда в собрании Бр [атства] Св[ятого] Кр[еста] зашел разговор о вознаграждении его по должности, П. П. заявил, что вознаграждения ему не нужно, и сказал только, что у него нет сапог...» (ЦАНО. Ф. 1016. Оп. 2. Д. 181. Л. 154 об. – 155).

Из письма от 11.06.1921: «...Только... успел возвести уважаемого о. Петра Петровича Покрышкина в сан протоиерея, а в день Святого Духа он свалился на одр болезнью оспы; [...]. Почитателей у батюшки – масса, и все они теперь усердно молятся Спасителю Богу о выздоровлении больного...» (ЦАНО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 59. Л. 153–153 об.).

От оспы, подхваченной при посещении инфекционных барачков, о. Пётр выздоровел. Но «тело разрушалось заметно». А главное: к миру его уже ничто не привязывало – только долг, повелевавший нести свой крест до конца. В ночь с 5 на 6 февраля 1922 г. П. П. скончался от возвратного тифа. По свидетельству автора анонимного некролога, незадолго до этой последней болезни он молился: «Даруй мне, Боже, крылья улететь к Тебе, Создатель мой. Возьми меня из этого грязного и смутного мира в Твое блаженное Царство...» (ЦАНО. Ф. 1016. Оп. 2. Д. 181. Л. 412).

Похороны были торжественны. Все затраты взяли на себя лукояновские железнодорожники. Сам владыка Поликарп совершил чин погребения о. Петра со множеством духовенства. Был там и аноним, автор некролога, написавший: «Плач и рыдания заглушали пение хора монахинь и голоса священнослужителей. Многие в этот день не пошли на службу, хотя день был будничным. Было много крестьян, приехавших из окрестных сел отдать последний долг почившему, который лежал в гробу как живой [...]. И долго, долго теперь его будут вспоминать. Мне говорили, что такого пастыря у них не было 25 лет...» (Там же. Л. 412 об.).

Собор, в котором отпевали П. П. Покрышкина, был взорван в 1931 г. Кладбище с его могилой уничтожено. Но память об этом ученом подвижнике действительно жива.

ЛИТЕРАТУРА

- Беляев Л. А., 2000. Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. 2-е изд. СПб.: Алетейя. 576 с.
- Букова О. В., 2011. Из истории Лукояновского Свято-Тихоновского женского монастыря и жизни его основательницы Анны Никифоровны Листойвой // Патриарх Московский и всея Руси Кирилл и его исторические корни на Нижегородской земле. Нижний Новгород: Глагол. С. 164–244.
- Грабарь И. Э., 1922. Петр Петрович Покрышкин // Среди коллекционеров. М. № 3. С. 33–34.

- Дёгтева О. В.*, 2004. Служение Отечеству и Церкви. Петр Петрович Покрышкин // Нижегородская старина. № 9. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского Вознесенского Печерского мужского монастыря. С. 30–35.
- Дёгтева О. В.*, 2011. Протоиерей Пётр Покрышкин // Патриарх Московский и всея Руси Кирилл и его исторические корни на Нижегородской земле. Нижний Новгород: Глагол. С. 147–161.
- Кызласова И. Л.*, 2006. Николай Петрович Сычёв. М.: Сканрус. 325 с. (Отечественная реставрация: personalia; вып. 1).
- Медведева М. В.*, 2004. Пётр Петрович Покрышкин и проблемы охраны памятников (по материалам архивов ИИМК РАН) // АВ. Вып. 11. С. 379–387.
- Медведева М. В., Мусин А. Е.*, 2009. Императорская Археологическая комиссия: реставрация и охрана памятников культуры // Императорская Археологическая комиссия. 1859–1917 / Ред.: А. Е. Мусин, Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 926–1064.
- Медникова Е. Ю.*, 1995. Деятельность академика архитектуры П. П. Покрышкина в Императорской Археологической комиссии (по материалам рукописного архива ИИМК РАН) // АВ. Вып. 4. С. 303–311.
- Михайловский Е. В.*, 1971. Реставрация памятников архитектуры. Развитие теоретических концепций. М.: Стройиздат. 190 с.
- Памятники архитектуры в дореволюционной России. Очерки истории архитектурной реставрации / Ред. А. С. Щенков. М.: Terra – книжный клуб, 2002. 528 с.
- Платонова Н. И., Мусин А. Е.*, 2009. Императорская Археологическая комиссия и ее преобразование в 1917–1919 гг. // Императорская Археологическая комиссия. 1859–1917 / Ред.: А. Е. Мусин, Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 1065–1115.
- Покрышкин П. П.*, 1906. Отчет о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви в Новгороде в 1903 и 1904 годах. СПб.: Тип. Гл. управления уделов. 36 с., 27 л. ил. (Материалы по археологии России, изданные Императорской Археологической комиссией; № 30).
- Покрышкин П. П.*, 1915а. Краткие советы по вопросам ремонта памятников старины и искусства // Изв. ИАК. Вып. 57: Вопросы реставрации. Вып. 15. Пг.: Тип. Гл. управления уделов. С. 178–190.
- Покрышкин П. П.*, 1915б. Памяти Д. В. Милеева // Изв. ИАК. Вып. 57: Вопросы реставрации. Вып. 15. Пг.: Тип. Гл. управления уделов. С. 1–2.
- Рославский В. М.*, 2004. Становление учреждений охраны и реставрации памятников и искусства и старины в РСФСР, 1917–1921 гг. Игорь Грабарь и реставрация. М.: Полимаг. 392 с.
- Чехов А. П.*, 1974. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 19: Письма. Т. 1: 1875–1886. М.: Наука. 581 с.
- Штендер Г. М.*, 1961. Восстановление Нередицы // Новгородский исторический сборник. Вып. 10. Новгород: Новгородский историко-архитектурный музей-заповедник. С. 169–205.
- Ямпольский И. Г.*, 1968. [Вступительная статья] // *Пушкарев Н. Л.* Стихотворения. (Из кн.: Поэты 1860-х годов. 3-е изд. Л.: Советский писатель, 1968). URL: http://az.lib.ru/p/pushkarew_n_l/text_0020.shtml. Дата обращения: 01.02.2016.

Сведения об авторе.

Платонова Надежда Игоревна, Институт истории материальной культуры РАН, Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия; e-mail: niplaton@gmail.com.

N. I. Platonova

BIOGRAPHY OF P. P. POKRYSHKIN, THE ARCHITECT
AND ARCHAEOLOGIST

Abstract. P. P. Pokryshkin (1870–1922) is an outstanding Russian architect, restorer and archaeologist, who was the head of the Restoration Committee of the Imperial Archaeological Committee. He was among the developers of a comprehensive artistic and archaeo-

logical approach to architectural studies; his works determined the development direction of Russian architectural archaeology in the 20th century. The paper describes the main areas of his activities and reviews little known facts of his biography and his creative life. The archival data were used to clarify circumstances of P. P. Pokryshkin's birth, recreate the atmosphere at his parents' house as a formative factor of his personality. New epistolary and memoir materials revealing difficult circumstances of the last years of the scholar's work in Petrograd (1917–1920) as well as reasons that made him become a priest were identified and reviewed. The analysis of archival records containing information on P. P. Pokryshkin's life in the St. Tikhon Monastery in the town of Lukoyanov in the Nizhny Novgorod Province and his death from the typhoid fever in the February of 1922 was performed.

Keywords: P. P. Pokryshkin, biography, restauration, architectural archaeology, Archaeological Committee, St. Tikhon Monastery in Lukoyanov.

About the author:

Platonova Nadezhda I., Institute for the History of the Material Culture of Russian Academy of Sciences, 18 Dvortsovaya embankment, St. Petersburg, 191186, Russian Federation; e-mail: niplaton@gmail.com.

И. Л. Кызласов

ПРИТЯЖЕНИЕ АРХЕОЛОГИИ. ДОВОЕННАЯ ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Резюме. Архивные документы Л. П. Кызласова 1930-х гг. воссоздают атмосферу активных культурных исканий, окружавшую юношу в провинциальном сибирском городке благодаря влиянию родителей и школы. Встреча с московскими археологами, В. П. Левашёвой и С. В. Киселёвым, работавшими в Южной Сибири, зародила интерес к науке о древностях, пронесенный через суровые годы репрессий и Великой Отечественной войны, а затем приведший в МГУ, в стенах которого сформировался специалист, посвятивший жизнь археологической науке.

Ключевые слова: возникновение интереса к археологии, сибирская провинция 1930-х гг., репрессии, Великая Отечественная война, преданность науке и учителям.

Историография нашей науки, активно развивающаяся ныне, в основном обращает внимание на уже сложившиеся личности. Такой подход оправдан: именно он позволяет постичь движение исследовательской мысли. В тени же по большей части остается весьма значимое и показательное в отношении археологической науки явление, без которого нет пополнения рядов ее работников и возникновения научных школ. Речь идет о притягательности нашего дела для

отрочества, о сложении конкретных юношеских судеб, устремившихся к археологии и сформировавшихся благодаря ей. Однако эта привлекательность не существует сама по себе, она создается идущими в народ профессионалами. И старшие, можно также сказать, первые советские, археологи московской школы оказались в этом деле весьма активны.

Архивные материалы позволяют мне на конкретном жизненном примере рассказать о силе притягательного воздействия, оказанного на провинциального подростка в условиях довоенной Сибири двумя даровитыми учениками В. А. Городцова¹. Оба они начали свои исследования сразу же по окончании университетского курса. Варвара Павловна Левашёва (1901–1974 гг.), в 1926 г. получив диплом, уже через две недели переезжает из Москвы в Омск и, став сотрудником Западно-Сибирского краеведческого музея, проводит разведки и раскопки в Прииртышье. В 1929 г. она перебирается в Минусинск, заняв место в местном музее, и по 1946 г. изучает древности в долинах Среднего Енисея, послевоенная ее деятельность связана с Государственным Историческим музеем. Всюду в сибирских пределах исследовательница создает детские археологические кружки и привлекает к раскопкам школьников. Сергей Владимирович Киселёв (1905–1962 гг.) с 1928 г. ежегодно и с большим успехом проводит полевые работы в Южной и Восточной Сибири: в Хакасско-Минусинской котловине и на Алтае, в Туве и в Забайкалье. И всюду на его раскопках бывают многочисленные экскурсанты, итоги охотно докладываются в местных учреждениях науки, образования и культуры, проходят публичные лекции, организуются выступления по радио.

В Хакасии под влияние двух этих замечательных, полных исследовательского энтузиазма ученых попал совсем юный тогда Леонид Романович Кызласов. Интерес к истории и древностям вместе с влечением к широкому культурному кругозору был заложен в парнишку его родителями с малолетства. Вместе с тем его мальчишеские дневники рисуют удивительно цельное стремление к знаниям, отличавшее в то время жителей малого сибирского городка в целом. Оба этих обстоятельства следует принять во внимание. Однако речь у нас идет о прививании пристрастия к особенностям археологического знания и специфическим методам получения данных, необходимых для археологического познания.

В 1930 г. семья Романа Афанасьевича и Христины Витольдовны Кызласовых, включая 6-летнего сына и 3-летнюю дочь, приехала в Ленинград для получения высшего образования. Родители много сделали, чтобы погрузить детей в культурную атмосферу этого удивительного города, что оказало на них чрезвычайно большое воздействие, на всю жизнь зародив интерес к вершинам человеческого духа. Именно годы раннего детства вызвали в хакасском мальчике с тупиковой железнодорожной станции Абакан (еще не города) тягу к европейской культуре и чувство, со временем переросшее в глубокое личное убеждение, в основу профессиональной философии, – понимание единства и соотнесенности культуры всего человечества.

¹ Работа выполнена в рамках плановой темы «Научное наследие Л. Р. Кызласова. 1947–2007 гг.» (101.8. «Новые теоретические и методические подходы к изучению археологических и антропологических материалов»).

В 1934 г. семья вернулась в Абакан, где для сына началась учеба в семилетней Железнодорожной неполной средней школе (ЖДНСШ), позднее – в школе № 1 молодого города. Хотя советское образование независимо от местонахождения и численности школы было направлено на знакомство каждого юного гражданина с основами общечеловеческих знаний и культуры, школьной программы оказалось недостаточно для юношей тогдашнего Абакана. Круг ближайших товарищей (русский, украинец, еврей, бурят и хакас) собирался 2–3 раза в неделю и читал друг другу рефераты по истории искусства, философии, произведения Шекспира, иных классиков, учил по самоучителю французский. В одной из тетрадей Л. Р. Кызласова той поры велся «Список книг, мною прочитанных». К 1940-му г. он составил 904 номера. Из художественных, литературно-искусствоведческих произведений, сочинений, посвященных античности (включая и древних авторов), выделим показательные научно-популярные книги: «Практику самообразования» Н. А. Рубакина и «Саморазвитие умственное, нравственное и практическое» С. Смайла (из которой сделаны выписки), а также «Занимательную минералогию» А. Е. Ферсмана, «Минералы и породы» Н. И. Безбородько, «Земля, ее происхождение и развитие» В. И. Крокоса, «Охотники за микробами» и «Стоит ли им жить» П. де Крюи, «Карта рассказывает» Н. Константинова, «Занимательную технику в прошлом» В. И. Лебедева и «Детство человечества» В. К. Никольского.

Особенно важны свидетельства того, как рано формировался в Леониде Романовиче сибиревед и тюрколог, исследователь Центральной Азии – в этом же списке прочитанного к 16 годам в разное время названы известные специальные исследования – три И. П. Кузнецова-Красноярского², шесть трудов Н. Ф. Катанова³, две работы В. В. Радлова⁴, «Минусинские и ачинские инородцы (материалы для изучения)» А. А. Кузнецовой и П. Е. Кулакова; «Хакасы» Н. Н. Козьмина, «Из прошлого Хакасии (историко-экономический очерк)» В. К. Хотяновского, «Население Сибирского края: русские и туземцы» А. Р. Шнейдера и Л. Н. Добровой-Ядринцевой, «Красноярский бунт 1695–98 гг.» Н. Н. Оглоблина, «Чтения по истории Сибири» Н. Н. Фирсова (вып. II), «Русская земля. т. X. Очерки Восточной Сибири», составитель И. В. Дроздов; «Живописная Россия. Т. XII, ч. 1. Восточная Сибирь», «Сибирь и ссылка» Дж. Кеннана, «По Абакану: с Алтая на Енисей» Н. Северина, книги Ш. М. Левина

² Здесь и далее указано по порядку прочтения: «Древние могилы Минусинского округа», «Из истории южной части Енисейской губернии», «Архив Аскызской степной думы».

³ «Замечания о богатырских поэмах минусинских тюрков», «Известия Лоренца Ланге 1716 года о Сибири и сибирских инородцах», «Письма из Сибири и Восточного Туркестана», «Татарские сказания о 7 отроках», «Среди тюркских племен», «Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. IX».

⁴ «Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии», «Наречия тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. I отделение. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. II: Поднаречия абаканские (сагайское, койбальское, качинское), кызылское и чулымское (кюэрик)».

«Д. А. Клеменц», П. К. Козлова «Н. М. Пржевальский» и «Дары Монголии», Д. Каррутерса «Неведомая Монголия» (т. I).

Вот, оказывается, какими возможностями в 30-е гг. обладал в Абакане заинтересованный читатель. Несомненно, большую роль сыграла в раннем развитии домашняя библиотека отца, который, по словам Л. Р. Кызласова, специально собирал научную литературу – в той же школьной тетради есть незавершенный «Список имеющихся книг», составленный в 1939 или 1940 г. и содержащий названия 12 произведений, 9 из которых были прочитаны. К сожалению, узнать состав домашней библиотеки уже не удастся – она погибла в годы войны. Известно другое. Хотя Роман Афанасьевич хотел видеть сына микробиологом, спасающим людей от болезней, в общении с ним старший Кызласов не раз делился душевной болью, страдая от того, что история хакасов остается неизученной.

В ноябре 1937 г. по совершенно вздорному политическому обвинению был арестован и в сентябре 1938 г. казнен в Красноярске Р. А. Кызласов. Семья не знала о его гибели. Ко дню расставания с отцом старший сын достиг 13 лет, дочь – 10, младший сын был полугодовалым младенцем, а их матери было 34 года. Следует, однако, видеть, что к этому раннему возрасту отец уже успел заложить в своих детей понимание смысла достойной жизни. Беспредельно трагическая эпоха 20-х и 30-х годов была все же устремлена в будущее. Она возвестила и осуществляла, через муки и гибель лучших своих сынов, право каждого народа на чувство собственного достоинства, на достойную и, наконец-то, равную жизнь с другими народами многонациональной единой страны. Сохраняя эти возможности для родного народа и троих собственных детей, не скрываясь, лицом принял злые наветы и смерть отец Леонида Романовича. Та же светлая надежда и личное мужество не покинули мать, и постигшая семью трагедия не остановила в Л. Р. Кызласове стремление к знаниям. Большинство названных книг прочитано им в те самые 1938 и 1939 гг.

Летом 1938 г. пытливый школьник, наблюдавший проходившие в Абакане археологические работы, был допущен на раскоп проводившей их В. П. Левашёвой. Выпущенная исследовательницей в следующем 1939 г. книга «Из далекого прошлого южной части Красноярского края» вошла в перечень проштудированной подростком литературы. Еще ранее, уже с 11 лет, Минусинский музей, в котором работала Варвара Павловна, с его великолепным собранием древностей был знаком парню, с раннего детства воспринявшему в Ленинграде трепетное, а затем и вдумчивое отношение к музейным коллекциям. Имя В. П. Левашевой Леонид Романович неизменно ставил первой в перечне своих учителей в науке, отмечал присущие ей высокие человеческие качества, посвящал ее работам специальные исследования (Кызласов, 1983. С. 11, 12; 1997. С. 23; 1998. С. 7; 2000а; 2000б; 2001. С. 3–17). Варвара Павловна внимательно следила за делами своего археологического крестника и издала рецензию на его первую монографию (Левашева, 1962). Их тесное, по-дружески теплое общение продолжалось позднее в Москве, переросло в семейную привязанность (Кызласова, 2010. С. 766, 767). Вместе участвовали они в издании коллективных трудов (Киселев и др., 1965), вдвоем опубликовали и некролог, прощаясь с С. В. Киселевым (Кызласов, Левашева, 1965). Редактирование рукописи

статьи, посвященной В. П. Левашевой (*Кызласова*, 2010)⁵, оказалось последней законченной работой в жизни Л. Р. Кызласова.

Именно С. В. Киселев, первая встреча с которым состоялась в Абакане в 1940 г., оказался для Леонида Романовича вторым и главным проводником в археологию. Прочитанная в городском саду публичная лекция «История хакасского народа», как и сам темпераментно выступавший профессор, остались в памяти юноши. Именно тогда вместе с лирическими стихами молодости он, опираясь на выписки из работы Н. Ф. Катанова «Замечания о богатырских поэмах минусинских тюрков», начинает писать эпико-историческую поэму о хакасском средневековье. Юный автор еще не знал, что она будет завершена лишь в 1962 г., получит название «Сампир» и окажется посвященной борьбе с древними уйгурами, археологические памятники которых и выявил к тому времени сам Л. Р. Кызласов. Удивительно, но некоторые написанные школьником части после известной переделки вошли в завершленную поэму. Таковы, например, зачин «Хайджи» («*Расскажи-ка мне, о, парень...*»), повествующий о встрече старца с археологом, и «Песня тюргешки» («*Тонкий, тонкий серпик-месяц*»), в школьной тетради еще под названием «Песня девушки», но уже с пометкой «для эп. поэмы»).

В абаканской школе № 1, как во многих других школах страны, выпускной вечер проходил 21 июня 1941 г. Отгулявших ночь, счастливых и полных надежд выпускников дома встретила весть о войне. Юноши-одноклассники в первый же внешкольный день вновь встретились – у областного военкомата. Л. Кызласову было 17 лет, и в призыве ему отказали. Решено было продолжить образование. Перед войной парень собирался стать геологом. Быть может, потому, что слово «археолог» обычно не отделяется людьми от геологических профессий. К подготовленному в 1940 г. списку из 13 специальных книг по геологии, минералогии, геохимии сбоку приписано и «Краткое руководство по археологии» А. П. Смирнова и Н. П. Милонова (М., 1939)⁷. Здесь же обширные выписки с характеристикой минералов⁸. В итоге аттестат о среднем образовании и заявление о допуске к экзаменам были отправлены в Горный институт в Ленинград – вероятно, юноше очень хотелось вернуться в прекрасный город своего раннего детства. Оттуда пришел официальный вызов, и абитуриент тронулся в дорогу. Но доехать ему удалось только до Новосибирска, где старый мудрый кассир отказался компостировать билет молодого человека, ехавшего на запад, откуда приходили уже эшелоны с беженцами. Расхвалив «наш сибирский университет» в Томске, добрый человек именно туда и переоформил билет разобиженного парня.

---

⁵ Эта публикация содержит наиболее полные сведения о биографии и личности В. П. Левашевой, как и обзор литературы о ней.

⁶ Хакасское «сказитель».

⁷ Такой была новая довоенная встреча с московской археологической школой. Волею судеб именно Алексей Петрович Смирнов выступил официальным оппонентом на защите Л. Р. Кызласовым как кандидатской (1953), так и докторской ученой степени (1966).

⁸ Любовь к минералам и окаменелостям сохранилась до конца жизни – их образцы украшали книжные полки кабинета и письменный стол, зачастую служа грузом для придавливания листов рукописей и книг при работе однорукого автора.

Оба не могли знать, что благодаря этому Леонид Кызласов избежал начавшейся уже 8 сентября фашистской блокады Ленинграда, из которой студент-первокурсник, конечно, не выбрался бы. От голода умерло 97 % погибших, а оставшиеся 560 тысяч составляли только пятую часть жителей довоенного города.

Именно с лета 1941 г. в ТГУ начало работать археологическое отделение историко-филологического факультета (состоялся лишь второй его набор), на который, узнав о новой специализации, и поступил в конце июля Кызласов. Обеспокоенная таким поворотом, мать в нескольких письмах выпрашивала 17-летнего сына, как так случилось, что он, желая поступить в горный институт, вдруг решил стать историком, и какую специальность он приобретет по окончании вуза.

Состав преподавателей в Томске оказался редкостным – среди сотрудников факультета были профессор и доценты МГУ, Киевского, Харьковского, Тартуского университетов, эвакуированные с запада. Один из них, Р. М. Самарин, специалист по западноевропейской литературе, был удивлен, когда после лекции о Джонатане Свифте студент рассказал ему о вхождении истории Гулливера и лилипутов в хакасский эпический фольклор. В 1945 г. профессор поведал об этом случае в журнале «International literature». Так, не названный в статье по имени, первокурсник Л. Кызласов, еще в школе узнавший о сюжете из книги Н. Ф. Катанова «Образцы народной литературы тюркских племен», обогатил отечественное и английское литературоведение. С филологом Р. М. Самариным он вновь встретился, поступив после войны в Московский университет.

Тот учебный год был для первокурсника тяжелым: студенты привлекались к строительству железной дороги, уборке хлеба на полях, литью минных корпусов на оборонном заводе. Расплачивались с ними хлебом и рабочими карточками – осенью в Томске начался голод, усилившийся к 1942 г. Иногородние студенты разъехались по домам, зимою Л. Кызласов остался в холодном общежитии один, и декан факультета З. Я. Бояршинова регулярно навещала его (жив ли, здоров ли?). Парень учился с наслаждением, после занятий до ночи засиживаясь в богатой книгами Научной библиотеке ТГУ. Тетради со сделанными там многочисленными выписками стояли в московском кабинете ученого и использовались до конца жизни. Окончив лишь 1 курс, Л. Р. Кызласов с тех пор всегда считал историко-филологическое образование наиболее гармоничным для гуманитария. Хранились и томские тетради с собственными поэтическими опытами лирически настроенного юноши.

В феврале 1942 г. он единожды выезжал домой – на похороны своей 39-летней матери. Сдав летнюю сессию, студент вернулся в Абакан, где на руках бабушки и деда оставались его сестра-подросток и малолетний брат. Но мечта об учебе оставалась. В марте 1943 г., судя по дате, уже пребывая в учебном танковом полку в Омске, юноша направил в ТГУ заявление о зачислении на 2 курс заочного отделения.

В Рабоче-крестьянскую Красную армию достигший 18 лет Л. Кызласов был мобилизован в сентябре 1942 г. областным военкоматом в г. Абакане. На сборном пункте в Бердске (под Новосибирском) офицер-танкист, отбиривший призывников для своего рода войск, дал на построении команду: «Трактористы и студенты – шаг вперед!». Такой выбор понятен – трактористы уже знали технику, а студенты были способны быстро ее освоить. Осенью 1942 г. первокурсник

ТГУ стал курсантом 4-го Отдельного учебного танкового полка Сибирского военного округа, расквартированного в Омске.

Весной 1945 г. в абаканскую избушку на Черногорской улице пришло адресованное 18-летней Кларе Романовне похоронное извещение о том, что «ее брат младший сержант Кызласов Леонид Романович в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, погиб 23 марта 1945 г. и похоронен с отдаванием воинских почестей Германия, Силезия, дер. Бладен, высота 292».

Но, согласно уцелевшему дневнику, танкист попал в пехотный госпиталь, «где вечером 23-го мне сделали операцию. Кисть отняли». За день до 21-го дня рождения парень стал одноруким. Где там отдавание воинских почестей и торжественное захоронение. 29 марта «написал письмо домой, что ранен и всё». Согласно архиву нашей армии (доступному благодаря Интернету), Л. Р. Кызласов всю жизнь так и числился в списке безвозвратных потерь РККА с того дня – 23 марта 1945 г.

Затем была череда госпиталей – сначала армейский, затем эвакуационный из Гляйвица (тогда Германия, в результате войны – Польша: Гливице) во Львов (03.04.1945: «Теперь я в Союзе». «Мы ехали хорошо. В настоящем санпоезде, а в большинстве случаев берут “летучки” – товарняк») и дальше на восток и юг. С 14.04 – Эссендуки, госпиталь № 5416. За три месяца бойца подлечили (по косточкам собрал и раздробленный локоть), 21.07 он получил справку о ранении и 23.07 уехал из Минвод, но не домой в Хакасию, а сразу в Москву, где уже в день приезда, 26 июля, подал заявление в Московский университет. Еще не демобилизованного фронтовика всерьез беспокоило, может ли однорукий человек быть археологом. Однако профессор А. В. Арциховский, основатель и руководитель кафедры археологии на историческом факультете, решил вопрос короткой фразой: «Очень хорошо, археологов-танкистов еще не было», и Леонид Романович был зачислен. С тех пор он никогда не расставался с МГУ.

Научным руководителем студента, а затем и аспиранта Кызласова стал тот самый профессор С. В. Киселёв, которого ему довелось впервые услышать еще школьником в городском парке довоенного Абакана. Прошедший огонь, воду и медные трубы, израненный танкист сумел отыскать свой научный путь и выйти на него. Нам не удастся обозреть на этих страницах редчайшее исследовательское величие Сергея Владимировича Киселёва. Важнее указать на то, что об этом не раз писал его ученик – Л. Р. Кызласов, и обнародованные строки дают возможность понять, как им самим воспринимался его мудрый наставник (Кызласов, 1975а; 1975б; 1983. С. 12, 13; 1995; 1997. С. 19–26; 1998. С. 84; 2001. С. 15; 2003; 2005).

Преданность археологии оказалась неотделима от преданности учителям. Такова природа научной школы.

ЛИТЕРАТУРА

- Киселев С. В., Евтюхова Л. А., Кызласов Л. Р., Мерперт Н. Я., Левашова В. П., 1965. Древнемонгольские города. М.: Наука. 371 с.
 Кызласов Л. Р., 1975а. Учитель // ВМУ. Серия 9: История. № 1. С. 93–96.
 Кызласов Л. Р., 1975б. Учитель: К 70-летию со дня рождения С. В. Киселева // Енисей: лит. альманах. Красноярск. № 1. С. 71–74.

- Кызласов Л. Р.*, 1983. Обретение пути в науку / Ред. В. Л. Янин. М.: Изд-во МГУ. С. 7–15.
- Кызласов Л. Р.*, 1995. С. В. Киселев – учитель учителей // РА. № 4. С. 162–166.
- Кызласов Л. Р.*, 1997. Портреты учителей – создателей советской археологии // ВМУ. Серия 8: История. № 4. С. 3–29.
- Кызласов Л. Р.*, 1998. В Сибирю неведомую за письменами таинственными. Абакан: Роса. 72 с.
- Кызласов Л. Р.*, 2000а. К истории раскопок города гуннского наместника на р. Ташебе // ВМУ. Серия 8: История. С. 98–107.
- Кызласов Л. Р.*, 2000б. К истории раскопок города гуннского наместника на р. Ташебе // РА. № 2. С. 224–228.
- Кызласов Л. Р.*, 2001. Гуннский дворец на Енисее: Проблема ранней государственности Южной Сибири. М.: Восточная литература. 176 с.
- Кызласов Л. Р.*, 2003. Киселев Сергей Владимирович (1905–1962 гг.) // Древности Алтая. № 11. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т. С. 20–22.
- Кызласов Л. Р.*, 2005. Сергей Владимирович Киселев (1905–1962 гг.) и Лидия Алексеевна Евтюхова (1903–1974 гг.) // РА. № 3. С. 156–160.
- Кызласов Л. Р., Левашева В. П.*, 1965. Сергей Владимирович Киселев // Новое в советской археологии / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: Наука. С. 7–12.
- Кызласова И. Л.*, 2010. Об археологе В. П. Левашевой и ее отце протоиерее П. Н. Левашеве // Человек и древности: памяти А. А. Формозова (1928–2009) / Отв. ред.: И. С. Каменецкий, А. Н. Сорокин. М.: Гриф и К. С. 751–769.
- Левашева В. П.*, 1962. Рец. на кн.: Л. Р. Кызласов. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н.э. – V в. н.э.). Издательство МГУ, 1960, 197 стр. + 62 рис. + 4 табл. Тираж 1100. Цена 17 руб. // СА. № 3. С. 322–324.

Сведения об авторе.

Кызласов Игорь Леонидович, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: kyzlasovil@mail.ru.

I. L. Kyzlasov

ATTRACTION OF ARCHAEOLOGY. PRE-WAR PROVINCIAL HISTORY

Abstract. L. R. Kyzlasov's archival documents of the 1930s recreate the atmosphere of active cultural pursuits that surrounded the young man who lived in a provincial Siberian town due to the influence of his parents and school. The meeting with V. P. Levashova and S. V. Kiselev, archaeologists from Moscow who worked in Southern Siberia, ignited his interest in the science of ancient material objects, which he maintained throughout severe years of repressions and the Great Patriotic War and which subsequently brought him to Moscow State University. After his graduation he dedicated his entire life to archaeology.

Keywords: rise of interest in archaeology, Siberian province in the 1930s, repressions, Great Patriotic War, devotion to science and teachers.

About the author:

Kyzlasov Igor' L., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: kyzlasovil@mail.ru.

П. Г. Гайдуков, Е. Г. Дэвлет, Ю. Н. Шорунова

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ¹

Резюме. Представлены некоторые итоги ежегодной научной конференции Института археологии РАН, посвященной важнейшим новым полевым и исследовательским проектам.

Ключевые слова: археология, науковедение, полевые археологические исследования, интерпретации.

В Институте археологии Российской академии наук 3–4 марта 2015 г. состоялась XI международная конференция «Археологические исследования в России: новые материалы и интерпретации», в которой помимо российских археологов и историков, представлявших ведущие научные организации Москвы, Санкт-Петербурга, Симферополя, Севастополя, Кемерово и др. научных центров, приняли участие коллеги из Германии. Основной целью конференции традиционно стало обсуждение научных результатов наиболее значимых исследований, выполненных за последние годы в России и за ее пределами, были представлены новые материалы, существенные для осмысления историко-культурных явлений древности и средневековья, продемонстрированы возможности новых методов, способствующих более глубокому и разностороннему изучению археологических памятников.

Н. А. Макаров, П. Г. Гайдуков, Вл. В. Седов, В. В. Бейлекчи (Институт археологии РАН, Москва) представили уникальную находку полевого сезона 2014 г. – свинцовую вислую печать с изображением Богоматери и восьмистрочной греческой надписью константинопольского патриарха Афанасия:

+ΑΘΑΝΑ|CΙΟCΕΛΕWΘV|ΑΡΧΙΕΠ|CΚΟΠΟC|KWN|CΤΑΝΤΙΝΟV|ΠΟΛΕW|CΝΕ
ΑCΡW|ΜΗCΚΑΙΟΙΚΟVΜΕ|ΝΙΚΟCΠΡΙΑΡ|ΧΗC

(«Афанасий, милостью Божьей архиепископ Константинополя, Нового Рима и вселенский патриарх»). Печать найдена в ходе археологических исследований Спасо-Преображенского собора в Переяславле-Залесском – одного из древнейших белокаменных храмов Северо-Восточной Руси. Убедительно доказано, что печать принадлежала патриарху Афанасию I, занимавшему патриарший престол

---

¹ Конференция проведена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».

в 1289–1293 и 1303–1309 гг. и сыгравшему важную роль в истории русской церкви и междукняжеском противостоянии на Руси в XIV в. Печать патриарха Афанасия – не только яркое материальное отражение византийско-русских церковных связей в начале XIV в., но и уникальное археологическое свидетельство событий Церковного собора 1310 г., известного лишь по «Житию митрополита Петра» и сообщениям В. Н. Татищева (*Макаров и др.*, 2015а. С. 92–94; *Макаров и др.*, 2015б. С. 196–202).

М. Вагнер (Германский археологический институт, Берлин), руководитель отделения Института в Китае, представила результаты междисциплинарного научного проекта «Silk-Road-Fashion-Project», в рамках которого проводятся исследования одежды в восточной части Центральной Азии в I тыс. до н.э. (*Wagner*, 2014. Р. 38–42; *Kramell et al.*, 2014. Р. 214–223). В Турфанском оазисе Синьцзян-Уйгурского автономного района на северо-западе Китая при раскопках могильника ранних кочевников (Yanghai) было сделано необычное открытие – древнейшие в мире шерстяные штаны, возраст которых по данным радиоуглеродного анализа составляет не менее 3 тыс. лет (*Beck et al.*, 2014. Р. 224–235). Особенности их кроя и технологии ткачества и окраски был посвящен доклад исследовательницы.

Значительная часть докладов представляла результаты раскопок в Великом Новгороде, Твери и Подмоскowie. Вл. В. Седов (Институт археологии РАН, Москва) осветил результаты раскопок 2014 г. в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Великом Новгороде, где были найдены уникальные фрагменты фресок и граффити первой трети XII в., в числе которых фрески с изображениями ликов святых. Найденные в Георгиевском соборе росписи не похожи на остальные новгородские росписи первой половины XII в. – судя по всему, храм был расписан массой мелких фигур с небольшими ликами, вероятно, это был грандиозный сонм святых. Найденны сотни тысяч фрагментов фресок, причем от предполагающейся площади живописи древнего собора это составляет всего 7–10 %. (*Седов*, 2015. С. 83–85). Надписям-граффити из Георгиевского собора Юрьева монастыря был посвящен отдельный доклад А. А. Гиппиуса (Институт славяноведения РАН, Москва) в соавторстве с Вл. В. Седовым. Граффити составили комплекс надписей исторического содержания, часто они имеют дату и рассказывают о смерти и погребении того или иного лица. Наибольший интерес представляет многострочное граффито 1198 г., в котором говорится о смерти и похоронах Изяслава и Ростислава, юных сыновей новгородского князя Ярослава Владимировича (Там же. С. 85).

Исследования в Спасо-Преображенском соборе Тверского кремля в 2014 г., представленные в докладе Л. А. Беляева, И. А. Сафаровой и А. Н. Хохлова (Институт археологии РАН, Москва), были ознаменованы уникальными в истории русского искусства находками. Для этого региона Древней Руси был обнаружен первый фрагмент фресковой росписи 1292 г., кроме того, декоративная традиция представлена резной белокаменной колонкой. Эти фрагменты были элементами убранства Спасо-Преображенского собора – первого каменного городского собора Северо-Восточной Руси, построенного после монгольского нашествия в 1285–1290 гг. (*Беляев и др.*, 2015. С. 90–91).

Доклад Л. А. Беляева, О. Н. Глазуновой, Ю. О. Данилова, Н. И. Савельева (Институт археологии РАН, Москва) был посвящен презентации новейших результатов долговременных археологических исследований Воскресенского

Ново-Иерусалимского монастыря, где были обнаружены остатки «фабрики» по производству изразцов – три горна, врезанные в склон монастырского холма (Беляев, 2014. С. 274–275). Среди десятков видов продукции, выявленных в горнах, внимание привлекают в первую очередь архитектурные изразцы огромных размеров, образующие целые архитектурные формы классических типов: базы и пилоны с рельефным декором «гирлянды плодов и фруктов», полуколонны, обвитые гроздьями винограда; венчающие их капители в виде корон и мн. др. На некоторых из них имеется дата производства – «1690 год». Все изразцы прошли только первичный обжиг и не имеют следов поливы, однако в горнах проводился и вторичный обжиг – на полу одного из них остался толстый слой потеков поливы зелено-бирюзового цвета. Вместе с тем в верхней части заполнения горна отложились и более поздние керамические изделия, позволившие говорить о последнем десятилетии XVII – первой четверти XVIII в. как о моменте полной заброшенности горна. Среди отходов производства впервые обнаружен «печной припас» – набор подставок и креплений, которыми разделяли изразцы при обжиге: трехрогие столбики трех размеров на круглых плоских подставках и треугольные клинья, керамические «рассекатели жара» в виде крупных мисок с большими круглыми отверстиями по всей поверхности (Глазунова, Данилов, 2014. С. 277–280; Беляев, 2015. С. 116–119; Комплексные археологические исследования... С. 34–35).

Результатам археологических работ на некрополе Троице-Сергиевой лавры был посвящен доклад А. В. Энговатовой, М. Б. Медниковой, Е. Е. Васильевой, М. В. Добровольской, И. К. Решетовой (Институт археологии РАН, Москва). В 2014 г. спасательные археологические раскопки проводились на участках расположения некрополей Троице-Сергиевой лавры у ц. Сошествия Святого Духа (Духовской), Михеевской церкви и Трапезной с ц. Сергия Радонежского (Трапезной), на территории кладбища Московской духовной академии и семинарии. Археологические исследования на данных участках имели целью уточнить сведения об объектах при планировании мероприятий по обеспечению их сохранности; персонификации погребений для последующего восстановления некрополей; определения границ территории кладбища Московской духовной академии; осуществления спасательных работ на участках прокладки коммуникаций; проведения реставрационных работ. Индивидуальный материал в большинстве своем представляет собой личные вещи погребенных (предметы благочестия, одежда); часть индивидуальных находок, обнаруженных в ходе работ, иллюстрирует процесс разрушения академического некрополя. Так, обнаружены осколки мраморных и гранитных надгробных памятников, фрагменты ритуальных венков (Энговатова, 2015. С. 114–115; Комплексные археологические исследования... С. 32–33).

На конференции прозвучала серия докладов по итогам и перспективам археологических исследований в Крыму. Л. В. Седикова (Национальный заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь) представила информацию об исследованиях жилого квартала поздневизантийского периода в южном районе Херсонеса Таврического, существовавшего до середины XIII в., проведенных в 2001–2006 гг. совместной экспедицией Национального заповедника «Херсонес Таврический» и Института классической археологии Техасского университета (США). Выявлены три жилые усадьбы с внутренним двором

и остатки небольшого храма с часовней (*Рабинович и др.*, 2009. С. 196–274). Результаты новейших работ Мирмекийской и Стабианской археологических экспедиций Государственного Эрмитажа были представлены в докладе А. М. Бутягина (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург). За последние годы были проведены масштабные исследования в районе акрополя древнего Мирмекия (совр. Керчь), где изучались остатки городской застройки VI–II вв. до н. э., зольник III–II вв. до н. э., усадьба II–III вв. н. э. В центральной части городища доследовались развалины уникального дома начала V в. до н. э., «святотелища Деметры» IV в. до н. э. и грандиозного холма зольника III–II вв. до н. э. (*Бутягин*, 2010а. С. 110–121). С 2010 г. Государственный Эрмитаж при поддержке Фонда реставрации Стабий проводит работы на вилле Ариадна, принадлежащей к виллам Стабий, погибшим в ходе знаменитого извержения Везувия 28 августа 79 г. н. э. Раскопки проводятся в районе комплекса терм виллы. На стенах высотой до 3,5 м прекрасно сохранились фрески, на полу многих помещений – мозаики. Открыты тысячи фрагментов расписной штукатурки, фрагменты черепицы с клеймами и другие находки. Особенно интересны обнаруженные на стенах сотни процарапанных надписей-граффити, среди которых встречаются изображения кораблей, людей и другие сюжеты (*Бутягин*, 2010б. С. 100–109).

Проведение конференции было поддержано Программой фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность». Формат конференции показал свою эффективность для обсуждения новейших исследовательских проектов, позволил плодотворно обсудить текущие исследования и обменяться мнениями. Многие из проектов представлены в научно-информационном издании «Институт археологии: новые экспедиции и проекты / отв. ред. Н. А. Макаров» (М.: ИА РАН, 2015). В нем даны итоги полевой деятельности института с 2010 г., а также некоторых разработок (на основе новых аналитических методов, технических средств), посвященных знаковым археологическим памятникам и находкам, открытым во второй половине XX в. (таких как сунгирские погребения, росписи Каповой пещеры, зарайский бизон).

ЛИТЕРАТУРА

- Беляев Л. А.*, 2014. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь – памятник культуры Нового времени: Вклад 2014 года // КСИА. Вып. 236. С. 272–276.
- Беляев Л. А.*, 2015. Новый Иерусалим (монастырь Воскресения Христова) на р. Истра // Институт археологии: Новые экспедиции и проекты / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 116–119.
- Беляев Л. А., Сафарова И. А., Хохлов А. Н.*, 2015. Новые сведения о средневековой Твери // Институт археологии: Новые экспедиции и проекты / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 89–91.
- Бутягин А. М.*, 2010а. Мирмекийская экспедиция // Экспедиция. Археология в Эрмитаже. СПб.: Славия, 2014. С. 110–121.
- Бутягин А. М.*, 2010б. Стабианская экспедиция // Экспедиция. Археология в Эрмитаже. СПб.: Славия, 2014. С. 100–109.
- Глазунова О. Н., Данилов Ю. О.*, 2014. Горн и мастерская XVIII века для производства поливных изразцов в Солодовых палатах Ново-Иерусалимского монастыря // КСИА. Вып. 236. С. 277–280.
- Комплексные археологические исследования при строительстве, реконструкции, реставрации, землеустройстве, земляных, мелиоративных и хозяйственных работах. М.: ИА РАН, 2015. 43 с.

- Макаров Н. А., Гайдуков П. Г., Седов Вл. В., 2015а. Печать константинопольского патриарха Афанасия из Переславля-Залесского // Институт археологии: Новые экспедиции и проекты / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 92–94.
- Макаров Н. А., Гайдуков П. Г., Седов Вл. В., Бейлекчи В. В., 2015б. Печать константинопольского патриарха Афанасия из переяславского Спасо-Преображенского собора // РА. № 4. С. 196–202.
- Рабинович А., Седикова Л. В., Хеннеберг Р., 2009. Повседневная жизнь провинциального города в поздневизантийский период: междисциплинарные исследования в южном районе Херсонеса // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. XV. Симферополь. С. 196–274.
- Седов Вл. В., 2015. Георгиевский собор Юрьева монастыря в Новгороде Великом // Институт археологии: Новые экспедиции и проекты / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 83–85.
- Энговатова А. В., 2015. Некрополи Троице-Сергиевой Лавры // Институт археологии: Новые экспедиции и проекты / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 114–115.
- Beck U., Wagner M., Li Xiao, Durkin-Meisterernst D., Tarasov P. E., 2014. The invention of trousers and its likely affiliation with horseback riding and mobility: A case study of late 2nd millennium BC finds from Turfan in eastern Central Asia // Quaternary International. Vol. 348. P. 224–235.
- Kramell A., Li Xiao, Csuk R., Wagner M., Goslar T., Tarasov P. E., Kreuzel N., Kluge R., Wunderlich Chr.-H., 2014. Dyes of late Bronze Age textile clothes and accessories from the Yanghai archaeological site, Turfan, China: Determination of the fibers, color analysis and dating // Quaternary International. Vol. 348. P. 214–223.
- Wagner M., 2014. Xinjiang, China. Silk Road Fashion // e-Forschungen Berichte des Deutschen Archäologischen Instituts 2014. Fasc. 1. P. 38–42.

Сведения об авторах.

Гайдуков Пётр Григорьевич, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: russianchange@yandex.ru;

Дэвлет Екатерина Георгиевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: eketek@yandex.ru;

Шорунова Юлия Николаевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: julia_orient@mail.ru.

P. G. Gaydukov, E. G. Devlet, Yu. N. Shorunova

NEW MATERIALS AND INTERPRETATIONS
IN ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATIONS

Abstract. The paper presents some results of the yearly scientific conference held by the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, devoted to the topical field and research projects.

Keywords: archaeology, analytic studies of science, field archaeological researches, interpretations.

About the authors.

Gaydukov Petr G., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: russianchange@yandex.ru;

Devlet Ekaterina G., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: eketek@yandex.ru;

Shorunova Yulia N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: julia_orient@mail.ru.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ – Археологические вести. СПб.
АВСЗ – Археология Владимиро-Суздальской земли: М-лы науч. семинара. М.
АИППЗ – Археология и история Пскова и Псковской земли. М., Псков
АКР – Археологическая карта России. М.
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия. М.
АП – Археология Подмосковья. М.
АС – Археологический съезд
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
ВМУ – Вестник Московского университета
ВВАЭ – Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень
ВДИ – Вестник древней истории. М.
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАСО – Государственный архив Смоленской области
ГИМ – Государственный Исторический музей
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ДБ – Древности Боспора: международный ежегодник по истории, археологии, эпиграфике, нумизматике и филологии Боспора Киммерийского. М.
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
ЗОРСА РАО – Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ИАК – Императорская Археологическая комиссия
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
КСИА – Краткие сообщения института археологии. М.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры (1939–1960). М.; Л.
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАО – Московское археологическое общество
МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
НГОМЗ – Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
ННЗ – Новгород и Новгородская земля: история и археология. Материалы науч. конф. Великий Новгород
ОАК – Отчет Археологической комиссии
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РА – Российская археология. М.
РАН – Российская академия наук
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГИА – Российский государственный исторический архив
РО НА ИИМК – Рукописный отдел Научного архива ИИМК РАН
РСМ – Раннеславянский мир. М.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СА – Советская археология. М.

САИ – Археология СССР. Свод археологических источников. М.; Л.

СВ – Смоленский вестник

СГВ – Смоленские губернские ведомости

СЕВ – Смоленские епархиальные ведомости

СОМ – Смоленский областной музей

СУАК – Смоленская ученая архивная комиссия

ТАС – Тверской археологический сборник

ТТЗ – Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья

ФО НА ИИМК РАН – Фотоотдел Научного архива ИИМК РАН

ЦАНО – Центральный архив Нижегородской области

BAR – British Archaeological Reports. Oxford

IG – Inscriptionum Graecarum

JAS – Journal of Archaeological Science

ОТ РЕДАКЦИИ

КРАТКИЕ ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Материалы, направляемые для публикации в издание «Краткие сообщения Института археологии», должны быть оформлены по следующим правилам:

1. Содержание рукописи должно соответствовать тематике сборника.
2. Рукопись подается в формате Microsoft Word и в виде распечатки.
3. Материалы должны состоять из: а) основного текста, б) списка литературы, в) подрисуночных подписей, г) резюме и ключевых слов, д) списка сокращений, е) таблиц, ж) иллюстраций, з) сведений об авторе/авторах.
4. Общий объем рукописи (п. 3, а–е) – не выше 0,8 печатного листа (32 тыс. знаков с пробелами) и 3 иллюстраций.
5. Статья должна быть напечатана шрифтом кегля 14 через 1,5 интервала.
6. Нестандартные буквы и знаки в тексте должны быть вписаны от руки в распечатку.

7. Иллюстрации представляются в электронном виде, в отдельных файлах формата TIF (**не вставлять в текст**) и нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте. Необходимо избегать чрезмерного уменьшения изображений, поскольку размер иллюстраций в печатном виде составляет 13 × 19 см.

В подрисуночной подписи кратко расшифровываются все условные обозначения. Черно-белые иллюстрации сканируются в режиме «градации серого», масштаб 1:1; фотографии – с разрешением не ниже 300 dpi, штриховые рисунки – не ниже 600 dpi.

8. Таблицы (цифровые и текстовые) представляются в отдельных файлах (**не вставлять в текст**) и нумеруются в соответствии с порядком ссылок на них в тексте.

9. Список литературы дается в алфавитном порядке. Он состоит из двух частей: а) издания на кириллице, б) на латинице. Например:

Седов В. В., 1979а. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука. 158 с.

Леонтьев А. Е., 2012. На берегах озер Неро и Плещеево // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера. С. 162–177.

Lloyd S., Mellaart J., 1962. Beycesultan. Vol. I: The Late Chalcolithic and Early Bronze Age levels. London: British Institute of Archaeology at Ankara. 296 p.

10. Представляются ключевые слова (до 10) и русский текст резюме (0,5 страницы).

Более подробно см. на сайте издания ksia.iaran.ru.

Материалы направляются на электронный адрес редакции ksia@iaran.ru.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 231–240 ВЫПУСКАХ КСИА

- Авилова Л. И.* Анатолийские клады металлических изделий (эпоха раннего металла). Анализ состава комплексов. 2014, вып. 236, 26–33.
- Авилова Л. И.* О слитках металла из анатолийских кладов (эпоха бронзы). 2015, вып. 238, 49–67.
- Авилова Л. И.* Кольцевидные подвески балкано-карпатского типа в Анатолии и ситуация перехода к раннебронзовому веку. 2015, вып. 239, 184–194.
- Алаева И. П.* Специфика керамического комплекса позднего бронзового века степной части Южного Зауралья. 2014, вып. 233, 33–46.
- Александрова О. И.* Органические остатки на кремневых изделиях из второго мезолитического слоя пещеры Двойная (по данным трасологического анализа). 2014, вып. 235, 121–130.
- Алешинская А. С., Спиридонова Е. А., Кочанова М. Д.* Антропогенные изменения ландшафтов в окрестностях средневековых поселений: палинологический аспект. 2014, вып. 234, 362–376.
- Амиров Ш. Н.* Месопотамско-кавказские связи IV–III тыс. до н.э. в свете климатических флуктуаций. 2014, вып. 233, 3–18.
- Амиров Ш. Н.* Об архитектонике и принципах формирования храмового комплекса Телля Хазна I, вып. 236, 21–26.
- Амирханов Х. А.* Археологические материалы Центрального Дагестана в контексте проблемы первоначального расселения человека. 2014, вып. 235, 3–14.
- Анойкин А. А.* Раннепалеолитическая мелкоорудийная индустрия местонахождения Рубас-1 (Приморский Дагестан). 2014, вып. 235, 102–121.
- Антипина Е. Е., Яворская Л. В.* Реконструкция размеров крупного рогатого скота по остеологическим материалам из средневековых городов и селищ на территории Европейской части России. 2014, вып. 236, 331–339.
- Антипина Е. Е., Усачук А. Н., Цимиданов В. В.* Новая информация о костях животных из погребальных комплексов днепро-донской бабинской культуры (могильник Мариенфельд). 2015, вып. 240, 284–290.
- Антипушина Ж. А., Леонова Е. В., Тиунов А. В.* Анализ стабильных изотопов углерода и азота в раковинах наземных брюхоногих моллюсков из мезолитических слоев пещеры Двойная на Северо-Западном Кавказе. 2014, вып. 234, 287–299.
- Антонова Е. В.* Об обрядах создателей «цивилизации Окса». 2015, вып. 238, 68–81.
- Армарчук Е. А.* Набор турецкого фаянса из Северо-Восточного Причерноморья. 2015, вып. 237, 271–280.
- Артемова Н. Г.* Храм на мысе Обрывистом. 2015, вып. 237, 302–311.
- Афанасьев Г. Е.* Статистическая проверка гипотезы о возведении стен Маяцкого городища методом «тычок-ложок». 2014, вып. 236, 244–252.
- Афанасьев Г. Е.* О самоидентификации Хазарского каганата в IX в. (по данным системы обороны). 2015, вып. 238, 98–114.
- Афанасьев Г. Е.* Алексеевское городище как памятник салтово-маяцкой культуры. 2015, вып. 239, 339–357.
- Афанасьев Г. Е., Добровольская М. В., Коробов Д. С., Решетова И. К.* Новые археологические, антропологические и генетические аспекты в изучении донских алан. 2015, вып. 237, 64–80.
- Бадеев Д. Ю.* Городская планировка Болгара к юго-западу от Соборной мечети в 30–70 гг. XIV в. 2015, вып. 237, 188–200.

- Балабина В. И.* Особенности контекста культовых предметов, принадлежащих финальному халколитическому горизонту телля Юнаците. 2014, вып. 236, 33–38.
- Балабина В. И.* Кухонные сосуды Кукутени-Триполья с символикой животных. 2015, вып. 239, 170–183.
- Балабина В. И., Мишина Т. Н., Мамедов И. З., Лебедев Ю. Б., Курносов А. А., Устюгова С. В.* Пол младенцев на телле Юнаците в контексте погребального обряда (эпоха ранней бронзы). 2013, вып. 231, 172–183.
- Бейлекчи Вал. В.* Кресала муромы. 2015, вып. 239, 369–383.
- Беляев Л. А.* Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь – памятник культуры Нового времени: вклад 2014 года. 2014, вып. 236, 272–277.
- Беляев Л. А.* Новые плиты иноземцев XVII века в Московии: предварительная публикация. 2015, вып. 240, 223–232.
- Березин Я. Б., Маслов В. Е.* Погребения с кромлехом у северного подножия горы Машук. 2015, вып. 238, 151–160.
- Берсенева Н. А.* О подходах к изучению милитаризации синташтинского общества. 2013, вып. 231, 36–43.
- Болелов С. Б., Колганова Г. Ю., Никифоров М. Г.* Элементы гармонизации в архитектуре памятника Кой-Крылган-кала. 2015, вып. 237, 177–187.
- Бондаренко А. В.* Нарушенные погребения ирменской культуры эпохи поздней бронзы Западной Сибири. 2015, вып. 237, 142–157.
- Бондаренко Д. М.* Государство: сущность феномена. 2015, вып. 238, 13–25.
- Бужилова А. П.* Биоархеологический анализ фрагментарных антропологических материалов из неолитического памятника Сакаровка I (Молдавия). 2014, вып. 234, 299–320.
- Бужилова А. П.* Антропологические исследования В. В. Седова. К проблеме этногенеза славян. 2015, вып. 240, 12–19.
- Бузов В. А.* Медные бирки с именами монахов из Соловецкого монастыря. 2014, вып. 236, 293–297.
- Бузов В. А.* Кирпичи с клеймами и надписями XVII–XIX вв. из Соловецкого монастыря (по материалам археологических раскопок). 2015, вып. 240, 233–241.
- Вдовченко Е. В.* Уровень сложности сарматских обществ Подонья на основе формальных кросс-культурных методик. 2015, вып. 239, 43–53.
- Виноградова Е. А., Леонова Н. Б.* Северо-западный участок основного слоя верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II. 2014, вып. 235, 226–244.
- Владимиров С. И.* Топоры Маяцкого археологического комплекса. 2015, вып. 239, 358–368.
- Волкова Е. В.* Социальная организация населения фатьяновской культуры (предварительные итоги). 2014, вып. 236, 38–42.
- Волкова Е. В.* Опыт разработки новой относительной хронологии фатьяновских могильников. 2015, вып. 240, 155–162.
- Воронин К. В., Долгих А. В., Мацковский В. В.* Сравнительное радиоуглеродное и дендрохронологическое датирование иконы «Богоматерь Иерусалимская». 2014, вып. 236, 349–354.
- Воронцов А. М.* Поздний период существования мощинской культуры. 2014, вып. 235, 310–327.
- Внуков С. Ю.* Раскопки на городище Кара-Тобе (Северо-Западный Крым) в 2014 г. 2015, вып. 237, 167–177.
- Внуков С. Ю.* Продолжительность использования античных винных амфор. 2015, вып. 238, 161–169.
- Габуев Т. А.* «Княжеские» аланские курганы на Верхнем Тереке (Брут, Беслан). 2014, вып. 234, 84–95.
- Гарбузов Г. П., Лукьяшко С. И., Раев Б. А.* Археологические данные к проблеме возникновения межобщинной иерархии в Прикубанье в I–III вв. н.э. (к постановке проблемы). 2015, вып. 239, 54–60.
- Гаврилов К. Н., Воскресенская Е. В., Дука К., Мащенко Е. Н.* Стоянка Хотылёво 2 – пункт В: новые данные о возрасте и пространственной организации культурного слоя. 2014, вып. 235, 130–152.

- Гаврилов К. Н., Гей А. Н.* Отдел камня и бронзы Института археологии РАН. 2015, вып. 239, 148–149.
- Гавритухин И. О., Седин А. А.* Фибулы с городища Никодимово. 2014, вып. 236, 118–128.
- Гаджиев М. С., Малаишев В. Ю.* «Княжеские» и элитные воинские погребения позднесарматского и гуннского времени в Дагестане. 2014, вып. 234, 9–25.
- Гей А. Н.* Об одной группе энеолитической посуды поселения Мысхако (Восточный холм). 2014, вып. 236, 15–21.
- Гей А. Н., Клещенко А. А.* Исследования курганного могильника Арпачинский III на Нижнем Дону. 2015, вып. 239, 224–239.
- Гиттис А. А., Седов В. В.* Надпись-граффито на стене Николо-Дворищенского собора. 2015, вып. 238, 195–202.
- Глазунова О. Н.* Изразцовые штампы XVII в. из ново-иерусалимских гончарных мастерских. 2015, вып. 240, 196–200.
- Глазунова Е. В., Гайдуков П. Г.* Новый клад волжско-камских слитков («лепешек») из Болгара. 2014, вып. 236, 252–263.
- Глазунова О. Н., Данилов Ю. О.* Горн и мастерская XVIII века для производства поливных изразцов в Солодовых палатах Ново-Иерусалимского монастыря. 2014, вып. 236, 277–281.
- Гмыря Л. Б.* Височные привески как социальные маркеры у кочевников Западного Прикаспия (по материалам Паласа-сыртского курганного могильника IV–V вв.). 2014, вып. 234, 25–43.
- Голубев Л. Э., Чахидзе В. Н.* Средневековые каменные изваяния из окрестностей станции Новодолецкая (Выселковский район Краснодарского края). 2014, вып. 232, 74–80.
- Горбаненко С. А.* Археоботанические исследования материалов из археологического комплекса Горналь. 2014, вып. 234, 353–362.
- Горбаненко С. А.* Палеозтноботанические материалы пражской культуры. 2015, вып. 238, 299–318.
- Горбунов В. В.* Этнокультурные признаки в оформлении железных пластин ламеллярного доспеха. 2013, вып. 231, 78–87.
- Грехова Л. В.* Структура культурного слоя стоянки Елисеевичи по материалам раскопок 1970–1980 гг. 2014, вып. 235, 188–210.
- de Groot V.* Система классификации (поздне-) средневековой керамики и стекла (Deventer systeem). 2015, вып. 237, 258–271.
- Гуляев В. И.* Война и военное дело в обществе ацтеков (XIII–XVI вв. н. э.). 2013, вып. 231, 102–115.
- Гуляев В. И.* Введение. Роль войны и военного дела в развитии древних и средневековых обществ. 2013, вып. 231, 3–10.
- Гуляев В. И.* Ольмеки в доколумбовой Мезоамерике: вождество или государство? 2014, вып. 236, 378–382.
- Гуляев В. И.* Введение. 2015, вып. 238, 7–12.
- Двуреченская Н. Д., Двуреченский О. В., Мокробородов В. В., Рукавишников И. В., Рукавишников Д. В.* Маршрутные исследования на юге Узбекистана в 2013 году. 2014, вып. 236, 69–82.
- Дмитриев С. В.* Доместикация в Китае: попытка обобщения данных. 2015, вып. 238, 82–97.
- Добровольская М. В.* Боевые травмы в изучении антропологических материалов из среднедонских некрополей V–IV вв. до н. э. 2013, вып. 231, 131–141.
- Добровольская М. В., Йованович М. К.* Палеоэкологические аспекты изучения антропологических материалов эпохи позднего неолита из Гомолавы (Сербия) (предварительное сообщение). 2014, вып. 234, 320–338.
- Добровольская М. В., Клещенко Е. А., Богомолов Е. С., Захаров С. Д.* Опыт применения изотопных исследований в изучении погребальных кремаций. 2014, вып. 236, 323–331.
- Дружинина И. А.* Погребение с пряжками-пафти из адыгского могильника Грузинка Ха. 2014, вып. 232, 80–89.
- Дэвлет Е. Г., Ласкин А. Р.* К изучению петроглифов Амура и Уссури. 2014, вып. 232, 8–32.
- Егорьков А. Н., Родинкова В. Е.* Состав металла изделий из Куриловского клада раннесредневекового времени (по результатам оптико-эмиссионной спектрографии). 2014, вып. 233, 168–178.
- Ёлкина И. И.* Текстиль из захоронений XVII в. в Воскресенском соборе Ново-Иерусалимского монастыря. 2014, вып. 236, 281–285.

- Етимахов А. В.* К вопросу о времени бытования и функции редкой разновидности каменных на-
верший булав бронзового века. 2013, вып. 231, 29–36.
- Еськова Д. К., Леонова Е. В.* Мезолитическая стоянка Белый Колодец 1: типологическая и техно-
логическая характеристика каменного инвентаря. 2014, вып. 235, 244–273.
- Жилин М. Г.* Пространственный анализ распределения орудий из кости и рога на мезолитических
стоянках Ивановское 7 и Озерки 5. 2014, вып. 235, 273–296.
- Жилин М. Г.* Костяные наконечники стрел в позднем мезолите Верхнего Поволжья. 2015,
вып. 239, 271–286.
- Жилина Н. В.* Происхождение яруса из очельных дужек в древнерусском головном уборе. 2014,
вып. 236, 171–179.
- Завойкин А. А.* Anathema 18.9 в святилище Деметры и Коры (Береговой 4). 2015, вып. 240, 201–214.
- Завьялов В. И., Терехова Н. Н.* Модели технологического развития в производственной культуре
народов Восточной Европы. 2014, вып. 233, 187–193.
- Завьялов В. И., Терехова Н. Н.* К вопросу о происхождении железных изделий у племен тагарской
культуры. 2014, вып. 236, 109–112.
- Завьялов В. И., Терехова Н. Н.* К проблеме становления железной индустрии на Среднем Енисее
(технологический аспект). 2015, вып. 238, 212–228.
- Зайцева И. Е.* Поясные наборы из могильника Шекшово в Суздальском Ополье. 2014, вып. 236,
161–165.
- Зайцева И. Е., Сапрыкина И. А.* Новые данные к характеристике цветного металла Северо-Восточ-
ной Руси (по материалам исследований в средневековом Ярославле). 2014, вып. 233, 193–209.
- Закурина Т. Ю., Гофман Г. С., Степанов С. В.* Захабы Изборской крепости (к вопросу о началь-
ных этапах строительства). 2015, вып. 240, 57–70.
- Захаров С. Д.* Информационный потенциал культурного слоя, пострадавшего от распашки. 2014,
вып. 233, 100–113.
- Захаров С. Д.* Новые методы полевых исследований и проблемы интерпретации коллекций сте-
клянных бус. 2014, вып. 236, 184–191.
- Захаров С. Д., Зозуля С. С.* Новые полевые исследования на территории Тимеревского археологи-
ческого комплекса. 2014, вып. 236, 157–161.
- Зеленцова О. В.* Новые исследования Подболотьевского могильника. 2014, вып. 236, 219–230.
- Зеленцова О. В., Яворская Л. В.* К вопросу об особенностях ритуальных действий с животными
в погребальных обрядах муромы (по археозоологическим материалам Подболотьевского мо-
гильника). 2014, вып. 232, 160–170.
- Зимина М. П.* Неолитические памятники Валдайского Приозерья (расположение, организация
пространства). 2014, вып. 235, 296–306.
- Ильюков Л. С.* Кто осаждал Ливенцовско-Каратаевскую крепость в низовьях Дона? 2013,
вып. 231, 21–29.
- Исланова И. В.* Поселения раннего железного века на Верхней Волге (источниковая база). 2014,
вып. 233, 46–55.
- Исланова И. В.* Культурная ситуация в ареале псковских длинных курганов. 2014, вып. 235,
327–342.
- Исланова И. В.* Словене между Лугой и Мологой (эволюция взглядов В. В. Седова на новгород-
ские сопки). 2015, вып. 240, 35–43.
- Исланова И. В.* Городища культуры псковских длинных курганов в бассейне Мсты. 2015,
вып. 239, 384–392.
- Иштванович Э., Кульчар В.* «Вождеские» погребения и центры власти позднеримского вре-
мени и эпохи Великого переселения народов в Карпатском бассейне. 2014, вып. 234, 252–262.
- Казанский М. М., Перен П.* «Королевские» и «вождеские» погребения раннемеровингского вре-
мени в Галлии: состояние исследований. 2014, вып. 234, 262–286.

- Казарницкий А. А., Волошинов А. А. Первые результаты исследования антропологических материалов из «коллективных захоронений» у с. Брянское в Юго-Западном Крыму. 2015, вып. 240, 270–283.
- Казарницкий А. А., Туркина И. С. Форма могильной ямы и положение скелета: опыт анализа изменчивости методами геометрической морфометрии. 2015, вып. 238, 271–287.
- Канторович А. Р. Восточноевропейский скифский звериный стиль и предметы скифского вооружения (статистический анализ). 2014, вып. 233, 55–64.
- Клевис Х. Введение в Deventer systeem. 2015, вып. 240, 190–195.
- Клещенко А. А. О так называемых успенском и андрюковском этапах металлообработки в эпоху средней бронзы на Северном Кавказе. 2014, вып. 236, 49–55.
- Ковалев А. А. Синьчжуантоу М30 – погребение знатного представителя пазырыкцев-«лоуфаней» на службе вана китайского царства Янь (середина III в. до н. э.). 2015, вып. 238, 229–242.
- Коваль В. Ю. Оборонительные сооружения Ростиславля Рязанского в контексте исследований средневековой русской фортификации. 2014, вып. 236, 134–139.
- Коваль В. Ю. Фламандские текстильные пломбы из раскопок средневекового базара в Болгаре и некоторые аналогии с территории Руси. 2015, вып. 237, 211–222.
- Коваль В. Ю., Бадеев Д. Ю. Исследования центрального базара Болгара в 2012–2013 гг. 2015, вып. 237, 188–200.
- Корневский С. Н. Уточнение колонки радиоуглеродных дат Большого Ипатовского кургана и особенностей символики его конструкции. 2014, вып. 236, 42–49.
- Корневский С. Н. Новая находка энеолитического скипетра на р. Фарс. 2015, вып. 237, 104–113.
- Корневский С. Н. Образ хищной птицы в искусстве бронзового века Древнего Востока и Кавказа и миф о Древе Жизни на пороге государственности. 2015, вып. 239, 86–100.
- Корневский С. Н., Албегова (Царикаева) З. Х. Межсекторальная группа Института археологии РАН по изучению археологии Кавказа (итоги работ 2010–2014 гг.). 2015, вып. 237, 312–317.
- Корневский С. Н., Кизилов А. С. Об изготовлении керамики майкопско-новосвободненской общности и моделировании следов поворотного устройства. 2015, вып. 239, 195–210.
- Корниенко Т. В. Социокультурные изменения в северомесопотамских сообществах эпохи эппалеолита и докерамического неолита как важный этап на пути к цивилизации. 2015, вып. 238, 26–34.
- Коробов Д. С. История изучения поселений салтово-маяцкой культуры: старые парадигмы и новые подходы. 2014, вып. 233, 121–133.
- Коробов Д. С. Аланские «вождеские» погребения и центры власти в Кисловодской котловине в раннем Средневековье. 2014, вып. 234, 95–115.
- Коробов Д. С., Малашев В. Ю., Фассбиндер Й. Предварительные результаты раскопок на курганном могильнике Левоподкумский 1 близ Кисловодска. 2014, вып. 232, 120–136.
- Король Г. Г. Орнитоморфные мотивы в средневековом искусстве Саяно-Алтая: семантика и традиции. 2015, вып. 240, 253–261.
- Кочкаров У. Ю. К развитию ремесла на Хумаринском городище, Карачаево-Черкесия. 2014, вып. 236, 240–244.
- Крадин Н. Н. Основные закономерности происхождения государства. 2015, вып. 239, 7–27.
- Кренке А. Н., Кренке Н. А. Археологическая карта курганов XI–XIII вв. в бассейне Москвы-реки: подходы к выявлению локальных структур и центра поселенческой системы. 2014, вып. 232, 64–74.
- Кренке Н. А. Финал дьяковской культуры в Подмосковье. 2014, вып. 235, 342–363.
- Кренке Н. А., Александровский А. Л., Еришов И. Н., Еришова Е. Г., Лазукин А. В. Памятники шнурового и «постшнурового» горизонтов бронзового века на Москве-реке. 2013, вып. 231, 208–224.
- Кренке Н. А., Еришов И. Н., Аникин И. С., Войцик А. А., Муренцева Т. Ю., Раева В. А., Лавриков М. В., Столярова Т. В. Новые данные об археологии Соборной горы в Смоленске. 2015, вып. 240, 141–149.
- Кузина И. Н. Торговля стеклянными бусами в Древней Руси: некоторые вопросы отечественной историографии. 2014, вып. 236, 179–184.
- Кузьминых С. В., Виноградов Н. Б. «Парадная» секира из-под Юрюзани. 2015, вып. 240, 242–252.
- Куклина А. А. Гончарная керамика Болгарского городища: новые керамологические исследования. 2015, вып. 237, 222–232.

- Ласкин. А. Р.* О результатах обследования петроглифов Сикачи-Аляна и Шереметьево в 2014 г. 2014, вып. 236, 82–86.
- Лебедева Е. Ю., Кубанкин Д. А.* Уникальные находки редких растений в золотоордынском городе Укеке. 2014, вып. 236, 339–345.
- Леванова (Острирова) Е. С.* Социально-политическое развитие культуры муисков (Колумбия) в свете археологических данных. 2015, вып. 239, 131–139.
- Леонова Е. В.* Предварительные результаты новых исследований пещеры Двойная в Губском ущелье. 2014, вып. 236, 11–15.
- Леонова Е. В., Медникова М. Б.* Антропологические материалы из мезолитических слоев пещеры Двойная (Северо-Западный Кавказ). 2015, вып. 239, 326–338.
- Леонтьев А. Е.* Раскопки на городище у с. Еськи в 1997 г. 2014, вып. 236, 144–150.
- Леонтьев А. Е.* О «мерянской гипотезе» В. В. Седова. 2015, вып. 240, 112–123.
- Лихачева О. С.* Комплексы вооружения и развитие тактики боя у населения лесостепного Алтая во второй половине I тыс. до н. э. 2013, вып. 231, 49–59.
- Лопатин Н. В.* О задачах составления справочника терминов культурно-хронологической атрибуции в археологии России. 2014, вып. 236, 365–370.
- Лопатин Н. В., Родинкова В. Е.* Введение. О В. В. Седове и его научном наследии. 2015, вып. 240, 7–11.
- Лопатин Н. В., Харлашов Б. Н.* Новые данные об округе Изборска в X–XII вв. 2015, вып. 240, 44–56.
- Лопатина О. А.* Морфология сосудов дьяковской культуры. 2014, вып. 236, 112–118.
- Лопатина О. А.* О происхождении одного вида отпечатков на поверхности «текстильной» керамики. 2015, вып. 240, 163–171.
- Лукьяшко С. И.* Военно-политическая ситуация на Нижнем Дону в IV в. до н. э. 2013, вып. 231, 43–49.
- Лунькова Ю. В., Луньков В. Ю.* Грунтовые могильники срубной КИО (предварительные результаты). 2014, вып. 236, 55–61.
- Любин В. П., Беляева Е. В.* Макро-ножи в ашеле Кавказа. 2014, вып. 235, 44–60.
- Макаров Н. А., Гайдуков П. Г.* Печать князя Михалки Юрьевича из Суздальского Ополя. 2013, вып. 231, 224–231.
- Макаров Н. А., Зеленцова О. В., Коробов Д. С., Ворошилов А. Н., Черников А. П.* Геоинформационная система «археологические памятники России»: методические подходы к разработке и первые результаты наполнения. 2015, вып. 237, 7–20.
- Макаров Н. А., Федорина А. Н.* Феномен «больших поселений» Северо-Восточной Руси X–XI вв. 2015, вып. 238, 115–131.
- Макушиников О. А.* Колочинская культура в Гомельском Поднепровье и сменяющие ее памятники VIII–IX вв. 2014, вып. 235, 363–381.
- Малашев В. Ю.* Аланская культура Северного Кавказа: проблема ранней государственности у населения региона во II–IV вв. н. э. 2014, вып. 234, 72–84.
- Мальшев А. А.* Культовая античная терракота на юго-востоке азиатского Боспора. 2014, вып. 233, 133–145.
- Мамаев Х. М.* «Княжеское» погребение у г. Магас (Ингушетия). 2014, вып. 234, 55–72.
- Масленников А. А.* О боспорской хронографии и боспорской археологии (Опыт сравнительно-относительной хронологии городищ европейского Боспора периода «зрелого» эллинизма). 2015, вып. 238, 132–150.
- Масленников А. А., Меснянкина С. В.* Археологические полевые исследования на территории России в 2014 году (статистика и предварительный анализ). 2014, вып. 236, 355–361.
- Масленников А. А., Супренков А. А., Ковальчук А. В., Кузина Н. В.* Раскопки поселений эллинистического времени в Крымском Приазовье в 2014 г. 2014, вып. 236, 90–99.
- Мастыкова А. В.* «Княжеский» костюм с золотыми аппликациями в эпоху Великого переселения народов. 2014, вып. 232, 136–151.
- Мастыкова А. В.* Введение. «Вождеская» культура Северного Кавказа эпохи Великого переселения народов и общеевропейский контекст. 2014, вып. 234, 3–9.

- Мастыкова А. В., Земцов Г. Л.* «Княжеское» женское погребение на поселении Мухино-2 гуннского времени на Верхнем Дону. 2014, вып. 234, 200–223.
- Медникова М. Б.* Радиологические методы в палеоантропологии и археологии: динамика развития. 2014, вып. 236, 307–313.
- Медникова М. Б.* Биоархеология неандертальских погребений с территории Франции и Крыма. 2015, вып. 238, 243–261.
- Медникова М. Б., Моисеев В. Г., Хартанович В. И.* Обряды перехода в каменном веке по данным физической антропологии. 2015, вып. 237, 50–64.
- Медникова М. Б., Тарасова А. А.* Опыт применения метода геометрической морфометрии в определении степени сходства и биологического родства погребенных в Пепкинском кургане эпохи средней бронзы. 2014, вып. 234, 338–353.
- Медникова М. Б., Энгватова А. В., Решетова И. К., Шведчикова Т. Ю., Васильева Е. Е.* Эпидемиология войны и смуты: антропологический и письменный источники в изучении качества жизни населения русского города XVI–XVII вв. (на примере Ярославля). 2013, вып. 231, 154–171.
- Медынцева А. А.* Комплекс надписей художников из храма Софии Новгородской (по материалам надписей-граффити XI – начала XII в.). 2014, вып. 236, 198–205.
- Медынцева А. А.* Автографы писцов-изографов посадника Остромира из Новгородской Софии. 2015, вып. 240, 215–222.
- Мельник В. И.* Фазы перемен в культурах степей Восточной Европы и цивилизациях Ближнего Востока III–II тыс. до н. э. 2015, вып. 239, 61–71.
- Мещерин М. Н.* О «непластинчатых» индустриях в верхнем палеолите Забайкалья. 2014, вып. 232, 90–100.
- Миклашевич Е. А.* Наскальные изображения в Гроле Проскуракова (Хакасия). 2014, вып. 232, 32–43.
- Милованов С. И., Зеленцова О. В.* Планировка северо-западной части Печерного города Владимира на Клязьме в эпоху Средневековья. 2014, вып. 233, 113–121.
- Мимоход Р. А.* Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: от криволукской культурной группы к волго-донской бабинской культуре. 2014, вып. 232, 100–120.
- Мимоход Р. А.* Лепестковидные бусы финала средней бронзы как культурно-хронологический индикатор. 2014, вып. 233, 18–33.
- Миненко В. В., Ясанов А. В.* Археологические исследования на территории Карачевской крепости XII–XVII вв. в 2012 г. 2014, вып. 232, 213–220.
- Михайлова Е. Р.* Культура псковских длинных курганов: современное состояние исследований и роль В. В. Седова в ее изучении. 2015, вып. 240, 20–34.
- Мишина Т. Н.* Аскосы раннебронзовых поселений телля Юнаците (Болгария). 2015, вып. 239, 150–169.
- Моргунов Ю. Ю.* К локализации летописного города Горошина. 2014, вып. 236, 139–144.
- Мунчаев Р. М., Амиров Ш. Н.* Телль Хазна I. Между первой и второй городскими революциями в Хабурской степи Северной Месопотамии. 2015, вып. 238, 35–48.
- Нюшков В. А.* Воинское сословие в Ассирии. Историко-культурное исследование. 2014, вып. 234, 140–158.
- Никитина Т. Б.* Население верхнего Поволжья в начале II тыс. н. э.: новые материалы. 2015, вып. 240, 124–140.
- Обломский А. М.* Поселение Подгородная Слобода-2 и некоторые проблемы изучения раннего железного века лесного Поднепровья. 2014, вып. 232, 43–64.
- Обломский А. М.* О семинаре «VII в. в Поднепровье и Поочье: проблема смены археологических культур». 2014, вып. 235, 307–309.
- Обломский А. М., Разуваев Ю. Д.* Грунтовые погребения скифского времени у с. Ксизово на Верхнем Дону. 2013, вып. 231, 183–195.
- Обломский А. М., Родинкова В. Е.* Этнокультурный перелом в Поднепровье в VII в. н. э. Хронология событий. 2014, вып. 235, 381–404.

- Ожерельев Д. В.* Типология изделий со вторичной обработкой слоя 74 раннепалеолитической стоянки Мухкай II (Дагестан). 2014, вып. 235, 60–82.
- Олейников О. М.* К вопросу о назначении свинцовых грузиков X–XV вв. 2014, вып. 232, 189–195.
- Олейников О. М.* Наперсная иконка начала XV в. с изображением святителя Николая Чудотворца. 2014, вып. 233, 209–216.
- Олейников О. М.* Путевой складень XVIII в. из Великого Новгорода. 2014, вып. 236, 285–293.
- Ольховский С. В.* Спасательные археологические исследования на судне «Архангел Рафаил» в 2014 г. 2014, вып. 236, 297–300.
- Очир-Горяева М. А.* Устройство скифского кургана и его ориентация по странам света. 2014, вып. 233, 72–88.
- Ошибкина С. В.* О вооруженных столкновениях мезолитического населения на Севере Восточной Европы. 2013, вып. 231, 10–21.
- Ошибкина С. В.* Об интерпретации условных изображений из памятников раннего голоцена Севера Восточной Европы. 2015, вып. 239, 287–300.
- Панасюк Н. В.* Курильницы суворовской катакомбной культуры. 2015, вып. 237, 126–142.
- Писарёв Е. М.* Исследования средневекового некрополя Селитренного городища в 2013 г. 2015, вып. 237, 232–238.
- Попов А. С.* Меч Николы Можайского (о деревянной скульптуре XIV в. из собрания Государственной Третьяковской галереи). 2013, вып. 231, 123–131.
- Равич И. Г., Рындина Н. В.* Серебристые мышьяковые покрытия на изделиях майкопской культуры (по данным лабораторного моделирования). 2015, вып. 237, 90–104.
- Радюш О. А.* «Княжеская» и «вождеская» культура начала V века в Среднем Поднепровье: новые исследования и находки. 2014, вып. 234, 234–252.
- Разуваев Ю. Д.* Новый погребальный комплекс скифского времени на Семилукском городище. 2015, вып. 237, 157–167.
- Решетова И. К.* Предварительная палеоантропологическая характеристика погребений эпохи бронзы могильника Ксизово 19. 2013, вып. 231, 195–208.
- Родинкова В. Е.* Раннеславянский женский убор римского и раннесредневекового времени (проблемы и изучение источников). 2014, вып. 233, 88–100.
- Родинкова В. Е.* К проблеме выделения балтских элементов в женском уборе «мартыновского» типа. 2015, вып. 240, 91–111.
- Ртвеладзе Э. В., Горин А. Н., Двуреченская Н. Д., Шейко К. А.* Монетные находки из крепости Узундара. 2014, вып. 233, 151–160.
- Рукавишников И. В.* К вопросу изучения доспехов евразийской степи раннего железного века (аналогии, взаимовлияние и происхождение). 2013, вып. 231, 71–78.
- Рукавишников И. В., Мокрородов В. В., Горин А. Н., Гладченков А. А.* Газкала – новый памятник цивилизации Бактрийско-Маргианского археологического комплекса. 2015, вып. 239, 72–85.
- Румянцева О. С.* Стекло I тыс. н. э.: происхождение и распространение по данным химического состава и изотопного анализа. 2015, вып. 237, 20–50.
- Румянцева О. С., Войнаровский В. Н.* Стекланные жетоны из Комарова: предмет римского импорта или «импорт идеи»? 2014, вып. 233, 145–151.
- Рындина Н. В., Равич И. Г.* Новые данные о технологии производства бронзовых мотыг майкопской культуры Северного Кавказа. 2015, вып. 239, 211–223.
- Савенко С. Н.* Еще одно захоронение представителя аланской социальной элиты начала раннего Средневековья из Кисловодской котловины (по архивным материалам А. П. Рунича). 2014, вып. 234, 115–140.
- Савченко И. А.* От архаики к классике: восточные низменности майя (северо-восток Гватемалы) в I тыс. до н. э. 2015, вып. 239, 101–111.
- Сапрыкина И. А.* Ювелирные изделия из раскопок «Рубленого города» Ярославля. 2014, вып. 232, 170–189.

- Сапрыкина И. А.* Состав металла изделий из Куриловского клада раннесредневекового времени (по результатам рентгенофлуоресцентного анализа). 2014, вып. 233, 178–187.
- Сапрыкина И. А.* Техника изготовления и химический состав золотых изделий из погребения № 1 на поселении Мухино-2 в контексте определения «маркеров статусности». 2014, вып. 234, 223–234.
- Сапрыкина И. А.* Предварительные результаты исследования химического состава цветного металла VIII–X вв. из Подболотьевского могильника. 2014, вып. 236, 230–235.
- Сафронов А. В.* Военные походы у древних майя: организация и логистика. 2013, вып. 231, 87–102.
- Сафронов А. В.* Формирование раннего государства майя в Вашактуне. 2015, вып. 239, 112–130.
- Седов Вл. В.* Каменный саркофаг из новгородского Пантелеймонова монастыря. 2014, вып. 236, 205–211.
- Селезнёв А. Б.* Исследования раннепалеолитической стоянки Мухкай I в 2011–2013 гг. 2014, вып. 235, 82–102.
- Селезнёв А. Б.* Кремневый инвентарь из слоя 32 нижнепалеолитической стоянки Мухкай I. 2015, вып. 239, 258–270.
- Семенов И. Г.* Место правителя восточнокавказских гуннов в иерархии государства европейских гуннов (по данным «Истории страны Алуанк»). 2014, вып. 234, 43–55.
- Сергин В. Я., Ахметгалева Н. Б., Мащенко Е. Н.* Обработанная кость из раскопок 1970–80-х гг. поселения Гонцы (Украина, Полтавская область). 2014, вып. 235, 152–188.
- Серегин Н. Н.* Социальный контекст комплекса вооружения в погребальном обряде раннесредневековых тюрок Центральной Азии. 2013, вып. 231, 115–123.
- Симоненко А. А., Александрова О. И.* Функционально-планиграфический анализ материалов комплекса № 2 первого слоя стоянки Третий мыс. 2014, вып. 235, 210–226.
- Скаков А. Ю., Джошуа А. И.* Керамика могильника Джантух эпохи раннего железа (Восточная Абхазия). 2014, вып. 236, 99–109.
- Скворцов К. Н.* Средневековый шлем из могильника Кляйнхайде. 2014, вып. 232, 203–213.
- Скворцов К. Н., Хохлов А. Н.* Погребение всадника конца V – первой половины VI в. из могильника Шоссейное Калининградской области (предварительное сообщение). 2014, вып. 232, 151–160.
- Смирнов А. С.* Формирование социальной базы дореволюционной российской археологии. 2014, вып. 236, 370–374.
- Смирнов А. С. В. А.* Городцов как представитель московской археологической школы дореволюционного времени. 2015, вып. 240, 317–327.
- Солдатова Т. Е.* Роговая индустрия верхнепалеолитической стоянки Сунгирь. 2014, вып. 233, 160–167.
- Соловьёва Л. Н.* Результаты определения древесных пород оборонительных сооружений Албазинского острога. 2014, вып. 236, 345–349.
- Сорокин А. Н.* Пургасовская культура: к 30-летию изучения. 2015, вып. 239, 301–325.
- Сорокина И. А.* Становление современных норм учета и хранения археологических коллекций в России. 2014, вып. 236, 361–365.
- Сорокина И. А.* Московская секция Академии истории материальной культуры. 2015, вып. 240, 328–340.
- Спиридонова Е. А., Алешинская А. С., Кочанова М. Д.* Результаты палинологических исследований на городище Старая Рязань. 2015, вып. 240, 291–300.
- Стефанов В. И., Кузьминых С. В., Ханов С. А.* Таборинская миниатюра (к вопросу о конструкции кельтов эпохи бронзы и раннего железа). 2014, вып. 236, 61–69.
- Столярова Е. К., Журухина Е. Ю.* Находка стеклянного слитка из Киева. 2014, вып. 232, 195–203.
- Стрикалов И. Ю.* Гончарный горн XI века из Старой Рязани. 2014, вып. 236, 263–271.
- Стрикалов И. Ю., Кузина И. Н.* Новая находка импортного стеклянного сосуда из острога Переяславля Рязанского. 2015, вып. 240, 262–269.
- Стрикалов И. Ю., Чернецов А. В.* Новые исследования в Старой Рязани 2015, вып. 236, 150–157.
- Суханов Е. В.* Об объемах средневековых «причерноморских» амфор. 2015, вып. 240, 172–189.
- Тарасова А. А.* Оценка степени родства населения средневекового Ярославля по данным антропологии. 2015, вып. 238, 288–298.

- Тихонов И. Л.* Много историй одной науки (о различных подходах к истории археологии). 2015, вып. 240, 301–316.
- Тишкин А. А., Матренин С. С.* Воинское погребение раннежужанского времени на могильнике Степушка-I в Центральном Алтае. 2013, вып. 231, 59–71.
- Тишкин А. А., Серёгин Н. Н.* Основные результаты изучения социальных систем у кочевых народов Алтая поздней древности и раннего Средневековья по археологическим материалам. 2015, вып. 239, 28–42.
- Требелева Г. В., Сакания С. М., Юрков Г. Ю.* Маркульский археологический комплекс. 2015, вып. 237, 292–302.
- Требелева Г. В., Юрков Г. Ю., Горлов Ю. В., Цвинария И. И., Агумаа А. С., Кайтан Ш. Г.* Использование физико-химических методов в исследованиях технологии строительства в средневековой Абхазии и проблемы датировки. 2014, вып. 232, 220–228.
- Трегубов В. Е., Яблонский Л. Т.* Горит из Филипповки. 2014, вып. 233, 64–72.
- Успенский П. С., Добровольская М. В., Клеценко Е. А., Шишлов А. В., Федоренко Н. В.* Воинские погребения по обряду трупосожжения биритуального могильника Кедровая Роща. 2013, вып. 231, 141–154.
- Фахри А. И.* Об особенностях изображений трона правителя в монументальной скульптуре майя второй половины I тыс. н. э. из Пьедрас-Неграс, Гватемала. 2015, вып. 239, 140–147.
- Фараджева Н. Н.* Нестандартные постройки, исследованные на Троицком раскопе в Новгороде. 2014, вып. 236, 191–198.
- Федорина Н. А.* Средневековые памятники у села Весь под Суздалем. 2014, вып. 236, 165–171.
- Флёров В. С.* К периодизации ниже-донских крепостей Хазарского каганата. 2014, вып. 236, 235–240.
- Хохлов А. Н.* Исследования госпитальных массовых захоронений солдат и офицеров Великой армии Наполеона на участке северного обвода «Первого вального укрепления» Кёнигсберга. 2014, вып. 236, 300–306.
- Храпунов И. Н., Стоянова А. А.* Об имущественной и социальной дифференциации населения предгорного Крыма позднекримского времени. 2014, вып. 234, 176–200.
- Храпунов И. Н., Казанский М. М.* Погребение № 114 на могильнике Нейзац (предгорный Крым) и древности кочевников Северного Причерноморья второй половины V – первой половины VI в. 2015, вып. 238, 170–194.
- Цетлин Ю. Б.* Формы сосудов как объект анализа и источник исторической информации. 2014, вып. 236, 374–378.
- Цетлин Ю. Б.* Понятия «качества» для анализа объема сосудов. 2015, вып. 239, 393–408.
- Цетлин Ю. Б.* О необходимости упорядочения понятий и терминов в связи с изучением древней керамики. 2015, вып. 240, 150–154.
- Чернецов А. В.* Восточноевропейское средневековье по данным археологии. Динамика трансформаций и перспективы изучения 2014, вып. 236, 129–134.
- Чхаидзе В. Н.* Котлы из погребений кочевников Степного предкавказья XI–XIV вв. 2015, вып. 237, 280–292.
- Шарганова О. Л.* Новые данные о технологии изготовления лепной керамики из раскопок поселения Весь 5 в Суздальском Ополе. 2015, вып. 237, 252–258.
- Шаров О. В.* Элита позднеантичного Боспора: погребение с Золотой маской. 2014, вып. 234, 158–176.
- Шведчикова Т. Ю.* О факторах сохранности костной ткани в погребениях. 2014, вып. 236, 320–323.
- Шишлина Н. И., Ларионова Ю. О., Эрлих В. Р., Ковалев Д. С., ван дер Плихт Й.* Погребения майкопской культуры из могильника Синюха: результаты изотопного исследования. 2015, вып. 238, 262–276.

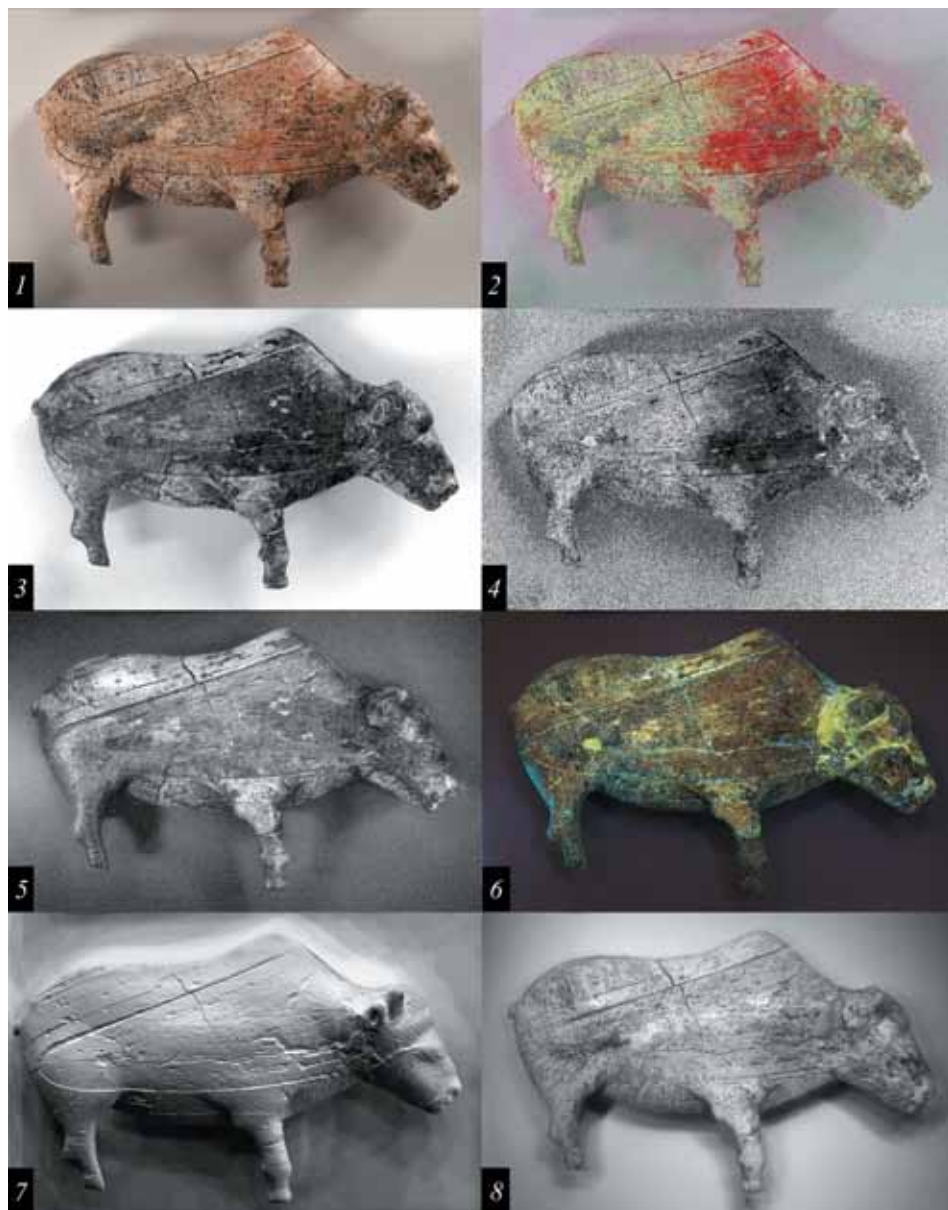
- Шишов А. В., Колпакова А. В., Федоренко Н. В., Гей А. Н.* Поселение Катусвина Кривица 2 – новый памятник майкопской культуры на Западном Кавказе (предварительное сообщение). 2015, вып. 237, 113–126.
- Шнеевайсс Й.* Славянская археология в Германии после Второй мировой войны: научная направленность вчера и сегодня. 2015, вып. 240, 71–90.
- Щелинский В. Е.* Возраст, функциональные особенности и каменная индустрия эоплейстоценовой раннепалеолитической стоянки Родники 1 в Западном Предкавказье. 2014, вып. 235, 14–44.
- Щелинский В. Е., Тесаков А. С., Титов В. В., Симакова А. Н., Фролов П. Д., Куршаков С. В.* Раннеплейстоценовая стоянка Кермек в Западном Предкавказье (предварительные результаты комплексных исследований). 2015, вып. 239, 240–257.
- Щербаков В. Л.* Технология изготовления рабочих топоров в центре Северо-Восточной Руси. 2015, вып. 238, 203–211.
- Энговатова А. В., Медникова М. Б., Радюш О. А., Пилипенко А. С., Шведчикова Т. Ю., Решетова И. К., Васильева Е. Е.* Комплексные междисциплинарные исследования на объекте культурного наследия федерального значения «Могила Ермолова Алексея Петровича (1772–1861 гг.)» в г. Орле. 2014, вып. 236, 313–320.
- Энговатова А. В., Добровольская М. В., Зайцева Г. И.* «Кремлевская диета» древнерусского города (по изотопным данным). 2015, вып. 237, 80–90.
- Яблонский Л. Т.* Новые находки в «царском» кургане 1 могильника Филипповка 1 (предварительное сообщение). 2014, вып. 232, 3–8.
- Яблонский Л. Т.* Тридцатый курган могильника Филипповка 1. 2014, вып. 236, 87–90.
- Яворская Л. В.* Динамика заполнения костями животных культурных напластований центральной части болгарского городища как показатель интенсивности жизнедеятельности его обитателей. 2015, вып. 237, 239–251.
- Яганов А. В., Энговатова А. В.* Археологические находки белокаменного декора и их значение для реконструкции фасадов ярославского Успенского собора рубежа XV–XVI вв. 2014, вып. 236, 211–219.

Рис. 1. Стоянка Мухкай II, 2013 г.

A – разведочная граница и раскоп в пятой (нижней) пачке толщи стоянки;
B, *B* – стратиграфия культурных отложений на уровне 68–73 м (слои 128–129)

Рис. 1. Зарайская стоянка. Изображение бизона

1 – фотография в видимом свете; 2 – фото 1-1 после усиления цветового контраста; 3 – канал цветового тона фотографии 1-1; 4 – канал насыщенности фотографии 1-1; 5 – фотография в отраженных уф-лучах; 6 – фотография видимой люминесценции; 7 – карта нормалей; 8 – фотография в отраженных инфракрасных лучах

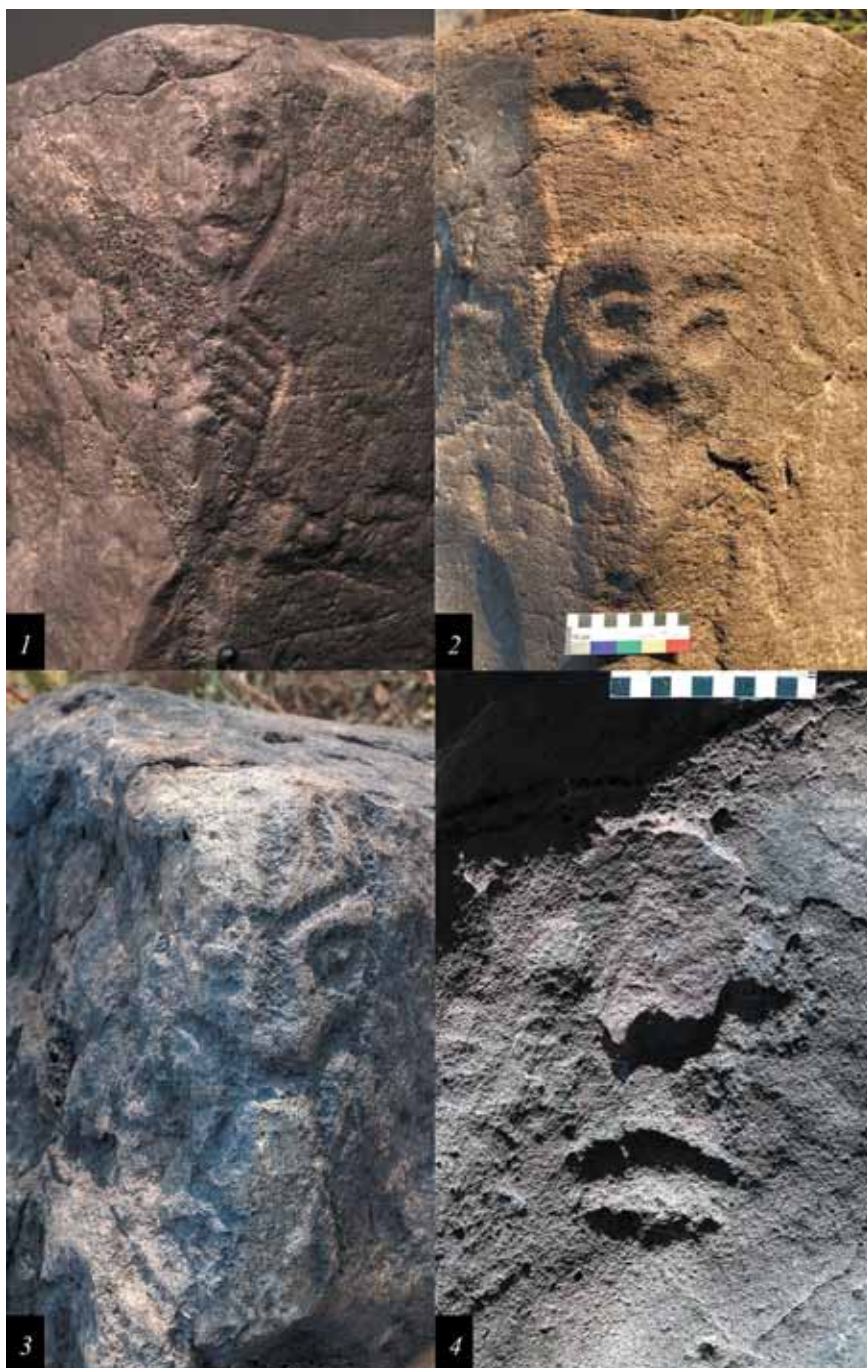

Рис. 1. Протома и личины, выполненные на схождении граней и плоскостей природных валунов. Петроглифы Амура (1–3) и Усури (4) (фото: 1 – Пахунова А. С.; 2–4 – Георгиевского И. Ю.)

Рис. 3. Рельефные личины: петроглифы Амура (1) и Британской Колумбии (2)
(фото: 1 – Георгиевский И. Ю; 2 – по: *Scala*, 2015. Р. 165)

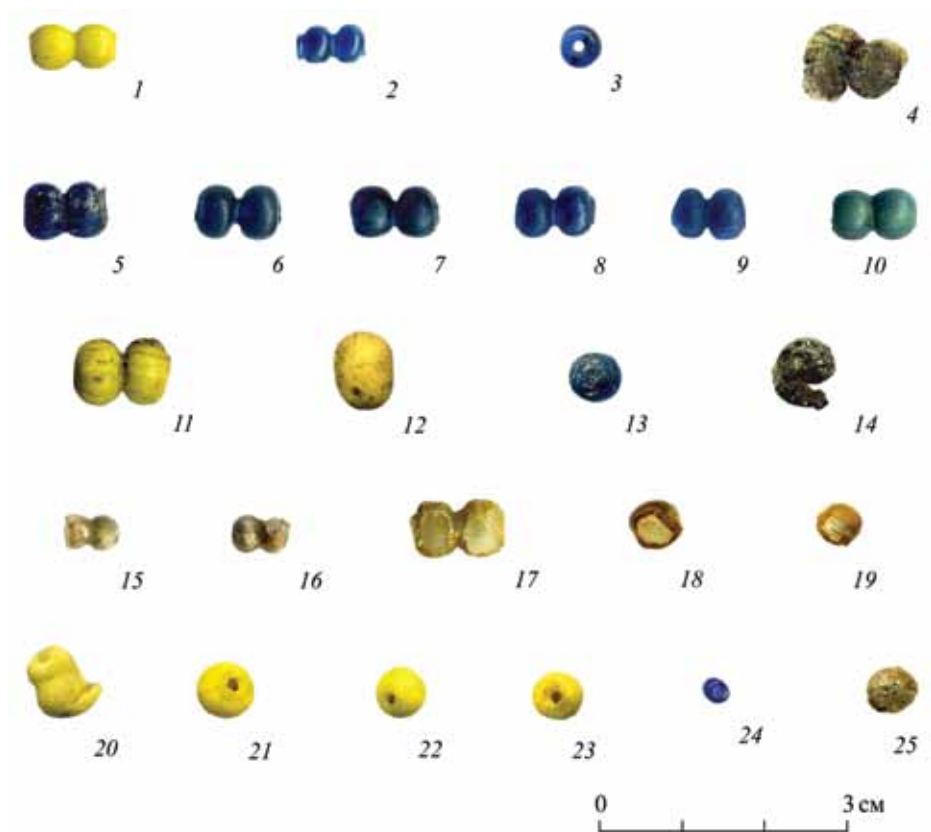

Рис. 4. Соколова Пустынь, могильник 2. Стекланные бусы

1–4 – бусы из погребения 6; 5–19 – бусы из скопления находок; 20–25 – бусы из слоя могильника

Рис. 3. Вид стены в шурфе 1 и Боголюбовского комплекса

Рис. 1. Матрицы из Старой Рязани (Северное городище. Раскоп 40)

А – находки 2015 г., Б – находки 2014 г.

Рис. 3. Находки из кургана 11

1 – фрагменты полый сферической бусины; 2, 3 – пряжки; 4–6 – наконечники ремней; 7, 8 – наконечники-подвески ремней; 9, 10 – наконечники стрел; 11 – навершие рукояти меча или кинжала; 12 – бусина; 13–15 – фрагменты гребня

1, 2, 11 – золото; 3 – бронза; 4–6 – серебро; 7, 8 – серебро, железо; 9, 10 – кость; 12 – горный хрусталь (?); 13–15 – кость, бронза

Рис. 3. Предметы из многокомпонентной латуни и перемешанного сплава (4, 55) из могильника Шекшово 9

(к с. 257)

Рис. 5. Предметы из перемешанного сплава из могильника Шекшово 9

Статья Вл. В. Седова, И. Н. Кузиной,
И. А. Сапрыкиной, Л. А. Пельгуновой (к с. 276)

Рис. 1. Перстень со стеклянной вставкой-геммой
из раскопок Пантелеймонова монастыря. Фото

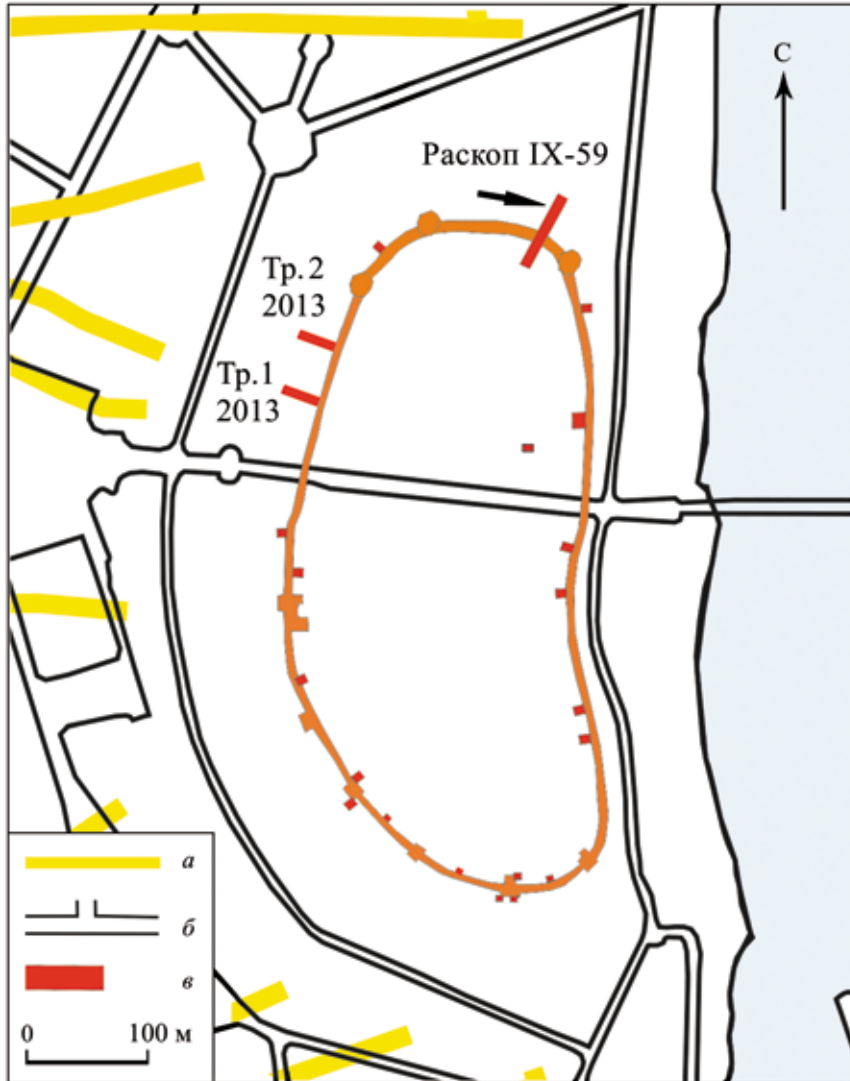
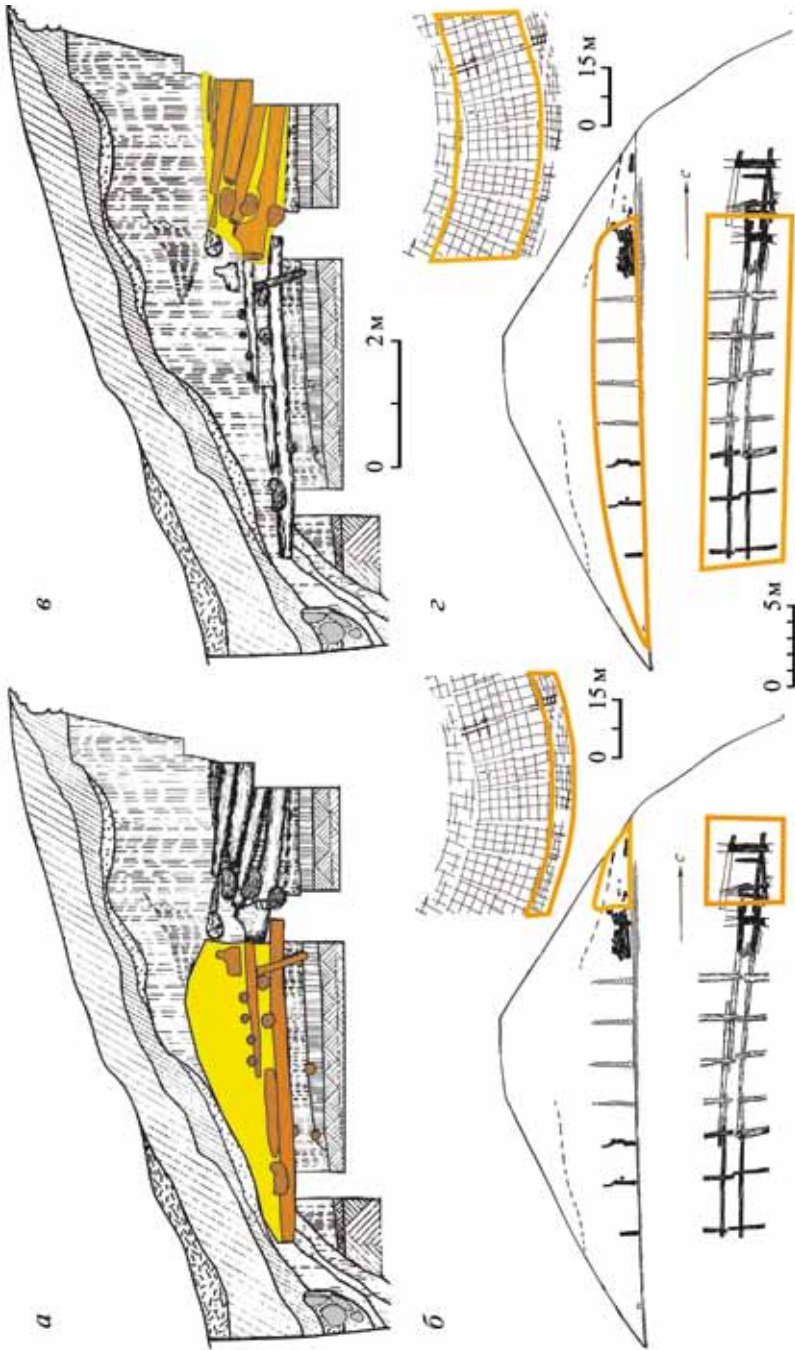

Рис. 1. Ситуационный план раскопа № IX-59 в северной части новгородского Детинца

Рис. 2. Великий Новгород. Детинец. Раскол IX-59 (по М. Х. Алешковскому (Алешковский, 1962. С. 7-9. Рис. 3, 5))
а – разрез по восточной стенке раскола IX-59. Стрелкой показан первый этап сооружения оборонительной стены; б – реконструкция поперечного разреза и плана городен оборонительной стены возле Владимирской башни. Стрелкой показан первый этап сооружения оборонительной стены; в – разрез по восточной стенке раскола IX-59. Стрелкой показан второй этап сооружения оборонительной стены; г – реконструкция поперечного разреза и плана городен оборонительной стены возле Владимирской башни. Стрелкой показан первый этап сооружения оборонительной стены

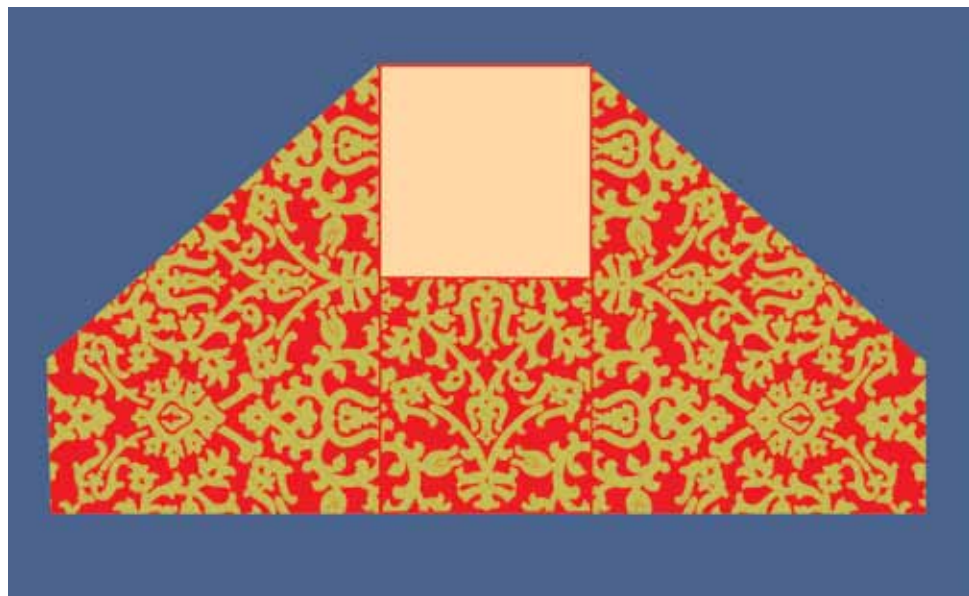
Рис. 2. Текстильные остатки в погребении. Фото

(к с. 325)

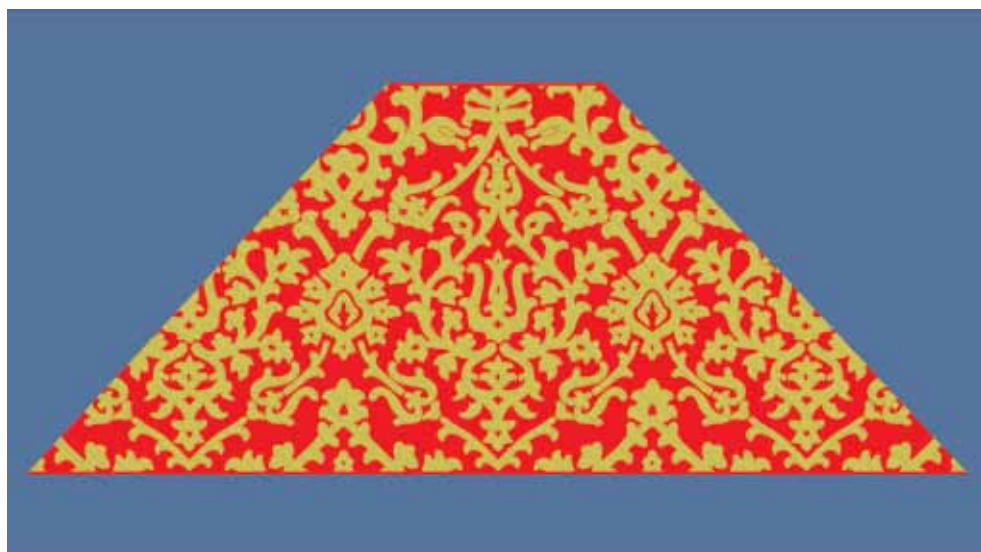

Рис. 3. Металлические предметы из погребения

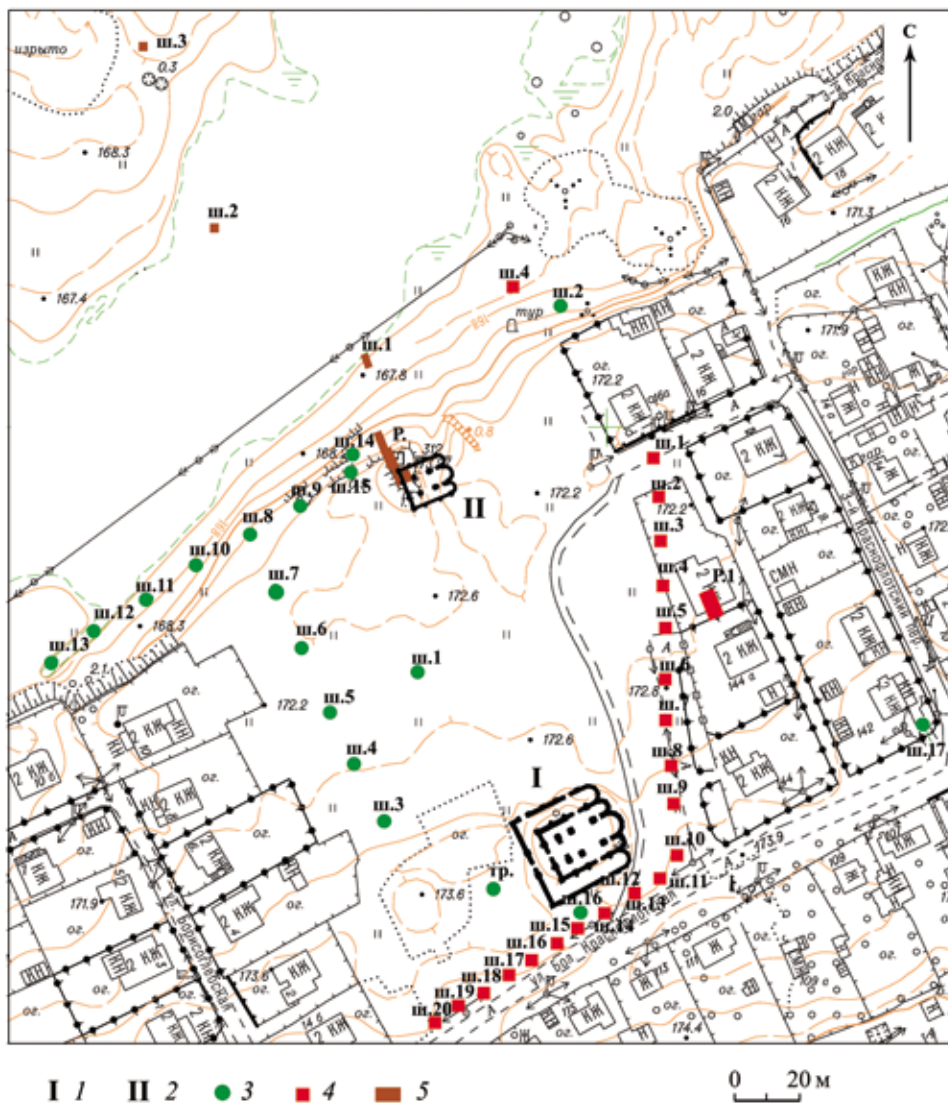
1 – пуговицы-гирьки медные позолоченные (?); 2 – крючки и петельки медные; 3 – крест нательный медный с эмалью; 4 – поясная железная пряжка

Рис. 4. Графическая реконструкция оплечья. Вид спереди

Рис. 5. Графическая реконструкция оплечья. Вид сзади

**Рис. 1. Смядынь. Территория Борисоглебского монастыря и прилегающий участок.
План с раскопами разных лет**

I – руины Борисоглебского храма; 2 – руины церкви Василия; 3 – условно локализованные раскопы Д. А. Авдусина 1958–59 гг.; 4 – раскопы Н. В. Сапожникова 1991, 1993 г.; 5 – раскопы Смоленской экспедиции 2014–2015 гг.

Р. – раскоп, тр. – траншея, ш. – шурф.

Стереотопографическая съемка 2009 г. Балтийская система высот. Сплошные горизонтали проведены через 1 метр

**Рис. 4. Шурф на северо-западном углу Васильевского храма.
Фото Н. А. Кренке 2015 г.**